ЭКСМО

Филип К. Дик

- Порвалась дней связующая нить
- Доктор Будущее
- Молот Вулкана
- Человек в Высоком замке

Человек в Высоком замке

THE MAN IN THE HIGH CASTLE

Человек в Высоком замке
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Киндред Дик. Человек в Высоком Замке
Порвалась дней связующая нить
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

Доктор Будущее
- 1
- 2
- 3
- 4

5
6
7
8
9
10
11
12
13
Молот Вулкана
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
Человек в Высоком Замке
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Комментарии к роману
1.«Ицзин»
2.Дао
3. Эпоха Токугава
4.Архетип
5.Ваби
6. Ву
7. Ом
8. «Бардо Тходол»
9
Литература

Аннотация

Второй том полного собрания произведений классика мировой фантастики Филипа К. Дика кроме других романов включает в себя одно из самых известных, едва ли не программных, сочинений писателя - роман «Человек в Высоком замке».

Содержание:

Порвалась дней связующая нить (роман, перевод М. Гутова), стр. 5-186

Доктор Будущее (роман, перевод Г. Корчагина), стр. 187-324

Молот Вулкана (роман, перевод В. Дубова), стр. 325-462

Человек в Высоком Замке (роман, перевод Г. Корчагина), стр. 463-699

Филип Киндред Дик
Человек в Высоком Замке

Порвалась дней связующая нить

Глава 1

Виктор Нильсон выкатил из подвала магазина тележку с зимним картофелем и направился к овощному отделу. Контейнер был почти пуст, и Вик принялся бросать в него клубни, осматривая каждый десятый на предмет трещин и гнили. Одна картофелина упала на пол; нагнувшись за ней, он увидел снизу кассовые аппараты, табачные и кондитерские прилавки, а дальше — широкие стеклянные двери и улицу. По тротуару шли прохожие, на проезжую часть со стоянки у магазина выехал, блеснув бампером, «фольксваген».

— Приезжала моя жена? — спросил Вик рослую кассиршу из Техаса по имени Лиз.

— Понятия не имею, — ответила Лиз, выбивая чек на два пакета молока и кусок постного мяса.

Преклонных лет покупатель полез в карман за кошельком.

— Я ее жду. Дай знать, если она появится.

Марго должна была отвезти их десятилетнего сына Сэмми к дантисту на рентген. Стоял апрель — время уплаты налогов, на счете почти ничего не оставалось, и Вик со страхом думал о результате рентгена.

Наконец он не выдержал и подошел к таксофону возле полки с консервированными супами, опустил десять центов и набрал номер.

— Алло, — ответила Марго.

— Съездили?

— Пришлось позвонить доктору Майлу и перенести визит, — затараторила Марго. — За завтраком я вспомнила, что сегодня мы с Анной Рубинштейн должны подавать петицию в комиссию по здравоохранению, ее сегодня же передадут выше: сейчас как раз заключаются контракты и от этого многое зависит.

— Какую петицию? — спросил Вик.

— Надо заставить городские власти очистить развалины — дети играют в них после школы. Это опасно. Там ржавая проволока, треснувшие цементные плиты и…

— А по почте ее нельзя отправить? — перебил он, испытывая тайное облегчение. Бог даст, зуб у Сэмми до следующего месяца не выпадет. — Так ты за мной приедешь?

— Не знаю, — сказала Марго. — Послушай, дорогой, у нас сейчас полная гостиная женщин, мы обсуждаем последние пункты петиции. Если я не смогу забрать тебя, то позвоню в пять или чуть позже. Хорошо?

Повесив трубку, он подошел к кассе. Покупателей не было, и Лиз закурила сигарету. Она доброжелательно ему улыбнулась, отчего лицо ее словно засветилось.

— Как ваш мальчик?

— Отлично, — сказал Вик. — Небось рад, что они никуда не пошли.

— А мой дантист — чудный старикашка, — замурлыкала Лиз. — Ему, наверное, лет сто. Никогда не сделает больно. Чего–то там поковыряется — и готово.

Оттянув губу ярко–красным ногтем, она продемонстрировала золотое напыление на одном из верхних моляров. Вик наклонился посмотреть и поймал ее дыхание — сигаретный дым с корицей.

— Видишь? Вытащил за милую душу, и ничуть не больно. Ну ничуть!

«Интересно, что сказала бы Марго, войди она сейчас через автоматическую дверь? Заглядываю Лиз в рот: новое эротическое действо, еще не описанное Кинси».

К полудню магазин совсем опустел. А ведь обычно покупатели сплошным потоком двигались мимо касс. Сокращение штатов, решил Вик. В феврале было пять миллионов безработных.

Начинает сказываться и на нас. Подойдя к дверям, он некоторое время разглядывал прохожих. Так и есть. Людей меньше, чем обычно. Все сидят по домам и подсчитывают сбережения.

— В этом году дела идут туго, — сказал он Лиз.

— А тебе–то что? — ответила она. — Ты не владелец магазина, просто тут служишь, как и все мы. Значит, и заботы меньше.

Какая–то покупательница принялась выкладывать продукты у аппарата, Лиз выбивала чеки, продолжая через плечо говорить с Виком.

— В любом случае я не верю, что наступит упадок. Все это выдумки демократов. Ужас как надоело, когда они пытаются изобразить экономический хаос…

— А ты не демократка? — перебил Вик. — Ты же с Юга.

— Теперь уже нет — с тех пор как приехала сюда. Это республиканский штат, и я республиканка.

Кассовый аппарат заурчал и звякнул, выдвинулся ящичек с деньгами.

Реклама закусочной «Американский обед» на другой стороне напоминала Вику о дневной чашечке кофе. Пожалуй, самое время. Повернувшись к Лиз, он сказал:

— Я буду минут через десять. Продержишься?

— Ну конечно, — весело откликнулась девушка, выдавая сдачу. — Сходи, а потом и я выберусь, надо кое–что купить.

Держа руки в карманах, Вик вышел из магазина и остановился на тротуаре, ожидая просвета в потоке машин. Он никогда не переходил дорогу на перекрестке — только посреди улицы: считал это делом чести и мужского достоинства.

В кафе Вик уселся за столик, рассеянно помешивая свой кофе.

— Мертвый день, — сказал, подсаживаясь к нему, Джек Барнс, продавец обуви из «Мужских моделей» Самуэля.

Джек, как всегда, выглядел несчастным, словно целый день жарился и потел на солнце в своей нейлоновой рубашке и брюках.

— Наверное, это погода, — продолжал он. — Еще несколько хороших весенних дней, и все кинутся покупать теннисные ракетки и походные примуса.

В кармане у Вика лежал последний буклет из клуба «Книга месяца». Они с Марго вступили в клуб несколько лет назад, когда выплатили взнос за дом и переехали в район, где подобные вещи очень ценились.

Вытащив брошюру, он развернул ее на столе так, чтобы видно было Джеку. Продавец обуви не проявил никакого интереса.

— Вступай в клуб книголюбов, — предложил Вик. — Расширяй кругозор.

— Я читаю книги, — ответил Джек.

— Ну да. В мягкой обложке, ты покупаешь их в аптеке Бекера.

— Стране нужна наука, а не романы, — заметил Джек. — Ты сам прекрасно знаешь, что в этих клубах расхваливают секс–книжонки про то, как в маленьких городишках людей насилуют и режут, а ты сидишь по уши в грязи. Не скажу, чтобы это шло на пользу американской науке.

— Клуб «Книга месяца» распространял и «Историю» Тойнби, — сказал Вик. — Это стоит почитать. — Книга досталась ему в качестве премии, и, хотя он не добрался до конца, было ясно, что это серьезный труд, который стоит иметь в своей библиотеке. — Как бы ни были плохи некоторые книги, — продолжал он, — они не хуже этих подростковых секс–фильмов или картин про поиски наркотиков.

Шевеля губами, Джек прочел названия лучших книг месяца.

— Исторический роман, — произнес он. — Про

Юг времен Гражданской войны… Вечно навязывают какую–то муть! Интересно, как эти старухи, члены клуба, не устают без конца читать одно и то же.

Вик еще не успел толком просмотреть брошюру.

— Мне не всегда достается то, что у них есть, — объяснил он.

Книга месяца называлась «Хижина дяди Тома». Об авторе он никогда раньше не слышал: Гарриет Бичер–Стоу. В брошюре книгу расхваливали за смелое разоблачение работорговли в довоенном Кентукки. Правдивый документ об ужасном обращении с несчастными черными девочками.

— Эка! — воскликнул Джек. — Слушай, это, пожалуй, по мне!

— По аннотациям судить нельзя, — отозвался Вик. — Все книги тех лет рекламируются одинаково.

— Точно, — подтвердил Джек. — Вообще у людей не осталось ничего святого. Ты сравни–ка довоенное с нынешним: все по–другому. До Второй мировой не было этой нечестности, преступности, всяческих мерзостей и наркотиков. Подростки громят автомобили, на дорогах ужас что творится, а водородные бомбы… и еще

— цены на кофе. Кошмар! Кому только идет награбленное?

На эту тему они поспорили. День тянулся медленно, сонно, ничего или почти ничего не происходило.

***

В пять Марго Нильсон схватила плащ, ключи от машины и выскочила из дома. Сэмми нигде не было видно. Где–то играет, но искать его времени нет, надо спешить, иначе Вик решит, что она не заедет, и пойдет на автобус. Марго снова вбежала в дом. В гостиной ее брат оторвался от банки с пивом и пробормотал:

— Уже вернулась?

— Я не уезжала. Не могу найти Сэмми. Ты присмотришь за ним, пока меня не будет?

— Конечно, — сказал Рэгл. Но лицо его было настолько измученным, что Марго тут же передумала уезжать.

Он властно смотрел на нее красными воспаленными глазами; галстука на нем не было, рукава рубашки засучены, рука с банкой пива дрожала.

Вся комната была завалена бумагами и графиками, они образовывали большой круг, в центре которого находился Рэгл. Казалось, ему никогда не выбраться из этих завалов.

— Не забудь, мне надо успеть на почту к шести, — жестко проговорил он.

Перед Рэглом покосившейся шелестящей кипой громоздились папки. Он годами собирал материал. Справочники, карты, графики и все ответы, которые он посылал раньше, месяц за месяцем… Он всеми способами сокращал варианты так, чтобы их можно было изучать. Прибор последовательной развертки, по его словам, уже разработан; на темном фоне всех возможных вариантов яркой точкой высвечивались правильные ответы. Устройство позволяло пропускать варианты один за другим, при этом точка пульсировала: вспыхивала и пропадала, металась вверх и вниз, и в этом движении Рэгл находил определенную закономерность. Марго не улавливала здесь ничего. Поэтому, наверное, Рэгл и побеждал. Она несколько раз участвовала в конкурсе, но безуспешно.

— Как идут дела? — спросила Марго.

— Мне удалось определиться по времени. В четыре часа дня. Теперь осталось, — он поморщился, — узнать место.

К длинной фанерной доске над столом была приколота сегодняшняя заявка на официальном бланке, присылаемом газетой. Сотни крошечных

квадратиков, каждый пронумерован и учтен. Рэгл уже поставил отметку в графе времени. Графа 344, Марго видела воткнутую красную иголку. Оставалось место. Очевидно, это было труднее.

— Отключись ты на несколько дней, — не выдержала она. — Отдохни. Последние два месяца ты явно перерабатываешь.

— Если отключусь, — сказал Рэгл, поскрипывая вечным пером, — то потеряю все свои преимущества, потеряю, — он пожал плечами, — все, что завоевал, начиная с пятнадцатого января.

Он просчитывал на логарифмической линейке точку пересечения линий.

Каждый заполненный им бланк становился, в свою очередь, информацией для картотеки. Таким образом, пояснял Рэгл сестре, с каждым разом у него возрастали шансы на правильный ответ. Чем дольше продолжался конкурс, тем легче для него. Но ей казалось, что он с каждым разом мучается все сильнее. «Почему?» — спросила она однажды.

— Потому, что я не могу допустить проигрыша, — объяснил он. — С каждым правильным ответом мой вклад увеличивается.

Конкурс продолжался; временами Рэгл не успевал подсчитывать выигрыши.

Он всегда побеждал. Нашел хорошее применение своему таланту. Все началось с шутки, попытки сорвать пару долларов за удачную догадку. Шутка превратилась в ежедневный приработок, а потом — в непосильную ношу, которую уже не бросить.

«Наверное, они этого и добиваются, — подумала Марго. — Им главное — тебя втянуть, а там, может быть, и жизни не хватит, чтобы набрать нужное количество очков».

Однако Рэгл набрал, и «Газетт» регулярно платила ему за правильные ответы. Кажется, получалось не меньше сотни долларов в неделю. Жить во всяком случае было можно. Но он трудился так напряженно… гораздо, между прочим, напряженнее, чем на обычной работе. С восьми утра, когда газету бросали на крыльцо, и до девяти или десяти вечера. Непрерывный поиск. Совершенствование методов. И самое главное — постоянный страх ошибки. За неправильный ответ сразу же дисквалифицировали.

Рано или поздно это все равно случится.

— Принести кофе? — спросила Марго. — Могу, пока не ушла, приготовить сэндвич или еще что–нибудь. Я же знаю, что ты ничего не ел.

Не отрываясь от работы, Рэгл кивнул.

Положив плащ и сумочку, она направилась к холодильнику. Пока доставала тарелки, распахнулась дверь и появились Сэмми с соседской собакой, оба взъерошенные и запыхавшиеся.

— Услышал, как хлопнул холодильник? — спросила Марго.

— Я правда хочу есть! — воскликнул Сэмми. — Можно, я возьму холодную котлету? Не надо ее разогревать, съем как есть. Так даже лучше!

— Иди садись в машину, — велела мать. — Сейчас я сделаю сэндвич дяде Рэглу, и мы едем в магазин за папой. И выгони немедленно этого пса, он здесь не живет!

— Ладно, — вздохнул Сэмми. — В магазине наверняка найдется что поесть.

Марго услышала, как за ним и собакой захлопнулась дверь.

— Я нашла Сэмми, — сообщила она Рэглу, внося сэндвичи и яблочный сок. — Так что можешь о нем не волноваться, я беру его с собой в город.

Рэгл взял сэндвич и произнес:

— Может, лучше мне было бы играть на скачках?

— Ты бы там ничего не выиграл, — рассмеялась Марго.

— Пожалуй.

Он машинально начал есть, но к яблочному соку не притронулся. Вместо него приложился к банке с пивом, которую нянчил уже целый час.

«Как он может делать такие сложные вычисления под теплое пиво? — успела подумать Марго. И выбежала к машине с плащом в руке. — Видно, привык. В армии накачивался теплым пивом через день».

Целых два года Рэгл и его напарник обслуживали метеостанцию и радиопередатчик на крошечном атолле в Тихом океане.

К концу дня движение, как всегда, оживилось. Но «фольксваген» проскакивал во все щели, и это ей нравилось. Большие и неуклюжие машины напоминали увязших в песке земляных черепах.

«Самое удачное наше вложение, — подумала Марго. — Небольшая иностранная машина. И совершенно не изнашивается: эти немцы делают все так аккуратно. Вот только сцепление не довели до ума, каждые пятнадцать тысяч миль… Собственно, ничего идеального не бывает, во всяком случае в наш век — с водородными бомбами, Россией и растущими ценами».

Прижавшись к окну, Сэмми хныкал:

— Ну почему мы не можем купить такой «мерс»? Почему мы должны ездить на этом жуке?

Разозлившись на сына, Марго сказала:

— Послушайте, юноша! Вы ничего не понимаете в машинах. Вам пока не приходится за них платить, ездить по этому чертову городу, а главное — приводить в порядок. Так что держите свои замечания при себе.

Насупившись, Сэмми буркнул:

— Она все равно что детская.

— Скажи об этом своему отцу, когда приедем в магазин.

— Боюсь, — признался Сэмми.

Забыв включить мигалку, Марго повернула налево, и огромный автобус ей резко просигналил. Черт бы взял эти автобусы! Перед самым магазином она перешла на вторую передачу, заехала на тротуар и мимо огромной неоновой рекламы «СУПЕРМАРКЕТ «ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ»» въехала на автостоянку.

— Приехали. Надеюсь, мы его не пропустили.

— Давай выйдем, — запросился Сэмми.

— Нет, — отрезала мать. — Подождем здесь.

В магазине кассиры заканчивали обслуживать длинную разношерстную очередь, многие покупатели толкали перед собой корзины из нержавеющей стали. Автоматические двери без конца открывались и закрывались. Со стоянки

отъезжали автомобили.

Мимо них скользнул роскошный ярко–красный «такер».

Они уставились ему вслед.

— Этой женщине можно позавидовать, — пробормотала Марго. «Такер» был так же удобен и прост, как их «фольксваген», и в то же время отличался благородством форм. Конечно, это слишком большая машина, чтобы быть практичной. Тем не менее…

Может быть, на следующий год, подумала Марго. Когда придет время продать «фольксваген». Правда, их нет смысла продавать — служат вечно. И если продавать, то с выгодой. Во всяком случае, свои деньги всегда можно вернуть.

Красный «такер» влился в дорожный поток.

— Ух! — выдохнул Сэмми.

Марго не сказала ничего.

Глава 2

Этим же вечером в семь тридцать Рэгл Гамм выглянул в окно гостиной и заметил, что соседи по фамилии Блэк пробираются в темноте по тропинке, явно намереваясь нанести визит. В свете уличного фонаря было видно, что Джуни Блэк тащит какую–то картонную коробку. Он застонал.

— Что случилось? — спросила Марго. Она и Вик смотрели в комнате по телевизору Сида Цезаря.

— Гости, — произнес Рэгл, вставая. Одновременно раздался звонок в дверь. — Соседи, — пояснил он. — Притворяться, что нас нет, бессмысленно.

— Может, они сами уйдут, когда увидят, что мы смотрим телевизор? — сказал Вик.

Блэки, в стремлении забраться на следующую ветвь социального древа, открыто выражали свое негодование по поводу телевидения. У них вызывало отвращение все, что появлялось на экране, — от бетховенского «Фиделио» в исполнении Венского оперного театра до клоунов. Однажды Вик высказал предположение, что, если бы о втором пришествии Христа объявили по телевизору, Блэки не сдвинулись бы с места.

На это Рэгл заметил, что первым сигналом

о начале Третьей мировой войны, о взрывах водородных бомб будут погасшие экраны телевизоров. А Блэки либо вообще ничего не заметят, либо посмеются. Закон выживания, сказал Рэгл. Те, кто не научится реагировать на новые раздражители, погибнут. Приспособиться либо исчезнуть… извечный выбор.

— Я открою, раз уж вам обоим лень пошевелиться. — Марго поднялась с дивана и поспешила к парадной двери. — Привет! — Рэгл услышал ее восклицание: — А что это? Что это? Ой, горячее!

Донесся молодой, уверенный голос Билла Блэка:

— Это ласэнь. Поставь горячую воду…

— Я приготовлю кофе по–итальянски, — заявила Джуни, проходя на кухню с коробкой итальянской еды в руках.

Черт, подумал Рэгл. Поработать уже не удастся. Почему они прутся сюда со своими новинками, когда им вздумается? Неужели никого больше не знают?

На этой неделе кофе по–итальянски. На прошлой — ласэнь. Сегодня и то и другое. Наверное, хорошее сочетание, хотя крепкий и горький итальянский кофе казался ему пережаренным.

Появился Билл Блэк и дружелюбно бросил:

— Привет, Рэгл, привет, Вик!

На нем, как всегда, был его повседневный костюм — высокий воротничок на пуговицах, узкие брюки и… и, конечно, его прическа. Безмодельная стрижка, которая сразу же напоминала Рэглу об армейских парикмахерах. А может, старательные молодые служаки вроде Билла Блэка просто стремились подчеркнуть свою принадлежность к огромному чиновничьему механизму.

Билл, например, работал в муниципалитете, в отделе водоснабжения. Каждый божий день пешком, не на машине, он бодро шагал по улице, в своем однобортном костюме напоминая зерно фасоли: настолько бессмысленно и неестественно тесными были пиджак и брюки. И такими же старомодными. Понаблюдать за тем, как Билл Блэк вышагивает возле дома утром и вечером, было все равно что посмотреть старое кино. Впечатление усиливала слишком быстрая, подпрыгивающая походка Билла. У него даже голос такой, подумал Рэгл. Торопливый, слишком громкий. Резкий.

Но своего он добьется, это Рэгл признавал. Странно устроен мир: таких старательных бобров, не отягощенных мыслями и подражающих начальнику вплоть до узла на галстуке и царапи-

ны на подбородке, всегда замечают. Продвигают. Выдвигают. В банках, страховых бюро, крупных электрических фирмах, ракетостроительных компаниях, университетах. Рэглу доводилось таких видеть — лаборантов на кафедрах, читающих какой–нибудь заумный курс вроде обзора христианских еретических сект V века и одновременно лезущих из кожи, мостя себе дорогу наверх. Некоторые из них готовы собственных жен выставить в качестве приманки для начальства…

И все же Билл Блэк чем–то нравился сорокашестилетнему Рэглу. Парню было не больше двадцати пяти, он рационально, житейски мудро смотрел на вещи. Учился, познавал новое и осмысливал его. С ним можно было поговорить, он не имел застывшего свода моральных ценностей и добродетелей. Живо реагировал на происходящее.

Например, думал Рэгл, если бы телевидение признали в высших кругах, Билл Блэк на следующее утро поставил бы себе цветной телевизор. И в этом что–то есть. Не надо называть его «невосприимчивым» только потому, что он не хочет смотреть Сида Цезаря. Когда начнут кидать водородные бомбы, погасшие экраны никого не спасут. Мы все погибнем.

— Как дела, Рэгл? — спросил Билл Блэк, садясь на диван.

Марго с Джуни ушли на кухню. Вик хмурился, разозленный помехой, — по телевизору показывали последнюю сцену между Цезарем и Карлом Рейнером, и он тщетно пытался на нее настроиться.

— Прилип к ящику для идиотов. — Рэгл улыбнулся Блэку, пародируя его стиль.

Блэк, однако, отнесся к его словам серьезно.

— Великое прошлое нации, — произнес он, усаживаясь так, чтобы не видеть экрана. — Полагаю, это должно мешать тебе в работе.

— Я уже управился, — ответил Рэгл. Сегодня он заполнил форму к шести.

Сцена кончилась, пошел коммерческий ролик, и Вик приглушил телевизор. Теперь его злость обрушилась на рекламу.

— Дурацкие объявления! — заворчал он. — Почему–то на рекламе звук всегда громче, чем обычно. Постоянно приходится убавлять.

— Рекламу, как правило, передают местные станции, — объяснил Рэгл, — а программа принимается с Востока, через ретранслятор.

— Тут только один выход… — сказал Блэк.

— Билл, — перебил его Рэгл, — почему ты но-

сишь такие до смешного тесные брюки?

Блэк улыбнулся:

— Ты что, никогда не заглядываешь в «Ньюйоркер»? Не я их выдумал. И не я отвечаю за мужскую моду, так что не с меня спрос. А мода всегда потешна.

— Но ты вовсе не обязан их поощрять, — возразил Рэгл.

— Когда приходится работать с людьми, — ответил Блэк, — себе не принадлежишь. Носишь то, что принято носить. Разве не так, Виктор? Ты работаешь с людьми, ты со мной согласишься.

— Вот уже десять лет как я ношу обычную белую рубашку и шерстяные брюки, — сказал Вик. — Очень удобно для работы.

— Ты еще носишь фартук, — заметил Блэк.

— Только когда вожусь с салатом.

— Кстати, — поинтересовался Блэк, — как идет розничная торговля? По–прежнему туго?

— Идет помаленьку, — ответил Вик. — Хотя и не так, как хотелось бы. Мы полагаем, что где–то через месяц дела наладятся. Это же цикл. Зависит от сезона.

Рэгл сразу же почувствовал перемену в тоне зятя; как только речь заходила о бизнесе, его бизнесе, Вик начинал говорить профессионально,

сдержанно и тактично. Бизнес никогда не прекращался совсем и всегда был на грани улучшения. Как бы низко ни опускался индекс деловой активности по стране, на частное предпринимательство это почти не влияло. Спрашивать про бизнес — все равно что спрашивать про здоровье, подумал Рэгл. В любом случае ответят «нормально». И даже если скажут «ужасно» или «улучшается» — это все равно пустые фразы.

Обращаясь к Биллу, Рэгл спросил:

— А как розничная продажа питьевой воды? Держите рынок?

— Да, люди продолжают купаться и мыть посуду.

В гостиную заглянула Марго:

— Рэгл, ты будешь итальянский кофе? А ты, дорогой?

— Я не буду, — сказал Рэгл. — Свой кофе я выпил за обедом. В сон меня не клонит.

— А я выпью чашечку, — ответил Вик.

— Ласэнь? — спросила Марго всех троих.

— Нет, спасибо, — отказался Рэгл.

— Можно немного — Вик кивнул, и Билл Блэк кивнул вместе с ним. — Тебе помочь?

— Нет, — сказала Марго и удалилась.

— Не очень увлекайся итальянской едой, — по-

советовал Рэгл Вику, — слишком калорийная. Сплошная мука да специи. А ты знаешь, что это значит.

— Да, — вступил Блэк, — ты начинаешь округляться, Виктор.

— Чего еще ожидать от птички, устроившейся в кормушке, — пошутил Рэгл.

Вик, похоже, разозлился. Уставившись на Рэгла, он сказал:

— Во всяком случае, это настоящая работа.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рэгл, хотя прекрасно понял, о чем речь.

За работу Вика полагался твердый оклад, на нее надо уходить утром, а приходить вечером. Не то что у него: целыми днями просиживать дома в гостиной и возиться с вырезками из газеты. «Как ребенок», — однажды сказал Вик, когда они поссорились.

— Я не стыжусь работать в магазине, — ответил Вик.

— Ты не это имел в виду, — сказал Рэгл. По непонятным ему самому причинам он получал удовольствие от подобных нападок на свое участие в объявленном «Газетт» конкурсе. Может быть, чувствовал себя виноватым в бестолковой растрате времени и сил, а может, даже втайне

желал, чтобы его порицали. Ведь лучше упреки со стороны, чем точащий изнутри червь сомнения.

Приятно подстегивало то, что своими ежедневными отгадками он зарабатывал больше, чем Вик, гнувший спину в супермаркете. При этом ему не надо ездить в центр на автобусе.

Подойдя к Рэглу, Билл Блэк наклонился, пододвинул стул и, развернув номер «Газетт», доверительно спросил:

— Ты видел это, Рэгл?

На почтительно раскрытой перед Рэглом четырнадцатой странице помещался ряд фотографий мужчин и женщин. В центре было фото Рэгла Гамма, а под ним подпись:

> Постоянный победитель конкурса
> «Где теперь появится Зеленый человечек?»
> Знаменитый РЭГЛ ГАММ.
> Чемпион страны в течение двух лет.
> Такое не удавалось никому.

Остальные изображенные на четырнадцатой странице были меньшими знаменитостями. В конкурсе участвовала вся страна. Ни одной местной газете такие расходы были не под силу, и многие печатные издания выступали спонсора-

ми затеи. Платить приходилось (однажды Рэгл не поленился подсчитать) больше, чем во времена «Старого золота» — знаменитого конкурса середины тридцатых годов, больше, чем в никогда не прекращающемся конкурсе оксидолового мыла. Очевидно, это в какой–то мере поддерживало подписку. В наше время, когда средний человек предпочитает разглядывать комиксы и смотреть телевизор…

«Становлюсь похожим на Билла Блэка, — подумал Рэгл. — Нападаю на телевизор. А ведь это в некотором смысле история нации. Подумать только, в скольких домах люди сидят сейчас перед экранами и говорят: «Что случилось с этой страной? Почему так низко упал уровень образования? Морали? Почему вместо прелестной Джанет Макдональд и Нельсона Эдди, от которых все были без ума, крутят этот бесконечный рок–н–ролл?»»

Сидящий рядом Билл Блэк по–прежнему держал газету раскрытой и постукивал пальцем по фотографии. Очевидно, она произвела на него впечатление. Шутка ли! Старина Рэгл Гамм попал в газету! Его знают от побережья до побережья. Жить рядом со знаменитостью!

— Слушай, Рэгл, — сказал Блэк, — ведь ты

имеешь неплохие деньги на этом Зеленом человечке. — В голосе слышалась откровенная зависть. — Посидел пару часов — недельный заработок в кармане.

— Ну да, нашел тепленькое местечко, — иронично бросил Рэгл.

— Нет, я знаю, как много ты работаешь, — заверил Блэк, — но это творческая работа, ты сам себе хозяин. Ее даже нельзя назвать работой в том смысле, что надо сидеть где–нибудь в конторе за столом…

— Я сижу за столом, — вставил Рэгл.

— Но, — не унимался Блэк, — у тебя это все–таки как хобби. Я без всякого пренебрежения, Рэгл. Зачастую люди отдают своему хобби больше сил, чем основной работе. Да я по себе знаю: когда вожусь в гараже с электропилой, с меня пот градом… Однако здесь есть разница. — Он повернулся к Вику: — Ты понимаешь, о чем я. Рэглу не скучно. Это, как я сказал, творчество.

— Никогда об этом не думал, — признался Вик.

— Значит, ты не считаешь, что Рэгл занят творческой работой? — настаивал на ответе Блэк.

— Нет. Необязательно.

— Как же ты тогда ее назовешь, раз он сам определяет свою жизнь?

— Мне кажется, — ответил Вик, — что Рэгл просто умеет угадывать. Вот и все.

— Угадывать! — вспыхнул Рэгл. — И ты можешь так говорить, каждый день видя мои вычисления? Как я прорабатываю все предыдущие варианты?

Для Рэгла конкурс меньше всего был угадыванием. Угадывать — значит положить перед собой бланк с задачей и ткнуть наудачу в любой из квадратиков. А потом выписать ответ и отослать. И ждать результата.

— Ты же не угадываешь, заполняя налоговую декларацию? — Это было любимое сравнение Рэгла, когда речь заходила о конкурсе. — Только всем это приходится делать раз в год, а мне каждый день. — Повернувшись к Биллу Блэку, он добавил: — Вот представь, что тебе надо ежедневно подавать новую декларацию. Ты просматриваешь все счета, все карточки, все записи, а их тонны, — и так каждый день. Никакого угадывания. Все абсолютно точно. Цифры. Сложение и вычитание. Графики.

Наступило молчание.

— Но тебе это нравится? — спросил наконец Блэк.

— Наверное, — ответил Рэгл.

— Может, научишь меня?

— Нет.

Этот вопрос возникал уже не в первый раз.

— Я не собираюсь соревноваться с тобой. Рэгл рассмеялся.

— Просто время от времени смогу зашибить несколько долларов, — продолжил Блэк. — Ну вот, например, мне надо поставить стенку на заднем дворе, чтобы с улицы не затекала грязь. Материал обойдется долларов в шестьдесят. Предположим, я побеждаю… сколько раз? Четыре?

— Четыре, — подтвердил Рэгл. — Получишь двадцать долларов, и твое имя попадет в список. Тогда начнешь состязаться уже всерьез.

— Будешь соперничать с самим Чарлзом Ван Дореном газетных конкурсов, — вставил Вик.

— Для меня это комплимент, — сказал Рэгл. Но враждебность в голосе зятя испортила ему настроение.

***

С ласэнью разделались мгновенно. После замечаний Билла Блэка и Рэгла Вик чувствовал себя обязанным съесть как можно больше. Марго окинула его критическим взглядом.

— Когда готовлю я, ты так никогда не ешь.

Теперь Вик и сам чувствовал, что перебрал.

— Было очень вкусно, — заявил он бодро.

— Может, — хихикнула Джуни Блэк, — ему стоит пожить у нас? — Ее нахальное миниатюрное личико приняло знакомое многозначительное выражение, что могло только разозлить Марго.

Для женщины в очках Джуни Блэк выглядит потрясающе развращенной, подумал Вик. Пожалуй, она даже привлекательна, хотя ему не нравились ее толстые черные косы. А вообще, его к ней никогда не тянуло. Он не любил маленьких, темноволосых, активных женщин, начинающих приставать к чужим мужьям после первого глотка шерри. Особенно если при этом они так хихикали.

А вот его зять, если верить Марго, на нее клюнул. И Рэгл, и Джуни проводят дома целый день, так что у них масса лишнего времени. И в этом нет ничего хорошего, постоянно подчеркивала Марго. Когда мужчина целый день торчит дома, в то время как все остальные на работе, а вокруг по соседству остаются одни женщины…

— По правде говоря, — признался Билл Блэк, — это не Джуни готовила. Мы все купили по дороге домой. Есть одно местечко на Плам–стрит.

— Понятно, — протянула Марго. — Что ж, очень вкусно.

Джуни Блэк, не смутившись, рассмеялась.

После того как женщины убрали со стола, Билл предложил сыграть пару партий в покер. Они немного поспорили, затем появились фишки, колода карт, и наконец все уселись за игру. По центу за фишку, без козырей.

Так проходили два вечера в неделю. Никто не мог вспомнить, с чего все началось. Кажется, начало положили женщины, так как больше всех любили играть Марго и Джуни.

В разгар игры появился Сэмми.

— Пап, — сказал он, — можно, я тебе что–то покажу?

— А я думал, куда ты подевался? Целый день тихо… Ну что там у тебя?

Вик закончил кон и теперь мог поговорить. Скорее всего, сын просто хотел посоветоваться.

— Только не кричи, — предупредила Марго. — Видишь, мы играем в карты.

Напряженное выражение лица и дрожь в голосе выдавали хороший расклад.

— Пап, я не знаю, как подключить антенну, — сказал Сэмми, поставив рядом с фишками Вика металлическую раму с проводами и сопротивлениями.

— Что это? — озадаченно спросил Вик.

— Детекторный приемник.

— Что значит «детекторный приемник»?

— Это я его научил, — сказал Рэгл. — Как–то раз я рассказывал про Вторую мировую войну, и речь зашла о точке, где я служил.

— Радио, — повторила Марго. — Разве это современно?

— Так вот эта штука, — вмешалась Джуни Блэк, — и есть радио?

— Очень примитивное, — ответил Рэгл. — Примерно так выглядела первая модель.

— А его не ударит током? — встревожилась Марго. — Это не опасно?

— Исключено, — заверил Рэгл. — Здесь нет напряжения.

— Ну–ка, взглянем, — сказал Вик. Он повертел металлическую раму, искренне желая что–либо понять и помочь сыну. Суровая правда состояла в том, что в электронике он совершенно не смыслил, и это было очевидно. — Что ж, — проговорил он неуверенно, — наверное, где–то короткое замыкание.

— А помните, — воскликнула Джуни, — какие радиопередачи мы слушали до войны? «Дорога жизни»… А мыльные оперы? «Веселый Мартин»!

— «Веселая Марлин», — поправила Марго. —

Это было… страшно сказать… двадцать лет назад!

Напевая под нос мотив из «Веселой Марлин», Джуни раздала карты.

— А я иногда скучаю без радио, — призналась она.

— У тебя есть радио плюс изображение, — сказал Билл Блэк. — Радио — всего–навсего звуковая часть телевидения.

— Что ты будешь ловить своим детекторным приемником? — спросил сына Вик. — Разве еще остались радиостанции?

Он был уверен, что все радиостанции уже несколько лет как свернули работу.

— Вероятно, удастся принимать переговоры кораблей с берегом, — сказал Рэгл. — Инструкции на посадку самолетов.

— Полицейские вызовы! — выкрикнул Сэмми.

— Правильно, — кивнул Рэгл. — В полиции до сих пор используется радиосвязь между машинами. — Протянув руку, он взял у Вика приемник. — Я попозже посмотрю эту схему, Сэмми. А сейчас у меня слишком хорошие карты. Как насчет завтра?

— Может, — предположила Джуни, — Сэмми будет ловить переговоры летающих тарелок.

— Ну да, — кивнула Марго. — Нужно только настроить приемник.

— Летающих тарелок не бывает, — пробормотал Билл Блэк, изучая карты.

— Прямо–таки! — язвительно откликнулась Джуни. — Сколько людей их уже видели. И ты не веришь документальным свидетельствам?

— Метеозонды, — сказал Билл Блэк. Вик с ним согласился, и Рэгл тоже кивнул. — Метеоры, — продолжил Блэк. — Атмосферные явления.

— Вот именно, — подтвердил Рэгл.

— А я читала, что некоторым доводилось в них летать, — произнесла Марго.

Все рассмеялись, кроме Джуни.

— Правда, — настаивала Марго. — И по телевизору говорили.

— Я готов признать, — сказал Вик, — что существуют весьма странные типы шаров.

Он вспомнил собственный случай. Прошлым летом во время поездки за город ему довелось увидеть, как яркий предмет пронесся по небу со скоростью, недоступной даже для реактивного самолета. Он вообще больше походил на ракету. В одно мгновение перечеркнул все небо и скрылся за горизонтом… А иногда по ночам слышится гул, словно тяжелые самолеты пролетают на малой

высоте. При этом дрожат стекла, так что предположение Марго насчет шумов в голове нелепо. Она вычитала в медицинском журнале, что при высоком давлении бывают шумы в голове, и теперь настаивала, чтобы Вик сходил к доктору провериться.

Он отдал недоделанный приемник сыну и взял со стола карты.

— Мы установим этот приемник в качестве официального клубного оборудования, — важно сообщил Сэмми. — Закроем его в помещении клуба, и пользоваться им смогут только имеющие особый допуск.

На заднем дворе объединенные стадным инстинктом соседские ребятишки соорудили из досок и обломков ящиков прочное, хотя и весьма уродливое строение. Теперь несколько раз в неделю там устраивались торжественные сборы.

— Прекрасно, — сказал Вик, глядя в карты.

— Если он говорит «прекрасно», — заметил Рэгл, — значит, у него ничего нет.

— Я тоже обратила внимание, — согласилась Джуни. — А если он бросает карты и отходит от стола, значит, у него четыре одной масти.

Вику, кстати, действительно очень хотелось отойти от стола; ласэнь и итальянский кофе не

пошли впрок: он уже поел до прихода гостей, и теперь все в желудке перемешалось и бурлило.

— Может, у меня и правда четыре одинаковых… — сказал он.

— Ты очень бледен, — заметила Марго. И добавила, обращаясь к Рэглу: — А вдруг у него в самом деле что–то есть?

— Похоже на азиатский грипп, — пробормотал Вик. Отодвинув стул, он поднялся. — Сейчас вернусь. Только приму что–нибудь от живота.

— О боже! — воскликнула Джуни. — Он действительно переел. Ты была права, Марго!.. Если он умрет, это будет на нашей совести.

— Не надейтесь, — буркнул Вик. — Что мне выпить? — спросил он у жены, которая отвечала в доме за все, в том числе и за лекарства.

— Там в ванной есть аптечка, выпей драмамина, — ответила Марго, не отрываясь от карт.

— Слушай, ты же не станешь пить транквилизаторы при расстройстве желудка? — встревожился Билл Блэк, когда Вик направился к дверям. — Это, пожалуй, слишком.

— Драмамин не транквилизатор, — пробубнил Вик, — а успокоительное.

— Это одно и то же, — донесся до него голос Блэка.

— Черта с два, — простонал Вик, мучаясь от боли. Он протянул руку, пытаясь нащупать шнур выключателя.

— Поторопись, дорогой! — крикнула ему Марго. — Сколько тебе карт? Мы хотим играть, ты нас задерживаешь.

— Ладно, — пробормотал он, все еще пытаясь включить свет. — Оставьте мне три карты. Те, что сверху.

— Ну нет! — крикнул Рэгл. — Давай возвращайся и бери сам. А то скажешь, что мы их подменили.

Вик все еще не мог найти шнур выключателя, который болтался где–то в темноте ванной комнаты. Тошнота и раздражение нарастали, он принялся лихорадочно шарить в пустоте, растопырив пальцы и описывая круги руками. Ударился головой об угол аптечки и выругался.

— У тебя все в порядке? — спросила Марго. — Что там происходит?

— Не могу нащупать шнур!

Вик едва сдерживал ярость. Теперь ему хотелось принять таблетку и поскорее вернуться к игре. Есть же у некоторых вещей такое свойство бесследно исчезать… Вдруг до него дошло, что в ванной никогда не было выключателя со шнуром.

Был самый обычный настенный выключатель на уровне плеча у самой двери. Вик сразу же нашел его, включил свет и взял с полки баночку с таблетками. Потом принял одну, запил водой и поспешил в гостиную.

«Почему я начал искать этот шнур? — думал Вик. — Вполне конкретный шнур, в определенном месте. Я ведь не шарил наугад, как если бы оказался в незнакомой комнате. Я ловил шнур выключателя, который дергал много раз. Столько, что успел закрепиться условный рефлекс».

— Случалось с кем–нибудь такое? — спросил он, усаживаясь за стол.

— Играем, — сказала Марго.

Вик взял три новые карты, сделал ставку, проиграл, после чего откинулся в кресле и закурил. Джуни Блэк собрала выигрыш с обычной своей затаенной улыбкой.

— Что случилось? — спросил Билл Блэк.

— Искал выключатель, которого никогда там не было.

— А я думала, чем ты занимался столько времени? — съязвила раздраженная проигрышем Марго.

— Где я мог привыкнуть к выключателю на шнуре? — спросил ее Вик.

— Вот уж не знаю.

Он прокручивал в сознании все выключатели, какие только мог вспомнить. Дома, в магазине, у друзей. И все были кнопочные.

— Сейчас выключателей со шнуром почти не осталось, — сказал он вслух. — Они вышли из моды.

— Очень просто, — объяснила Джуни. — Детские воспоминания. Много–много лет назад, в тридцатые годы, когда все жили в старомодных домах, которые, конечно, не были еще старомодными, ты, видно, и привык…

— Почему же это всплыло сейчас? — спросил Вик.

— Это любопытно, — заметил Билл Блэк, и Вик кивнул.

— А что? — начал Билл. Он интересовался психоанализом и частенько пересыпал речь фрейдистским жаргоном, уверенный, что это первый признак культурности. — Вызванное стрессом возвращение в детство. Ты плохо себя чувствуешь. Подсознательное напряжение свидетельствует о внутреннем заболевании. Очень часто на период болезни взрослые превращаются в детей.

— Какая чушь, — пробормотал Вик.

— Просто где–то есть выключатель, который ты не можешь вспомнить, — предположила Джуни. — На какой–нибудь заправке, куда ты гонял свой старый «додж», съедавший так много бензина. Или еще где–нибудь — в прачечной или в баре, то есть в любом месте, где ты бываешь пару раз в неделю.

— Меня это тревожит, — сказал Вик. Теперь ему не хотелось играть в покер, и он отсел подальше от стола.

— Тебе нехорошо? — поинтересовалась Марго.

— Выживу, — буркнул Вик.

У всех, похоже, пропал интерес к случившемуся. Кроме, может быть, Рэгла. Он смотрел на Вика с непонятным любопытством, словно хотел расспросить о чем–то еще, но по непонятным причинам себя сдерживал.

— Давайте играть, — не выдержала Джуни. — Кто сдает?

Билл Блэк взял карты. В блюдце посыпались монеты. В соседней комнате звучала по телевизору танцевальная музыка, экран был затемнен.

Наверху в своей комнате Сэмми трудился над детекторным приемником.

В доме было тепло и спокойно.

«Что же не так? — не мог успокоиться Вик. — С

чем я столкнулся там, в ванной? И какое место мне никак не удается вспомнить?»

Глава 3

Бреясь перед зеркалом в ванной, Рэгл Гамм услышал, как на крыльцо бросили утреннюю газету. Судорога свела руку, он едва не порезался и быстро опустил бритву. Потом глубоко вздохнул, на мгновение прикрыл глаза и продолжил бритье.

— Ты скоро? — крикнула сестра из–за закрытой двери.

— Да. — Рэгл умылся, освежил лицо лосьоном, вытер шею и руки и открыл дверь. Взору предстала Марго в халате, тут же прошедшая в ванную.

— Кажется, принесли твою газету, — сказала она через плечо, закрывая дверь. — Мне надо отвезти Вика в магазин, вытолкай Сэмми на крыльцо, ладно? Он на кухне.

Плеск воды заглушил ее голос.

В спальне Рэгл надел рубашку, потом придирчиво осмотрел свои галстуки, выбрал шерстяной, темно–зеленый, повязал его, надел пиджак и только после этого произнес:

— Теперь газета.

Но прежде чем выйти за ней, принялся перебирать блокноты, карты, папки и графики, при-

способления для просмотра данных на экране… Сегодня, начав с этого, он отсрочил встречу с газетой на одиннадцать минут. Рэгл приготовил стол в прохладной и влажной после ночи гостиной. Пахло сигаретами. Наконец он подошел к парадной двери и распахнул ее.

Там, на цементном крыльце, свернутая трубочкой и схваченная резинкой, лежала «Газетт».

Рэгл поднял ее и сдернул резинку.

Несколько минут он просматривал новости на первой странице. Прочел о состоянии здоровья президента Эйзенхауэра, о национальной задолженности, о проделках хитрых лидеров Ближнего Востока. Затем сложил и перевернул газету и прочел страницу юмора. Потом письма в редакцию.

Пока он читал, Сэмми протиснулся мимо и выскочил на улицу.

— Пока! — крикнул мальчик. — Увидимся вечером!

— Давай, — машинально ответил Рэгл.

Потом с ключами от машины в руке появилась Марго. Отперла дверцу и скользнула внутрь, завела мотор. Пока он прогревался, Марго протерла запотевшие стекла. Утро выдалось свежим. По улице семенили в сторону школы дети. Проезжа-

ли машины.

— Я забыл про Сэмми, — сказал Рэгл, когда Вик вышел на крыльцо. — Он, кажется, двинул своим ходом.

— Не волнуйся, — ответил зять. — Смотри не перетрудись над конкурсом.

С переброшенным через руку пиджаком Вик спустился к машине. Спустя мгновение Марго включила передачу, и они с ревом понеслись по прохладной улице к центру.

До чего же шумные эти маленькие машины, подумал Рэгл.

Он оставался на крыльце и упорно читал газету, пока холодный утренний воздух не загнал его в комнату.

***

Шестнадцатую страницу, на которой печатался бланк конкурса «Где теперь появится Зеленый человечек?», открывать не хотелось. Бланк занимал почти всю полосу, оставалось лишь немного места для разъяснения правил и условий конкурса и для информации о предыдущих победителях. Помещался также список оставшихся участников конкурса; их имена были набраны самым мелким в газете шрифтом. Имя Рэгла, само собой, печатали крупным. В отдельном оформлении.

Каждый день он видел его в одном и том же месте. Остальные имена, внизу, менялись, не задерживаясь в сознании.

Каждый день газета давала к очередному заданию примерный набор ключей. Рэгл всегда их прочитывал как разминку перед решением основной задачи. А она состояла, как всегда, в угадывании одного из 1208 квадратиков, напечатанных на бланке.

Никакой пользы от предлагаемых к заданию ключей не было, тем не менее Рэгл полагал, что косвенная информация в них все–таки заложена, и взял за правило все запоминать, надеясь, что это воздействует на его подсознание.

«Глоток ласточки, огромный, как миля». Наверное, тут дело в потоке ассоциаций… Рэгл позволил зашифрованному сообщению улечься в сознании, погрузиться в его глубины. Освободить рефлексы, или как это называется… Глоток предполагает еду. А ласточка, конечно, полет. А разве полет не символизирует секс? Ласточки, кстати, всегда возвращаются в Капистрано, это в Калифорнии. Вся фраза почему–то напомнила ему пословицу «Птичка по зернышку клюет и сыта бывает». Тогда почему «огромный, как миля»? Кто у нас огромный? Кит? Большой синий кит.

Заработали ассоциации? Может, кто–то летит над водой в Калифорнию? Потом Рэгл подумал об арке и голубке. Оливковая ветвь. Греция. Значит, это имеет отношение к кухне. Потому что все греки занялись ресторанами. Снова еда. И голуби, кстати, деликатес для гурмана.

«Колокольчик звонит динь–динь!» Ерунда, конечно. Что–то тут есть гомосексуальное. «Колокольчик», «динь–динь». Или Джон Донн: «По ком звонит колокол?» Есть еще книга Хемингуэя. К тому же в колокольчик часто звонят, когда подают чай. Позвоните, пусть принесут чаю!.. Серебряный колокольчик. Цель! Цель — Капистрано, куда возвращаются ласточки. Подходит.

Пока он размышлял над ключами, возле дома раздались чьи–то шаги. Отложив газету, Рэгл проскользнул к окну в гостиной.

У крыльца стоял высокий, стройный, средних лет человек в твидовом костюме и с сигарой в зубах. Выглядел он весьма респектабельно, как министр, священник или налоговый инспектор. Под мышкой он держал папку. Рэгл узнал его. Это был человек из «Газетт», он уже приходил несколько раз: иногда приносил чек, который обычно Рэгл получал по почте, или выяснял какие–либо неясности в ответах. Рэгл растерялся:

что привело Ловери на сей раз?

Не торопясь, гость поднялся по ступенькам и позвонил.

Колокольчик, подумал Рэгл. Посланник. Может, ключ в газете должен был подсказать, что придет Ловери?

— Добрый день, мистер Ловери, — улыбнулся он, распахивая дверь.

— Здравствуйте, мистер Гамм! — Ловери сиял радостью, ничего напускного или сулящего дурные вести в его поведении не было.

— Что–нибудь случилось?

При необходимости Рэгл умел жертвовать приличиями.

Ловери перекатил во рту сигару, взглянул на него и сказал:

— Занес пару чеков. В газете решили, что вам будет приятно, если я принесу их на дом. А мне все равно в эту сторону.

Он обвел взглядом гостиную.

— Кроме того, хотел кое–что у вас спросить. Просто удостовериться. Насчет ваших вчерашних ответов.

— Я послал шесть, — сказал Рэгл.

— Да, мы все получили, но… — Ловери подмигнул, — вы же не указали их порядок.

Открыв папку, он выложил все шесть бланков, уже сфотографированных и уменьшенных до удобных размеров. Вручив Рэглу карандаш, Ловери продолжил:

— Я знаю, это всего лишь недосмотр с вашей стороны… но нам надо, чтобы вы их пронумеровали.

— Черт побери! — выдохнул Рэгл. Неужели в спешке?.. Он быстро проставил цифры от одного до шести. — Вот, — сказал он, возвращая бланки.

Какая досадная оплошность! Когда–нибудь она может стоить ему победы в конкурсе.

Ловери сел, взял бланк, помеченный цифрой 1, и изучал его довольно долго.

— Правильно? — не выдержал Рэгл, хотя понимал, что Ловери не может знать ответа. Бланки отсылались в штаб–квартиру конкурса в Нью–Йорк или Чикаго, где и происходило самое главное.

— Ну, — откликнулся Ловери, — время покажет. Но вы именно этот ответ считаете номером первым? Основным вариантом?

— Да, — кивнул Рэгл.

Между ним и организаторами конкурса существовало негласное соглашение, по которому ему позволялось представлять несколько вари-

антов ответов на ежедневные задания. Вплоть до десяти, но Рэгл обязан был пронумеровать их в порядке предпочтения. Если номер первый оказывался неверным, его просто уничтожали, как будто его и не было, правильным считался номер второй — и так далее, до конца. Обычно он был настолько уверен, что ограничивался тремя или четырьмя вариантами. Конечно, в газете предпочитали, чтобы вариантов было меньше. Кроме Рэгла, насколько ему было известно, никто не пользовался подобными привилегиями. Цель же была очевидна: не дать ему выйти из игры.

Они сами это предложили после того, как Рэгл ошибся на несколько клеток в выборе правильного квадрата. Обычно его ответы ложились очень кучно, но иногда он не мог выбрать между довольно далеко отстоящими квадратами. В таких случаях приходилось рисковать, и порой интуиция его подводила. Когда Рэгл чувствовал, что решение укладывается в определенную область, он не волновался. Тот или иной из его ответов оказывался правильным. За два с половиной года он ошибся восемь раз. То есть восемь раз ни один из его ответов не был верен. Однако организаторы позволили ему продолжать. В правилах было оговорено, что Рэгл мог как бы «занимать»

из прошлых правильных ответов. Ошибаться разрешалось один раз из тридцати. Так все и шло. С помощью подобных уловок он оставался постоянным участником конкурса. Никто, кроме организаторов, не знал об ошибках Рэгла Гамма. Это была тайна — его и конкурса. И никто не был заинтересован в ее раскрытии.

Теперь популярность всего мероприятия во многом зависела от Рэгла. Почему публике хочется, чтобы побеждал один и тот же человек, Рэгл не понимал. Ведь он побеждал за счет других участников. Очевидно, тут уже проявлялись законы общественного сознания. Его имя узнавали. Ему так и объяснили: людям нравится видеть знакомые имена, они не любят перемен. Действует закон инерции. Пока имени Рэгла не было в списке, он никому не был нужен. Теперь оно появилось — и дело пошло своим ходом. На Рэгла Гамма работает статическая сила. Мощное давление инертных масс направлено сейчас в его сторону. Он «попал в струю», как сказал бы Билл Блэк.

Ловери сидел, скрестив ноги, курил и хмурился.

— Вы еще не смотрели сегодняшнюю загадку?

— Нет, — ответил Рэгл. — Только ключи. Они

что–нибудь означают?

— Не буквально.

— Это понятно. Я спрашиваю, означают ли они что–нибудь вообще? По виду или по форме? Или все для того, чтобы убедить нас, что кто–то наверху знает ответ?

— К чему это вы? — несколько раздраженно спросил Ловери.

— У меня есть теория, — сказал Рэгл. — Не очень серьезная, но весьма забавная. Правильного ответа, возможно, не существует.

Ловери удивленно поднял брови:

— На каком же тогда основании один ответ объявляют верным, а остальные — ошибочными?

— Может быть, вы просматриваете варианты и выбираете тот, который вам нравится. Эстетически.

— Судите о нас со своих позиций?

— Со своих позиций?

— Ну да, — подтвердил Ловери. — Вы работаете с эстетической, а не с рациональной точки зрения. Вот вы придумали сканеры. Просматриваете ответ во времени и в пространстве. Пытаетесь заполнить пробел. Завершить образуемый рисунок. Предугадать следующую линию. Это не рациональный, не интеллектуальный процесс.

Так работают, ну… гончары. Нет, я ничего не имею против. Как вам это удается — ваше дело. Во всяком случае, ничьими подсказками вы не пользуетесь. Сомневаюсь, чтобы вы вообще хоть раз разобрались в смысле этих ключей. Иначе бы не задавали таких вопросов.

«Нет, — подумал Рэгл. — Вашими намеками я никогда не пользовался».

Собственно говоря, ему и в голову не приходило, что кто–либо всерьез пытается извлечь из ключей конкретную информацию. Вроде того, чтобы соединить первые буквы каждого третьего слова, прибавить десять и получить номер нужного квадрата. При этой мысли он засмеялся.

— Вы смеетесь? — спросил Ловери очень серьезно. — Зря, на кон поставлены большие деньги.

— Я просто подумал о Билле Блэке.

— Кто это?

— Сосед. Просит научить его угадывать.

— Если вы используете эстетический подход…

— …то это невозможно, — закончил Рэгл. — Биллу не повезло. Поэтому я и смеюсь. Он будет разочарован, а ему так хочется перехватить парочку долларов.

С ноткой негодования Ловери произнес:

— Вас не волнует, что ваш талант нельзя

передать? Что вы работаете не осознанным рациональным методом, а скорее… — Он пытался найти нужное слово. — Бог его знает. Во всяком случае, от удачи ваши результаты не зависят.

— Рад, что есть люди, которые это понимают.

— Да разве можно поверить в то, что вы день за днем просто угадываете? Смешно. Шансы ничтожны. Все равно что найти бобы на Бетельгейзе.

— Бетельгейзе?

— Это далекая звезда. Я образно говорю. В любом случае мы понимаем, что об отгадывании речь идти не может. Разве что на последней стадии, когда остается выбрать между двумя или тремя квадратами.

— Тогда я бросаю монету, — согласился Рэгл.

— Но когда… — задумчиво проговорил Ловери, потирая подбородок и покачивая сигарой, — когда встает вопрос о двух или трех квадратиках из тысячи, это уже не играет роли. На этой стадии угадать может любой из нас.

Рэгл не возражал.

***

В гараже своего дома Джуни Блэк присела перед стиральной машиной, запихивая в нее белье. Цементный пол под босыми ногами был

холодным. Она поежилась, встала и засыпала в машину стиральный порошок. Потом прикрыла стеклянную дверцу и нажала кнопку. Белье за стеклом завертелось. Джуни взглянула на часы и вышла из гаража.

— Ой! — вздрогнула она, чуть не столкнувшись с Рэглом.

— А я подумал — дай–ка загляну, — сказал он. — Сестра занялась глажкой, весь дом провонял жженым крахмалом. Знаешь, как будто в старый нефтяной бак накидали утиных перьев и битых пластинок, перемешали и подожгли.

Джуни заметила, что краем глаза он следит за ее реакцией. Густые, соломенного цвета брови сошлись на переносице, а огромные плечи сгорбились, когда он стиснул руки. При свете дня казалось, что Рэгл густо загорел. Джуни вдруг стало интересно, как у него это получается: она сколько ни загорала, никогда так не выглядела.

— Что это на тебе? — спросил Рэгл.

— Джинсы.

— Штаны, — уточнил он. — Было время, я мучился над вопросом, почему мне так нравятся женщины в штанах, но потом сказал себе: а почему бы, черт побери, и нет?

— Спасибо, — улыбнулась Джуни. — Это ком-

плимент?

— Ты вообще неплохо смотришься, — продолжал Рэгл. — Особенно босая. Знаешь, как в фильмах, где героиня шлепает по песчаным дюнам, воздев руки к небу.

— Ладно, как сегодняшний конкурс?

Он пожал плечами. Было видно, что об этом говорить ему не хочется.

— Вот, решил прогуляться немного.

Рэгл снова искоса взглянул на нее. Конечно, это был просто знак внимания, но Джуни всегда в такие минуты казалось, что у нее расстегнулась пуговица; так и подмывало украдкой осмотреть свой наряд. За исключением босых ног и полоски кожи между рубашкой и джинсами, все было нормально.

— Открытая талия, — сказала она.

— Ну да, я вижу.

— Ничего? — У нее это звучало как шутка.

— Слушай, — почти резко перебил Рэгл. — Я думал, может, ты не откажешься сходить искупаться? День хороший, тепло.

— У меня столько дел по дому, — ответила Джуни. Но было видно, что предложение пришлось ей по душе.

В северной части города, где начинались ди-

кие холмы, находился парк, а в нем игровые площадки и бассейн. В основном там проводили время дети, иногда — взрослые, временами наведывались подростковые шайки. Джуни нравилось бывать в подобных местах, она сама лишь несколько лет назад закончила школу, и переходный период давался ей нелегко. Она все еще относила себя к удалым компаниям, шокирующим благопристойную публику гремящими радиолами: девочки в свитерах и носочках, мальчики в джинсах и тоже в кашемировых свитерах…

— Возьми купальник, — сказал Рэгл.

— Ладно, — кивнула Джуни, — на часок можно, но потом мне надо вернуться… А Марго не видела, что ты зашел сюда? — Она уже поняла, что потрепаться Марго любит.

— Нет. — Рэгл покачал головой. — Она занята своей глажкой. И ничего вокруг не замечает.

Джуни выключила стиральную машину, взяла пляжные вещи, и вскоре они с Рэглом уже ехали по городу в сторону парка.

Рядом с Рэглом было спокойно. Джуни всегда привлекали большие и крепкие мужчины, особенно те, что постарше. Рэгл идеально соответствовал ее запросам. Не говоря уж о его

жизненном опыте: участие в боевых действиях на Тихом океане, общенациональная известность благодаря газетному конкурсу! Ей нравилось его резкое, суровое, иссеченное глубокими морщинами лицо настоящего мужчины, без признаков второго подбородка или одутловатости. Волосы Рэгл никогда не расчесывал, они лежали выгоревшей светлой копной. Причесывающиеся мужчины казались Джуни изнеженными маменькиными сынками. Билл, например, каждое утро полчаса укладывал волосы. Сейчас, слава богу, он подстригся и стал меньше времени тратить на туалет. Ей было противно прикасаться к стриженым волосам — все равно что трогать зубную щетку. К тому же Билл просто создан был для своего узкого пиджака, казалось, у него напрочь отсутствовали плечи. Единственный вид спорта, которым когда–либо занимался Билл, был теннис, от чего Джуни просто тошнило. Мужчина в шортиках, носочках и теннисных тапочках! Студенту колледжа это еще простительно. Билл действительно учился в колледже, когда они познакомились.

— Тебе не бывает одиноко? — спросила она Рэгла.

— А?

— Ты ведь не женат. — Большинство ее одноклассников были уже женаты, все, кроме самых неисправимых. — Я понимаю, здорово жить с сестрой и зятем, но разве тебе не хочется иметь собственный дом и жену?

Джуни сделала ударение на слове «жена». Подумав, Рэгл сказал:

— Рано или поздно так оно все и будет. Проблема в том, что я лодырь.

— Лодырь, — повторила она, подумав о деньгах, которые он заработал на конкурсе. Один бог знает, сколько там уже набежало.

— Я вообще не люблю постоянства, — объяснил Рэгл. — Наверное, я стал кочевником на войне. Да и раньше наша семья то и дело переезжала. Отец с матерью разошлись. Так что у меня глубоко личное неприятие стабильности… Просто боюсь оказаться ограниченным домом, семьей и детишками. Шлепанцы и трубка.

— Ну и что?

— Я ведь уже прошел через все это. Когда был женат.

— О! — заинтересованно воскликнула Джуни. — И когда же это было?

— Сто лет назад, — сказал Рэгл. — Еще до войны. Мне едва исполнилось тогда двадцать. Позна-

комился с девушкой, секретаршей из фирмы по перевозкам. Родители — поляки. Очень красивая, живая и сообразительная. Только вот слишком много у нее было претензий. Ей хотелось пробиться в то общество, где дают вечера в саду. Жареное мясо в собственном патио.

— Не вижу ничего плохого. — Джуни пожала плечами. — Это естественно — стремиться к изящной жизни.

Она переняла это выражение из подписного журнала «Как украсить свой сад и дом».

— Ну вот, а я — лодырь, — проворчал Рэгл, давая понять, что тема исчерпана.

Начались холмы. Иногда приходилось в прямом смысле слова карабкаться. Дома были окружены просторными лужайками с террасами из цветов и поражали размерами и роскошью — дома богатых людей. Улицы совершенно не походили одна на другую. Временами попадались густые рощицы. А в конце Олимпик–драйв начинался настоящий лес.

— Хотела бы я здесь жить, — мечтательно произнесла Джуни.

«Во всяком случае, лучше, — подумала она, — чем наши типовые домики без фундамента. И крыши здесь не сносит первым же порывом

ветра».

Высоко в небе между облаков быстро двигалась серебристая точка. Спустя мгновение донесся слабый, приглушенный гул.

— Реактивный, — сказала Джуни.

Рэгл замер на тротуаре и, прикрыв рукой глаза, вглядывался в небо.

— Смотришь, не русский ли это бомбардировщик? — озорным тоном спросила она.

— Хотел бы я знать, что там вообще происходит.

— Интересно, чем занят Господь?

— Нет, Господь тут ни при чем. Я имею в виду всю эту муть, что летает туда–сюда.

— Помнишь, Вик рассказывал вчера, как искал в ванной шнур от выключателя? — спросила Джуни.

— Помню, — выдохнул Рэгл, карабкаясь по склону.

— Я над этим задумалась. Со мной такого не случалось.

— Ну и хорошо.

— Кроме одного раза. Однажды я вышла подмести перед крыльцом. И тут в доме зазвонил телефон. Было это около года назад. А я как раз ждала звонка. — Позвонить должен был

одноклассник, но эту деталь Джуни решила опустить. — Ну вот, я бросила щетку и помчалась в дом. Ты же знаешь, что у нас на крыльце две ступеньки?

— Да, — ответил Рэгл, внимательно на нее взглянув.

— Я побежала. И сделала три шага. То есть я думала, что там еще одна ступенька. Нет, я, конечно, не произносила про себя: вот, мол, мне надо подняться на три ступеньки…

— Ты хочешь сказать, что машинально сделала три шага?

— Да…

— Упала?

— Нет. Вот если бы их было три, а я решила, что две, тогда бы я шлепнулась и выбила зубы. А тут — странное ощущение. Пытаешься сделать лишний шаг, а нога проваливается — хлоп!

Джуни замолчала. Каждый раз когда приходилось что–нибудь объяснять, она терялась и путалась.

— Хм, — произнес Рэгл.

— Вик имел в виду что–то подобное?

— Хм, — снова промычал Рэгл, и она оставила эту тему. Было видно, что он не намерен ее обсуждать.

Джуни легла на спину, вытянулась в теплых лучах солнца и закрыла глаза. Она захватила с собой похожее на полотенце одеяло в бело–голубую полоску, на котором сейчас и лежала. Ее черный шерстяной купальник — трусики и лифчик — напоминал Рэглу о прошлом: машины с откидными сиденьями, футбольные матчи и оркестр Глена Миллера. Смешные радиолы из фанеры и дерева, которые они таскали на пляж. Торчащие из песка бутылки из–под кока–колы, длинноволосые блондинки, упирающиеся локтями в песок, как на рекламе «Когда–то я была пугалом».

Он предавался воспоминаниям, пока Джуни не открыла глаза. Как всегда в его присутствии, она была без очков.

— Привет!

— Ты очень привлекательная.

— Спасибо, — улыбнулась Джуни и снова закрыла глаза.

Привлекательная, думал он, хотя и не созревшая. Не то чтобы тупая или умственно отсталая — просто застрявшая на старшем школьном возрасте.

По траве пронеслась визжащая стайка мокрых насквозь ребятишек. В бассейне плескалась молодежь, причем отличить парней от девушек

можно было только по купальникам.

Неподалеку на обочине мороженщик развернул свою белую эмалевую тележку; позвякивали колокольчики, созывая детей.

Опять колокольчики, подумал Рэгл. Неужели ключ указывал на то, что я заберусь сюда с Джуни Блэк? С Джунией, как она любит себя называть, следуя испорченному вкусу.

Неужели я могу увлечься маленькой шлюшкой, вчерашней школьницей, выскочившей замуж за скромного трудягу и до сих пор предпочитающей банановый сок и всякую дрянь хорошему вину, доброму виски и даже крепкому темному пиву?

Великие умы, думал Рэгл, теряются при встрече с таким типом сознания. Единство и борьба противоположностей. Инь и ян. Старый доктор Фауст встречает подметающую дорожку крестьянку — и где все его книги, знания, философия?

В начале было Слово.

Или дело, если ты — Фауст.

Склонившись над спящей девушкой, Рэгл прошептал:

— Im Anfang war die Tat…

— Иди к черту, — пробормотала она.

— Ты хоть знаешь, что я сказал?

— Нет.

— И тебе не интересно?

Джуни с усилием открыла глаза и сказала:

— Слушай, все мои языковые познания — это два года испанского в школе. Так что не пудри мне мозги. — Нахмурившись, она повернулась на бок и отодвинулась.

— Это были стихи. Я хотел любить тебя.

Она откатилась назад и уставилась на него.

— Ты хочешь, чтобы я любил тебя? — спросил Рэгл.

— Надо подумать, — прошептала Джуни. — Нет, это у нас не пройдет. Билл или Марго накроют. Хлопот не оберешься, сколько будет неприятностей, тебя, чего доброго, еще попрут с конкурса.

— Все любят любовников. — С этими словами он склонился над ней, взял за горло и поцеловал в губы. Рот у нее оказался сухой и маленький. Девушка попыталась вырваться, и ему пришлось схватить ее за шею двумя руками.

— На помощь, — слабо выдохнула она.

— Я люблю тебя, — сказал Рэгл.

Джуни дико на него посмотрела, зрачки стали горячими и черными, словно она подумала… Бог знает, что она подумала. Может, и ничего. Получилось, как будто он поймал маленького дикого тонкорукого зверька. Зверек был весьма

подвижен, сопротивлялся и трепыхался под ним, его коготки впились ему в руку; но он не умел рассуждать, строить планы или смотреть в будущее. Если его отпустить — отскочит на несколько ярдов, оближет шкурку и все забудет. Страх пройдет, зверек успокоится и даже не вспомнит о случившемся.

«Могу поклясться, она каждый раз удивляется, когда в начале месяца приходит за платой почтальон, — подумал Рэгл. — Какие газеты? Какой почтальон? Почему два пятьдесят?»

— Хочешь, чтобы нас вышвырнули из парка? — прошипела Джуни ему в ухо. Ее лицо было прямо под ним — недовольное, сморщенное, сердитое.

Проходящая мимо пара заулыбалась.

Сознание девственницы, подумал Рэгл. Есть в ней что–то трогательное… наверное, способность забывать, позволяющая каждый раз обретать невинность. Как бы далеко ни заходили ее отношения с мужчинами, она остается прежней. Такой же, как и была. В свитере и туфлях–лодочках. Даже когда ей исполнится тридцать, тридцать пять, сорок. Она станет больше пользоваться косметикой, сделает другую прическу, может быть, сядет на диету. Но в остальном будет неизменной.

— Ты же не пьешь. — От жары и глупой ситуации ему страшно захотелось пива. — Сходим в бар?

— Нет, — отмахнулась она. — Я хочу загорать.

Он помог ей подняться. Она сразу же села, наклонилась, чтобы поправить тесемки и отряхнуть траву с колен.

— Что скажет Марго? — начала Джуни. — Она и так шпионит за нами, вынюхивает, что бы еще откопать.

— Марго, скорее всего, сочиняет свою петицию. Они хотят заставить городские власти расчистить руины.

— Достойное дело. По крайней мере, лучше, чем интересоваться чужой жизнью.

Джуни вытащила из сумки лосьон для загара и принялась втирать его в плечи, демонстративно не обращая на Рэгла внимания.

Он знал, что когда–нибудь своего добьется. Нужно только создать подходящую обстановку и настроение, а игра стоит свеч. Ради этого и поднапрячься не грех.

Ну и дурак же этот Блэк, сказал он себе.

Сразу за парком раскинулось неровное поле в бело–зеленых пятнах, глядя на которые Рэгл вспомнил Марго. Развалины. Отсюда их хорошо

видно. Бетонные фундаменты бывшего города. Бульдозер так и не сровнял их с землей. Сами жилые дома и прочие сооружения рассыпались много лет назад, оставив после себя потрескавшиеся, изломанные, пожелтевшие каменные блоки. Отсюда они неплохо смотрелись.

Видны были снующие в развалинах ребятишки. Любимое место для игр. Сэмми тоже частенько там пропадает. Подвалы стали пещерами. Склепами. Наверное, Марго права: рано или поздно кто–нибудь там задохнется или заразится столбняком, оцарапавшись ржавой проволокой.

«А мы сидим здесь, — думал Рэгл. — Загораем на солнышке. В то время как Марго пытается положить муниципалитет на лопатки, принести пользу обществу».

— Что ж, нам пора, — обратился он к Джуни. — Мне еще надо оформить ответ.

«Это моя работа, — иронически подумал он. — А Вик сейчас надсаживается в своем супермаркете, а Билл — в водоканале».

От таких мыслей еще больше захотелось пива. Когда под рукой банка пива, его ничто не может вывести из себя. И щемящее беспокойство ощущается не так остро.

— Слушай, — сказал Рэгл, поднимаясь, — я

пройдусь вверх по холму и взгляну, нет ли у них пива. Все может быть.

— Только оденься.

— Ты что–нибудь будешь? Безалкогольное пиво? Кока–колу?

— Нет, спасибо, — ответила Джуни подчеркнуто вежливо.

Пробираясь к киоску по заросшему травой склону, он думал о том, что рано или поздно ему придется столкнуться с Биллом Блэком. В схватке.

Трудно представить, как поведет себя Билл, когда узнает. Может, он из тех, кто без разговоров хватает охотничье ружье двадцать второго калибра и палит по ступившему на священные Елисейские поля, где, кроме него, смеет прогуливаться лишь сам Господь Бог.

Рэгл вышел на цементированную дорожку, вдоль которой стояли деревянные скамейки. На них отдыхали люди, в основном пожилые, — любовались склоном горы и бассейном внизу. Одна толстенькая старушка ему улыбнулась.

«Она что, знает?» — спросил он себя.

То, что она видела там, внизу, — не счастливое весеннее заигрывание, а грех. Почти измена.

— Добрый день, — радушно сказал Рэгл.

Старушка так же радушно закивала в ответ.

Порывшись в карманах, он нашел немного мелочи. У киоска с прохладительными напитками выстроились в очередь ребятишки. Они стояли за пончиками. Кроме того, продавали пироги, эскимо и апельсиновый сок.

Вокруг было спокойно и тихо.

Неожиданно Рэгл испытал острый приступ отчаяния. Как все–таки бездарно он провел жизнь. Полюбуйтесь, в сорок шесть лет человек целыми днями сидит дома и разгадывает дурацкие конкурсные задания из газеты. Ни приличной уважаемой работы. Ни детей. Ни жены. Ни собственного дома. Валяет дурака с соседской женой.

Бессмысленная жизнь. Вик прав.

«Собственно, я могу и бросить этот конкурс, — подумал Рэгл. — Податься куда–нибудь. Попотеть в нефтеносных краях в пробковом шлеме. Или складывать цифры за конторкой в какой–нибудь страховой компании. Или заняться недвижимостью. Все, что угодно, будет солиднее. Ответственнее. А так я все больше застреваю в затянувшемся детстве. Хобби… Все равно что клеить модели самолетиков».

Стоящий впереди ребенок получил свою

конфетку и ускакал. Рэгл выложил пятьдесят центов.

— Пиво у вас есть?

Фраза прозвучала неожиданно смешно. Голос Рэгла был тонким и далеким. Продавец в белом фартуке и колпаке замер и уставился на него. Ничего не происходило. И звуки пропали. Дети, машины, ветер — все затихло.

Пятидесятицентовая монета провалилась сквозь дерево, упала и исчезла.

Умираю, подумал Рэгл. Или еще хуже.

Ужас охватил его. Он попытался что–нибудь сказать, но губы не двигались.

«Только не это! — подумал Рэгл. — Только не это опять! Со мной снова происходит то же самое».

Киоск с прохладительными напитками распался на куски. На молекулы. Он видел эти молекулы — бесцветные, вообще никакие; раньше они образовывали киоск. Потом сквозь киоск проступил возвышающийся позади него холм, деревья и небо. Рэгл увидел, как киоск с напитками просто исчез вместе с продавцом, кассовым аппаратом, огромной колбой апельсинового сока, кружочками под кока–колу и безалкогольное пиво, шеренгой заиндевевших бутылок, джемом для бутербродов, грилем для сосисок, банками с гор-

чицей, полками со стаканчиками и целым рядом круглых металлических крышек, под которыми помещались различные сорта мороженого.

На месте всего этого лежал листочек бумаги. Рэгл протянул руку и взял его. Крупными буквами было напечатано:

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ

Повернувшись, Рэгл неуверенно пошел назад мимо играющих детей, мимо скамеек со старухами. По дороге сунул руку в карман пиджака и нащупал металлическую коробочку. Потом остановился, открыл ее и взглянул на лежавшие там листки. Добавил к ним еще один.

Итого шесть. Шесть раз.

Ноги подкашивались, на лице выступил ледяной пот. Он стекал за воротник, за зеленый шерстяной галстук.

Рэгл побрел вниз по склону, к Джуни.

Глава 4

После захода солнца Сэмми Нильсон еще целый час носился по развалинам. Вместе с Батчем Кляйном и Лео Тарски они натаскали такую кучу черепицы, что она тянула на серьезную оборонительную позицию. Ее можно было удерживать практически бесконечно. Теперь оставалось только набрать комьев грязи, желательно с длинными пучками травы, чтобы вести обстрел.

Подул вечерний ветер. Дрожа от холода, Сэмми присел за бруствер. Окоп, конечно, следовало углубить. Увидев торчащую из земли доску, он изо всех сил навалился на нее. Доска вывернула из земли несколько кирпичей, кучу золы, корни, траву и грязь. Внизу оказался проем между двумя бетонными плитами, служившими ранее либо фундаментом, либо частью водопровода.

Страшно подумать, что тут может храниться!.. Упав на живот, Сэмми принялся горстями выгребать штукатурку и куски бетона с торчащей проволокой. Руки саднило, но он продолжал лихорадочно работать.

Напрягая зрение, Сэмми разглядел торчащий из расщелины желтый том. Телефонная книга. А

за ней — вымоченные дождем журналы.

Он принялся за дело с удвоенной энергией.

***

Перед обедом в гостиной Рэгл попросил Вика уделить ему несколько минут. Увидев мрачное лицо зятя, Вик спросил:

— Хочешь, чтобы я закрыл дверь?

— Не надо, — сказал Рэгл.

— Это касается конкурса?

— Я решил добровольно из него выйти. Для меня это слишком. Напряжение и… Слушай! — Он наклонился к Вику, глаза налились кровью. — Вик, у меня нервный срыв. Марго ничего не говори. — Его голос задрожал. — Я хочу с тобой посоветоваться.

Вик растерянно молчал.

— Это из–за конкурса, — произнес он наконец.

— Может быть. — Рэгл сделал неопределенный жест.

— И давно?

— Уже несколько недель. Два месяца. Не помню.

Он замолчал, уставившись в пол.

— А ты говорил с людьми из газеты?

— Нет.

— Они же поднимут шум.

— Меня это не волнует! Я не могу продолжать. Мне нужно куда–нибудь уехать. Может быть, за границу.

— Дела! — выдохнул Вик.

— Я вымотался вконец. Отдохну полгодика, авось поможет. Могу заняться физическим трудом. Пойду на конвейер. Или поработаю где–нибудь на воздухе. Я хочу поговорить с тобой о финансовой стороне дела. За прошедший год я вносил в среднем около двухсот пятидесяти долларов в месяц на расходы.

— Да, — кивнул Вик. — Я знаю.

— Сможете вы с Марго обойтись без этой суммы? Платить за дом, за машину, за все остальное?

— Конечно, — ответил Вик. — Думаю, сможем.

— Я тебе выпишу чек на шестьсот долларов. На всякий случай. Если возникнет необходимость — используй его. Но лучше сделай вклад. Чеки действуют месяц или около того, а так будешь получать свои четыре процента.

— Ты еще не говорил Марго?

— Пока нет.

В дверях появилась Марго:

— Обед почти готов. Чего это вы сидите тут такие мрачные?

— Дела, — бросил Вик.

— Можно послушать?

— Нет, — сказали они одновременно.

Не говоря ни слова, она вышла.

— Продолжим, — сказал Рэгл, — если ты не против. Я, может быть, лягу в военный госпиталь. Я все–таки ветеран и имею право на медицинское обслуживание. Правда, сомневаюсь, что это по их части. Кроме того, думаю, не использовать ли закон о военнослужащих? Поступить в университет?

— На какой факультет?

— Ну, скажем, на философский.

Вику показалось это странным.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что философия — убежище и утешение.

— Не знаю. Может, когда–то и была. Для меня философия — нечто имеющее отношение к теории сверхчувствительной реальности и смыслу жизни.

— Ну и что тут плохого? — упрямо спросил Рэгл.

— Да ничего, если ты уверен, что это поможет.

— Я кое–что прочел в свое время, — сказал Рэгл. — Епископ Беркли. Идеалисты. Ну, например, — он махнул рукой в сторону стоящего в углу

пианино, — откуда мы знаем, что это пианино существует?

— Мы этого не знаем, — ответил Вик.

— Может быть, его и нет.

— Ты прости, — смущенно проговорил Вик, — но для меня это все игра слов.

Услышав это, Рэгл побелел как мел, челюсть его отвисла. Уставившись на Вика, он стал медленно подниматься из кресла.

— С тобой все в порядке? — не выдержал Вик.

— Я должен подумать, — с трудом выговорил Рэгл. Он наконец встал. — Ты меня извини. Мы как–нибудь потом поговорим еще. А сейчас обед, или что там…

Рэгл вышел из комнаты.

«Бедняга, — подумал Вик. — Похоже, конкурс его доконал. Еще бы, сидеть целый день в одиночестве… бесцельно».

— Помочь тебе накрыть на стол? — спросил он жену.

— Все готово, — откликнулась Марго.

Рэгл прошел через столовую и скрылся в ванной.

— Что с ним? — поинтересовалась Марго. — Рэгл сегодня не в себе. Какой–то несчастный. Его не исключили из конкурса? Он бы, конечно, мне

сказал, но…

— Потом объясню.

Вик обнял и поцеловал жену. Она нежно к нему прижалась.

«Если бы у Рэгла была семья, ему было бы легче, — подумал Вик. — Семья. В этом мире нет ничего более важного. И никто не сможет этого отнять».

***

За обеденным столом Рэгл сидел глубоко погруженный в свои мысли. Расположившийся напротив него Сэмми болтал о своем клубе и его мощной военной технике. Рэгл не слушал.

Слова, думал он.

Центральная проблема философии. Отношение между словом и вещью… Что есть слово? Условный знак. Но мы живем словами. Наша реальность — это слова, а не вещи. Не может быть вещи самой по себе. Это уловка сознания. Слово более реально, чем вещь, которую оно обозначает.

Слово не представляет реальность; слово и есть реальность. Во всяком случае, для нас. Может быть, Бог имеет дело с предметами, мы — нет.

В его пиджаке, висящем сейчас в шкафу, лежала металлическая коробка, а в ней — шесть

полосок бумаги.

КИОСК С ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ
ДВЕРЬ
ЗДАНИЕ ФАБРИКИ
ШОССЕ
ПИТЬЕВОЙ ФОНТАНЧИК
БУКЕТ ЦВЕТОВ

— Сколько можно тебе повторять: не играй там! — Громкий и резкий голос Марго сбил Рэгла с мысли. — Еще раз говорю, Сэмми, не смей! Я не шучу!

— Как продвигаются дела с петицией? — спросил Вик.

— Виделась с каким–то мелким чиновником. Он говорит, что сейчас у города нет средств. Просто зло берет, ведь в прошлый раз они утверждали, что уже заключили контракты и работы начнутся со дня на день. Их ничего не заставишь сделать! Ты просто беспомощен, любой человек против них беспомощен.

— Может, Билл Блэк сумеет затопить эти развалины?

— Ну да, — откликнулась она. — Значит, лучше, если дети там утонут, вместо того чтобы свернуть себе шею?

После обеда, когда Марго мыла посуду на кухне,

а Сэмми валялся перед телевизором, Рэгл и Вик продолжили разговор.

— Попроси у организаторов конкурса отпуск, — предложил Вик.

— Сомневаюсь, что они согласятся. — Рэгл достаточно хорошо знал правила.

— А ты попытайся.

— Может быть, — кивнул Рэгл, царапая пятно на столе.

— Надеюсь, ты не из–за меня расстроился?

— Нет, — покачал головой Рэгл. — Если кто и виноват, так это конкурс. И Джуни Блэк.

— Теперь слушай, — сказал Вик. — Ты можешь найти кого–нибудь получше, чем Джуни Блэк. Речь идет даже не о личности, а о социальном статусе.

— Мне трудно думать о социальном статусе Билла и Джуни. И вообще, мне сейчас не до статусов.

— Объясни, что произошло.

— Ничего.

— Нет, объясни.

— Галлюцинация. — Рэгл пожал плечами. — Всего–навсего. Повторная.

— Можешь ее описать?

— Не хочу.

— Я не выведываю. Просто это тревожно. По–моему, тут что–то не так.

— Не так, — согласился Рэгл.

— Я не говорю о тебе, обо мне или еще о ком–либо. Тут дело серьезнее.

— Время, — сказал Рэгл. — Похоже, оно свихнулось.

— Думаю, нам стоит сравнить ощущения.

— Я не стану рассказывать, что произошло со мной. Сейчас ты скорбно покиваешь головой, а завтра или через день будешь трепаться с покупателями, жевать резинку и ляпнешь что–нибудь такое… Поползут невероятные слухи. А с меня сплетен достаточно. Не забывай, я все–таки национальный герой.

— Себя ты всегда защитишь, — возразил Вик. — А так мы могли бы до чего–нибудь докопаться.

Рэгл промолчал.

— Нельзя вот так взять и замкнуться! — не выдержал Вик. — Я отвечаю за жену и сына. Ты что, уже не контролируешь себя? Ты сознаешь, что можешь натворить?

— Ну, на людей я бросаться не стану, — усмехнулся Рэгл. — Во всяком случае, у меня нет причин думать иначе.

— Мы все живем в одном доме, — настаивал

Вик. — Представь, что я бы тебе сказал…

— Если почувствую, что становлюсь опасен, — перебил его Рэгл, — тут же уеду. В любом случае уеду, может быть, даже через пару дней. Так что потерпи, и все будет нормально.

— Марго тебя не отпустит.

При этих словах Рэгл рассмеялся:

— Ей придется это сделать.

— А по–моему, главная причина — в твоей неудавшейся любви.

На этот раз Рэгл не ответил. Поднявшись из–за стола, он прошел в гостиную, где Сэмми, улегшись перед телевизором, смотрел «Пушечный дым». Рэгл упал на диван и тоже уставился на экран.

С ним говорить нельзя, понял он. Как плохо. Как чертовски плохо.

— Как тебе вестерн? — спросил он, когда фильм перебили рекламой.

— Классный, — бросил Сэмми. Из кармана его рубашки торчала скомканная бумага. Было видно, что она не раз побывала под дождем.

— Что это у тебя в кармане?

— А! — оживился Сэмми. — Это я строил укрепления в развалинах. Выкорчевал доску — а там целая стопка старых журналов, телефонная книга и еще много всякого.

Протянув руку, Рэгл вытащил бумагу из кармана мальчика — несколько волокнистых листков. И на каждом из них крупными буквами напечатано по слову:

ЗАПРАВКА

КОРОВА

МОСТ

— Ты притащил это из развалин? — спросил Рэгл. Мысли его перепутались. — Ты что, выкопал это?

— Ага, — кивнул Сэмми.

— Можно, я возьму?

— Нет.

Рэгл почувствовал ярость.

— Ладно. — Из последних сил он старался говорить убедительно. — Давай я тебе что–нибудь дам взамен. Или куплю.

— А зачем они тебе? — Сэмми оторвался от телевизора. — Они что, ценные?

— Я собираю такие, — честно ответил Рэгл. Он вышел в коридор, вытащил из пиджака коробочку и принес ее в гостиную.

Сев рядом с мальчиком, он показал свои шесть листков.

— Десять центов каждый, — сказал Сэмми.

Всего у него было пять листков, но два ока-

зались окончательно испорчены непогодой, и слова совсем расплылись. Тем не менее Рэгл отдал пятьдесят центов, забрал все и ушел к себе думать.

Может быть, это розыгрыш, размышлял он. Я стал жертвой мистификации. Потому что я — «Знаменитый победитель первоклассного конкурса». Добился–таки славы.

Но это было бы глупо. Совсем глупо.

В полном недоумении Рэгл старательно разгладил все пять листков и положил их в коробку. В некотором смысле он сейчас чувствовал себя еще хуже, чем раньше.

***

Вечером он взял фонарь, надел темный плащ и отправился в сторону развалин.

Ноги еще ныли после прогулки с Джуни. По дороге Рэгл успел не раз усомниться в правильности своей затеи. Поначалу фонарь высвечивал только груды треснувшего бетона, ямы, наполовину затопленные весенними дождями, кучи досок и щебня. Некоторое время он бродил по развалинам, пытаясь высветить что–нибудь стоящее. Наконец, споткнувшись о проволоку, упал и уткнулся в сооруженное мальчишками укрытие из булыжников. Присев, Рэгл стал освещать

землю вокруг сооружения. Удача! В одной из расщелин обнаружился краешек желтой бумаги.

Рэгл сунул фонарь под мышку и принялся выкапывать находку двумя руками. Вскоре он извлек из земли растрепанный том. Сэмми оказался прав. Судя по всему, это действительно была телефонная книга, во всяком случае ее часть.

Кроме справочника, удалось выкопать остатки огромных глянцевых семейных журналов. Потом Рэгл сообразил, что светит в цистерну или канализационный люк. Слишком опасно, решил он. Лучше вернуться домой.

Какое заброшенное место! Неудивительно, что Марго пытается заставить городские власти навести здесь порядок. Они там, похоже, совсем свихнулись. Достаточно ведь одной сломанной руки, чтобы обратиться в суд.

Даже жилые дома рядом с развалинами казались темными и необитаемыми. Тротуары были почти полностью разрушены, все в ямах и трещинах.

Хорошенькое место для игр!

Придя домой, Рэгл притащил книгу и журналы на кухню.

Вик и Марго были в спальне, Сэмми уже спал. Расстелив на кухонном столе оберточную бу-

магу, Рэгл осторожно выложил на него все, что принес.

Журналы совсем промокли. Он устроил их на батарее — сушиться. А сам приступил к изучению телефонной книги. Справочник был странный: шрифт более жирный и крупный, поля — непривычно большие. Похоже, это телефоны жителей какого–то небольшого городка.

Пригородные коммутаторы тоже оказались ему незнакомы. Флориан. Эдвардс. Лейксайд. Уолнат. Рэгл листал страницы без всякой цели, да и что можно было здесь найти? Разве что какая–нибудь необычная строчка сама бросится ему в глаза. По справочнику, например, нельзя было определить, какого он года. Прошлого? Десятилетней давности? Когда вообще начали печатать телефонные книги? В кухню вошел Вик:

— Что это у тебя?

— Старый телефонный справочник.

Вик заглянул Рэглу через плечо. Потом открыл холодильник:

— Хочешь пирога?

— Нет, спасибо.

— Это тоже твое? — Вик кивнул в сторону сохнущих журналов.

— Да, — ответил Рэгл.

Вик вышел в гостиную, прихватив с собой два куска ягодного пирога.

Рэгл взял справочник и направился в холл к телефону. Там он присел на стул, набрал наугад номер. Спустя мгновение в трубке послышались щелчки и голос оператора произнес:

— Какой номер вы хотите набрать?

— Бриджлэнд, три четыре четыре шесть пять, — прочел Рэгл.

Последовала пауза.

— Пожалуйста, положите трубку и наберите еще раз, — бесстрастно предложила телефонистка.

Рэгл повесил трубку, немного подождал и повторил вызов. На этот раз откликнулись немедленно.

— Какой номер вам нужен? — Голос в трубке был другой.

— Бриджлэнд, три четыре четыре шесть пять.

— Одну минуту, сэр.

Рэгл ждал.

— Прошу прощения, сэр. Пожалуйста, проверьте правильность номера.

— А в чем дело?

— Одну минуту, сэр, — сказала телефонистка, и в этот момент линия отключилась. На другом

конце никого не было, он просто чувствовал отсутствие живой субстанции. Рэгл ждал, но ничего не менялось.

Тогда он повесил трубку и через минуту повторил попытку. На этот раз в трубке послышались резкие звуки, напоминающие сирену, пошел зуммер неправильно набранного номера.

Сколько бы Рэгл ни крутил диск, в ответ звучал сигнал неправильного набора. Наконец он закрыл справочник, поколебался и вызвал оператора.

— Сэр?

— Я пытаюсь набрать Бриджлэнд, три четыре четыре шесть пять. — Рэгл не мог точно сказать, та ли это телефонистка. — Можете мне помочь? А то я все время получаю неправильный набор.

— Хорошо, сэр. Секундочку. — Долгая пауза. И потом: — Простите, сэр, какой вы назвали номер?

Рэгл повторил.

— Этот номер отключен, — сказала телефонистка.

— Пожалуйста, наберите мне еще несколько номеров.

— Хорошо, сэр.

Он продиктовал ей несколько номеров со стра-

ницы. И все оказались отключены.

Конечно, старый справочник. Естественно. Так и должно быть. Старые номера отключаются. Рэгл поблагодарил телефонистку и повесил трубку.

Таким образом, ничего не удалось ни узнать, ни проверить. Могло быть и такое объяснение: номера относились к нескольким ближайшим городкам. Потом городки слились, и ввели новую систему номеров. Возможно, это произошло совсем недавно, год или два назад.

Рэгл вернулся на кухню, чувствуя себя совершенным дураком.

Журналы начали подсыхать. Он взял один из них и уселся в кресло. Края страниц обрывались, когда он пытался их переворачивать. Журнал был явно предназначен для семейного чтения, первая же статья оказалась о вреде курения и раке легких, затем шел материал о министре Даллесе и Франции. Потом статья о человеке, который поднялся по Амазонке вместе со своими детьми. Были также рассказы, вестерны, детективы и всевозможные приключения. Реклама, комиксы. Рэгл просмотрел комиксы и отложил журнал.

В следующем журнале было гораздо больше фотографий, и вообще он отдаленно напоминал «Лайф», хотя отпечатан был похуже. Обложка

оторвалась, и Рэгл не мог сказать с уверенностью, что это — «Лук» или «Кен».

Первая серия фотографий запечатлела жуткую железнодорожную катастрофу в Пенсильвании.

Следующая серия…

Очаровательная актриса скандинавского типа. Рэгл пододвинул лампу, чтобы лучше видеть страницу.

Лицо девушки обрамляла тяжелая копна волос, дивно расчесанных и довольно длинных. Она удивительно мило улыбалась, Рэгл не мог оторваться от этой наивной и доверчивой улыбки. Таких красивых лиц ему не приходилось видеть; кроме того, у нее была полная, чувственная шея, не такая, как у большинства актрис, а взрослая, зрелая шея и великолепные плечи. Ни малейшего намека на костлявость или дряблость. Смешение рас, решил Рэгл. Германские волосы. Швейцарская или норвежская шея.

Но по–настоящему его заворожила и повергла в состояние изумленного оцепенения фигура девушки. Ну дела, сказал он себе. Как ей удалось? Такая невинная и такая развитая. А девушка, казалось, была просто счастлива демонстрировать свои прелести. Она слегка наклонилась вперед, при этом грудь ее вываливалась наружу — самая

мягкая, самая упругая и самая естественная грудь в мире. И очень теплая.

Имя девушки не сказало ему ничего. Рэгл решил, что лучшей матери для своего ребенка ему не сыскать.

— Вик, — крикнул он, переходя с журналом в гостиную, — взгляни–ка!

— Что там? — поинтересовалась Марго с другого конца комнаты.

— Тебе не понравится, — откликнулся Вик, отодвигая тарелку с пирогом.

— Она наклонилась, — заметил Рэгл.

— Что там, девушка? — спросила Марго. — Дайте взглянуть, не отберу.

Она подошла и встала рядом с Рэглом. Все трое разглядывали фотографию. Цветную, во всю полосу. Конечно, дождь изрядно подпортил страницу, но в том, что женщина уникальна, сомневаться не приходилось.

— У нее такое мягкое лицо, — прошептала Марго. — Такое утонченное и возвышенное.

— И чувственное, — добавил Рэгл.

Под фотографией стояла подпись: «Мэрилин Монро в Англии, во время съемок с сэром Лоренсом Оливье».

— Вы что–нибудь о ней слышали? — спросила

Марго.

Рэгл покачал головой.

— Наверное, это английская актриса, — предположил Вик.

— Да нет! — отмахнулась Марго. — Здесь же написано: «в Англии во время съемок». И имя скорее американское.

Они перешли к статье.

— О ней пишут как о знаменитости, — сказала Марго. — Толпы людей. Запруженные улицы.

— Это там, — заметил Вик. — В Англии.

— Вот, смотри, пишут о клубах ее поклонников в Америке.

— Откуда это у тебя? — спросил Вик.

— Из развалин. Из тех, которые вы так хотите расчистить.

— Наверное, журнал очень старый, — предположила Марго. — Но Лоренс Оливье еще жив. Я смотрела в прошлом году по телевизору «Ричарда Третьего».

Они переглянулись.

— Может быть, расскажешь теперь о своей галлюцинации? — спросил Вик.

— Что за галлюцинация? — вырвалось у Марго. Она переводила взгляд с одного на другого. — Так вот о чем вы шептались и не хотели, чтобы я

слышала?

После паузы Рэгл произнес:

— Да, дорогая, у меня была галлюцинация. — Он попытался ободряюще улыбнуться, но лицо сестры окаменело. — Только не смотри так, — взмолился Рэгл. — У меня возникла проблема со словами…

Сестра тут же перебила его:

— Трудности с произношением? О господи, то же самое было с президентом Эйзенхауэром после удара.

— Нет, — отмахнулся Рэгл. — Совсем не то.

Вик и Марго ждали, но теперь, когда он захотел все объяснить, это оказалось почти невозможно.

— Я имею в виду, — проговорил он, — что вещи не являются тем, чем кажутся.

— Прямо как у Салливана, — заметила Марго.

— Все, — махнул рукой Рэгл. — Лучше я объяснить не умею.

— Значит, ты не думаешь, что сходишь с ума, — сказал Вик. — Ты же не считаешь, что проблема в тебе. Она снаружи. В самой природе вещей. Как моя история с выключателем на шнуре.

Рэгл долго молчал, наконец кивнул:

— Да, может быть.

По непонятным причинам ему не хотелось увя-

зывать собственные ощущения со случаем Вика. Они отнюдь не казались ему равноценными.

«А может, это просто снобизм с моей стороны?» — подумал он.

Страшным, напряженным голосом Марго произнесла:

— Вам не кажется, что кто–то нас дурачит?

— Не понимаю, — нахмурился Рэгл.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Вик.

— Не знаю, — пробормотала Марго. — Но в «Дайджесте потребителя» советуют остерегаться мошенничества, ложных объявлений, недовесов и тому подобного. Мне кажется, эта статья о Мэрилин Монро — такая же «липа». Решили из заурядной статистки сделать звезду, якобы все ее знают. Теперь даже тот, кто впервые ее увидит в кино, скажет: как же, знаменитая актриса! А я, кроме пухлого вымени, ничего в ней не нахожу.

Марго замолчала и некоторое время сердито подергивала себя за ухо. Морщины на ее лбу стали глубже.

— Хочешь сказать, что это — фотомонтаж? — рассмеялся Вик.

— Нас опять одурачили, — поддержал его Рэгл. И тут же где–то глубоко внутри услышал звон колокольчика. — Может быть, я не уеду, — до-

бавил он.

— Ты что, собирался уезжать? — встревожилась Марго. — Никто не считает необходимым посвящать меня в свои дела!.. Так–таки собраться и уехать? Пришли хоть открытку с Аляски.

От горечи в тоне сестры Рэглу стало неловко.

— Не надо, — сказал он. — Прости меня, сестренка. Тем более я остаюсь. Так что не волнуйся.

— Ты решил бросить конкурс?

— Пока не решил, — пробурчал Рэгл.

Вик молчал. Повернувшись к нему, Рэгл спросил:

— Что, по–твоему, нам надо сейчас делать? Как будем разбираться со всем этим?

— Я пас, — бросил Вик. — Это ты умеешь докапываться — папки, цифры, графики… Начни все записывать. Ты же общепризнанный гений отгадок. Найди закономерность.

— Закономерность, — повторил Рэгл. — Да, пожалуй. — Ему как–то не пришло в голову подумать в этой связи о своем таланте. — Пожалуй.

— Сведи все воедино. Собери информацию, четко ее зафиксируй и посмотри, что будет вырисовываться.

— Невозможно, — покачал головой Рэгл. — У меня нет точки отсчета.

— Начни с несоответствий. Этот журнал со всемирно известной кинозвездой, о которой мы и слыхом не слыхивали. Несоответствие чистой воды. Надо его весь просеять, строчку за строчкой. Посмотрим, сколько еще вылезет противоречий с тем, что мы знаем.

— И телефонный справочник! — добавил Рэгл. — Желтые страницы, деловой раздел. И может быть, развалины… может, там есть что–нибудь еще.

Точка отсчета. Развалины.

Глава 5

Билл Блэк припарковал свой «форд» на привычном месте у здания ОМХ — отдела муниципального хозяйства. Оттуда он вразвалку прошел по дорожке к парадному входу и дальше, мимо секретаря в приемной — в свой кабинет. Первым делом открыл окно, потом снял шарф, пальто и повесил в шкаф. Холодный утренний воздух хлынул в комнату. Билл глубоко вздохнул, несколько раз потянулся, после чего сел во вращающееся кресло и повернул его к столу.

На столе ждали две записки. В первой оказалась какая–то чушь: советы домашней хозяйке, как жарить цыплят в арахисовом масле. Он кинул рецепт в мусорную корзину, развернул вторую записку и прочел:

«Объект пытался позвонить из дома в Бриджлэнд, Шерман, Девоншир, Уолнат и Кентфилд».

Не может быть, подумал Блэк. Он сунул бумажку в карман, вылез из–за стола и надел пальто. Потом закрыл окно, выбрался из кабинета, прошагал по коридору мимо секретаря, вышел на дорожку и дальше, через стоянку направился к своей машине. Спустя мгновение Билл был

уже на главной улице и ехал по направлению к центру.

Что ж, не бывает, видно, чтобы все шло как по маслу, думал он, ведя машину по утреннему городу. Интересно, что все это значит?

Незнакомец с улицы заглянул в дом и попросил разрешения позвонить? Вот, значит, как? Самому не смешно?

Сдаюсь, наконец сказал себе Билл. Это один из тех чертовых случаев, которые не поддаются анализу. И ничего не попишешь, надо просто подождать и спокойно разобраться. Кто звонил, почему и как.

Ну и каша.

Он припарковался через дорогу от редакции «Газетт», вышел из машины, опустил десять центов в счетчик и вошел в здание «Газетт» с черного хода.

— Мистер Ловери на месте? — спросил он девушку за конторкой.

— Думаю, что его нет, сэр. Если хотите, можете подождать, я попрошу, чтобы его нашли.

— Спасибо. Скажите, что здесь Билл Блэк.

Девушка набрала несколько номеров.

— Мне очень жаль, мистер Блэк, но мистер Ловери еще не вернулся. Будете ждать?

— Буду, — мрачно бросил Билл.

Он сел в кресло, закурил, потом сцепил руки.

Спустя пятнадцать минут в холле раздались голоса, распахнулась дверь и на пороге появилась высокая фигура Стюарта Ловери в мешковатом твидовом костюме.

— А, мистер Блэк, рад вас видеть!

— Угадайте, что я нашел в кабинете.

Билл Блэк протянул бумажку. Ловери внимательно ее прочел.

— Вот это да! Я удивлен, — проговорил он наконец.

— Непредвиденный случай, — сказал Блэк. — Один шанс из миллиона. Скажем, кто–нибудь взял и выписал себе телефоны хороших ресторанов, сунул листок в шляпу, потом сел в один из грузовиков доставки, и при разгрузке листок из шляпы выпал. — Идея увлекла его. — Например, при разгрузке капусты. А Вик Нильсон заносил кочан в хранилище, увидел листок и решил, что он может пригодиться. Список хороших ресторанов. Принес его домой и прилепил над телефоном.

Ловери неуверенно улыбнулся.

— Интересно, догадался кто–нибудь записать номера, по которым он звонил? — спросил Билл

Блэк.

— Сдается мне, кому–то из нас придется идти в дом, — задумчиво промолвил Ловери. — Я до конца недели вообще–то не планировал. А ты можешь пойти сегодня.

— Допускаешь, что нас кто–то предал?

— Очень может быть. — Ловери кивнул.

— Вот и я так думаю.

— Давай прикинем, что тут можно сделать.

— Я зайду к ним сегодня, — сказал Блэк. — После обеда. Что–нибудь покажу Рэглу и Вику. И попутно попробую разведать… — Билл Блэк собрался уходить, затем передумал: — Как он справился с вечерним заданием?

— Вроде нормально.

— Рэгл снова не в себе. Все признаки. У заднего крыльца целый мешок пустых пивных банок. Как он может поглощать столько пива и еще работать? Три года я за ним наблюдаю и в толк не возьму.

— В этом–то и весь секрет, — невозмутимо произнес Ловери. — Дело вообще не в Рэгле, а в пиве.

Кивнув на прощание, Блэк вышел из помещения «Газетт».

Одна мысль не давала ему покоя. Все можно

уладить. Внести соответствующие поправки. Все… кроме одного. Если Рэгл придет в норму.

***

Вечером после работы Блэк выехал из муниципалитета и остановился возле аптеки. Он выбрался из машины и зашел внутрь. Внимание привлекли стоящие пучком шариковые ручки. Выдернув несколько штук, он направился к выходу.

— Эй, мистер! — окликнул его продавец.

— Простите, — сказал Блэк, — просто забыл.

Это было правдой, ибо на мгновение у него вылетело из головы, что надо еще совершить кое-какие формальности. Он вытащил из кошелька деньги, получил сдачу и поспешил к машине.

Билл решил прийти к Нильсонам с этими ручками, якобы в муниципалитет по почте прислали бесплатные образцы, но служащим не разрешили ими пользоваться.

Может, вам, ребята, пригодятся эти ручки? Вик? Рэгл?

Билл несколько раз проиграл сценку сам с собой.

Лучший метод — всегда самый простой.

Остановившись у дома, он взбежал по ступенькам и распахнул дверь. Джуни, забравшись с

ногами на кушетку, пришивала пуговицу к блузке. При его появлении она замерла и испуганно подняла глаза. По полному вины и лести взгляду Билл догадался, что она опять гуляла с Рэглом. При этом они держались за руки и обменивались вздохами.

— Привет.

— Привет, — откликнулась Джуни. — Как на работе?

— Все то же самое.

— Угадай, что сегодня случилось?

— А что сегодня случилось?

— Я пошла в прачечную за твоими вещами, — заторопилась Джуни, — и столкнулась с Бернис Уилкс. Ну, заговорили о школе — мы с ней учились в Кортесе, — а потом она подвезла меня на своей машине, мы перекусили и сходили в кино. Я только что вернулась. Так что на обед у нас два куска замороженного пирога.

Она испытующе на него посмотрела.

— Обожаю мясной пирог, — сказал Билл.

Джуни поднялась с дивана. В длинной юбке с оборками, сандалиях, в блузке с низким вырезом и с огромными, как медали, пуговицами она выглядела очаровательно. Волосы были искусно уложены и собраны на затылке в классический

узел.

— Ты просто прелесть, — прощебетала она. — А я думала, ты придешь в ярость и расшумишься.

— Как Рэгл?

— Я не видела Рэгла сегодня.

— Ладно. — Билл согласно кивнул. — А как он выглядел, когда ты видела его в последний раз?

— Надо вспомнить, когда я видела его в последний раз.

— Ты видела его вчера, — напомнил Билл.

— Нет. — Джуни моргнула.

— Так ты мне сказала вчера вечером.

— Да? — пролепетала она. — Разве?

Эти моменты доставали его больше всего. Бог с ними, пусть они с Рэглом творят что угодно, но зачем потом придумывать нелепые истории, которые противоречат одна другой и все еще больше запутывают? А самое главное, ему действительно надо знать о состоянии Рэгла.

Идиотизм совместного проживания с женщиной, выбранной за приветливый нрав…

Джуни могла совершить глупейший промах, а могла поступить правильно. Если же ее спрашивали о происшедшем, тут же срабатывала внутренняя установка на ложь во спасение, и все безнадежно стопорилось. Нужна была женщина,

способная творить непристойности, а потом их спокойно обсуждать. Однако уже ничего не изменить.

— Расскажи мне о старине Рэгле Гамме, — попросил Билл Блэк.

— Я знаю, что ты меня подозреваешь, но это лишь отражение твоей собственной извращенной психики. У невротиков так все время.

— Ты просто расскажи мне, пожалуйста, — едва сдерживаясь, произнес Билл, — как Рэгл чувствовал себя эти дни. Меня не волнует, чем вы с ним занимались.

Это подействовало.

— Так вот слушай! — Безумный голос Джуни разносился по всему дому. — Чего ты от меня добиваешься? Хочешь, чтобы я призналась, что у нас с Рэглом что–то было? Я, кстати, целый день сидела и думала — знаешь о чем?

— Не знаю.

— О том, что я, наверное, оставлю тебя, Билл. Мы с Рэглом куда–нибудь уедем.

— Вдвоем? Или возьмете Зеленого человечка?

— Намекаешь на его способ зарабатывать деньги? Хочешь сказать, он не обеспечит нас двоих?

— Ну тебя к черту, — махнул рукой Билл Блэк и пошел в соседнюю комнату.

Джуни преградила ему дорогу:

— Ты презираешь меня за то, что я не такая образованная!

По лицу ее текли слезы, оно распухло и покраснело. Теперь Джуни не выглядела привлекательной.

Прежде чем Билл успел ответить, звякнул колокольчик на входной двери.

— Дверь, — сказал Блэк.

Джуни уставилась на него, потом повернулась и вышла из комнаты. Он слышал, как она открыла, слышал ее возбужденный, срывающийся голос, отвечающий другой женщине.

Любопытство заставило его выглянуть в прихожую.

На пороге стояла крупная, робкая на вид дама средних лет В руках она держала кожаную папку, на рукаве была повязка.

Гостья монотонно бормотала, одновременно копаясь в бумагах.

— Гражданская оборона, — пояснила Джуни.

Видя, что она слишком расстроена, чтобы вести разговор, Билл подошел к двери и занял ее место.

— В чем дело?

Женщина еще больше оробела, прокашлялась

и ответила тихим голосом:

— Простите, что беспокою вас во время обеда, но я ваша соседка, живу рядом на этой улице. По поручению комитета обхожу все дома. Гражданской обороне очень нужны добровольцы в дневное время. Может быть, кто–нибудь из вас сможет помочь нам подежурить часок–другой в течение этой недели…

— Не думаю, — перебил ее Блэк. — Моя жена не работает, но у нее много других обязанностей.

— Понятно, — кивнула женщина. Она записала что–то в своем блокнотике, потом застенчиво улыбнулась. Судя по всему, ей отказали впервые. — В любом случае благодарю вас. — Она неуверенно замешкалась в дверях, не зная, как уйти. — Меня зовут миссис Кейтелбайн. Кей Кейтелбайн. Мой дом на углу. Двухэтажный старый дом.

— Хорошо, — сказал Билл, слегка прикрывая дверь.

Вернулась Джуни, прижимая к лицу носовой платок.

— Может быть, — голос ее все еще дрожал, — вам помогут в соседнем доме. Там живет мистер Гамм, он часто свободен. Рэгл Гамм.

— Спасибо, миссис… — Женщина благодарно

закивала.

— Блэк, — подсказал Билл. — Всего доброго.

Он закрыл дверь и включил свет на крыльце.

— Вот так целый день, — всхлипнула Джуни. — Коммивояжеры, торговцы щетками и прочей дребеденью... — Она сумрачно посмотрела на мужа и сложила платок по–новому.

— Я вовсе не хотел ссориться, — примирительным тоном произнес Билл.

Толку от нее не добиться. Вот они, интриги, неизбежно порождаемые домашним затворничеством. Домохозяйки в этом смысле еще хуже политиков.

— Пойду посмотрю пирог, — сказала Джуни, направляясь на кухню.

Засунув руки в карманы, Билл побрел следом, все еще намереваясь извлечь из жены какую–нибудь информацию.

Кей Кейтелбайн прошла с тротуара на дорожку, ведущую к соседнему дому.

Дверь ей открыл высокий, полный, добродушный человек в белой рубашке и темных неглаженых брюках.

— Простите, вы — мистер Гамм?

— Нет, я Виктор Нильсон. Но Рэгл дома. Заходите. — Он придержал дверь, и женщина

вошла. — Присядьте, — сказал Вик. — Я его сейчас позову.

— Большое спасибо, мистер Нильсон.

Посетительница расположилась на стуле у двери, держа на коленях папку с брошюрами. В доме было тепло и уютно. Пахло обедом. Не очень удачное время для посещений, подумала она. Самое обеденное время.

Со своего места миссис Кейтелбайн видела столовую: есть еще не садились. Приятная женщина с каштановыми волосами расставляла тарелки. Она внимательно посмотрела на гостью, и миссис Кейтелбайн кивнула в ответ.

И тогда в холл вышел Рэгл Гамм.

Благотворительность, определил он с первого взгляда.

— Да? — сказал Рэгл, внутренне цепенея.

Невзрачная испуганная женщина поднялась со стула.

— Мистер Рэгл Гамм, — начала она, — простите, что беспокою вас, но я здесь по поручению комитета гражданской обороны.

— Понятно. — Рэгл кивнул.

Потом она объяснила, что живет по этой же улице, ближе к центру. Слушая, он не переставал удивляться, почему она выбрала его, а не Вика.

Может, из–за известности. Он привык к бесчисленным предложениям по почте пожертвовать свои выигрыши делу, которое его переживет.

— Да, в течение дня я дома, — признался Рэгл, когда посетительница замолчала. — Но я работаю. У меня есть занятие.

— Речь идет о часе или двух в неделю, — настаивала миссис Кейтелбайн.

Вроде бы немного.

— А что нужно делать? — спросил Рэгл. — Машины у меня нет, если вас интересуют водители.

Как–то раз к нему приходили из Красного Креста, искали добровольцев–водителей.

— Нет–нет, мистер Гамм, — засуетилась миссис Кейтелбайн, — у нас устные беседы на тему бедствий.

Вот это попали в точку.

— Здорово придумано! — воскликнул Рэгл.

— Простите?

— Занятия по бедствиям. Звучит хорошо. Какие–нибудь особые бедствия?

— Гражданская оборона имеет дело с бедствиями в результате наводнений или ураганов. Конечно, всех волнуют водородные бомбы, особенно сейчас, когда Советский Союз создал новое оружие. Мы хотим обучать жителей, как надо

действовать в критический момент. Оказание первой помощи, эвакуация, умение отличать зараженную пищу от незараженной. Вот, например, мистер Гамм, мы советуем каждой семье иметь в доме семидневный запас еды и питьевой воды.

Все еще сомневаясь, Рэгл сказал:

— Хорошо, миссис, оставьте мне свой телефон, я подумаю.

Миссис Кейтелбайн прямо на рекламном листке написала карандашом свое имя, адрес и телефон.

— Вас порекомендовала ваша соседка, миссис Блэк, — сообщила она.

— Вот как! — воскликнул Рэгл. До него тут же дошло, что Джуни придумала новый способ встречаться. — Значит, живущие поблизости тоже будут посещать эти занятия? Пожалуй, я согласен.

— Чудесно! — обрадовалась миссис Кейтелбайн. — Будем надеяться, что люди придут.

— Запишите меня, — попросил Рэгл. — Уверен, что час или два я всегда найду.

Миссис Кейтелбайн удалилась, рассыпаясь в благодарностях.

Дверь за ней закрылась.

Джуни–то — молодец, сказал он про себя. А сейчас — обед.

— Хочешь сказать, что ты записался? — спросила Марго, когда все сели за стол.

— Почему бы и нет? — ответил Рэгл. — Это разумно и патриотично.

— Но ты же по горло загружен своим конкурсом.

— Два часа в неделю ничего не решают, — возразил он.

— Теперь я буду чувствовать себя виноватой, — вздохнула Марго. — Мне целыми днями нечего делать, а ты работаешь. Может, я запишусь вместо тебя?

— Нет, — вздрогнул Рэгл. Вот уж что будет некстати. — Тебя они не приглашают. Пойду я.

— Как–то несправедливо получается, — заметил Вик. — Что, женщины не могут проявить свой патриотизм?

— Я тоже патриот! — вмешался Сэмми. — У нас на заднем дворе самый крупный ядерный полигон США, отрабатывается вариант удара по Москве. — Он изобразил атомный взрыв.

— Как твой детекторный приемник? — поинтересовался Рэгл.

— Классно, я его закончил.

— Поймал что–нибудь?

— Пока ничего, — ответил Сэмми. — Но вот–вот поймаю.

— Расскажешь потом нам, — предложил Вик.

— Надо только самую малость допаять, — сказал Сэмми. Когда Марго убрала тарелки и подала десерт, Вик спросил:

— Тебе что–нибудь удалось, Рэгл?

— Остановился на шести, — ответил тот. — Как обычно.

— Я о другом.

Фактически Рэгл ничего и не делал. Работа над заданием заняла все время.

— Начал выписывать из журналов отдельные факты, — сказал он. — По разделам. Хотя, по–моему, это мало что дает.

Он выбрал двенадцать разделов: политика, экономика, кино, искусство, преступления, мода, наука и т. д.

— Я просмотрел раздел автомобильных компаний и названия фирм, — добавил Рэгл. — «Шевроле», «Плимут», «Де Сото». Все на месте, кроме одной.

— Какой же? — поднял брови Вик.

— «Такер».

— Странно.

— Может быть, представитель фирмы работает под своим личным именем, — предположил Рэгл. — Что–то вроде «Норман Г. Селкирк, представитель фирмы «Такер»». Как бы то ни было, вот тебе информация к размышлению.

— Почему Селкирк? — спросила Марго.

— Да просто так. Первое попавшееся имя.

— Просто так ничего не бывает, — возразила она. — Фрейд доказал, что всему есть психологическое объяснение. Подумай об этом имени. Что тебе напоминает слово «Селкирк»?

Рэгл задумался.

— Возможно, я натолкнулся на него, когда листал телефонный справочник. — Проклятые ассоциации, подумал он. Словно в этих ключах к заданиям. Как бы человек ни старался, контролировать ассоциации невозможно. Они все равно нами управляют. — Понял! — воскликнул он вдруг. — Так звали героя книги «Робинзон Крузо», вернее его прототипа. Александр Селкирк.

— Не знал, что эта история основана на реальном событии.

— Именно так, — подтвердил Рэгл. — Один моряк пережил кораблекрушение на необитаемом острове.

— Интересно, почему ты его вспомнил, — ска-

зала Марго. — Человек провел несколько лет на острове, создал вокруг себя свой собственный мир. Все необходимое, одежду…

— Потому что, — прервал ее Рэгл, — я сам два года провел на таком острове во время Второй мировой войны.

— У тебя уже есть какая–нибудь теория? — спросил Вик.

— Насчет того, что все не так? — Рэгл незаметно кивнул в сторону Сэмми.

— Все нормально. — Вик махнул рукой. — Он в курсе всех дел. Скажи–ка нам, что не так, Сэмми!

— Они пытаются нас одурачить, — ответил мальчик.

— Это он от меня услышал, — пояснила Марго.

— Кто пытается? — спросил Вик.

— Ну… враги, — ответил Сэмми, подумав.

— Какие враги? — спросил Рэгл.

Сэмми снова задумался и сказал:

— Те, которые нас окружают со всех сторон. Я не знаю, как их назвать. Но они везде. Может быть, это красные.

— А как у них это выходит? — спросил Рэгл.

Доверительно к нему наклонившись, Сэмми прошептал:

— У них одурачивающие пушки. Бьют прямой

наводкой.

Все засмеялись. Сэмми покраснел и принялся смущенно ковырять пустое блюдце.

— Атомные пушки? — переспросил Вик.

— Я уже не помню, атомные или нет, — пробормотал мальчик.

— Мы здорово от него отстали, — заметил Рэгл.

После обеда Сэмми ушел в свою комнату. Марго принялась за посуду на кухне, а мужчины прошли в гостиную. И почти сразу раздался звонок в дверь.

— Наверное, вернулась твоя приятельница, миссис Кейтелбайн, — бросил Вик, направляясь к двери.

На пороге стоял Билл Блэк.

— Привет, — сказал он, входя. — У меня для вас что–то есть, ребята. — Он кинул Рэглу сверток, и тот поймал его. Шариковые ручки, и, судя по виду, неплохие. — Пара штук там для тебя, — обратился Блэк к Вику. — Прислала одна фирма с севера, но мы их взять не можем. Представителям городских властей запрещено принимать подарки. Любой подарок надо в тот же день съесть, выпить или выкурить, а хранить нельзя.

— Их вполне можно отдавать нам, — предложил Вик, разглядывая ручки. — Что ж, спасибо,

Билл. Они хорошо мне послужат в магазине.

«Интересно, — подумал Рэгл, — не рассказать ли обо всем Блэку?»

Он перехватил взгляд Вика. Ему показалось, что тот одобрительно кивнул, и Рэгл спросил:

— У тебя есть свободная минута?

— Думаю, да, — удивленно ответил Блэк.

— Мы хотим тебе кое–что показать.

Вик уже собрался идти за журналами, когда Рэгл неожиданно сказал:

— Подожди. — Повернувшись к Биллу, он спросил: — Ты что–нибудь слышал о Мэрилин Монро?

Лицо Блэка как–то странно напряглось.

— А что?

— Так слышал или нет?

— Конечно слышал.

— Да он хитрит! — воскликнул Вик. — Думает, что это розыгрыш, и боится клюнуть.

— Скажи честно, — попросил Рэгл. — Это не розыгрыш.

— Ну конечно, я о ней слышал, — сказал Блэк.

— Кто это?

— Она… — Блэк посмотрел, слышат ли его Сэмми и Марго из соседней комнаты. — Это секс–бомба. Актриса из Голливуда.

«Будь я проклят!» — подумал Рэгл.

— Подождите. — Вик вышел и вернулся с иллюстрированным журналом. Держа его так, чтобы Блэк ничего не видел, он спросил: — Какая ее картина считается самой лучшей?

— Ну, это дело вкуса. — Блэк пожал плечами.

— Тогда назови любую.

— «Укрощение строптивой».

Рэгл и Вик вдвоем просмотрели всю статью, но шекспировская пьеса не упоминалась ни разу.

— Назови еще одну. Такой здесь нет.

— Зачем все это? — Блэк раздраженно взмахнул рукой. — Я редко хожу в кино.

— Судя по тому, что здесь пишут, — продолжил Рэгл, — она вышла замуж за видного драматурга. Как его зовут?

— Артур Миллер, — не задумываясь, ответил Блэк.

Ну вот, подумал Рэгл. Теперь будем выяснять.

— Почему же тогда мы ее не знаем? — спросил он Блэка.

— Только не вините в этом меня, — презрительно фыркнул Блэк.

— А давно она знаменита?

— Нет, не очень. Помните Джейн Рассел? В «Изгнаннике»?

— Нет, — сказал Вик. Рэгл тоже покачал головой.

— Как бы то ни было, — Блэк был явно смущен, хотя изо всех сил старался этого не показать, — из нее сделали звезду в течение суток.

Он замолчал и подошел ближе к журналу:

— Что это? Можно посмотреть?

— Валяй, — разрешил Рэгл.

Полистав журнал, Билл Блэк пожал плечами:

— Да ему несколько лет! Думаю, эта актриса уже исчезла из виду. Но когда я ухаживал за Джуни, еще до свадьбы, мы частенько заглядывали в кинотеатры, и я помню именно этот фильм, «Джентльмены предпочитают блондинок». Здесь про него пишут.

Вик крикнул в сторону кухни:

— Слышишь, Марго, дорогая, Билл Блэк ее знает!

Марго вошла в комнату, продолжая протирать тарелку с голубым китайским рисунком.

— Да? Ну, это все проясняет.

— Что проясняет? — спросил Блэк.

— Мы предполагаем, что над нами экспериментируют, — сказала Марго.

— Кто?

— Нам троим кажется, что происходит нечто

странное.

— Где происходит? — переспросил Блэк. — Не пойму, о чем идет речь.

Никто ему не ответил.

— Что вы еще мне покажете? — поинтересовался он.

— Ничего, — ответил Рэгл.

— Они нашли телефонную книгу, — пояснила Марго. — Вместе с журналами. Часть телефонной книги.

— Где вы все это берете?

— А тебе, черт побери, какое дело? — не выдержал Рэгл.

— Мне до этого дела нет, — ответил Блэк. — Только я вижу, что вы тут совсем рехнулись. — Он раздражался все больше. — Дайте–ка взглянуть на эту книгу.

Вик взял справочник и протянул Блэку. Тот сел в кресло и принялся листать его с хмурым выражением лица.

— Ну и что? Справочник откуда–то с севера штата. Этими номерами уже не пользуются.

Билл захлопнул книгу и швырнул на стол.

— Вы меня удивляете, все трое. Особенно ты, Марго. — Он протянул руку, взял справочник и пошел к двери. — Через день–другой я вам его

верну. Хочу полистать. Может, удастся найти кое–кого из Джуниных одноклассников в Кортесе. Она многих не может разыскать. В основном девчонок. Наверное, все повыходили замуж.

Было слышно, как за ним захлопнулась входная дверь.

— Он очень расстроился, — сказала Марго после паузы.

— Даже не знаю, что и подумать. — Вик пожал плечами.

Рэгл хотел было пойти за Биллом и вернуть книгу, но понял, что это сейчас совершенно бесполезно.

***

Взлетев на крыльцо, Билл, как сумасшедший, рванул дверь и промчался мимо жены к телефону.

— Что случилось? — вскинулась Джуни. — Ты что, подрался с ними? С Рэглом? Я хочу знать, что он сказал. Если он сказал, что между нами что–то было, он лжец.

— Перестань, — взмолился Билл. — Пожалуйста, Джуни. Ради бога. Это по работе.

Он долго смотрел на нее, пока она не повернулась и не ушла.

— Алло? — прозвучал в трубке голос Ловери.

Билл присел на корточки и прижал трубку ко рту, чтобы Джуни не слышала.

— Я был у них. Им попалась телефонная книга, действующая. Сейчас она у меня. Сам не знаю, как мне удалось ее выцарапать.

— Ты выяснил, откуда она у них?

— Нет, — признался Блэк. — Честно говоря, просто растерялся. Слушай, мне правда стало не по себе, когда я зашел, а они говорят: «Блэк, ты знаешь такую актрису — Мэрилин Монро?» А потом выволокли пару покоробленных журналов и чуть не швырнули мне в лицо. Я пережил несколько отвратительнейших минут.

Билл до сих пор дрожал, пот выступил у него на лбу и на висках. Удерживая трубку плечом, он изловчился и вытащил из кармана сигарету с зажигалкой. Зажигалка выскользнула и укатилась. Билл обреченно проследил за ней взглядом.

— Понятно, — сказал Ловери. — У них же нет Мэрилин Монро… Это портит всю игру.

— Еще как. — Блэк поморщился.

— Ты говоришь, журналы и телефонная книга были покоробленны?

— Да. Очень сильно.

— Значит, они нашли их в гараже или на улице. А может, в развалинах разбомбленных военных

складов. Мусор, кстати, все еще там. Вы его так и не убрали.

— А при чем здесь мы? — завелся Блэк. — В конце концов, это собственность округа, пусть они и убирают! К тому же там ничего нет. Одни бетонные блоки и система отвода радиоактивных отходов.

— Возьмите в муниципалитете грузовик, несколько человек и зацементируйте чертовы развалины. Поставьте забор.

— Мы пытались получить разрешение из округа, — выпалил Блэк. — В любом случае, я не думаю, чтобы они нашли все это там. А если и так — я говорю «если»! — то лишь потому, что кто–то унавозил почву.

— Лучше сказать — обогатил.

— Да, парочкой самородков.

— Может быть.

— А значит, когда мы зацементируем развалины, те, кто это сделал, переберутся поближе к дому. С чего бы вообще Вик или Марго туда полезли? Пройти полмили через весь город… — И тут он вспомнил про петицию Марго. Кажется, все становится на свои места. — Впрочем, ты, возможно, прав, — сказал он.

А может, подумал Блэк, это Сэмми понатаскал?

Неважно. Главное — книга здесь.

— Ты не думаешь, что они что–нибудь пронюхали, пока телефонный справочник был у них? — спросил Ловери. — Кроме номеров, по которым пытались позвонить?

Блэк понял, что имелось в виду.

— Люди никогда не ищут в справочниках свой номер, — ответил он. — Это просто не приходит в голову.

— Книга у тебя?

— Да.

— Прочти, что он мог найти.

Придерживая телефон, Билл Блэк принялся листать покоробленные, грязные страницы, пока не дошел до «Р».

Рэгл Гамм, глава корпорации.

Двадцать пятое отделение: Кентвуд, 6–0457

с пяти вечера до восьми утра: Уолнат, 4–3965

Морской отдел: Рузвельт, 2–1181

Первая площадка: Бриджфилд, 8–4290

Вторая площадка: Бриджфилд, 8–4291

Третья площадка: Бриджфилд, 8–4292

Канцелярия: Уолнат, 4–3882

В экстренных случаях: Шерман, 1–9000

— Интересно, что бы он сделал, если бы открыл эту страницу? — вслух подумал Блэк.

— Одному богу известно. Скорее всего, впал бы в кому.

Блэк попытался вообразить разговор Рэгла Гамма с любым из абонентов двадцать пятого отделения корпорации Рэгла Гамма.

Жуткий получился бы разговорчик. Такой, что и представить себе невозможно.

Глава 6

На следующий день, придя из школы, Сэмми Нильсон отнес в сарай свой барахлящий детекторный приемник. Дверь украшала дощечка из отцовского магазина:

ФАШИСТАМ, НАЦИСТАМ, КОММУНИСТАМ,
ФАЛАНГИСТАМ,
ПЕРОНИСТАМ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ
ГЛИНКИ И БАХА ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

И отец, и дядя посчитали, что это — лучшая вывеска, и он прикрепил ее над входом. Мальчик отпер дверь и втащил в сарай приемник. Потом запер дверь на засов и зажег керосиновую лампу. Вынул заглушки из смотровых щелей и некоторое время наблюдал, не следят ли за ним враги.

Никого не было видно. Только пустой двор. Белье на веревке. Серый дым из ящика для сжигания мусора.

Мальчик сел за стол, надел наушники и начал двигать контактную пружину по кристаллу. Затрещали разряды. Передвигал ее, пока не услышал (или ему показалось, что услышал) слабые, тонкие голоса. Тогда он остановил пружину и начал медленно менять частоту колебательного

контура, перемещая контакт по настроечной катушке. Один голос вырвался из треска, мужской и едва слышный — слов не разобрать.

Наверное, не хватает антенны, подумал Сэмми. Нужно больше проволоки.

Выйдя из сарая и заперев за собой дверь, он принялся бродить по двору. Заглянул в гараж: там у дальней стенки отец оборудовал небольшую мастерскую. Сэмми тщательно обследовал полку и нашел большой круг неизолированной стальной проволоки. Она бы сгодилась для крепления картины к стене или для развешивания белья. Мальчик решил, что возражать никто не будет.

Он оттащил проволоку к сараю, взобрался на крышу и прикрепил ее к антенне своего приемника. Получилась одна огромная — во весь двор — антенна.

Наверное, будет лучше, если ее поднять повыше, решил Сэмми. Во дворе валялся длинный шест, к нему мальчик и прикрепил другой конец проволоки, после чего затащил шест на крышу. Тут оказалось, что проволока провисает и ее надо натягивать.

Тогда он вернулся в дом и поднялся на второй этаж, откуда был выход на крышу.

Снизу донесся голос матери:

— Сэмми, уж не собираешься ли ты вылезти на крышу?

— Нет! — крикнул Сэмми. Уже вылез, добавил он про себя, производя между тем сложные вычисления. Если лечь на живот и подползти к самому краю, то можно дотянуться до торчащего с крыши сарая конца шеста. Только к чему потом привязать проволоку? Разве что к телевизионной антенне…

Сказано — сделано. Сэмми удовлетворенно вздохнул и побежал вниз, в сарай. Усевшись за столом перед приемником, он взялся за контакт.

На этот раз мужской голос в наушниках звучал отчетливо. То и дело его заглушали другие — целое море голосов. Сэмми настраивал приемник, дрожа от возбуждения. Наконец остановился на самом громком голосе.

— …они длинные и похожи на хлебные батончики. Кусая, вы рискуете сломать себе зубы. Не знаю, для чего их делают. Скорее всего — для свадеб, где всегда много незнакомых людей, а закуски, как правило, не хватает.

Человек говорил неторопливо, делая большие паузы между словами.

— …и так везде. Даже в шоколадных. Есть такой сорт, белый, с орехами. Мне они напоминают

выбеленные черепа в пустыне, черепа гремучих змей, североамериканских зайцев. Как вам такое понравится? Сломать зубы о череп гремучей змеи… — Человек захохотал так же размеренно и неторопливо, как и говорил: — Ха–ха–ха! Ну что, Леон, пожалуй, все. Да, чуть не забыл. Ты помнишь, твой брат Джим утверждал, что в жару муравьи ползают быстрее? Так вот, я проверял и не могу с ним согласиться. Спроси его, уверен ли он сам в том, что говорит. Потому что после нашего последнего разговора я не поленился и несколько часов наблюдал за муравьями — в самое пекло они ползали ничуть не быстрее обычного.

— Что–то непонятное, — пробурчал Сэмми.

Он настроился на другой голос. Этот человек говорил очень быстро:

— Си Кью, вызываю Си Кью, Дабл–ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, Дабл–ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, вызывает Си Кью, слышите меня? Дабл–ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, Дабл–ю три тысячи восемьсот сорок вызывает Си Кью, ответьте Дабл–ю три тысячи восемьсот сороковому…

И так без конца. Сэмми продолжил поиск. Следующий голос звучал так протяжно, что он сразу

же пошел дальше.

— Нет… нет… еще… что? Нет… я так не считаю…

Отмороженный какой–то, разочарованно подумал Сэмми.

Но приемник работал!

Значит, надо искать еще.

Несколько раз Сэмми вздрагивал от резкого свиста и шипения. Потом пошли отчаянные точки–тире. Он знал, что это азбука Морзе. Может быть, с тонущего корабля в Атлантике… экипаж пытается пробиться на шлюпках сквозь горящую на воде нефть.

Одна из частот оказалась интереснее:

— …ровно в три тридцать шесть. Я проведу. — Долгая пауза. — Да, проведу с этого конца. А вы держите курс. — Молчание. — Держите курс. — Молчание. — Хорошо, ждите. Что? — Очень долгое молчание. — Не больше чем два и восемь. Вы поняли? Северо–восток. Хорошо. Правильно.

Сэмми посмотрел на свои часы с Микки–Маусом. Было как раз три часа тридцать шесть минут.

И тут в небе над сараем раздался оглушительный гул, от которого мальчик вздрогнул. А в наушниках зазвучал голос:

— Вы приняли? Да, я вижу, он меняет направление. Хорошо, на сегодня все. Да. Хорошо. Конец связи.

Все затихло.

— Ну дела! — выдохнул Сэмми. — Интересно, что скажут папа и дядя Рэгл, когда услышат такое?

Сбросив наушники, он выскочил из сарая и побежал к дому.

— Мам! Где дядя Рэгл? Работает в гостиной?

Марго возилась на кухне с посудой.

— Пошел отправлять ответ, — сказала она. — Сегодня он рано закончил.

— Ну надо же! — в отчаянии воскликнул Сэмми.

— А что случилось? — поинтересовалась мать.

— Я поймал по детекторному приемнику космический корабль или что–то такое. Хотел, чтобы он послушал. — Сэмми затоптался кругами, не зная, чем заняться.

— Хочешь, я послушаю? — спросила мать.

— Давай, — неуверенно сказал мальчик и пошел в сарай.

Марго последовала за ним.

— Только совсем недолго, — предупредила она. — До обеда у меня еще масса дел.

В четыре часа Рэгл отправил с почты конверт с ответами.

***

«На два часа раньше срока, — подумал он. — Могу, значит, если захочу».

Домой он поехал на такси, однако вышел на углу возле старого серого двухэтажного дома с покосившимся крыльцом. Здесь их Марго не застукает. Дальше соседнего двора она не ходит.

Поднявшись на крыльцо, Рэгл позвонил в один из трех медных звонков. За кружевными шторами в конце длинного высокого коридора раздался мелодичный звон.

Мелькнул силуэт. Дверь открылась.

— А, это вы, мистер Гамм! — воскликнула миссис Кейтелбайн. — Я вам забыла сказать, когда начинаются занятия.

— Ничего страшного, — улыбнулся Рэгл. — Я проходил мимо и решил подняться и спросить.

— Занятия у нас два раза в неделю. Во вторник в два, в четверг в три. Легко запомнить.

Рэгл осторожно поинтересовался:

— Как прошла запись? Вы довольны?

— Не скажу, чтобы был оглушительный успех, — улыбнулась миссис Кейтелбайн. Сегодня она не выглядела такой усталой. На ней

был серо–голубой халат и домашние тапочки. Исчезла болезненность, она уже не походила на старую деву, обожающую своего кастрированного кота и поглощающую детективы. Скорее уж на активную прихожанку, из тех, что проводят благотворительные распродажи. Размер дома, количество звонков и почтовых ящиков указывали на то, что немалую часть своих доходов миссис Кейтелбайн получает от домовладения. Дом, очевидно, был разделен на отдельные квартиры.

— Вы не могли бы, — спросил Рэгл, — припомнить кого–нибудь из записавшихся? Я буду чувствовать себя увереннее, если в группе окажутся знакомые люди.

— Мне надо посмотреть списки. Может быть, зайдете?

— Конечно.

Миссис Кейтелбайн пошла по коридору и скрылась в одной из дверей в самом конце. Подождав немного, Рэгл пошел следом.

Размер комнаты поразил его. Она больше походила на огромную, продуваемую всеми сквозняками аудиторию. Камин был переделан в газовый обогреватель. В дальнем углу комнаты напротив высокого окна и непонятного назначения желтой двери располагались несколько

стульев. Миссис Кейтелбайн стояла у полки с огромной книгой, какими обычно пользуются бухгалтеры.

— Не могу найти. — Она обезоруживающе улыбнулась и захлопнула свой гроссбух. — Список у меня есть, но в этом беспорядке… — Женщина обвела рукой неприбранную комнату. — Мы сейчас готовимся к первому занятию. Вот, например, стулья. Их нам не хватает. Кроме того, нужна доска. Правда, средняя школа пообещала одну… — Неожиданно миссис Кейтелбайн взяла его за руку. — Послушайте, мистер Гамм, в подвале есть тяжелая дубовая столешница, я целый день ищу, кто бы помог Вальтеру, моему сыну, поднять ее наверх. Вы не откажетесь?.. Вальтер считает, что вдвоем можно справиться за несколько минут. Я как–то пыталась ее приподнять, но не смогла.

— С удовольствием, — ответил Рэгл. Он снял пиджак и перекинул его через спинку стула.

В комнату легкой походкой вошел долговязый улыбающийся подросток в белом свитере, джинсах и черных спортивных туфлях.

— Добрый день, — сказал он смущенно.

Миссис Кейтелбайн представила их друг другу и повела по немыслимо крутой лестнице в сырой бетонный подвал, где Рэгл увидел лишенную

изоляции проводку, пустые банки, затянутую паутиной ветхую мебель, матрасы и старинную раковину для посуды.

Дубовый стол уже подтащили к самой лестнице.

— Прекрасный старинный стол, — заметила миссис Кейтелбайн. — Он принадлежал моему отцу — деду Вальтера.

Ломающимся голосом Вальтер сказал:

— Он весит около ста пятидесяти фунтов. Можно взять его снизу, я сперва повернусь спиной и подниму, а потом вы подхватите, хорошо?

Юноша опустился на колени и взялся за низ стола.

За годы военной службы Рэгл привык гордиться своими физическими возможностями, но сейчас, приподняв стол до уровня пояса, он запыхтел как паровоз и едва не выронил ношу, когда Вальтер стал поворачиваться к нему лицом.

Трижды пришлось опускать стол на ступеньки: один раз, чтобы отдохнул Рэгл, и два раза потому, что дубовый монстр просто не пролезал в проемы и приходилось вертеть его то так, то этак. Наконец стол был водворен в огромную комнату со сквозняками. Тут он со стуком выскользнул из рук, и этим все кончилось.

— Я очень вам благодарна, — сказала миссис Кейтелбайн, выключив свет на лестнице. — Надеюсь, вы не ушиблись: стол оказался тяжелее, чем я думала.

Ее сын выглядел так же смущенно, как и вначале.

— Вы тот самый мистер Гамм — победитель конкурса?

— Да, — ответил Рэгл.

— Может быть, — юноша находился в явном замешательстве, — мне не следует задавать таких вопросов, но я всегда мечтал поговорить с человеком, зарабатывающим кучу денег на конкурсах… Вы рассматриваете свой заработок как удачу или как большой гонорар? Ну, скажем, один адвокат получает больше других, потому что у него котелок варит получше. Или вот старые художники, чьи картины идут сейчас за миллионы…

— Для меня это тяжелый труд, — сказал Рэгл. — Так я его и рассматриваю. А работаю я, бывает, и по восемь, и по десять часов в сутки.

— Ну да, — кивнул юноша. — Я понимаю.

— А как все началось? — спросила миссис Кейтелбайн.

— Сам не знаю, — признался Рэгл. — Увидел газету с заданием и послал ответ. Это было почти

три года назад. Так и втянулся. Я с первого раза прислал правильный ответ.

— А я нет, — сказал Вальтер. — Ни разу не угадал, а посылал раз пятнадцать.

— Мистер Гамм, — обратилась к Рэглу миссис Кейтелбайн, — прежде чем вы уйдете, я бы хотела кое–что вам дать. Для поддержки.

Она быстро вышла в соседнюю комнату.

«Сейчас принесет пирожное, — подумал Рэгл. — Или два».

Но женщина вернулась с яркой наклейкой.

— Это для вашей машины. — Она протянула наклейку Рэглу. — На заднее стекло. Самоклеящаяся. Опустите в теплую воду — и прямо лепите. Бумага слезет, эмблема останется.

— У меня нет сейчас машины, — заметил Рэгл.

— А! — разочарованно протянула она.

— Тогда ее можно приклеить сзади на пиджак. — Вальтер заржал как жеребец, но вполне дружелюбно.

— Очень жаль, — смущенно пробормотала миссис Кейтелбайн. — В любом случае, спасибо вам большое. Очень хотелось вас отблагодарить, теперь прямо не знаю как. Постараюсь сделать занятие как можно более интересным, хорошо?

— Отлично! — сказал Рэгл. Он взял пиджак и

направился к выходу. — Мне пора. Значит, увидимся во вторник, в два.

В углу комнаты у окна стояла модель какой–то штуки. Рэгл остановился, чтобы лучше рассмотреть.

— Мы этим будем пользоваться, — сообщила миссис Кейтелбайн.

— А что это? — поинтересовался Рэгл.

Вещица весьма походила на макет военного укрепления. Квадратное сооружение, внутри которого можно было разглядеть несущих службу солдат. Макет был выкрашен в коричнево–зеленый и серый цвета. Рэгл потрогал торчащий из крыши пулеметный ствол и обнаружил, что он вырезан из дерева.

— Как настоящий!

— Мы таких сделали несколько штук. На занятиях по гражданской обороне для младших групп. В прошлом году, когда мы еще жили в Кливленде. А мама их привезла сюда. Да они, наверное, никому больше и не нужны. — Вальтер снова громко засмеялся. Смех был скорее нервный, чем невежливый.

— Это копия мормонского форта, — объяснила миссис Кейтелбайн.

— Черт побери, я этим интересуюсь! — восклик-

нул Рэгл. — Вы знаете, я ведь принимал участие во Второй мировой на Тихоокеанском театре.

— Да, припоминаю, я читала о вас что–то подобное, — сказала миссис Кейтелбайн. — Вы ведь знаменитость. Время от времени про вас пишут в журналах. Вы, кажется, удерживаете рекорд как самый долговечный лидер всех известных телевизионных и газетных конкурсов?

— Что–то вроде этого, — подтвердил Рэгл.

— Вы видели крупные сражения на Тихом океане? — спросил Вальтер.

— Нет, — честно ответил Рэгл. — Меня и еще одного парня забросили на безымянную кучу грязи в океане, где, кроме нескольких кокосовых пальм, ржавой железной будки, передатчика и метеоприборов, ничего не было. Напарник следил за погодой, а я передавал сводки на военно–морскую базу в двухстах милях к югу от нас. Это занимало около часа. Остальное время я развлекался тем, что пытался предсказать погоду. Это не входило в мои обязанности, мы должны были передавать данные приборов, прогнозы составляли на базе. Но у меня хорошо получалось. Достаточно мне было взглянуть на небо и на приборы, чтобы почти всегда дать точный прогноз.

— Я думаю, для флота и армии очень важно

знать погодные условия, — заметила миссис Кейтелбайн.

— Шторм, — сказал Рэгл, — может сорвать операцию по высадке морского десанта, разбросать конвой грузовых судов. И изменить ход войны.

— Может быть, там вы и научились угадывать, — предположил Вальтер. — Ставили на погоду.

Рэгл рассмеялся:

— Да, именно этим мы и занимались. Заключали пари, какая будет погода. Я, например, говорил, что в десять пойдет дождь, а напарник утверждал, что нет. Так и скоротали пару годков. И еще пили пиво. Когда нам завозили продовольствие, то оставили запас пива, рассчитанный, я думаю, на взвод. Единственная проблема заключалась в том, что мы не могли его охладить. Теплое пиво день за днем…

«Что–то я ударился в воспоминания», — подумал Рэгл.

Двенадцать, нет, тринадцать лет назад… Ему тогда было тридцать три. Работал в паровой прачечной, когда однажды в почтовый ящик опустили повестку.

— Слушай, мама! — возбужденно воскликнул Вальтер. — Есть идея! А что, если мистер Гамм

расскажет на занятиях о своем боевом опыте? Это создаст эффект присутствия… Он наверняка еще не забыл и курс боевой подготовки: личная безопасность при обстреле, действия в критических ситуациях…

— Вряд ли я смогу рассказать больше, чем написано в уставе, — сказал Рэгл.

— Но вы же помните всякие случаи, которые произошли с другими солдатами, — настаивал Вальтер. — Необязательно говорить о том, что случилось именно с вами.

Мальчики все одинаковы, подумал Рэгл. Этот рассуждает так же, как Сэмми. Сэмми — десять, Вальтеру, наверное, уже шестнадцать. Но они оба ему нравились. И он воспринимал их слова как комплимент.

«Вот она, слава, — усмехнулся про себя Рэгл. — Моя награда за то, что я самый великий в истории победитель газетного конкурса. Мальчикам от десяти до шестнадцати кажется, что я — личность».

Это его развлекло. И он сказал:

— Во вторник я приду в полной генеральской форме.

Глаза мальчика расширились, он оцепенел.

— Вы шутите? Четырехзвездный генерал?

— Именно так, — как можно торжественнее ответил Рэгл.

Миссис Кейтелбайн улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

***

В половине шестого, после закрытия магазина, Вик Нильсон собрал всех кассиров.

— Послушайте. — Вик обдумывал это целый день. Шторы на окнах были опущены, посетители разошлись. Помощники кассиров подсчитывали выручку и заряжали ленты на следующий день. — Я прошу вас о небольшой услуге. Речь идет о психологическом эксперименте. Займет это тридцать секунд. Хорошо? — Он обращался к Лиз, она была лидером коллектива; если она скажет «да», остальные тоже согласятся.

— А завтра нельзя этого сделать? — воскликнула Лиз. Девушка уже надела плащ и переобулась в туфельки на каблуках. В них она смотрелась как красотка с рекламы ананасового сока.

На это Вик ответил:

— Моя жена уже приехала и ждет меня. Если я не выйду через минуту, она за мной зайдет. Так что много времени мы не потратим.

Трое других кассиров, низкорослые мужчины, выжидающе смотрели на Лиз. Они по–прежнему

оставались в белых фартуках, с карандашами за ухом.

— Ну ладно. — Девушка погрозила Вику пальцем. — Валяй. Только без хитростей. Давно пора двигать отсюда.

Вик подошел к продуктовой полке, вытряхнул фасоль из бумажного пакетика и принялся его надувать. Лиз и кассиры мрачно следили за его действиями.

— Я хочу, чтобы вы сделали вот что, — начал Вик, подняв над головой пакет. — Сейчас я хлопну и выкрикну команду. Мне надо, чтобы вы исполнили все в точности. Ни о чем не думайте, просто сделайте то, что я скомандую. Я хочу, чтобы вы отреагировали мгновенно. Понятно?

Жуя резинку, добытую из ящика с конфетами, Лиз процедила:

— Да, все понятно. Давай хлопай и кричи.

Все четверо повернулись к Вику, встав спиной к широкой стеклянной входной двери. Это была единственная дверь, через которую входили и выходили из магазина.

— Ну… — Вик поднял пакет над головой и крикнул: — Бегите! — и тут же хлопнул пакет.

От его крика все вздрогнули, но, когда с оглушительным треском разорвался мешок, кассиры

бросились бежать, как зайцы.

Ни один человек не побежал к двери. Всей группой они кинулись влево, к колонне. Шесть, семь, восемь шагов… Кассиры остановились, злые и запыхавшиеся.

— Ну и что? — Лиз пришла в себя. — Для чего это было надо? Ты сказал, что вначале хлопнешь, но сперва закричал. Почему?

— Спасибо, Лиз, — сказал Вик. — Отлично получилось. Можешь идти на свидание.

Выходя из магазина, кассиры смотрели на него с сочувствием.

Помощник кассира, возившийся с выручкой и кассовым аппаратом, спросил:

— Мне тоже надо было бежать?

— Нет, — машинально ответил Вик, размышляя над экспериментом.

— А я попытался было спрятаться под кассу, — сказал помощник.

— Спасибо, — пробормотал Вик. Выйдя из магазина, он закрыл за собой дверь и направился к «фольксвагену».

В машине оказалась огромная черная немецкая овчарка. Она внимательно следила за приближающимся Виком. На переднем бампере была глубокая вмятина. И грязь по всей машине.

Вот тебе и психологический эксперимент. Машина–то не моя. Просто «фольксваген» заехал на стоянку в то самое время, когда обычно приезжала Марго. А все остальное — уже результат работы подсознания.

Вик развернулся и побрел к магазину. Когда он приблизился, стеклянная дверь распахнулась, высунулся помощник кассира и сказал:

— Виктор, вас спрашивают. Жена.

— Спасибо. — Он придержал дверь, вошел внутрь и направился к телефону.

— Дорогой, — начала Марго, — извини, что не заехала, ты все еще ждешь? Может, сегодня поедешь автобусом? Если ты устал, я, конечно, примчусь, но, думаю, на автобусе будет просто быстрее.

— Хорошо, — ответил Вик.

— Я была у Сэмми в сарае, он мне дал послушать свой приемник. Это потрясающе…

— Ну хорошо, — оборвал Вик, собираясь вешать трубку. — Пока.

— Мы слушали самые разные станции и…

Попрощавшись с помощником кассира, Вик пошел к остановке автобуса. Вскоре он уже ехал домой вместе с продавцами и служащими, старушками и школьниками.

Курить в общественных местах запрещалось, но он так разволновался, что все–таки закурил, выпуская дым в окно, чтобы не беспокоить соседку.

Эксперимент удался, подумал он. Сработал даже лучше, чем я предполагал. Казалось бы, кассиры должны разбежаться в разные стороны: один — к двери, другой — к стене, третий — от двери. Это подтвердило бы его предположение, что смоделированная ситуация оказалась для них случайной. И что большая часть их жизни прошла в другом месте, где–то еще, а где именно — никто из них и не помнит.

Но… у каждого должны были сработать собственные рефлексы. Индивидуальные. А кассиры все бросились в одну сторону.

Бежать туда было бессмысленно, но они действовали одинаково. Они отреагировали как группа, а не как отдельные личности.

Значит, прошлый жизненный опыт был у всех одинаков.

Как могло такое произойти?

Его теория это не объясняла.

Стараясь не надымить в автобусе, Вик мысленно нащупывал новую гипотезу, но с ходу ничего не выходило.

Разве что, подумал он, существует какое–нибудь простенькое объяснение, вроде того, что все четверо посещали какое–нибудь заведение, жили вместе в общежитии, несколько лет подряд питались в одном кафе или ходили в одну школу…

В окружающей реальности есть трещины и щели, в которые она утекает, а внутрь просачивается другая.

Капелька здесь, две–три в том углу. Мокрое пятно проступило на потолке. Но где–то они смыкаются… И что все это значит?

Вик решил рассуждать логически. Во–первых, давай разберемся, как ты к этому пришел, сказал он себе. Переел ласэни, бросил игру с хорошими, кстати, картами и побежал в ванную принять таблетку.

Было ли что–нибудь до этого?

Пожалуй, нет, решил он. До этого был солнечный мир. Дети бегали, коровы мычали, собаки виляли хвостами. По воскресеньям хозяева подстригали лужайки и слушали спортивные репортажи по телевизору. Так мы могли жить вечно.

Ничего не замечая.

Правда, была еще галлюцинация Рэгла. А что, собственно говоря, за галлюцинация? Рэгл так

толком и не рассказал. Каким–то образом она совпадает с моими ощущениями, размышлял Вик. Рэгл, выходит, тоже заглянул за грань реальности. Расковырял дырочку. Или она сама раскрылась перед ним, может, даже разорвалась с треском, зазияла провалом.

Мы можем свести воедино все известные факты, но это ничего не даст, кроме осознания, что здесь что–то не так. А это было нам известно с самого начала. Догадки не дают решения, они лишь показывают, как далеко простирается неправильность мира.

И все же, думал Вик, мы ошиблись, когда позволили Биллу Блэку уйти с нашей книгой.

А что делать сейчас? Продолжать эксперименты?

Не стоит. Хватит и одного. Того, что он непроизвольно поставил в ванной. Даже последний эксперимент принес больше вреда, чем пользы, — ничего не подтвердилось, зато суматохи вышло предостаточно.

Хватит морочить себе голову, решил он. С меня довольно! Что я, собственно, знаю? Наверное, Рэгл прав и нам стоит начать с серьезных философских книг, скажем с Беркли и всех остальных, как их там…

Может быть, подумал Вик, если я вот сейчас изо всех сил зажмурю глаза, так, чтобы осталась только щелочка света, если изо всех сил сосредоточусь на этом проклятом автобусе, на уставших, отупевших домохозяйках с полными сумками, на щебечущих школьницах, клерках, уткнувшихся в вечерние газеты, водителе с красной шеей… может, все они просто исчезнут. Поскрипывающее сиденье подо мной, выхлопы дыма каждый раз, когда автобус трогается с места, рывки, покачивание, реклама над окнами. Может, все это возьмет и исчезнет?

Зажмурившись, он попытался отключиться от автобуса и пассажиров. Через десять минут голова пошла кругом. Пупок, тупо соображал Вик. Надо сконцентрироваться на одной точке. Он выбрал кнопку на противоположной стене автобуса. Круглый белый звонок. Ну давай, внушал Вик. Исчезай.

Исчезай.

Исче…

Ис…

И…

…

Вздрогнув, Вик проснулся. Оказывается, он задремал. Укачало, как и многих в автобусе. Головы

пассажиров равномерно покачивались в такт движению. Влево–вправо. Вперед. Вбок. Вправо. Влево. Автобус остановился на перекрестке. Головы застыли под прямым углом.

Откинулись назад, когда автобус тронулся с места.

Наклонились, когда автобус затормозил.

Исчезайте.

Исчеза…

Ис…

И вдруг сквозь полуприкрытые глаза Вик увидел, что пассажиры исчезли.

Ну, подумал он, получилось!

Нет. Не так.

Ни автобус, ни пассажиры ни капельки не исчезли. Но все внутри начало странным образом изменяться — как и в эксперименте с кассирами, выходило совсем не то, чего ожидал Вик.

Черт бы вас взял! Исчезайте!

Стены автобуса вдруг стали прозрачными. Он увидел сквозь них тротуар и магазин. Тонкие опорные стойки, скелет автобуса. Металлические ребра жесткости пустого пространства. Без сидений. Только условная линия посадки, поверх которой застыли, будто чучела, бесформенные тени. Неживые. Чучела наклонялись вперед и

назад, вперед и назад. Впереди, как и прежде, сидел водитель. Водитель ничуть не изменился. Та же красная шея. Сильная, широкая спина. За рулем пустотелого автобуса.

С пустотелыми людьми. Вик был единственным человеком в автобусе. Он и водитель. А автобус двигался. Ехал по городу из деловой его части в жилые районы. Водитель вез его домой.

Когда Вик снова открыл глаза, качающиеся пассажиры были на месте. Продавцы. Клерки. Школьники. Шум, запах и болтовня.

Все экспериментируешь, подумал Вик. А если бы провалился сквозь пол и вылетел на улицу? Или перестал бы существовать, как остальные? Мысль наполнила его страхом.

Может быть, это видел Рэгл?

Глава 7

Когда он приехал, дома не было ни души. На мгновение его охватила паника.

— Марго!

Вик метался по комнатам, отчаянно пытаясь взять себя в руки.

Наконец он заметил открытую дверь на задний двор. Вышел и огляделся. По–прежнему никаких признаков домашних. Ни Рэгла, ни Марго, ни Сэмми — никого.

Вик пошел по дорожке мимо бельевых веревок, мимо клумбы с розами к прилепившемуся к забору сарайчику Сэмми.

Как только он постучал, открылась смотровая щель и блеснули глаза сына.

— Привет, папа!

Засов вытащили, и дверь распахнулась. В сарае с наушниками на голове сидел за столом Рэгл. Рядом с ним перед большой стопкой бумаги — Марго. Оба что–то строчили, покрывая лист за листом торопливыми записями.

— Что происходит? — спросил Вик.

— Ведем радиоперехват, — ответила Марго.

— Это я вижу. Но что вы принимаете?

Не снимая наушников, Рэгл повернулся к нему. Глаза его блестели.

— Ловим их радиостанции.

— Чьи? — воскликнул Вик. — Чьи радиостанции?

— Рэгл говорит, могут потребоваться годы, чтобы это узнать, — сказала Марго.

Она была необычайно оживлена. Сэмми вообще застыл в экстазе. Вик никогда не видел их в таком состоянии.

— Мы научились на них настраиваться, на их волну, — продолжала Марго. — И уже приступили к записи. Вот, посмотри. — Она пододвинула к нему кипу бумаги. — Мы записываем, что они говорят.

— Радиолюбители? — переспросил Вик.

— Да, — Рэгл кивнул, — а также переговоры между кораблями и базой. База, очевидно, где–то поблизости.

— Кораблями… — повторил Вик. — Ты имеешь в виду морские суда?

Вместо ответа Рэгл показал наверх.

О боже, подумал Вик. И тут он почувствовал их возбуждение и нервозность. Их безумие.

— Когда они проходят над нами, — стала объяснять Марго, — звук ясный и чистый. Примерно

одну минуту. Потом затухает. Мы слышим их разговоры, не просто обмен позывными, а разговоры. Они много шутят.

— Да, очень много, — подтвердил Рэгл. — Прямо хохмачи какие–то.

— Дайте послушать, — попросил Вик.

Он сел за стол, и Рэгл надел на него наушники. Радиообмен продолжался. Кто–то передавал информацию. Вик немного послушал.

— Расскажите, что вы тут выяснили. — Он был слишком возбужден, чтобы воспринимать гудящий в наушниках голос. — Вы можете что–нибудь объяснить?

— Пока ничего, — сказал Рэгл, но в голосе его звучало удовлетворение. — Неужели ты не понимаешь? Мы знаем, что они есть.

— Мы и раньше это знали, — заметил Вик. — Каждый раз, когда они пролетали.

Рэгл и Марго да и Сэмми тоже несколько разочаровались. Возникла пауза, Марго посмотрела на брата. Рэгл произнес:

— Это трудно объяснить…

Снаружи послышались голоса. Марго предостерегающе подняла руку. Все замерли.

Кто–то был во дворе и искал их. Вик услышал шаги на дорожке. Снова, на этот раз совсем близ-

ко, раздался голос:

— Есть тут кто–нибудь?

— Это Билл Блэк, — негромко сказала Марго.

Сэмми приоткрыл смотровую щель.

— Да, — прошептал он. — Это мистер Блэк.

Отодвинув сына в сторону, Вик приник к щели. Билл Блэк стоял посередине дорожки, озираясь в поисках хозяев. Он выглядел растерянным и озабоченным. Ясно, что он только что побывал в доме и обнаружил его незапертым и пустым.

— Интересно, что ему надо? — посетовала Марго. — Давайте сидеть тихо, и он уйдет. Думаю, он пришел пригласить нас на обед или прогулку.

Они подождали.

Билл Блэк бродил по двору, пиная траву.

— Эй, люди! — крикнул он. — Да куда вы делись, черт побери!

Тишина.

— Я себя буду по–дурацки чувствовать, если он найдет нас здесь, — нервно рассмеялась Марго. — Как будто мы — дети… А он ужасно смешон. Представляю, как он вытягивает шею, пытаясь нас разглядеть. Неужели думает, что мы прячемся в траве?

На стене сарая висела игрушечная лазерная винтовка, подаренная Сэмми к Рождеству. Вся в

грозных насадках и прицелах. На коробке было написано: «Бластер для поражения ракет и роботов. Оружие двадцать третьего века. Способно разрушать скалы». Несколько недель Сэмми носился по дому, разя все подряд, потом наступила весна, и бластер был водворен на стену, как трофей, устрашающий одним своим видом.

Вик снял винтовку с крюка. Открыл дверь сарая и вышел наружу.

На дорожке, спиной к нему, стоял и кричал Билл Блэк:

— Эй, люди, где вы?

Вик присел, наставил ствол на Блэка и произнес:

— Ну, теперь тебе конец.

Билл резко повернулся, увидел оружие и побледнел. Потом медленно поднял руки. И лишь тогда разглядел сарайчик, Рэгла, Марго и Сэмми, выглядывающих из двери, яркую эмаль игрушки и все ее насадки, рожки и кольца. Руки опустились, и он сказал:

— Ха–ха!

— Ха–ха, — ответил ему Рэгл.

— Что вы делаете? — спросил Блэк.

Из дверей дома Нильсонов показалась Джуни Блэк. Она медленно спустилась с крыльца, подо-

шла к мужу и положила руку ему на плечо; оба стояли нахмурившись.

— Привет, — сказала Джуни.

Из сарая вышла Марго.

— И чем вы, интересно, здесь занимаетесь? — спросила она Джуни таким тоном, от которого у женщин идут мурашки по коже. — Бродите по нашему дому, как по собственному?

Блэки опешили.

— Что ж, — продолжила Марго, скрестив руки. — Не стесняйтесь.

— Слушай, успокойся, — остановил ее Вик.

— Ну да! — Марго резко повернулась к мужу: — Они просто взяли и зашли к нам в дом. Прошлись по комнатам. Ну и как, понравилось? — Она снова переключилась на Джуни: — Кровати заправлены? Шторы не пыльные? Нашли что–нибудь интересное?

Рэгл и Сэмми вышли из сарая и подошли к Вику и его жене. Вчетвером они смотрели на Джуни и Билла Блэк. Наконец Блэк сказал:

— Извините. Мы всего–навсего хотели пригласить вас вечером поиграть в кегли.

Джуни глупо улыбалась, стоя рядом с мужем. Вику стало ее жаль. Очевидно, ей и в голову не приходило, что таким образом можно кого–ни-

будь обидеть, а о неприкосновенности частной собственности она, похоже, вообще не слышала. В свитере и синих брюках, со схваченными в узел волосами, она походила сейчас на забавного ребенка.

— Вы не имели права вламываться в чужой дом, — не унималась Марго. — И ты это прекрасно знаешь, Джуни.

Джуни вздрогнула, попятилась и окончательно растерялась:

— Я…

— Я же сказал, что мы просим прощения, — перебил ее муж. — Чего вам еще надо, ради всего святого? — Он тоже сильно смутился.

Вик шагнул вперед и протянул руку. Инцидент был исчерпан.

— Ты, если хочешь, оставайся, — сказал Вик Рэглу, — а мы пойдем в дом, подумаем насчет обеда.

— Что вы там делали? — спросил Блэк. — То есть, конечно, это не мое дело, можете не отвечать, но на вас лица нет.

— Вам в сарай нельзя, — вмешался Сэмми.

— Почему? — спросила Джуни.

— Вход только членам клуба.

— Разве мы не можем вступить?

— Нет.

— Почему?

— Не можете, и все, — сказал Сэмми, глядя на отца.

— Да, это так. — Вик кивнул. — Вы уж извините.

Он, Марго и Блэки направились в дом.

— Мы еще не обедали. — Марго никак не могла преодолеть враждебность.

— Да мы и не собирались играть в кегли прямо сейчас, — затараторила Джуни. — Мы только хотели поймать вас, пока вы не придумали что–нибудь другое. Слушайте, ребята, если вы еще не садились за стол, может, пообедаем у нас? Будет ножка ягненка, компот из груш, кроме того, Билл купил по дороге целую кварту мороженого. — Голос у нее дрогнул, она повернулась к Марго и спросила: — Ну что, согласны?

— Спасибо, — ответила Марго. — Как–нибудь в другой раз.

Билл Блэк, казалось, еще не успокоился, он держался несколько в стороне, с холодным достоинством.

— Мы всегда рады видеть вас у себя, — сказал он, подталкивая жену к выходу. — Захотите поиграть в кегли — ждем к восьми, нет — воля ваша, мы не в обиде.

— Ну пока, увидимся, — прощебетала Джуни, когда Билл выводил ее из дома. — Надеюсь, вы придете.

Она умоляюще улыбнулась, и дверь за ними захлопнулась.

— Да, — проговорила Марго. — Мы им устроили холодный душ.

— Можно разработать целую психологическую теорию, изучая поведение людей, когда они испуганы и еще не пришли в себя, — заключил Вик.

Накрывая на стол, Марго заметила:

— А Билл Блэк вел себя разумно. Поднял руки, когда увидел оружие, и опустил, когда разглядел, что оно игрушечное.

— Почему он пришел именно в этот момент? — спросил Вик.

— Должен же он был когда–нибудь зайти?

— Пожалуй, — согласился Вик.

***

Запершись в сарае, Рэгл Гамм слушал радио и время от времени делал пометки в тетради. За годы участия в конкурсе он выработал собственную систему скорописи и сейчас не просто фиксировал то, что слышал, но успевал записывать свои комментарии и соображения. Шариковая ручка, подарок Билла Блэка, летала по бумаге.

Наблюдавший за ним Сэмми не выдержал:

— Ну и быстро же ты пишешь, дядя Рэгл!.. А прочитать потом сможешь?

— Смогу, — ответил Рэгл.

Сигналы, вне всякого сомнения, шли с расположенного неподалеку аэродрома. Рэгл уже узнавал оператора по голосу. Теперь он хотел разобраться, что за воздушные суда то и дело садятся на летное поле, а потом снова взлетают. Они проносятся над головой с умопомрачительной скоростью. С какой? И почему никто в городе не знает об этих полетах? Или это секретные военные базы для новых экспериментальных моделей? Разведывательные ракеты… следящие корабли…

— Уверен, что ты рассекретил японский код времен войны, — сказал Сэмми.

После слов мальчика Рэгла вдруг опять охватило ощущение полной бессмысленности происходящего. Заперся в детском сарае, напялил наушники и часами слушает сделанный школьником детекторный приемник… Поймал станцию наведения и рад…

«Наверное, я спятил, — подумал Рэгл. — Разве так ведет себя бывший военный? Мне сорок шесть, молодость давно позади. А я целыми днями слоняюсь по дому и зарабатываю на жизнь

ответами на вопрос «Где теперь появится Зеленый человечек?» Решаю конкурсные задачки в газете, в то время как у других уже жены, дети, свой дом и работа.

Я недоразвитый. Психически отсталый. А эти галлюцинации? Все правильно. Ненормальный. Инфантильный лунатик. Ну чего я здесь сижу? Бред — это в лучшем случае. Фантазирую о ракетах, армии и секретности. Параноик.

Это параноидальный психоз, когда кажется, что ты — точка приложения огромных усилий миллионов мужчин и женщин, миллиардных затрат и сложнейшей техники… Когда вся Вселенная вращается вокруг тебя. От меня исходят важные сигналы… к звездам. Рэгл Гамм — цель всего космического процесса, от первоначального взрыва до конечной энтропии. Смысл существования материи и духа — во взаимодействии со мной».

— Дядя Рэгл, а ты сможешь расшифровать? Это японцы?

— Тут нечего расшифровывать. Диспетчер сидит в башне радиолокационного наблюдения и наблюдает за посадкой военных самолетов. — Он повернулся к мальчику, не сводящему с него горящих глаз: — Это обыкновенный человек, парень лет тридцати. Ходит раз в неделю в бассейн

и смотрит телевизор. Такой же, как мы.

— Только он враг, — сказал Сэмми.

— Что за глупости? — Рэгл рассердился. — С чего ты взял? Это все выдумки.

«Моя вина, — тут же подумал он. — И выдумки мои».

Голос в наушниках произнес:

— …я понял, ЛФ–три тысячи четыреста восемьдесят восемь. Принял правильно. Продолжайте полет. Сейчас вы прямо над нами.

Сарайчик задрожал.

— Вот он, проходит! — возбужденно зашептал Сэмми.

В наушниках звучал голос:

— …совершенно чисто. Нет, все отлично. Сейчас вы над ним.

Над ним, подумал Рэгл.

— …там внизу, — продолжал голос. — Да, прямо под вами сам Рэгл Гамм. Хорошо, мы приняли. Давайте.

Вибрация затихла.

— Улетел, — выдохнул Сэмми. — А может, приземлился.

Рэгл Гамм снял наушники и поднялся.

— Послушай немного, — сказал он.

— А ты? — спросил Сэмми.

— Пойду прогуляюсь.

Рэгл распахнул дверь сарая и вышел на свежий, прохладный вечерний воздух.

Свет на кухне… Сестра и зять сейчас там. Готовят обед.

«Все, уезжаю, — сказал он себе. — Я давно собирался. Больше ждать нельзя».

Рэгл тихо обогнул дом и приблизился к парадному крыльцу. Потом вошел внутрь и осторожно пробрался в свою комнату. Ни Вик, ни Марго его не слышали. Там он извлек все деньги из ящиков стола, карманов, конвертов, взял мелочь из вазочки. Надев пальто, через парадную дверь вышел наружу и быстро зашагал по тротуару.

Где–то через квартал показалось такси. Рэгл махнул рукой, и машина остановилась.

— Довезите до междугородной автостанции, — попросил он водителя.

— Хорошо, мистер Гамм, — ответил шофер.

— Вы меня знаете?

Вот она, паранойя. Кажется, будто все только обо мне и думают.

— Конечно знаю, — сказал водитель, трогаясь с места. — Вы — победитель конкурса. Я вас видел в газете и как раз подумал — надо же, этот человек живет в нашем городе. Может, когда–нибудь я

его подвезу.

«Если меня опознаю́т таксисты, — решил Рэгл, — к сознанию это не имеет отношения. Вот когда разверзнутся небеса и ко мне по имени обратится Господь… это уже психоз.

А вообще отличить трудно».

Такси мчалось по темным улицам мимо домов и магазинов. Наконец у пятиэтажного здания в центре города машина остановилась.

— Приехали, мистер Гамм!

Водитель выскочил из машины и открыл ему дверцу. Рэгл выбрался на тротуар, роясь в карманах в поисках кошелька. Пока таксист пересчитывал деньги, Рэгл взглянул на здание. В свете фонарей оно показалось ему знакомым, узнаваемым даже ночью.

Это была редакция «Газетт».

Рэгл снова сел в машину:

— Мне надо на междугородную автостанцию.

— Как? — Водитель застыл, словно пораженный громом. — На автостанцию? Ну конечно, черт меня побери!

Он прыгнул за руль и завел мотор.

— Конечно, я же помню! Мы разговорились об этом конкурсе, и я стал думать про газету. — Он ехал, оглядываясь на Рэгла и улыбаясь ему: — Вы

так прочно ассоциируетесь с «Газетт»... вот такой я растяпа.

— Все в порядке.

Они ехали очень долго.

Постепенно Рэгл перестал различать улицы. Он уже не представлял, где находится. Справа чернели силуэты фабричных зданий; несколько раз ему показалось, что такси миновало железнодорожный переезд. Вокруг простирались безжизненные промышленные районы, не горело ни огонька.

«Интересно, — подумал Рэгл, — а что он скажет, если я попрошу вывезти меня из города?»

Он наклонился и похлопал водителя по плечу:

— Эй!

— Да, мистер Гамм?

— Как насчет поездки за город? Про автобус забудем.

— Простите, сэр, — сказал водитель, — я не могу выезжать на междугородную трассу. Это запрещено. Мы возим по городу и не имеем права конкурировать с автобусной линией. Таковы правила.

— Вы же должны иметь возможность зашибить немного на стороне?.. Давайте, сорок миль, со счетчиком, держу пари, не впервой будет.

— Нет, — водитель покачал головой, — я этим не занимаюсь. Другие — может быть, а я — нет. Не хочу терять работу. Если дорожная полиция заметит на трассе городское такси, его тут же остановят. А еще с пассажиром… Все, прощай, лицензия. А она стоит пятьдесят долларов.

«Пытаются помешать мне уехать из города, — думал между тем Рэгл. — Это входит в их заговор.

Я точно спятил.

Или нет?

Как же узнать? Какие у меня доказательства?»

Посреди бескрайнего ровного поля сияла неоновая вывеска. Такси остановилось.

— Приехали, — объявил водитель. — Автостанция.

Рэгл открыл дверь и вышел из машины. Но вывеска была другая. Вместо ожидаемой «ГРЕЙХАУНД» Рэгл увидел «АВТОБУСНЫЕ ЛИНИИ НОНПАРЕЛЬ».

— Эй! — воскликнул он встревоженно. — Я же просил «Грейхаунд»!

— Это то же самое. Такая же автобусная компания. А «Грейхаунда» у нас вообще нет. По законам штата в таком маленьком городке, как наш, может действовать только одна автобусная ком-

пания. «Нонпарель» здесь давно, уже несколько лет. «Грейхаунд» хотел перекупить, но они не согласились. Тогда «Грейхаунд»…

— Ну хорошо, — перебил его Рэгл.

Он заплатил по счетчику, оставил чаевые и пошел к прямоугольному коричневому зданию — единственному на многие мили вокруг. Со всех сторон здание окружала дикая трава. Сорняки, битые бутылки и обрывки бумаги. Заброшенная окраина. Вдали виднелись огни заправки. Больше ничего. Рэгл поежился от ночной прохлады и толкнул деревянную дверь зала ожидания.

В лицо ударила волна спертого воздуха и приглушенный гомон. Скамейки были заняты спящими матросами, унылыми, измученными беременными женщинами, стариками в пальто, командированными с портфелями, коммивояжерами с образцами товаров, детьми, которые ерзали и пищали.

К окошку кассы выстроилась огромная очередь. Даже не входя внутрь, Рэгл понял, что очередь не движется. Он закрыл за собой дверь и встал в конец.

Никто не обратил на Рэгла внимания.

«Сейчас, пожалуй, было бы неплохо, чтобы мой психоз стал реальностью, — подумал Рэгл. — Хо-

тел бы я, чтобы они все вокруг меня забегали. По крайней мере, можно было бы пробиться к окошку. Любопытно, часто ли ходят автобусы?»

Он закурил и попытался расслабиться. Прислонившись к стене, несколько разгрузил ноги. Это мало помогло.

«Интересно, сколько я здесь проторчу?»

За полчаса очередь продвинулась на несколько сантиметров, причем от окошка никто не отошел. Рэгл вытягивал шею, пытаясь увидеть кассира. Не получалось. Окошко заслонила толстая пожилая тетка в черном пальто. Вначале Рэгл думал, что она покупает билет. Но она все не отходила от кассы. Передача денег длилась бесконечно. Стоявший сзади нее тощий человек средних лет в двубортном костюме уныло грыз зубочистку. За ним, поглощенные собой, мурлыкали двое влюбленных. После них очередь сливалась в одно целое, Рэгл уже не мог никого различить и видел только бесконечные спины.

Спустя сорок пять минут он по–прежнему стоял на том же месте.

«Может ли помешанный чокнуться? — размышлял Рэгл. — И сколько же надо простоять за билетом на «Нонпарель»? Выберусь ли я вообще отсюда? — Он ощутил нарастающий страх. — А

может, я простою здесь до самой смерти? Неизменная реальность… тот же человек впереди, тот же молодой солдат сзади, те же несчастные женщины с пустыми глазами на скамейках вокруг…»

Солдат позади него завозился, толкнул Рэгла и пробормотал:

— Извини, дружище.

Рэгл проворчал что–то в ответ.

Солдат сцепил руки и хрустнул костяшками. Потом облизнул губы и сказал, обращаясь к Рэглу:

— Послушай, будь другом, предупреди, что я за тобой.

Прежде чем Рэгл успел ответить, солдат повернулся к стоящей позади него женщине:

— Простите, миссис, мне надо выйти посмотреть, как там мой приятель. Запомните, что я здесь стою, хорошо?

Женщина кивнула.

— Спасибо.

Солдат проталкивался через толпу в самый угол зала ожидания. Там, широко расставив ноги, уронив голову и бессильно свесив руки, сидел его товарищ. Наклонившись, солдат принялся трясти его и что–то возбужденно объяснять. Сидя-

щий поднял голову, и Рэгл увидел мутный взгляд и перекошенный, безвольный рот пьяного. Вот бедолага, так нализаться! Сходил в увольнение… Рэгл вспомнил, как во время службы несколько раз уезжал в тяжелом похмелье с автостанции, торопясь попасть на базу.

Солдат поспешно вернулся в очередь. Снова нервно облизнул губы, посмотрел на Рэгла и сказал:

— Ну и очередь, слушай. Совсем не движется. Я здесь, наверное, с пяти вечера. — У солдата было гладкое молодое лицо, искаженное тревогой. — Мне надо вернуться на базу. Фил и я должны быть к восьми, иначе нас посчитают самовольщиками.

Рэгл решил, что ему лет восемнадцать–девятнадцать. Светловолосый, несколько худощавый, серьезный. Конечно, из них двоих за все проблемы отвечал он.

— Да, не повезло. А далеко до базы?

— Там, на трассе, есть аэродром. Собственно говоря, ракетная база. Аэродром был раньше.

О господи, подумал Рэгл, вот откуда летают эти штуки.

— Прошлись, значит, по барам? — как можно безразличнее спросил он.

— Да нет, будь проклят этот город, — с нескрываемым отвращением ответил ему солдат. — Разве здесь найдешь хоть одно приличное заведение? У нас был недельный отпуск, мы добираемся с побережья. На машине.

— На машине, — повторил Рэгл. — Почему же тогда вы здесь?

— За рулем Фил, — объяснил молодой солдат. — Я не умею водить. А он пьян. К тому же у нас настоящая развалина — «додж» тридцать шестого года, ему цена пятьдесят зеленых. И шину надо менять.

— Если бы нашелся человек, умеющий вести машину, вы бы поехали? — спросил Рэгл.

Солдат тупо уставился на Рэгла:

— А шина?

— Вхожу в долю. — Рэгл схватил солдата за руку и потащил его через зал ожидания к осевшему приятелю. — Может, не будем его трогать, пока не подгоним машину? — спросил Рэгл. Было видно, что Фил не только не сможет идти, но и вообще вряд ли поднимется. Похоже, он даже не понимал, где находится.

— Слушай, Фил. Этот парень поведет машину. Дай ключи.

— Это ты, Уэйд? — тупо пробормотал Фил.

Уэйд склонился над товарищем и принялся выворачивать его карманы.

— Вот они. — Он протянул ключи Рэглу и сказал, обращаясь к Филу: — Слушай, ты остаешься здесь. Мы пойдем к машине и все сделаем. Потом заедем сюда за тобой. Ты понял? Понял или нет?

Фил кивнул.

— Пошли, — сказал Уэйд Рэглу. Они толкнули дверь и оказались на темной, холодной улице. — Лишь бы этот скот не ударился в панику и не пошел нас искать.

Как все–таки темно вокруг! Рэгл едва различал потрескавшийся, поросший сорняками тротуар.

— Задвинули станцию к черту на кулички, — проворчал Уэйд. — Если город большой и имеет свои трущобы, автостанцию всегда размещают в трущобах, а если городишко маленький — ее непременно загонят в тартарары.

Они то и дело сбивались с пути, и тогда приходилось пробираться сквозь завалы и заросли.

— Хоть глаз выколи, — пожаловался солдат. — У них что, один фонарь на две мили?

Хриплый крик заставил обоих остановиться. Рэгл обернулся. В свете неоновой вывески автобусных линий «Нонпарель» метался другой солдат: вывалился из зала ожидания и теперь

пытался определить, в каком направлении ушел его друг. Потом бросил на землю чемодан и отчаянно завопил.

— О господи! — простонал Уэйд. — Придется возвращаться. Иначе он свалится где–нибудь — и конец.

Он зашагал назад, и Рэглу ничего не оставалось, как повернуть следом. Когда они подошли, солдат вцепился в руку Уэйда и, навалившись на него, зашептал:

— Вы, парни, решили меня бросить?

— Ты должен подождать здесь, — сказал ему Уэйд. — Присмотри за багажом, а мы сходим за машиной.

— Вести буду я, — пробормотал Фил.

Уэйд принялся снова объяснять ему ситуацию. Рэгл стоял и думал, сможет ли он все это вынести. Наконец Уэйд подхватил один чемодан и решительно направился к машине.

— Все, пошли, — бросил он Рэглу. — Бери второй чемодан, иначе Фил его где–нибудь бросит.

— Меня как будто катали по земле, — тупо бормотал Фил, ковыляя сзади.

Они все шли и шли. Рэгл уже давно не ориентировался ни во времени, ни в пространстве. Впереди появился уличный фонарь, он при-

ближался, некоторое время заливал их ярким желтым светом, постепенно тускнел и исчез. А впереди начинал светиться следующий. Путники вышли на стоянку возле квадратного здания какой–то фабрики и принялись бродить среди грузовиков. Фил прислонился к забору, уперся головой в согнутую руку, пытаясь уснуть.

Одна из машин привлекла внимание Рэгла.

— Не эта? — спросил он.

Солдаты уставились на машину.

— Похоже, — возбужденно проговорил Уэйд. — Эй, Фил, что скажешь, это наша машина?

— Конечно, наша, — кивнул Фил.

Машина просела на одну сторону. Шина была спущена. Все правильно. Нашли.

— Теперь надо отыскать шину, — сказал Уэйд, забрасывая чемоданы на заднее сиденье. — Нужен домкрат, снимем колесо и посмотрим, в чем дело.

Пока они рылись в багажнике, Фил отошел в сторону и, запрокинув голову, уставился в звездное небо.

— Теперь целый час так проторчит, — ворчал Уэйд, поднимая машину домкратом. — Здесь рядом есть заправка, там можно поменять шину.

Он довольно умело снял колесо и откатил его в

сторону. Рэгл выпрямился.

— Где Фил? — спросил Уэйд, оглядываясь. Того не было видно. — Черт бы его побрал. Опять забрел куда–нибудь!

— Слушай, давай пойдем на эту заправку. У меня нет времени торчать здесь всю ночь, да и у вас, я думаю, тоже, — сказал Рэгл.

— Факт. — Уэйд кивнул. — Ладно, — добавил он философски, — придет и подождет нас в машине, что с ним станется. — С этими словами Уэйд покатил колесо.

Заправка, когда они туда добрались, была погружена в кромешную тьму. Видимо, владелец все запер и ушел домой.

— И дурак же я, — пробормотал Уэйд.

— Может, тут есть другая заправка? — спросил Рэгл.

— Не помню, — пробурчал Уэйд. — Ну как тебе это?

Он выглядел окончательно убитым и неспособным на дальнейшие действия.

— Пошли, — сказал Рэгл. — Надо что–то делать.

Они долго брели в темноте, пока впереди не замаячил красно–бело–голубой квадрат государственной заправки.

— Аминь, — выдохнул Уэйд. — Знаешь, — он

повернулся к Рэглу, — я шел и молился, как чокнутый. И вот, видишь…

Солдат катил колесо быстрее и быстрее, выкрикивая победные возгласы и подбадривая Рэгла.

Чистенький подстриженный юноша в накрахмаленной униформе встретил их без всякого интереса.

— Эй, дружище, — с порога начал Уэйд, — продай–ка нам вот такую шину. Давай выноси.

Заправщик отложил таблицу, в которой что–то чертил, взял из пепельницы сигарету и поднялся.

— Это от чего? — спросил он Уэйда.

— От седана «додж» тридцать шестого года.

Юноша посветил на шину, пытаясь разобрать номер. Потом вытащил огромную амбарную книгу и принялся листать пронумерованные страницы. Рэглу казалось, что каждую страницу он просматривает раза по четыре, листая книгу туда и обратно. Наконец он ее захлопнул и сказал:

— Ничем не могу помочь.

— Ну и что вы предлагаете? — терпеливо спросил Рэгл. — Этот солдат и его приятель должны попасть на базу, иначе их посчитают самовольщиками.

Парень почесал кончик носа:

— Есть еще ремонтная мастерская в пяти милях отсюда.

— Мы не можем идти пять миль, — сказал Рэгл.

— Ладно. — Заправщик махнул рукой. — Вон там стоит мой «форд–пикап». Один из вас вместе с колесом останется здесь, а другой пусть едет. Мастерская у самого моря. На первом перекрестке. Привозите покрышку, и я вам ее здесь поставлю. За шесть долларов. — Он взял связку автомобильных ключей и протянул ее Рэглу. — Да, раз уж будете в той стороне, там через дорогу есть круглосуточный ресторан. Возьмите мне жареного мяса, сандвич с сыром и солодовый напиток.

— Какой именно? — уточнил Рэгл.

— Пожалуй, ананасовый.

— Я остаюсь, — сказал Уэйд. — А ты поторопись!

Через несколько минут Рэгл уже выводил пикап на пустынную улицу. Потом развернулся и поехал в указанную заправщиком сторону.

Показались огни трассы.

Ну и ситуация, подумал Рэгл.

Глава 8

Молодой человек в шортах и безрукавке встал и закрепил конец пленки в прорези бобины. Потом подкрутил, чтобы пленка шла внатяжку, и включил изображение. Засветился шестнадцатидюймовый экран. Молодой человек присел на кровать.

На экране возникло шестиполосное шоссе с разделительной полосой посередине, поросшей травой и кустами. По обе стороны шоссе стояли рекламные щиты. По белому бетонному покрытию мчались машины. Одна поменяла полосу движения, другая притормозила, пытаясь съехать на обочину.

Появился желтый «форд–пикап».

Голос с экрана произнес:

— Это «форд–пикап» пятьдесят второго года.

— Вижу, — сказал сидящий перед экраном человек.

«Форд» показали сбоку, потом снова спереди. Стемнело. Грузовичок включил фары. Камера показала его спереди, сбоку, сзади; особо внимательно молодой человек осмотрел задние фонари.

На экране снова был день. Грузовик ехал, освещаемый солнцем. Поменял полосу движения.

— Правила требуют подать сигнал рукой при перемене полосы движения, — произнес голос.

— Знаю, — откликнулся молодой человек. Грузовик остановился на усыпанной гравием обочине.

— Правила требуют дать сигнал рукой перед остановкой, — назидательно объявил голос.

Молодой человек встал и перемотал пленку. «Это я усвоил», — подумал он и поставил другую бобину. В это время зазвонил телефон. Не сходя с места, молодой человек ответил:

— Алло!

Звонок оборвался, и незнакомый приглушенный голос сказал из стены:

— Он все еще стоит в очереди.

— Хорошо.

Телефон отключился.

На экране возник человек в форме. Сапоги, коричневые бриджи, кожаный ремень, пистолет в кобуре, тяжелая коричневая куртка, форменная фуражка, темные очки. Он повернулся, показывая себя со всех сторон. Потом сел на мотоцикл, завел двигатель и с ревом уехал.

На экране появилось изображение мотоцикли-

ста на трассе.

— Отлично, — сказал молодой человек в шортах, достал электробритву и принялся бриться, продолжая смотреть на экран.

Патрульный полицейский начал преследовать машину. Очень скоро он настиг ее и жестом приказал водителю остановиться. Не прекращая бриться, молодой человек внимательно следил за выражением лица патрульного.

Полицейский сказал:

— Позвольте взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Молодой человек повторил:

— Позвольте взглянуть на ваше водительское удостоверение?

Дверь машины открылась, вылез средних лет мужчина в белой рубашке и мятых брюках.

— А в чем дело, офицер?

— Вам известно, что это участок с ограниченной скоростью движения? — спросил полицейский.

— Вам известно, что это участок с ограниченной скоростью движения? — повторил молодой человек.

— Ну да, — водитель пожал плечами, — я и ехал сорок пять, как стояло на знаке. — Он протянул документы полицейскому. Тот взял их и принял-

ся изучать.

На экране возникло водительское удостоверение крупным планом. Изображение держалось долго — молодой человек кончил бриться, побрызгал на лицо лосьоном, прополоскал освежителем рот, протер дезодорантом под мышками и принялся искать рубашку.

— Ваше удостоверение просрочено, мистер, — сказал полицейский.

Снимая рубашку с кресла, молодой человек повторил:

— Ваше удостоверение просрочено, мистер.

Раздался телефонный звонок. Молодой человек остановил ленту и ответил:

— Алло!

Приглушенный голос из стены сообщил:

— Сейчас он говорит с Уэйдом Шульманом.

— Хорошо.

Лента пришла в движение, стала перематываться вперед. Когда снова включилось нормальное воспроизведение, полицейский обходил машину и говорил женщине за рулем:

— Нажмите, пожалуйста, на тормоз.

— Только я не пойму, зачем все это, — ответила она. — Я спешу, а вы причиняете мне новые неудобства. Я немного разбираюсь в законах.

Молодой человек надел галстук, застегнул тяжелый кожаный ремень с кобурой и пистолетом.

— Сожалею, мистер, — сказал он, надевая форменную фуражку, — но ваши стоп–сигналы не работают. Вам придется поставить машину на стоянку. Кстати, покажите права.

Когда он надевал плащ, телефон зазвонил снова.

— Алло! — отозвался молодой человек, разглядывая себя в зеркале.

— Он идет к машине. С ним Уэйд Шульман и Филипп Бернес, — сообщил приглушенный голос.

— Отлично.

Подойдя к пульту, молодой человек вернул изображение полицейского — крупным планом, вид спереди, — потом сравнил со своим отражением в зеркале. Нет слов, очень похоже, решил он.

— Подходят к заправке, — сказал приглушенный голос. — Приготовьтесь.

— Готов, — ответил молодой человек, закрыл за собой дверь и прошел по темной бетонной дорожке к мотоциклу.

Потом завел его, выехал на дорогу. Мотоцикл с ревом помчался вперед. Напряженная посадка

выдавала неопытного водителя. Только когда мотоцикл набрал скорость, молодой человек немного расслабился. На первом перекрестке повернул направо, к трассе.

И лишь выехав на шоссе, понял, что все идет не так, как задумано. Забыта какая–то деталь. Что–то из формы.

Очки.

Надевает ли их полицейский ночью?

Проносясь мимо грузовиков и легковых автомобилей, молодой человек пытался сообразить, ездит ли полицейский ночью в темных очках. Может, они защищают от света встречных машин? Держа руль одной рукой, он принялся ощупывать карманы. Вот. Он вытащил очки и надел их.

Дорога тут же погрузилась во тьму. Некоторое время вообще ничего не было видно. Наверное, это ошибка. Он снял очки и немного поэкспериментировал, поднося их к глазам и пытаясь разглядеть сквозь них дорогу.

Слева на одной с ним скорости двигался грузовик. Поначалу мотоциклист не обратил на него внимания. Трейлер как трейлер. Прибавил скорость, чтобы обогнать его. Трейлер тоже прибавил скорость.

Проклятье, подумал молодой человек. Вот что

он забыл — перчатки. Обнаженные кисти рук — одна на руле, другая с очками — онемели от холода.

Успею, если вернусь? Нет.

Желтый «форд–пикап» вот–вот должен появиться на трассе.

Идущий слева трейлер прибавил скорость и вышел чуть вперед, постепенно переходя на его полосу.

Сорвав очки, мотоциклист попытался перестроиться в правый ряд. Резкий сигнал остановил его — правый ряд был занят. Он вернулся назад, и в это время трейлер стал надвигаться на него. Рука непроизвольно потянулась к сигналу. Какого черта? Разве на полицейских мотоциклах есть сигналы? На них ставят тумблеры сирены! Как только молодой человек на него нажал, трейлер подвинулся, машина справа тоже освободила ему больше места.

Он несколько успокоился.

А когда впереди появился желтый «форд–пикап», мотоциклист понял, что работа ему нравится.

***

Услышав сирену полицейского мотоцикла, Рэгл сообразил: его намерены задержать. Он не стал

сбрасывать скорость. Но и не прибавил: хотел убедиться, что его преследует именно мотоцикл, а не машина.

«Вот и настал час применить чувство времени и пространства, — сказал он себе. — Мой знаменитый талант».

Он прикинул схему движения всех автомобилей сзади себя, их положение друг относительно друга и скорость. Когда картина вырисовалась, Рэгл резко взял влево, пройдя между двумя автомашинами. Одной пришлось притормозить — выбора не было. Быстро, но без суеты пикап лавировал в тесном транспортном потоке. Рэгл менял полосы движения до тех пор, пока не обогнал огромный фургон с прицепом, за которым стал невидим для всех едущих сзади. Все это время позади слышался рев сирены. Теперь он не мог с точностью сказать, где находится патрульный мотоцикл. И полицейский, Рэгл был в этом уверен, тоже потерял его из виду.

Позади шел фургон, впереди — седан, таким образом, его габаритные огни были полностью скрыты от глаз. А в темноте полицейский мог ориентироваться только по габариткам.

Мотоцикл совершенно неожиданно возник справа. Полицейский внимательно оглядел Рэг-

ла, но приблизиться не смог. Водители не могли понять, кого преследует патрульный, и думали, что ему просто надо проехать.

Пусть меня ловит, решил Рэгл и немедленно поменял полосу движения, уводя «форд» на крайнюю левую полосу. Он снизил скорость, вынуждая едущих сзади переходить в другой ряд, делая тем самым движение еще более плотным.

На мгновение на правой обочине мелькнул патрульный мотоцикл. Полицейский пристально вглядывался в поток транспорта, но желтый «форд» не разглядел. Теперь Рэгл был в безопасности. Ему повезло. Он прибавил скорость и начал обгонять другие машины.

Вскоре показался нужный перекресток. Но огней прибрежной станции видно не было.

Странно, подумал Рэгл. Надо уходить с трассы, решил он. Иначе опять привяжутся. Что–нибудь окажется не так: задний отражатель не того цвета… Любой предлог, чтобы придраться и задержать.

«Ясно, что это психоз, — твердил себе Рэгл, — но все равно — не хочу, чтобы меня поймали».

Показав рукой поворот, он съехал с трассы. Грузовичок влез в мокрый чернозем и замер. Рэгл выключил мотор и фары.

«Теперь не сцапают… Только вот где я, черт побери? И что теперь делать?»

Вытягивая шею, он тщетно пытался разглядеть огни станции. Примыкающая к трассе дорога уходила в темноту, освещенными были только первые сто ярдов. И больше ничего.

Второстепенная дорога. А это междугородная трасса.

Далеко впереди на шоссе виднелась неоновая вывеска.

Подъеду, решил Рэгл. Он подождал, пока вдали показалась сплошная цепочка огней, и выскочил на трассу за долю секунды до первой машины. Теперь, даже если и попадется полицейский, ему нелегко будет выделить его габаритки из общего потока.

Спустя несколько секунд Рэгл уже мог разглядеть неоновую вывеску придорожной закусочной. Светящиеся стрелки указывали подъезд к автостоянке. Высокие прямые буквы извещали: «ЖАРЕНОЕ МЯСО И НАПИТКИ ФРЭНКА». В одноэтажном оштукатуренном пятиугольном здании светились окна. Рядом стояло несколько машин.

Рэгл съехал с трассы к стоянке, в темноте чуть не врезался в стену закусочной. От всего происходящего его начала бить дрожь. Он перешел

на низшую передачу, медленно поехал вокруг здания, высматривая место, где машину нельзя было бы увидеть с дороги, и наконец остановился среди мусорных баков и штабелей ящиков. Здесь, очевидно, разгружались хозяйственные машины.

Спрыгнув с подножки, Рэгл еще раз удостоверился, что с трассы пикап не виден. Во всяком случае — с проезжающих машин. А если его все–таки заметят, он открестится от этого грузовичка. Не мой — и точка. Пусть докажут, что это он на нем приехал. Пришел пешком. Или доехал на попутке. Проголосовал на перекрестке.

Толкнув дверь закусочной, Рэгл зашел внутрь.

«Похоже, здесь мне дадут стакан молока и сэндвич с жареным мясом».

Ну да, так и есть. Людей порядочно: как на автостанции. Все идет по той же схеме.

Большинство уютных столиков были заняты парочками. У стойки в центре зала ели и пили несколько мужчин. В помещении пахло жареным мясом, в углу гремел патефон.

Количество машин на стоянке никак не предвещало такой толпы внутри.

Пока никто его не заметил, Рэгл тихонько выскользнул, прикрыв за собой дверь. Потом быстро

прошел к своему пикапу.

Слишком большое здание. Слишком современное. Чересчур яркий свет. И очень много людей…

«Похоже, это последняя стадия моего помешательства. Я избегаю людей за то, что они собираются вместе и весело проводят время. А я их подозреваю. Как извращенец. Стремлюсь в темноту».

Рэгл нашел свою машину, завел двигатель и, не включая фар, тронулся с места. У выезда на трассу немного постоял, дожидаясь просвета в потоке машин. И вот он опять на дороге, мчится прочь от города в чужой машине. Украденной, осознал вдруг Рэгл. А что еще оставалось?

«Я–то знаю, что они против меня сговорились. Два солдата, заправщик, таксист — все заодно. Никому нельзя доверять. Специально подсунули мне этот грузовичок, чтобы первый же полицейский меня задержал. Может, сзади вообще светится надпись «РУССКИЙ ШПИОН»».

Настоящая паранойя. Есть такой синдром: «пни меня».

«Ну да, — думал Рэгл. — Я человек, на спине которого написано «пни меня»». И как ни старайся, все равно не удастся обернуться так быстро, чтобы самому прочитать надпись. Но интуиция

подсказывает, что она есть. Кроме того, ясно ведь, как реагируют окружающие! Они выстраиваются в очередь, чтобы его пнуть.

«Я уже не показываюсь в ярко освещенных местах. Не завожу разговоров с незнакомыми людьми. Собственно, по–настоящему незнакомых и нет, так или иначе все меня знают. Они либо друзья, либо враги… Друзья… — задумался Рэгл. — Интересно, кто? Где? Сестра? Зять? Соседи? Я доверяю им больше, чем другим. Но этого мало».

Он вел машину дальше. Неоновые вывески исчезли. По обе стороны шоссе простиралось темное, безжизненное пространство. Движение стихло. Лишь изредка попадались встречные машины, на мгновение ослепляя его светом фар.

Одиночество.

Рэгл осмотрелся и обнаружил, что в приборную доску вмонтирован радиопередатчик. Он разглядел ручку настройки.

Если я включу его, то услышу, как они говорят обо мне.

Он протянул руку, помедлил и наконец включил приемник. Салон наполнился звуками, в основном статическими помехами.

— …после того, — прорвался скрипучий голос.

— …нет, — ответил другой.

— …все, что в моих силах.

— …хорошо.

Вызывают всех подряд, подумал Рэгл. Тревога в эфире. Сбежал Рэгл Гамм! Рэгл Гамм ускользнул!

— …более опытных, — проскрипел голос.

В следующий раз пришлют более опытных, догадался Рэгл. Жалкие дилетанты.

— …с тем же успехом… больше нет смысла…

С тем же успехом можно прекратить поиск, догадался Рэгл. Искать его нет смысла. Он слишком умен. Слишком изворотлив. Приемник просипел:

— Так сказал Шульман.

«Значит, командующий — Шульман, — сообразил Рэгл. — Верховный главнокомандующий объединенных вооруженных сил со штаб–квартирой в Женеве. Вырабатывают совершенно секретную стратегию по координации усилий всех стран в обнаружении грузовика типа «пикап». В мою сторону разворачиваются флоты. Готовится ядерная атака».

Скрипучий голос начал действовать ему на нервы. Рэгл выключил радио. Как мыши, визжащие мыши. Снуют туда–сюда и скрипят. У него даже мурашки пошли по коже.

Судя по спидометру, позади миль двадцать — приличное расстояние. И ни городов, ни огней. А теперь нет даже машин. Только дорога и разделительная полоса слева. Бетон в свете фар.

Темнота и бескрайняя плоская равнина. Высоко наверху — звезды. Неужели нет даже фермерских домиков?

«О боже! — подумал Рэгл. — Не дай мне только здесь поломаться. Где я? Может, уже нигде?

А может, я и не еду? Попал в какой–нибудь провал во времени? Колеса вращаются, вращаются без всякой пользы, и так будет всегда. Иллюзия движения. Мотор гудит, шины шуршат, фары освещают бетон… На одном месте».

И все же Рэгл не решался остановиться. Вылезти и осмотреться. К черту! Здесь, в машине, он по крайней мере в безопасности. Здесь его хоть что–то окружает. Кабина из металла. Приборная доска перед глазами. Снизу — сиденье. Датчики, руль, педали.

Это лучше, чем пустота снаружи.

Неожиданно далеко справа он увидел огни. А немного погодя фары высветили указатель: пересечение со второстепенной дорогой. Она уходила вправо и влево от трассы.

Рэгл повернул направо. В полосе света — узкая,

разбитая колея. Грузовик дернуло и закачало. Заброшенная дорога, ее и не ремонтируют. Передние колеса попали в яму, Рэгл перешел на вторую передачу, и машина почти остановилась. Так можно и подвеску потерять… Приходилось ехать, напряженно вглядываясь в дорогу. Она петляла и шла на подъем.

Вокруг были холмы и заросли, под колесами хрустели ветки. Вдруг в свете фар заметалось какое–то существо с белым мехом. Рэгл резко повернул, и колеса заскользили по жиже. Рэгл в ужасе крутил руль. Перед ним замаячил пережитый несколько мгновений назад кошмар — застрять, забуксовать и утонуть в этой грязи.

Он включил первую передачу, и грузовик пополз на невообразимо крутой холм. Дорога превратилась в сплошное месиво, обрамленное кустарником. В свете фар мелькнули листва и крутой обрыв, и Рэгл едва успел свернуть влево.

А следующий поворот он пропустил. Правые колеса влетели в кустарник, машину развернуло поперек дороги, мотор заглох. Грузовик накренился, и Рэгл почувствовал, как сползает с сиденья. Он судорожно нащупывал ручку двери. Пикап с отчаянным скрипом скользнул вниз и наконец замер, едва не перевернувшись.

Вот и все, подумал Рэгл.

Спустя несколько мгновений ему удалось открыть дверь и выбраться наружу.

Фары освещали кусты и деревья. Вверху простиралось небо. Ни города, ни иного жилья видно не было.

Он побрел вперед, определяя дорогу больше на ощупь. Когда его правая нога попадала в заросли, он принимал влево. Как радар, подумал Рэгл.

Неожиданно Рэгл оступился и чуть не упал. Дорога пошла вниз. Оказывается, он поднялся на вершину.

Справа горели огоньки. Там был домик. Там жили люди. В окнах горел свет.

Утопая в грязи, Рэгл добрел до забора, ощупью нашел ворота. С большим усилием ему удалось отворить их. Поскользнувшись еще несколько раз, он наконец натолкнулся на каменные ступеньки.

Вытянув руки, Рэгл поднялся на крыльцо. Пальцы нашарили старинный колокольчик.

Он позвонил и замер, задыхаясь и дрожа от ночного холода. Дверь открыла средних лет темноволосая женщина. На ней были темно–коричневые бриджи, клетчатая бурая рубашка и высокие рабочие ботинки.

Миссис Кейтелбайн, всплыло в сознании. Она. Нет.

Рэгл и женщина уставились друга на друга.

— Вам что–нибудь нужно? — Позади нее выглядывал еще один человек, кажется, мужчина.

— У меня сломалась машина, — ответил Рэгл.

— О, входите! — Женщина распахнула дверь. — Вы не ранены? Вы один? — Она вышла на крыльцо посмотреть, есть ли еще кто–нибудь.

— Я один.

Мебель из клена… низкое кресло, столик, письменный стол с пишущей машинкой. Камин.

— Хорошо, — сказал Рэгл, подходя к камину.

Мужчина держал в руках книгу.

— Вы можете от нас позвонить, — предложил он. — Далеко вам пришлось идти?

— Не очень.

У мужчины было открытое, чистое, будто у мальчишки, лицо. Он выглядел гораздо моложе женщины; возможно, это был ее сын. Как Вальтер Кейтелбайн, подумал Рэгл. Удивительное совпадение. На какую–то секунду…

— Вам повезло, что вы нас нашли, — сказала женщина. — Здесь, на холме, живем только мы. Остальные разъехались до лета.

— Понятно. — Рэгл кивнул.

— Мы здесь круглый год, — заметил молодой человек.

— Меня зовут миссис Кессельман, — сказала женщина. — А это мой сын.

Рэгл пораженно вскинул глаза.

— В чем дело? — спросила женщина.

— Я… мне показалось, что я вас знаю, — пробормотал он.

Что бы это могло значить? Женщина определенно не была миссис Кейтелбайн. Так же как и молодой человек не был Вальтером. Их сходство — случайность.

— Что вас сюда привело? — спросила миссис Кессельман. — В забытый богом и людьми уголок… Согласна, в моих устах это звучит странно, поскольку я здесь живу.

— Искал приятеля, — ответил Рэгл.

Это удовлетворило любопытство хозяев. Оба кивнули.

— Моя машина потеряла управление и перевернулась на одном из поворотов.

— О боже! — воскликнула миссис Кессельман. — Какое невезение. Она что, сорвалась в обрыв?

— Нет. Но ее все равно надо вытаскивать. Я боюсь в нее садиться. В любой момент она может

соскользнуть.

— Ни в коем случае к ней не подходите! — сказала миссис Кессельман. — У нас уже были случаи, когда машины падали вниз. Позвоните своему приятелю, пусть не тревожится.

— Не помню его номера.

— Можете посмотреть в телефонной книге, — посоветовал молодой мистер Кессельман.

— Дело в том, что я не знаю его имени. Даже не знаю, мужчина это или женщина.

И есть ли он вообще, добавил Рэгл про себя. Кессельманы доверительно заулыбались. Очевидно, решили, что он шутит.

— Может, хотите вызвать тягач? — спросила миссис Кессельман, но сын перебил ее:

— Бесполезно. Мы как–то пытались связаться с несколькими гаражами — никто и не пошевелился.

— Да, он прав. — Миссис Кессельман кивнула. — Господи, это действительно серьезная проблема. Мы всегда боялись, что сами угодим в подобный переплет. Пока проносило. Ну и конечно, за эти годы мы хорошо изучили дорогу.

Молодой Кессельман предложил:

— Я с удовольствием довезу вас до вашего друга, если вы знаете, как туда ехать. А хотите, могу под-

бросить до трассы или до города. — Он посмотрел на мать, и она согласно кивнула.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Рэгл.

Уезжать ему не хотелось. Он стоял у камина и наслаждался теплом и покоем. Приятный дом: гравюры на стенах, тишина, никакой лишней ерунды. Во всем чувствовался вкус: в подборе книг, в мебели и даже в занавесках. Обстановка вполне соответствовала врожденному чувству порядка, приверженности Рэгла к системе. Здесь создано настоящее эстетическое равновесие, решил он. Поэтому так спокойно.

Миссис Кессельман ждала, когда он скажет что–нибудь. Однако Рэгл молча стоял у камина, и она спросила:

— Может, выпьете?

— Да, — кивнул Рэгл, — с удовольствием.

— Пойду посмотрю, что у нас есть, — сказала миссис Кессельман. — Извините.

Она вышла из комнаты, а сын остался.

— Холодает помаленьку, — заметил он.

— Верно, — согласился Рэгл.

Несколько неловко молодой человек протянул руку.

— Меня зовут Гаррет. — Они обменялись руко-

пожатиями. — Я дизайнер.

Вот и объяснение изысканной обстановки.

— У вас очень уютно, — сказал Рэгл.

— А вы чем занимаетесь? — поинтересовался Гаррет Кессельман.

— Я работаю в газете.

— Вот это здорово! — воскликнул Гаррет. — В школе я два года изучал журналистику.

Миссис Кессельман вернулась с подносом, на котором стояли три низких бокала и обычной формы бутылка.

— Кукурузное виски из Теннесси. Старейшего разлива. Марка «Черный Джек Дэниэлс».

— Никогда о таком не слышал, — признался Рэгл. — Но звучит хорошо.

— Великолепное виски. — Гаррет протянул Рэглу бокал. — Наподобие канадского.

— Обычно я пью пиво, — сказал Рэгл, попробовал кукурузного виски и добавил: — Отлично!

Все замолчали.

— Неудачное время для поисков приятеля, — начала миссис Кессельман, когда Рэгл налил себе еще. — На эту гору люди стараются заезжать исключительно днем.

Она сидела напротив Рэгла. Сын примостился на спинке кресла.

— Я поссорился с женой. Больше не мог этого вынести. Вот и поехал.

— Вам не позавидуешь, — посочувствовала миссис Кессельман.

— Даже не собрал вещи, — продолжал Рэгл. — Не знал, куда поеду. Потом вспомнил про этого друга и решил: может, удастся какое–то время у него перекантоваться, пока все не образуется. Я его несколько лет не видел. Может, он вообще давно отсюда уехал… Как мерзко, когда рушится семейная жизнь. Будто конец света.

— Да. — Миссис Кессельман кивнула.

— Могу я у вас переночевать? — спросил Рэгл.

Мать и сын переглянулись. Потом, смутившись, одновременно заговорили. Общий смысл сводился к отказу.

— Мне надо где–то переночевать, — настаивал Рэгл. Он вытащил из кармана кошелек, открыл его и пересчитал деньги. — Здесь у меня около двухсот долларов. Я вам заплачу за причиненные неудобства.

— Нам надо посоветоваться, — сказала миссис Кессельман.

Поднявшись, она кивнула сыну, и оба вышли из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Отсюда нельзя уходить, подумал Рэгл. Он налил

себе еще виски и вернулся к камину. Этот пикап с приемником, наверное, тоже принадлежит им, иначе в нем не было бы радио. И заправщик тоже один из них.

Вот и доказательство, сам себе сказал Рэгл. Радио — это доказательство. Не выдумка, а факт.

По плодам вашим узнают вас, подумал он. Их плоды — это радио. Они общаются по радио.

Дверь открылась, вошли миссис Кессельман и ее сын.

— Мы посоветовались, — начала она, присев на краешек дивана. — Мы понимаем, что с вами случилась беда. — Сын стоял рядом с ней и хмурился. — Разрешаем вам остаться, поскольку вы в безвыходном положении. Мы не хотим знать всю правду. Ваша ситуация сложнее, чем вы рассказываете.

— Вы правы, — произнес Рэгл.

Кессельманы переглянулись.

— Я ехал с намерением покончить с собой, — продолжал Рэгл. — Разогнаться и крутануть руль. Но не смог. Нервы.

Кессельманы в ужасе уставились на гостя.

— Только не это. — Миссис Кессельман подошла к Рэглу. — Мистер Гамм…

— Я не Гамм, — запротестовал Рэгл, но было

ясно, что его узнали. Причем с самого начала.

Весь мир меня знает. И нечему тут удивляться.

— Я сразу поняла, кто вы, — сказала миссис Кессельман. — Просто не хотела вас смущать, раз вы по какой–то причине не назвались.

— Прошу прощения, — не выдержал Гаррет, — но кто вы, мистер Гамм? Я понимаю, что должен вас знать, однако не припомню, где слышал ваше имя.

— Мистер Гамм, дорогой, — это человек, который постоянно побеждает в конкурсе «Газетт», — ответила ему мать. — Помнишь, на прошлой неделе мы смотрели про него фильм по телевизору? — Повернувшись к Рэглу, она добавила: — Я почти все о вас знаю. В тысяча девятьсот тридцать седьмом я принимала участие в конкурсе «Старое золото». И дошла до самого конца. Разгадала все до последней головоломки.

— Да, только ты мошенничала! — Сын улыбнулся.

— Это правда, — призналась миссис Кессельман. — Мы с подружкой бегали к старому газетчику, и он за пять долларов просовывал нам под прилавком шпаргалку.

— Надеюсь, — сказал Гаррет, — вы не станете возражать, если мы предложим вам веранду.

Собственно говоря, это даже не веранда, а дополнительная квартира. Несколько лет назад мы ее полностью переделали. Теперь там есть туалет и ванная. Обычно мы предлагаем ее гостям, которые задерживаются допоздна и не рискуют ехать через гору.

— Вы ведь больше не собираетесь… покончить с собой, нет? — спросила миссис Кессельман. — Вы правда выбросили это из головы?

— Не собираюсь, — ответил Рэгл.

Женщина облегченно вздохнула:

— Ну и слава богу. Я ведь тоже участвую в конкурсе и желаю вам дальнейших побед.

— Подумать только! — воскликнул Гаррет. — Мы войдем в историю как люди, которые удержали… — он запнулся, — мистера Гамма от импульса самоуничтожения. Нас будут вспоминать в связи с его именем. Это слава!

— Слава, — повторил Гамм.

Разлили еще по одной порции кукурузного виски. Три человека сидели в гостиной, пили виски и смотрели друг на друга.

Глава 9

Звякнул дверной колокольчик. Джуни Блэк отложила журнал и пошла открывать.

— Телеграмма мистеру Уильяму Блэку, — объявил молоденький почтальон в форме «Вестерн юнион». — Здесь распишитесь, пожалуйста.

Он протянул ей карандаш и блокнотик. Джуни расписалась, взяла телеграмму и, закрыв дверь, пошла к мужу.

— Тебе.

Билл Блэк развернул бланк так, чтобы она не могла прочитать написанного.

«Мотоцикл упустил грузовик. Гамм проехал закусочную. Ваш ход».

Поручили мальчику мужское дело, подумал Билл Блэк. Он посмотрел на часы: десятый час, вечер.

— Что там? — спросила Джуни.

— Ничего.

«Интересно, найдут они его или нет? — подумал Блэк. — Хорошо, если найдут. Потому что иначе завтра в это время многие из нас будут мертвы. Один бог знает, сколько сотен тысяч трупов. Наши жизни зависят от Рэгла Гамма. От

него и от проклятого конкурса».

— Что–то страшное? — Джуни не унималась. — Да? Я вижу по твоему лицу.

— Дела, — ответил Блэк. — Муниципальные проблемы.

— Муниципальные? — усомнилась Джуни. — Слушай, не лги мне. Я знаю, это связано с Рэглом.

Неожиданно она выхватила у него телеграмму и выскочила из комнаты.

— Ну да! Я так и знала! Что ты задумал? Нанял кого–нибудь убить его? Я знаю, что он пропал, я звонила Марго, она говорит…

— Ты понятия не имеешь, о чем идет речь! — Билл отобрал телеграмму, едва контролируя себя.

— Не волнуйся, имею! Когда Марго мне сказала, что Рэгл исчез…

— Рэгл никуда не исчезал. — Билл сдерживался из последних сил. — Он просто ушел.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

— Знаешь, потому что ты в этом виноват.

«В каком–то смысле она права, — подумал Билл. — Я действительно виноват. Решил, что они с Виком шутили, когда с винтовкой выскочили из сарая».

— Хорошо. Виноват я.

Глаза Джуни изменили цвет. Зрачки почти исчезли.

— Как же я тебя ненавижу, — процедила она, тряся головой. — Так бы и перерезала тебе горло.

— Давай. — Билл кивнул. — Может, это лучший выход.

— Я иду к соседям.

— Зачем?

— Расскажу Вику и Марго, что это ты во всем виноват. — Она кинулась к выходу, но Билл догнал ее и схватил за руку. — Отпусти! — завизжала Джуни. — Я им скажу, что мы с Рэглом любим друг друга, и если твой мерзкий план провалится…

— Уймись, — взмолился Билл Блэк. — Успокойся, слышишь?

И вдруг он опять вспомнил, что Рэгла нет и разгадывать завтрашнее конкурсное задание некому. Его охватил животный ужас, на какое-то время он окончательно потерял над собой контроль.

— Мне надо в туалет, — сказал он жене. — Нет, я хочу спуститься в подвал. Зарыться в землю.

— Детский комплекс вины, — насмешливо проговорила Джуни.

— Это страх, — ответил Билл. — Просто страх.

— Тебе стыдно.

— Нет. Детский страх… Взрослый страх.

— Взрослый страх! — фыркнула Джуни. — Такого не бывает.

— Еще как бывает, — сказал Билл Блэк.

***

Гаррет принес мыло, повесил на спинку стула свежее полотенце, рядом бросил коврик для ванной.

— Ванная здесь. — Он распахнул дверь, и Рэгл увидел узкий коридор, как на корабле, ведущий в крошечную, наподобие каморки, ванную.

— Отлично. — Рэгл кивнул. Его клонило в сон. — Спасибо за все. Спокойной ночи.

— Тут много книг и журналов, так что можете читать, если вам не спится. Есть шахматы и другие игры. Правда, они не для одного человека.

Гаррет удалился. Рэгл слышал, как он поднялся по лестнице, как закрылась дверь наверху.

Сев на кровать, Рэгл скинул туфли, огляделся, куда бы их поставить. Вдоль стены тянулась полка, на ней стояли лампа, механические часы и белый пластмассовый радиоприемник.

Увидев радио, Рэгл надел туфли, застегнул рубашку и выскользнул на лестницу.

Они чуть не обвели меня вокруг пальца. Но

все–таки выдали себя. Прошло не больше минуты с того момента, как вышел молодой Кессельман. Рэгл замер в коридоре, прислушиваясь. Откуда–то доносился голос миссис Кессельман.

Связывается с ними: звонит по телефону или передает по радио. Одно из двух. Стараясь ступать как можно тише, Рэгл пошел на голос. Дверь в конце темного коридора была полуоткрыта. За ней горел свет. Приблизившись, Рэгл выглянул в столовую.

В платье и шлепанцах, перехватив волосы ленточкой, миссис Кессельман кормила из миски маленькую черную собачку. И она, и собачка вздрогнули, когда Рэгл толкнул дверь. Собачонка звонко и отрывисто залаяла.

— Уф! — вздохнула миссис Кессельман. — Как вы меня испугали! — В руках она держала коробочку с собачьим печеньем. — Вам что–нибудь нужно?

— Там, внизу, в моей комнате, радиоприемник, — сказал Рэгл.

— Ну да, — ответила женщина.

— Это их способ общения.

— Чей?

— Их. Я не знаю, кто они такие, но они повсюду. Преследуют меня.

«И ты с сыном тоже с ними, — подумал Рэгл. — Я едва не попался. Хорошо, что они забыли спрятать радио. Или не успели».

В столовую вошел Гаррет.

— Все в порядке? — спросил он встревоженно.

Повернувшись к нему, мать сказала:

— Будь добр, закрой дверь, я хочу поговорить с мистером Рэглом наедине.

— Пусть останется, — потребовал Рэгл. Он подошел к Гаррету; тот заморгал и попятился, руки его беспомощно повисли. Закрыв дверь, Рэгл продолжил: — У меня нет возможности проверить, сообщили ли вы им, что я здесь. Надеюсь, еще не успели.

«Все равно я не знаю, куда идти, — подумал он. — Тем более ночью».

— Я вас не понимаю, — сказала миссис Кессельман. Пожав плечами, она опять принялась кормить собачку. Та, тявкнув еще пару раз в сторону Рэгла, стала есть. — Вы утверждаете, что вас преследуют какие–то люди и мы входим в их число. Значит, про самоубийство вы придумали?

— Придумал.

— Почему они вас преследуют? — спросил Гаррет.

— Потому, что я — центр Вселенной. Во всяком

случае, они меня в этом убедили своими действиями. Мне ничего не остается, как продолжать. Им стоило большого труда выстроить вокруг меня искусственный мир, чтобы я не волновался. Дома, автомобили… целый город. Очень похоже, только все не настоящее. Не могу понять, зачем они придумали конкурс.

— О, — воскликнула миссис Кессельман, — ваш конкурс!

— Ясно, что для них принципиально важен именно конкурс, — вслух размышлял Рэгл. — Но здесь я не в силах разобраться. Может быть, вы знаете?

— Я знаю не больше вашего, — испуганно проговорила миссис Кессельман. — Конечно, я слышала, что все крупные конкурсы связаны с махинациями, но ведь это только слухи…

— Я имею в виду другое, — перебил ее Рэгл. — Знаете ли вы, что на самом деле означает этот конкурс?

Все замолчали. Занятая собакой, миссис Кессельман повернулась к Рэглу спиной. Гаррет сел в кресло, скрестил ноги и закинул руки за голову, стараясь казаться безмятежным.

— Чем я на самом деле занимаюсь каждый день? Неужели просто сижу и высчитываю, где

теперь появится Зеленый человечек? Здесь заложен какой–то другой смысл. И они его знают, а я нет.

Кессельманы молчали.

— Вы связывались с ними? — спросил Рэгл.

Гаррет поежился. Миссис Кессельман вздрогнула, но продолжала кормить собаку.

— Могу я осмотреть дом?

— Да, конечно. — Миссис Кессельман выпрямилась. — Послушайте, мистер Гамм, мы сделали все, чтобы вам было удобно. Но… — Женщина взмахнула рукой, и ее прорвало: — Но знаете, мы уже ничего не понимаем. Мы вас ни разу в жизни раньше не видели. Вы что, ненормальный? Наверное, это так; во всяком случае, ведете вы себя странно. Я теперь жалею, что вы вообще к нам попали, лучше бы… — Она запнулась. — Лучше бы вы сорвались в обрыв с вашей машиной — вот что я хотела сказать! Мы не заслужили таких оскорблений!

— Да–да, — пробормотал Гаррет.

«Неужели я ошибаюсь?» — подумал Рэгл.

— Тогда объясните, почему здесь радио, — сказал он вслух.

— Тут нечего объяснять, — ответила миссис Кессельман. — Обыкновенный пятиламповый

приемник, купленный после войны. Я даже не знаю, работает ли он. — Теперь она выглядела сердитой. Ее руки дрожали, лицо осунулось от усталости и раздражения. — В каждом доме есть радиоприемник. Даже по два или три.

Рэгл открыл все двери столовой. Одна из них вела в небольшой чуланчик, заставленный банками на полках.

— Я хочу осмотреть дом, — повторил Рэгл. — Зайдите сюда, чтобы я не волновался, чем вы занимаетесь, пока я все проверяю.

В двери чулана торчал ключ.

— Умоляю вас, — с трудом выговорила миссис Кессельман, не сводя с Рэгла глаз.

— Всего на несколько минут.

Кессельманы переглянулись, мать согласно кивнула, и они полезли в чулан. Рэгл повернул ключ и задвинул шпингалет.

Теперь он чувствовал себя спокойнее.

Черная собачка уставилась на него, не отходя от миски.

«Почему она на меня смотрит?..»

Потом Рэгл заметил, что миска пуста; собака, очевидно, ждет добавки. Коробка с печеньем лежала на длинном обеденном столе, где ее оставила миссис Кессельман. Он подбросил в миску

печенья, и собака принялась за еду.

Из чулана донесся голос Гаррета:

— Надо быть осторожнее, он сумасшедший.

— Я не сумасшедший! — крикнул Рэгл. — Я давно слежу, как обстановка накаляется.

— Послушайте, мистер Гамм, — обратилась к нему из чулана миссис Кессельман, — вы, безусловно, верите в то, что говорите. Убеждены, что все против вас, и тем самым действительно всех против себя настраиваете.

— Нас, например, — вставил Гаррет.

В их словах был смысл. Рэгл пробормотал:

— У меня нет выбора.

— Вы должны хоть кому–нибудь поверить, — сказала миссис Кессельман. — Иначе не выживете.

— Я все–таки осмотрю помещение и тогда решу, — ответил Рэгл.

Женщина продолжала ровным, спокойным голосом:

— Во всяком случае, позвоните домой и скажите, что все в порядке. Там, наверное, не знают, что и думать. Или, может быть, мы позвоним? Успокоим ваших родных, чтобы не обращались в полицию.

Рэгл вышел из столовой. Сперва осмотрел го-

стиную. Все, казалось, было в порядке. Что он хотел найти? Старая история: мог бы ответить — если бы нашел.

На стене над маленькими клавикордами висел телефон — ярко–розовая пластмассовая трубка и шнур. А справа на книжной полке стоял телефонный справочник — точно такой же, как нашел Сэмми в развалинах. Рэгл открыл книгу. Свободная первая страница была исписана именами и телефонами. Писали карандашом, красным фломастером, шариковой ручкой. Адреса, пометки о встречах, даты, события… Обычная телефонная книга, какая и должна быть в таком доме, у таких людей. Номера в Уолнате, Шермане, Кентфилде, Девоншире.

На самой трубке значился кентфилдский номер.

Теперь понятно.

Взяв с собой книгу, Рэгл вернулся в столовую, вытащил ключ и открыл чулан, широко распахнув дверь.

Чулан был пуст. В задней стенке была аккуратно вырезана дыра, сквозь которую виднелась одна из спален. Пол был усыпан еще теплыми древесными и пластиковыми опилками. За несколько минут хозяева успели проделать

проход. На полу валялись два сверла. Одно погнутое и поломанное, видно нагрузка оказалась слишком велика. Другим, похоже, вообще не пользовались, очевидно, нашли третье, нужного размера, и мгновенно все сделали. Кессельманы так спешили, что побросали инструменты.

Разглядывая лежащие на ладони сверла, Рэгл вдруг сообразил, что ничего подобного ему видеть не приходилось. За всю свою жизнь.

Значит, спокойно и рассудительно разговаривая с ним через дверь, они все это время сверлили заднюю стенку…

«Я безнадежный неудачник, — подумал Рэгл. — Изгой. С тем же успехом можно было сразу сдаться».

Он стал бесцельно бродить по комнатам. От порывов ветра хлопала задняя дверь. Хозяева ушли. Оставили ему весь дом. Пустота: только он и собака. Нет, собака тоже куда–то исчезла. Ушла с ними.

Выбираться на дорогу? Если повезет, он успеет уйти далеко, прежде чем Кессельманы вернутся с подкреплением. В крайнем случае, можно до рассвета укрыться в лесу, потом добраться до шоссе или идти вниз по холмам в другую сторону…

Рэгла передернуло от одной этой мысли. Идти

он не мог. Не было сил.

Или… остаться в доме и постараться выяснить все, что возможно? Как можно больше, прежде чем они его схватят.

Последний вариант показался ему самым подходящим. Рэгл вернулся в гостиную. На этот раз он проверил все шкафы и выдвижные ящики, не обошел вниманием и столь обычный предмет, как телевизор в углу. На телевизоре стоял магнитофон. Рэгл нажал клавишу, и магнитофон заработал. Бобина с пленкой начала вращаться. Пленка, очевидно, предназначалась как для прослушивания, так и для просмотра. Через секунду или две экран засветился.

На экране телевизора появился Рэгл Гамм. Вначале вид спереди, потом сбоку. Рэгл Гамм шел по тенистой дорожке мимо лужаек и припаркованных машин. Потом — крупным планом одно лицо.

Из динамика раздался голос:

— Это Рэгл Гамм.

Теперь на экране Рэгл Гамм сидел в шезлонге во дворе дома, на нем были шорты и гавайская рубашка с короткими рукавами.

— Сейчас вы услышите его голос. Обратите внимание на манеру разговора, — объявил дина-

мик. И Рэгл услышал собственный голос: «…если приду домой раньше вас, то сделаю сам. А нет, отложите все на завтра. Договорились?»

У них есть все про меня. Черным по белому. И даже в цвете.

Он остановил пленку. Картинка на экране застыла. Тогда Рэгл нажал на выключатель, и изображение сжалось в яркую точку, которая медленно погасла.

«Теперь ясно, почему меня все узнают. Их специально тренируют.

Когда я начну думать, что схожу с ума, я вспомню эту пленку. Эту тренировочную программу по узнаванию меня.

Интересно, сколько таких пленок заряжено сейчас в магнитофоны? В скольких домах? На какой территории? Они есть в каждом доме, где я бываю. На каждой улице. Наверное, во всех городах.

Во всем мире?»

Послышался далекий шум мотора. Это его подстегнуло.

Рэгл открыл парадную дверь, и шум усилился. В темноте внизу мигнули и погасли фары.

«Зачем все это? — подумал Рэгл. — Кто они? Как все обстоит на самом деле? Я должен разо-

браться».

Он снова кинулся в дом и принялся осматривать предмет за предметом. Мебель, книги, личные вещи в ящиках стола, одежда в шкафах… Что еще? Стиральная машина, швабра возле вешалки, упаковка голландского мыла, кипа журналов, газет. Рэгл выдернул несколько штук, роняя остальные, открыл наугад.

Увидев дату на газете, он понял, что искать дальше нет смысла. Вот.

10 мая 1997 года.

Будущее. Взгляд почти на сорок лет вперед.

Рэгл пробежал заголовки. Бессмысленный набор не связанных между собой банальностей: убийство, призыв к увеличению дотаций на строительство автостоянок, смерть знаменитого ученого, беспорядки в Аргентине.

Почти в самом низу заголовок:

РУДНИКИ НА ВЕНЕРЕ — СНОВА РАЗНОГЛАСИЯ

Тяжба в Международной ассоциации юристов по поводу собственности на Венере… Рэгл читал с максимальной быстротой, потом отшвырнул газету и схватил журналы.

«Таймс» от 7 апреля 1997 года. Свернув журнал, он сунул его в карман брюк. Открыл наугад другой, пытаясь сразу проглотить всю статью,

уловить и запомнить хоть что–нибудь. Мода, мосты, картины, медицина, хоккей — весь будущий мир, изложенный выверенной прозой. Краткие выжимки из всех областей жизни, которая еще не наступила…

Уже наступила. Протекает сейчас. Журнал–то периодический. На дворе стоял 1997 год. Не 1959–й.

Возле дома остановилась машина. Рэгл вздрогнул и схватил оставшиеся журналы, сколько смог… Он попытался выскочить через выходящую во двор дверь.

Голоса. Там, во дворе, были люди. Мелькнул луч фонаря. Журналы зацепились за дверь и полетели на крыльцо. Опустившись на колени, Рэгл принялся их собирать.

— Вот он, — раздался голос, и луч фонаря уперся в Рэгла, на мгновение ослепив его. Он повернулся спиной к свету, не отрываясь от обложки одного из журналов.

Там рядом с датой — 14 января 1996 года — была его фотография. Цветная. И подпись внизу:

РЭГЛ ГАММ — ЧЕЛОВЕК ГОДА

Присев на ступеньки, Рэгл открыл журнал на нужной статье. Его детские фотографии. Мать и отец. Он в начальной школе… Рэгл лихорадочно

листал страницы. Он после Второй мировой или какой–то там войны, в которой он участвовал, в военной форме, улыбается в объектив.

Женщина, которая была его первой женой.

Потом на развороте — острые шпили и напоминающие минареты башни промышленного района.

Журнал вырвали из рук. Рэгл поднял голову и с изумлением увидел на волочащих его с крыльца людях знакомые серые комбинезоны.

— Следи за воротами, — сказал один из них.

Рэгл видел черные деревья, видел бегущих по клумбам людей, пляшущие по каменистой дорожке лучи фонаря. А на дороге — грузовики с включенными двигателями и фарами. Темно–зеленые грузовики–полуторки. Тоже хорошо знакомые. Как и серые комбинезоны. Городские грузовики и люди из муниципальной службы.

Один из них поднес к лицу Рэгла пластиковый пузырек — и тут же раздавил его пальцами. Пузырек лопнул и окутал лицо Рэгла дымом. Зажатому с двух сторон, ему ничего не оставалось, как вдохнуть. Фонарь продолжал слепить его сквозь желтое облако, и Рэгл закрыл глаза.

— Поосторожнее, — проворчал кто–то. — Его надо беречь.

Материал грузовика был холодным, мокрым на ощупь. Как в рефрижераторе, подумал Рэгл. Деревенский продукт, который необходимо доставить в город. И завтра продать на рынке.

Глава 10

Щедрое солнечное утро заливало спальню белым светом. Рэгл прикрыл глаза рукой, чувствуя себя совершенно разбитым.

— Я опущу жалюзи, — проговорил кто–то.

Рэгл узнал голос и открыл глаза. Возле окна, опуская жалюзи, стоял Виктор Нильсон.

— Я вернулся, — сказал Рэгл. Он вспомнил, как бежал, как продирался вверх по холму сквозь кустарник. — Я залез высоко. Почти на вершину. А потом меня скатили вниз.

«Интересно, кто?» — подумал Рэгл.

И спросил вслух:

— Кто вернул меня сюда?

— Здоровенный таксист, не меньше трехсот фунтов веса, — ответил Вик. — Дотащил тебя до крыльца и усадил на скамейку. — Немного помолчав, Вик добавил: — Это обойдется тебе — или мне, смотря кому придет счет, — в одиннадцать долларов.

— Где меня нашли?

— В баре.

— В каком баре?

— Никогда о нем не слышал. Где–то на другом

конце города. В северной части. Там, где промышленная зона, железнодорожные пути и грузовые верфи.

— Постарайся вспомнить название бара, — попросил Рэгл. Это казалось ему важным, только он не мог понять почему.

— Можно спросить Марго. Она не спала, мы оба не спали. Подожди.

Вик вышел из комнаты. Спустя мгновение к кровати подошла Марго:

— Бар назывался «Жареное мясо и напитки Фрэнка».

— Спасибо, — пробормотал Рэгл.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше.

— Приготовить тебе что–нибудь легкое?

— Нет, спасибо.

— А ты здорово нагрузился, — заметил Вик. — И не пивом. Напихал в карманы кучу мелочи.

— Что там было еще? — спросил Рэгл. Он помнил, что заталкивал в карманы что–то ценное, то, что он хотел сохранить и взять с собой.

— Была еще салфетка из «Жареного мяса», — сказала Марго. — Остальное — мелочь. По двадцать пять и десять центов. Ты что, собирался звонить?

— Да, — ответил Рэгл. — Собирался. — Что–то было связано с телефоном… — Я помню одно имя, — добавил он. — Джек Дэниэлс.

— Так звали таксиста, — сказал Вик.

— Откуда ты знаешь? — спросила Марго.

— Рэгл так его называл.

— А грузовики из муниципальной службы? Откуда взялись они? — спросил Рэгл.

— О них ты ничего не говорил, — ответила Марго. — Но очень легко объяснить, почему они пришли тебе на ум.

— Почему?

Марго подняла жалюзи:

— Стоят здесь с самого утра. Приехали еще до семи. Шум воздействовал на подсознание и определил ход мыслей.

Рэгл заставил себя подняться и подойти к окну. У противоположного тротуара стояли два темно–зеленых грузовика муниципальной службы. Бригада рабочих в серых комбинезонах долбила канаву, и Рэгл сообразил, что давно слышит грохот отбойных молотков.

— Похоже, они тут надолго, — сказал Вик. — Наверное, прорвало трубу.

— Я всегда нервничаю, когда перекапывают улицу, — откликнулась Марго. — Каждый раз

боюсь, что они все перекопают и уедут, не закончив.

— Они свое дело знают, — успокоил Вик. Махнув на прощание рукой, он отправился на работу.

Позже Рэгл Гамм, пошатываясь, выбрался из постели, умылся, побрился, натянул на себя одежду и прошел на кухню. Там налил себе стакан томатного сока, сварил яйцо и сел за стол.

Есть не хотелось. С улицы доносился треск отбойных молотков. «Интересно, долго это продлится?» — подумал Рэгл.

Он закурил и взял утреннюю газету. Кто–то уже принес ее и положил на стол.

Вид газеты вызвал у него отвращение. Было противно даже держать ее в руках.

Рэгл открыл газету на странице конкурса. Там, как обычно, печатали имена победителей. И его имя — в специально придуманном оформлении. Во всей красе.

— Как тебе сегодняшнее задание? — поинтересовалась Марго из соседней комнаты.

— Да как обычно, — пробормотал Рэгл. Вид собственного имени на странице газеты наполнил его тревогой и беспокойством, вернулось утреннее ощущение тошноты. — Веселенькое дело, — сказал он сестре. — В один прекрасный

день ты видишь свое имя напечатанным и испытываешь нервное потрясение. Шок.

— Я своего имени никогда не видела напечатанным, — откликнулась Марго. — Разве что пару раз в статьях о тебе.

«Да, — подумал Рэгл. — В статьях обо мне».

— Я важная птица, — сказал он вслух и отложил газету.

— Конечно, — согласилась Марго.

— У меня такое чувство, — продолжал Рэгл, — что от моих действий зависит судьба человечества.

Сестра выпрямилась и отложила тряпочку, которой протирала телевизор.

— Ты говоришь странные вещи. Я, собственно, не вижу… В конце концов, конкурс — это всего–навсего конкурс.

Рэгл прошел в свою комнату и принялся раскладывать графики, схемы, таблицы и придуманные им устройства. Спустя час он был полностью поглощен разгадыванием очередного задания.

Около полудня Марго постучала в запертую дверь.

— Рэгл! — крикнула она. — Тебя можно потревожить? Если нет, так и скажи.

Он распахнул дверь, довольный перерывом.

— Джуни Блэк хочет с тобой поговорить. Клянется, что всего на одну минуту.

Из гостиной вышла Джуни Блэк.

— Вырядилась как на праздник, — заметила Марго, оглядев ее.

— Еду в центр за покупками, — ответила Джуни.

На ней был красный вязаный шерстяной костюм, чулки, туфли на каблуках, на плечи наброшено коротенькое пальто, волосы тщательно уложены. Подкрашенные глаза приобрели почти театральную выразительность.

— Закрой дверь, — попросила она Рэгла, едва войдя в комнату. — Нам надо поговорить.

Он закрыл дверь.

— Слушай, у тебя все в порядке?

— Да. — Рэгл кивнул.

— Я знаю, что с тобой произошло. — Она положила руки ему на плечи, потом вздрогнула и отстранилась. — Будь он проклят! Я ему сказала, если что–нибудь с тобой случится, я его оставлю.

— Билла? — спросил Рэгл.

— Это он во всем виноват. Организовал за тобой слежку, нанял частных детективов. — Джуни нервно прошлась по комнате. — Тебя били?

— Нет, — ответил Рэгл. — Не думаю.

Джуни задумалась.

— Может, они просто хотели тебя припугнуть?

— Вряд ли это вообще имеет отношение к твоему мужу, — задумчиво произнес Рэгл. — И к тебе тоже.

Джуни покачала головой:

— А я знаю, что имеет. Я видела телеграмму, которую он получил. Когда ты пропал, ему пришла телеграмма. Он не хотел, чтобы я ее видела, а я выхватила ее у него из рук. Речь шла о тебе. Донесение.

— Что все–таки там было? — спросил Рэгл.

Джуни напрягла память и выпалила:

— «Обнаружен пропавший грузовик. Гамм проехал закусочную. Ваш ход».

— Ты уверена?

— Уверена. — Она кивнула. — Я успела выучить телеграмму наизусть, прежде чем Билл ее отобрал.

Грузовики муниципалитета, подумал Рэгл. Там, на улице, до сих пор торчали темно–зеленые грузовики. Рабочие продолжали разделываться с тротуаром, получилась уже приличная канава.

— У Билла есть контакт с ремонтниками? — спросил Рэгл. — Он распоряжается муниципальным транспортом?

— Я понятия не имею, чем он там распоряжается в своем водоканале, — ответила Джуни. — И мне на это наплевать. Рэгл, ты слышишь, мне на это наплевать. Я не хочу иметь с ним ничего общего.

Она неожиданно подбежала к Рэглу, обняла его и громко зашептала ему на ухо:

— Рэгл, я все решила. Эта история… то, что он способен на такие ужасные, преступные дела… последняя капля. Между нами все кончено. Смотри.

Джуни стащила с левой руки перчатку и помахала кистью перед его лицом.

— Видишь?

— Что?

— Обручальное кольцо. Я его не ношу… Помнишь, когда мы вместе лежали в траве и ты сказал, что любишь меня?

— Помню.

— Мне все равно, что говорят Марго и другие. Сегодня в полтретьего я встречаюсь со своим адвокатом. Хочу проконсультироваться насчет развода. А потом мы сможем быть вместе до конца жизни, и никто нам слова не скажет. А если он хоть раз попробует применить свои уголовные методы, я обращусь в полицию.

Взяв сумочку, она распахнула дверь.

— Ты уходишь? — Рэгл несколько растерялся, снова почувствовав себя в водовороте событий.

— Мне надо в центр. — Оглядев холл, Джуни послала ему страстный воздушный поцелуй и прошептала: — Я тебе позвоню позже и расскажу о визите к адвокату.

Рэгл услышал, как ее каблучки застучали по ступенькам крыльца. Затем взревел мотор машины… Уехала.

— Что там еще? — спросила Марго из кухни.

— Джуни расстроена, — рассеянно ответил Рэгл. — Поссорилась с Биллом.

— Если ты так важен для человечества, мог бы выбрать кого–нибудь и получше.

— Ты говорила Блэку, что я уходил?

— Нет, только Джуни. Она примчалась сразу же, как ты исчез. Я ей сказала, что меня больше волнует, куда ты запропастился, а не ее болтовня. Собственно, теперь ясно, что со мной она и не собиралась разговаривать.

Вытирая руки бумажным полотенцем, Марго добавила:

— А она прехорошенькая. Можно сказать, даже красивая. Но слишком юная. С такими девчонками водится Сэмми.

Рэгл почти не слышал сестру. Голова раскалывалась, он чувствовал себе еще хуже, чем раньше. Эхо прошедшей ночи…

За окном муниципальная бригада побросала лопаты и устроила перекур. Казалось, им просто надо было находиться возле дома.

«Они что, следят за мной?» — подумал Рэгл.

Он почувствовал к этим людям инстинктивное отвращение, граничащее со страхом. Откуда оно? Рэгл попытался восстановить прошлое. Темно–зеленые грузовики… Где–то там он пытался от них спрятаться. И еще: он нашел что–то ценное, но потерял или у него отобрали…

Глава 11

Джуни Блэк позвонила на следующее утро:

— Ты работаешь?

— Я всегда работаю, — ответил Рэгл.

— Ну, — начала Джуни, — я посоветовалась с мистером Хемпкином, это мой адвокат… — По интонации Рэгл понял, что она намерена выложить все подробности. — До чего хлопотное дело! — Джуни вздохнула.

— Расскажи. — Рэглу хотелось поскорее вернуться к заданию. Но он, как всегда, попал под гипноз Джуни, оказался втянутым в ее запутанные проблемы. — И что адвокат? — спросил Рэгл. Как бы то ни было, к этому делу следовало относиться серьезно. Если дойдет до суда, его неизбежно вызовут свидетелем.

— О Рэгл, — простонала она. — Мне так хочется тебя увидеть. Хочу, чтобы ты был со мной. Рядом. Это настолько сложно…

— Что сказал адвокат?

— Все зависит от Билла. Ты представляешь? Когда мы увидимся? Я боюсь приходить к тебе. Марго так на меня смотрит, что я теряюсь. Неужели она думает, что мне нужны твои деньги?

— Джуни, что сказал адвокат?

— Я не хочу по телефону. Почему бы тебе не заскочить ко мне ненадолго? Или ты боишься, что Марго заподозрит? Знаешь, Рэгл, теперь, когда я решилась, мне стало легче. Теперь я буду сама собой, перестану терзаться сомнениями. Это самый важный момент в жизни. Для меня это свято. Я, когда проснулась сегодня утром, почувствовала себя словно на богослужении, все вокруг такое возвышенное…

— Как насчет гражданской обороны? — спросил Рэгл.

— Гражданской обороны? Думаю, это очень нужно.

— Ты пойдешь туда?

— Нет. Зачем?

— Я тоже думаю, что туда нужно пойти.

— Рэгл, — воскликнула Джуни с отчаянием, — ты иногда такой загадочный, я просто не могу уследить за твоими мыслями!

Теперь до него дошло, что он совершил ошибку. Идею с гражданской обороной надо отбросить. Бессмысленно ей объяснять, что он имел в виду и о чем думал, когда к нему обратилась миссис Кейтелбайн.

— Послушай, Джуни, я очень хочу тебя видеть,

так же как и ты меня, а может быть, и сильнее. Но мне надо выполнить это проклятое задание.

— Я знаю, — ответила она. — У тебя есть обязательства. — Слова насчет обязательств прозвучали решительно. — А если вечером, после того как ты отправишь ответ?

— Попробую тебе позвонить. — Он знал, что ее муж будет дома и ничего не выйдет. — Я надеюсь справиться пораньше. С утра шло хорошо.

— Ой, сегодня не получится. Я обедаю со старинной подругой. Знаешь, я так много хочу тебе сказать, так много сделать вместе. У нас впереди вся жизнь.

Джуни говорила что–то еще, он слушал. Наконец она попрощалась, и Рэгл повесил трубку, чувствуя себя подавленным. Как все–таки тяжело с ней общаться. Когда Рэгл поднялся и побрел к себе, телефон зазвонил снова.

— Хочешь, чтобы я ответила? — крикнула Марго из соседней комнаты.

— Не надо. Скорее всего, это меня.

Он поднял трубку, ожидая услышать Джуни, но раздался глухой неприятный женский голос:

— Пригласите мистера Гамма.

— На проводе, — буркнул Рэгл от разочарования грубо.

— Мистер Гамм! Вы еще не забыли о занятиях по гражданской обороне? Это миссис Кейтелбайн.

— Я вас узнал, — сказал Рэгл. — Здравствуйте. — Стараясь говорить твердо, он добавил: — Миссис Кейтелбайн, мне очень жаль, но…

— Сегодня, — перебила она его. — Сегодня же вторник. В два часа.

— Я не смогу прийти. Погряз в своем конкурсе. Как–нибудь в другой раз.

— О боже! — воскликнула она. — Я уже всех известила, что вы придете. Люди хотят послушать о Второй мировой войне.

— Мне очень жаль, — буркнул Рэгл.

— Это катастрофа, — проговорила миссис Кейтелбайн отчаянным голосом. — Может, вы придете — не будете выступать, просто посидите, ответите на вопросы… Неужели у вас не найдется чуть–чуть времени? Вальтер за вами заедет, а после отвезет домой. Занятия длятся около часа, так что самое большее вы потратите час пятнадцать.

— Зачем за мной заезжать? До вас всего полквартала.

— Верно. Мы живем на одной улице. Тогда вы тем более должны постараться, пожалуйста, мистер Гамм, как личное одолжение.

— Хорошо, — согласился он. — В конце концов,

час ничего не решает.

— Большое вам спасибо. — Облегчение и благодарность переполняли ее голос. — Я очень ценю вашу доброту.

Повесив трубку, Рэгл немедленно принялся за задание. До отправки оставалось несколько часов. Сознание того, что ответ необходимо отослать вовремя, как всегда, подавляло все остальное.

***

В два часа он поднялся на некрашеное покосившееся крыльцо дома Кейтелбайнов и позвонил. Дверь распахнула миссис Кейтелбайн.

— Входите, мистер Гамм!

За ее спиной он смутно различил группу женщин в ярких платьях, среди которых затерялись несколько тщедушных и неприметных мужчин. Все ожидающе смотрели в сторону двери, и Рэгл понял, что ради него они и пришли, теперь можно начинать занятие.

«Даже здесь я самая значительная персона», — подумал Рэгл.

Никакого удовлетворения он, однако, не ощутил. Единственный важный для него человек отсутствовал. До Джуни Блэк его намек так и не дошел.

Миссис Кейтелбайн провела гостя к столу, мас-

сивному старому деревянному столу, который они с Вальтером поднимали из подвала. Стул она поставила так, чтобы Рэгл оказался лицом к аудитории.

— Прошу вас, садитесь здесь.

К занятиям она приоделась. Глядя на ее длинную шелковую, похожую на мантию юбку, на блузку с кружевами и ленточками, Рэгл вспомнил школьные экзамены и уроки музыки.

— Прежде чем задавать вопросы, мы обсудим кое–какие аспекты гражданской обороны, просто чтобы больше к ним не возвращаться. — Хозяйка похлопала Рэгла по руке. — Вы первая знаменитость на наших занятиях.

Улыбаясь, она заняла свое место и постучала карандашом по столу, призывая к тишине.

Неразличимые леди и джентльмены затихли. Говор смолк. Первые ряды принесенных Вальтером складных стульев были заняты. Сам Вальтер, в галстуке, сидел у двери. Он чинно кивнул Рэглу с другого конца комнаты.

Надо было надеть пиджак, подумал Рэгл. В рубашке он чувствовал себя неловко.

— На прошлом занятии, — миссис Кейтелбайн скрестила руки на столе, — кто–то поднял вопрос о невозможности перехвата всех вражеских ра-

кет в случае неожиданного массированного удара по Америке. Это действительно так. Мы знаем, что все ракеты сбить не удастся. Определенный процент их неизбежно прорвется. Такова ужасная правда, и мы вынуждены с ней считаться.

Лица находящихся в комнате мужчин и женщин приняли мрачное выражение.

— Если разразится война, — продолжала миссис Кейтелбайн, — в лучшем случае нам грозят страшные разрушения. Десятки миллионов погибших и умирающих. Лежащие в руинах города, радиоактивные осадки, зараженные поля, непоправимо нарушенный генетический код будущих поколений. Нам придется столкнуться с невиданной катастрофой. Фонды, выделяемые правительством на оборону, которые мы сейчас воспринимаем как непосильное и тяжкое бремя, окажутся каплей в море.

Все так и будет, подумал Рэгл. Слушая миссис Кейтелбайн, он видел картины смерти и страдания: почерневшие сорняки в развалинах городов, бескрайние пустыни, усеянные ржавым металлом и костями. Ни жизни, ни звука…

И вдруг на него обрушилось тоскливое чувство опасности. Ее близость и реальность наполнили душу ужасом. Рэгл застонал и чуть не вскочил со

стула. Миссис Кейтелбайн осеклась. Все одновременно повернулись в его сторону.

«Теряю время, — подумал Рэгл. — Разгадываю головоломки в газете. Как я мог так далеко уйти от реальности?»

— Вам нехорошо? — спросила миссис Кейтелбайн.

— Все в порядке, — ответил Рэгл.

Кто–то поднял руку.

— Если Советы пошлют свои ракеты одной большой группой, смогут ли наши средства ПВО перехватить большее их количество, чем в случае нескольких последовательных атак? Из того, что вы говорили на прошлой неделе…

— Вопрос поставлен правильно, — перебила миссис Кейтелбайн. — В самом деле, мы можем израсходовать наши ракеты–перехватчики в первые же несколько часов войны, а потом выяснится, что противник и не планировал разделаться с нами одним массированным ударом, наподобие японской атаки на Пирл–Харбор, а, напротив, решил победить этаким «атомным покусыванием», рассчитанным, может быть, не на один год.

Поднялась еще одна рука.

— Слушаем вас.

Из зыбкой безликой массы выделилась женщина:

— А способны ли Советы провести столь длительную атаку? Разве во время Второй мировой войны нацисты не столкнулись с тем, что их экономика не выдержала ежедневных потерь тяжелых бомбардировщиков в ходе круглосуточных бомбежек Лондона?

Миссис Кейтелбайн повернулась к Рэглу:

— Может быть, мистер Гамм ответит на этот вопрос?

Некоторое время Рэгл не мог сообразить, к кому обращаются. Потом заметил, что миссис Кейтелбайн ободряюще кивает ему головой.

— Что? — спросил он.

— Расскажите, как повлияла на нацистов потеря большого числа бомбардировщиков во время бомбежек Лондона.

— Я находился на Тихоокеанском театре, — произнес Рэгл. — Извините, но о войне в Европе я ничего не знаю.

Он действительно не мог припомнить ничего касающегося боевых действий в Европе, настолько его переполнило чувство непосредственной угрозы. Оно вытеснило все остальное и опустошило его.

«Чего ради я сижу здесь? — подумал Рэгл. — Я должен быть… Где я должен быть?»

Бродить по деревенским лугам с Джуни Блэк, стелить одеяло на сухом горячем склоне, вдыхать аромат травы и жаркого солнца? Неужели этого уже не будет? Останутся пустые каркасы вместо реальных вещей: и солнце не светит, и день не теплый, а холодный — серый, ровный, мелкий дождик и отвратительная сажа оседают на всем. Травы нет, из потрескавшейся земли торчат обугленные пни. Озера с зараженной водой…

— Я полагаю, — сказала миссис Кейтелбайн в ответ на вопрос, — что еще тяжелее, чем потеря самолетов, на Германии сказалась потеря опытных летчиков. Заменить сбитые самолеты они еще могли, а вот на подготовку пилотов уходили месяцы. Это, кстати, один из сюрпризов, которые обрушатся на нас в следующей, первой ядерно–водородной войне. Потеря ракет не означает гибели опытных летчиков. Ракеты не перестанут летать оттого, что больше некому их вести. Атаки не прекратятся, пока будет идти производство ракет.

На столе перед ней лежал машинописный листок. Рэгл догадался, что миссис Кейтелбайн им пользуется. Предложенная правительством

программа.

Значит, это голос правительства, подумал Рэгл, а не обыкновенной женщины средних лет, болтающей в свое удовольствие. Это факты, а не частное мнение.

Это реальность.

— Мы вам покажем несколько макетов, — продолжала миссис Кейтелбайн. — Их изготовил мой сын Вальтер… Образцы некоторых жизненно важных объектов.

Она подала сыну знак, и он подошел ближе.

— Чтобы наша страна пережила следующую войну, — начал Вальтер юношеским тенором, — нам необходимо освоить новый способ производства. Заводы в том виде, как мы их знаем, будут стерты с лица земли. Нужна широко разветвленная сеть подземных промышленных предприятий.

На мгновение он исчез из виду, вышел в соседнюю комнату. Все с любопытством ожидали его возвращения. Вальтер вернулся с огромной моделью, которую установил на столе.

— Вот образец хорошо защищенной фабрики. Она строится на глубине около мили и недосягаема для ракетного удара.

Все поднялись, чтобы лучше разглядеть. Рэгл

повернул голову и увидел на столе квадрат из башенок и шпилей, контуров зданий, минаретов индустриального пейзажа. Как знакомо, подумал Рэгл. И эти двое, миссис Кейтелбайн и Вальтер, склонились над конструкцией… все это уже происходило когда–то. В прошлом.

Журнал. Там была фотография — только не макета, а оригинала.

Значит, такая фабрика существует?

Заметив проявленный им интерес, миссис Кейтелбайн сказала:

— Не правда ли, очень убедительный макет, мистер Гамм?

— Да, — ответил он.

— Вам приходилось видеть подобные?

В комнате воцарилась тишина. Безликие силуэты застыли в ожидании.

— Да.

— Где же?

Он вспоминал. Он был почти уверен в ответе.

— А что, по–вашему, может производить такая фабрика? — спросила одна из женщин. — Как вы думаете, мистер Гамм?

— Возможно, это завод по производству алюминия. — Ответ Рэгла прозвучал вполне правдоподобно. — Или по обработке каких–либо

минералов для промышленности, пластмассы или древесного волокна.

— Я горжусь этим макетом, — сказал Вальтер.

— Им можно гордиться, — поддержала его женщина.

«Я знаю там каждый дюйм, — подумал Рэгл. — Каждое здание и холл. Каждый кабинет. Я был там, внутри. Много раз».

***

После занятий по гражданской обороне он не пошел домой. Вместо этого сел на автобус и поехал в центр, в торговые кварталы. Немного прошелся пешком. Неожиданно прямо через дорогу он увидел огромную автостоянку и вывеску: «СУПЕРМАРКЕТ «ВЕЗУЧИЙ ПЕННИ»». До чего же тут просторно, подумал Рэгл. Продается все, кроме, может быть, океанских буксиров. Он перешел через дорогу и зашагал к задним дверям магазина, где размещался высокий складской ангар.

У ангара стояли четыре грузовика–фургона. Грузчики в матерчатых фартуках ставили на тележки картонные ящики с консервами, клети с фруктами и овощами, мешки с мукой и сахаром. По роликовому конвейеру с грузовиков в склад скатывались ящики поменьше.

Наверное, это интересно, подумал Рэгл. Ста-

вишь ящик на ролики и видишь, как он летит вниз, в открытую пасть склада. А там, вне всякого сомнения, кто–то их снимает и укладывает в ряды. Незримый процесс на другом конце… приемщика не видно, но он работает.

Рэгл закурил и пошел дальше.

Колеса грузовиков в диаметре почти равнялись его росту. Наверное, чувствуешь себя силачом, гоняя такую фуру из штата в штат. Через Скалистые горы, соляную равнину Юты и пустыню Невады… снег в горах, раскаленный воздух на равнине. Жуки бьются о ветровое стекло. Тысячи придорожных забегаловок, мотелей, заправочных станций, указателей. А впереди холмы. Изнуряющая монотонность дороги.

Но как хорошо просто все время куда–нибудь ехать. Перемещаться. Каждую ночь — другой город.

Приключения. Роман с одинокой официанткой в придорожном кафе. Голубоглазая блондинка с ровными зубами и роскошной гривой, вскормленная и выросшая в спокойной деревенской обстановке.

«У меня уже есть официантка. Джуни Блэк. Собственное приключение, сомнительная романтика флирта с чужой женой. В тесных маленьких

домиках, где машину ставят под окнами кухни, а белье развешивают во дворе; откуда не вырваться из–за тысячи мелких дел, которых все равно не переделать.

Значит, мне этого не хватает? Я не удовлетворен?

Может, отсюда и тревога? Предчувствие, что появится Билл Блэк с пистолетом и пристрелит меня за шашни с его женой. Застукает средь бела дня, когда мы сольемся в объятиях — если улучим момент между стиркой, стрижкой газонов и магазином.

Сублимация… Фантазии о возмездии — плата за грехи. Которые, впрочем, яйца выеденного не стоят.

Во всяком случае, так сказал бы любой психиатр. И все домохозяйки, начитавшиеся Гарри Стэка Салливана, Карин Хорни и Карла Меннингера. А может, это моя враждебность по отношению к Блэку. Не находящая выхода враждебность сублимируется в тревогу. Мои личные проблемы на мировом экране».

Обойдя супермаркет, Рэгл приблизился к парадному входу. Сработал электрический глаз, дверь распахнулась. За кассами продуктового отдела у корзины с луком стоял Вик Нильсон. Он

вытаскивал из корзины испорченные луковицы и выбрасывал их в круглое цинковое ведро.

— Привет, — сказал Рэгл, подойдя к нему.

— О, привет! — откликнулся Вик, не отрываясь от дела. — Закончил сегодняшнее задание?

— Оно уже в почтовом ящике.

— Как себя чувствуешь?

— Лучше, — ответил Рэгл. Несколько покупателей еще находились в магазине, и он спросил: — Ты можешь выйти?

— На пару минут.

— Надо переговорить.

Вик снял фартук и кинул его на цинковое ведро. Они вышли из магазина, пересекли стоянку.

— Заглянем в «Обед по–американски»? — предложил Вик.

— Отлично.

Рэгл последовал за ним через улицу. Вик, как всегда, отчаянно лавировал между проносившимися мимо двухтонными грузовиками.

— Тебя еще не сбивали? — поинтересовался Рэгл.

— Пока нет, — ответил Вик, держа руки в карманах.

Едва они вошли в кафе, как Рэгл увидел неподалеку темно–зеленый грузовик муниципальной

службы.

— В чем дело? — спросил Вик, заметив перемену в лице зятя.

— Посмотри. — Рэгл указал на грузовик.

— Ну и что?

— Я их ненавижу. — Наверное, копающая канаву бригада проследила, как он зашел к Кейтелбайнам. — К черту кофе. Поговорим в магазине.

— Как хочешь. — Вик пожал плечами. — Мне все равно туда возвращаться. — Когда они опять пересекали улицу, он добавил: — А что, собственно, ты имеешь против муниципальной службы? Это связано с Биллом Блэком?

— Может быть.

— Марго рассказала, как Джуни прибегала вчера после моего ухода на работу. Вся разодетая. Говорила что–то про адвоката.

Не отвечая, Рэгл вошел в магазин.

— Где мы можем поговорить?

— Здесь.

Вик открыл ключом клетушку в дальнем конце магазина, где продавались напитки. Внутри, кроме двух табуреток, ничего не было. Вик запер дверь изнутри и сел.

— Все закрыто, нас никто не слышит. Что ты

хотел рассказать?

— К Джуни это отношения не имеет. — Рэгл сел напротив зятя. — Мрачных откровений у меня для тебя нет.

— Слава богу, — вздохнул Вик. — Ты сильно изменился с тех пор, как тебя привез таксист. Мы с Марго говорили про тебя перед сном.

— К чему пришли?

— К тому, что ты стал совсем подавленным.

— Ну да.

— Или равнодушным.

— Только не равнодушным.

— Тебя там не били? В том баре?

— Нет, — ответил Рэгл.

— Это первое, что мне пришло в голову, когда Дэниэлс, таксист, уложил тебя на скамейку. Синяков на тебе, правда, не было. И вообще, если бы тебя били, ты бы это запомнил. Мне тоже как–то раз накостыляли, пару лет назад. Так я несколько месяцев не мог отойти. Такое не сразу забывается.

— Я почти вырвался, — сказал Рэгл.

— Откуда?

— Отсюда. От них.

Вик поднял голову.

— Я добрался почти до самого края и увидел

мир как он есть. Не такой, каким его соорудили для нас. Меня тут же поймали и привезли обратно. Причем сделали так, что я толком ничего не помню. Но…

— Что «но»?

— Я не мог девять часов провести в закусочной Фрэнка. Может быть, подходил к ней… Это я припоминаю. Я был очень далеко, в другом месте, в домике. Общался с людьми. Именно там я получил доказательство того, как все обстоит на самом деле. Но больше ничего не помню. Остальное пропало навсегда. Сегодня на занятии показали один макет, а мне кажется, что в том доме я видел фотографию оригинала. Потом дом окружили грузовики муниципалитета…

Рэгл замолчал. Воцарилась тишина. Наконец Вик произнес:

— Может быть, ты просто боишься, что Билл Блэк узнает про тебя и Джуни.

— Нет, — отрезал Рэгл. — Точно.

— Хорошо.

— Эти огромные фургоны, гоняющие из штата в штат… Они ведь покрывают огромные расстояния. Наверное, больше, чем любые другие транспортные средства?

— Ну, не больше, чем самолеты крупных авиа-

компаний или поезда дальнего следования. Но, бывает, делают по две тысячи миль.

— Достаточно далеко, — заметил Рэгл. — Гораздо дальше, чем я проехал в ту ночь.

— На них тоже можно выбраться?

— Думаю, что да.

— А как же твой конкурс?

Рэгл пожал плечами.

— Разве ты не должен продолжать?

— Должен.

— Проблем у тебя хватает, — произнес Вик.

— Да, но я все равно хочу попытаться еще раз. Только теперь я знаю, что просто так мне уйти не дадут. Каждый раз они будут возвращать меня обратно.

— И как ты себе это представляешь? Спрячешься в бочку и тебя отправят вместе с негодным товаром на переработку?

— Может, ты предложишь что–нибудь? Ты здесь каждый день торчишь на погрузке. А я раньше в глаза их не видел.

— Мне известно только, что фургоны привозят продукты из тех мест, где их производят или выращивают. Но как проверяются грузы, часто ли открывают двери и вообще сколько тебе придется просидеть взаперти — обо всем этом я понятия не

имею. Может оказаться, что грузовик застрянет где–нибудь на месяц. А может, их дезинфицируют перед выездом.

— Ты знаешь кого–нибудь из водителей?

Вик задумался.

— Нет, пожалуй, — ответил он наконец. — Разве что по именам: Боб, Майк, Пит, Джон.

— Я ни о чем не могу думать, — признался Рэгл. «Хочу попытаться еще раз, — добавил он уже про себя. — Хочу увидеть эту фабрику — не фотографию, не макет… Ту самую вещь–в–себе, как говорил Кант». — Жалко, что ты не интересуешься философией, — сказал он Вику.

— Отчего же? — возразил Вик. — Ты имеешь в виду проблему сути вещей? Как–то вечером, возвращаясь с работы на автобусе, я рассмотрел, каковы вещи на самом деле. Я разглядел иллюзию. Взглянул сквозь нее. Пассажиры оказались обыкновенными чучелами на подставках. А сам автобус, — Вик взмахнул рукой, будто стряхивая что–то, — пустотелая оболочка: несколько ребер жесткости да два сиденья — мое и водителя. Водитель, кстати, был настоящий. И по–настоящему вез меня домой. Меня одного.

Рэгл вытащил из кармана металлическую коробку, которую всегда носил с собой. Открыл ее

и дал Вику.

— Что это?

— Реальность, — сказал Рэгл. — Я тебе даю реальность.

Вик достал листок:

— Здесь написано «питьевой фонтанчик». Что это значит?

— Основа всего, — ответил Рэгл, — слово. Возможно, слово Господа. Логос. «В начале было Слово». Я не могу этого понять, знаю только то, что происходит со мной. Думаю, мы живем не в том мире, который видим вокруг себя. На какое–то время я понял, каков тот, другой, настоящий мир. Но потом утратил это знание.

Вернув Рэглу коробочку, Вик махнул рукой в сторону окошка, выходящего на торговый зал:

— Посмотри–ка, вот та, в черном свитере… Какая грудь!

— Я ее видел раньше, — откликнулся Рэгл. — Да, тут есть на что посмотреть. — Девушка перебирала регистры аппарата, при этом она весело улыбалась — широкая, открытая улыбка, белые зубы. — Ты нас даже вроде знакомил.

— Послушай, — продолжал Вик, — я вполне серьезно. Может, это прозвучит нелепо, но не кажется ли тебе, что твои проблемы надо решать

именно таким путем? Лиз не глупа, во всяком случае, куда сообразительнее Джуни Блэк. При этом весьма привлекательна. И не замужем. У тебя много денег, ты достаточно известен, чтобы ее привлечь. Остальное приложится. Своди ее куда–нибудь пару раз, а потом вернемся к нашему разговору.

— Не думаю, что это поможет.

— Но отказываться от идеи не стоит.

— Я никогда не отказываюсь от таких идей.

— Ладно, — сказал Вик. — Бог с ним. Ты что, хочешь захватить грузовик?

— А сможем?

— Попробуем.

— Поедешь со мной?

— Поеду. Я тоже хочу посмотреть, что там, снаружи.

— Тогда думай, как завладеть машиной. Здесь я полагаюсь на тебя.

***

В пять часов Билл Блэк услышал, как грузовики муниципальной службы заезжают на стоянку под его окнами. Одновременно загудел селектор, и секретарша доложила:

— К вам мистер Нерони.

— Пусть войдет.

Спустя мгновение появился высокий мускулистый темноволосый человек, еще не снявший серого комбинезона и рабочих ботинок.

— Входи, — сказал ему Блэк. — Рассказывай, что сегодня было.

— Я распорядился вести постоянную запись. — Нерони выложил на стол кассету с пленкой. — Есть еще видеозапись, но она не готова. Телефонисты докладывают, что около десяти ему звонила ваша жена. Ничего важного, разве что, судя по разговору, он собирался пойти на занятия по гражданской обороне. Она ему сказала, что встречается с подругой в центре города. Потом звонила женщина из гражданской обороны, миссис Кейтелбайн, напомнила, что занятия в два часа.

— Не Кейтелбайн, — поправил Блэк. — Кессельман.

— Женщина средних лет, с сыном.

— Ну да, — сказал Блэк, вспоминая, как несколько лет назад встречался с Кессельманами. Тогда все еще только начиналось. А совсем недавно он видел миссис Кессельман с брошюрами по гражданской обороне в руках. — Ну и что, ходил Рэгл на эти занятия?

— Да. Отправил ответ и пошел.

Блэку ничего не говорили о занятиях по гражданской обороне, он не имел ни малейшего представления о том, в чем их смысл. В его отделе не давали Кессельманам такого указания.

— Кто–нибудь прикрывает эти занятия?

— Понятия не имею, — ответил Нерони.

— Ладно, неважно. Она сама их ведет?

— Насколько я знаю, да. Когда Рэгл позвонил, открыла она. — Нерони нахмурился и добавил: — Вы уверены, что мы говорим об одном человеке? Миссис Кейтелбайн?

— Вроде так.

Билл почувствовал, что дошел до ручки. Последние несколько дней Рэгл Гамм выводил его из себя: с момента его возвращения Блэка не покидало чувство, что шаткое равновесие, которого с таким трудом удалось достичь, развалится со дня на день.

«Теперь уже ясно, что он решил уйти, — подумал Блэк. — И мы его потеряем, несмотря ни на что. Рэгл постепенно возвращается к нормальному состоянию, реализует свои замыслы, а мы узнаём все слишком поздно. Не исключено, что в следующий раз мы его вообще не найдем. А если не в следующий, то через день. Рано или поздно.

Тогда я не спрячусь в чулане. Не зароюсь в

одежду, в темноту, чтобы не было видно… Ничего тогда не поможет».

Глава 12

Подъехав к стоянке у магазина, Марго не увидела своего мужа. Заглушив мотор, она некоторое время смотрела на стеклянную дверь супермаркета. Обычно в это время он уже свободен… Немного посидев, она направилась ко входу.

— Марго! — окликнул ее Вик. Он появился с другого конца магазина, где находились склады. По походке и напряженному лицу Марго поняла — что–то случилось.

— У тебя все в порядке? — спросила она. — Уж не согласился ли ты выйти в воскресенье?

Спор о работе по выходным тянулся уже несколько лет. Вик взял ее за руку и повел назад к машине.

— Сегодня я с тобой не поеду. — Открыв дверцу, он втолкнул жену внутрь, потом сел рядом и поднял стекла.

Со стороны склада к ним приближался фургон с прицепом.

«Что будет, если такое чудовище на нас наедет? — подумала Марго. — Одно касание переднего бампера — и ни от нас, ни от машины ничего не останется».

— Что он делает? — заволновалась Марго. — По–моему, парень вообще впервые сел за руль. К тому же этот выезд не для грузовиков, разве нет? Ты сам говорил…

— Послушай, — оборвал ее Вик, — там, в грузовике, Рэгл.

Марго вытаращила глаза. Потом вгляделась. Рэгл едва заметно махнул ей рукой из кабины.

— Вы что, решили ехать домой на этой штуке? И парковать ее возле дома? — В сознании Марго пронеслась картина: чудовище стоит у крыльца, и все соседи узнают, что ее муж работает в овощном магазине. — Слушай, этого нельзя делать. Я серьезно.

— Я не собираюсь ехать на нем домой. Мы с твоим братом решили немного покататься. — Вик обнял ее и поцеловал. — Когда вернемся, не знаю. Не переживай за нас. Я бы хотел, чтобы ты кое–что сделала…

— Вы оба едете? — перебила Марго. Она ничего не могла понять. — Объясни наконец, что происходит!

— Главное, что ты должна сделать, — это сказать Биллу Блэку, что Рэгл и я задержались в магазине. Больше ничего. Поняла? Когда бы ни появился Блэк, ты ему скажешь, что Рэгл только

что звонил из магазина. Даже если будет два часа ночи. Дескать, я попросил помочь провести инвентаризацию на случай неожиданной проверки.

— Ответь хоть на один вопрос. — Марго уже поняла, что многого от Вика не добьешься. — В ту ночь, когда Рэгла привез таксист, он был с Джуни Блэк?

— Нет.

— Ты хочешь увезти Рэгла, чтобы Блэк не нашел и не убил его?

Вик взглянул на жену:

— Ты заблуждаешься, дорогая. — Он еще раз поцеловал ее, потрепал по плечу и открыл дверцу машины. — Попрощайся за нас с Сэмми… Что? — крикнул он, высунувшись из машины. Потом добавил жене: — Рэгл просит передать Ловери из газеты, что он нашел конкурс, где платят больше.

Улыбнувшись, Вик побежал к грузовику, его лицо появилось в кабине рядом с лицом Рэгла.

— Пока! — крикнул Рэгл.

Он и Вик замахали руками. С диким ревом, выпуская из трубы клубы черного дыма, трейлер выехал со стоянки. Движение остановилось. Трейлер неуклюже повернул направо и исчез за

магазином. Некоторое время до Марго доносился рев набиравшего обороты двигателя.

Они спятили, обреченно подумала Марго. Она машинально повернула ключ в замке зажигания, мотор завелся. Его жужжание окончательно заглушило гул фургона.

Вик пытается спасти Рэгла, увезти его в безопасное место. Джуни говорила, что обращалась к адвокату. Неужели они собираются пожениться? Но Билл может отказать в разводе. Не приведи бог иметь золовкой Джуни… Размышляя над всем этим, Марго медленно ехала домой.

***

Трейлер влился в транспортный поток вечернего города.

— Ты не боишься, что эти фургоны исчезают в миле от города? — спросил Вик.

— Им надо завозить еду. Ну, как в зоопарк. — «Очень похоже», — подумал Рэгл. — Мне кажется, что эти парни, разгружающие коробки с креветками в рассоле и бумажными полотенцами, связные между нами и реальным миром.

— Надеюсь, он еще дышит, — сказал Вик, вспомнив про водителя.

Они дождались, пока на стоянке останется один трейлер. Улучив момент, когда Тед, водитель,

укладывал внутри фургона коробки на погрузчик, они с Рэглом закрыли и задвинули засовом тяжелые металлические двери. Потом кинулись в кабину прогревать мотор. На все ушло не больше минуты. Как раз в этот момент приехала Марго.

— Будем надеяться, что это не рефрижератор, — заметил Рэгл.

— А не лучше ли было оставить его в магазине? В складские помещения никто не заглядывает.

— Я интуитивно чувствую, что с ним все в порядке, — сказал Рэгл. — Не спрашивай, каким образом.

Вик промолчал. Он посмотрел на дорогу. Центральная часть города осталась позади, машин стало меньше. Магазины уступили место роскошным виллам, маленьким современным домикам в один этаж с огромными телемачтами. У подъезда стояли дорогие автомобили, за высокими выкрашенными под красное дерево заборами сушилось белье.

— Интересно, где нас остановят? — спросил Рэгл.

— Может, нигде.

— Остановят, но мы к тому времени, надеюсь, пересечем границу.

Дома попадались все реже. Грузовик мчался

мимо заправок, шумных кафе, киосков с мороженым, мотелей. Утомительный парад мотелей…

«Словно мы уже проехали тысячу миль и вот въезжаем в незнакомый город, — подумал Рэгл. — Нет ничего более чужого и неприветливого, чем вывески заправок и мотелей на окраине родного города. Ты их не узнаёшь, а вроде бы должен к ним что–то испытывать. Но мы больше не собираемся здесь жить. Мы уезжаем. Навсегда».

Они уже выехали в открытое поле. Последний перекресток, железнодорожная колея… Вдали показался бесконечно длинный товарный поезд. Над фабричными трубами застыли клубы дыма.

— С этим ничто не сравнится. Особенно на закате, — сказал Вик. — Кстати, вон твое жареное мясо.

Справа Рэгл увидел вывеску «Жареное мясо и напитки Фрэнка». Достаточно современно, чисто, новые машины на стоянке. Трейлер промчался мимо. Закусочная осталась позади.

— Ну вот, на этот раз ты выбрался дальше, — заметил Вик.

Дорога уходила в гряду холмов.

«Я шел вверх, — вспомнил Рэгл. — Захотелось погулять? Неужели я мог так нагрузиться?»

Они ехали и ехали. Бесконечные поля и хол-

мы, дорога с редкими знаками — все слилось в монотонный, однообразный пейзаж. Вдруг совершенно неожиданно холмы исчезли и трейлер вылетел на длинный и плавный спуск.

— Фу ты! — выдохнул Рэгл. — Аж мороз по коже. Вести такую махину под уклон... — Он уже перешел на низкую передачу, достаточную, по его расчетам, чтобы удержать трейлер.

«Хорошо, что мы без груза, — подумал он. — Пожалуй, справлюсь».

Пока прогревался двигатель, Рэгл успел изучить табличку переключения передач.

— Зато у нас чертовски мощный сигнал.

Он пару раз нажал на кнопку, и Вик чуть не подпрыгнул. В конце спуска виднелся черно–желтый указатель, рядом можно было различить несколько наспех построенных ангаров. Выглядело все довольно мрачно.

— Ну вот, — проговорил Вик. — Ты это имел в виду?

Возле ангаров уже стояли в линию несколько трейлеров, возле них ходили люди в форме. Над дорогой качался на ветру знак:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИНСПЕКЦИЯ СЕЛЬХОЗПРОДУКТОВ
ГРУЗОВОМУ ТРАНСПОРТУ ДВИЖЕНИЕ ПО

ПРАВОМУ РЯДУ ЧЕРЕЗ ВЕСЫ

— Это нам, — прошептал Вик. — Весы. Нас будут взвешивать. Если они все проверяют, то обязательно откроют фургон. — Он посмотрел на Рэгла. — Может, придумаем что–нибудь с Тедом?

Поздно, подумал Рэгл. Инспектора их уже увидели. У первого ангара две черные полицейские машины стояли так, чтобы в любой момент выскочить на шоссе.

«От них мы не уйдем», — решил Рэгл.

Ничего не оставалось, кроме как проследовать на весы. Он сбросил скорость и хотел уже остановиться, когда инспектор в отутюженных темно–синих брюках и голубой рубашке с бляхой показал, чтобы они проезжали.

— Нам не надо останавливаться, — возбужденно прошептал Рэгл. — Это все для видимости! — Он помахал инспектору в ответ, Вик сделал то же самое. Тот уже повернулся к ним спиной. — Они не останавливают фургоны, только машины с пассажирами. Мы проскочили!

Ангары и знак остались позади.

«Мы действительно выбрались», — думал Рэгл.

Ни одна другая машина здесь бы не прошла. А эти фургоны целыми днями мотаются туда–сюда… В зеркало он увидел, как мимо инспектора

проехали еще три трейлера. Стоящие в линию у ангара грузовики оказались макетами, как и все прочее.

— Ни один, — сказал Рэгл. — Ни один из них не остановился.

— Ты был прав. — Вик откинулся на спинку сиденья. — Думаю, если бы мы поехали на «фольксвагене», нам бы сказали, что некая разновидность насекомых поразила обивку машины. Японские жуки… Необходимо, мол, вернуться, все опрыскать и пройти повторный осмотр через месяц. И так до бесконечности.

Рэгл заметил, что после контрольного пункта изменилась сама дорога. Теперь она разделилась на две, по шесть полос в каждой, стала абсолютно прямой и ровной. И под колесами уже не бетон. Он не мог определить, по какому покрытию они сейчас едут.

«Это уже снаружи, — думал Рэгл. — Внешняя дорога, которую мы никогда не должны были увидеть».

Грузовики сзади и спереди. Одни везут продовольствие в город, другие идут порожняком обратно. Муравьиные дорожки — взад и вперед. Бесконечное движение. И ни одной легковой машины. Только рев дизельных трейлеров.

Вдруг Рэгла осенило: исчезли рекламные щиты.

— Зажги фары, — сказал Вик. На равнину и холмы опустилась вечерняя мгла. У идущего навстречу тяжеловоза фары уже горели. — Надо соблюдать правила. Какими бы они ни были.

Рэгл включил свет. Вечер казался спокойным и грустным. Низко над землей пронеслась птица, в воздухе мелькнул четкий силуэт крыльев.

— Как у нас с топливом? — спросил Рэгл.

Наклонившись, Вик разглядел показания прибора.

— Полбака. Честно говоря, я не представляю, на сколько ему хватает одной заправки. Без груза мы должны уйти на приличное расстояние. Многое зависит и от рельефа. Тяжелые машины много топлива тратят на подъемы, часто застревают или ползут на самой низкой передаче со скоростью десять миль в час.

— Наверное, пора выпустить Теда, — сказал Рэгл. До него вдруг дошло, что здесь могут оказаться бесполезными их деньги. — Нам надо покупать топливо и еду, а мы не знаем где. И вообще не знаем, сможем ли мы тут что–нибудь купить. При нем должны быть кредитные карточки. И действующие деньги.

Вик вывалил на колени кучу бумаг из бардачка.

— Кредитные карточки, маршрутные листы, талоны на питание. А денег действительно нет. Посмотрим, что можно сделать с кредитными карточками. Обычно ими пользуются в мотелях. Если они здесь есть. Как ты думаешь, попадется нам мотель?

— Не знаю, — ответил Рэгл.

Тьма поглотила ландшафт по обе стороны дороги; междугородные трассы не освещались, и подсказки ждать не приходилось. Одна плоская равнина до самого горизонта. Там небо окрашивалось в сине–черный цвет. Появились звезды.

— Мы можем дождаться утра? Или надо ехать всю ночь?

— Не знаю, — упрямо процедил Рэгл.

На повороте фары высветили кусок забора и какие–то вьющиеся растения. Такое чувство, будто все это уже было, подумал Рэгл.

Вик продолжал изучать добытые бумаги.

— Что ты на это скажешь?

Он вытащил яркую длинную полоску бумаги. Рэгл прочел:

ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР

На люминесцентных концах ленты в форме

буквы были нарисованы змеи.

— Она прилипает с изнанки, — сказал Вик. — Наверное, наклеивается на бампер. — Спустя мгновение Вик тихо пробормотал: — Рэгл, давай я подержу руль. Рассмотри ее получше. — Он взялся за руль и передал ленту Рэглу. — Внизу. Мелким шрифтом.

Подняв ее к лампочке в потолке кабины, Рэгл прочел:

— «Федеральный закон запрещает передвижение без данной ленты». — Он вернул ее Вику. — Нам придется столкнуться со многим, чего мы не понимаем.

Ленточка его встревожила. Это как мандат. Она должна быть на бампере или где–нибудь еще.

— Да их здесь много. — Вик вытащил из бардачка целый клубок. — Наверное, приклеивают каждый раз, когда делают ходку. А при въезде в город срывают.

На ровном участке дороги, где не было других грузовиков, Рэгл съехал на обочину, остановил машину и поставил ее на ручной тормоз.

— Пойду взгляну, хватает ли ему воздуха. — Открыв дверь кабины, он добавил: — Заодно спрошу про ленточку.

— Сомневаюсь, что он ответит, — нервно ска-

зал Вик.

В темноте Рэгл осторожно дошел до конца фургона, там поднялся по металлической лестнице и постучал в дверь.

— Тед! Тед, или как там тебя! Все в порядке?

Из фургона раздался хрипловатый голос:

— Да! Все в порядке, мистер Гамм!

«Даже здесь, — подумал Рэгл. — На обочине пустого шоссе между двумя городами. Меня опять узнали».

— Послушайте, мистер Гамм! — Водитель прижался ртом к двери. — Вы же не представляете, что здесь. Вы и понятия не имеете. Послушайте, у вас нет ни малейшего шанса избежать неприятностей для себя и всех остальных. Поверьте мне на слово. Я вас не обманываю! Придет время, вы меня вспомните. И скажете спасибо. Вот, возьмите.

В щель между створками двери просунулся квадратик белой бумаги и полетел к земле. Рэгл поймал его. Карточка, на обратной стороне которой водитель написал номер.

— Ну и что?

— Когда доедете до следующего города, оставьте машину и позвоните по этому телефону.

— Далеко до следующего города?

После паузы водитель сказал:

— Я не уверен, но должно быть близко. Отсюда, знаете ли, не очень удобно следить за расстоянием.

— Тебе хватает воздуха?

— Хватает. — Водитель отвечал покорным, но странно взволнованным голосом. — Мистер Гамм, вы должны мне верить. Мне все равно, сколько вы меня здесь продержите, однако в течение часа или двух вам придется вступить с кем–нибудь в контакт.

— Почему? — спросил Рэгл.

— Не могу сказать. Послушайте, вы достаточно хорошо все продумали. Значит, кое–какие представления у вас есть. И вы должны понимать, что это не чья–то прихоть — выстроить все эти дома, улицы и навезти туда старых машин.

Продолжай, подумал Рэгл.

— Вы даже не знаете, как управлять фургоном с прицепом. А если попадется затяжной спуск? Эта штука берет сорок пять тысяч фунтов; сейчас, конечно, она столько не весит. Но вас может занести. Кроме того, не под всякую эстакаду можно проехать без риска. Вы, скорее всего, и не подозреваете, какие у нее габариты, не знаете, какую передачу включать на спуске, и все такое.

Водитель замолчал.

— Для чего нужны клейкие ленточки? — спросил Рэгл. — С девизом и змеей?

— Слушайте, мистер Гамм, — взревел водитель, — если лента все еще не приклеена, вас могут в любую минуту разнести в клочья! Видит бог, я говорю правду.

— Как ее надо клеить?

— Выпустите меня, тогда покажу. Я не буду вам объяснять. — С водителем начиналась истерика. — Откройте, и я приклею сам, иначе, клянусь господом, вы не разминетесь с первым же танком.

Танки, подумал Рэгл. Ему стало не по себе. Он спрыгнул с лестницы и пошел к кабине.

— Наверное, придется его выпустить, — сказал он Вику.

— Я слышал, — ответил Вик. — Его так или иначе надо выпускать, мы уже выбрались.

— Он мог бы ехать с нами.

— Я бы не стал рисковать.

Рэгл вернулся, поднялся по лестнице и выдернул засов. Дверь распахнулась, и водитель, все еще бормоча ругательства, тяжело спрыгнул на землю.

— Вот лента, — сказал Рэгл. — Что нам еще

надо знать?

— Вам лучше бы знать все, — с горечью произнес водитель. Опустившись на колени, он наклеил ленту на задний бампер и разгладил ее кулаком. — Как вы собираетесь заправляться?

— По кредитной карточке, — ответил Рэгл.

Водитель со смехом выпрямился:

— Эта кредитная карточка годится для… — Он замолчал. — Для города. Это имитация обычной карточки «Стандарт ойл». Ими не пользуются уже двадцать лет… Все ограничено, и керосин для грузовиков тоже.

— Керосин, — повторил Рэгл. — Я думал, он на дизельном топливе.

— Нет. — Водитель помолчал, потом нехотя выдавил: — Это не дизель. Труба ложная. На самом деле здесь турбина. Тягач потребляет керосин. Но вам его не продадут. Вас мгновенно раскроют. А вы… — его голос снова поднялся до зловещего крика, — вы не можете рисковать! Не имеете права!

— Сядешь в кабину? — спросил Рэгл. — Или останешься здесь? Решай сам. — Ему хотелось быстрее поехать.

— А ну вас к черту!

Водитель развернулся и пошел по обочине,

засунув руки в карманы и наклонив корпус вперед.

Когда его силуэт растворился во мгле, Рэгл подумал, что это он во всем виноват. Не надо было открывать дверь.

«Теперь уже ничего не поделаешь, я не могу догнать его и ударить по голове. В драке он справится с нами обоими».

Как бы то ни было, толком он ничего не объяснил. Мы не за этим ехали.

Рэгл вернулся к кабине:

— Сбежал. Хорошо, что хоть с монтировкой не кинулся.

— Нам лучше трогать. — Вик поежился. — Хочешь, я поведу? Он наклеил ленточку?

— Наклеил.

— Интересно, скоро он нас заложит?

— Его так или иначе пришлось бы отпустить, — ответил Рэгл.

В течение часа им не попалось ни одного признака жилья или какой–либо деятельности человека. Затем совершенно неожиданно за крутым поворотом и спуском замелькали яркие голубые огоньки.

— Ну вот, — сказал Вик. — Что будем делать? Если мы остановимся…

— Попробуй не остановись.

Рэгл уже разглядел перегородившие дорогу автомобили и людей в форме.

К трейлеру, покачивая фонариками, шли несколько человек. Один из них скомандовал:

— Заглуши мотор! Свет оставь! Выходи!

Выбора не было. Рэгл открыл дверцу и спустился, Вик последовал за ним. Человек с фонариком был в форме, но в темноте Рэгл не мог ничего разобрать. Он осветил лица Рэгла и Вика и приказал:

— Откройте фургон.

Рэгл повиновался. Человек в форме и двое его помощников забрались внутрь. Потом спрыгнули на землю.

— Все в порядке. — Один из них вручил Рэглу лист бумаги — какой–то стандартный бланк. — Можете проезжать.

— Благодарю.

Рэгл и Вик молча залезли в кабину, завели мотор и тронулись с места. Спустя некоторое время Вик произнес:

— Давай посмотрим, что он тебе дал.

Рэгл вытащил из кармана бланк. «Сертификат пограничной зоны. Проход 3.4.98».

— Вот тебе и дата! — воскликнул Рэгл. — Третье апреля тысяча девятьсот девяносто восьмого

года.

— Они вроде остались довольны, — сказал Вик. — Во всяком случае, того, что они ищут, у нас нет.

— Они были в форме.

— Да, похоже на армию. Один с автоматом, но я не разобрал с каким. Наверное, идет война или что–то в этом роде.

Военная диктатура, подумал Рэгл.

— Они рассмотрели наклейку на бампере? — спросил Вик. — В этой нервотрепке я даже не обратил внимания.

— Я тоже, — признался Рэгл.

Немного погодя впереди показались огни города. Самые разные: ровные ряды фонарей — должно быть, улицы, — неоновые вывески и надписи…

— Через пограничный пункт мы прошли нормально, — заметил Вик. — Если нам это удалось, значит, мы вполне можем зайти в закусочную и взять пару сэндвичей. Я так и не ел после работы. — Он отвернул рукав и взглянул на часы. — Десять тридцать. Не ел с двух часов.

— Мы остановимся, — сказал Рэгл. — Попытаемся заправиться, если не получится — бросим грузовик.

Стрелка показывала, что бак почти пуст. Топливо кончилось на удивление быстро, хотя и проехали они немало. Несколько часов непрерывной езды.

Едва начался город, как Рэгл почувствовал, что чего–то не хватает. Заправок. Когда шоссе приближается к городу, даже небольшому, первое, что бросается в глаза, — это вереница заправочных станций по обе стороны дороги.

— Паршиво, — пробормотал Рэгл. Хотя, впрочем, не было и движения. Ни машин, ни бензозаправок — или керосиновых, если у них так принято. Неожиданно Рэгл сбросил скорость и свернул с главной дороги. У обочины он остановился.

— Правильно, — одобрил Вик. — Лучше пойдем пешком. Мы слишком мало знаем, чтобы разъезжать на этой штуке по городу.

Они вылезли из машины и растерянно остановились под тусклым уличным фонарем. Дома вроде бы были обычные — небольшие, одноэтажные, квадратные, с черными в ночной темноте лужайками. Дома, подумал Рэгл, не очень изменились с тридцатых. Особенно когда смотришь ночью.

— Что будем делать, если нас остановят? — спро-

сил Вик. — Вдруг они потребуют удостоверения? Надо договориться заранее.

— Как мы можем договариваться, если не знаем, что у нас спросят? — Слова водителя не выходили у Рэгла из головы. — Там видно будет.

Первые же огни оказались придорожным кафе. Внутри у стойки ели двое мальчиков. Светловолосые, с виду — старшего школьного возраста. Прически одинаковы: высоко торчащие гребни с воткнутыми перьями. На обоих были сандалии, яркие голубые халаты, напоминающие тоги, на руках металлические браслеты. Когда один наклонил голову, отхлебывая из чашки, Рэгл увидел на щеках татуировку. И уже совсем не веря глазам, Рэгл понял, что у него подпилены зубы.

За стойкой стояла официантка средних лет в обычной кофточке и с обычной прической. Но подростки… Рэгл и Вик разглядывали их через окно, пока официантка не подняла голову.

— Давай лучше войдем, — сказал Вик.

Дверь при их приближении открылась.

Молодые люди пристально следили, как вошедшие усаживаются за столик в нише. Интерьер кафе, обстановка, надписи и освещение показались Рэглу обычными. Меню тоже. Но вот в ценах было не разобраться: 4.5, 6.7, 2.0. Понятно, что

это не доллары и центы. Рэгл огляделся, словно пытаясь определиться с выбором. Официантка взяла свой блокнот.

Один из парней кивнул начесанной головой в сторону Вика и Рэгла и проговорил подчеркнуто громко:

— А у парней в галстуках — жим–жим.

Его товарищ захохотал.

Официантка подошла к столику.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — пробормотал Вик.

— Я вас слушаю.

— А что бы вы посоветовали? — спросил Рэгл.

— Смотря насколько вы голодны.

Деньги, подумал Рэгл. Проклятые деньги.

— Значит, так, — сказал он, — ветчина, сэндвич с сыром и кофе.

— Мне то же самое, — попросил Вик. — И пирог а–ля мод.

— Простите?

— Пирог с мороженым.

— О! — Официантка кивнула и отошла к стойке.

Один из парней сказал отчетливо:

— Ребята в галстуках раскатали губу. Тебе не кажется… — Он заткнул уши большими пальца-

ми, и второй опять захохотал.

Когда официантка принесла сэндвичи с кофе и отошла, один из парней крутанулся на стуле и сел лицом к ним. Рэгл заметил, что татуировка на щеках соответствует рисунку на браслетах. Он разглядывал причудливые линии, пока не догадался — сюжеты с античных ваз: Афина с совой, Кора поднимается с Земли.

На этот раз молодой человек обратился непосредственно к ним:

— Эй вы, лунатики!

По шее Рэгла побежали мурашки. Он сделал вид, что занят своим сэндвичем; напротив склонился над тарелкой бледный и потный Вик.

— Эй!

— Хватит, или выставлю за дверь! — вмешалась официантка.

— Ребята в галстуках, — сказал ей парень и снова заткнул уши большими пальцами. На нее это, однако, не произвело впечатления.

«Нет, — подумал Рэгл, — так я здесь не выживу. Водитель был прав».

— Пойдем, — бросил он Вику.

— Да, время.

Вик поднялся, прихватив сэндвич, и нагнулся допить кофе. «Теперь расчет, — подумал Рэгл. —

Мы обречены».

— Нам пора, — сказал он официантке. — Посчитайте и пирог. Сколько всего?

— Одиннадцать девять. — Официантка протянула счет. Рэгл открыл кошелек. Все внимательно следили за его действиями. Увидев банкноты, официантка воскликнула:

— О боже! Сколько лет я не видела бумажных денег! Думаю, они еще в ходу. Ральф, — обратилась она к первому парню, — государство еще принимает бумажные деньги?

Тот кивнул.

— Подождите, надо пересчитать… Получается один сорок. Только сдачу я дам в жетонах. Если не возражаете. — С извиняющимся видом официантка взяла из кассы несколько пластмассовых кружочков, шесть из которых отдала Рэглу, получив от него пять долларов. — Спасибо.

Когда Рэгл с Виком ушли, она снова склонилась над помятой книжкой в обложке.

— Ну и ну, — бормотал Вик, ковыляя рядом с Рэглом по темной улице. — Вот так испытание. — Они дожевывали остатки своих сэндвичей. — Ну и детки… Придурки чертовы!

«Лунатики, — подумал Рэгл. — Они что, узнали нас?»

— Какие планы? — спросил Вик. — Нашими деньгами, во всяком случае, можно рассчитываться. К тому же у нас теперь есть немного местных. — Он щелкнул зажигалкой, чтобы получше рассмотреть жетоны. — Из пластмассы. Вероятно, экономят металл. Очень легкие. Как продовольственные жетоны во время войны.

Да, подумал Рэгл. Продовольственные жетоны. Монетки из какого–то непонятного сплава, не из меди. А теперь жетоны. Талоны.

— Никакой светомаскировки, между прочим. Везде свет.

— Все–таки здесь все по–другому, — начал Вик. — Свет горит, когда… — Он вдруг замолчал. — Слушай, я не понимаю. Я помню Вторую мировую войну. Но вообще–то я ее не должен помнить! Она же была пятьдесят лет назад. До моего рождения. И я не жил ни в тридцатых, ни в сороковых. И ты не жил… Может, хватит с нас? Выбрались. Увидели все это. — Его передернуло. — У них подпилены зубы.

— И говорят они на каком–то варварском жаргоне.

— Ну.

— Раскрашены как африканские дикари, носят украшения…

«А мне тем не менее сказали «лунатик»», — подумал Рэгл.

— Они знают, — сказал он вслух. — Знают про меня. Но им все равно. — Ему почему–то стало не по себе. — Зрители. Циничные, насмешливые молодые лица.

— Странно, что они не в армии, — заметил Вик.

— Может, скоро попадут.

Рэглу эти мальчишки показались совсем юными. Лет шестнадцать или семнадцать.

Они все еще стояли на углу, когда на пустынной улице раздались шаги.

— Эй ты, лунатик! — Из темноты ленивой походкой вышли два парня, скрестив руки, остановились в свете фонаря, равнодушные и безразличные. — Ну–ка, ребята, стоп–стоп.

Глава 13

Тот, что стоял слева, полез в карман своего балахона и вытащил кожаную коробочку. Из нее извлек сигару и крохотные золотые ножницы; отрезав кончик сигары, он сунул ее в рот. Напарник исполнил тот же ритуал, достав украшенную камнями зажигалку. Парень с сигарой сказал:

— Ребята в галстуках носят мертвые бабки. Официантка малость дур–дур.

Деньги, понял Рэгл. Официантка не должна была их брать. Мальчишки знали, что эти деньги незаконны.

— Ну и?.. — отрывисто спросил Вик, пытаясь подражать их жаргону.

— Много бабок — все класс. Вот. — Парень с зажигалкой вытянул руку. — Ребята башляют, и все класс. Ребята в галстуках отстегивают бабки.

— Дай ему жетоны, — сдавленно произнес Вик.

Рэгл отсчитал в раскрытую ладонь четыре жетона из шести.

Парень низко поклонился, пук волос коснулся тротуара. Его напарник стоял не шевелясь, никак не реагируя на происходящее, будто истукан.

— Может, ребята в галстуках хотят заторчать? —

бесстрастно спросил парень с зажигалкой. — А то совсем отмороженные…

Оба молодых человека кивнули. Теперь они приняли какой–то торжественный вид, словно речь зашла о важном предмете.

— Есть хлоп–хлоп, — продолжил тот, что с зажигалкой. — Хороший хлоп–хлоп для ребят в галстуках. — Он действительно хлопнул несколько раз в ладоши, как тюлень ластами.

Вик и Рэгл с изумлением следили за его действиями.

— Конечно, — согласился Вик.

Молодые люди пошептались. Затем, выпустив клуб дыма и нахмурившись, парень сказал:

— За мертвые бабки можно классно заторчать. Будет хлоп–хлоп. Для ребят в галстуках хороший хлоп–хлоп. — Он вытянул руку. — Мертвые бабки.

Рэгл достал кошелек.

— Один. — Он положил на ладонь парня долларовую бумажку. — Это много.

Парни опять пошептались, и тот, что с сигарой, выкинул два пальца.

— Ладно, — сказал Рэгл. — У тебя есть по одному? — спросил он Вика.

Роясь в карманах, тот пробурчал:

— Ты уверен, что нам это надо?

Альтернатива состояла в том, чтобы остаться здесь, на углу, не имея ни малейшего понятия, в какую сторону идти.

— Давай рискнем, — ответил Рэгл, передавая парню доллар Вика. — Теперь, — обратился он к парням, — хороший хлоп–хлоп.

Парни закивали, поклонились и исчезли в темноте. Поколебавшись, Рэгл и Вик двинулись следом.

Путь пролегал по пахнущим сыростью кривым улочкам. Наконец, миновав заборчик, вся компания поднялась по ступенькам и остановилась у двери. Один из парней постучал.

— Тут два типа в галстуках, их надо быстро в комнату, — прошептал он в открывшуюся дверь.

Помещение заливал дрожащий коричневый свет. Рэглу показалось, что это обычная, скудно обставленная квартира.

Маленький коридорчик вел на кухню с раковиной, столом, плитой и холодильником. Две другие двери были закрыты. В комнате сидели несколько парней, на полу. Обстановка состояла из торшера, стола, телевизора и стопки книг. Кое–кто из сидящих был в тоге и сандалиях, остальные — в однобортных костюмах, белых рубашках и

кроссовках. Все уставились на Рэгла и Вика.

— Здесь заторчим, — сказал парень с сигарой. — Вы давайте, надо сидеть. — Он показал на пол.

— Что? — переспросил Вик, а Рэгл предложил:

— Может, мы возьмем хлоп–хлоп с собой?

— Нет. Садитесь и нюхайте.

Приведший их парень с сигарой исчез на кухне. Спустя некоторое время он вернулся и вручил Рэглу бутылку. Все внимательно наблюдали. Рэгл извлек пробку и тут же понял, что внутри. Вик тоже понюхал.

— Это же самый натуральный тетрахлорметан!

— Да, — подтвердил Рэгл. Значит, они сидят здесь и балдеют от тетрахлорметана. Это и есть хлоп–хлоп.

— Нюхай, — приказал кто–то.

Рэгл нюхнул. За свою жизнь ему приходилось пару раз вдыхать четыреххлористый углерод, и, кроме головной боли, никаких ощущений он не испытывал. Он передал бутылку Вику.

— Нет, спасибо.

Парень в костюме сказал высоким голосом:

— Ребята в галстуках ломаются.

Все заулыбались.

— Это девушка, — пробормотал Вик. — Посмот-

ри.

Оказалось, что все, кто в костюмах, рубашках и кроссовках, — девушки с выбритыми наголо головами. От парней их отличали разве что более хрупкие и маленькие фигуры. Косметикой они не пользовались. Если бы девушка не заговорила, Рэгл и Вик никогда бы не догадались.

— Торчковый хлоп–хлоп, — сказал Рэгл, — но слабенький.

Наступила тишина.

Одна из девушек попросила кого–то:

— Сыграй странную песню.

Лица парней потемнели. Потом один поднялся и прошел в угол комнаты, где стояла высокая кожаная сумка. Он вытащил из нее пластмассовую трубку с дырочками. Один конец засунул в нос, прикрыл дырочки пальцами и заиграл. Носовая флейта.

— Классная флейта, — сказала одна из девушек.

Парень опустил инструмент, вытащил из рукава яркую цветную тряпочку, вытер нос и спросил, обращаясь к Вику и Рэглу:

— Как оно, быть лунатиком?

Значит, могут говорить и не на жаргоне, подумал Рэгл.

— Лунатиком? — робко переспросила одна из девушек. — Что, действительно?

— Ну да, — подтвердил парень. — Ребята в галстуках — лунатики. — Он засмеялся, хотя явно испытывал некоторую неуверенность. — Я не прав?

Рэгл ничего не ответил, Вик тоже промолчал.

— Вы одни? — спросил другой парень. — Или есть еще ваши?

— Только мы, — ответил Рэгл. Все уставились на него с недоверием. — Да, это правда, — продолжал Рэгл. Похоже, иначе завоевать их доверие не удастся. — Мы лунатики.

Никто из подростков не пошевелился. Все замерли. Потом один рассмеялся.

— Ребята в галстуках — лунатики. Ну и что? — Пожав плечами, он взял свою флейту.

— Еще играть–играть, — попросила девушка.

— Мы теряем здесь время, — буркнул Рэгл. — Пошли.

Он уже был на пороге, когда один из парней сказал:

— Эй, ребята, за вами военная полиция. Шаг за дверь — и вас заметут.

Парень снова заиграл. Остальные кивнули.

— Вы знаете, что военная полиция делает с

лунатиками? — спросила девушка. — Им вкатывают дозу К. Л.

— Это что? — спросил Вик.

Все рассмеялись. Никто не ответил, флейта продолжала играть.

— Ребята в галстуках побледнели, — сказал парень, вдохнув из бутылочки.

Пол задрожал. Кто–то поднимался по лестнице. Мелодия оборвалась. Стук. Вот и все, подумал Рэгл.

— Черт бы вас побрал, щенки! — раздался грубый голос. На пороге стояла тучная пожилая женщина в шелковом халате. На ногах у нее были меховые тапочки. — Я же предупреждала, после десяти — никаких флейт! А это кто? — Полуприкрытые глаза старухи остановились на Рэгле.

Сейчас ей скажут, и она в панике кинется на улицу. Через минуту возле дома будут танки или что–нибудь этакое, на чем здесь ездит военная полиция. Тед, водитель, наверное, тоже не терял времени. И официантка. Все, конец.

«Как бы то ни было, мы выбрались, мы узнали, что сейчас не 1959–й, а 1998 год, идет война, подростки говорят и одеваются как аборигены Западной Африки, девушки носят мужскую одежду и бреют головы. И деньги в нашем понимании

исчезли. Вместе с дизельными грузовиками».

С неожиданной тоской Рэгл подумал, что они так и не разобрались в главном. Зачем нужен был поддельный город со старыми автомобилями и улицами. К чему было годами дурачить их…

— Кто эти джентльмены? — настаивала старуха.

После паузы одна из девушек ответила с недоброй улыбкой:

— Ищут жилье.

— Что? — недоверчиво переспросила старуха.

— Ну да, — подтвердил парень. — Зашли и спросили, не сдается ли комната. Ходили по всей округе. У вас разве не горит свет на крыльце?

— Нет. — Женщина вытащила платок и вытерла мягкий, морщинистый лоб. — Я его выключила. — Повернувшись к Рэглу и Вику, она представилась: — Меня зовут миссис Мак Фи. Этот дом принадлежит мне. Какие комнаты вас интересуют?

Прежде чем Рэгл успел ответить, Вик сказал:

— Любые подойдут.

— Что ж, — хозяйка развернулась в дверях, — пойдемте, я покажу. Хотите одну на двоих? — Внимательно их оглядев, она добавила: — Вначале пройдемте ко мне, расскажете, чем вы занимае-

тесь, и все такое.

Старуха поползла вниз, ступенька за ступенькой.

Внизу со стонами и причитаниями она нащупала выключатель. Замигала голая лампочка, освещая ведущую к парадному входу дорожку вдоль стены. На крыльце стояло старомодное плетеное кресло–качалка. Старомодное даже с их точки зрения. Есть вещи, которые не меняются, подумал Рэгл.

— Вот сюда, — указала миссис Мак Фи. — Если не передумали.

Она скрылась в доме. Рэгл и Вик шагнули следом, очутившись в темной, захламленной и душной гостиной, забитой всякой всячиной: стульями, лампами, покосившимися картинами на стенах, коврами… Сверху, вышитый или вытканный цветными нитками, висел вымпел со словами:

ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР НЕСЕТ СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

— Я бы хотела узнать, — миссис Мак Фи тяжело опустилась в кресло, — имеете ли вы постоянную работу? — Наклонившись, она сдвинула со стола на колени огромный гроссбух.

— Конечно, — ответил Рэгл.

— И что это за работа?

— Торгуем овощами, — сказал Вик. — Я заведую секцией в супермаркете.

— Что? — От изумления старуха открыла рот. Черно–желтая птица непонятного вида резко закричала в клетке. — Успокойся, Дуайт!

— Овощи и фрукты, — повторил Вик. — Розничная продажа.

— Какие овощи?

— Всякие, — ответил он раздраженно.

— И где вы их берете?

— Привозят фургоны.

— Ага, — прокряхтела старуха. — А вы, — она повернулась к Рэглу, — скорее всего, инспектор.

Рэгл промолчал.

— Не верю я торговцам овощами, — сказала миссис Мак Фи. — Тут приходил один на прошлой неделе, я не утверждаю, что это вы, хотя все может быть… И вроде бы неплохие овощи, но, видит бог, я бы померла на месте, если б их съела. На них просто написано, что они эр а. Я сразу вижу. Конечно, он клялся, что они выращены в шахтах. Показывал даже этикетку, якобы они растут глубоко под землей. А я по запаху чувствую — эр а.

Радиоактивность, подумал Рэгл. Все, что растет на поверхности, поражено осадками. Значит,

были бомбовые удары. Эта мысль пронзила его. Он вдруг отчетливо увидел длинный ряд фургонов, груженных выращенной под землей едой. В шахтах. Рисковый они выбрали себе бизнес — торговать зараженными помидорами и дынями.

— Наш товар без эр а, — заверил Вик. — Радиоактивность, — прошептал он Рэглу. — Мы очень издалека. Приехали сегодня вечером.

— Я вижу, — заметила миссис Мак Фи.

— Мы оба болели, — добавил Вик. — Расскажите, что происходит.

— То есть? — Женщина перестала листать свой гроссбух и надела очки в роговой оправе. Теперь ее глаза остро поблескивали из–за стекол.

— Что происходит? — повторил Рэгл. — Расскажите о войне. Пожалуйста.

— Странно, что вы не слышали о войне.

— Расскажите! — сдавленно произнес Вик. — Ради Христа.

— Вы добровольцы? — спросила миссис Мак Фи.

— Нет, — сказал Рэгл.

— Я — патриотка, но добровольцев в своем доме не потерплю. Слишком с ними хлопотно.

«Толку мы от нее не добьемся, — подумал Рэгл. — Бесполезно. Можно даже не пытаться».

На столе стояло несколько потемневших фотографий в рамках. На всех был изображен молодой человек в форме. Рэгл склонился над фотографиями.

— Кто это?

— Мой сын, — ответила миссис Мак Фи. — Служил на ракетной базе в Анверсе. Не видела его уже три года. С начала войны.

Значит, недавно, подумал Рэгл. Примерно в это время они построили…

Тогда же начался и конкурс «Где теперь появится Зеленый человечек?». Почти три года…

— Были попадания? — спросил Рэгл.

— Я вас не понимаю, — сказала миссис Мак Фи.

Рэгл встал и бесцельно прошелся по комнате. Большая дверь темного блестящего дерева вела в столовую: стол, несколько стульев, полки на стенах, стеклянный шкаф с чашками и тарелками. Пианино. Подойдя к инструменту, Рэгл поднял несколько исписанных нотными знаками листков. Дешевые шлягеры про солдат и девушек. Одна песенка называлась «Предупреждение лунатикам».

Рэгл прихватил листок и передал его Вику:

— Посмотри.

Они вместе прочли написанный под нотами

текст.

Ах, до чего же глупа
Круглая эта Луна!
Против Единого общего мира
Вылезла эта Луна!
Думала, раз высоко,
Думала, раз далеко,
Можно напасть на Единую Землю,
НО!
Не забывай, что с Землей шутки плохи,
Залп и — бай–бай! — разлетится на крохи
ЛУНА!

— Играете на пианино, мистер? — спросила женщина.

— Враги находятся на Луне? — спросил в ответ Рэгл.

Небо, подумал он. Луна. Селена. Значит, военная полиция охотится не за ним с Виком. Она охотится за врагом. И война идет между Землей и Луной. И если эти пацаны приняли их за лунатиков, значит, лунатики — это люди. Скорее всего — колонисты.

Гражданская война.

«Теперь я понял, чем занимаюсь. Что означает этот конкурс и кто я такой. Я — спаситель планеты. Угадывая, где появится Зеленый человечек,

я предсказываю, где и когда будет нанесен следующий удар. И в этот квадрат бросают средства перехвата. В указанное мной время и место. И все, таким образом, остаются в живых: подростки со своими носовыми флейтами, водитель Тед, мой зять, Билл Блэк, Кессельманы и Кейтелбайны…

Об этом миссис Кейтелбайн и ее сын начали мне рассказывать. Гражданская оборона. Модели из 1998 года, чтобы я вспомнил.

Но как я мог забыть?»

Повернувшись к миссис Мак Фи, Рэгл спросил:

— Вам что–нибудь говорит имя Рэгл Гамм?

— Нет. — Старуха рассмеялась. — Абсолютно ничего. Клоун–неваляшка. Потому что один человек никогда с этим не справится. Это целый коллектив, но его всегда называют Рэгл Гамм. Я поняла с самого начала.

Вик глубоко и прерывисто вздохнул:

— Боюсь, что вы не правы, миссис Мак Фи. Такой человек есть, и он действительно все делает сам.

— И никогда не ошибается? — лукаво спросила старуха.

— Никогда, — ответил Рэгл, и Вик кивнул.

— Рассказывайте! — протянула она скрипучим голосом.

— У него талант, — сказал Рэгл. — Он видит

закономерности…

— Слушайте, — перебила миссис Мак Фи. — Я ведь постарше вас, ребята. И помню этого Рэгла Гамма простым модельером, придумывавшим безобразные шляпы у мисс Адонис.

— Шляпы… — повторил Рэгл.

— У меня даже сохранилась одна. — Застонав, хозяйка поднялась с кресла и поковыляла к шкафу. — Вот. — В руках у нее был котелок. — Обыкновенная мужская шляпа. Как ему удалось заставить женщин ходить в котелках, непонятно. Но залежавшиеся мужские шляпы мгновенно разошлись.

— И много он на этом заработал? — спросил Вик.

— Эти модельеры заколачивают миллионы. Все до единого. А ему еще и везло. Просто везло, и ничего больше. Потом он занялся производством алюминия. — Миссис Мак Фи задумалась. — Вернее, алюминиевых сплавов. И опять удача. Дьявольски везучий парень, хотя до конца его не хватило. Удача изменила ему. — Авторитетным тоном она добавила: — Но от нас это скрывают. Поэтому никто больше не видит Рэгла Гамма. Фортуна отвернулась, и он покончил с собой. Это не слухи — факт. Жена моего знакомого работала

в военной полиции, так вот она говорит, что так все и было. Гамм покончил с собой несколько лет назад. С тех пор ракеты предсказывает то один, то другой.

— Понятно, — сказал Рэгл.

Торжествующим тоном старуха продолжала:

— Они сами от него отказались, когда он согласился приехать в Денвер и там предсказывать ракетные удары. Но это уже был блеф, и его раскусили. Он решил не допустить позора и…

— Нам пора, — перебил ее Вик.

— А как же комнаты? Я ведь вам ничего не показала.

— Спокойной ночи, — сказал Рэгл. Они спустились по лестнице на крыльцо, а оттуда на тротуар.

— Вернетесь? — крикнула с крыльца миссис Мак Фи.

— Позже, — бросил Вик. Они быстро пошли прочь от дома.

— Я забыл, — сказал Рэгл. — Я все это забыл.

«Но все равно продолжал предсказывать, — думал он. — Так или иначе, но я это делал. И значит, все остальное не имеет значения, раз я продолжал свою работу».

— Никогда не думал, что можно что–то узнать

из популярной песенки, — произнес Вик. — И ошибался.

До Рэгла неожиданно дошло, что он не корпит в своей комнате над очередным заданием, а значит, завтра их всех могут стереть с лица земли.

«Теперь понятно, почему Тед, водитель, так умолял меня. Почему «Таймс» дал мою фотографию как человека года».

— Я вспомнил. — Рэгл остановился. — В ту ночь. У Кессельманов. Там была фотография моего алюминиевого завода.

— Мы можем вернуться, — сказал Вик. — Мы обязаны вернуться. Ты, во всяком случае. Им требовалось, чтобы с тобой кто–то был, для естественности. Они взяли Марго, меня, Билла Блэка. Помнишь, я искал в ванной шнур от выключателя? Это был условный рефлекс. Наверное, здесь у них шнуры. Во всяком случае, мой выключатель работал от шнура. И когда мои продавцы отреагировали как одна группа… Наверное, здесь они работали в каком–нибудь магазине. Может, даже в овощном отделе. Все то же самое, только сорок лет спустя.

Впереди показались огни.

— Попробуем зайти.

Рэгл ускорил шаги. Он все еще хранил карточку

Теда, водителя. Скорее всего с номером военной полиции. Снова назад… Но почему?

— Почему я должен возвращаться? — спросил Рэгл. — Почему я не могу заниматься этим здесь? Почему я должен жить там, воображая, что это тысяча девятьсот пятьдесят девятый год и я разгадываю газетный конкурс?

— Спроси кого–нибудь другого, — сказал Вик. — Я не знаю.

Огни постепенно превращались в слова. Цветная неоновая вывеска извещала: «Западная аптека».

— Аптека, — прочел Вик. — Отсюда можно позвонить.

Они вошли в крошечную, уютную и ярко освещенную комнату с полочками и витринами. Ни посетителей, ни служащих не было, и Рэгл осмотрелся в поисках телефона. А может, телефонов уже нет, подумал он.

— Чем могу помочь? — раздался женский голос.

— Нам надо позвонить, — ответил Рэгл. — Очень срочно.

— Будет хорошо, если вы заодно покажете, как обращаться с аппаратом, — попросил Вик. — А еще лучше — наберете нам номер.

— Ну конечно, — сказала аптекарша, выскальзывая из–за стойки в белоснежном халате. Она улыбнулась им, женщина средних лет в туфлях на низком каблуке. — Добрый вечер, мистер Гамм.

Он узнал ее.

Миссис Кейтелбайн.

Кивнув Рэглу, миссис Кейтелбайн прошла мимо него к двери, закрыла ее и опустила шторы. Только после этого она повернулась к Рэглу.

— Какой номер?

Он дал ей карточку.

— О, понятно! Это армейский коммутатор в Денвере. И внутренний шестьдесят два. Скорее всего, — миссис Кейтелбайн нахмурилась, — кто–то из противоракетной обороны. Если вы их застанете в это время, значит, они просто там живут. Как будто от этого что–то зависит. — Она вернула карточку Рэглу. — Много вспомнили?

— Довольно много, — ответил Рэгл.

— Помогло, что я показала вам модель вашего завода?

— Да, очень.

— Тогда я довольна.

— Вы ходили вокруг да около, по кусочкам восстанавливая мою память. Значит, вы представляете армию?

— Да, — ответила она. — В некотором роде.

— Как могло получиться, что я все забыл?

— Вас заставили забыть. Точно так же, как вас заставили забыть все, что произошло, когда вы поднялись на холм и встретились с Кессельманами.

— Меня подобрали грузовики муниципальной службы. А на следующее утро люди из муниципалитета начали копать канаву. Следить за мной. Значит, это они построили город и управляют им? Это они заставили меня все забыть?

— Да, — кивнула миссис Кейтелбайн.

— А вы хотели, чтобы я вспомнил.

— Потому что я — лунатик. Я из тех, за кем гоняется военная полиция. Вы ведь решили перейти на нашу сторону, мистер Гамм. Уже упаковали чемоданчик. Но что–то произошло, и до нас вам добраться не удалось. Вас оставили в живых, потому что Рэгл Гамм им нужен. Усадили за газетный конкурс — чтобы вы служили им своим талантом, не испытывая нравственных мук.

Миссис Кейтелбайн по–прежнему улыбалась веселой профессиональной улыбкой; в этом белом халатике она напоминала медсестру из стоматологического кабинета, рекламирующую новые средства для ухода за полостью рта. Энер-

гичная и деловая. И, подумал Рэгл, убежденная, преданная.

— Почему я решил перейти на вашу сторону?

— Вы не помните?

— Нет.

— Тогда я вам дам кое–что почитать. Вроде пособия по ориентации. — Она сделала шаг назад и вытащила из–под прилавка плоский малиновый конверт. — Первое, — начала миссис Кейтелбайн, — номер «Таймс» от четырнадцатого января тысяча девятьсот девяносто шестого года с вашим фото на обложке и биографией внутри. Достаточно подробной для широкой публики.

— Что они знают? — спросил Рэгл, думая о миссис Мак Фи и ее сплетнях.

— Что вы страдаете заболеванием дыхательных путей, из–за чего живете отшельником в Южной Америке, в заброшенном перуанском городке под названием Айакучо. А вот еще. — Миссис Кейтелбайн извлекла небольшую книжку. — Официальный учебник по современной истории для школ ЕДИНОГО СЧАСТЛИВОГО МИРА.

— Объясните мне этот лозунг — «Единый счастливый мир».

— Это не лозунг. Это официальное название организации, убежденной, что межпланетные

путешествия не имеют будущего. Единый счастливый мир хорош сам по себе; он гораздо лучше, чем бесконечные безжизненные пустоты, которые Господь никогда не предназначал человеку. Вам, конечно, известен смысл слова «лунатик»?

— Колонист на Луне.

— Не совсем. Но в книге это все есть, наряду с обзором начала войны. И еще. — Миссис Кейтелбайн вытащила из конверта памфлет под названием «Борьба с тиранией».

— Что это? — спросил Рэгл.

Брошюра вызвала у него странное чувство, он испытывал потрясение от узнавания давно забытого, включались старые ассоциации…

— Этот памфлет распространялся среди тысяч рабочих корпорации Рэгла Гамма. На ваших многочисленных заводах. Вы до сих пор удерживаете сильные позиции в экономике и вызвались работать на правительство за чисто символическое вознаграждение, жест патриотизма. Посвятили свой талант спасению людей от ракетных ударов с Луны. Но через несколько месяцев все изменилось — вы всегда лучше других угадывали тенденции развития.

— Я могу это взять в город? — спросил Рэгл.

Он уже думал о завтрашнем задании. Привыч-

ка вошла в его плоть и кровь.

— Нет, — возразила миссис Кейтелбайн. — Они знают, что вы вырвались. И если вы вернетесь, снова попытаются стереть вашу память. Лучше читайте здесь. Сейчас около одиннадцати. Время есть. Я понимаю, вы думаете о завтрашнем задании.

— Здесь не опасно? — спросил Вик.

— Нет.

— А если нагрянет военная полиция?

— Посмотрите в окно.

Рэгл и Вик подошли к окну аптеки и выглянули. Улица исчезла. Вокруг простирались темные безжизненные поля.

— Мы за городом, — сказала миссис Кейтелбайн. — Как только вы вошли, мы тронулись с места. И до сих пор едем. Вот уже месяц, как мы научились проникать в Старый город. Так его назвали те, кто его построил. — Помолчав, она добавила: — Вы никогда не интересовались, где живете? Как называется город? Страна? Штат?

— Нет, — ответил Рэгл, чувствуя себя дураком.

— Мы в Западном Вайоминге, недалеко от границы с Айдахо. Ваш город был построен на месте нескольких поселений, снесенных в первые дни войны. Они довольно удачно все воссоздали, ос-

новываясь на старинных описаниях и картинках. Руины, которые пытается расчистить Марго, — это подлинные развалины бывшего Кеммерера, старинные оружейные склады. Туда–то мы и подбросили телефонную книгу, листки со словами и журналы.

Присев к столу, Рэгл погрузился в чтение собственной биографии.

Глава 14

Страницы журнала шелестели, раскрывая перед ним реальный мир. Имена, лица, ощущения наплывали на него и вновь оживали. На этот раз не было людей в серых комбинезонах, угрожавших ему из ночной тьмы, и Рэгл сидел, вцепившись в журнал и впитывая каждую строчку. «Вперед с Морагой»… Он вспомнил избирательную кампанию 1987 года. Еще был лозунг «Победим с Вольфом»… Кстати, и победили.

Фотография худого, тщедушного профессора из Гарварда. Рядом с ним — человек, ставший вице–президентом. Какой контраст, подумал Рэгл. Они так отличались друг от друга, что в конце концов довели страну до гражданской войны. И оба на одном бюллетене. Каждый хотел завоевать все голоса.

Профессор права из Гарварда и бывший работник железной дороги. Специалист по римской и английской юриспруденции и человек, швырявший мешки с солью.

— Помнишь Джона Морагу? — спросил Рэгл.

На лице Вика промелькнула растерянность.

— Естественно.

— Даже смешно, что образованный человек оказался таким легковерным. А может, и слишком наивным. — Чересчур много теории и мало практики, подумал Рэгл.

— А я не согласен, — с несвойственной ему решительностью заявил Вик. — Это был человек, который жаждал осуществить свои принципы на практике, вопреки любым препятствиям.

Рэгл взглянул на него с изумлением. Он вспомнил споры до хрипоты в ночных барах: «Я лучше сдохну, чем меня увидят с салатницей из лунных пород». «Не покупайте ничего с Луны». Полный бойкот. И все ради принципов.

— Покупайте земные породы, — сказал он.

— Покупайте только дома, — без колебания откликнулся Вик.

— Но почему? — спросил Рэгл. — Какая разница? Для тебя что, Антарктида — дом?

Он действительно не понимал. Лунные породы, земные породы… Порода есть порода. Между тем спор все больше принимал политическую окраску. «Луна никогда не будет представлять для нас экономического интереса. О ней можно забыть».

В 1993 году президент Морага провел в Конгрессе закон, положивший конец американской экономической экспансии на Луне. Ура! Гип–

гип!

Торжественные парады на Пятой авеню.

И вдруг восстание.

— Победим с Вольфом, — сказал Рэгл.

— А по–моему, — горячо возразил Вик, — это шайка предателей.

Миссис Кейтелбайн молча слушала их спор.

— В законе ясно сказано, — в свою очередь возразил Рэгл, — что в случае недееспособности президента его обязанности исполняет вице–президент. При чем тут предатели?

— Исполняющий обязанности — еще не президент. Он всего–навсего должен следить за исполнением президентской воли. Никто не давал ему права разваливать внешнюю политику. Воспользовался болезнью шефа. Возобновил субсидирование лунных проектов, лишь бы угодить кучке калифорнийских либералов с розовым туманом в голове и без малейшей доли здравого смысла. — Вик задохнулся от негодования. — Логика подростков, которым не терпится погонять на скоростных машинах с форсированными двигателями. В очередной раз заглянуть за горизонт…

— Ты же все это вычитал в газетах, — остановил его Рэгл. — Это не твои мысли.

— Про это еще Фрейд писал: подавленные сексуальные желания. На Луне делать нечего. Вся эта болтовня о «сияющей цели человечества»… Чушь собачья. Кроме того, — Вик ткнул в него пальцем, — это незаконно.

— Если это незаконно, — сказал Рэгл, — то при чем тут фрейдистские комплексы? — Готов что угодно поставить с ног на голову. Лишь бы возразить. — И почему, собственно, ты так против лунных исследований? Чувствуешь враждебный запах? Боишься заражения? Или сочащегося в щели песка?

Радиоприемник вдруг выкрикнул:

— Тяжело страдающий от болезни почек президент Джон Морага, находящийся на своей вилле в Южной Каролине, заявил, что, лишь тщательно взвесив все возможности и уделяя максимальное внимание интересам нации…

Поди ж ты, «тщательно», подумал Рэгл. При болезни почек лучше сказать «мучительно». Бедный парень.

— Чертовски хороший президент, — произнес Вик.

— Идиот, — откликнулся Рэгл.

Миссис Кейтелбайн кивнула.

Обосновавшиеся на Луне колонисты объявили,

что они не намерены возвращать полученные фонды, после чего федеральные службы возбудили против них дело. ФБР объявило всех арестованными по обвинению в корыстном использовании федеральных средств, а в тех случаях, когда дело касалось оборудования, — в незаконном владении федеральной собственностью.

Нашли предлог, подумал Рэгл Гамм.

***

В спустившихся сумерках свет автомобильного приемника освещал часть приборной доски, его колено, колено девушки рядом с ним. Они лежали, обнявшись, было жарко, выступили капельки пота. Время от времени то он, то она дотягивались до коробки с картофельными чипсами, застрявшей в складках ее юбки. Один раз он поднялся, чтобы глотнуть пива.

— Почему люди так хотят жить на Луне? — пробормотала девушка.

— Хронически недовольные, — сонно ответил он. — Нормальному человеку это не надо. Его устраивает жизнь как она есть. — Он прикрыл глаза и слушал танцевальную музыку по радио.

— А там красиво, на Луне? — спросила девушка.

— О боже, там просто ужасно. Ничего, кроме камней и пыли.

— Когда мы поженимся, — сказала она, — я бы хотела жить в Мехико–Сити. Цены там высокие, но все космополиты.

***

Статья в журнале напомнила Рэглу Гамму о возрасте. Сорок шесть лет. Много воды утекло с тех пор, как он валялся в машине с этой девчонкой, слушая музыку по радио.

«Чудная была девушка, — подумал он. — Почему они не дали ее фотографии? Наверное, просто не знали о ней. Эта часть моей жизни их не интересовала. Она не влияла на судьбу человечества…»

В феврале 1994 года произошло вооруженное столкновение на Первой базе, столице Лунной колонии. Колонисты атаковали ракетную базу, ожесточенный бой длился пять часов. В ту же ночь специальные транспортные корабли начали переброску войск на Луну.

«Ура! — подумал он. — Гип–гип!»

Через месяц шла полномасштабная война.

— Все ясно. — Рэгл закрыл журнал.

— Самое страшное — это гражданская война, — сказала миссис Кейтелбайн. — Брат на брата,

отец на сына. Экспансионистам… — она запнулась, — лунатикам на Земле пришлось туго. Они воевали в Калифорнии, Нью–Йорке и нескольких крупных городах Старого Света. Но уже к концу первого года войны Единый счастливый мир полностью контролировал положение на Земле. — Миссис Кейтелбайн улыбнулась своей отработанной, профессиональной улыбкой. — Время от времени боевики лунатиков перерезают телефонные линии и взрывают мосты. Но большинство из тех, кому удается при этом уцелеть, получают свою долю К. Л. Концентрационных лагерей в Неваде и Орегоне.

— Но у вас же есть Луна, — заметил Рэгл.

— О да. И сейчас мы полностью себя обеспечиваем. У нас есть ресурсы, оборудование, персонал.

— А земляне не наносят ракетных ударов?

— Ну, Луна, как вы знаете, повернута к Земле только одной стороной.

Да, сообразил Рэгл. Конечно. Идеальная военная база. У Земли нет такого преимущества. Каждая ее часть в свой черед становится уязвимой для удара с Луны.

— Весь наш урожай выращивается с помощью гидропоники, в подземных резервуарах. Так мы избегаем заражения радиоактивными осадками.

К тому же на Луне нет атмосферы. Благодаря слабому притяжению большая часть пыли при взрывах сама собой уносится в космическое пространство. Все наши объекты спрятаны очень глубоко. Дома и школы. И, — она улыбнулась, — мы дышим консервированным воздухом. Так что на нас нельзя воздействовать и бактериологическим оружием. Мы полностью защищены. Даже если нас останется совсем немного. Пусть даже несколько тысяч.

— А вы бомбите Землю, — сказал Рэгл.

— У нас есть план боевых действий. Наступательная доктрина. Мы помещаем боеголовки в транспортные корабли и расстреливаем ими Землю. Раз или два в неделю… плюс незначительные заряды, которые мы посылаем в ракетах–разведчиках, которых у нас предостаточно. Кроме того, есть спутники связи и ракеты технического обеспечения, их вполне хватает на несколько ферм или фабрику. На Земле не находят себе места, потому что никогда не знают, идет ли на них полноценный грузовой транспорт с ядерной боеголовкой или какая–нибудь мелочь. Это отравляет им всю жизнь.

— А я все это предсказываю, — сказал Рэгл.

— Да.

— Насколько хорошо у меня получается?

— Не так точно, как вам говорит Ловери.

— Понятно… — прошептал Рэгл.

— Но и не так плохо. Мы периодически меняем схему ударов, иногда предоставляя выбор случаю… потому что ряд кораблей вы перехватили, особенно тяжелые грузовые. Из–за этого у нас возникла небольшая паника — транспортных кораблей совсем немного. Мы стали менять все схемы. У вас ведь талант на угадывание тенденций. Взять хоть те же женские шляпки. Что будут носить в следующем году? Загадка. Но только не для вас.

— Почему ты решил перейти к ним? — спросил Вик. — Они же бомбят нас, убивают наших женщин и детей…

— Теперь он знает почему, — перебила его миссис Кейтелбайн. — Я видела по его лицу, когда он читал. Он вспомнил.

— Да. — Рэгл кивнул. — Я вспомнил.

— Почему ты перешел к ним? — повторил вопрос Вик.

— Потому, что они правы. А изоляционисты — нет.

— И Рэгл Гамм это понял, — сказала миссис Кейтелбайн.

***

Открыв дверь и увидев на темном крыльце Билла Блэка, Марго сказала:

— А их нет. Они в магазине, проводят срочную инвентаризацию. Что–то вроде неожиданной проверки.

— Может, я все–таки войду? — спросил Блэк.

Марго отошла в сторону, Билл вошел и прикрыл за собой дверь.

— Я знаю, что их нет. — Он говорил бесцветным, подавленным голосом. — Кстати, их нет и в магазине.

— Там я их видела в последний раз. — Марго стало неловко от собственной лжи. — И так они мне сказали.

«Сказали, чтобы я так сказала», — подумала она.

— Они вырвались. Мы подобрали водителя грузовика. Они отпустили его, проехав около сотни миль по трассе.

— Откуда ты знаешь? — спросила она и вдруг ощутила дикую ярость. Она ничего не понимала, но интуиция подсказывала, что во многом виноват Блэк. — Ты и твоя ласэнь. — Она задыхалась от негодования. — Таскаешься сюда и что–то вынюхиваешь. Присылаешь свою жену–верти-

хвостку, чтобы она к нему подлизалась.

— Это не моя жена, — устало проговорил Блэк. — Ее взяли, потому что мне надо было устроиться по соседству.

Марго нахмурилась:

— А она знает?

— Нет.

— Дела–а, — протянула Марго. — Ну и что? Ты, значит, можешь стоять и ухмыляться, потому что тебе известно, что происходит?

— Я не ухмыляюсь, — сказал Блэк. — Я как раз думаю о том, что был, наверное, шанс его вернуть. Скорее всего, это Кессельманы. Одни и те же люди. Похожее звучание фамилий. Интересно, кто все это придумал? Я всегда плохо запоминал имена. Наверное, они это учли. Но когда тебе надо держать в голове тысячу шестьсот фамилий…

— Тысячу шестьсот, — повторила Марго. — Что ты имеешь в виду?

Она все острее чувствовала неладное. Ограниченность окружающего мира давила на нее все сильнее. Улицы, дома, магазины, люди. Тысяча шестьсот человек, стоящих посреди сцены. А вокруг — бутафорская мебель, кухни, машины, еда. А за всей этой бутафорией — плоский раскрашенный задник. Нарисованная панорама уходящих

вдаль домов. Людей. Улиц. В стены вмонтированы динамики, раздаются звуки. Сэмми, сидящий один в классе. И даже учитель не настоящий. Вместо него — набор магнитофонных записей.

— Мы хоть узнаем, зачем все это? — спросила она.

— Рэгл уже знает.

— Потому у нас нет радио?

— По радио вы могли многое услышать.

— Мы и так многое услышали.

Билл поморщился:

— В конце концов, это был вопрос времени. Раньше или позже. Мы только надеялись, что он все равно будет заниматься своим делом.

— Но вмешался кто–то еще, — сказала Марго.

— Да, двое. Сегодня мы выслали по их адресу наших людей, в большой старый дом на углу, но они исчезли. Там никого нет. Оставили все свои модели. Он прослушал у них курс гражданской обороны. И принял решение.

— Если тебе больше нечего сказать, — заявила Марго, — уходи.

— Я останусь здесь, — ответил Билл Блэк. — На всю ночь. Может быть, он решит вернуться. Я подумал, что лучше, если я приду без Джуни. Я могу лечь в гостиной и сразу замечу, когда он

войдет. — Открыв дверь, Билл внес в комнату небольшой чемоданчик. — Здесь зубная щетка, пижама и кое–какие личные вещи. — Он говорил все тем же потухшим, безжизненным голосом.

— У тебя из–за этого неприятности?

— У нас у всех теперь неприятности. — Блэк поставил чемоданчик на стул и принялся выкладывать свои пожитки.

— Кто ты? — спросила Марго. — Ты не Билл Блэк!

— Я Билл Блэк. Майор Уильям Блэк. Из штаба стратегического планирования. Раньше я работал с Рэглом, вычислял ракетные удары. В некотором роде я был его учеником.

— Значит, ты не работаешь в муниципалитете? В отделе водоснабжения?

Передняя дверь распахнулась. На пороге стояла в пальто Джуни Блэк. В руках она держала часы. Лицо ее распухло и покраснело, было видно, что она плакала.

— Ты забыл часы. — Она протянула часы Блэку. — Почему ты решил спать здесь? — спросила она дрожащим голосом. — Это из–за меня? — Она перевела взгляд на Марго. — У вас что–то было? Правда? Все это время?

Никто ей не ответил.

— Пожалуйста, объясните мне.

— Ради всего святого, — взмолился Блэк, — иди домой!

Она шмыгнула носом.

— Ладно. Тебе виднее. Завтра приедешь, или это у вас надолго?

— На одну ночь, — ответил Блэк.

Дверь за Джуни захлопнулась.

— Как она меня достала, — сказал Билл Блэк.

— Все еще верит, что она твоя жена.

— Джуни будет в это верить, пока ее не перепрограммируют. И ты тоже. Будешь по–прежнему видеть то, что видишь сейчас. Программа действует на уровне подсознания. Она затрагивает все системы.

— Это ужасно, — едва вымолвила Марго.

— Не знаю. Есть вещи и похуже. Это, во всяком случае, была попытка спасти ваши жизни.

— И Рэгл запрограммирован? Как мы все?

— Нет. — Билл Блэк выложил на стол пижаму. Марго обратила внимание на кричащие тона, яркие цветы и листья. — Рэгл находился в ином состоянии. Он, собственно, и придумал все это. Поставил себя перед дилеммой, и единственным выходом оказался психоз вытеснения.

Значит, он сумасшедший, подумала Марго.

— Он ушел в вымышленный мир. — Блэк завел принесенные Джуни часы. — Вернулся в довоенный период. В детство. Конец пятидесятых, когда он был ребенком.

— Не верю, — с трудом прошептала Марго.

— Мы придумали, как сделать, чтобы он жил в своем лишенном стрессов мире. Относительно лишенном, конечно. И при этом продолжал предсказывать ракетные удары, не ощущая непосильного бремени ответственности за судьбу человечества. Для него все превратилось в игру, в газетный конкурс. Он сам дал нам подсказку. Однажды в Денвере, когда мы пришли к нему домой, он встретил нас словами: «Я почти разгадал сегодняшнюю головоломку». Спустя неделю у него окончательно закрепилась иллюзия ухода.

— Он в самом деле мой брат?

Поколебавшись, Блэк сказал:

— Нет.

— Мы как–нибудь с ним связаны?

— Нет, — ответил он с неохотой.

— Вик — мой муж?

— Н–нет.

— А вообще, хоть кто–нибудь с кем–нибудь здесь связан?

Нахмурившись, Блэк сказал:

— Я… — Он закусил губу и закончил: — Так получилось, что мы с тобой женаты. Но по типу личности ты больше подходила к семье Рэгла. Все надо было делать на серьезной основе.

После этого оба надолго замолчали. Марго неуверенной походкой прошла на кухню и опустилась на стул.

«Билл Блэк — мой муж. Майор Билл Блэк».

В гостиной ее муж расстелил на диване одеяло, бросил подушку и приготовился ко сну.

Вернувшись в комнату, она сказала:

— Можно тебя спросить?

Он кивнул.

— Ты знаешь, где был тот шнур, который Вик искал тогда в ванной?

— Вик имел овощной магазин в Орегоне. Там вполне мог быть этот шнур. Или у него дома.

— Давно ли мы женаты?

— Шесть лет.

— А дети?

— Две девочки. Четырех лет и шести.

— А Сэмми?

Сэмми безмятежно спал за закрытой дверью.

— Он тоже здесь ничей? Просто взяли где–то ребенка как актера на роль?

— Сэмми — сын Виктора. Виктора и его жены.

— А кто его жена?

— Ты ее не знаешь.

— Не та здоровая девка из Техаса?

Блэк рассмеялся:

— Нет. Ее зовут Бетти или Барбара. Я сам ее ни разу не видел.

— Ну и каша.

— Да.

Она вернулась на кухню и снова села. Позже она услышала, как он включил телевизор, и потом около часа играла музыка. Потом Билл Блэк выключил телевизор, погасил свет и забрался под одеяло. Еще чуть позже Марго тоже задремала, облокотившись на кухонный столик.

Она проснулась от телефонного звонка. Билл Блэк метался по комнате, пытаясь найти аппарат.

— В холле, — сказала она хрипло.

— Алло! — ответил Блэк.

Часы над кухонной раковиной показывали три тридцать. «О господи!» — подумала Марго.

— Хорошо. — Блэк положил трубку и вернулся в гостиную.

Она слышала, как он одевается, запихивает вещи обратно в чемоданчик, потом открылась и захлопнулась входная дверь. Он ушел.

Не стал ждать, подумала Марго. Она терла глаза, пытаясь окончательно проснуться. Было холодно, она окоченела. Вся дрожа, подошла к камину.

Значит, Рэгл не вернется, решила Марго. Иначе бы Блэк не ушел.

Из спальни донесся голос Сэмми:

— Мама! Мама!

Она отворила дверь:

— Что случилось?

Сэмми сидел на кровати.

— Кто это звонил?

— Никто. — Она вошла в комнату и поправила одеяло. — Ложись спать.

— Папа не вернулся?

— Еще нет.

— Ну и ну. — Сэмми откинулся на подушку, мгновенно засыпая. — Может, они утащили чего–нибудь… и теперь скрываются…

Она осталась в детской, присела на край кровати и закурила, изо всех сил стараясь не уснуть.

Скорее всего, они не вернутся, подумала она. Но я все–таки подожду. На всякий случай.

***

— Что значит «они правы»? — вскипел Вик. — Хочешь сказать, это правильно — бомбить города,

больницы и церкви?

Рэгл Гамм помнил тот день, когда впервые услышал о вооруженном нападении лунных колонистов, уже тогда называемых лунатиками, на федеральные войска. Никто этому особо не удивился. Лунатики в основной массе состояли из недовольных и неустроенных молодых семей, честолюбивых и хватких парней и их жен. Кое у кого были дети, но ни у кого не было ни собственности, ни ответственности.

Первой реакцией Рэгла было пойти и драться. Но по возрасту он уже не проходил. Кроме того, оказалось, что его участия требовали дела поважнее. Он взял на себя предсказывание ракетных ударов, составление схем и графиков, проведение статистических исследований. Билл Блэк служил при нем офицером по особым поручениям. Весьма способный человек, он искренне стремился постигнуть секреты разгадывания. Первый год Рэгл сработал отлично, но потом его просто раздавила огромная ответственность. Сознание того, что от него зависит жизнь всех людей. На этом этапе армейское руководство приняло решение увезти Рэгла с Земли. Посадить на корабль и отправить на один из оздоровительных курортов Венеры, куда частенько наведывались

правительственные чиновники. Климат, минеральный состав воды, сила притяжения, а может, все вместе способствовало излечению от рака и болезней сердца.

Впервые в жизни Рэгл покинул Землю. Межпланетный перелет в космическом пространстве. Отсутствие притяжения — извечного бремени всего живого, первозданной силы, сделавшей Вселенную такой, какой мы ее знаем. По мере того как корабль удалялся от Земли, Рэгл все больше забывал это состояние, отдаваясь безграничной свободе. Полет удовлетворил затаенную потребность, о которой Рэгл никогда не подозревал. А она существовала всю его жизнь. Не находящее выхода стремление к путешествиям. К перемене мест.

Его предки постоянно мигрировали. Они пришли на Запад из Азии — кочевники, собиратели, но не земледельцы. У Средиземного моря они остановились, ибо это был край света и дальше идти было некуда. Спустя сотни лет до них стали доходить сведения, что есть и другие места. Земли за морем. Они никогда не передвигались по воде, если не считать нескольких неудачных попыток достичь Северной Африки. Переход на лодках казался им страшным риском. Они все

же предприняли его и, не имея понятия, куда плывут, достигли другого континента. Там на некоторое время остановились, потому что опять достигли края света.

Но с этим перелетом не могло сравниться ничто. Через леденящее душу пространство, с одной планеты на другую… В созданных своими руками кораблях. Потребность в движении присуща всем формам жизни. Универсальное, всеобщее свойство. Но потомки пращуров Рэгла дошли до конца. Остальные расы остановились гораздо раньше.

Это не имело никакого отношения к ископаемым, ресурсам и научным разработкам. И даже к науке и богатству. Все это были лишь поводы. Причина лежала за пределами сознания. Рэгл не мог сформулировать эту потребность, он лишь отчетливо ее ощущал. Это был инстинкт, первобытная тяга и вместе с тем — самый благородный порыв.

Смешно, думал Рэгл, когда люди утверждают, что Бог не предназначал человека для космических путешествий. Лунатики правы, они поняли, что межпланетные перелеты не связаны с перспективами разработок рудных месторождений далеко от Земли. Мы только делали вид, что нас

интересуют лунные шахты, не более того. Это не политический и не этический вопрос. Просто, когда тебя спрашивают, надо что–то отвечать. Сделать вид, что ты знаешь ответ.

Неделю Рэгл плескался в Горячих Родниках Рузвельта на Венере. Потом его вернули на Землю. Вскоре после этого он стал упорно вспоминать и думать о своем детстве. О мирных днях, когда отец сидел в гостиной с газетой, а дети смотрели по телевизору Капитана Кенгуру. Мать тогда ездила на новом «фольксвагене», в выпусках новостей по радио говорили не о войне, а о запуске искусственных спутников и надежде на получение термоядерной энергии. Неиссякаемого источника.

Еще не пришло время великих потрясений, депрессии и гражданского разлада.

Это были его последние воспоминания. Как он сидел и мечтал о пятидесятых годах. Потом, совершенно неожиданно, он оказался в пятидесятых. Свершившееся показалось ему чудом. Захватывающим дух волшебством. В одно мгновение исчезли сирены, концлагерные бараки, конфликты, ненависть, наклейки на бампер с надписью: «ЕДИНЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МИР». Исчезли солдаты, целыми днями слонявшиеся вокруг, страх перед

следующим ракетным ударом, напряжение и тяжесть, а главное — сомнение, которое терзало их всех. Кошмарная вина гражданской войны, которую заглушают все бóльшим ожесточением. Брат на брата. Семья на самое себя.

***

Подъехал и остановился «фольксваген». Женщина с чудной улыбкой вышла и спросила:

— Готов ехать домой?

Отличную все–таки машину они приобрели, подумал он. Удачная покупка. Всегда можно продать дороже.

— Почти, — ответил отец матери. — Мне надо кое–что взять в аптеке, — добавил он и захлопнул дверцу.

Рэгл смотрел, как отец удаляется в сторону аптечного отдела в торговом центре Эрни. Мальчик знал, что там, помимо всего прочего, скупают старые электробритвы. Семь пятьдесят за вашу старую бритву независимо от ее состояния. И никаких сложностей, взаимная радость сделки. Вверху над головой — сияющие вывески. Цветные огни бегущей рекламы. Яркость и роскошь.

Он вышел побродить по автостоянке среди длинных пастельного цвета машин, задирал голову на вывески, разглядывал рекламу в витри-

нах. Кофе, 69 центов за фунт, да, вот это покупка!

Глаза мальчика впитывали зрелище: продавцы, машины, прохожие, киоски! Как много вокруг интересного! — думал он. Как много всего можно изучить. Целая ярмарка. В бакалейном отделе продавщица бесплатно угощала образцами сыра. Он подошел к ней. На подносе лежали ломтики желтого сыра. Женщина протягивала его всем желающим. Даром. Хоть что–то, но даром. Общее возбуждение. Гул и говор. Он протянул руку за своим бесплатным ломтиком, дрожа от удовольствия. Улыбнувшись, женщина спросила:

— Что надо сказать?

— Спасибо.

— Любишь побродить по магазинам, пока родители делают покупки?

— Конечно, — проговорил он с набитым ртом.

— Потому что видишь, что здесь есть все, что может тебе понадобиться? Супермаркет — это целый мир.

— Наверное, так, — признался он.

— Ну, значит, бояться нечего, — сказала женщина. — Расслабься. Здесь хорошо и спокойно.

— Да, — согласился он, устав от расспросов, и еще раз посмотрел на поднос с сыром.

— В каком ты сейчас отделе? — спросила жен-

щина.

Он огляделся и увидел, что это фармацевтический отдел. Вокруг были тюбики с зубной пастой, журналы, солнцезащитные очки и бутылочки с лосьоном для рук.

«Но я же был в продуктовом отделе, — с удивлением подумал мальчик, — там, где дают бесплатно попробовать. А может, у них и тут дают что–нибудь на пробу, резинку, например, или конфеты? Вот было бы здорово!»

Вокруг бурлила воскресная толпа. Повезло, подумал он. Золотой век. Самое удачное время для жизни, всегда бы так.

Отец уже давно махал ему из «фольксвагена». Куча свертков на сиденье.

— Поехали, — сказал отец.

— Поехали, — протянул Рэгл, все еще удивляясь окружающему и очень жалея, что сейчас он отсюда уедет.

В угол автостоянки нанесло ветром целую кучу цветных бумажек. Оберток, картонок, смятых сигаретных пачек, пакетов из–под молока. Он просчитал все варианты: там, в глубине, должно быть что–то ценное. Скомканный доллар. Его занесло туда вместе с мусором.

Он нагнулся и вытащил бумажку. Точно, дол-

ларовая банкнота. Кто–то потерял ее, возможно очень–очень давно.

— Смотрите, что я нашел! — закричал он отцу с матерью и побежал к машине. Тут же завязалась дискуссия.

— Я считаю, его нельзя брать. Это неправильно. — Мать по–настоящему разволновалась.

— Мы все равно не установим владельца, — сказал отец, — пусть берет себе. — Он потрепал мальчика за волосы.

— Но он его не заработал, — возразила мать.

— Я его нашел! — воскликнул Рэгл Гамм, сжимая свой доллар. — Я вычислил, где он может быть, я знал, что он в этом мусоре.

— Тебе повезло, — заметил отец. — Мне приходилось встречать парней, которые постоянно находят деньги, каждый день. Я никогда так не умел. Наверное, за всю жизнь не нашел и цента.

— А я могу, — сказал Рэгл Гамм. — Я могу вычислить, я знаю, как это сделать.

Вечером на диване отец рассказывал о Второй мировой войне, как он воевал на Тихоокеанском театре. Мать мыла посуду на кухне. Спокойствие родного дома…

— Что ты сделаешь со своим долларом? — спросил отец.

— Куда–нибудь вложу, — ответил Рэгл Гамм. — Чтобы получить больше.

— Крупное дело? Не забудь о налогах на корпорации.

— У меня много останется, — сказал Рэгл уверенно и откинулся на спинку дивана на манер отца: руки за головой, локти расставлены в стороны.

***

Он перебирал в памяти счастливейшие моменты своей жизни.

— Но почему такая неточность с «такером»? — спросил он миссис Кейтелбайн. — Это дьявольская машина, но…

— Вы как–то на ней ездили.

— Да. По крайней мере, мне так кажется. Еще ребенком. — Он вдруг почти физически ощутил эту машину. — В Лос–Анджелесе, — сказал Рэгл, — у друга отца была одна из моделей.

— Ну вот и объяснение.

— Но ведь их так и не пустили в серийное производство. Все осталось на уровне экспериментальных образцов.

— Машина была нужна вам. И для вас ее сделали.

— А «Хижина дяди Тома»? — спросил Рэгл, хотя

в свое время ему показалось совершенно естественным, что Вик принес эту брошюру из клуба «Книга месяца». — Она же была написана за целое столетие до меня! Поистине древняя вещь!

Миссис Кейтелбайн протянула ему журнал.

— Детская доверчивость, — сказала она. — Постарайтесь вспомнить.

В журнальной статье упоминалась и эта книга. Теперь он вспомнил, что у него действительно была такая и он перечитывал ее снова и снова. Тисненый черно–желтый переплет, иллюстрации углем, увлекательные, как сама история. Он даже ощутил книгу в руках, ее вес, шершавый, запыленный картон и бумагу, вспомнил, как он прятался в тишину и тень двора, уткнувшись в текст. На ночь он забирал книгу в свою комнату, а утром снова перечитывал. В ней была стабильность, она не менялась. Книга давала ощущение определенности. Он чувствовал, что на нее можно положиться, там все останется так, как было вчера. Даже карандашные пометки на первой странице, где он нацарапал свои инициалы.

— Все было сделано в соответствии с вашими запросами, — сказала миссис Кейтелбайн. — Воссоздали все, что вам требовалось для ощущения безопасности и комфорта. Стоило ли придержи-

ваться ненужной точности? Если «Хижина дяди Тома» занимала так много места в вашем детстве, ее просто включили в список.

Как в мечте, подумал Рэгл. Сохранили все хорошее. Исключили неприятное.

— Все карты могло спутать радио, и радиоприемники просто убрали, — сказала миссис Кейтелбайн. — Во всяком случае, должны были убрать.

А ведь такая привычная вещь, подумал Рэгл. Забывая, что в созданной специально для Рэгла иллюзии радиоприемникам нет места, они постоянно совершали мелкие промахи. Типичная ошибка при претворении мечты в жизнь — очень тяжело быть последовательным. Играя с нами в покер, Билл Блэк видел детекторный приемник и тут же забыл о нем. Это действительно слишком привычная вещь, он не обратил на него внимания, занятый более важными вопросами.

Миссис Кейтелбайн продолжала:

— Итак, вы поняли, что они создали для вас безопасную, контролируемую обстановку, где бы вы могли заниматься своим делом, ни в чем не сомневаясь, не отвлекаясь ни на что постороннее. Не терзаясь тем, что вы защищаете неправое дело.

— Неправое?! — яростно вмешался Вик. — Неправы те, кого атакуют?

— В гражданской войне, — заметил Рэгл, — все неправы. Тут до истины не докопаться. И все — жертвы.

В периоды просветления, прежде чем его забрали из кабинета и перевезли в Старый город, Рэгл успел разработать план. Он аккуратно собрал все бумаги и записи, уложил вещи и приготовился к побегу. Через подставных лиц ему удалось связаться с группой калифорнийских лунатиков, помещенных в один из концентрационных лагерей Среднего Запада. Программа перевоспитания еще не успела дать своих плодов, и ему удалось получить кое–какие сведения. Предполагалось, что в назначенное время он в условленном заранее месте встретится с находящимися на свободе лунатиками из Сент–Луиса. Но туда Рэгл так и не добрался. За день до встречи перехватили его связного. На допросах тот рассказал все.

Это был конец. В концентрационных лагерях лунатики подвергались систематическому промыванию мозгов, хотя называлось это, конечно, по–другому. Перевоспитание по новой методике избавляло от предрассудков, невротической одержимости и навязчивых идей. Лунатикам по-

могали прозреть. Оттуда они выходили другими людьми.

Аналогичной процедуре подвергли и тех, кому предстояло поселиться в Старом городе. Брали только добровольцев. К Рэглу Гамму применили особую методику по закреплению ухода в прошлое.

«У них получилось, — признал Рэгл Гамм. — Я заглянул в прошлое, а они плотно задраили выход».

— Ты лучше хорошенько подумай, — оборвал его размышления Вик. — Это не шутки — перейти на другую сторону.

— Он уже перешел, — заметила миссис Кейтелбайн. — Он сделал это три года назад.

— Я с тобой не пойду, — отрезал Вик.

— Я знаю.

— Ты собираешься порвать с Марго, с родной сестрой?

— Да.

— Порвать со всеми?

— Да.

— Хочешь, чтобы они разбомбили и поубивали нас?

— Нет.

В Денвере Рэгл получил доступ к информации,

предназначенной только для высокопоставленных правительственных чиновников. От публики эти данные хранили в строжайшем секрете. В первые же дни войны колонисты согласились пойти на переговоры. Они выдвигали лишь два условия: умеренное финансирование Землей лунных программ и гарантия безопасности для лунатиков после прекращения боевых действий. Если бы не Рэгл Гамм, правительство в Денвере пошло бы на уступки по этим пунктам. Слишком сильна была угроза ракетного удара с Луны. Вместе с тем общественное мнение еще не было в такой степени настроено против лунатиков, три года войны и лишений были еще впереди.

— Предатель! — Вик гневно уставился на зятя.

«Кстати, он мне даже не зять, — подумал Рэгл. — Я вообще его не знал до Старого города. Нет, — сообразил он, — знал. Я покупал у него свежие фрукты и овощи. Он постоянно хлопотал в белом халате возле ларей с картофелем, улыбался покупателям, сокрушался из–за порчи товара».

На этом уровне они и были знакомы.

«И сестры у меня нет. Но я, — думал Рэгл, — все равно буду считать ее с Сэмми моей семьей, ибо за эти два с половиной года мы по–настоящему

сроднились. Так же, как Билл Блэк и Джуни стали соседями. Я порву с ними — родственниками, соседями и друзьями. Это и есть гражданская война. Эта война требует наибольшего героизма, неимоверных жертв и не дает никакой выгоды.

Я поступаю так, потому что убежден, что так — правильно. Прежде всего — долг. Все остальные, кстати, — Билл Блэк и Виктор Нильсон, Марго и Ловери, миссис Кейтелбайн и миссис Кессельман — тоже исполнили свой долг, не изменили тому, во что верили.

И я поступлю так же».

— Прощай. — Он протянул Виктору руку.

Тот сделал вид, что не заметил. Лицо его окаменело.

— Вернешься в Старый город? — спросил Рэгл.

Вик кивнул.

— Может, еще увидимся, — сказал Рэгл. — После войны. — Он был убежден, что теперь она долго не продлится. — Вряд ли они сохранят Старый город, — добавил он. — Без меня он вовсе не нужен.

Вик резко повернулся и пошел к дверям.

— Как отсюда выйти? — громко спросил он, не оборачиваясь.

— Вас выпустят, — сказала миссис Кейтел-

байн. — Мы высадим вас на шоссе, откуда вы без труда доедете до города.

Вик остался у двери.

«Стыдно, — подумал Рэгл Гамм. — Но именно так теперь все обстоит. Ничего нового».

— Ты бы убил меня? — спросил он Вика. — Если бы мог?

— Нет, — ответил Вик. — Всегда есть шанс, что ты перейдешь обратно, на нашу сторону.

— Пора, — напомнил Рэгл миссис Кейтелбайн.

— Ваше второе путешествие, — сказала она. — Вы снова покидаете Землю.

— Да. — Рэгл кивнул. — Еще один лунатик присоединяется к своим.

За окном аптеки темный размытый силуэт ракеты уже принял стартовое положение.

Из днища белыми клубами валил пар. Вверху разошлись фермы крепления. В середине корабля открылся люк. Человек, стоявший за ним, несколько раз моргнул, пытаясь разглядеть что–то в черноте ночи. Потом он зажег цветной фонарь. Человек с фонарем поразительно походил на Вальтера Кейтелбайна. Собственно говоря, это и был Вальтер Кейтелбайн.

Доктор Будущее

1

Все было незнакомо. Огромная, переливающаяся яркими огнями спираль, открывшаяся вдали, вызвала вдруг такой ужас, что он чуть было не задохнулся. Затем вновь им овладело спокойствие. Он вдохнул полной грудью свежего воздуха и огляделся вокруг. Это был склон холма, покрытый колючим кустарником и одичавшим виноградом. С трудом верилось, что он еще жив. Опять подкрался страх, правая рука судорожно сжала ручку серого дорожного чемоданчика. Немного успокоившись, он раздвинул кусты и медленно, уверенными шагами двинулся вниз по склону. Ночь была восхитительной. Небо сплошь усеяли ослепительные звезды. На секунду он застыл, глядя на небо. Что–то необыкновенное было во всем этом. Конечно же звезды! Они были ему незнакомы. Крепче сжав ручку чемоданчика, он пошел в направлении спирали, которая, казалось, находилась в миле от него. Мысли перемешались в голове. Где он, почему здесь оказался? Что это за место? Он не находил ответа.

Цвета витков спирали продолжали меняться. Присмотревшись внимательнее, он увидел над

ними множество механизмов, поднимавшихся и опускавшихся на витки, освещая яркими огнями замысловатое переплетение труб.

Это было великолепное зрелище. Он опустил голову и увидел внизу под склоном, обозначенный огнями силуэт трассы. Ускоренным шагом он направился к ней. Он понимал, что трасса — это единственное за что он мог уцепиться в этом мире.

Память постепенно возвращалась к нему.

Джим Парсонс отправился на работу. Было прекрасное солнечное утро. Открыв дверцу автомобиля, он обернулся к своей жене, как обычно провожавшей его на пороге.

— Тебе что–нибудь нужно, дорогая?

— Пока нет, но если будет надо, я позвоню тебе в институт.

На какую–то долю секунды Джим залюбовался своей супругой.

Мэри была очень симпатичной, а в это утро она показалась ему просто красавицей. Он окинул взором их уютный дом, тернистую аллею, уходящую от порога к саду, и сел в машину. Немного попетляв, он выехал по шоссе No 101 на Сан–Франциско. Теперь можно было довериться автомашине и немного расслабиться. Проезжая

по этой трассе каждый день, он привык пользоваться услугами электронного мозга, который, находясь в ста милях отсюда, управлял всем движением на шоссе.

Навстречу ему скользили такие же телеуправляемые автомашины. Скорость, с которой они проносились мимо, даже не позволяла как следует их рассмотреть. С момента ввода в эксплуатацию электронного мозга скорость передвижения по шоссе возросла во много раз. В то же время за весь этот период не произошло ни одной, даже незначительной аварии. Система была настолько надежна и безупречна, что гарантировала безопасность передвижения на самых высоких скоростях, при самых сложных погодных условиях.

Парсонс приоткрыл глаза и заметил освещенный указатель «Сан–Франциско 50». Это было последнее, что он запомнил в этот день. Машина вдруг вильнула в сторону и, перескочив через заградительную стенку метнулась под откос. Мгновенно рассыпались стекла. Удар был настолько силен, что капот сплющился в гармошку. Автомобиль несколько раз перекувыркнулся и затих, превратившись в искореженную, бесформенную груду металла. Этого Паркинс уже не видел.

В момент удара машину заполнил ядовитый, неизвестно откуда появившийся, газ, сдавивший горло Паркинсона и вызвавший у него отчаянный предсмертный вопль… Затем сознание его погрузилось во мрак.

Двое полицейских, появившиеся над обрывом через несколько минут после аварии, с недоумением взирали на облако серого газа, обволакивающего разбитый автомобиль.

Он до боли сжал ручку чемоданчика и снова ускорил шаг.

Он стоял на шоссе.

Множество разноцветных огней, вспыхивающих и угасавших, перемещающихся вдоль автострады, придавали ей фантастический вид.

На разных уровнях магистраль, на которую он вышел, пронизывала целая сеть других дорог, извивающихся причудливыми змеями и скрывающимися во мраке ночи. Он направился к ближайшему перекрестку. Внезапно перед ним вспыхнуло табло. Парсонс почему–то был уверен, что оно отреагировало на его присутствие. Зеленые шестидюймовые буквы с цифрами образовывали совершенно непонятную для него комбинацию:

DIN 30 cN, ATR 46 cN, URS 100 cS, EGL 67 cN.

Парсонс тупо посмотрел на эти обозначения и понял, что вряд ли сумеет извлечь из них хоть какую–то информацию. Даже если предположить, что буквы «N» и «S» обозначают соответственно север и юг, а буква «с» — километры, смысл остальных обозначений все равно оставался неясным.

Он подошел к краю шоссе и, опершись руками на парапет, заглянул вниз. Под ним широкой рекой несся поток автомобилей, совершенно неизвестных ему конструкций. Самое удивительное то, что цвет их на разных отрезках шоссе был различным. Это изменение напомнило ему изменение цвета витков спирали, которую он наблюдал стоя на холме.

Парсонс отошел от парапета и неожиданно увидел невдалеке заключенную в прозрачную трубу, уходящую куда–то вверх лестницу. Лестница моментально пришла в движение и уже через пятнадцать минут Парсонс оказался на террасе, с которой открывался вид на ночной город. Это было великолепное зрелище.

Море огней залило все пространство под ними. Не было видно фабричных труб, обозначавших индустриальные зоны, которые так уродовали внешний вид Сан–Франциско. Необыкновенная

свежесть воздуха, его чистота, просто околдовывали. Постепенно потрясение начало проходить. Волной накатилась смертельная усталость. Страх, восторг, тревога сменились безразличием. Ему было все равно: оказался ли он в загробном мире, попал ли в другое измерение или по чьей–то прихоти оказался в далеком будущем. Ясно одно. Здесь нет и не может быть его дома, его семьи, друзей, работы. Он — в чужом, незнакомом мире, предоставленный сам себе благодаря дикой шутке судьбы. Удивительно, будто бы впервые видит, Паркинс окинул себя взглядом с ног до головы. Все что он имел в этом мире было при нем. Незаметно подкралась спасительная мысль.

«Я — врач, хороший врач. Если здесь живут люди, я смогу их лечить, ведь должны же люди болеть.»

Погруженный в свои мысли он не заметил, как эскалатор вынес его вниз на шоссе. Парсонс сделал несколько шагов и вдруг странное предчувствие заставило его резко поднять глаза. Прямо на него, быстро увеличиваясь в размерах, мчался автомобиль.

Яркий свет фар ослепил Парсонса. Не в силах сдвинуться с места, он резко замахал руками. Машина, слегка задев Джима, проскочила мимо

и резко остановилась в десятке метров от него. Толчка оказалось достаточно, чтобы Парсонс оказался на земле. Неожиданно автомобиль тронулся с места и, развернувшись по крутой дуге, оказался рядом с ним. Открылась дверь и показалось удивленное лицо водителя. Не выходя из машины, он молча рассматривал лежащего на земле человека.

Наконец незнакомец нарушил молчание.

— Хин? — звонким мальчишеским голосом произнес он.

Парсонс осторожно приподнялся и сел. Похоже было, что он не сильно пострадал.

— Хин? — повторил водитель уже более твердым голосом.

Одновременно с этим беззвучно открылась задняя боковая дверь.

Судя по всему водитель предлагал Джиму занять место в машине.

Парсонс поднялся и подошел ближе.

Только теперь он смог нормально рассмотреть сидевшего за рулем человека.

Это был юноша, скорее подросток. Верхняя часть его лица была явно европейского типа, однако широкие скулы выдавали примесь азиатской крови. Цвет кожи скорее подходил по-

линезийцу, а вьющиеся черные волосы — негру. Парсонс, считавший себя неплохим знатоком антропологии, вряд ли сумел бы определить его расу. Юноша был одет в красные, обтягивающие бедра брюки и пеструю разноцветную тунику, спереди которой был вышит раскинувший крылья орел, внизу красовались крупные буквы «EGL».

Парсонс поймал себя на мысли, что его новый знакомый ему не понравился. Мысль о том, что он специально направил на него свою машину, не давала ему покоя. И все–таки, повинуясь скорее инстинкту, нежели разуму, он занял место в автомобиле.

Дверь закрылась, водитель произнес несколько неразборчивых слов и машина сорвалась с места. Стартовая скорость автомобиля была таковой, что Парсонса вдавило в сидение. Повернувшись головой к окну, он наблюдал за мелькающими снаружи огнями.

Мысль о том, что его хотели только что убить не покидала его.

2

Они ехали молча и к Джиму, который уже полностью пришел в себя, вернулась способность анализировать ситуацию.

Все было как нельзя плохо. Он чуть не погиб и теперь сидя рядом с представителем неизвестной ему цивилизации, мчится навстречу неизвестности, которая впрочем его и не очень пугала.

— Фюр венис а тартус? — фраза, произнесенная водителем, мгновенно вывела Парсонса из оцепенения.

Несмотря на то, что Джим не понял ни одного слова, этот язык показался ему до удивления знакомым. Казалось, что вот–вот он ухватит смысл сказанного.

— Е клейдис повей ен сагис новатс? Фюисди хист? — теперь уже медленно, с явной расстановкой слов проговорил юноша.

— Синтетический язык! Ну конечно же! — внезапно осенила Парсонса счастливая мысль. — Гибрид всех языков — язык будущего, как же я не понял сразу!

Джим знал четыре языка, что по его мнению, могло дать ему возможность включиться в про-

цесс общения с окружающим миром в самые короткие сроки.

— Меня зовут Джим Парсонс. Я здесь никогда не был. Где я?

Этот вопрос он задал на английском и повторил по–французски. Водитель удивленно посмотрел на него.

— Ты хотел убить меня? — эта фраза прозвучала на латыни.

Его собеседник медленно пожал плечами.

— Фюр их…

И все–таки что–то изменилось в его голосе, и это что–то очень насторожило Парсонса. Он уже понял, что таким образом вряд ли чего–то добьется. Он опять почувствовал страх.

А между тем автомобиль выехал на весьма оживленную магистраль. Впервые Парсонс увидел прохожих. Это были не одиночки, спешащие по своим делам, а целые толпы молодых мужчин и женщин, слоняющихся вдоль шоссе по широким тротуарам, вдоль ярко освещенных витрин, уходящих ввысь небоскребов.

Водитель резко сбросил скорость и Джим смог разглядеть окружающую его публику. Те, кого он видел, удивительно походили друг на друга. Примерно тот же возраст, что у его нового зна-

комого, тот же тип лица и цвет кожи, да и одеты они были в узкие брюки и туники, на которых виднелись изображения различных животных, птиц и рыб. Джим сразу обратил внимание на то, что люди, помеченные одними и теми же животными держались отдельными группами. Было во всем этом какая–то клановость.

Машина остановилась. В салоне зажегся свет. Водитель медленно повернулся к Джиму. Внезапно его лицо исказила гримаса брезгливости.

— Не бист сик?!

Эта фраза была сказана настолько громко, что часть прохожих, стоявших поблизости, обернулась в их сторону.

— Ие бист сик! — еще громче, срываясь на крик произнес юноша.

Парсонсу показалось, что он узнал последнее слово. Да и тон, которым были сказаны эти слова, выражение лица юноши, не оставляли никакого сомнения.

— Я больной? — удивленно переспросил Джим. — Нет, я не больной, я вполне здоров.

Однако водитель уже не слушал его. Казалось он впал в истерику. Парсонс с беспокойством посмотрел вокруг и увидел, что около машины собираются любопытные. Дело принимало се-

рьезный оборот.

— Послушай, друг... — как можно мягче обратился он к водителю.

Однако тот, казалось, и не слышал его слов. Повернувшись вполоборота к приборной доске, он быстро нажал какую–то кнопку и дверь рядом с Парсонсом открылась.

Юноша явно указывал ему покинуть машину. Нехотя, Парсонс приподнялся с сидения, однако, выглянув наружу, быстро сел обратно. То, что он увидел не на шутку испугало его. Это были лица людей, собравшихся вокруг автомобиля. Так же как и на лице водителя, на них застыла смесь отвращения и ужаса. Ропот в толпе усиливался. Женщина, стоявшая ближе всех к Джиму, осторожно коснулась рукой его лба и тут же отдернула ее.

Парсонс все понял. Их испугала его белая кожа. Конечно, для этой темно–коричневой публики он либо больной, либо редкий урод. Толпа увеличивалась. В ее поведении явно появилась агрессивность.

Джим вцепился в плечо водителя.

— Вы не можете оставить меня здесь, — взмолился он запинающимся голосом, — они меня убьют.

Вряд ли юноша понял, что говорил Парсонс, однако его умоляющий тон очевидно подействовал на него.

Дверь резко зарылась и машина рванула с места.

Будучи не в силах унять дрожь во всем теле, Джим откинулся на спинку сидения.

— Спасибо, — пробормотал он.

Его собеседник полностью проигнорировал проявление благодарности, продолжал гнать машину по шоссе.

Неожиданно свет за окнами начал пропадать: они свернули на темную неосвещенную дорогу.

Проехав около мили, машина остановилась. Дверь рядом с Парсонсом вновь открылась. Он понял, что на этот раз поездка для него закончилась.

— Еще раз благодарю, прощайте, — произнес он, неуверенно протягивая руку.

Юноша никак не прореагировал на эти слова, продолжая смотреть в темноту, которая простиралась перед лобовым стеклом автомобиля.

Парсонс медленно вылез из машины. Дверца со свистом захлопнулась и автомобиль рванул с места.

Джим огляделся по сторонам. Вокруг никого не

было. Сквозь темноту проглядывались силуэты неосвещенных приземистых сооружений. Стояла полная тишина и только шелест бумаги проносимой ветром мимо его ног иногда ее нарушал. Сзади раздался какой–то шум. Парсонс резко обернулся и увидел проносящийся невдалеке знакомый автомобиль. На мгновение он остановился, дверца водителя открылась и к ногам Джима полетел какой–то предмет. Затем мотор взревел и машина скрылась из виду так же внезапно, как и появилась. Парсонс наклонился и подобрал то, что ему бросили. Это был его серый чемоданчик. Присев на корточки, он положил его себе на колени, стер рукавом прилипшую грязь и бережно открыл крышку. Вспыхнувшая лампочка осветила содержимое. Джим облегченно вздохнул. Все было на месте. И кажется ничего не пострадало. Вид медицинских инструментов, лекарств и разных принадлежностей, аккуратно разложенных по ячейкам приободрил его. Он перестал чувствовать себя таким беспомощным.

Бережно опустив крышку, он встал и пошел к ближайшему строению. Подойдя к нему вплотную, он разглядел одноэтажное приземистое здание, вход в которое был закрыт массивными двустворчатыми дверями. Все это очень напоми-

нало склад или ангар. Опять у его ног зашелестела бумага. Парсонс нагнулся и поднял обрывок, судя по всему листовки. На ней была изображена фотография человека. Ниже шел текст. Достав из кармана миниатюрный фонарик, он принялся изучать содержимое. Он не ошибся, полагая, что язык этой местности ему чем–то знаком. Текст был напечатан латинскими буквами и при внимательном прочтении был вполне понятен. Это была смесь итальянского, испанского и английского языков, преобразованная под латынь.

Парсонс аккуратно сложил обрывок и сунул его в карман. Будет время — он займется этим языком. А сейчас нужно подумать о пище и ночлеге.

Ангар, перед которым он стоял, явно был пуст и прочно заперт. Джим пошел вдоль тротуара. Вскоре он натолкнулся на довольно–таки внушительную кучу мусора, лежащую прямо посреди тротуара. Пошарив руками в темноте он нашел металлический прут и принялся разбрасывать им мусор, освобождая себе проход. Внезапно где–то внизу загудел мотор. Мусор медленно заколебался и начал проваливаться под землю.

Через минуту тротуар был чист. Как ни присматривался Парсонс, никаких следов мусороуборочной машины он не заметил. Удивленно

пожав плечами, он пошел дальше.

Вскоре он увидел полоску света, пробивающегося из–под закрытой двери точно такого же ангара, который он уже осматривал. Подойдя к ней, подергав ручку, он убедился, что она закрыта на замок. Делать было нечего и Парсонс открыл свой чемоданчик.

Осмотрев инструмент, он остановился на лазерном скальпеле с автономным питанием. Прошитый в нескольких местах лазерным лучом, замок вышел из строя и Джим медленно открыл дверь. На мгновение его ослепил яркий свет. Когда зрение вновь вернулось к нему, Парсонс увидел огромное ярко освещенное пустое помещение возле входа в которое, используя пустые короба как стулья, сидела группа мужчин и женщин. Один из них, мужчина лет тридцати, высокий, стройный негр с европейскими чертами лица, наливал из графина в стакан сидящей перед ним женщины какую–то прозрачную жидкость.

Внезапно он повернул голову и встретился взглядом с Парсонсом. Мужчина резко отдернул графин. Сидящие, словно повинуясь беззвучной команде, так же повернулись и посмотрели на Джима. Несколько секунд длилось это замешательство, после которого трапеза возобновилась,

как ни в чем не бывало.

Удивленный таким невниманием, Парсонс медленно подошел к сидящим и остановился в трех футах от них. Компания совершенно не реагировала на его присутствие.

— Здравствуйте, — негромко произнес Джим. Ответа не последовало.

— Здравствуйте, — громче произнес он, начиная выходить из себя перед лицом безразличия сидящих перед ним людей к его персоне.

Сидевшая к нему спиной девушка повернула голову и прищурила голубые глаза. Что–то сказала на своем языке. Не услышав ответа, она повторила эту фразу еще раз. Наконец до Парсонса дошел смысл сказанного. Судя по всему его просили закрыть дверь. Немного обрадованный тем, что наконец–то начал понимать местный язык, Джим захлопнул дверь. Когда он обернулся, компания уже смотрела на него, оставив в покое лежавшую на цементном полу пищу.

Молодой человек, одетый в красивую яркую одежду, медленно встал со своего импровизированного стула и подошел к Парсонсу. Посмотрев ему прямо в глаза, он улыбнулся и неожиданно прошептал прямо в ухо:

— Мы знаем кто вы такой.

Джим вздрогнул и удивленно посмотрел на него.

— Да, да, мы знаем кто вы такой! — уже громко повторил юноша.

Сидевшие дружно закивали головами в знак согласия.

— И кто я? — рассеянно произнес, совершенно сбитый с толку Парсонс.

— Разве вы не знаете? Вы опина…

— Кто, кто?

— Опина — третий, — вмешалась в разговор уже знакомая девушка, — но, поверьте, нам это совершенно безразлично.

— Нам безразлично, — добавила она после некоторой паузы, — хотя бы потому, — ее голос упал до шепота, — что нас здесь нет.

Парсонс почувствовал как озноб пробежал по его телу. Не хватало еще попасть в общество умалишенных. Медленно он стал пятиться к двери.

— Если вас здесь нет, то с кем же я говорю?

— Это всего лишь иллюзия, — продолжала девушка, — самая обыкновенная иллюзия.

Компания закивала в знак согласия.

— И учтите, — подал голос щеголеватый юноша, — мы вас не боимся.

— Не боитесь? Меня? А почему вы должны меня

бояться? — Парсонс был совершенно растерян.

— Потому что вы пришли сюда нас остановить. Но учтите, вы не сможете этого сделать.

В мозгу Парсонса мелькнула догадка о том, что его приняли за кого–то другого. Стало немного спокойнее.

— Мне кажется, он нам не верит, — подала голосок одна из женщин. Она поставила стакан на пол, встала и подошла к Джиму. — Попробуйте прикоснуться ко мне.

— Зачем? — Парсонс спиной ощутил спасательную дверь.

— Вы убедитесь, что я иллюзорна, что я фантом. Дотроньтесь же!

Парсонс медленно поднял руку и тут же отдернул ее.

— Ну, если вы боитесь, я сама дотронусь до вас и вы увидите, как моя рука пройдет сквозь ваше тело, — женщина резко ткнула пальцем его в грудь.

К ее величайшему удивлению и даже ужасу проникновения сквозь тело Парсонса не произошло.

Все на мгновение застыли, наступила гробовая тишина. Первым ее нарушил щеголь:

— Друзья, он нас действительно нашел! Он

реален!

Теперь уже все сидевшие встали со своих мест и вплотную обступили Парсонса.

Джим, прижавшись спиной к двери, приготовился к худшему.

3

Зловещее молчание наконец–то было нарушено стройной, высокой девушкой в зеленой полупрозрачной тунике.

— Мы были уверены, что вы будете искать нас на улице Фингал, где имеется наше отображение. Однако вы попали сразу сюда. Кто вам сказал, что мы здесь?

— Поймите, господа, я посторонний человек и попал сюда совершенно случайно. Я не знаю, кто вы такие, и уверен, вы не знаете, кто я.

— Кто ты мы знаем, — гортанным голосом произнес низкорослый юноша, стоявший немного поодаль от всей компании — ты шюпо.

— Конечно же шюпо, — подтвердил щеголь и глаза его зловеще сверкнули.

Джим не понял, что означает этот термин, однако чутье подсказало ему, что употребляется он в отрицательном контексте.

— Я не шюпо, — как можно увереннее ответил он.

— Но кто кроме шюпо, надев маску, заберется в помещение невзирая на закрытый замок? — щеголь обернулся к компании в поисках поддержки.

Его товарищи одобрительно закивали.

— Какая ужасная белая маска! — с мрачным отвращением произнесла высокая девушка, — у нас тоже есть маски, но не такие мерзкие.

Миниатюрная женщина, подойдя к Парсонсу, вытянула вперед правую руку с поднятым вверх большим пальцем и капризно произнесла:

— С ним пора кончать, шутка слишком затянулась.

Вокруг одобрительно закачали головами.

В руке говорившей сверкнул нож.

— Что ему отрезать сначала? — тем же капризным голосом спросила она, обращаясь скорее к Парсонсу, чем к своим друзьям.

Джим прислонился спиной к стене

Мысли смешались в его голове.

«Вот так попал, город преступников, век цивилизованного варварства».

Он вспомнил про мальчишку в автомобиле, который пытался его раздавить. Уже второй раз в этом городе его жизнь оказалась под угрозой.

«Черт с ним, пусть режут. Не они, так кто–нибудь другой, в другом месте. Все равно здесь я не жилец.»

Он закрыл глаза и приготовился к боли.

— Не надо торопиться, — вдруг произнес кто–то

твердым властным голосом, — мы всегда успеем его разрезать.

Парсонс открыл глаза и отыскал взглядом говорившего. Голос принадлежал мужчине, а не юноше, до этого молча стоявшего в углу и не вмешивавшегося до поры в происходящее.

Теперь он выступил вперед и оказался между девушкой с ножом и Джимом.

Наступила тишина.

— Вы здесь кого–то искали?

Парсонс отрицательно мотнул головой.

— Значит, вы рассчитывали, что здесь никого нет?

Мужчина сделал небольшой глоток из своего стакана и задумчиво посмотрел в глаза Парсонсу.

— Цвет вашей кожи, — глубокомысленно произнес он, — может свидетельствовать о какой–то тяжелой болезни. Однако в остальном у вас вид здорового человека. Можно подумать, что вы — альбинос, да и глаза у вас как у альбиноса. И все–таки больше всего меня удивляет ваша одежда. Так одевались, наверное, в тысяча девятьсот десятом году.

— В две тысячи десятом году, — выдавил из себя Джим.

— Неважно, — улыбнулся незнакомец, — разница небольшая.

— Тогда скажите мне, какой сейчас год? — осмелел Парсонс.

— Ну, теперь все понятно, — его собеседник повернулся к толпе, молча стоявшей за его спиной, — все не так уж страшно. Мы свидетели пространственно–временного феномена. А поэтому я думаю, что нам необходимо прежде всего починить замок, а уж потом все обсудить на свежую голову.

Он опять повернулся к Парсонсу.

— Сейчас две тысячи четыреста пятый год… Вы первый человек, с которым происходила подобная история. Насколько мне известно, до сих пор перемещались предметы и некоторые животные. Иногда на улицах появлялись лягушки — вымершие существа, потом они также неожиданно исчезали, сбивая с толку наших ученых. До сих пор это необъяснимо.

Он пожал плечами и снова улыбнулся:

— Меня зовут Вад.

— Парсонс, — ответил Джим, выдавливая из себя улыбку.

— Ну, что ж, — Вад приподнял свой стакан, — добро пожаловать господин Парсонс в наше

общество.

— Вы политическая группа? — Джим задал вопрос, который давно его мучил.

— Вы угадали. Я стою во главе этих людей, которые поставили перед собой цель переделать общество. Не буду говорить о нашей программе. Вы все равно не в состоянии будете его оценить. Скажу только, что находиться вместе с нами и делать то, что делаем мы весьма опасно. Ну что, господин Парсонс, у вас появилось желание поскорее уйти отсюда?

Произнося эту речь, Вад постоянно поглядывал на стоящих за ним людей, как бы испрашивая их поддержки. Те молчали, однако многие одобрительно качали головами.

— Боюсь, господин Вад, — после небольшой паузы ответил Парсонс, что покинув вас я окажусь в еще большей опасности.

Он дотронулся рукой до своей щеки.

— Всему виной — цвет моей кожи. Однако, если вы будете столь любезны и предоставите мне некоторое время, я постараюсь что–то с этим сделать.

— Конечно, можете делать все что хотите, — Вад, судя по всему, ожидал услышать именно такой ответ, — но оставшись у нас, вы будете

вынуждены подчиняться строгим правилам, которые могут прийтись вам не по вкусу. Все–таки вы не совсем человек…

— Вы хотите сказать, — медленно заговорил Джим, — что все кто не относятся к вашему роду, допустим роду Орла, а именно его изображение я вижу на ваших одеждах, являются врагами и подлежат безжалостному уничтожению? Но это я уже понял. Это явно в духе вашего идола.

— Не совсем так, — мягко перебил его Вад, — все соответствующие группы объединены одной единственной целью — адаптироваться и выжить. А что касается орла — так никто из присутствующих здесь никогда не видел этой птицы. Названия наших групп достались нам в наследство от Великой войны и начавшейся после нее Эпохи мракобесия.

— Так я могу заняться своим делом, — прервал его разглагольствования Парсонс, доставая из чемоданчика пульверизатор.

— Вас никто не выгоняет, — равнодушно ответил Вад и, повернувшись, направился к центру помещения, остальные, сбившись в кучу, последовали за ним.

Внезапно раздался скрип открывающейся двери и на пороге появилась молодая женщина.

Завидя Джима, она попятилась назад и замерла, широко раскрыв глаза от удивления.

— Кто вы? — произнесла она дрожащим шепотом.

Парсонс огляделся в поисках Вада. Но тот уже был возле него.

— Не волнуйся, Икара. — Казалось, голос Вада вернул женщину к жизни. — Это не больной и не шпион. Перед тобой перемещенное во времени существо по имени Парсонс. А это, — теперь он обращался к Джиму, — моя самая близкая подруга — Икара.

Икара, обогнув по большой дуге Парсонса, который молча стоял перед нею, подошла к Ваду и протянула ему два пакета, которые принесла с собой.

— Почему он такой белый? — ее вопрос был скорее адресован Джиму, а не Ваду.

— Все очень просто, моя госпожа, — Парсонс говорил медленно, старательно выговаривая каждое слово, — во времена, из которых, ну скажем так, меня вытащили, на Земле существовало три расы: белая, черная и желтая. Я принадлежу к белой.

— Мне тяжело вас понять, — Икара нахмурила свой лобик, — да еще и язык, на котором вы го-

ворите, он такой странный. И что это за коробка у вас в руках?

— Это пульверизатор, — Парсонс поднес его к щеке и нажал на кнопку, — смотрите, крем оседает на лице и оно приобретает коричневый цвет.

— А как вы собираетесь уничтожить ваш запах? — вопрос был настолько неожиданным, что струя крема пролетела мимо лица Джима.

— Запах? — недоуменно переспросил он.

— Да, да, именно запах, от вас сильно отдает плесенью.

— Скорее гнилыми овощами, — уточнил кто–то.

— Не могу понять, это воняет от вас или от вашей одежды? — бесцеремонно продолжала Икара, — такое ощущение, что вас выкопали из земли. Так–то оно лучше, — отметила она, когда он закончил процедуру опрыскивания лица, — теперь хоть его можно принять за человеческое существо.

Видя, что Парсонс молчит, она вновь обратилась к Ваду.

— И что ты собираешься с ним делать? Он же создаст нам ряд проблем. Куб наверняка выйдет из равновесия, да и вообще, сможет ли он внедриться в сосуд? Кстати, кто мне объяснит, почему

открыта дверь?

— Он сломал замок, — хмуро произнес Вад.

— Это очень опасно? — наконец заговорил Парсонс.

— То что открыта дверь?

— Нет, то что я отличаюсь от вас?

— Еще бы, — раздраженно передернув плечами ответила Икара, — здесь опасно для любого, не принадлежащего к нашей общности. Между прочим, этот цвет вам идет, если бы вы еще научились правильно говорить…

— Это действительно проблема, — задумчиво перебил ее Вад, — он не знает даже того, что должен знать годовалый ребенок.

Он удрученно покачал головой.

— Парсонс, сколько вам лет?

— Тридцать два.

— Тридцать два? — Вад и Икара обменялись быстрыми взглядами, — в это невозможно поверить. Впрочем, глядя на вас, начинаешь верить во что угодно. Ну что с ним делать? Его нельзя внедрить ни в одно из племен. Он все перевернет. Правительству это явно не понравится.

— Ну, знаете ли, — вдруг взорвался Парсонс, — мне надоело это слушать. Взгляните сюда, — он откинул крышку своего чемоданчика и провел

рукой по лежащих внутри инструментах. — Неужели здесь это никому не пригодится? Не знаю в каком состоянии находится ваша медицина, но насколько я понимаю, врач с десятилетним стажем требуется везде!

— Вы… врач? — Вад был явно озадачен. — Что это означает?

Теперь пришло время удивляться Парсонсу.

— Ну, как вам сказать? Врач, он же доктор, медик, ну, как еще…

Внезапно заскрипела дверь, снаружи послышались голоса.

— Быстро! Бежим! — закричал Вад, толкнув Парсонса в сторону выхода.

Джим так и не успел сообразить, что произошло, как резко открывшаяся дверь сбила его с ног.

В дверном проеме стоял человек, одетый в зеленую униформу. Голову его закрывал шлем с прозрачным защитным забралом, сквозь которое проступали карикатурные черты лица.

— Парсонс! — услышал Джим голос Вада, — спасайся! Это шюпо!

Пришелец повернул голову в сторону Парсонса и медленно поднял, сжимаемый в руке, металлический прут. Однако Джим опередил его. Удар

ногой пришелся прямо в пах шюпо, отчего тот согнулся пополам и осел на пол.

В помещение ворвались еще двое в униформе. Парсонс начал медленно пятиться назад, прикрываясь как щитом своим чемоданчиком. Но внимание шюпо привлек не он, а их коллега, корчившийся возле дверей.

Мгновение и град ударов металлическими прутьями обрушился бедняге на голову. Раскололовшийся шлем отлетел в сторону, обнажив окровавленную безжизненную голову. Еще несколько ударов и все было окончено. Этого времени потрясенному Джиму хватило для того, чтобы прийти в себя и укрыться за одной из опор здания, прикрытой к тому же и открывшейся дверью. То, что произошло дальше, было ужасно. Через дверной проем в помещение врывались все новые и новые солдаты. Заговорщики, загнанные в дальний угол, даже не пытались сопротивляться. Методично, как на бойне, шюпо обрушивали на них беспощадные удары. Внезапно их живой круг нарушили два человека — мужчина и женщина. Не обращая внимания на удары, они побежали к двери.

Парсонс с трудом узнал в этих окровавленных, избитых людях Вада и Икару. Четверо шюпо

отделились от основной группы и бросились за ними. Несколько метров не хватило беглецам, чтобы достичь двери. Настигнутые преследователями, они упали на пол и снова в воздухе замелькали прутья. Через пару секунд два тела перестали подавать признаки жизни. Шюпо, удовлетворенные своей работой пошли помогать коллегам уничтожать остальных. Внезапно Вад слабо зашевелился. Медленно поднялась окровавленная голова и его взгляд встретился со взглядом Джима.

— Парсонс… — услышал он хриплый шепот умирающего, — умоляю… ее, Икару, спаси.

Голова упала на пол и Джим понял, что Вад мертв.

Стараясь не привлекать внимания, Парсонс выполз из своего укрытия и оказался рядом с Икарой. Вид ее был ужасен. Одежда превратилась в лохмотья, красивые волосы были залиты кровью. Присмотревшись, он заметил, что грудь ее слегка колеблется. Девушка была жива. Резко взвалив ее на плечо, подхватив чемоданчик, Джим выскочил из зала.

Снаружи шюпо не было. Вокруг стояли пустые машины, да толпа любопытных с противоположного тротуара наблюдала за ходом «операции».

Оглядевшись вокруг, Парсонс побежал прямо на них. Зеваки расступились, освободив проход и как ни в чем не бывало принялись вновь обсуждать продолжающуюся бойню. Джим бежал не чувствуя своих ног. Единственное, что ему хотелось, это оказаться подальше от этого страшного места. Ночь и плохая освещенность улиц были его союзниками. Тела Икары он почти–что не чувствовал, молодая женщина весила очень мало. Однако усталость дала о себе знать. Он остановился, положил девушку на тротуар и сел рядом. Окровавленные волосы откинулись со лба Икары, открыв ее лицо. Было удивительно, что оно не пострадало. Несмотря на весь драматизм ситуации, Парсонс не мог не залюбоваться им. Она была удивительно красива. Совершенно правильные черты лица, чуть приоткрытые правильные губы, обнажали ряд безупречных, ослепительно белых зубов. Небольшой европейский прямой нос и гладкий без единой морщинки лоб. Джим нащупал пульс и ощутил слабые удары сердца.

Отдышавшись, он снова взвалил Икару на себя и твердым шагом направился в сторону ярко освещенной улицы.

Через несколько минут он уже оказался в мно-

голюдном месте. Прохожие не обращали на него и его странный груз никакого внимания и Джим немного успокоился. Заметив впереди себя высокое здание, через двери которого поминутно проходили люди, он направился к нему. Войдя внутрь Джим осмотрелся. Было похоже, что он находился в холле гостиницы. Увидев стоящий в глубине помещения диван, он подошел к нему и бережно уложил Икару.

Особенного удивления у окружающих его поведение не вызвало. Лишь один человек, выделявшийся из общей массы своим ослепительно белым, не имевшем никакой эмблемы, костюмом, наблюдал за ними.

Парсонс прикоснулся к шее Икары — пульс не прощупывался. Быстро открыв свой чемоданчик, он извлек из него стимулятор сердечной мышцы. Ни секунды ни задумываясь, он разорвал тунику Икары, обнажив небольшие упругие груди. Приставив стимулятор к левому боку раненной, он активировал его.

Через пятнадцать секунд индикатор прибора показал, что сердце вновь заработало. Парсонс облегченно вздохнул и вытер пот со лба.

Теперь за Икару можно было не волноваться.

Достав шприц, он приготовился вводить ей

противостолбнячную сыворотку.

4

— Могу ли я вам чем–нибудь помочь? — услышал Джим властный спокойный голос.

Парсонс поднял голову.

Человек в белом костюме стоял рядом и внимательно наблюдал за манипуляциями врача.

Джим отрицательно покачал головой.

— Все что нужно я уже сделал, — он медленно поднялся, скоро она придет в себя!

— Вы уверены в том, что все сделали правильно? — спросил незнакомец, голос его по–прежнему был вежлив, однако Парсонсу послышалось в нем неодобрение. — Вам необходимо вызвать дежурного эвтанатора.

Шел бы ты к черту, подумал Джим, однако вслух произнес:

— Благодарю, я справлюсь сам.

Все это время привычными движениями ловко вскрывая пузырьки с мазями, он смазывал раны на коже Икары.

— Я вижу вы большой специалист своего дела, — уже помягче произнес незнакомец, — позвольте представиться — Аль Стеног.

— Эти раны, — Парсонс провел пальцами,

смазанными мазью, вдоль только что продезинфицированной длинной раны на шее, — не представляют большой опасности. Жизненные органы не задеты.

Юноша с сомнением покачал головой.

— И все–таки я думаю, надо идти за эвтанатором. Удивительно, что до сих пор его никто не привел.

— Он здесь не нужен, — Парсонс начинал терять терпение.

— Впрочем, как хотите. Это ваше дело.

Во время всего разговора молодой человек с интересом разглядывал Джима.

Интересно, чего это он так в меня уставился. Цвет кожи у меня такой же, как и у него. Может быть мой диалект? Хотя… боже мой, глаза! Их не переделаешь.

— Я вам назвал свое имя, однако не услышал вашего, — после некоторой паузы продолжил Стеног.

— Парсонс.

— Странное имя. Что оно означает?

— Ничего.

— Как ничего? — юноша был явно озадачен, — весьма… весьма интересно. Кстати, а вот и эвтанатор.

Парсонс оглянулся. Безукоризненно одетый человек, сжимающий в руках какие–то инструменты, быстрым шагом направился к ним.

— Приношу извинения за опоздание, у меня был срочный вызов, — скороговоркой произнес он, окинув взглядом лежавшую на диване Икару. — Где это произошло? Здесь в отеле или в другом месте?

— На улице, — ответил за Парсонса Стеног.

— Это был несчастный случай или нападение? — продолжал допрос эвтанатор.

Парсонс молчал, все его внимание было приковано к Икаре. Она была жива, жива несмотря ни на что. Благодаря его умению, опыту, его таланту. Человеческая жизнь спасена и эти два человека, стоявшие рядом, были свидетелями его мастерства.

Эвтанатор, казалось, был ошеломлен тем, что увидел.

— Ничего не понимаю. Впервые сталкиваюсь с подобным. Кто вы и где всему этому научились? — Он повернулся к Стеногу. — Я не могу понять, что он делает. И эти странные инструменты, — он указал пальцем на медицинские принадлежности Джима.

— Может быть Парсонс доставит нам удоволь-

ствие и посвятит в свои секреты, — вкрадчиво заговорил Стеног, — конечно же не сейчас и не здесь. Но все–таки я надеюсь!

— Вас интересует кто я и откуда?

Стеног ухмыльнулся.

— Здесь недавно была полиция. Похоже, у вас неприятности. Эта женщина, — он кивнул в сторону Икары, — вполне может быть замешана. Значит, вы обнаружили раненную и привели ее сюда, в отель?

Парсонс молчал.

К Икаре постепенно возвращалось сознание.

Ее глаза открылись, сжатые в кулаки руки медленно разжались.

Эвтанатор был поражен.

— Этого не может быть! Что все это значит?!

Он посмотрел на Стенога, который был удивлен происходящим не меньше его.

— Так и должно быть, — теперь уже улыбнулся Парсонс, — удивляться нечему. Все прошло успешно. А вы, вместо того, чтобы пялить глаза, помогли бы найти постель для этой женщины. Раны будут еще долго заживать.

— Значит она будет жить? — наконец вымолвил Стеног.

— Ну, конечно. Она выздоравливает. Что же

здесь непонятного?

— Насколько я понимаю, вы вылечили эту особу при помощи инструментов из вашего чемоданчика. Я изумлен, — он обменялся коротким взглядом с эвтанатором, — а вы отдаете себе отчет в том, что сейчас же будете арестованы?

В его голосе явно зазвучала угроза.

— И этим я займусь сам. Вы можете идти, — бросил он эвтанатору, — когда понадобятся свидетельские показания, бюро вас вызовет… А что касается вас, — он повернулся к Парсонсу, — то вы арестованы.

Говоря эти слова, он достал из кармана предмет, внешне напоминавший приспособление для разбивания яиц и направил его на Джима.

— Следуйте за мной!

— Вы шутите? — теперь настал черед удивляться Парсонсу.

Вместо ответа Стеног поднял свое оружие и направил его прямо в лоб Джима.

Стало ясно, что никто шутить не собирается. Повинуясь здравому смыслу, Парсонс поплелся к выходу.

— Учтите, — услышал он за собой голос Стенога, — если вы излечите еще кого–нибудь из этих людей, будете ими же уничтожены. А впрочем,

сами должны знать на что идете.

Конечно же он сумасшедший, — мелькнула мысль в голове Джима, — как и весь этот мир, в котором он живет.

Им вновь овладел ужас.

В комнате, освещенной тусклым светом, развалившись в мягких креслах, сидели два человека, внимательно вглядываясь во фразы, периодически появлявшиеся на экране дисплея.

Один из них — мужчина, медленно поднялся.

— Да, — полным горечи голосом произнес он, — мы опоздали. Произошло смещение по фазе. Темподрага не осуществила соединение и вот он застрял в межплеменной зоне.

Он нажал на кнопку и бегущая строка остановилась.

— А как же ребята из команды скорой помощи? — вторым собеседником была женщина, — почему они до сих пор не прибыли на место? Ведь они могли поставить преграду прямо на улице. Уже сколько времени прошло с тех пор, как он был замечен и было послано экстренное сообщение.

— Слишком долгий и специфический способ контакта, — расхаживая взад и вперед по мягкому ковру бросил мужчина, — разве что только

действовать открыто.

— Они уже не успеют, — она нажала на кнопку и экран погас, — когда они начнут действовать, он уже будет мертв. Боюсь, Хельмар, что все складывается для нас неблагоприятно. К сожалению, мы проиграли.

Он на мгновение открыл глаза и, ослепленный ярким светом, снова их зажмурил.

— Назовите ваше имя… ваше имя.

Он стиснул зубы.

Кто–то рядом ответил за него.

— Джеймс Парсонс.

Голос был знаком. Он не был наверняка уверен в этом, однако это напомнило ему…

— Возраст.

— Тридцать два года.

Теперь он узнал. Это был его собственный голос. Парсонс отвечал на вопросы не осознавая, что говорит, помимо своей воли.

— Место рождения.

Он опять открыл глаза, однако тут же зажал их ладонью. Свет был нестерпимым. Однако он успел заметить силуэты людей в ореолах белого сияния.

— Чикаго, штат Иллинойс.

— День, месяц, год?

— Шестнадцатое октября тысяча девятьсот восьмидесятого года.

— Братья, сестры?

— Нет.

Вопросы сыпались один за другим.

Он отвечал. Постепенно привыкнув к обстановке, Джек снял ладонь с глаз и увидел перед собой человека, сидящего за столом, на котором стоял включенный магнитофон.

— Хорошо, мистер Парсонс, — заключил следователь, откидываясь на спинку стула.

— Доктор Парсонс, — уточнил голос. Джек Парсонс улыбнулся. Допрашивающий был невозмутим.

— Достаточно, — он нажал на клавишу магнитофона, — пройдите в комнату номер тридцать четыре, там с вами продолжат работу.

Парсонс устало поднялся со стула. Он был в одних трусах. Белое тело резко контрастировало с обработанным коричневым кремом лицом, руками и шеей. Парсонс про себя выругался. Конечно, он должен был это предусмотреть. Однако менять что–либо было поздно.

Он вышел из комнаты и направился в другой конец коридора. Дверь номер тридцать четыре автоматически открылась при его приближении.

Когда Парсонс пересек порог, у него появилось ощущение, что он попал в квартиру. У противоположной стены стоял клавесин, возле окна, из которого открывался вид на город, расположился покрытый подушками диван. Две стены занимали стеллажи с книгам. Над клавесином висела репродукция картины Пикассо голубого периода. На диване и в креслах, расположенных в комнате, сидели люди — мужчины и женщины. Все они внимательно смотрели на вошедшего. У окна стоял Стеног, углубившийся в чтение каких–то бумаг. Увидев Джима, он небрежно бросил бумаги на диван.

— Я узнал, что вы, Парсонс, обладаете уникальными способностями. Вы можете менять внешность людей и даже устранять врожденные отклонения и уродства.

— Вполне… и я…

Стеног не дал ему договорить.

— Я просмотрел имеющиеся в наших архивах документы по вашей эпохе. С точки зрения терминологии ясно все. Мне ясны ваши функции, но совершенно непонятна идеология. Какой смысл в лечении людей? — он принялся ходить по комнате. — Эта девушка, Икара, она должна была умереть. А вы лишили ее этой возможности

и сохранили ей жизнь. Неужели в ваше время это считалось естественным и официально санкционировалось?

— Неужели ваша профессия была уважаемой? — спросил один из присутствовавших.

Стеног, не обращая внимания на эту реплику, продолжал.

— Я не верю, что общество могло одобрять подобную практику. Наверняка вы член какой–то секты, занимающейся лечением друг друга.

— То, что вы говорите, полная ерунда, — Парсонсу надоело слушать этот бред, — медицина — одна из самых почетных наук, а профессия врача всегда пользовалась уважением.

Присутствующие, казалось, пришли в полное смятение.

— Это отклонение от нормы! — крикнул, не в силах сдержать свой гнев, Стеног, — нельзя допускать лечение людей, никто не имеет право искусственно продлевать жизнь другого человека!

— Не удивительно, что их общество было подавлено! — в тон ему воскликнула некая молодая особа, — меня поражает, что оно еще так долго держалось.

Стеног покачал головой.

— Это все доказывает, что культурные формации изменяются почти бесконечно. Мысль о том, что такое общество вообще могло как–то существовать даже не укладывается в сознании. Хотя приходится смириться с мыслью, что эта эпоха была, и только благодаря техническому прогрессу, осталась позади. Ясно одно, перед нами не сумасшедший. Я могу поверить, что в свое время он был уважаемым человеком, а его профессия была весьма престижной.

— С интеллектуальной точки зрения, я это могу понять, — капризным тоном заявила его собеседница, — однако с эмоциональной — никогда!

Лицо Стенога исказилось болезненной гримасой.

— Интересная деталь, Парсонс. Ваши ученые мужи посвящали себя работам по сокращению рождаемости. Кажется было такое понятие — противозачаточные средства: химические и механические, препятствующие образованию зигот в фаллопиевой трубе.

— Дело в том, что мы…

— Расмор! — вдруг завопила женщина, сидевшая в углу дивана. Лицо ее побелело от негодования.

Парсонс вздрогнул от неожиданности. Это

слово ему ничего не говорило, но за ним явно чувствовалась угроза.

— Вы припоминаете, — как ни в чем ни бывало продолжал Стеног, — какой был средний возраст людей в вашу эпоху?

— Нн… нет. Где–то около сорока лет.

— Подумать только, — воскликнул Стеног, голос его приобрел торжествующий оттенок, — а у нас пятнадцать!

Парсонс не удивился. Он давно уже отметил, что все окружающие его люди были весьма молоды.

— Неужели этим можно гордиться? — Джим пожал плечами, — скорее наоборот.

Стеног нахмурился.

Остановившись посредине комнаты, он обвел взглядом присутствующих.

— Прошу оставить нас вдвоем.

Присутствующие молча повиновались и один за другим покинули комнату. Когда за последним из них закрылась дверь, Стеног подошел к окну.

— Почему вы не изменили цвет всего тела? — спросил он, стоя спиной к Парсонсу.

— Это было моей ошибкой.

Стеног наклонился и поднял брошенные на диван бумаги.

— Я прочел здесь, — начал он, повернувшись к Парсонсу, — что вы не понимаете каким образом попали в наше время. Вполне возможно.

Он замолчал, углубившись в собственные мысли.

— Больше всего меня беспокоит то, что мы прекратили наши исследования еще восемь лет назад. И все–таки кое–какие результаты удалось получить. Например, мы установили, что возможности перемещения во времени достаточно ограничены. Кроме того, возник ряд факторов, весьма противоречивых, отрицательные последствия которых нельзя было не учитывать. Отобранные добровольцы перед отправкой в прошлое давали присягу, в которой обязались не прибегать к всевозможным пророчествам и ясновидениям там, куда они направлялись. Не думаю, что все они сдерживали свое слово. И все–же те из них, кто попал в прошлое к моменту зарождения идеи машины времени, никак не повлияли на прогресс в этой области.

Он улыбнулся.

— В противном случае изобретатели наверняка нашли бы происхождение вероятных недостатков в работе машины, что сделало бы ее значительно более совершенной. Однако этого не

происходит. А потом что–то случилось. В общем, перемещение во времени, если оно реально, будет открыто другими. Может быть логически это не верно…

— Вы имеете в виду то, что открытие могло быть сделано, раз я оказался здесь. Конечно, нет свидетелей, видевших как я покидал свою эпоху. Я исчез как дым, не оставив и следа. Очевидно, что я переместился во времени. Только каким образом? — его охватило внезапное волнение. Перед глазами всплыл образ покинутого дома и жена, стоявшая на пороге. И ничего больше. Ничего, что он мог бы вспомнить.

Волнение охватило его. Постоянно сбиваясь с мысли, путая очередность событий, он начал рассказывать о своем приключении.

Стеног внимательно слушал. После того, как Парсонс закончил свой рассказ, он подошел к окну и задумчиво посмотрел на город.

— Конечно же это наша ошибка, — задумчиво произнес он, — мы не должны были прекращать исследования. Имея солидную базу, наши ученые сконструировали корабль. Да, да, корабль. Но эти работы проводились открыто и корабль со всем его оборудованием был продан полтора года назад. Мы конечно знали, что рано или

поздно получим подтверждение реальности путешествий во времени и это произойдет на наших глазах. И мы смогли бы предотвратить падение Византии, содействовать расцвету Европы времен Бонапарта, избежать последующих войн, — он грустно вздохнул. — В вашем случае все по другому. Здесь путешествие лимитировано во времени и произошло в строгом секрете. Кто–то явно преследовал свои личные интересы.

Его лицо стало хмурым.

— Значит, вы признаете, что я принадлежу к другому времени и другой культуре, — прервал его размышления Парсонс, — в таком случае объясните мне: какое вы имеете право распоряжаться моей жизнью?

— Я понимаю ваши затруднения, — кивнул Стеног, — однако наши законы не предусматривают отказ от воздействия на лиц, принадлежащих к другим культурам. Вы их можете отрицать, однако обязаны подчиняться. Правовая концепция гласит: «Никому не дано игнорировать закон». Не стоит пытаться ей противоречить.

Ироничный тон, с которым говорил Стеног, заставил Парсонса задуматься над серьезностью сказанного. Казалось, что Стеног насмехается над ним.

— То что вы говорите противоречит здравому смыслу.

— Ничуть. Здравый смысл — понятие относительное. У нас он заключается в том, что вы должны подчиняться законам общества, в котором находитесь, хотя вы сюда попали наверняка вопреки своей воли.

Он замолчал и его лицо приняло серьезное выражение.

— Пора заканчивать дознание.

Быстрым шагом пройдя мимо Парсонса, он покинул комнату. Через несколько минут Стеног вернулся, держа в руках полированную черную шкатулку. С какой–то особой торжественностью он поставил ее на стол и медленно открыл.

В шкатулке оказался белый судейский парик, который Стеног уверенным движением напялил себе на голову.

— В силу власти, возложенной на меня как на управляющего Фонто, — начал он монотонным голосом, — я должен пояснить вам причину Вашего предстоящего изгнания.

— Изгнания? — Парсонс был явно удивлен.

— А разве у вас преступников еще как–то наказывают? Честно говоря, я не особенно разбираюсь в репрессивных мерах, практикуемых в ваше вре-

мя. Где–то я читал о трудовых лагерях в Сибири…

— В мою эпоху не было никаких лагерей, удрученно вздохнул Парсонс.

— Удивительно. Содержать преступников вместе с другими членами общества по меньшей мере глупо. Отделяя их и, развивая их активность, мы делаем из этих оступившихся людей опору цивилизации.

— Шюпо? — с некоторым опасением произнес Парсонс. — Вы имеете в виду шюпо?

— Конечно же. Благодаря организациям шюпо мы смогли сохранить нашу молодежь в изоляции от общества. Условия содержания суровы. Только таким образом воспитывается непримиримость к врагам правительства. Вы сами были свидетелем их действий по отношению к членам подпольной политической группировки. Кстати, это было обычное плановое мероприятие. Парни, вышедшие из этих поселений, полны решимости. Они имеют право пресекать все, что покажется им вредным и деструктивным.

— И на что же похожи эти ваши поселения?

— Это целые города. Жители их свободны в выборе занятий, развлечений. Каждый имеет свой дом. Они всегда сыты и довольны. Климат, правда, суров, что существенно сокращает жизнь.

Впрочем, это будет зависеть от сопротивляемости вашего организма.

— Имею ли я право подавать апелляцию? — без особой надежды спросил Парсонс. Внезапно в нем всколыхнулась ярость. — Да что же это такое, ты и правительство, и обвинитель, и судья?! Хотя бы объясни мне, что я совершил?

— Мы имеем жалобу от женщины, в отношении которой вы совершили неблаговидный поступок.

— Что вы имеете в виду? — дав выход своему гневу, Парсонс немедленно поостыл.

— Сейчас узнаете. — стеног встал из–за стола и направился к двери, жестом приказав Джиму следовать за ним. — Я думаю то, что вы сейчас увидите, позволит вам лучше понять суть нашего общества.

Они проследовали в обширный зал, в котором рядами стояли длинные тележки. На одной из них лежала мертвая женщина, прикрытая белой простыней.

Парсонс вздрогнул, узнав Икару.

— Перед смертью она дала свидетельские показания, — услышал он за спиной голос Стенога.

Он нажал на какую–то кнопку и зал ярко осветился. Как врач, Джим сразу определил, что Икара

была мертва уже несколько часов.

— Но ей же стало лучше? — еле слышно вымолвил он.

Стеног приподнял простыню и потрясенный Парсонс увидел глубокий разрез пересекающий горло девушки.

— Она обвиняет вас во вмешательстве в естественный ход событий, что повлекло необоснованное продление жизни.

— Вы ее убили?

— Нет, она сама попросила вызвать эвтанатора и подверглась Исходу.

— По своей воле? Имея возможность жить дольше? — Джим не мог в это поверить.

— Именно по собственной воле она разрушила зло, причинено ей вами.

Стеног погасил свет.

5

Приглашение Стенога пообедать с ним, Парсонс воспринял с недоверием. Уж больно не вязалось это с теми отношениями, которые между ними сложились.

Машина быстро мчалась по заполненной транспортом дорожной полосе. Стеног, судя по всему, был неплохим водителем. Вскоре они подкатили к высокому белому зданию.

— Вот здесь я работаю, — сообщил он Парсонсу, после того как они вылезли из кабины, — сейчас мы зайдем в святая святых Фонто — в мой кабинет. Могу сообщить вам, что он находится под особой охраной. За то время, которое мы будем идти, нам придется пересечь несколько линий проверки. Как–никак я директор Фонто.

Они подошли к выходу. Охранник в синей униформе внимательно рассмотрел протянутую ему Стеногом черную карточку и отошел в сторону, освобождая проход.

— Именно здесь находится куб, — произнес Стеног, когда они вошли в просторный холл, — но вам это ничего не говорит.

— Вы правы, — ответил Парсонс, погруженный

в мысль о девушке и ее непонятной смерти.

Пройдя холл они вышли с противоположной стороны здания, где их поджидал пустой автомобиль.

— Мы пересекаем наши племенные районы, — объяснил Стеног, постепенно увеличивая скорость. Мимо замелькали встречные автомобили.

Джим обратил внимание на тотемные метки, которые были нарисованы на капотах, однако разглядеть их не удалось из–за большой скорости движения.

— Вы побудете со мной до вашего отлета на Марс, — услышал он голос своего спутника. Это произойдет через два–три дня. Необходима кое–какая подготовка — подобрать транспорт, решить некоторые административные формальности. Они остановились напротив уютного маленького домика, удивительно напоминавшего Парсонсу его собственный.

— Здесь я живу, — пояснил Стеног, выходя из кабины.

Из окон доносилась музыка.

Дверь не была закрыта на замок и вскоре они оказались в просторной прихожей.

В то время как Джим неуверенно топтался на

месте, хозяин снял туфли.

— У вас не принято снимать обувь, входя в дом? — любезным тоном осведомился он у Парсонса.

Сконфуженный Джим поспешил скинуть свои ботинки. Пока он занимался этой процедурой, Стеног хлопнул в ладони и в прихожую вошла молодая женщина в розовом платье, украшенном цветами. Не обращая на Парсонса никакого внимания, она взяла Стенога за руку и повела в комнату. Джим последовал за ними. Подождав, пока хозяин усядется в кресло, женщина вышла в одну из дверей и вскоре вернулась с подносом, на котором стояла чашка, судя по всему с чаем. Ни слова не говоря, она поставила его перед Стеногом. Отблагодарив ее кивком головы, тот принялся маленькими глотками опустошать чашку.

Происшедшее возмутило Парсонса.

«А я, — подумал он, — разве я не имею право на это? Уж не потому ли, что я криминальный элемент? Или у них это общепринятая норма обращения с гостями? И почему Стеног не представил нас друг другу?»

Желая показать свое недовольство, он демонстративно устроился на противоположный конец

дивана. Впрочем ни Стеног, ни незнакомка не обратили на его действия никакого внимания. Это как–то успокоило Джима и он принялся откровенно изучать хозяйку. Как и у всех, встречаемых им доселе женщин у нее были черные, блестящие волосы, ей было от силы четырнадцать лет, хотя, как заметил наметанный глаз Парсонса, талия была слегка отяжелевшей.

Стеног первым нарушил молчание.

— Позвольте вам представить мою пуэллу, — произнес он, ставя на столик пустую чашку. И видя недоумение гостя добавил. — Это особый вид взаимоотношений. Они легальны и зарегистрированы правительством. Я, правда, могу их прекратить в любой момент, она же нет. — Не вставая, он обнял ее за талию. — Ее зовут Ами.

Ами, слегка улыбнувшись, кивнула в знак приветствия.

— А теперь, когда вы познакомились, — заключил Стеног, — чашку чая для доктора Парсонса.

Покончив с обедом, Стеног предложил Парсонсу осмотреть Фонто.

В машине они сидели молча, пока каждый был поглощен своими мыслями. Первым тишину нарушил Стеног.

— Вам наша эпоха кажется извращенной? — не

отрывая глаз от дороги неожиданно спросил он.

— Конечно. Ощущение того, что вы вращаетесь вокруг смерти.

— Вы хотите сказать — вокруг жизни?

— Не знаю. Первый человек, которого я здесь встретил, попытался задавить меня, думая, очевидно, что я этого хочу.

— Ничего удивительного. Вы шли ночью по трассе?

— Да.

— Это наиболее распространенный способ самоубийства. Люди выходят ночью на трассу с единственным желанием быть задавленным кем–то из проезжающих автомобилистов? А у вас разве люди не бросаются под машины?

— Разве что сумасшедшие. И то это бывает очень редко.

— Непонятно, — Стеног сокрушенно покачал головой, — такой хороший способ.

Они подъехали к зданию, через которое прошли этим утром.

— Сейчас вы не много поймете в нашей жизни, — сказал Стеног, когда они вошли внутрь, — откройте глаза и смотрите.

Это была огромная комната. Множество коридоров, напоминающих лабиринты, расходились

в разные стороны.

Несмотря на позднее время, здесь кипела работа. Множество людей стояло за пультами, перемещалось в коридорах, выполняя разные работы.

Подойдя к стене комнаты, Парсонс обратил внимание, что по сути дела видит грань куба, основная часть которой уходила глубоко в землю. Объем этого куба определить было весьма сложно. Казалось, он жил какой–то особой жизнью.

Автоматические подъемники поднимали к вершине резервуары, которые низвергали тонны жидкостей в бездонную пропасть и вновь исчезали в глубине сооружения. Сначала Парсонсу показалось, что куб колеблется, скорее дышит. Позже он понял, что это иллюзия, и она вызывалась шумом, похожим на морской, доносившимся из куба.

— Что там внутри? — спросил он у своего гида.

— Мы, — коротко ответил Стеног, и увидев удивленное выражение на лице собеседника, пояснил. — Это сотни миллиардов застывших зигот. Все наше племенное семя. Здесь формируется раса. Ничтожная порция того, что заключено здесь, представляет будущее поколение.

«Я начинаю понимать, — подумал Парсонс, —

они живут будущим, только оно их интересует и имеет для них смысл. Именно будущее является их реальностью.»

— И как же работает ваша жизненная система? — спросил он вслух.

— Наша цель — сохранение постоянной популяции. Это два миллиарда семьсот пятьдесят миллионов особей. Каждая смерть влечет за собой возникновение новой зиготы. В общем эти два процесса непрерывно связаны.

— А как вы получаете племенной материал?

— Довольно–таки сложным путем. Ежегодно составляем Списки, которые определяются на основе межплеменных конкурсов. Это целая серия испытаний: физические, нравственные, психологические на всех уровнях и при любых условиях. От абстрактного к конкретному. Например, в этом году племя Волков одержало шестьдесят побед из двухсот и смогло представить тридцать зигот из ста. Очень важно то, что образование зигот вне куба не допускается. Мы также можем взять зиготы у особо одаренных особей, если даже их племя потерпело поражение.

В конечном счете мы находим индивидуум, значительно превосходящий по своим качествам остальных. Принимаются меры по сохранению

всех его гамет. Сейчас это — Мать Волков — Лорис. Она не потеряла ни одной своей гаметы. При каждом новом накоплении их у нее отбирают, оплодотворяя Фонто. Низшие гаметы — семя племени, получившего плохие результаты, — уничтожаются.

— Значит, вы постоянно улучшаете ваш запас? — осведомился Парсонс.

— Мы это делаем при каждом испытании. Отсутствие возможности дать свое племя в Фонто — трагедия для любого племени и индивидуума. Многие стремятся умереть именно по этой причине.

— Значит эта девушка, Икара, пожелала умереть, зная, что у нее нет никаких шансов на испытаниях?

— Она представляла из себя негативную особь. Мы называем их «неприспособленными». Ее племя теряло свой шанс именно из–за нее. Ее смерть дала возможность образования высшей зиготы. Из куба освобожден девятимесячный эмбрион, который будет носить эмблему племени Кастор и заменит Икару.

Возвращаясь назад, Парсонс думал о том, какие странные моральные принципы заложены в этих людях. Смерть приобретает новый положи-

тельный смысл. Это не конец жизни, а ее новый виток. Никакой мистики — только наука.

Он присматривался к окружающим его людям. У всех живой взгляд, красивое лицо, упругая кожа. Красивая раса молодых сильных людей. Они рождались, рождались и умирали, но смерть никого не удручала. Они были веселы и жизнерадостны и заканчивали жизнь спокойно, ожидая грядущего возврата.

«Конечно, это невозможно, — думал Парсонс, — а как же инстинкт самосохранения? Борьба со смертью заложена в человеческой природе.»

Он понимал, что все равно не сможет привыкнуть к этому.

— Вы счастливы, когда кто–то умирает? — спросил он вслух своего собеседника.

— У нас и смерть и рождение — одно и то же. Разве нельзя радоваться рождению человека?

Несмотря на убежденность тона, с которым Стеног отвечал на вопрос, что–то заставило Джима усомниться в его искренности.

«А ведь он не стремится умереть. Вон ведь как внимательно ведет машину, стараясь никуда не врезаться», — эта мысль немного развеселила его.

— В мое время люди почти–что не задумыва-

лись над смыслом смерти. — Они просто жили, зная, что придет время и они исчезнут.

— Но ведь ваши предки, — оппонировал ему Стеног, — верили в загробный мир и нередко сознательно шли на смерть, веря в воскрешение. Они знали цену смерти.

— Мы тоже знаем, что смерть существует, однако не бравируем этим понятием как вы.

— Может быть косвенно вы это и делаете… Сейчас поясню, — Стеног на несколько секунд задумался. — Будучи не в ладах с очевидной реальностью, отрицая ее, вы подрываете рациональную базу своей эпохи. Вы не в состоянии справиться с такими проблемами как голод, войны, превышение допустимой численности населения. И что происходит. Вы погибаете на войнах, разрушающих вашу цивилизацию… мы же контролируем общественные процессы. Тщательно изучаем все аспекты развития общества. В итоге можем прогнозировать любое развитие событий.

Они подъехали к дому Стенога. Прежде чем зайти внутрь, Стеног остановился возле розового куста.

— Взгляните, — указал он на цветок, — он уже почти–что завял. А это, — хозяин дома приподнял

листок, — почка, которая не может раскрыться, пока окончательно не завянет этот цветок.

Он достал из кармана маленькие ножницы, аккуратным движением срезал полуувядшую розу и бросил ее за забор.

— Теперь я освободил место для новой жизни и почка породит не менее красивый цветок.

Пример казался довольно–таки убедительным. И все–таки Джим был настроен скептически.

— Что касается растений — спорить не буду. Но когда речь идет о людях, мне это кажется аморальным. Неужели все вокруг думают так, как вы? А может быть потому я и оказался здесь, что кто–то с вами не согласен?

— Да, они есть и действуют, — оборвал его Стеног.

Парсонс вдруг понял почему он не под стражей, почему ему показывают окружающий мир, приглашают в гости и даже привели в святая–святых — Фонто.

Они хотят установить контакт.

Ами сидела за клавесином. Исполняемая ею музыка выглядела весьма странно. Прислушавшись, Парсонс все же узнал невероятно искаженную мелодию Джерри Ролл Мортона. Испустив последний аккорд, клавесин умолк.

Ами повернулась к Джиму.

— Мне вдруг захотелось сыграть что–то из вашей эпохи. Вы должны знать Мортона. Для нас он так же велик, как Шуберт и Брамс.

— Да, Мортон был у нас популярен.

— Может быть я плохо сыграла? — ее брови нахмурились.

— Что вы, что вы! Я в полном восторге. Исполнение было прекрасным.

— Увы, у нас никто не умеет играть, — как бы не слыша его слов со вздохом произнесла Ами, — в нашу эпоху, где главное развлечение — телевизор, музицирование полностью забыто.

Несмотря на то, что Парсонс никогда не играл ни на каком музыкальном инструменте, он страстно любил музыку. У него была прекрасная коллекция дисков, а посещение концертов было одним из главных времяпрепровождений.

— А вы не умеете играть? Нет? Странно, — Стеног держал в руках бутылку и стакан. — Хотите выпить? Прекрасный ферментный напиток из зерна.

— Думаю, мне это знакомо, — оживился Парсонс.

— Да, это алкоголь, подтверждая его догадку с серьезным видом продолжал Стеног. — Кстати, я

уверен, что он был изобретен в ваше время, как альтернатива наркотикам.

Быстрым движением он наполнил два стакана. Они молча выпили. Напиток напоминал кисловатый бурбон. Между тем, Ами что–то наигрывала на клавесине. В комнате царило спокойствие и благодушие.

Несмотря на это Джим чувствовал себя скованно. Что–то в этом обществе его явно смущало. В душе он понимал, что не имеет права осуждать людей, принадлежащих другому миру. По отношению к ним он не мог быть объективен.

Между тем Стеног налил себе второй стакан. Ами неожиданно потребовала, чтобы он обслужил и ее. Не дождавшись реакции Стенога она подошла к бару и наполнила бокал.

— Ты говорил о членах какой–то политической группировки, чего они добиваются? — прервал воцарившееся молчание Парсонс.

Стеног пожал плечами.

— Права голоса для женщин, — ответила за него Ами.

Стеног, внимательно разглядывавший капли напитка на дне своего стакана, ухмыльнулся.

— Послушайте, Парсонс. Она… — он кивнул в сторону Ами, — она вам нравится?

Джим, не ожидавший такого вопроса, смутился.

— Право не знаю…

— Значит нравится. Можете эту ночь провести здесь, с нею.

Парсонсу показалось, что он что–то не понял. Может быть языковый барьер мешает ему уловить суть разговора.

— Что вы имеете ввиду?

— Как что? — теперь удивленным казался Стеног. — Ты же не откажешься с ней переспать?

— Но… но у нас так не принято.

— Парсонс, — мягко заметил Стеног. — Я не знаю, что принято у вас, но у нас это норма.

— И все–таки я считаю, что вы рискуете, — мгновение подумав, ответил Джим. — Это может нарушить ваш педантичный контроль за образованием зигот.

Стеног и Ами одновременно вздрогнули.

— Он прав, — воскликнула девушка, резко обернувшись к своему партнеру, — ведь стадия адаптации не пройдена. Мы могли попасть в опасную ситуацию. Удивительно, что мы об этом не подумали.

Стеног присел на диван.

— Конечно же, ты зря отказался, Парсонс. Все

наши юноши в раннем возрасте подлежат стерилизации и я не исключение, — его лицо осветила довольная улыбка.

— Вот видите, — снова заговорила Ами, — это практически не влечет никаких последствий. Однако в вашем случае… — от мысли, что могло произойти, ее лицо покрылось потом.

— Увы, — спокойным голосом произнес Стеног. — Вы не можете лечь с ней в постель, Парсонс, как не можете лечь и с любой другой нашей женщиной. Советую вам улетать на Марс и чем раньше, тем лучше.

Он закрыл глаза.

Ами вплотную подошла к Джиму.

— А все–таки, вы хотите? — шепотом спросила она, наполняя его стакан.

Он не стал сопротивляться.

6

Он проснулся оттого, что кто–то резко стащил его с постели. Сильные руки подняли его с пола и поставили на ноги. Кто–то протянул ему одежду. Парсонс еще окончательно не пришел в себя, когда группа вооруженных людей вывела его из дома и грубо втолкнула в подъехавшую машину. Никто не произнес ни слова. Автомобиль, набрав огромную скорость, помчался по шоссе.

Вскоре они въехали на поросшее травой поле, в центре которого стоял аппарат яйцевидной формы, размером с двухэтажный дом. Рядом стояла группа людей, которые, услышав шум мотора подъезжавшей машины, обернулись в эту сторону. Парсонс напрасно попытался отыскать среди них Стенога.

Автомобиль подкатил прямо к аппарату.

Судя по всему это был космический корабль. Вблизи он выглядел довольно–таки потрепанным. Краска местами облезла, кое–где виднелись обширные грязные пятна. Джима вытащили из машины и втолкнули внутрь корабля. Он оказался в тускло освещенной небольшой каюте посредине которой стояло кресло. Сопровождав-

шие грубо впихнули в него Парсонса и крепко привязали ремнями. После этого они покинули корабль.

Парсонс огляделся. В основном все соответствовало обычной обстановке рубки управления космического корабля. И лишь один прибор вызвал у него недоумение. Это была сложная конструкция в рост человека, частично выполненная из пластмасс, а частично из металла. Верхняя часть была покрыта прозрачной пульсирующей мембраной. За ней виднелся погруженный в вязкую жидкость какой–то серый, явно органического происхождения, кусочек вещества.

— Это капитан корабля, — внезапно услышал Джим у себя за спиной голос. Он был лишен возможности обернуться, поэтому говоривший оставался инкогнито, — весьма остроумная конструкция. Там, наверху, гипертрофированный мозг крысы. Высокий разум при полном отсутствии сознания. Счастливого полета.

За спиной раздались удаляющиеся шаги. Хлопнула крышка люка. В отсеке воцарилась тишина. Так продолжалось несколько минут. Внезапно «капитан» заурчал и Парсонс услышал монотонный машинный голос:

— Полет к марсианским поселениям длится

семьдесят пять минут. В отсеке обеспечиваются нормальная влажность и температура. Пища подается в случае необходимости.

Корабль слабо завибрировал. Выглянув в иллюминатор, Джим увидел быстро удаляющуюся землю, которую через несколько минут закрыли облака. Постепенно за стеклом начало темнеть пока не наступила абсолютная темнота, усеянная необычно яркими звездами.

Парсонс никогда не был в космосе и даже несмотря на драматическую ситуацию, все это было для него весьма любопытно.

Опять раздался голос машины.

— Маршрут заложен в компьютер. Никакие изменения в процессе полета не допускаются.

Наступила короткая пауза.

— На правом подлокотнике две кнопки. Правая — регулятор отопления, левая — вентиляции.

Парсонс устало вздохнул. Он понимал, что в любом случае попадет на Марс. И уже там можно что–то предпринять с целью избежать уготованной ему страшной судьбы. Между тем, самая яркая звезда из видимых в иллюминаторе, постепенно начала расти и превращаться в диск алого цвета. Они приближались к Марсу. Прошло не менее получаса с момента старта. Уже отчетливо

просматривалась сеть каналов. Джим закрыл глаза. Из состояния полудремы его вывел резкий толчок, сопровождающийся ощущением провала в бездну. Он испуганно выглянул в иллюминатор. Звезды продолжали также ярко сиять, однако Марс исчез.

— Мы находимся на полпути к Марсу, — механическим голосом сообщил «капитан».

Ужас охватил Джима.

— Идиот, чучело железное! — заорал он, не думая о том, что все–равно никто его не слышит. — Какие полпути? Какой Марс? Нет Марса! Исчез Марс!

Прошло еще полчаса.

— Мы прибываем, — сообщила машина, — ждите посадки.

Он опять выглянул в иллюминатор — ничего не изменилось. Те же неподвижные звезды в черной бездне.

«Вот оказывается что они задумали, — с отчаянием думал он, — а я, глупец, им поверил, Стеногу и всем остальным. Никто и не пытался впускать меня на Марс. Хороший способ от меня избавиться, посадить в ракету и вышвырнуть в открытый космос.»

— Внимание! Мы совершаем посадку, — пре-

рвал его размышления очередной информацией биоробот.

— Все кончено, сейчас я погибну, — с ужасом понял Джим, — дай бог, чтобы все произошло быстро.

— Полет закончен. Ждите представителя местной администрации.

Мембраны зашевелились в последний раз и замерли, явно выполнив все свои функции.

Медленно начал открываться внутренний люк. Парсонс заметался в кресле, пытаясь освободиться от сжимавших его ремней.

— Внимание! — неожиданно раздался голос машины, — аварийная ситуация! Надеть защитный скафандр.

Непонятно откуда появились гибкие металлические манипуляторы, выдернули Джима из кресла и в мгновение ока всунули его в невесть как появившийся скафандр. Все было сделано весьма своевременно. Не успела щелкнуть застежка круглого шлема, как откинулся перед Парсонсом внешний люк и перед ним разверзлась космическая пропасть. Даже сквозь мощный скафандр он почувствовал ее ужасающий холод. Джим потерял сознание.

Прошло не более пятнадцати минут, как люк

вновь медленно закрылся. Парсонс ощутил резкий толчок — корабль вновь начал движение. Он открыл глаза. Скафандр по–прежнему был на нем. Очевидно, капитан просто не додумался его снять. Джим с надеждой глянул в иллюминатор. Черная бездна… Кошмар продолжался.

— Полет к марсианским поселениям длится семьдесят пять минут. В отсеке обеспечивается нормальная влажность и температура. Пища подается в случае необходимости.

Джим подумал о том удовольствии, которое он мог бы получить, разбив на куски этого железного урода.

Злоба кипела в нем.

«Жалкий кусок крысиного мозга. Ты не живешь, не страдаешь, у тебя не хватит ума понять, что происходит. Хотя бы догадался дать мне немного воды! О господи! Но Стеног. Нет, не верю, что это его вина. Очевидно, что–то случилось, непредусмотренное, необычное. Они меня отыщут и направят на Марс!

Теперь он хотел на Марс. Он мечтал добраться до одного из его поселений! Жить, как ему хотелось жить!

— Маршрут заложен в компьютер. Никакие изменения в процессе полета не допускаются! — он

не слышал этой фразы, все его внимание было сосредоточено на одной из звезд, которая начала увеличиваться в размерах.

Неужели планета или космический корабль? Предмет продолжал расти и наконец замер в некотором отдалении. Очевидно он вышел на параллельный курс. теперь не было сомнений, что это космический корабль.

— Полет закончен, ждите представителей местной администрации.

Парсонс заерзал на месте, ожидая открытия люка. Наконец тот распахнулся. На расстоянии десяти–пятнадцати метров от Парсонса висел другой, напоминавший остро заточенный карандаш, корабль.

— На помощь! Помогите! — закричал Джим, но тут же осекся, осознав, что все равно его никто не услышит.

Внезапно в отверстии люка появилась фигура в уродливом, напоминавшем черепаху, скафандре. Оттолкнувшись от пола, она медленно поднялась к Парсонсу. Сверкнул нож и ремни полетели в разные стороны. Человек легко приподнял Парсонса и толкнул его к выходу. Джим, крайне неуверенно чувствовавший себя в невесомости наверняка врезался бы в стену, если бы другой

незнакомец, вошедший в отсек вслед за первым, не перехватил его. В руке он держал защелку, которая увенчивалась длинным тросом, начинавшемся в отсеке за открытым люком второго корабля.

Динамик, размещенный внутри шлема, щелкнул и Парсонс услышал голос:

— Быстрее! Люк сейчас закроется!

Незнакомец уверенным движением прикрепил трос к поясу скафандра Джима.

— Что это все значит? — Парсонс постепенно приходил в себя.

— На все вопросы ответим потом. Надо убегать отсюда. Где–то поблизости шюпо. Их патрульные корабли наверняка засекли нас. Мы заставили корабль отклониться во времени.

— Внимание, — раздался голос биоробота.

Человек, освободивший Парсонса от ремней, снял с пояса длинный предмет и направил его в сторону крысиного мозга.

Яркая вспышка… Прозрачная мембрана лопнула, выпустив из себя сбившуюся в крупные шары жидкость. Потом медленно выплыл серый комочек — источник интеллекта машины.

Внезапно еще одна вспышка осветила помещение. Парсонс услышал в своем микрофоне слабый

крик. Стоявший с ним рядом человек странно согнувшись отлетел в сторону и медленно поплыл в космическую пропасть. Теперь рядом с ним стоял другой неизвестно откуда появившийся астронавт. В руке он сжимал такой же предмет, каким был уничтожен биоробот.

Две вспышки слились в одну. Шлем шюпо вместе с головой разлетелся на мелкие части. Обезглавленное тело помчалась во мрак. Спаситель Парсонса также не подавал признаков жизни. Он завис над креслом, в котором до этого сидел Джим. От его груди один за другим отделялись небольшие красные шарики — кровь.

Все произошло как в кошмарном сне. Не помня себя от страха, Парсонс начал выбирать трос, направляясь к кораблю пришельцев. С ужасом он думал о том, что будет, если он не сумеет туда добраться. Медленная смерть в открытом космосе.

Он закричал и резко двинулся вперед.

Он стоял в переходном отсеке. Сейчас он заметил, что два корабля соединены между собой толстым тросом. Каким способом можно было их отсоединить, он не знал. Джим стоял в раздумьи, прямо в проеме люка. Корабль вздрогнул, обрывки троса разлетелись в разные стороны. Люк медленно начал закрываться.

Парсонс находился в космическом корабле, который увеличивал скорость, унося его в никуда.

7

Он расположился в одном из двух кресел, установленных перед пультом управления. Не так давно здесь сидели люди, пытавшиеся его спасти.

Один из них сказал ему:

«Мы заставили корабль отклониться во времени.»

Он тупо смотрел на приборы, не зная, сможет ли он управлять кораблем.

Где я? В прошлом или будущем? Кто так жестоко играет моей судьбой?

Он нажал одну из кнопок с надписью «Обзор». Засветился экран.

«Затерян в пространстве и во времени», — с горечью подумал Джим.

Скорее от отчаяния, чем с каким–либо конкретным умыслом он поставил красный рычажок в положение «Аварийное наведение».

Все приборы сразу же ожили. На экране появились светящиеся точки. Одна из них, ярко–красного цвета, медленно превращалась в диск.

— Планета?

Он окинул взглядом пульт. Вот то, что он искал.

«Аварийная посадка».

Острая боль пронзила мозг. Он потерял сознание.

Корабль лежал на обугленном песке посреди бесконечной красной пустыни.

Ярко светило солнце. Люк открылся и Джим выглянул наружу. Никакого движения, никаких признаков жизни. До поверхности планеты было около двух метров. Он прыгнул и ноги его по колено зарылись в песок. Приложив колоссальное усилие Джим освободился и сделал несколько шагов.

Безжизненное пространство. На горизонте облака. Какой бы ни была эта планета, но судя по всему, жить на ней можно. Он огляделся. Вдали виднелось какое–то сооружение. Он побрел в ту сторону. Может быть там кто–нибудь есть. На стекло шлема опустилась муха.

Он облегченно вздохнул. Значит, жизнь есть. Резким движением он сорвал с себя шлем и откинул его в сторону. В лицо ему ударил горячий ветер.

Он шел с трудом переставляя ноги.

Постепенно строение приобрело форму. Это была гранитная плита, погруженная в песок. Он подошел к ней. Под слоем песка проступали

какие–то буквы. Джим наклонился и перчаткой очистил полированную поверхность.

ПАРСОНС

Он вздрогнул. Совпадение. Он начал стряхивать песок с камня. Вот и второе слово:

ДЖЕЙМС

Сомнений больше не было.

Эта плита была воздвигнута в его честь.

Он подумал, что именно так увековечивают память великих личностей, прославившихся в веках. Неужели все это будет.

Он продолжил свои раскопки. Несомненно это адресовалось ему. Вскоре Парсонсу удалось расчистить каменную плиту поменьше, крепко прикрепленную к монолиту. Прочитав сделанную на ней надпись, он убедился, что это инструкция по управлению космическим кораблем.

Несомненно кто–то знал, что он должен здесь появиться и заранее подготовил несокрушимое временем послание — указание каким образом можно выйти из создавшегося положения. Инструкция была довольно–таки простой и Джим прочитал ее несколько раз, хорошо представив себе те действия, которые ему необходимо было сделать, чтобы увести корабль в другое место или другое время.

Диск светила уже касался горизонта, облака окрасились в ярко–красный цвет. Ветер усилился, подымая целые тучи песка.

Парсонс поднял голову. Высоко в небе висел бледно–желтый диск. Конечно же это была Луна. Ее очертания совсем не изменились. Да, он был на Земле. В необозримо далеком будущем, когда истощение планеты достигло критической черты. Мухи и редкие лишайники — наверное последние представители флоры и фауны некогда цветущей Земли.

Он убедился в этом, когда благодаря найденной инструкции поднял корабль в воздух и повел его в направлении заходящего Солнца. Он пролетал милю за милей с надеждой найти хотя бы какие–либо следы цивилизации. Напрасно. Пустыня была бесконечной. Океаны, превратившиеся в небольшие озера бурого цвета, были последними источниками воды и именно вокруг них желтый цвет пустыни переходил в блекло–зеленый сплошных лишайников.

Он вспомнил про плиту. Кто–то его искал, кто–то знал, что его надо искать здесь. А может быть такие памятники были установлены и в других эпохах?

Он отвернулся от иллюминатора.

По полу ползла неизвестно как появившаяся на корабле сороконожка — последняя тварь на Земле. Понаблюдав, как она заползла в отсек с едой, он повернулся к пульту управления. Уверенными движениями он привел в действие временной механизм. Стрелки на приборах дрогнули. Корабль, до этого плавно скользивший в атмосфере, задрожал.

Планета, находившаяся за стеклом иллюминатора, начала возрождаться. Пустыня превратилась в зеленые поля. Бурые озера быстро расширялись, сливались в единое целое, меняя свой цвет на голубой. Скорость этих изменений была необычайно быстрой.

Внезапно дрожь прекратилась. Стрелки приборов пошатнулись в последний раз и застыли на месте.

Похоже, это была конечная остановка. Джим поднялся и подошел к двери. После некоторого колебания он открыл ее.

Яркий свет ударил в глаза. Прямо перед ним стояли двое — мужчина и женщина. В руке у каждого из них было по пистолету и направлены они были в грудь Парсонса. Джим застыл в дверном проеме, обдумывая свои дальнейшие действия. Незнакомцы молча его изучали.

— Парсонс? — прервал молчание мужчина.

Джим молча кивнул.

— Добро пожаловать, — дружелюбно сказала женщина, не опуская однако пистолета, — может быть выйдете наружу?

Они расступились, пропуская Парсонса.

— Вы нашли наше послание? — услышал он голос мужчины. — Инструкции, которые мы вам направили?

— И долго они меня ждали? — вопросом на вопрос ответил Джим.

— Очень долго, — ответила женщина, которая к этому времени оказалась внутри корабля. Подойдя к пульту управления, она наклонилась над ним, внимательно что–то рассматривая.

— Хельмар, — донесся ее возбужденный голос, — он дошел до конца!

Тот, которого она назвала Хельмаром, удовлетворенно кивнул.

— Вы еще долго собираетесь держать меня под прицелом? — как можно более вежливо осведомился Парсонс.

— Никаких следов шюпо, — сообщила женщина, выходя из корабля, пряча на ходу пистолет в кобуру.

— Отлично! — Хельмар последовал ее примеру

и протянул Парсонсу руку. Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

— Вы были там… в далеком будущем. Как вы себя чувствуете после этого?

Парсонс пожал плечами.

— Это страшно. Но именно это я и рассчитывал увидеть. Вы знаете о будущем больше меня. Неужели к тому времени не будут заселены другие планеты?

Его собеседники молчали.

Место, где приземлился Парсонс, после пустыни казалось раем.

Узкая дорожка, проложенная между высокими кипарисами, вела к изысканному кирпичному особняку. Вокруг зеленела трава, жужжали пчелы. Всему этому сопутствовала теплая солнечная погода.

— Поверьте мне, — заговорила женщина, — я очень огорчена тем, что мы не смогли вас сразу доставить сюда.

Парсонс внимательно посмотрел на нее. Она была очень красива. Пожалуй красивее всех тех, кого ему до сих пор приходилось встречать. Молодое крепкое тело было покрыто бронзовым загаром. Лицо украшали большие черные глаза. Черты его были весьма утонченными и выгодно

отличались от черт ее предшественниц. Кроме того, она явно была старше всех тех, кого он здесь встречал. На вид ей было около тридцати пяти лет. Довершали портрет изумительные черные волосы свободно ниспадающие на плечи.

На красной тунике, которую она носила, красовалась эмблема в виде воющего волка.

— Вы Лорис, — догадался Джим. — Мать Волков?

— Да, — кивнула она. — Вы, наверное, уже слышали обо мне?

Парсонс не ответил. Глядя на нее, он понял, почему именно эта женщина стала Верховной Матерью этого общества, вклад в куб которой имел самое большое значение.

Не менее красив был и мужчина — Хельмар. Несмотря на хрупкость фигуры, его черты были пронизаны благородством, а в глазах светился необычной силы ум.

Красивые, хорошо сложенные, все понимающие и интеллектуальные существа, в поведении которых неуловимо проскальзывало внутреннее превосходство. Парсонс подумал о том, что у них есть на это право.

— Пойдемте туда, — Хельмар указал на здание, — там можно удобно разместиться и погово-

рить о наших делах.

— Лучшее место для интимных встреч, — то ли шутя, то ли всерьез добавила Лорис.

Великолепная шотландская овчарка, грациозно выйдя из–за поворота аллеи подошла к Хельмару и остановилась возле него. Мужчина наклонился и погладил ее.

— Это один из самых укромных уголков на планете, — сказал он, обращаясь к Джиму, — дом построен три столетия назад. Вдали от цивилизации, которая за это время сюда так и не дошла.

Они свернули и оказались на заросшей травой лужайке, большую часть которой занимал пространственно–временной корабль. Парсонс сразу же это определил, поскольку он мало чем отличался от того корабля, на котором он прибыл сюда.

Лорис ускорила шаги.

— Возможно вас это заинтересует.

Она подошла к человеку, стоявшему рядом с кораблем и что–то ему сказала. Тот быстро зашел внутрь и вынес предмет сферической формы, напоминающий апельсин. Внезапно шар выскользнул из его руки и медленно поплыл вверх. Стоявшая рядом Лорис быстрым движением его поймала.

— Все готово для отправки в будущее, — сказала она, жестом приглашая Парсонса заглянуть в открытый люк. Сделав это, Джим увидел, что внутри корабля все заполнено подобными «апельсинами».

— Вам уже приходилось пользоваться этими предметами? — вмешался в разговор Хельмар.

Джим молча взял из рук Лорис сферу и внимательно осмотрел ее.

— Впервые вижу, — уверенно сказал он.

Хельмар с Лорис переглянулись.

— Это метки для ориентации, — медленно заговорил Хельмар. — Вы должны были встретить одну из них в будущем, в котором успели побывать.

— Они излучают волны на сотни миль, — добавила Лорис, — и взаимодействуют с радиоприемными устройствами корабля… Разве вы не получали инструкций по репродуктору? Неужели вы не слышали, как один из этих маяков обеспечивал временные маневры судна?

Парсонс пожал плечами.

— Я нашел гранитную плиту с инструкцией по управлению кораблем.

Молчание.

— Все это странно, — заговорила Лорис, — ни-

чего такого мы не делали. Значит, кто–то дал вам инструкции по запуску двигателя и управлению кораблем?

— Да, и эта инструкция была предназначена именно мне.

— Мы отправили сотни подобных ориентиров, — сказал Хельмар, выпуская «апельсин» из руки и тут же подхватывая его, — и вы не встретили ни одного?

— Нет, ни одного.

Теперь Хельмар и Лорис не казались такими самоуверенными.

Возникшая пауза начала казаться бесконечной. Парсонс первым нарушил ее.

8

— Зачем вы меня сюда доставили? — задал самый волновавший его вопрос Джим.

Лорис ответила не сразу.

— Возникли проблемы медицинского характера… Разрешить их сами мы не смогли. Во многом это из–за того, что наши познания в медицине весьма незначительны.

— Сколько человек здесь обитает?

Лорис улыбнулась.

— Мы вдвоем и еще несколько сочувствующих.

— И все из вашего племени?

Она кивнула.

— А какова реакция правительства на мое исчезновение?

— Обычная история. Большая часть кораблей не долетает до Марса, теряясь в пространстве. Поэтому осужденные отправляются без конвоя. В наше время межпланетные перелеты так же опасны, как в ваше путешествие на лодке через океан.

— Вы уверены, что правительство ничего не знает о вашей деятельности? — поинтересовался

Парсонс.

— Конечно, они не могут не догадываться. Ясно, что кто–то воспользовался результатами опытов по временным перемещениям. Но знать суть дела они не должны. Кроме того, — глаза ее сверкнули, — обвинить меня они не посмеют. Это наша земля, она священна. Нельзя посягать на логово Волков.

«Так вот кто купил проект, — подумал Парсонс, вспомнив разговор со Стеногом, — гениальное открытие оказалось в руках заговорщиков. Правительство знает, что пространственно–временное перемещение возможно, и знает, что совершило ошибку, прекратив испытания. Но они не знают в какой стадии находятся работы. Не знают они и кто работает над проектом.»

…Двери распахнулись и перед Парсонсом открылась изящно обставленная небольшая комната.

Хельмар опустился в кресло, жестом предлагая Лорис и Джиму сделать то же самое. Последний с удивлением увидел на столике пачку сигарет «Мальборо».

— У вас курят такие сигареты? — перехватив его взгляд, спросил Хельмар.

— Да, — пробормотал Парсонс, — никак не ожи-

дал их здесь увидеть!

— Могу предложить пиво. У нас здесь несколько сортов.

— Благодарю, с удовольствием.

Обстановка немного разрядилась.

Парсонс, долго не куривший, испытывал огромное удовольствие, делая затяжку за затяжкой.

Лорис, устроившаяся в кресле напротив, внимательно следила за ним.

— Зондаж прошлого дело очень сложное, — наконец заговорила она, — фактор случайности очень велик. Не всегда удается угадать место и время. Мы доставали журналы, одежду. Но чаще трал приносил какой–то мусор. А ведь он может взять три тонны за раз.

Она закурила.

— Вообще–то я немного слышал об этих опытах. Мне рассказывал про них Стеног — представитель правительства… — Парсонс замолчал, удивленный реакцией собеседников. На их лицах явно читалось отвращение.

— Стеног! — воскликнула Лорис. — Эта личность нам хорошо известна. Как же — директор Фонто. Я всегда считала, что он снюхался с шюпо, хотя старается это отрицать.

— Вы уже сталкивались с шюпо? — спросил

Хельмар, и не дожидаясь ответа продолжил, — малолетние преступники, одетые в униформу, натасканные на убийства, лишенные инстинкта самосохранения. Их воспитали в презрении к смерти. Жизнь для них игра. Все что они могут, так это калечить и убивать. Думаю, в этом вы уже убедились.

— Поймите, — перебила его Лорис, — это общество уже сложилось весьма давно. Его традиции создавались веками. Так что не надо думать, что все вокруг какая–то аномалия. периоды его становления мы видели собственными глазами путешествуя во времени. Политика правительства — результат исторического развития. Ограничивая рождаемость, оно добилось стабилизации популяции. Если бы оно действовало иначе, уже сейчас была бы заселена Венера и Марс. Однако этого не произошло. Марс — место ссылки преступников, а Венера — сырьевой придаток Земли.

— Наши современники грабят Венеру так, как конкистадоры грабили Новый Свет, — вмешался Хельмар.

Он указал рукой на стену за спиной Парсонса. Повернувшись, Джим увидел галерею портретов завоевателей Америки. Здесь были Кортес и

Дрейк, Писарро и Гудзон.

Парсонсу это показалось весьма странным.

— Вас интересует именно этот период истории? — поинтересовался он.

— Всему свое время, — уклончиво ответила Лорис, — а сейчас я хочу, чтобы вы поняли, что несмотря на свой патологический характер, нет никаких надежд на то, что это общество исчезнет или обретет устойчивость. Исследуя будущее, мы узнали, что такое положение просуществует несколько веков. — Она пожала плечами. — Поймите, мы разделяем вашу неприязнь к разного рода отклонениям, однако в конечном итоге вы примете нашу точку зрения.

«Рим, — подумал Парсонс, — не погиб в один день.»

— А что вы думаете о моем обществе? — вслух спросил он.

— Все зависит от подлинных ценностей. Некоторые из них существуют и в наше время. Вот вы принадлежите к белой расе, которая какое–то время господствовала на Земле. Но это господство было неустойчивым. Войны двадцать третьего века все изменили.

— Значит, господствующей стала черная раса?

— Не совсем так. Произошло смешение рас. То

что вы видите его результат. Одна единая раса.

— А эти ваши племенные различия?

— По сути это не имеет особого отношения к расам. Разделение на племена искусственно. Это новации двадцать третьего века. Трансформация иерархической лестницы. Конец этого века ознаменовался проведением серии Великих Спортивных Игрищ, победители которых занимали высокие государственные посты. Именно они являлись лучшими представителями своих наций, вокруг которых и начали формироваться племена.

Лорис на мгновение замолчала.

— Принципы манипуляции зиготами возникли в коммунистической Кубе, где таким образом регулировалась рождаемость.

— Раса цветных, — вмешался в разговор Хельмар, — всегда считалась низшей, что создавало у нее открытую потребность доказывать свое превосходство. Именно это чувство стало превалировать в сознании унифицированной расы. Мы создали уникальное общество, которое живет в созерцании смерти, не строя никаких планов на будущее, не имеющее стремления к развитию. Комплекс неполноценности подвел нас. Подобное уже было в древнем Египте. Жизнь и смерть

настолько слились воедино, что мир превратился в огромное кладбище, где живые являлись сторожами мертвых. По их понятиям настоящего могущества можно было достичь только после смерти. Именно так они растеряли свое великое наследство. И именно это происходит сейчас с нами!

Он замолчал. Его лицо выражало мучительную тоску. Наступила тишина.

Первым ее нарушил Парсонс.

— Вы упомянули о медицинском вопросе. Что имеется в виду?

— Разверните кресло, — предложила Лорис.

Она повернулась к дальней стене комнаты.

Дыхание Лорис участилось, тело напряженно сжалось. Немигающим взглядом она уставилась на стену.

— Смотрите! — нажала она кнопку.

Стена начала медленно растворяться.

Когда она исчезла, перед присутствующими открылась другая комната.

Это был Фонто. Не такой, каким его видел Парсонс, а точная миниатюрная копия. Все что в ней было в точности напоминало оригинал. То же оборудование, лифты, кабины. Тот же десяток граней на светящейся поверхности Куба.

— Это я уже видел, — произнес Парсонс.

Лорис и Хельмар обменялись взглядами.

Женщина вновь нажала на кнопку. Теперь стали исчезать грани Куба. Присутствующим открылось внутреннее устройство.

В центре куба висел обнаженный неподвижный человек. Руки его были вытянуты по швам, глаза закрыты. Он был высокого роста, крепко сложен, кожа отливалась медью. Однако все говорило о том, что человек мертв. Он был законсервирован в Кубе.

— Если бы у нас существовали браки, я назвала бы его мужем. — Лорис потерла лоб. — Скорее сюда подходит слово любовник. У нас их несколько. Сексуальная активность проявляется независимо от воспроизводства.

— Внимательно приглядитесь, доктор, и вы поймете как он умер, — произнес Хельмар.

Парсонс встал и подошел к Кубу.

Из груди человека торчала стрела.

— Вы сможете его оживить? — услышал он за спиной голос Лорис.

9

По сигналу Лорис в комнату вошел слуга и поставил какой–то предмет рядом с креслом Парсонса.

Джим узнал свой чемоданчик.

— Мы видели как вы пользовались своими инструментами в гостинице, — сказал Хельмар, — однако подойти к вам не могли.

Парсонс открыл чемоданчик, проверяя его содержимое.

— Мы изучали то, чем вы пользовались, — продолжал Хельмар, — однако ни один из наших специалистов не смог определить назначение этих инструментов. Наши познания в медицине весьма незначительны. Подобных инструментов у нас нет. однако кое–что мы смогли вытащить из прошлого. Поначалу мы думали воспользоваться ими, однако так и не поняли каким образом!

— Сколько времени этот человек находится в Кубе? — поинтересовался Парсонс.

— Тридцать пять лет.

— Я могу его изучить?

— Его можно оттуда извлечь, но не более чем на полчаса.

— Думаю, мне хватит этого.

«Вот что они от меня ждут», — мелькнуло в уме у Парсонса, когда он заметил как облегченно вздохнули его собеседники. Ему даже показалось, что они улыбнулись друг другу.

— Я скажу вам правду. Это мой отец, — прошептала Лорис. — Я не могу вам сейчас ничего объяснить, — добавила она, встретив удивленный взгляд Парсонса.

— Когда вы сможете приступить? — в свою очередь поинтересовался Хельмар.

— Хотелось бы отдохнуть. Может быть завтра?

Пауза. Видимо его предложение не устраивало их.

Впрочем Хельмар кивнул в знак согласия. Беседа была окончена. Подошедший слуга взял чемоданчик Парсонса и предложил следовать за собой.

Какое богатство, — подумал Парсонс, войдя в отведенную ему комнату. Несомненно, он был почетным гостем Логова. И не без причины.

За обедом разговор зашел о Логове. Выяснилось, что оно находилось в двадцати милях от города, в котором побывал Парсонс и в котором находится Фонто. Здесь жила Лорис — Верховная Мать — со своим окружением. Земля эта была священна и

находилась вне контроля правительства.

Логово было независимой экономически замкнутой системой. под зданием были оборудованы гигантские турбины атомных генераторов, которые уже в течение века обеспечивали Логово энергией.

Продукты получали из подземных оранжерей, где с помощью искусственного освещения выращивалось все необходимое для нормального питания. Мебель, одежду, другие предметы изготавливали роботы, занимающие ряд зданий на территории Логова.

Когда им подали кофе, Парсонс неожиданно обратился к Хельмару:

— Вы — родственник Лорис?

— Почему вы это спросили?

— Вы очень похожи на того в кубе.

Хельмар покачал головой.

— Нет. Мы даже не из одной семьи.

И все–таки Парсонсу почудилась неуверенность в его голосе. Он с самого начала чувствовал, что все вокруг что–то не договаривают.

Было очевидно, что Хельмар и Лорис занимались противозаконной деятельностью. Судя по всему быть обладателем мини-Куба было опасно. Опасно было и сохранять тело, умершего много

лет назад человека, а пытаться оживить его в соответствии с нравами эпохи было преступлением.

Парсонс понимал, что движет Лорис. Стремление оживить отца было вполне естественным. Ей пришлось использовать все свое влияние и власть для преодоления возникающих трудностей. И если учесть, что мини–Куб был главным объектом Логова, то становилось ясным для чего это Логово было создано.

— Ваш отец родился в Фонто? — Спросил Джек, поднимая глаза на Лорис.

— У нас никто не может родиться в другом месте — ответил за нее Хельмар и тут же раздраженно добавил — почему вас это интересует? У нас есть все данные о его физическом состоянии на момент смерти. Это самое главное для Вас. При чем здесь рождение?

— Кто сконструировал Куб? — Изменил тему Парсонс.

— Я не понимаю вопроса — неуверенно ответила Лорис, бросая быстрый взгляд на Хельмара.

— Если вы имеете в виду Куб в соседней комнате, то для того чтобы его приготовить не надо обладать особыми познаниями. чертежи Куба Фонто вполне доступны.

— Куб был сконструирован для того, чтобы сохранить тело моего отца. — Вмешалась в разговор Лорис.

— То есть, после его смерти — подытожил Парсонс.

— Поясните мне, каким образом это поможет Вам в работе? — Хельмар был явно раздражен.

— Вы рассматриваете меня, как тупого исполнителя, а эта роль меня не устраивает.

Ответом Хельмара был презрительный взгляд, который он бросил в сторону Парсонса.

— Нет, нет. — Быстро заговорила Лорис, в ее голосе раздражения не чувствовалось, скорее глубокая усталость, — поймите, мы очень рискуем. Зачем Вам все это. Для того, чтобы лечить больного не обязательно знать место его рождения и вероисповедание, так ведь?

— Я не согласен, — Джим даже удивился своему упрямству.

— Прошу вас доктор, голос Лорис звучал умоляюще, — мы будем Вам крайне признательны. Вы будете отправлены в любую эпоху, которую только пожелаете.

— Я хотел бы вернуться к своей семье, жене, которую я люблю.

— Мы это поняли еще когда наблюдали за

вами.

— И не смотря на это приволокли, помимо моей воли, меня сюда. В прочем, я зря это говорю вам, для вас я просто раб.

— Зачем вы это говорите? — Лорис казалось была готова заплакать. — Вас никто не обязывал нам помогать. Вы абсолютно свободны. Если пожелаете, мы вернем Вас обратно, — она поднялась со стула. — Извините нас.

Быстрым шагом она покинула комнату.

— Поймите же ее — проговорил Хельмар, допивая кофе, — вы для нее последняя надежда. Понимаю, что я вам не симпатичен. Не во мне дело. Это нужно сделать для нее.

То что он сказал, его тон несколько успокоили Парсонса. И все таки, он чувствовал, что многое от него скрывают. Боятся, что если он узнает всю правду, то откажется работать? Он отогнал сомнения. Взяв со стола рюмку коньяка он поднес ее к губам. коньяк был великолепен.

Около получаса они сидели молча. Наконец Хельмар поднялся с кресла.

— Я жду вашего решения, доктор.

— Я готов следовать за Вами, — решительно ответил Парсонс.

10

Роботы неторопливо вскрывали Куб. Прищурившись от яркого света, Парсонс смотрел на тело законсервированное в жидкости: глаза закрыты, мышцы расслаблены. Мертвый бог, стоящий на границе двух миров, ждущий момента, который позволяет ему войти в один из них и найти там народ ожидающий его возвращения.

Парсонс посмотрел по сторонам и увидел, что они здесь не одни. Чуть поодаль небольшими группами стояли мужчины и женщины. Они были удивительно похожи друг на друга — красивы, молоды, темнокожи. Все они принадлежали одному племени. У каждого на одежде была эмблема Волка. Они перешептывались друг с другом, явно обсуждая предстоящую операцию.

Наконец Куб был вскрыт. Жидкость была откачена через пластиковые шланги. Тело извлекли и положили на специальный стол.

— Мне не нравится эта толпа — недовольным голосом сказал Парсонс Хельмару. Я буду проникать внутрь грудной клетки. Есть опасность попадания инфекции.

Несмотря на то, что Джим говорил достаточно

громко, никто из присутствующих даже не пошевелился.

— Они имеют полное право присутствовать при операции — весьма высокомерно заявил Хельмар.

— Есть такое понятие, как стерильность.

— Да бросьте, Парсонс, тогда в гостинице вы делали операцию невзирая на то, что вокруг толпились люди. И кроме того в Вашем чемоданчике имеется достаточное количество антисептических средств.

Выругавшись Парсонс повернулся к Хельмару спиной. Надев стерильные перчатки он принялся раскладывать инструменты. Закончив все манипуляции, он внимательно осмотрел тело. Оно было в идеальном состоянии. Никаких следов разложения. Он дотронулся своей рукой до руки трупа и почувствовал леденящий холод. Холод сродни холоду межпланетного пространства.

— Мы быстро вернем ему нормальную температуру — услышал он голос Хельмара, — наш способ охлаждения весьма совершенен.

Действительно через некоторое время тело стало теплым, вверху загудел рациональный стерилизатор, облучая тело. Наконец все было готово к операции. Уверенным движением Джим

рассек грудь пациента с удовлетворением отметив про себя, что кровь не свернулась. аккуратно присоединил к артерии помпу Диксона. Через несколько минут кровь пришла в движение — заработало сердце. Пока все шло нормально. Теперь, если ткани не разрушились из–за отсутствия кислорода и питания, если мозг не… Он почувствовал, как грудь Лорис коснулась его спины. Прерывисто дыша, она следила за его действиями. Он внимательно осмотрел торчащую из груди стрелу. Она глубоко проникла в сердце. Парсонс решил рискнуть. Он взял пинцет и резко дернул за наконечник. Из раны хлынула кровь. Стрела была извлечена.

— Это не главное, — произнес ни к кому не обращаясь Джим, — главное мозг, если он поражен, операция бесполезна.

Он вынул стетоскоп и внимательно начал прослушивать грудь пациента, пытаясь уловить признаки дыхания.

«Только бы мозг был в порядке, — озабоченно подумал он, — если это так, то он должен ожить.»

— Есть! — Радостный возглас Парсонса вывел из оцепенения зрителей, есть дыхание!

Он услышал, как за его спиной заплакала Ло-

рис.

Итак, все было закончено. Оживленный его усилиями человек лежал на столе и только заметное колебание в груди говорило о том, что жизнь теплится в этом теле.

Зал опустел. Только Лорис задумчиво сидела в кресле в углу. Теперь, когда все было позади ее лицо выражало спокойствие и умиротворение.

— Все нормально? — Спросила она.

— Пока да. — Сказал Парсонс, собирая инструмент. Лорис поднялась и медленно подошла к Джиму.

— Доктор, если бы вы знали, какое огромное дело вы сделали не только для меня, но и для всего мира.

— Я хотел бы отдохнуть, — не глядя на нее сказал Парсонс. Закрыв чемоданчик, он направился к выходу.

— Вы разрешите побеспокоить вас, если с ним что–нибудь случится, — окликнула его Лорис, — мы будем, сменяя друг друга наблюдать за ним.

— Доктор, — она взяла его за руку, — когда к нему вернется сознание?

— Трудно сказать, — он пожал плечами.

Лорис озабоченно посмотрела на своего отца. Ответ явно не удовлетворял ее.

Войдя в свою комнату, Парсонс не раздеваясь свалился на кровать и моментально уснул.

Проснулся он от легкого прикосновения чьей–то руки.

— Я думаю, вы проголодались, — услышал он голос Лорис, — уже полночь.

Она включила лампу.

— С удовольствием, — еще окончательно не проснувшись ответил Парсонс, с трудом открывая глаза.

Лорис махнула рукой. В дверь, двигая передвижной столик, заставленный едой и напитками вошел слуга. Поставив все это перед Парсонсом, он удалился.

— Как самочувствие пациента? — Спросил Джим садясь на постель.

— Он приходит в себя и даже открыл глаза, но ненадолго. Сейчас он опять без сознания.

— Это состояние продлится долго и связано с тем шоком, который он пережил.

Он принялся за еду. Лорис пододвинула свой стул поближе.

— Поверьте, мне очень жаль, что мы разлучили вас с семьей, но скоро это будет исправлено.

Обед оказался очень коротким. Через несколько минут Парсонс почувствовал, что сыт.

— Видите ли, Доктор, — неожиданно заговорила женщина, — их мышление извращено. Вам понять это никогда не удастся!

— Вы о ком? — Не понял ее Джим.

— О наших правителях, конечно. Здесь все основано на Кубе, на Списках. Вспомните Икару, которую вы пытались спасти. Она сознательно пошла на смерть, считая себя слишком изуродованной для того, чтобы иметь успех в конкурсе своего племени. Какая польза от ее смерти? А ведь она была уверена, что делает это ради своих сограждан.

— Лорис, почему вы не попытались изменить прошлое, если имеете возможность проникать в него. ПОЧЕМУ ВЫ не предотвратили смерть своего отца?

— Это не в наших руках. Вы думаете мы ничего не пытались предпринять? — Она повысила голос. — Несколько раз мы попадали в это время и каждый раз ничего не менялось.

— Значит прошлое неизменно?

— Не знаю. Кое–что можно изменить. Однако то что мы хотим сделать у нас не получается. Что–то ускользает от нас.

— Вы любите отца?

— Я не знаю что сказать доктор. Ведь я никогда

не видел его живым. Для меня он всегда был в этом Кубе. Так близко и в то же время так далеко. Вернуть его моя детская мечта. И вот наконец — в ее глазах мелькнули слезы, — он почти с нами. — Она замолчала, уткнувшись лицом в свои ладони.

Жалость овладела Джимом. Медленно подняв руку он погладил ее черные волосы. Она подняла голову. В ее глазах он прочел нечто большее нежели мысли об отце. Молча Парсонс привлек ее к себе. Она не сопротивлялась. ЕЕ дыхание, смешанное с запахом волос одурманило Джима. Наклонившись, он поцеловал ее в приоткрытые губы.

— Лорис…

— Нет, не надо, прошу вас…

Внезапно она резко оттолкнула его и быстро направилась к двери. Догнав ее, Парсонс схватил ее за плечи.

— Что случилось?

— Я… — Лорис не успела договорить, как дверь резко распахнулась и в комнату вбежал взволнованный Хельмар.

— Лорис! Он! Доктор, быстрее…

Через минуту все трое запыхавшись вбежали в комнату, где лежал оживленный. Вокруг тела

суетились люди. Они устанавливали прибор, назначения которого Парсонс не знал.

— Охлаждение… — услышал Джим голос одного из них.

Он быстро достал инструменты и оттолкнув склонившегося над телом человека, подошел к столу. То, что он увидел, ошеломило его. Из груди отца Лорис вновь торчала стрела.

— Снова! — Отчаянным голосом произнес Хельмар, мы думали, что… — потрясение помешало ему окончить мысль.

— Поместите его в Куб — раздался резкий голос Лорис.

Несколько человек аккуратно подняли труп и занесли его туда, где он содержался ранее. Из шлангов брызнула жидкость и тело снова скрылось от глаз наблюдателей.

— Мы были правы. — Мрачно заметила Лорис.

Парсонс повернулся к ней и поразился гримасе ненависти, застывшей на прекрасном лице.

— Я ничего не понимаю. Как это получилось?

Ее глаза сверкнули.

— Это все они. Они, которые тоже могут управлять временем и смеясь над нами вмешиваются в наши планы меняя их по своему усмотрению!

Она была близка к истерике.

Крышка закрылась. Тело вновь парило в Кубе. Смерть победила и на этот раз.

11

— У нас есть враги, — Хельмар стоял рядом с Парсонсом, — Вы знаете об этом. Каждый раз когда мы проникали в прошлое с целью воздействовать на него, что–то возникало на нашем пути, сводя все усилия на нет. Мы наивно думали, что это связано с природой времени. Теперь ясно, что оправдались худшие предположения. Все преграды искусственны.

— Вы уверены, что это так? — Засомневался Парсонс.

Хельмар грустно ухмыльнулся.

— Может быть и нет. Мы здесь все немного параноики. Но насколько я разбираюсь в принципах управления временем…

Он не договорил. Взгляд его устремился в дальний конец зала, голова склонилась в почтительном поклоне. То же самое сделали все присутствующие. Парсонс повернулся и увидел идущую к Кубу женщину, которую сопровождали два вооруженных охранника. Это был первый человек из всех ранее встречаемых Джимом, который был старше его.

Лорис быстрым шагом пошла ей навстречу.

— Он снова умер. Они убили его во второй раз!

Пожилая женщина медленно подошла к Кубу. Ее фигура, лицо излучали глубокую скорбь. Стоя в нескольких метрах, Парсонс внимательно рассматривал незнакомку. На вид ей было 65–70 лет. Но для своего возраста она выглядела чудесно. Длинные светлые волосы свободно падали на спину. Такой же лоб, как у Лорис, густые брови, удлиненный подбородок. Движения уверены, величественны.

Вошедшая застыла у Куба. Лорис подошла и положила руку ей на плечо.

— Мама… Мы попытаемся еще раз. Рано или поздно получится.

Мать Лорис, жена того в Кубе. Все это было весьма странным.

— Кто это? — Она кивнула в сторону Парсонса.

— Это доктор, который делал операцию.

— Я вас не виню. Мне сказали, что вы сделали все возможное.

Она снова посмотрела на своего мужа.

— Мы придумаем что–нибудь другое, мы обязательно что–нибудь придумаем.

Она повернулась и сопровождаемая охранниками направилась к выходу. Присутствующие молчали почтительно склонив головы.

Парсонс вдруг понял, что она — мать, Верховная Мать — истинная родительница, стоящих в этом зале, а их отец — тот в Кубе.

— Хорошо, что вы ее увидели. — Негромко сказала Лорис, обращаясь к Парсонсу. — Она наша мать и жена Корита. — Лорис указала на фигуру, помещенную в Кубе. — Мы боготворим ее и рассчитываем на ее поддержку в самые тяжелые моменты.

— Вы говорили, что он умер не в первый раз. Сколько раз он умирал?

— Четыре раза и каждый раз это была стрела, попадающая в сердце.

— И нет исключений?

— Нет.

— Стрела очень древняя. Когда он погиб в первый раз?

Лорис молчала.

— У вас был пространственно временной корабль до того как он умер?

Она кивнула.

— Это произошло тридцать пять лет назад, когда мы только его создали.

— И чего же вы добивались?

Молчание.

— Если вы хотите, чтобы я вам помог, вы долж-

ны многое мне рассказать.

Лорис покачала головой.

— Вы вряд ли уже чем–то нам поможете. Ваша задача выполнена и теперь мы примем меры для того, чтобы доставить вас домой, а теперь простите, я должна идти.

Проводив ее взглядом, Парсонс обратил внимание на необычную фигуру, застывшую в углу. Очевидно он стоял там очень давно, но никто не обращал на него внимания, хотя он заслуживал того. Небольшого роста, с головы до пят закутанный в черную накидку. Это существо резко отличалось от окружающих людей. Увидев то, что Парсонс смотрит на него, человек медленно подошел к Джиму. Плащ откинулся и перед Парсонсом возникла голова дряхлой старухи с живыми умными глазами.

— Она плохо видит, почти что глухая — услышал Джим голос Хельмара.

— Кто это? — Спросил он.

— Это самая первая из нас. Ей больше ста лет. Ее зовут Никсина. Она мать Корита и Йелты — матери Лорис.

— Корит и Йелта брат и сестра?

— Мы все родственники.

«Кровосмешение возведенное в норму, — мрач-

но подумал Парсонс, — зачем? Как они могут производить полноценное потомство?»

Наконец Никсина заговорила.

— Это тот самый белый? — Произнесла она, обращаясь к Хельмару.

Тот молча кивнул.

— Я благодарна вам за то, что вы попытались оживить моего сына.

— К сожалению, я ничем не смог помочь.

— Может быть, — ее голос звучал на удивление мелодично. — Может быть в следующий раз. — Ее глаза сверкали. — Какая ирония судьбы: — в нашем обществе белый.

Она помолчала.

— Вам объяснили для чего все это?

— Нет, — отрицательно покачал головой Парсонс.

— Я так и знала, — она с упреком посмотрела на Хельмара, — это нечестно скрывать от вас суть дела. Буду откровенной. Начало всему положила идея Корита и неудивительно, ведь он был человеком блестящего ума. И то, что он задумал было грандиозно. Вычеркнуть из истории пятьсот жутких лет. Именно те годы, когда белые властвовали над миром. Вы видели портреты в малом холе?

— Портреты колонизаторов?

— Да, именно. Мой сын попытался осуществить свои планы. Вначале он долго изучал архивы и старинные книги. Затем выбрал место — Новую Англию и начал проникновение. 17 июня 1579 года корабль под командой Дрейка подошел к ее берегам.

Она повернулась к Хельмару:

— Не так ли?

— Да!

— Он остался там приблизительно на пять недель. Корабль был на ремонте.

— Речь шла о «Золотой Лани», — сказал Парсонс.

Он начинал кое–что понимать.

— Корит прибыл туда и… они убили его. Стрелой. Ее глаза утратили блеск.

— Нужно, чтобы она отдохнула. — Прошептал Хельмар.

Он кивнул охранникам, которые бережно вывели ее из зала.

Странный проект думал Парсонс. Преобразовать прошлое. Вернуться в Калифорнию отыскать Дрейка. Убить его, чтобы заставить исчезнуть первого Англичанина, который колонизировал Америку. Они, очевидно, испытывали ненависть

ко всем белым. Парсонс направился к центральному холлу, где находились портреты.

Дрейк, Кортес, Писарро. Парсонс испытывал симпатию к этим людям. Он задержался у портрета Дрейка. Затем направился на поиски Хельмара. Он нашел его в компании трех молодых людей.

— Я бы хотел кое–что увидеть, — отведя в сторону Хельмара сказал Джим.

— Что именно?

— Стрелу, которую я вынул из груди Корита.

— Ее спрятали, но если вы пожелаете, то вам ее принесут.

— Я вас благодарю. Вы ее хорошо изучили?

— Зачем?

Парсонс не ответил.

Несколько минут спустя стрела вновь была в руках Парсонса.

— Не мог бы я взять свои инструменты?

— Что вы ищете? — Спросила Лорис.

— Я хочу изучить наконечник, но у меня нет необходимых приборов.

Час спустя у Парсонса были результаты.

— Оперение стрелы искусственное. Термопластик. Древко из дерева ивы. Наконечник из кремния, выточенный зубилом.

— Кто же его убил в 1579 в Англии?

— Не знаю, но могу сказать одно — эта стрела не была сделана не индейцами, не теми, кто жил в 16 веке. Она могла быть сделана не ранее 1930 года. Корит был убит своими современниками.

12

Вечер. Парсонс и Лорис стояли на балконе Логова, глядя на раскинувшийся вдали город.

— Именно в этом городе — прошептала женщина — кто–то изготовлял стрелы, которые вонзались в грудь моего отца.

«Кто бы это не был, — подумал Парсонс, — он обладает необходимым оборудованием для перемещений во времени. Очень, очень многое неясно. Действительно ли Корит умер в 1579 году в Новой Англии? Стрелы могли настичь его и здесь. тогда зачем они вызвали врага из прошлой эпохи для оживления человека, которого сами же убивают?»

— Если вы уже два раза были в Новой Англии, — вслух сказал он, — как получилось, что вы не видели убийцу?

— Берег, где он был убит — сплошные скалы. Прячась за ними, мы наблюдали за Дрейком и его людьми.

— И они вас не заметили?

— Даже если и заметили, то приняли за туземцев.

— Но все–таки, почему стрела? А например

не пуля?

— Для нас это тоже загадка. В общем, Дрейка с ними тоже не было. Он ушел с небольшим отрядом. Отец ждал его и когда наконец он появился на пляже сразу же устремился к нему и мы потеряли его из виду.

— Что он хотел?

— Убить Дрейка.

— Чем?

— Вот этим оружием, — Лорис достала из ящика стола предмет похожий на трубку. Парсонс уже видел подобный у Стенога.

— Его же команда была вооружена оружием индейцев. Сложность заключалась в том, чтобы выдать убийство Дрейка за похищение туземцами.

— И как он это собирался осуществить?

— О, он долго готовился к исполнению своего проекта. Причем все делал в обстановке строгой секретности. Его постоянно преследовала мысль, что кто–то шпионит за ним и хочет нарушить его планы. Представьте, что в неведении были даже Никсина и Йелта.

— Типичный параноик, — подумал Парсонс, — охвачен безумной идеей, изменить исторический процесс, устранить несправедливость.

— Я уверена, — продолжала Лорис, — что в его планы входило саморазоблачение после убийства Дрейка. Это было необходимо для демонстрации мнимой силы туземцев. англичане должны были понять, что существует оружие значительно сильнее, чем то, которое у них.

— Да, — согласился Парсонс, — потрясение было бы огромным. А можете ли вы завершить все это без Корита?

— Нет, это всего лишь часть программы.

— А остальное?

Она вздохнула.

— Уйдем отсюда… Меня угнетает эта темнота. Поговорим у меня.

Он первый раз попал в ее комнату. Обстановка была очень скромной. В углу стоял шкаф, заполненный одеждой, чуть поодаль одноместная кровать. На полу и стенах — ковры. Что–то было в этой обстановке от восточного стиля. Все это наверное было из прошлого.

Лорис села в кресло.

— Я слушаю… — Парсонс сел напротив.

— Вы наверное уже догадались, что все окружающие вас мужчины — скопцы. Все, кроме Корита. Его спасла от стерилизации Никсина бывшая в момент его рождения Верховной матерью. И

все же сделали так, что он был внесен в списки оскопленных. Наши женщины тоже подвергаются искусственному вмешательству. В свое время Йелта, ставшая после Никсины Верховной матерью сумела отобрать из Куба детородные зиготы.

— И это теперь члены вашей семьи?

— Да, например, Хельмар.

Она встала.

— Все за исключением Корита.

— Значит для того, чтобы продолжать воспроизводить потомство, вам нужен Корит?

— Да, но не это главное.

— А что же. Что вы рассчитываете сделать с вашей семьей.

Она исподлобья взглянула на Джима.

— Мы выделяемся среди других, доктор. Никсина должна была иметь чистую кровь. А мы такие же как она. Понимаете? — Она провела пальцем по щеке, — посмотрите на мое лицо, мою кожу. Как вы считаете, во мне есть помесь?

— Не знаю, — Джек почувствовал затруднение, — это можно проверить. Похоже на мистику.

— Так и есть. Мистика присутствует, но речь идет не только об этом.

Он положил ее руку на колено. Лорис проигно-

рировала этот жест.

— Наша цель — использовать преимущественное право приобретения наших предков, доктор. Увы, это не рынок. Но если нам удастся убить белых авантюристов, которые хотят захватить Новый Свет, мы могли бы использовать наши резервы — нас же самих. Что вы думаете об этом, доктор?

Победная улыбка замерла у нее на лице.

— И это серьезно? — Спросил Парсонс.

— Разумеется, не должно быть господ и рабов. Расовое неравенство должно исчезнуть. все должно быть сведено к естественным взаимоотношениям. Будущее — путеводная звезда прошлого.

— Конечно, — согласился Парсонс, — тогда мир был бы человечнее. Не было бы геноцида, концлагерей, резерваций.

— Вы со мной согласны. Вы — белый человек. Весьма любопытно. — Она покачала головой. Вы не похожи на своих предков, но именно они создали цивилизацию. Мы вырвали вас из мира, который доживал свои последние годы.

Она встала и подошла к окну. Парсонс последовал за ней. Он чувствовал острое желание быть с нею. Руки самопроизвольно обняли Лорис за

талию.

— Вы злились на нас за то, что мы забрали вас у вашей жены. — В ее голосе послышалась злость. — Но это абсурд. Женаты вы или нет, но мы встретимся с вами в вашей эпохе.

— Однако, разве может индианка говорить такое белому? — С иронией заметил он.

— Не опошляйте, доктор. Я не фанатичка. Вас здесь никто не презирает.

Страсть достигла точки кипения. Он привлек ее к себе.

— Доктор… доктор… — она улыбнулась — вы хотите стать моим любовником?

— Лорис, я не скопец.

— Это безразлично. Я все–таки Верховная Мать, имеющая доступ во все отделения Фонда. Если я забеременею, то введу зиготы в Куб и она махнула рукой.

Внезапно она отстранилась от Джима.

— А с чего вы взяли, что я хочу стать вашей любовницей? Я вам позволила? Это была шутка?

Он схватил ее за руку.

— Если…

Ночь пролетела быстро.

— Ты говорил, что хочешь еще что–то узнать? — Прошептала Лорис, лежа рядом с Джимом.

— Да, я хотел бы видеть, как он погиб.

— Ты хочешь побывать в Новой Англии?

Даже в полной темноте он почувствовал ее острый взгляд. Она встала и накинула на себя халат.

— Ну что же, мы можем попробовать.

Они пили кофе за маленьким столиком, установленным на одной из веранд Логова.

— Я думаю над твоей просьбой, — Лорис поставила чашку на стол, — видишь ли, это может нарушить наши планы. Изгнать белых, чтобы услужить белому. Впрочем, мы об этом знали, еще когда начинали тебя искать.

— Конечно, вы сможете воспользоваться моими профессиональными знаниями. Теперь, зная откуда он возвращается, я предлагаю свою помощь, осознавая последствия.

«Ну что же, — подумал он, — выбор сделан.»

— Один вопрос, Лорис, — она кивнула головой, — изменится ли ход событий и как? Может ли смерть Дрейка повлечь за собой наше исчезновение?

— Мы стараемся учитывать все парадоксы времени. Еще когда был жив Корит проводились эксперименты в прошлом с целью определения влияния возникших изменений на будущее.

Она на секунду задумалась.

— Ясно, что общая тенденция лет природы в упорядочении самих себя. Далекое будущее предсказать невозможно. Бросьте камень в воду — небольшое волнение и все. Чтобы что–то изменилось, мы должны убить как минимум 15 основателей персонажей истории. И даже в этом случае европейская цивилизация не рухнет. Фундамент останется. Будет изобретен телефон, автомобиль. Родятся и будут творить Шекспир и Вольтер. В этом мы уверены.

— Не слишком ли это самонадеянно?

— У нас есть доказательства, которые говорят о том, что те кто жил до этого момента, будут жить и после него. Просто изменится их статус. Изменится история 16 века, 17 века, но уже не так значительно, а 18 и 19 века практически будут такими как и должны быть. В то же время, — ее голос стал твердым, — мы трижды были в прошлом и ничего не сумели изменить. Проблема в том, что мы изменяем настоящее. Она в том, что мы вообще ничего не можем изменить.

— Может быть, временные трансмутации нереальные?

— Может быть. Однако нужно попробовать. Самое худшее, что произойдет возврат к исходным

позициям.

Да, она не убедила его. Он не был уверен в правильности гипотезы, позволяющей рассчитать результаты вмешательства. Несколько экспериментов на которых она была основана еще ни о чем не говорили. Мысль о том, что миллионы человеческих жизней, судьба цивилизации зависит от экспериментов, которые проводят эти люди. А если у них получится? И все же одно не давало ему покоя. Он помнил, как была инкрустирована стрела, торчавшая из груди Корита. И самое главное…

Понемногу странная теория формировалась у него в мозгу. Прошлое уже было кем–то изменено. Они были простыми наблюдателями, не в силах ничего поменять. Прошлое было обычным. И в то же время его уже изменили. Никто, ни Лорис, ни Корит, этого не заметили.

Он вспомнил гравюру с изображением Френсиса Дрейка, которую видел здесь в Логове. Если убрать бороду и усы. Это может быть портрет Стенога.

13

Старая женщина, накрывшись пледом, сидела в кресле напротив окна. Когда он вошел она даже не обернулась в его сторону. Парсонс обошел кресло и встал напротив Никсины. Она открыла глаза.

— Добрый вечер. — Пробормотал Джим.

— Вы забыли, что она глухая. — Раздался голос охранника, сидевшего на диване в дальнем углу, — пройдите поближе, она умеет читать по губам.

— Значит вы решили попробовать?

— Да, мэм.

— Ну что ж, наверное, так и должно быть. Я тоже буду там, — заметив его удивление Никсина добавила, — я каждый раз была в составе команды.

Слушая этот властный голос, Парсонс не мог отделаться от мысли, что это она главный инициатор вторжений и пока она жива, они будут продолжаться.

— Мы не будем вмешиваться в вашу работу. Лично я уверена, что вы в состоянии нам помочь.

— Я надеюсь, мэм, однако до конца не уверен.

Она тяжело, по–старчески вздохнула.

— Я постоянно вижу эту сцену. Мой сын спускается по скалам надеясь убить этого человека. Этого Убийцу!

Она замолчала и закрыла глаза.

— Не долго ей осталось, — подумал Парсонс.

Немного спустя он вышел из комнаты. Лорис ждала его в коридоре.

— Она хочет еще раз попробовать? — Задала она вопрос, едва увидев Джима.

Он кивнул в ответ.

— Ну что же, никто никогда не противился ее воле.

Итак, это должно будет произойти. Корит убьет Дрейка, который противостоит целой флотилии испанского короля.

— Мы достигли определенного прогресса, — продолжала Лорис — есть новые результаты, хочешь взглянуть?

Она указала на дверь лифта. Судя по всему, ему позволили проникнуть в подземный город.

Когда лифт остановился, они вышли и оказались в ярко освещенном помещении. В центре его стояла группа людей. Все они были одеты в меховые накидки, на ногах — индейские мокаси-

ны. Среди этой группы выделялся Хельмар.

— Если ты хочешь идти с нами, — сказала Лорис, — тебе придется что–то сделать с кожей.

Парсонс посмотрел на свои руки. Их белизна резко контрастировала с бронзовым оттенком кожи окружающих. Он вопросительно посмотрел на Лорис.

— Это поправимо. У нас есть необходимые пигменты.

— Пожалуй я воспользуюсь своим средством.

Он раскрыл чемоданчик. Раздевшись до трусов, он густо намазал себя коричневым кремом. Два человека из группы охотно помогали ему. Закончив работу, он победно взглянул на Лорис.

— Все очень хорошо, — задумчиво сказала она, — но все же одна деталь тебя выдаст.

— Если здесь есть отдельная комната, — заговорил было он, но Лорис его прервала.

— Твои голубые глаза, доктор. Но не беспокойся, я кое–что прихватила с собой. — Лорис протянула Парсонсу пакет, в котором были контактные линзы.

— Прекрасно! — воскликнула Мать Волков, после того как Джим вставил линзы в глаза.

Он повернулся и посмотрел в зеркало. Перед ним стоял бронзовокожий, черноволосый ин-

деец.

— Теперь мы ничем не отличаемся от туземцев.

— А как же отношения между ними и Дрейком?

— Хорошие. Дрейк воюет с ихними главными врагами — испанцами.

— То есть с белыми?

— Да. Парсонс, — резко переменила она тему разговора, — вы помните как управлять пространственно–временным кораблем?

Джим кивнул.

— Осознаете ли вы, на какой риск идете?

Он молчал, вспоминая человека в Кубе.

«Бронзовый Орел», судно, которое команда Дрейка оставила у берегов Калифорнии, обнаружили в тысяча девятьсот тридцать шестом году в сорока милях от Сан–Франциско.

«Золотая лань» была в плавании много дней, пока Дрейк не нашел бухту, удобную для ремонта. Корабль был набит драгоценностями, отбитыми в бою у испанцев. Чтобы обеспечить безопасность груза и людей, Дрейк подвел ее к самому берегу, надежно спрятав от случайных глаз других джентльменов удачи. Туман и высокие скалы делали свое дело. Работы велись днем и ночью

без боязни быть замеченными.

В миле от них, спрятавшись в скалах, сидел Парсонс и через бинокль наблюдал за происходящим. Корабль, стоявший на грунте, был похож на доисторическое животное по спине которого сновали матросы. Мелькали их голубые камзолы, белые шевелюры, перевязанные платками, развевались по ветру.

Он смотрел очень внимательно.

Никаких признаков Дрейка.

Рассматривая бухту, Парсонс припомнил эту местность. Конечно же это курортное место, названное в честь агента по торговле недвижимостью, первым поселившимся здесь в начале двадцатого века. Позже здесь будут коттеджи, частные пляжи. А пока…

— Где Дрейк? — не оборачиваясь спросил он у стоявшей за его спиной Лорис.

— В шлюпке, — ответил за нее Хельмар, — он без сознания.

Пространственно–временной корабль, хорошо замаскированный кустарником, стоял чуть дальше. Рядом с ним стояло кресло с Никсиной, около которой замерла Йелта.

— Что мы будем делать? — услышал Парсонс голос Лорис.

— Не знаю, — раздраженно ответил он, — вы уверены, что его нет на борту корабля?

— Смотрите, — закричал Хельмар, — вон там на скале!

Все повернулись и увидели идущую вдали группу индейцев. Присмотревшись, Парсонс узнал Лорис и шедшего рядом с ней Хельмара.

— Так это же мы!

— Который из них твой отец? — спросил Джим у Лорис.

— Он оставил Никсину и Йелту на корабле, ссылаясь на то, что должен изучить обстановку. Когда они вновь увидели его, он был уже далеко на пляже. Затем… — ее голос дрогнул, — он скрылся вон за тем дальним утесом. Потом они видели как он спускался со скалы. Когда его нашли, из груди у него торчала стрела.

— Возле него никого не было, — после некоторого молчания добавил Хельмар.

— Он был мертв?

— Без сознания.

— Посмотрите туда! — воскликнула Лорис, хватая Парсонса за руку.

Джим приложил к глазам бинокль. Вдоль берега плыла шлюпка. Пятеро человек дружно работали веслами. А один, с длинной курчавой

бородкой, лежал на дне. В руках его сверкал какой–то предмет.

«Дрейк, — мелькнуло в голове у Парсонса, — или Стеног». Разглядеть черты лица было трудно.

«Если Стеног, то это западня. Наверное у них более мощное оружие, чем у нас.»

— Какое у них оружие? — вслух спросил он у Лорис.

— Сабли, аркебузы и мушкеты. В любом случае, на таком расстоянии мы для них недосягаемы. Корит не ожидал никакой опасности.

— И все же кто–то оказался в том месте. Кто–то, кто воспользовался индейским оружием, — продолжал мысль Парсонс. — Люди Дрейка убили бы его из мушкета. А индейцы… Зачем им было его убивать?

Шлюпка удалялась от «Золотой лани» держа курс прямо на них.

— Я спущусь, — принял решение Парсонс.

По опущенному канату он начал спускаться с утеса. Место было выбрано удачно, сидящие в лодке не могли его видеть. Встав на песок, он внимательно огляделся вокруг. Никого. Внезапно на него обрушился град мелких камней, перемешанных с сухой листвой. Слева показалась шлюпка.

Джим ничком бросился на землю. Однако было поздно, его уже заметили. Дрейк и двое его людей приближались к нему. Джим уже ясно различал черты лица.

— Стеног! — приподнимаясь воскликнул он.

Троица остановилась. Парсонс встал и сам направился к ним.

— Стеног, я не могу ошибиться, это вы. Надеюсь и меня вы помните?

Бородач улыбнулся.

— Ну как же! Доктор Парсонс. Вас все–таки извлекли из корабля. Мы это предвидели. Убитый шюпо, два неизвестных трупа в разбитом звездолете… Впрочем, не ожидал вас здесь увидеть.

Он засмеялся.

— Почему вы смеетесь?

— Идите туда, — Стеног махнул рукой в сторону скал, — найдите того, кто хочет меня убить. Я подожду.

Молот Вулкана

1

Артур Питт попал в толпу сразу же, как только покинул офис «Единства» и стал переходить улицу. Остановившись на углу возле своего автомобиля, он прикурил сигарету. Затем открыл дверцу машины, взял кейс–атташе и стал внимательно изучать толпу. Их было человек пятьдесят–шестьдесят — все это были местные жители: рабочие, механики, водители, фермеры, домохозяйки, бакалейщики. Самые обыкновенные представители среднего класса.

Питт скользнул на сидение и, взяв микрофон, встроенный в панель автомобиля, вызвал старшего по званию — начальника южно–американского региона. Люди уже заполнили улицу и направлялись прямо к нему. Вне всякого сомнения, они опознали его по одежде, соответствовавшей Т–классу — белой рубашке с галстуком, серому костюму, фетровой шляпе. Атташе–кейс. Сияющие черные туфли. Наконечник лучевого карандаша, торчащий из нагрудного кармана. Он вытащил золотистую трубку и держал ее наготове.

— Критическое положение, — произнес он.

— Таубман слушает, — донеслось из микрофона. — Где вы находитесь? — Официальный голос доносился откуда–то сверху.

— Все еще в Кедровой Роще, в Алабаме. Вокруг меня собирается толпа. Предполагаю, она блокировала дорогу. Похоже, что весь город собрался здесь.

— Какие–то Исцелители?

На краю тротуара молча стоял старик с крупной головой и короткой стрижкой. Он был одет в широкую, свободного покроя, одежду, сандалии и подпоясан узловатой веревкой.

— Он один, — ответил Питт.

— Попробуйте снять для «Вулкана–3».

— Попытаюсь.

Толпа уже окружила автомобиль. Питт слышал, как их руки ощупывали автомобиль, осторожно его исследовали.

Он откинулся назад и закрыли дверцы на двойной замок. Стекла были подняты, верх туго натянут. Он включил мотор, который привел в действие систему защиты, встроенную в автомобиль. Послышался тихий шум работающей системы, ее питающие элементы искали слабые звенья в защитной броне. На обочине тротуара старик в коричневом по–прежнему не двигался.

Поблизости от него стояло несколько человек в обычной одежде.

Питт вытащил сканер и поднял его. В это же мгновение в дверцу чуть пониже стекла ударился камень. Автомобиль содрогнулся, сканер задвигался у него в руках. Второй камень попал прямо в стекло и сеть трещин расползлась по нему. Питт опустил сканер.

— Я нуждаюсь в помощи. Они настроены решительно.

— Подмога уже в пути. Попытайтесь сделать снимки получше. Мы не можем ничего разобрать.

— Конечно вы не можете, — зло бросил Питт. — Они заметили эту штуковину у меня в руке и умышленно начали обстрел.

Одно из задних стекол треснуло. Несколько рук слепо потянулись внутрь.

— Я собираюсь убираться отсюда, Таубман.

Питт мрачно оскалился, заметив краем глаза, как защитная система пытается починить разбитое окно — пытается и не может. Как только вспенивался новый кусок пластика, руки снаружи хватали и отламывали его.

— Не поддавайтесь панике, — обратился к нему стальной голос из панели.

— Чтобы сохранить старые мозги? — Питт отпустил тормоза.

Автомобиль проехал несколько ярдов и встал, как вкопанный. Мотор заглох, а с ним перестала работать и защитная система; гул затих. Острый приступ паники пронзил Питта. Он оставил попытку найти сканер и трясущимися руками вытащил иглопистолет. Четыре или пять человек стояли перед кабиной, закрывая ему обзор, несколько забрались на машину. Внезапно раздался рев — они начали сверлить крышу тепловым буром.

— Когда они доберутся сюда? — быстро пробормотал Питт. — Я застрял. Они используют какую–то интерференционную плазму — она все разрушает.

— С минуты на минуту прибудет подмога, — раздался ясный, металлический голос, лишенный страха и такой безразличный к его положению. Организаторский голос. Глубокий и зрелый, отстраненный от опасной суеты.

— Пусть поторапливаются.

Автомобиль сперва качнуло от града камней, обрушившихся на него, затем он зловеще зашатался: в него вцепились с каждой стороны и пытались перевернуть. Оба задних стекла были

выбиты. Мужская рука потянулась к дверной защелке. Питт испепелил ее, направив на нее луч.

— Я вывел из строя одного.

— Если бы вы смогли показать нам хотя бы нескольких…

Протянулось еще несколько рук. Внутри кабины стало душно — тепловой бур почти прошел сквозь обшивку.

— Я ненавижу это делать.

Питт направил луч на атташе–кейс и выждал, пока от него ничего не осталось. Затем поспешно уничтожил содержимое карманов, документы и, наконец, свой бумажник. Когда пластик вскипел черной массой, на мгновение он увидел фото своей жены… которое затем исчезло.

— Они ворвались, — спокойно произнес он, когда левая сторона автомобиля со скрежетом хрустнула и отошла в сторону под действием бура.

— Попытайся продержаться, Питт. Патруль должен быть…

Внезапно микрофон умолк. Чьи–то руки схватили его и прижали к сиденью. Пиджак затрещал по швам, галстук содрали с шеи. Он вскрикнул. Камень попал ему прямо в лицо, иглопистолет упал на пол. Разбитой бутылкой ему перерезали

глаза и рот. Крик оборвался. Тела сомкнулись над ним, он соскользнул с сиденья и был погребен под шевелящейся массой теплых человеческих тел.

На приборной доске продолжал работать скрытый сканер, замаскированный под зажигалку для сигарет; передавая эту сцену. Питт не знал о нем, прибор был вмонтирован в автомобиль присланный ему шефом. Затем из массы барахтающихся людей протянулась чья–то рука, опытными пальцами ощупала приборную доску — и очень осторожно потянула шнур. Замаскированный сканер прекратил работу.

Вдали на шоссе траурно проревели сирены полицейского патруля. Та же самая опытная рука осторожно отдернулась назад и исчезла в общей массе…

Уильям Баррис тщательно осмотрел фото, еще раз сравнив его со вторым снимком, переданным сканером. На его письменном столе стояло кофе, который уже превратился в холодную жижу, забытую среди бумаг. Офис «Единства» звенел и вибрировал от звуков множества компьютеров, калькуляторов, видеофонов, телетайпов и массы принтеров, на которых работали младшие клерки. Чиновники бесконечно перемещались в лабиринте коридоров, бесчисленных ячеек, в

которых находился персонал Т–класса.

Три юных секретарши, цокая высокими каблучками, быстро прошли мимо его стола. Они возвращались к своим рабочим местам после перерыва на обед. Обычно он обращал на них внимание, особенно на стройную блондинку в широком розовом свитере, но не сегодня; он даже не заметил, что они прошли.

— Это лицо не обычно, — пробормотал Баррис. — Взгляните на его глаза и надбровные дуги.

— Френология, — индифферентно бросил Таубман. Его пухлое, хорошо выбритое лицо выражало скуку. В отличие от своего собеседника он положил глаз на секретарш.

Баррис бросил фото на стол.

— Неудивительно, что у них так много последователей. С организаторами, похожими на этих…

Он снова впился взглядом в крошечный фрагмент ленты сканера. Это было единственное, что можно было разглядеть. Был ли это тот же самый мужчина? Он не был полностью уверен. Только пятно, форма без очертаний. Наконец он снова вернул фото Таубману.

— Как его зовут?

— Отец Филдс. — Не спеша, Таубман перели-

стывал свою картотеку. — Пятьдесят девять лет. Профессия — электрик. Высококлассный эксперт. Один из лучших во время войны. Родился в Маконе, штат Джорджия, в тысяча девятьсот семидесятом году. Присоединился к Исцелителям два года назад, в самом начале движения. Один из основателей, если можно доверять информаторам, сообщающим об этом. Два месяца провел в Психологической коррекционной лаборатории в Атланте…

— Так долго? — бросил Баррис.

Он был поражен. У большинства людей на это уходило две недели. В такой передовой лаборатории быстро наступало здравомыслие — у них все было оборудовано по высшему классу, имелась любая известная ему медицинская техника, даже неизвестная, которую он видел лишь мельком. Всякий раз, когда он посещал это место, у него возникало сильное чувство страха, несмотря на его абсолютный иммунитет.

— Он убежал, — заявил Таубман. — Исчез.

Подняв голову, он обменялся взглядами с Баррисом.

— Не прошел курс лечения.

— Два месяца и без лечения?

— Он был болен, — произнес Таубман со слабой

насмешкой.

— Ранение, а затем хроническое заболевание крови. Что–то, связанное с радиационным облучением, полученным во время войны. Он уклонился от лечения, а затем в один прекрасный день смылся. Взял один из этих чертовых кондиционеров на стене, переоборудовал его при помощи ложки и зубочистки. Конечно, никто не знает, что он из него сделал, результаты эксперимента исчезли вместе с ним за стеной ограды. Все что нам досталось, так это детали, которые он не использовал.

Таубман уложил фото в картотеку. Указывая на вторую пленку сканера, он сказал:

— Если это тот же самый мужчина, значит мы слышим о нем впервые после его побега.

— Вы знали Питта?

— Немного. Приятный, довольно наивный молодой парень. Преданный своей работе. Женат. Попросился о зачислении на эту службу, так как нуждался в дополнительной месячной надбавке. Возможно, для того чтобы его жена могла обставить свою гостиную дубовой мебелью эпохи ранней Англии. — Таубман встал. — Все говорит о том, что здесь не обошлось без отца Филдса.

— Слишком плохо, что полиция запоздала, —

посетовал Баррис. — Она всегда приезжает на несколько минут позже.

Он изучал Таубмана. Они оба практически равны по своему положению, их политика в подобных вопросах основывалась на взаимном уважении. Но он никогда не любил Таубмана, ему казалось, что тот всегда чересчур много внимания уделяет собственному статусу. И не интересовался теоретическими вопросами «Единства».

Таубман пожал плечами.

— Когда весь город против вас, это не так странно. Они блокировали дороги, перерезали связь, заглушили каналы видеофонов.

— Если вам удастся поймать отца Филдса, пришлите его ко мне. Я хотел бы лично допросить его.

Таубман тонко улыбнулся.

— Конечно. Но я сомневаюсь, что мы его поймаем.

Он зевнул и направился к двери.

— Это маловероятно, он очень хитрый.

— Что вы знаете об этом? — требовательно спросил Баррис. — Вы, кажется, знакомы с ним… почти на личной основе?

Не потеряв ни капли самообладания, Таубман

ответил:

— Я видел его в лабораториях Атланты. Пару раз. Кроме того, Атланта является частью моего региона. — Он встретился с Баррисом взглядом.

— Вы полагаете, это именно тот мужчина, которого Питт заметил перед смертью? — спросил Баррис. — Человек, который организовал эту толпу?

— Не спрашивайте, меня, — ответил Таубман. — Пошлите фото и эту пленку «Вулкану–3». Спросите его.

— Вы знаете, что «Вулкан–3» отвечает не раньше, чем через пятнадцать месяцев, — заметил Баррис.

— Может быть, ему нечего будет сказать, — Таубман открыл дверь в холл. Телохранители–полицейские со всех сторон окружили его. — Хотя я могу сказать вам одно. Исцелители всегда преследуют одну и ту же цель. Все остальное пустая болтовня — вся эта чушь об их желании разрушить общество и уничтожить цивилизацию. Это необходимо лишь коммерческим комментаторам, но мы знаем, что в действительности…

Его оборвал Баррис.

— Они хотят разрушить «Вулкан–3». Они хотят выбросить его части к черту. Все, что сегодня про-

исходит — смерть Питта, да и остальное, — это попытки уничтожить «Вулкан–3».

— Питт успел сжечь свои бумаги?

— Я полагаю да. Мы не нашли ни его останков, ни его вещей, ничего.

Дверь захлопнулась.

Выждав несколько минут, Баррис подошел к двери, открыл ее и выглянул, чтоб убедиться, что Таубман ушел. Вернувшись к письменному столу, он щелкнул переключателем внутреннего видеотайпа, соединившим его с местным монитором «Единства».

— Мне нужна Психологическая коррекционная лаборатория в Атланте, — начал он и друг, быстрым ударом ладони оборвал связь.

Он подумал: «Это тот образ мышления, который превратил нас в тех, кем мы сейчас являемся. Параноидальная подозрительность ко всем. «Единство», — иронично размышлял он дальше, — некое единство, когда все и вся шпионят друг за другом, выискивая любой промах, любую ошибку. У Таубмана был контакт с главой Исцелителей. Это ведь его работа — допрашивать всех, кто попался в руки. Именно он курирует персонал Атланты. Вот почему я сперва проконсультировался с ним. И тем не менее, тут есть

человеческие мотивы. Он сам погружен в это, — мрачно отметил Баррис. — А что я? Каковы мои мотивы? Что побудило меня подозревать его? К тому же Язон Дилл уже в преклонных годах, и кто–то из нас скоро его заменит. И если мне удается что–то инкриминировать Таубману, даже если это будет одно подозрение в измене, без реальных фактов… А может быть, и мои собственные мысли не так уж чисты. Я не могу доверять себе самому, так как я тоже заинтересован — как и все мы, ведь на этом построена структура «Единства». Лучше не поддаваться подозрениям, если я не могу быть уверен в своих мотивах».

Он вновь соединился с местным монитором.

— Да, сэр, — ответила девушка. — Ваш звонок в Атланту…

— Отмените его, — приказал он. — Вместо этого… — Он вдохнул. — Соедините меня с Управлением «Единства» в Женеве.

Пока его вызов проходил через десятки столов на всем протяжении канала в тысячи километров, он сидел с отсутствующим видом, потягивал кофе. Человек, который смог избегать психотерапии в течение двух месяцев, невзирая на усилия лучших медиков… «Интересно, сумел бы я сделать это. Сколько искусства, какое упорство!»

— подумал Баррис.

Щелкнул видеоэкран.

— Управление «Единства», сэр.

— Начальник Северо–Американского отдела Баррис. — Произнес он ровным голосом. — Я хочу задать вопрос чрезвычайной важности «Вулкану–3».

Последовала пауза и затем голос зазвучал снова:

— Вам нужны какие–то данные первоочередной важности? Экран был пуст; он слышал только голос, и этот голос был настолько безразличен, что он не мог узнать, кто это. Вне сомнения, какой–то функционер. Безымянный винтик.

— Еще ничего не занесено в картотеку, — ответил он с явным нежеланием. Функционер, безымянный или нет, знал свою работу. Он был вышколен для этого.

— Тогда, — прозвучал голос, — вы должны сделать свой запрос в обычном порядке. — Послышался шелест перелистываемых документов.

— Время отсрочки, — продолжал голос, — сейчас составляет три дня.

Непринужденным, шутливым голосом Баррис спросил:

— А что «Вулкан–3» делает эти три дня? Разра-

батывает новые шахматные дебюты?

Такое замечание должно было быть сделано в шутливой манере, ибо от этого зависел его скальп.

— Очень жаль, мистера Баррис. Положенное время не может быть сокращено даже для персонала вашего уровня.

Баррис начал обходной маневр.

— Тогда соедините меня с Язоном Диллом.

— Управляющий Дилл находится на конференции, — функционер вовсе не казался смущенным или озадаченным. — Его нельзя беспокоить по обычным делам.

Резким движением Баррис прервал связь. Экран померк.

«Три дня! Чертова бюрократия раздутых организаций. Они взяли верх над ним. Они умели тянуть волынку.»

Он рефлекторно взял чашку и отпил кофе. От холодного, горьковатого напитка он поперхнулся и выплеснул его; кофейник сразу же наполнил чашку горячим кофе.

«Неужели «Вулкан–3» не обращает на это никакого внимания?

Может быть, его совершенно не заботит то, что всемирное движение возникло — как говорит

Таубман — чтобы расплющить его металлическую оболочку и сделать так, что вороны будут клевать разбросанные реле и ячейки памяти?

Но, конечно, это не был «Вулкан–3» — это была организация.

От юных секретарш с пустыми глазами, управляющих и начальников, до техников, обеспечивающих деятельность «Вулкана–3», и статистиков, собиравших данные. И Язона Дилла.

Умышленно ли изолировал Дилл остальных начальников, отсекая их от «Вулкана–3»? Возможно, «Вулкан–3» отвечал, но информация удерживалась.

Я подозреваю даже его, подумал Баррис. Собственного начальника, высшего чиновника в «Единстве». Нервишки у меня сдали от напряжения — это действительно безумие.

Мне нужен отдых, в отчаянии подумал он. Смерть Питта совсем меня доконала. Я чувствую свою ответственность за случившееся, так как после всего, я по–прежнему здесь, за этим столом, в безопасности, в то время как горячие юнцы, подобные Питту, идут работать за пределы офиса, туда, где опасно. Они погибают, если что–то идет наперекосяк. Таубману, мне, всем начальникам — нам нечего страшиться этих безумцев, одетых

в коричневые халаты.

По крайней мере пока нечего страшиться .»

Взяв формуляр, Баррис начал тщательно писать.

Он писал медленно, изучая каждое слово. Форма позволила ему вместить десять вопросов. Он задал только два:

а) Представляют ли Исцелители какую–либо опасность?

б) Почему вы не реагируете на их существование?

Затем он опустил вопросник в приборную щель и сел, прислушиваясь к тому, как сканер шелестел над ее поверхностью. За тысячи миль отсюда его вопросы влились в огромный поток, льющийся со всех концов мира из офисов «Единства», имеющихся в каждой стране. Одиннадцать директорий–отделений. Каждая со своим начальником, персоналом и подчиненными «Единству» офисами. Каждое со своими полицейскими органами, приносящими клятву местному начальнику–директору.

Через три дня наступит очередь Барриса и к нему придут ответы. И тогда, наконец, мучившие его вопросы, рассмотренные изощренным механизмом, получат разъяснение. Наряду со всеми

остальными в Т–классе, все важные проблемы он предоставлял решать огромному механическому компьютеру, находящемуся где–то в подземной крепости поблизости от офисов Женевы. Выбора у него не было. Все дела такого уровня решались «Вулканом–3» — и это был закон.

Встав, он подозвал одну из ближайших секретарш, стоявшую наготове. Она сразу же направилась к его столу, приготовив блокнот и ручку.

— Слушаю, сэр, — улыбнулась она.

— Я хочу продиктовать письмо миссис Артур Питт, — сказал Баррис. Дав ей адрес, он вдруг передумал. — Нет, скорее всего, я напишу его сам.

— Сами, сэр? — переспросила секретарша, моргнув от удивления. — Вы имеете в виду так, как это делают дети в школе?

— Да, — сказал он.

— Могу я спросить, почему, сэр?

Баррис не знал. У него не было разумных причин. Сентиментальность, подумалось ему после того, как секретарша ушла. Возврат к прежним временам детства.

«Ваш муж погиб, выполняя служебный долг», — начал он, сидя у стола и размышляя. «Единство» глубоко скорбит. Как директор, я желаю передать вам свои личные соболезнования в этот траги-

ческий час».

Проклятье, подумал он, я не смогу этого сделать. Я никогда не смогу. Я обязан поехать и увидеть ее; я не могу писать подобные вещи. В последнее время их слишком много. Слишком много смертей, чтобы я мог их перенести. Я не похож на «Вулкан–3». Я не могу игнорировать это. Я не могу молчать.

А ведь несчастье случилось не в моем регионе. Парень даже не был в моем подчинении. Соединившись со своим заместителем, Баррис сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы меня заменили сегодня. Я нокаутирован. Я чувствую себя не хорошо.

— Очень плохо, сэр — сказал Питер Аллисон. — Но наслаждение при мысли, что он способен занять важное место, пусть даже на мгновение, было явным.

Ты будешь на моем месте, подумал Баррис, закрывая и запирая свой стол. Ты охотишься за этим постом так же, как я охочусь за постом Дилла. Ступень за ступенью вверх по лестнице — к вершине.

Он записал адрес миссис Питт, положил его в нагрудный карман и покинул офис так быстро, как мог, радуясь тому, что уходит, найдя оправдание для бегства из удушающей атмосферы.

2

Стоя перед классной доской, Агнесса Паркер спросила:

— Что вы вспоминаете про 1992? — Она осмотрела класс.

— 1992 год напоминает нам об окончании I Атомной войны и начале декады международного урегулирования, — ответил Питер Томас, один из ее лучших учеников.

— Возникло единство, — добавила Патриция Эдвардс. — Разумный мировой порядок.

Миссис Паркер сделала пометку в классном журнале.

— Правильно. — Она почувствовала гордость за точные ответы детей. — А теперь, возможно, кто–нибудь скажет мне о Лиссабонских Законах 1993 года.

Класс молчал. Несколько учеников с легким шумом повернулись к окну. Снаружи дул теплый июньский ветерок. Малиновка села на ветку и застыла, прислушиваясь, нет ли где поживы. Деревья лениво шелестели.

— В этом году был изобретен «Вулкан–3» — сказал Гане Штайн. Миссис Паркер улыбнулась.

— «Вулкан–3» был построен задолго до этого, его сделали во время войны. «Вулкан–1» в 1970 году, «Вулкан–2» в 1975. Компьютеры появились уже перед войной в середине века. Серия «Вулканов» была изобретена Отто Джорданом, работавшим с Натаниэлем Гринстритом для «Вестингауза» в начале войны…

Голос миссис Паркер перешел в зевок. Она с усилием подавила его. Еще не время для сна. Сегодня в школе должен был появиться Управляющий Язон Дилл со своей свитой, проверяя идеологию образования. По слухам, «Вулкан–3» запросил сведения о школьной системе. Он, казалось, был заинтересован в том, чтобы узнать о различных ценностных связях, которые формировались в базисных примерных общеобразовательных программах.

В конце концов, ведь в этом же и состоит задача школы, и гуманитарной школы в особенности — дать молодежи надлежащие установки. А зачем же еще нужны школы?

— В чем смысл, — повторила миссис Паркер, — Лиссабонских Законов тысяча девятьсот девяносто третьего года? Никто не знает? Я сгораю от стыда за всех вас. Вы не можете вспомнить наиболее важные факты из всего того, что вы

должны вынести из школы! Я предполагаю, что если бы вам дали полную свободу, вы бы читали только коммерческие комиксы, которые учат лишь сложению и вычитанию, или другим разновидностям бизнеса.

В ярости она топнула об пол своим башмачком.

— Ну? Я услышу хоть какой–то ответ?

Ответа не последовало. Лица учеников выражали полное отсутствие мыслей. И вдруг звонкий ученический голос донесся с задних рядов. Девичий, жесткий и резкий.

Миссис Паркер пробудилась от оцепенения, замигав в удивлении.

— Кто это сказал? — требовательно спросила она. Класс зашумел. Все головы повернулись назад. — Кто это был?

— Дженни Бейкер! — завопил один мальчик.

— Это не она! Это Дороти!

Миссис Паркер быстро пошла по проходу вдоль парт.

— Лиссабонские Законы тысяча девятьсот девяносто третьего года, резко бросила она, — были наиболее важными законодательными актами за последние пятьсот лет.

Она говорила нервно, высоким, резким го-

лосом. Постепенно класс повернулся к ней. Их заставила это сделать привычка — многолетняя тренировка.

— Все семьдесят наций мира послали своих представителей в Лиссабон, все мировые организации «Единства» формально согласились, что крупные компьютеры, построенные Британией, Советским Союзом и Соединенными Штатами, до сих пор использовавшиеся в чисто справочных целях, отныне получат абсолютную власть над национальными правительствами в определении глобальной политики…

В этот момент Управляющий Язон Дилл вошел в класс, и миссис Паркер почтительно смолкла.

Она не впервые видела этого человека, реальное физическое существо, контрастировавшее с синтетическими образами, создаваемыми средствами массовой информации для публики.

И, как уже случалось прежде, она снова была поражена огромной разницей между реальным человеком и его официальным имиджем. В глубине души она хотела знать, как дети воспринимали это. Она взглянула на них и увидела, что все они смотрят с ужасом, забыв про все остальное.

Она размышляла. Он в действительности не

так уж отличается от всех нас. Человеческое существо высшего ранга… и одновременно обычный человек. Энергичный мужчина средних лет с проницательным взглядом, мигающими глазами, доверительной улыбкой. Он невысокого роста. Ниже любого человека из его свиты, вошедшей с ним. Трое мужчин и две женщины. Все в деловых костюмах Т–класса. Никаких особых знаков отличия, никаких царских украшений. Если бы я не знала, подумала она, я бы не догадалась. Он так обычен.

— Перед вами Управляющий директор Дилл, — представила она — Координирующий директор системы «Единства». — Ее голос прервался от напряжения. — Управляющий директор Дилл несет ответственность только перед «Вулканом–3». Кроме директора Дилла, никто из человеческих существ не имеет права приближаться к банку данных компьютера.

Директор Дилл благосклонно кивнул миссис Паркер и классу.

— Что вы учите, дети? — спросил он дружелюбным тоном. Голос был богат оттенками, как и подобает лидеру Т–класса.

Дети робко задвигались.

— Мы учим Лиссабонские Законы, — ответил

мальчик.

— Это хорошо, — поощрил директор Дилл и кивнул персоналу в направлении двери. — Дети, будьте хорошими учениками и делайте то, что говорят вам ваши учителя.

— Это было так приятно, — сказала миссис Паркер, — что вы посетили нас и дети смогли вас увидеть. Это такая честь! — Она последовала за группой к двери. — Они всегда будут вспоминать этот момент и дорожить воспоминаниями.

— Мистер Дилл, — прозвенел девичий голос, — могу я задать вам вопрос?

В классе стало тихо. Миссис Паркер похолодела. Голос. Опять девочка. Кто это? Она хотела увидеть ее, ужас сжал ее сердце. Великий Боже, неужели этот маленький дьяволенок хочет что–то сказать в присутствии директора Дилла?

— Конечно, — ответил Дилл, резко останавливаясь у двери. — О чем ты хочешь спросить? — Он взглянул на часы, улыбаясь.

— Директор Дилл спешит, — торопливо вставила миссис Паркер. — У него так много дел. Я думаю, мы лучше отпустим его, не так ли?

Но твердый девичий голос продолжал:

— Директор Дилл, не стыдитесь ли вы за себя, когда позволяете машине руководить вами?

Улыбка застыла на лице директора Дилла. Он медленно повернулся лицом к классу. Его глаза пробежали по классу, пытаясь обнаружить того, кто задал вопрос.

— Кто задал вопрос? — добродушно спросил он.

Последовало молчание. Директор Дилл медленно прошелся по классу, держа руки в карманах. Никто не двигался и не отвечал. Миссис Паркер и персонал «Единства» все еще стояли, охваченные ужасом.

Это конец моей карьеры. Может быть, подвергнусь добровольной реабилитации. Нет, подумала миссис Паркер.

Директор Дилл был невозмутим. Он остановился у доски и поднял руку. На темной поверхности появились белые линии. Задумчиво проделав несколько движений, он вывел на доске дату «1992».

— Конец войны, — произнес он.

Перед притихшим классом возникла дата «1993».

— Лиссабонские Законы, которые вы учите. Год, когда объединились нации мира, решив соединить вместе свои судьбы. Подчинить себя реалистическим — не по идеалистически, как

было в дни ООН — общему наднациональному авторитету, для блага всего человечества.

Директор Дилл медленно отошел от доски, задумчиво глядя в пол.

— Война только что закончилась, большая часть планеты была в руинах. Необходимо было принять решительные меры, ибо вторая война уничтожила бы все человечество. Необходим был орган наивысшей организации. Международный контроль. Закон, который не могли бы нарушать ни люди, ни нации. Необходимы были Хранители. Но кто будет наблюдать за Хранителями? Как можно быть уверенным, что это наднациональная организация будет свободна от ненависти и предвзятости, животных чувств, которые в течение многих веков противопоставляли людей друг другу? Не будет ли это организация, как и все остальные, созданные человеком, наследием тех же пороков, того же преобладания интересов над разумом, эмоций над логикой? Был один ответ. Мы уже давно пользовались компьютерами, великолепными конструкциями, созданными трудом и талантом сотен опытнейших инженеров, построивших по точным стандартам машины, свободные от чувств. Они могли объективно сформировать точные цели, которые для

человека могли остаться только идеалом. Если нации пожелали бы отказаться от суверенитета, подчинить свою мощь объективным, беспристрастным директивам…

И снова прозвенел тонкий детский голос, прерывая доверительное повествование Дилла.

— Мистер Дилл, вы действительно верите, что машина лучше человека? Что человек не может сам управлять своим миром?

Впервые щеки Директора покрылись краской. Он заколебался, слабо улыбаясь и жестикулируя в поиске нужных слов.

— Хорошо… — пробормотал он.

— Я не знаю, что и сказать, — задохнулась в гневе миссис Паркер. — Извините, пожалуйста. Поверьте мне, я не знала…

Директор Дилл понимающе кивнул ей.

— Конечно, — сказал он, — это не ваша вина. Они не являются расой, которую вы можете лепить, как пластилин.

— Простите? — переспросила она, не понимая иностранных слов. У нее было смутное представление о том, что это значило.

— У вас всегда будут проблемы с учениками, — сказал Дилл.

Он повернулся к классу и произнес уже гром-

ко:

— Я собираюсь сыграть с вами в одну игру. — На детских лицах заиграли улыбки. — Итак, я не хочу, чтобы вы произносили слова. Я хочу, чтобы вы закрыли руками свои рты и действовали таким образом, как наши полицейские патрули, когда они в засаде караулят врага.

Маленькие ладошки взлетели, глаза сияли энтузиазмом.

— Наша полиция так спокойна, — продолжал Дилл. — Они всматриваются во все вокруг себя, стараются выяснить, где находится враг. Конечно, они не дадут ему знать, что готовы напасть.

Класс радостно захихикал.

— Теперь, — продолжал Дилл, сложив руки, — мы смотрим вокруг.

Дети послушно огляделись.

— Где находится враг? Раз, два, три…

Внезапно Дилл выбросил руки вверх и громко произнес:

— И мы указываем на врага. Мы указываем…

И двадцать рук указало. На задней парте тихо сидела, не шевелясь, рыженькая девочка.

— Как тебя зовут? — спросил Дилл, лениво продвигаясь по проходу и останавливаясь у ее парты.

Девочка молча смотрела на Управляющего Дилла.

— Ты не собираешься отвечать на мой вопрос? — улыбнулся Дилл.

Девочка спокойно положила руки на парту.

— Марион Филдс, — четко вымолвила она. — Вы не ответили на мой вопрос.

Управляющий Дилл и миссис Паркер вместе спускались по коридору школы.

— У меня с самого начала с ней были неприятности, — рассказывала миссис Паркер. — Фактически, я протестовала против ее зачисления в мой класс.

Она быстро добавила.

— Вы найдете мой письменный рапорт в картотеке. Я следовала правилам. Я знала, что подобное должно было случиться. Я это предвидела!

— Обещаю вам, — сказал Управляющий Дилл, — вам нечего бояться. Вам ничто не угрожает. Это мое слово.

Взглянув на учительницу, он добавил:

— Конечно, если здесь не замешано что–то более сложное.

Он остановился в дверях кабинета директора.

— Вы никогда не встречали ее отца?

— Нет, — ответила миссис Паркер. — Она под

опекой правительства, ее отец был арестован и помещен в Атланту…

— Знаю, — прервал ее Дилл. — Ей девять лет, не так ли? Пытается ли она обсуждать текущие события с другими детьми? Я полагаю, у вас установлено следящее оборудование, работающее круглосуточно — в кафетерии, и особенно на игровой площадке?

— У нас есть комплекты записей всех бесед учеников, — гордо заявила миссис Паркер. — Мы записываем все их разговоры. Конечно, мы так заняты и перегружены работой, а бюджет так мал, что у нас остается мало времени для их воспроизведения, но все мы, учителя, пытаемся найти хотя бы час в день, чтобы прослушать…

— Понимаю, — пробормотал Дилл. — Я знаю, как вы все перегружены. Для ребенка ее возраста было бы нормально рассказывать что–то об ее отце. Мне было просто любопытно. Ясно…

Он умолк. Потом мрачновато продолжил:

— Я верю, вы подпишете рапорт, позволяющий мне подвергнуть ее заключению. Действуйте сразу же. Кого вы можете послать в спальню, чтобы забрать вещи? — Он взглянул на часы. — Времени у нас мало.

— У нее только стандартный чемоданчик, —

пояснила миссис Паркер. — Класс Б, для девятилетних. Забрать его не составит труда. Вы можете забрать ее прямо сейчас — я подпишу формуляр.

Она открыла дверь кабинета директора и махнула секретарше.

— И у вас нет никаких возражений, если я заберу ее отсюда? — спросил Дилл.

— Конечно нет, — ответила миссис Паркер. — Почему вы спрашиваете об этом?

Глухим, твердым голосом Дилл произнес:

— Это положит конец ее учебе.

— Я не вижу в этом никаких затруднений.

Дилл взглянул на нее и она содрогнулась. Его жесткий взгляд заставил ее снова сжаться.

— Я полагаю, сказал он, — что учеба для нее закончилась провалом. Так что это не имеет значения.

— Верно, — быстро согласилась она. — Мы не можем помогать злоумышленникам, подобным ей. Как вы указали в своем обращении к классу.

— Отведите ее к моему автомобилю, — сказал Дилл. — Я полагаю, что пока она должна быть под присмотром. Было бы позорно, если бы она избрала этот момент, чтобы улизнуть.

— Мы закрыли ее в одной из умывальных комнат, — сказала миссис Паркер.

Он опять взглянул на нее, но не сказал ни слова. Пока она дрожащими руками заполняла надлежащую форму, он взглянул из окна на игровую площадку. Сейчас была перемена, и до него доносились слабые, приглушенные голоса детей.

— Что это за игра? — спросил Дилл. — Там, где они метят мелом, — показал он.

— Я не знаю, — ответила миссис Паркер, взглянув через его плечо.

При этих словах Дилл, казалось, был ошеломлен.

— Вы хотите сказать, что они играют не организованно? Игры по их собственному усмотрению?

— Нет, возразила она, — я хотела сказать, что я не отвечаю за игры детей. Ими руководит миссис Смолетт. Вы ее видите внизу?

Когда документ о задержании и переводе девочки из школы в тюрьму был оформлен, Дилл взял его и оставил школу. Миссис Паркер через окно видела, как Дилл и его свита пересекали игровую площадку. Она наблюдала и заметила, как он махнул детям несколько раз и остановился, чтобы поговорить с ними. Невероятно, подумала она. Он находит время для общения с обычными людьми, такими как мы.

У автомобиля Дилла она увидела Марион Фил-

дс. Маленькая фигурка, одетая в пальто, яркие рыжие волосы, блестящие на солнце… Затем чиновник из свиты посадил девочку в автомобиль. Дилл также сел и дверцы захлопнулись. Автомобиль рванул с места. На игровой площадке, окруженной колючей проволокой, стояла группа детей и дружно махала ему ручками вслед.

Все еще дрожа, миссис Паркер возвращалась по коридору в класс. «Останусь ли я на работе? — с отчаянием думала она. — Меня будут допрашивать или я могу поверить ему? Ведь он дал мне свое заверение. Я знаю, что мой послужной список чист. Я никогда не совершала подрывных действий. Я просила удалить эту девочку из моего класса и я никогда не обсуждала текущие события во время уроков. Я никогда не допускала оплошностей. Но, предположим…»

Краем глаза она заметила какое–то движение, и застыла на месте. Молниеносное движение. Теперь нет. Что это было? Глубокий, интуитивный ужас охватил ее. Что–то находилось возле нее, рядом, незамеченное. И сейчас оно быстро исчезло — она заметила только чей–то неотчетливый взгляд.

За ней следят! Какой–то механизм подслушивает ее. За ней наблюдают. Не только за детьми,

подумала она со страхом. Но и за ними тоже, а я никогда не знала этого наверняка. Я только догадывалась. Читали ли они мои мысли? Нет, вряд ли. И я никогда не говорила громко. Она осмотрела коридор, пытаясь увидеть, что это было. Кому они сообщают об этом? В полицию? Приедут ли они за мной и заберут ли в Атланту или куда–то еще? Полная страха, она нащупала ручку двери и вошла в свой класс.

3

Здание Контроля «Единства» фактически полностью занимало деловой район Женевы, и представляло собой огромный, впечатляющий квадрат из белого бетона и стали. Бесконечные ряды окон блестели в лучах заходящего солнца, лужайки и кусты окружали его со всех сторон.

Одетые в серое женщины и мужчины быстрым шагом поднимались по широким мраморным ступеням и вливались в двери. Автомобиль Дилла остановился у охраняемого входа для высших чинов. Он быстро вышел из него и придержал дверцу открытой.

— Выходи, — коротко бросил Дилл.

Какое–то мгновение Марион Филдс оставалась в автомобиле, не желая покидать его. Обитые кожей сиденья создавали чувство безопасности, она продолжала сидеть, смотря на человека, ожидавшего ее на тротуаре, не в силах перебороть страх. Мужчина улыбнулся ей, но она не доверяла этой улыбке. Слишком много раз она видела ее на экране телевизора. Это была часть того мира, которому ее учили не доверять.

— Зачем? — спросила она. — Что вы собира-

етесь делать? — Снова спросила она, медленно выскальзывая из кабины на тротуар.

Она не знала, где находится. Быстрота путешествия не дала возможности сориентироваться.

— Я сожалею, что ты оставила свои владения, — сказал Дилл. Он крепко взял ее за руку и повел к двери огромного здания.

— Мы заменили их, — сказал он. — И ты приятно проведешь время с нами. Я обещаю тебе, слово чести.

Он взглянул на нее, чтобы увидеть, как она восприняла его слова. Длинный, полупустой холл простирался перед ними, освещаемый неяркими лампами. Далекие фигуры, крошечные человеческие силуэты скользили из одного офиса в другой. Девочке это показалось той же школой, только огромных размеров. Она предполагала увидеть это, но все оказалось гораздо больших масштабов.

— Я хочу домой, — сказала она.

— Сюда, — приободрил ее Дилл, указывая дорогу. — Ты не будешь одинока, так как здесь много людей, у которых есть свои дети, девочка. И они будут рады привести своих детей сюда, чтобы ты смогла поиграть с ними. Это будет прекрасно.

— Вы можете приказать им .

— Приказывать им что? — спросил Дилл, поворачивая в боковой коридор.

— Привести своих детей. И они приведут. Потому что вы — босс.

Она взглянула на него, и ей показалось, что невозмутимость на мгновение покинула его. Но он тут же снова улыбнулся.

— Почему вы всегда улыбаетесь? — спросила она. — Неужели все настолько хорошо? Или вы не можете признать, что все плохо? По телевидению вы всегда утверждаете, что все прекрасно. Почему бы вам не сказать правду?

Она задала эти вопросы из простого любопытства. Конечно, он знал, что никогда не говорит правду.

— Я считаю, что о тебе составилось неверное мнение, — сказал Дилл, — я не думаю, что ты такая смутьянша, какой притворяешься. — Он открыл дверь в офис. — Я полагаю, что тебя слишком часто огорчали. Тебе следует больше походить на других ребят, играть на свежем воздухе. Не задумываться слишком часто. Ты это делаешь, не так ли? Ты уходишь куда–нибудь и думаешь?

Она кивнула, соглашаясь. Это была правда.

Дилл похлопал ее по плечу.

— Мы с тобой найдем общий язык и у нас будут хорошие времена. Знаешь, у меня двое детей — правда они постарше, чем ты.

— Знаю, — ответила она. — Один мальчик, и он в молодежном полицейском отряде, а Джоан находится в армейской школе для девочек в Бостоне. Я узнала об этом из журнала, который нам дают читать в школе.

— О, да, — пробормотал Дилл. — «Мир сегодня». Тебе нравится его читать?

— Нет, — ответила она. — Он даже более лжив, чем вы.

Дилл промолчал; он погрузился в изучение бумаг на столе, не пригласив ее сесть.

Затем он произнес озабоченным голосом:

— Я огорчен, что тебе не нравится наш журнал. Кстати, а кто тебе сказал все это об «Единстве»? Кто научил тебя?

— Никто меня не учил.

— И даже твой отец?

— А вы знаете, что вы ниже ростом, — вопросом на вопрос ответила она, — чем тогда, когда вас показывают по телевидению? Они это специально делают? Стараются сделать вас покрупнее, чтобы произвести впечатление на народ?

Дилл не ответил. Он включил какой–то аппа-

рат, она увидела вспыхнувшие огоньки.

— Это запись, — сказала Марион.

— Тебя не посещал отец со времени своего побега из Атланты?

— Нет, — ответила девочка.

— А знаешь ли ты, что такое Атланта?

— Нет, — ответила она. Но она знала. Он изучал ее, пытаясь увидеть, не лжет ли она. Но девочка выдержала его взгляд.

— Это тюрьма, — наконец призналась она. — Куда посылают людей, которые говорят то, что думают.

— Нет, — возразил Дилл. — Это больница. Для людей с умственными расстройствами. Это место, где они выздоравливают.

Низким, непреклонным голосом она произнесла.

— Вы лжец.

— Там проводится психологическая терапия. Твой отец был болен. Он представлял себе все вещи в искаженном свете. Очевидно, давление, оказываемое на него, было трудно переносить и, подобно многим абсолютно нормальным людям, он сломался под этим давлением.

— Вы когда–нибудь встречались с ним?

— Нет, — признался Дилл. — Но у меня есть

его записи.

Он показал ей на кипу документов, лежащих перед ним.

— Его лечили там? — спросила Марион.

— Да, ответил Дилл. Но затем он нахмурился. — Нет, прошу прощения. Он был слишком болен, чтобы принимать курс лечения. И как я полагаю, он сумел притворяться больным все два месяца, что пробыл там.

— Он не лечился, — констатировала она. — Он все еще нездоров, не так ли?

— Исцелители… — продолжал Дилл. — Каковы отношения у вашего отца с ними?

— Не знаю.

Дилл откинулся на стуле, заложив руки за голову.

— Не слишком ли глупо то, что ты сказала? «Свергнувшие Бога»… Ведь кто–то же сказал тебе, что прежде было лучше, до «Единства», когда войны начинались через каждые двадцать лет. — Он размышлял вслух. — Хотел бы я знать, откуда Исцелители взяли свое название? Ты знаешь?

— Нет.

— Может быть, твой отец говорил тебе?

— Нет.

— Тогда я расскажу тебе. На время я заменю

тебе отца. «Исцелитель» — это человек без официального медицинского диплома, который утверждает, что он может исцелить больного даже в том случае, если квалифицированные врачи не в состоянии его вылечить. Как правило, это или шарлатаны, слегка свихнувшиеся, или циничные обманщики, которые хотят сорвать легкие деньги, совсем не утруждая себя настоящим лечением. Так уже не раз бывало при попытках вылечить рак — хотя ты слишком мала, чтобы помнить об этом. — Наклонившись вперед, он сказал, — но ты могла слышать о шарлатанах, обещавших вылечить лейкемию. Возможно, ты видела какого–нибудь мужчину, разъезжающего в старом автомобиле, размалеванном надписями, который продает лекарства, гарантирующие излечение от страшных радиационных ожогов?

Она попыталась вспомнить.

— Не помню. Я видела по телевизору людей, дающих рецепты, которые должны излечить все болезни общества.

— Ребенок не может рассуждать так, как ты. Тебя учили так отвечать. — Он повысил голос. — Не так ли?

— Почему вы так расстроены? — удивилась она. — Я же не сказала, что это были люди «Един-

ства».

— Но именно это ты имела ввиду, — сказал покрасневший Дилл. — Ты подразумевала наши информационные дискуссии, наши программы по общественным отношениям.

— Вы так подозрительны, — ответила девочка. — Во всем видите то, чего нет.

Так говорил ее отец, она это запомнила. Он говорил: они параноики. Подозревают даже друг друга.

— Исцелители, — продолжал настаивать Дилл, — пользуются суевериями масс. Ты видишь, массы невежественны. Они верят в безумные вещи: магию, богов и чудеса, исцеление прикосновением. Этот циничный культ играет на базисных эмоциональных истериях, знакомых всем нашим социологам, манипулирует массами, словно баранами и стремится к захвату власти.

— У вас есть власть, — ответила она. — Вся власть. Мой отец говорит, что у вас монополия на власть.

— У масс есть потребность в религиозной определенности, утешающем бальзаме веры. Ты понимаешь, о чем я говорю, не так ли? Ты производишь впечатление умного ребенка.

Она слегка кивнула в ответ.

— Они не живут рассудочно. Они не в состоянии, у них нет мужества и дисциплины. Они требуют метафизических абсолютов, начавших исчезать с тысяча семисотого года. Но война способствует их новому появлению — целой куче мошенников.

— Вы верите в это? — спросила она. — Что все они обманщики?

— Мне известно, что человек, который говорит, будто он знает Истину — обманщик, — объяснил Дилл. — Это человек, который торгует змеиным ядом, как твой отец… Он раздувает пламя ненависти и воспламеняет толпу, которая убивает.

Она промолчала.

Язон Дилл протянул ей листок бумаги.

— Прочитай. Это о человеке по имени Питт. Не очень известном, но именно благодаря твоему отцу его жестоко убили. Ты когда–нибудь слышала о нем?

— Нет.

— Прочитай это.

Она взяла записку и медленно прочитала ее.

— Толпа, — говорил Дилл, — руководимая твоим отцом, вытащила его из машины и разорвала на куски. Что ты об этом думаешь?

Марион молча вернула ему листок. Наклонив-

шись вперед, Дилл закричал:

— Почему? Что они хотят? Они хотят вернуть прежние времена? Войну, ненависть и насилие? Эти сумасшедшие тянут нас назад в хаос и мрак прошлого! А кто выиграет? Никто, за исключением этих демагогов, получающих власть. Это стоит того? Стоит ли это уничтожения половины человечества, разрушенных городов…

Она прервала его.

— Это не так. Мой отец никогда не говорил, что он хочет сделать что–либо, подобное этому.

Она почувствовала, как напряглась от злости.

— Опять вы лжете, как и всегда.

— Тогда что ему нужно? Скажи мне.

— Они хотят «Вулкан–3».

— Не понимаю, о чем ты?

Он презрительно сощурился.

— Они впустую тратят свое время. Он сам ремонтирует и поддерживает себя, мы просто снабжаем его данными и запасными частями, удовлетворяя его нужды. Никто точно не знает, где он находится. И Питт не знал.

— Вы знаете.

— Да, я знаю. — Он с такой яростью смотрел на нее, что она не смогла выдержать этот взгляд. — Худшей вещью в мире, — сказал он наконец, — с

тех пор, как ты живешь, является побег твоего отца из лаборатории в Атланте. Безумец, психопат, сумасшедший.

Его голос перешел в невнятное бормотание.

— Если вы повстречаетесь с ним, — произнесла она, — он вам понравится.

Дилл уставился на нее. И вдруг он засмеялся. После непродолжительного припадка смешливости, он заявил:

— В любом случае, ты останешься здесь, в офисе «Единства». Иногда я буду с тобой разговаривать. Если мы не получим никаких результатов, то отошлем тебя в Атланту. Но мне бы этого не хотелось.

Он нажал кнопку на столе и в дверях появились двое вооруженных охранников «Единства».

— Поместите эту девочку на третьем подземном уровне с удобствами, — приказал Дилл. А затем тихо дополнил свой приказ инструкциями, которые Марион не расслышала.

«Готова держать пари, — подумала она, — он солгал, когда говорил, что здесь есть другие дети, с которыми я смогла бы играть». В этом огромном, строго охраняемом здании она еще не видела ни одного ребенка.

Слезы подкатились к ее глазам, но усилием во-

ли она сдержалась. Притворилась, что увлеклась большим словарем в углу кабинета Управляющего Дилла. Марион ожидала, когда охранники прикажут ей двигаться.

Спустя какое–то время размышления Язона Дилла прервал голос из крохотного репродуктора.

— Она в отведенном ей месте, сэр. Что еще?

— Все.

Поднявшись, он собрал документы, положил их в портфель и покинул офис.

Через некоторое время он уже спускался к огороженной площадке, мимо готовых к отражению воздушного налета зениток, к своему персональному ангару. Вскоре он уже летел в вечернем небе к подземной крепости, в которой был заключен огромный компьютер «Вулкан–3», заботливо упрятанный подальше от человеческой расы.

Странная девчушка, думал он. Сколько она унаследовала от своего отца? Правая рука отца Филдса, размышлял Дилл. Он видел этого человека через нее, пытался воздействовать на него посредством ребенка.

Он приземлился и подвергся тщательному досмотру в наземном КПП, неторопливо переминаясь с ноги на ногу.

Пройдя через хитроумную сеть заградительных устройств, Дилл быстро начал спускаться вглубь. На втором этаже он вышел из лифта и через несколько секунд стоял перед опечатанной стеной, нервно ожидая, пока охрана пропустит его.

— Все в порядке, мистер Дилл.

Стена отодвинулась в сторону. Дилл устремился в длинный, пустынный коридор. Воздух был удушлив, лампочки мрачно мигали. Он повернул направо и остановился, вглядываясь в полумрак. Перед ним находился «Вулкан–2», пыльный и молчаливый. Фактически забытый. Кроме Дилла, никто не опускался сюда, и даже он бывал здесь не очень часто. Присев за один из столов, Управляющий достал из кейса бумаги и внимательно начал готовить свои вопросы.

Для этого архаичного компьютера он должен был сам вводить данные, печатая на клавишах, как на машинке. Закончив вводить вопросы, он включил аппарат на обработку. Послышался громкий, шипящий звук, как будто машина начала оживать.

Давно, во время войны, «Вулкан–2» ежедневно осматривался техником–смотрителем. Он хорошо послужил «Единству» в свое время. До сих пор школьники изучают по своим учебникам

историю, куда «Вулкан–2» навеки вошел, как аппарат, оказавший огромные услуги. Засветились огоньки, бумажная полоска зазмеилась из выходного отверстия и упала в корзину. Он взял ее и прочел: «ТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЯ. ОТВЕТ БУДЕТ ЧЕРЕЗ 24 ЧАСА».

Компьютер не мог функционировать быстро. Он знал об этом, и не удивился. Закрыв кейс, он быстро вышел из зала в туманный коридор. Как здесь одиноко, подумал он. Никого, кроме меня. И все же у него появилось острое ощущение, что он не одинок. Кто–то находился рядом с ним, изучая его. Дилл быстро осмотрелся. Туманный, желтый свет не давал возможности что–либо увидеть. Он остановился, затаив дыхание и прислушиваясь. Было тихо, за исключением далекого жужжания компьютера, обрабатывающего его вопросы. Подняв голову, Дилл всматривался в очертания теней на потолке. Нити паутины свешивались с консолей. Одна лампа перегорела и в этом месте была абсолютная темнота. Вдруг там что–то меркнуло. «Глаза», — подумал он, чувствуя страх. Сухой, скрежещущий звук. Он все еще видел мерцание, отступающее вглубь коридора. Через мгновение глаза исчезли. Летучая мышь? Какая–то птица, попавшая сюда, залетев в лифт? Язон

Дилл вздрогнул, поколебался и продолжал путь.

4

Из архивов «Единства» Уильям Баррис получил адрес мистера и миссис Питт. Его не удивило открытие, что Питты — теперь только миссис Питт, — владели домом у дороги в фешенебельном регионе Сахары в Северной Африке. Во время войны взрывы водородных бомб и радиоактивные осадки пощадили ее и приобретение здешней недвижимости было мечтой для многих людей, даже тех, кто работал в системе «Единства». Все время перелета на своем самолете через Атлантику, Баррис был погружен в мысли. Он хотел бы позволить себе жить здесь. Это должно было стоить человеку всего, что он имел. Он должен был залезть в долги. Хотел бы я знать, зачем. Стоит ли это таких усилий? Не для меня, подумал Баррис. Возможно, для его жены…

Приземлившись на сказочно освещенной посадочной полосе Проуст Филдс, он тотчас же сел в платное такси с роботом вместо водителя и, свернув с двадцатиполосной автострады, направился к миссис Питт.

Женщина уже была предупреждена. Он знал об этом. Это хорошо, что не он первый принесет

ей известие о смерти мужа. Апельсиновые деревья, трава, искрящиеся голубые фонтаны по обеим сторонам дороги веяли прохладой, и он расслабился. Кроме того, здесь не было огромных зданий. Этот район, возможно, оставался последним в мире, где стояли одноэтажные жилища. Лимит роскоши, подумал он. Автострада разветвлялась, следуя указателю, робот свернул направо. Впереди он увидел ворота, преграждавшие дорогу. Удивленный, Баррис остановил такси.

Он увидел, что несколько мужчин в униформе с орнаментом, напоминавшем древние одеяния Латиноамериканских диктаторов, стояли у остановившихся автомобилей, проверяя их владельцев. Он заметил также, что несколько автомобилей повернули обратно. Когда охранник подошел к нему, Баррис отрывисто бросил:

— По делу «Единства».

Охранник пожал плечами:

— Вас ожидают? — спросил он скучающим тоном.

— Послушайте, — начал Баррис, но мужчина уже приказал ему повернуть обратно. Подавленный, Баррис произнес: — Я хотел бы видеть миссис Питт. Ее муж погиб при исполнении служебного долга и я приехал выразить офици-

альное сожаление. — Это было неправдой, но не так далеко от истины.

— Я спрошу ее, желает ли она видеть вас, — произнес охранник, увешанный медалями и знаками отличия.

Он записал данные Барриса. Казалось, тот факт, что перед ним был директор, не произвели на него никакого впечатления. Удалившись, он провел какое–то время у портативного видеоэкрана и вернулся с более благосклонным выражением лица.

— Миссис Питт желает видеть вас.

Ворота распахнулись, и несколько обескураженный случившимся, Баррис продолжил путь. Его окружили теперь современные, маленькие, ярко окрашенные коттеджи, аккуратные и опрятные. Ни один не был похож на другой. Он выключил автоматическое управление и сел за руль. Такси послушно следовало его указаниям и он быстро нашел нужный дом.

Когда машина остановилась, он увидел, что к нему спускается стройная женщина с темными волосами. Широкополая мексиканская шляпа защищала ее голову от полуденного африканского солнца. Из–под шляпы были видны завитки. Это был ближневосточный стиль, популярный

сейчас. На ней были сандалии. Платье с рюшами, бантами и нижними юбками развевалось на ветру.

— Ужасно огорчена, что вы избрали этот путь, директор, — произнесла она низким ровным голосом, когда он открывал дверцу.

— Вы, надеюсь, понимаете, что эти охранники в униформе — роботы.

— Нет, я не знал. Но это неважно.

Глядя на нее, он решил, что перед ним стоит одна из самых хорошеньких женщин, с которыми он когда–либо встречался.

Глаза ее были печальны вследствие известия о смерти мужа, но она казалась спокойной, провожая его к дому.

— Я верила, что увижу вас когда–нибудь еще, — произнесла она. — На собрании персонала «Единства», где мы были с Артуром, я вас уже видела. Вы, конечно, были в президиуме. С мистером Диллом.

Гостиная дома была обставлена так, как сказал Таубман — дубовой мебелью эпохи ранней Англии.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила миссис Питт.

С облегчением усаживаясь на выглядевший

хрупким стул с прямой спинкой, он подумал, что эта женщина, вышедшая замуж за чиновника «Единства», сделала блестящую карьеру.

— У вас очень красивая мебель, — заметил он.

— Благодарю вас, — ответила миссис Питт, садясь напротив него на кушетку. — Прошу вас, извините меня, если я чуть замедленно отвечаю. Получив это известие, я приняла большую дозу успокоительного. Вы поймете…

Голос ее прервался.

— Миссис Питт, — начал Баррис.

— Меня зовут Рашель, — мягко уточнила она.

— Хорошо, — ответил он и замолчал. Сейчас, когда он был здесь и смотрел на эту женщину, он не знал, что говорить, и он даже не был уверен что знает, зачем приехал сюда.

— Я знаю, что вы думаете, прервала молчание Рашель Питт. — Я оказала давление на своего мужа, чтобы он перешел на более активную работу, чтобы у нас был более комфортабельный дом.

Баррис молчал.

— Артур подчинялся начальнику Таубману, — продолжала Рашель Питт. — Я сталкивалась с Таубманом несколько раз, он дал мне понять, какие чувства питает ко мне. Это не особенно беспокоило меня в то время, но после смерти

Артура… — Она сделала паузу. — Все это, конечно, неправда. Это была идея Артура. Я была бы рада оставить все здесь. Мне не хотелось быть заключенной в этом районе, вдали от остального мира.

Наступило короткое молчание. Она наклонилась к кофейному столику и взяла пачку сигарет. Прикурив, Рашель продолжила:

— Я родилась в Лондоне. И всю свою жизнь прожила в Лондоне и Нью–Йорке. Моя семья не была богатой — отец был портным. Семья Артура оставила ему довольно много денег. Полагаю, это мать привила ему вкус украшать интерьер. — Рашель взглянула на Барриса. — Извините, я вижу, вам это не интересно. Мне говорили, что я не могу логично излагать свои мысли.

— Вы здесь одна? — спросил он. — С кем–то вы знакомы? В этом районе?

— Я не хочу ни от кого зависеть. В основном, здесь живут честолюбивые молодые жены. Их мужья работают на «Единство», хотя об этом можно было и не говорить. Иначе, как бы они могли поселиться здесь?

Он поразился ее горькому тону.

— Что вы думаете делать? — спросил Баррис.

Рашель Питт ответила просто:

— Может быть, присоединюсь к Исцелителям.

Он не знал, что ответить. Поэтому промолчал. Она своеобразная женщина. «Причиной этому горе, неприятности, в которые она оказалась вовлечена, или она всегда такой была?» — подумал он.

Ему нечего было добавить.

— Что вы знаете об обстоятельствах гибели Артура? — спросила она.

— Я знаю обстоятельства этих событий в общих чертах, — осторожно ответил Баррис.

— Вы верите, что он был убит… — На ее лице появилась гримаса, — толпой? Кучкой неорганизованных людей? Фермерами и лавочниками, подстрекаемыми каким–то стариком в халате?

Она неожиданно встала и швырнула сигарету в стену. Сигарета подкатилась к нему и он инстинктивно нагнулся, чтобы ее подобрать.

— Это обычное объяснение, которое они выдвигают, — сказала Рашель. — Я знаю лучше. Моего мужа убил кто–то из «Единства» — кто–то, кто завидовал ему, всему, что он достиг. У него было много врагов. Любого человека в организации, который проявляет свои способности и чего–то добивается, начинают ненавидеть.

Она чуть успокоилась, шагая из угла в угол со скрещенными руками, но лицо ее было напря-

жено.

— Вы не ожидали увидеть меня такой? Вы, вероятно, представляли себе слабую женщину, тихо плачущую в уголке? Я разочаровала вас?

Ее голос звенел от ярости.

— Факты, которые были мне представлены… — начал было Баррис.

— Не дурачьте меня, — решительно произнесла Рашель. Затем плечи ее задрожали, и она прижала ладони к щекам. — Придумала ли я все это? Он часто рассказывал мне о людях в организации, замышлявших против него интриги, пытавшихся избавиться от него, выдумывавших всевозможные небылицы. «Это неотъемлемая черта «Единства», — всегда говорил он. Единственный способ восхождения по служебной лестнице — это столкнуть другого.»

Она в ярости уставилась на Барриса.

— Кого убили вы, чтобы получить свой пост? Сколько погибло людей, чтобы вы смогли стать начальником? Артур тоже стремился занять этот пост — это была его мечта.

— Есть ли у вас какие–либо доказательства? — спросил он. — Такие, которые говорили бы о том, что в этом деле замешан кто–то из организации?

Он не мог допустить и малейшей мысли, что

кто–то из «Единства» был замешан в убийстве Артура Питта. Наиболее вероятно, что способность этой женщины трезво оценивать реальность, временно была парализована недавней трагедией… И все–же, подобные вещи случались, или в них, по меньшей мере, верили.

— В служебный автомобиль моего мужа, — упрямо говорила Рашель, — был вмонтирован небольшой замаскированный сканер, установленный на панели. Он был указан в донесении, которое я видела. Когда Таубман говорил со мной по видеофону, знаете, что я делала? Я не слушала его, я читала бумаги, лежавшие у него на столе.

Голос ее задрожал.

— Один из тех людей, которые вломились в машину Артура, знал об этом сканере — он его вырвал. О нем в организации было известно не многим. Даже Артур не знал об его существовании.

Глаза ее блеснули.

— Это было известно лишь на уровне высшего руководящего состава.

— Почему? — неуверенно спросил Баррис.

— Из боязни, что мой муж возвысится и будет представлять угрозу. Угрожать чьей–то карьере. Возможно, он занял бы кресло директора. Я имею

в виду Таубмана. — Она слабо улыбнулась. — Вы знаете, что я именно его имею в виду. Так что же вы собираетесь делать? Арестовать его за измену и послать в Атланту?

— Я… Я предпочел бы поразмыслить над этим, — ответил Баррис.

— Предположим, что вы не сообщите обо мне. Я могла сделать это, чтобы поймать вас в западню, проверить вашу лояльность системе. Вы обязаны сообщить — это мог быть трюк! — Она резко рассмеялась. — Это обеспокоило вас? Сейчас вы думаете, что напрасно приехали сюда для выражения соболезнования. Видите, во что вы влипли, руководствуясь гуманными побуждениями?

Глаза ее наполнились слезами.

— Уходите, — выдавила она прерывающимся голосом. — Какая может быть забота в организации о жене незначительного клерка?

— Я не жалею, что приехал, — произнес Баррис.

Подойдя к двери, Рашель открыла ее.

— Вы никогда уже не вернетесь сюда. Уходите, оставьте меня. Убирайтесь в свой безопасный офис!

— Полагаю, лучше бы вам покинуть этот дом, — посоветовал Баррис.

— И куда же перебраться?

На этот вопрос он не мог ей дать ответа.

— В организации солидная пенсионная система, — начал Баррис. — Вы будете получать почти столько же, сколько зарабатывал ваш муж. Если хотите, можете переехать обратно в Нью–Йорк или Лондон…

— Мои обвинения всерьез заинтересовали вас? — прервала его Рашель. — Не кажется ли вам, что я права? Что Таубман мог организовать убийство талантливого, честолюбивого подчиненного, чтобы сохранить свой пост? Странно, не так ли, что полицейские наряды всегда прибывают на минуту позже?

Потрясенный и обескураженный, Баррис произнес:

— Надеюсь снова встретиться с вами. Вскоре.

— До свидания, директор, — ответила Рашель Питт, стоя на ступеньках крыльца. — Благодарю вас за приезд.

Она стояла, пока машина не исчезла из виду.

Во время перелета через Атлантику в Северную Америку Уильям Баррис напряженно размышлял. Были ли у Исцелителей контакты с кем–то в организации «Единства»? Невозможно. Истерическая убежденность женщины совершенно

ошеломила его, его поразили не ее обоснования, а ее эмоции. И, подумал он, уже до этой встречи он сам в глубине души начал подозревать Таубмана. Не могло ли произойти так, что побег отца Филдса из лаборатории в Атланте был организован? Что это было совершено не гениальным безумцем–одиночкой, склонным к мести, а было выполнено заурядным чиновником, которого проинструктировали таким образом, чтобы совершить успешный побег? Подобное объяснение дает понять также то, почему Филдс в течение двух долгих месяцев не подвергся психотерапии. И что теперь? — задал самому себе вопрос Баррис. Кому рассказать об этом? Стану ли я открыто вступать в конфронтацию с Таубманом? Обращусь ли к Язону Диллу?

И затем другая мысль пришла ему в голову. Если бы он когда–либо вздумал атаковать Таубмана, миссис Питт была бы его союзником. Ему был нужен кто–то, кто мог бы помочь в контратаке.

В системе «Единства» ценным, как считал Баррис, было то, что кто–то должен был поддержать ваши обвинения — если не доказательствами, то, по меньшей мере, дополнительными утверждениями. Где дым, там и пламя. Кто–то должен проследить, есть ли связь между Таубманом и

отцом Филдсом. Обычная процедура — послать неподписанное заявление Язону Диллу и дать ему основания для начала полицейской слежки за Таубманом, чтобы отыскать доказательства. Мои собственные люди могли бы сделать это, подумал Баррис. У меня хорошая полиция. Но если Таубман узнает… Это будет ужасно! — вдруг испугался он. Мне нужно выбраться из этого порочного круга подозрений и страха! Я не должен сам себя уничтожить. Нельзя допустить, чтобы зловещая истерия этой женщины проникла в мой рассудок. Сумасшествие передается от человека к человеку — не это ли формирует толпу? Не это ли и есть групповой разум, с которым, как предполагается, мы боремся?

Лучше бы мне было не встречаться с Рашель Питт, мрачно подумал он.

Но в глубине души он чувствовал, как его тянет к ней. Смутное, но тем не менее, страстное желание овладело им. Он не мог уже его контролировать. Да, она была очень привлекательной — с длинными, темными волосами, сверкающими глазами, стройным, гибким телом. Но психически она не уравновешена, решил он. Она будет ужасной помехой. Любые отношения с подобной женщиной могут только повредить.

Совершенно нельзя предугадать, что она выкинет в следующую минуту. Ее связь с «Единством» оборвалась без предупреждения. Все ее планы, честолюбивые стремления оказались под ударом. Она должна найти другой выход, новую тактику выживания и существования.

Я совершил ошибку, приехав к ней, решил Баррис. Что может быть лучше, чем контакт с директором? Что может быть более полезным для нее?

Появившись в офисе он немедленно отдал распоряжение не соединять миссис Питт с ним напрямую. Любые ее послания должны идти по обычным каналам, что означало — с ней будут иметь дело официальные учреждения и чиновники.

— Что касается пенсии, — пояснил он своему секретарю. — То ее муж не был прикреплен к моему району, поэтому это не может быть основанием для обращения по этому вопросу в наш офис. Она должна послать его Таубману. Он был начальником ее мужа, но у нее появилась идея, что каким–то образом в этом могу помочь ей я.

Оставшись один в кабинете, он ощутил себя виноватым. Он солгал своему секретарю, представив миссис Питт в неверном свете, чтобы

обезопасить себя.

Является ли это выходом? — подумал он. Верное ли это решение?

Марион Филдс тихонько сидела в своей новой резиденции, читая комикс. В нем рассказывалось о физике, предмете, которым она увлекалась. Но сейчас она перечитывала комикс уже по третьему разу и ей было немного скучно.

Когда она начала читать его в четвертый раз, дверь внезапно распахнулась. В ней появился бледный Язон Дилл.

— Что ты знаешь о «Вулкане–2»? — зарычал он. — Почему они разрушили «Вулкан–2»? Отвечай!

Моргнув, она спросила:

— Старый компьютер?

Лицо Дилла окаменело, затем он сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки.

— Что произошло со старым компьютером? — С пристальным любопытством переспросила она. — Он взорвался? С чего вы взяли, что это сделал кто–то? Может быть, он просто взорвался. Ведь он же так стар!

Сколько она себя знала, она читала и слышала о «Вулкане–2». Он был исторической реликвией, как музей, которым стал Вашингтон, округ Ко-

лумбия. За исключением, того, что дети могли бродить там вверх и вниз по улицам и огромным молчаливым зданиям офисов, никого и никогда не допускали к «Вулкану–2».

— Я могу на него взглянуть? — требовательно спросила она, следуя за Язоном Диллом, который круто повернулся и бросился вон из комнаты. — Пожалуйста, разрешите мне взглянуть. Если он взорвался, значит, он уже никому не нужен, не так ли? Так почему я не могу посмотреть на него?

— Ты можешь связаться со своим отцом? — спросил Дилл.

— Нет, — ответила она. — Вы же знаете.

— Как мне связаться с ним?

— Не знаю.

— Он очень важная персона в Движении Исцелителей, не так ли? — Дилл взглянул на нее. — Чего же они добились, уничтожив старый компьютер, годный лишь для выполнения несложных работ? Пытались ли они добраться до «Вулкана–3»? Они просто ошиблись?

Девочка не могла ничего ответить.

— В конце концов, мы схватим его и поместим в Атланту, — заявил Дилл. — И на этот раз он не избегнет психотерапии. Я тебе это обещаю, дитя.

Даже если мне самому придется проследить за этим.

— Вы обезумели, — произнесла девочка, стараясь быть спокойной. — Ваш старый компьютер сломался, а вы пытаетесь кого–то обвинить в этом. О таких людях мой отец всегда говорил, что они начинают думать, будто весь мир настроен против них.

— Так оно и есть, — низким, отрывистым голосом бросил Дилл.

С этими словами он вышел, хлопнув дверью. Она стояла, прислушиваясь к звукам удаляющихся шагов, которые становились все слабее и слабее. У этого человека слишком много работы, подумала Марион Филдс. Ему нужен отпуск.

5

Перед ним был «Вулкан–2» или, вернее, то, что осталось от него — груды скрученных обломков, разбитые панели, разбросанные трубки, реле и все остальное, что еще недавно было компьютером. Еще не остывшие руины.

Несколько техников мрачно копались в обломках. Им удалось найти лишь несколько неповрежденных частей. Один из них уже оставил это занятие и складывал свои инструменты.

Язон Дилл пнул носком бесформенную кучу пепла. Он все еще не мог поверить, что «Вулкан–2» превратился в эту груду обломков. Никакого предупреждения… Абсолютно никакого.

Он оставил «Вулкан–2» и вернулся к своим делам.

Он не видел в произошедшем никакого смысла. Если Исцелителям удалось обнаружить крепость и проникнуть в нее, если один из их агентов смог забраться так далеко, зачем было тратить время впустую на старый компьютер, когда «Вулкан–3» находился всего лишь шестью уровнями ниже?

Может быть, они допустили ошибку и вывели из строя устаревшую машину, полагая, что

это «Вулкан–3»? В таком случае с точки зрения «Единства», это была счастливая ошибка.

Но, всматриваясь в обломки, Язон Дилл начал размышлять — это не походило на ошибку. Все было проделано чертовски четко — совершенно. Продуманно и точно.

Стоит ли информировать людей о случившемся? — спрашивал он себя. Я мог бы замять это дело, ведь техники, обслуживающие компьютер, полностью преданы мне. Я мог бы сохранять разрушение «Вулкана–2» в секрете многие годы.

Или, думал он, я мог бы сообщить, что разрушен «Вулкан–3». Я бы мог расставить ловушки, заставить их думать, что их затея удалась. В этом случае они, возможно, вышли бы из укрытий и обнаружили бы себя.

Тогда бы мы их наверняка поймали, возбужденно думал он. Ведь они в состоянии пробраться даже сюда! Они могут подорвать «Единство»!

Он ощутил ужас и вдобавок к нему свое полное одиночество. Этот старый компьютер был его товарищем уже многие годы. Когда у него возникали достаточно простые для машины вопросы, он всегда приходил сюда. Эти посещения были частью его жизни…

Бессознательно он двинулся прочь от этих

обломков. Он понимал, что никогда больше не вернется сюда, что со скрипучей старой машиной покончено. Он никогда не будет пользоваться ее дисплеем и составлять для нее вопросы.

Он набросил пальто. Они были все еще здесь — ответы, которые дал ему «Вулкан–2», ответы, которыми он был озадачен. Ему нужно было время на размышления. В последний раз он приходил сюда, чтобы сделать новый запрос и на свои вопросы получить исчерпывающие ответы, но ему помешал взрыв.

В глубокой задумчивости Язон Дилл вышел из помещения и направился по коридору обратно к лифту. Это плохой день для нас, сказал он самому себе. Мы еще долго будем помнить об этом.

Вернувшись в свой собственный кабинет, он уделил время изучению документов, которые ему доставили. Ларсон — начальник группы по сбору информации — показывал ему документы, по которым даны были отказы.

— Посмотрите на его молодое лицо… Ларсон аккуратно отложил увесистую стопку бумаг.

— Вот, может быть, было бы лучше, если бы вы отослали это лично.

— Почему я должен заниматься этим? — с раздражением заметил Язон Дилл. — Вы что, сами не

можете справиться? Если вы загружены работой, наймите еще клерков, их всегда в избытке, и вы это знаете так же хорошо, как и я. Нам приходится содержать два миллиона чиновников только для оформления платежных ведомостей, а вы по–прежнему беспокоите меня!

Его гнев и раздражение, излившиеся на подчиненного, возникли непроизвольно. Он знал, что просто разряжается на Ларсоне, но чувствовал себя очень подавленным и встревоженным своим поведением. Ларсон, не меняя выражения, твердо произнес:

— Именно этот бланк прислал директор. Мне кажется…

— Тогда дайте мне, — сказал Дилл, принимая бланк.

Он был подписан Североамериканским директором Уильямом Баррисом. Язон Дилл встречал его несколько раз. В памяти у него сохранилось впечатление о нем, как о высоком человеке с крупным лбом, лет тридцати пяти. Трудолюбивый. Ранга директора он достиг нетрадиционным путем, то есть, не используя личных связей и нужных людей, а ежедневным, кропотливым трудом.

— Это интересно, — сказал Дилл Ларсону.

Он отложил бумагу в сторону.

— Мы должны увериться, что выдвинули именно того директора, который нам нужен. Конечно, вполне вероятно, что он провел огромную работу с общественным мнением в своем округе и нам нечего беспокоиться.

— Я понял, — сказал Ларсон. — Ему это стоило огромного труда. Его родители не имели никакого положения.

— Мы можем показать, — сказал Язон Дилл, — что обыкновенный человек без особых усилий может прийти в организацию и законно получить постоянную работу, такую, например, как клерк или техник. А со временем, если он проявит способности и энергию, может пройти весь путь до самого верха. Фактически, он может стать Управляющим.

Нет, подумал он про себя, это была бы слишком замечательная работа.

— Он не станет Управляющим, — уверенно произнес Ларсон.

— Дьявол, — устало сказал Дилл. — Он может уже сейчас занять мое место. Все зависит от того, куда он гнет. А я предполагаю, что именно это ему и надо.

Взяв бланк, он взглянул на него. Там были зада-

ны два вопроса.

Первый: представляют ли Исцелители какую-либо опасность?

Второй: почему вы не реагируете на их существование?

Дилл задумался, держа бланк в руке. Один из довольно смышленых молодых людей быстро пробивается в лидеры «Единства». Баррис, Таубман, Рейнольдс, Гендерсон — все они продвигались уверенно и умело, никогда не упуская своих шансов. Дай им малейшую возможность, размышлял он с горечью, и они раздавят тебя и оставят позади.

— Человек человеку волк, — произнес он вслух.

— Сэр, — сразу же отозвался Ларсон.

Дилл положил бланк. Он открыл ящик письменного стола, извлек оттуда плоскую металлическую коробочку. Из нее он достал капсулу и положил на запястье. Капсула тут же растворилась и проникла под кожу. Он чувствовал, как она проникла в его тело, попала в кровь и без промедления начала действовать. Успокаивающее… Последнее из множества средств.

Оно работает на меня, продолжал размышлять он, и они все работают на меня. Все в одном на-

правлении, в том числе их постоянное давление и беспокойство.

И снова Дилл поднял запрос директора Барриса.

— А много ли директоров задают подобные вопросы?

— Нет, сэр, но напряженность в вопросах увеличивается. Несколько директоров, как и Баррис, удивлены, почему «Вулкан–3» не принимает официального решения по вопросу Движения Исцелителей.

— Они все удивлены, — резко произнес Дилл.

— Я имею в виду формально, — сказал Ларсон, — из официальных источников.

— Дайте мне посмотреть на остальной материал.

Ларсон передал ему остальные бланки с вопросами директоров.

— Здесь же и дополнительная информация, имеющая отношение к этому вопросу.

Он передал огромный опечатанный контейнер.

— Мы аккуратно отбираем весь поступающий материал.

— Я бы хотел посмотреть досье Барриса, — сказал Билл немного погодя.

— Его официальное дело?

— И другое тоже, — добавил Дилл. У него в голове созрело решение, которое не всегда высказывают вслух. Дополнительные сведения.

— Бесценный пакет, — сказал он. Телефонные переговоры, темные пятна в биографии, факты *лжи*, анонимные доносы, скрытые или приписываемые безрассудства или лунатизм. И еще документы, которые хранились, но были списаны.

Мы не могли сохранить их, подумал Дилл. Нет, мы их сохранили. Именно сейчас мы собрались рассмотреть такую грязь, какую в обычное время и в руки не возьмешь.

Немедленно документы были положены перед ним на стол. Он вставил микрофильм в сканер и некоторое время изучал его. Перед ним сменилась вереница скучных фактов. Баррис родился в Кенте, штат Огайо, братьев и сестер у него не было, но отец жив и работает в банке в Чили. Сам Баррис работает на «Единство» в качестве научного историка. Раздраженно ерзая, Дилл перемотал пленку. В конце концов он достал микрофильм и переложил его в подборку.

Человек не был даже женат, размышлял он. Вел упорядоченную жизнь, заполненную работой

и весьма достойную, судя по этим материалам. Если они охватывают всю его историю.

А теперь сплетни, подумал Дилл. Пропущенная часть, другая, теневая часть, изнанка.

К своему разочарованию он нашел пакет для компрометирующего материала на Уильям Баррриса почти пустым.

Неужели он настолько невинен? Дилл был удивлен. Неужели он не нажил себе врагов? Глупости. Отсутствие обвинений еще не означает невиновность человека. Подняться до директора означает навлечь на себя враждебность и зависть. Баррис, вероятно, выделяет значительную часть своего бюджета на раздачу премий, чтобы создать атмосферу всеобщего довольства и покоя.

— Здесь ничего нет, — сказал он, когда вернулся Ларсон.

— Я заметил, что эта подборка очень легкая, — ответил Ларсон. — Сэр, я спускался в хранилище и просмотрел весь материал по негативным отзывам. Я полагал, что там может быть что–то, что еще не успело попасть в эту подборку. Как вы, возможно, знаете, они пришли несколько недель назад.

Увидев листы в руках Ларсона, Дилл почувство-

вал, как пульс его участился в предчувствии.

— Что это?

— Вот, — Ларсон положил листок, который был дороже документов на недвижимость с водяными знаками. — Когда я увидел это, то взял для анализа. А вы лучше знаете, как это оценить.

— Не подписано, — буркнул Дилл.

— Да, сэр. Наши эксперты сказали, что это было отправлено вчера вечером откуда–то из Африки. Возможно, из Каира.

Изучая письмо, Язон Дилл бормотал.

— Это что–то, чего Баррис не ожидал получить. Во всяком случае, не сейчас.

— Писала женщина, — оценил Ларсон. — Написано в старомодном стиле шариковой ручкой:

«Тому, кому это может быть интересно. Хочу обратить ваше внимание на то, что директору Уильяму Баррису нельзя доверять, так как он получает деньги от Исцелителей уже на протяжении некоторого времени. Смерть, которая произошла недавно, связана с ним и он должен быть наказан за соучастие в ней, так как невинный и способный сотрудник «Единства“ был зверски убит».

Сейчас пытаются разобраться в стиле почерка. То, что сейчас у вас в руках — это копия с оригина-

ла. Специалисты еще работают над оригиналом в лаборатории. Но если вы…

— Что? — Дилл едва вымолвил это, чуть ли не шепотом. Письмо было интересным, но не уникальным. Он уже видел подобные обвинения, выдвинутые против других официальных лиц «Единства».

Он еще раз перечитал содержимое письма.

— Заметили, какое тревожное письмо? — спросил Ларсон. — Полагаю, это показатель того, что его автор находится в душевном смятении.

— Суеверие, — пояснил Дилл. — Интересно, не послано ли это по случаю убийства сотрудника Питта? Оно у нас было последним. Какую связь со всем этим имеет Баррис? Был ли он начальником Питта? Может быть, это он его послал с заданием?

— Я подготовлю все данные, сэр, — живо отозвался Ларсон.

После того, как Дилл перечитал это неподписанное письмо, он отбросил его в сторону и снова поднял бланк с вопросами директора Барриса. Своей ручкой он прочертил несколько линий внизу бланка.

— К концу недели вернуть это ему. Он не проставил свои опознавательные номера. Будет

правильнее, если я верну бланк ему.

Ларсон нахмурился.

— Это не задержит его надолго. Баррис тут же вернет бланк исправным.

— Это мои проблемы, — устало ответил Билл. — И дай мне позаботиться об этом самому. Занимайся своими собственными обязанностями и ты продвинешься в этой организации значительно дальше. Это урок, который тебе следовало бы усвоить давно.

— Извините, сэр, — покраснев, пробормотал Ларсон.

— Я полагаю, нам пора начать серьезное изучение деятельности директора Барриса, — сказал Дилл. — Лучше направить материалы в один из полицейских секретариатов. Инструкции я продиктую.

Пока Ларсон искал секретаря, Дилл сидел, тупо уставившись в неподписанное письмо, которое обвиняло директора Барриса в получении денег от Исцелителей. Было бы очень интересно узнать, думал он, кто его написал. Возможно, мы узнаем это в ближайшие дни. В любом случае мы проведем расследование деятельности Уильяма Барриса.

После ужина миссис Агнесса Паркер сидела в

школьном ресторанчике с двумя другими учителями, обмениваясь сплетнями и отдыхая после длительного насыщенного дня.

Нагнувшись так, чтобы никто из прохожих не мог слышать, мисс Кроули прошептала миссис Паркер.

— Неужели вы еще не закончили эту книгу? Насколько я знаю, она отняла у вас много времени. Я бы не разрешила вам читать ее первой. — Ее пухлое, румяное лицо тряслось от негодования. — Мы хотели бы получить ее назад.

— Да, — подтвердила миссис Дэвис, наклонившись к ним. — Жаль, что вы ее до сих пор не окончили. Вы ведь разрешите нам ознакомиться с ней?

Они договорились и, в конце концов, миссис Паркер неохотно поднялась и пошла между столиками к лестнице. Она долго поднималась, а затем долго шла по коридорам к крылу здания, в котором находилась ее комната. В комнате ей пришлось некоторое время повозиться, доставая книгу из тайника. Книга классика античной литературы называлась «Лолита» и уже давно была запрещена. Владельца такой книги, в случае его поимки, ожидал огромный штраф, а для учителя это могло означать и тюремное заключение.

Тем не менее, большинство учителей читали и обменивались между собой такими вдохновенными книгами, и до сих пор ни один из них не был пойман.

Ворча, потому что она не успела закончить книгу, миссис Паркер поместила ее между страницами газеты «Мир сегодня» и вынесла из комнаты в коридор. Никого не было видно, и она пошла дальше к лестнице.

Когда она спускалась по лестнице, то вспомнила, что у нее осталась незаконченная срочная работа и ее необходимо до утра выполнить. Полянки — небольшие кварталы девочек — не были пусты, как этого требовали школьные законы. Новые ученики должны были приехать через день или два и разместиться в комнатах, поэтому кто–то авторитетный должен обследовать каждый дюйм, чтобы убедиться, что тут нет никакого подрывного или запрещенного предмета, который мог бы испортить вновь прибывших. Принимая во внимание ситуацию, сложившуюся у местных девочек, такие правила имели значение. Когда миссис Паркер сошла с лестницы и зашагала по коридору, то почувствовала как сильнее забилось ее сердце. Она могла попасть во множество пренеприятнейших ситуаций, если

допустит какой–либо промах. Ведь могут решить, что она умышленно хочет сказать дурное влияние на новеньких.

Дверь в комнату Марион была закрыта. Как это могло случиться? — спросила себя миссис Паркер. Детям не давали ключей. Они не могли закрыть ни одну дверь. Это мог сделать только кто–то из персонала. Конечно, ключи у нее были, но она не имела времени спускаться сюда с тех пор, как Управляющий Дилл арестовал девочку.

Когда она нащупала свой универсальный ключ в кармане, то услышала какой–то звук по ту сторону двери. В комнате кто–то был.

— Кто там? — в испуге спросила она. Если там находился кто–то специально не уполномоченный, она попадет в неприятное положение.

Поддерживать порядок входило в ее обязанности. Вынув ключ, она быстро вздохнула и вставила его в замок. Может быть, это кто–то из «Единства» проверяет меня, подумала она. Хотят посмотреть, что я разрешаю ученицам. Дверь отворилась, и она включила свет.

Сперва она никого не заметила. Кровать, занавески, маленький столик, в углу… комод.

Что–то сидело на комоде. Что–то, что поблескивало, отсвечивая металлом, светилось и щелкало.

Когда это нечто повернулось, она увидела две механические линзы. Затем нечто с бочкообразным телом размером с детскую лоханку выстрелило вверх и потянулось к ней.

Она подняла руки.

— Стоп! — скомандовала она себе. Своего голоса она не услышала. Все, что она слышала, это громкий свист, отдаленные взрывы, переходящие в визг.

Стоп! Она хотела крикнуть, но не смогла. Ей казалось, что она поднимается. Сейчас она совсем ничего не весит и летит. Комната плыла в темноте. Она почувствовала, что проваливается.

Ни движения, ни звука… Только одна вспышка света, которая замерцала, заколебалась и затем угасла.

О Боже, подумала она. Так у меня будет куча неприятностей. Но даже ее мысли, казалось, разлетелись, и она не могла никак собрать их. Что–то я сделала не так. Это будет мне стоить работы.

6

Жужжание вмонтированного в кровать аппарата разбудило Язона Дилла от глубокого, вызванного транквилизаторами, сна. Потягиваясь, он механически щелкнул выключателем, отметив, что это был неофициальный вызов.

Что это еще, удивился он, ощущая всепроникающую боль, с которой он боролся на протяжении всего сна. Он понимал, что время позднее — уже половина пятого.

На экране видеомонитора появилось незнакомое лицо. Мельком он заметил опознавательную карточку. Мужчина был из медицинской службы.

— Управляющий Дилл, — пробормотал он. — Что вам нужно? Лучше лишний раз свериться с монитором. Если у вас там и полдень, то у нас уже поздняя ночь.

— Сэр, — объяснил медик. — Один ваш сотрудник посоветовал сразу предупредить вас. — Он бросил взгляд на какую–то карточку. — Миссис Агнесса Паркер — школьная учительница.

— Да, кивнул Дилл.

— Она была найдена другой учительницей.

Ее позвоночник был поврежден в нескольких местах и она умерла в час тридцать ночи. Первые проверки показали, что эти повреждения были нанесены умышленно. Есть свидетельства того, что некоторое количество плазмы было возбуждено. Спинной мозг, без сомнения, был выкипячен при помощи…

— Ладно, — сказал Дилл. — Спасибо за предупреждение. Вы поступили правильно. — Нажав на кнопку, он оборвал связь и затребовал у монитора связи с полицией «Единства».

Появилось полное, спокойное лицо.

— Возьмите всех людей, — сказал Дилл, — соберите девочек в школе, вновь прибывших тоже. Выберите их просто наугад и приступайте сразу же к работе. Держите всех задержанных до тех пор, пока с ними все не станет ясно. — Затем он на мгновение задумался.

— У вас есть информация об Агнессе Паркер?

— Она поступила час или два назад, — сказал полицейский.

— Проклятие, — выругался Дилл. Слишком много времени прошло. Они могли наделать много вреда. Они?

Враги.

— Есть какие–либо вести об отце Филдсе? —

спросил он. — Я полагаю, что, само собой разумеется, вы его не арестовали.

— Увы, сэр, — ответил полицейский.

— Расскажите, что вы нашли на этой женщине, Паркер? — спросил Дилл. — Естественно, начните с ее личного дела. Я предоставлю это на ваше усмотрение. Меня интересует именно дочь Филдса. Упаси Боже, чтобы с ней что–то произошло. Может быть, вы бы проверили прямо сейчас, все ли с ней в порядке. В любом случае, сразу же доложите мне.

Он отключил связь и повернулся.

Пытаются ли они найти пропавшую девочку? — спросил он себя. И где? Это не секрет, ее посадили в мою машину, средь бела дня, напротив игровой площадки.

Они подбираются все ближе и ближе, думал он. Добрались уже до «Вулкана–2» и до этой глупой, психопатичной учительницы, которая так радостно поведала первому официальному лицу, как она заботится о своих учениках. Они могут проникать в наши секретнейшие здания. Они определенно, в точности, знают все, что мы делаем. Если они могут проникнуть в школу, где мы учим детей верить…

Час или два он сидел у себя дома на кухне, куря

одну сигарету за другой и все более распаляясь.

Вернувшись к видеомонитору, он вызвал Ларсона. Тот, взъерошенный ото сна, брюзгливо всматривался в экран до тех пор, пока не узнал своего собственного начальника. Тут же он стал деловитым и вежливым.

— Да, сэр, — сказал он.

— Вы мне понадобитесь. Нужна специальная обработка вопросов для «Вулкана–3», — объяснил ему Дилл. — Нам необходимо это проделать с огромной осторожностью. И это будет нелегкая работа. Он хотел продолжить, но Ларсон перебил его.

— Вам будет приятно узнать, что мы вышли на человека, который послал анонимное письмо, обвиняющее директора Барриса, — сказал Ларсон. — Мы поинтересовались этим убитым парнем. Мы исходили из предположения, что имеется в виду Артур Питт и обнаружили, что его жена живет в Северной Африке. Фактически, она ездит в Каир за покупками несколько раз в неделю. Это настолько достоверно, что мы написали письмо местной полиции с указанием задержать ее. Это регион Блачера и нам было бы лучше выполнить все через его людей. Чтобы не было ненужных эмоций. Я хочу получить

разрешение от вас, так как мне пришлось взять всю ответственность на себя. Вы поняли сэр? Ей нельзя было этого делать.

— Задержите ее, — произнес еле слышно Дилл.

— Понял сэр, — живо ответил Ларсон. — Мы сообщим вам то, что нам удастся узнать. Интересно выяснить, что заставило ее обвинять Барриса. Обвинение, конечно, было ее. Я предполагаю, что она может успешно работать на кого–нибудь из других директоров, кто…

Дилл прервал связь. Он устало вернулся к своей кровати.

Ближе к концу недели директор Уильям Баррис получил назад бланк со своими вопросами. Каракули, нацарапанные внизу, сообщали: «НЕПРАВИЛЬНО ЗАПОЛНЕНО. ПОЖАЛУЙСТА, ИСПРАВЬТЕ И ПЕРЕПИШИТЕ».

Рассерженный Баррис швырнул бланк на стол и вскочил на ноги. Он щелкнул выключателем видеосвязи.

— Дайте мне Управление «Единства» в Женеве.

— Да, сэр? — отозвался дежурный в Женеве.

— Кто вернул это? — Баррис поднял бланк с вопросами. — Кто писал это? Начальник отдела комплектования информации?

— Нет, сэр, — быстро проверил дежурный. —

Генеральный директор Дилл вернул вам бланк, сэр.

— Дилл! — Баррис почувствовал, что переполняется негодованием. — Я хочу немедленно поговорить с Диллом.

— Мистер Дилл на конференции. Его нельзя беспокоить.

Сильным ударом Баррис разнес экран. Какое–то время он стоял, задумавшись. В этом не было сомнения. Дилл хитрил. Я не могу продолжать так дальше. Так я никогда не получу ответа из Женевы. Господи, что он замышляет? Больше года прошло, а «Вулкан–3» никак не реагирует на существование Исцелителей. Или, может, Дилл не обратил внимания? Волна недоверия захлестнула Барриса. Может, Дилл не позволяет компьютеру получать подобную информацию? Может ли быть так, что «Вулкан–3» вообще не знает о Исцелителях?

Это казалось просто невероятным. Что–то непонятное крылось за всем этим: биллионы единиц информации вводились в компьютер только за одну неделю. Это просто невозможно — не получить ни одного упоминания о Движении Исцелителей. Если хоть незначительная информация об этом просочится, компьютер тут же

отреагирует. Сопоставьте все факты, машина зарегистрирует несоответствие.

Итак, думал Баррис, если Дилл скрывает существование этого движения от «Вулкана–3», почему он это делает? Что бы он выиграл, умышленно лишая себя и «Единства» оценки ситуации компьютера?

Но Баррис понимал, что положение не менялось уже пятнадцать месяцев. «Вулкан–3» не передавал никакой информации. В общем, либо машина молчала, либо Дилл не пропускал сведений. Какой же огромный изъян в структуре «Единства», с горечью подумал Баррис. Только один человек по своему положению имеет доступ к компьютеру, и этот человек может нас полностью отрезать от него. Он может разъединить мир с «Вулканом–3». Словно некий священник, который стоит между человеком и Богом, размышлял Баррис. Это в корне неправильно, но что мы можем сделать? Что могу поделать я? Я могу распоряжаться лишь в этом регионе, но Дилл по–прежнему мой начальник. Он может устранить меня в любое время. Конечно, это очень сложная процедура — устранить директора против его воли, но несколько раз это уже проделывали. А если я выдвину против него обвинение в…

В чем?

Баррис понимал, что он совершает нечто такое… Но у него не было возможности определить, что именно. Я не только не имею никаких фактов, но даже не могу разобраться в ситуации достаточно четко, чтобы сформулировать обвинение. В конце концов, я действительно заполнил бланк с вопросами неверно, это факт. И если Дилл хочет сказать, что «Вулкан–3» просто ничего не говорил об Исцелителях, никто не сможет его опровергнуть, так как никто еще не получал доступ к компьютеру. Мы вынуждены принять его слова на веру.

Но мы принимали на веру уже достаточно его слов, думал Баррис. Пятнадцать месяцев — это весьма долгий срок. Пришло время действовать. Даже если это будет означать мою вынужденную отставку.

До отставки дело вполне может дойти, причем немедленной.

Работа, решил Баррис, не это ли важнее всего? Ты должен уметь доверять организации, частью которой ты являешься, ты должен верить в свое руководство. Но если ты считаешь, что оно делает что–то не так, ты должен оторваться от своего стула и что–то предпринять. Даже, если ничего

не останется, как пойти против него, встретиться лицом к лицу и потребовать объяснений.

Протянув руку, он включил видеофон.

— Соедините меня со взлетной полосой.

Через минуту засветился монитор из пункта управления полетами.

— Да, сэр?

— Это Баррис. Немедленно подготовьте машину первого класса. Я вылетаю сейчас же.

— Куда, сэр?

— В Женеву. — Баррис мрачно сжал зубы. — У меня свидание с Управляющим Диллом… — И тихо добавил. — Понравится ему это или нет.

Пока корабль мчал его с огромной скоростью в Женеву, Баррис тщательно обдумывал свои планы.

Они скажут, думал он, что я использую это как предлог, чтобы поставить Язона Дилла в затруднительное положение, что я не искренен, что на самом деле я использую молчание «Вулкана–3», как выдумку, чтобы заполучить место Дилла. Мой приезд в Женеву только докажет, насколько я честолюбив. И я не смогу опровергнуть эти обвинения. У меня нет возможности доказать, что мои намерения чисты.

В это время постоянные сомнения не бес-

покоили его. Он знал, что действует на благо организации. Я уже знаю свое мнение, подумал он. По этому вопросу я смогу себе доверять.

Я должен стойко держаться, сказал он себе. Если я буду уверенно утверждать, что пытаюсь перешагнуть через Дилла не ради собственной выгоды…

Но Управляющему известно, что все отказы, которые он дал, идут мне на пользу. Поэтому он может вызвать пару этих полицейских психологов из Атланты, и в один прекрасный день они доберутся до меня, если я буду настаивать на своих обвинениях. Меня убедят, что я предатель, что я цинично использовал объективные трудности для подрыва организации и дискредитации Дилла, а поэтому должен быть осужден на принудительные работы на Луне.

Он был уверен, что, когда он встал с кресла и направился к выходу, кто–то уже ждал у Женевского терминала, наблюдая за сигналом о его приближении. За мной будут следить все время, отметил он.

У выхода Баррис заколебался. Я могу развернуться и поехать назад, сказал он себе. Я могу сделать вид, что не собирался совершать это путешествие и, возможно, никто не поднимет

этот вопрос. Они узнают, что я отправился сюда. Они никогда не смогут установить, что я хотел поговорить с глазу на глаз с моим начальником Язоном Диллом.

Он заколебался, но затем дотронулся до кнопки, открывающей дверь. Она раздвинулась и яркий полуденный солнечный свет ворвался в маленький корабль. Баррис наполнил свои легкие свежим воздухом, подождал и спустил трап на площадку.

Когда он переходил открытое пространство к зданию управления полетами, от изгороди отделилась фигура. Вот один, догадался Баррис. Следит за мной. Фигура медленно двигалась к нему. Она была облачена в длинное, голубое пальто. Женщина. Ее волосы были повязаны пестрым платком, руки — в карманах пальто. Он не узнал ее. Тонкие, невыразительные черты лица. Неприметные глаза, подумал он. Уставилась на меня. Она не заговаривала и не подавала никаких знаков до тех пор, пока между ними не осталось несколько шагов. И тогда ее бесцветные губы задвигались.

— Вы не узнаете меня, мистер Баррис? — спросила она глухим голосом. Женщина повернулась и пошла рядом с ним по направлению к зда-

нию. — Я бы хотела поговорить с вами. Думаю, это вам пойдет на пользу.

— Рашель Питт, — узнал он ее.

— У меня кое–что есть на продажу, — пояснила она, глядя на него. — Одна новость, которая могла бы изменить ваше будущее. — Ее голос был твердым и ломким, таким же, как стекло. — Но кое–что мне бы хотелось получить взамен.

— Я не могу иметь с вами никаких сделок, — сказал он. — Я приехал сюда по делу.

— Знаю, — ответила она. — Я пыталась связаться с вами в вашем офисе, но мне каждый раз придумывали новую оговорку. Я уверена, что вы дали соответствующее распоряжение.

Баррис ничего не ответил. Это действительно плохо, думал он, что эта сумасшедшая сумела меня застать здесь в такое неудобное время.

— Вам не интересно, — прокомментировала Рашель, — и я знаю, почему. Все, чем заняты ваши мысли, так это тем, как бы получше разобраться с Язоном Диллом. Но вы же понимаете, что не сможете с ним разобраться вообще.

— Почему нет? — спросил он, пытаясь сдержать эмоции, которые могли проявиться в его голосе.

— Я несколько дней была под арестом, — пояснила Рашель. — Они схватили меня и привезли

сюда.

— А я–то удивился, что вы здесь делаете?

— Законопослушная женщина, преданная организации, чей муж был убит лишь несколько… — Она запнулась. — Но вас это также не касается. — Она остановилась у изгороди и повернулась к нему. — Вы можете идти прямо в офис Управления «Единства», или, быть может, выделите мне полчаса для разговора? Я советую вам последнее. Если вы решите встретиться с Диллом прямо сейчас, не выслушав меня… — Она пожала плечами. — Я не могу остановить вас. Идите. — Ее немигающие черные глаза горели, когда она ждала ответа.

Эта женщина действительно не в порядке, подумал Баррис. Суровое, фанатичное выражение. Но если даже это так, может ли он позволить себе проигнорировать ее?

— Вы думаете, что я пытаюсь соблазнить вас? — спросила она.

— Я… — растерянно вымолвил он.

— Я имею в виду соблазнить, сбив вас с пути к вашей высокой цели. — Впервые она улыбнулась и показалась расслабленной. — Мистер Баррис, — сказала она, вздрогнув. — Я расскажу вам всю правду. Надо мной проводили интенсивные

исследования эти два дня. Вы можете догадаться, кто их проводил. Но это неважно. Почему я должна беспокоиться? Особенно после того, что со мной произошло. — Голос ее затих, а затем зазвучал вновь. — Вы думаете, я сбежала? Что они гонятся за мной? — Дразнящая, добродушная ирония светилась в ее глазах. — Нет, черт побери. Они отпустили меня. Они провели принудительную психотерапию, а затем сказали, что я могу ехать домой. Они указали мне на дверь.

Группа людей прошла мимо них к кораблю, Баррис и Рашель немного помолчали.

— Почему они поступили с вами так? — спросил он наконец.

— О, я подозреваюсь в написании анонимки с обвинением одной высокопоставленной особы из «Единства». Мне удалось убедить их, что я невиновна, а может, анализ моего сознания убедил их. Все, что я делала, было исследовано. Они извлекли мое сознание, разобрали его на части, изучили, сложили опять вместе и вложили обратно в голову.

Она отодвинула на мгновение назад свою косынку. Он с отвращением рассмотрел тонкий белый шрам перед самой линией волос.

— Вернули все. Во всяком случае, я надеюсь на

это. Но все позади, — сказала она. — По крайней мере, я надеюсь, что это так.

— Это действительно ужасно, — произнес он с состраданием. — Настоящее оскорбление человеческого существа. Это нужно прекратить.

— Если бы вы стали Управляющим, может быть, вы и сумели бы это сделать, — произнесла она. — Кто знает? Когда–нибудь вы смогли бы… после всего этого. Ведь вы энергичны, трудолюбивы и честолюбивы. Все, что вам нужно, так это разгромить других энергичных, трудолюбивых, честолюбивых директоров, таких как Таубман, например.

— Является ли он одним из тех, кого вы обвиняете? — спросил Баррис.

— Нет, — ответила она еле слышно. — Это вы, Уильям Баррис. Вам интересно? Кстати, сейчас я уже могу поделиться с вами моими сведениями. В картотеке Язона Дилла есть письмо, обвиняющее вас в том, что вы за плату служите Исцелителям. Они мне его показывали. Кто–то пытается уничтожить вас и Дилла это заинтересовало. Не хотите об этом узнать, прежде, чем столкнетесь с ним рогами?

— Откуда вы знаете, что я за этим приехал? — спросил Баррис.

Ее темные глаза лукава блеснули.

— Зачем же еще вы приехали сюда? — Но сейчас ее голос не был таким уверенным.

Он коснулся ее руки и, твердо сжав ее, повел по дорожке, ведущей к концу поля.

— Мне необходимо время обсудить это с вами. — Он размышлял, куда же им направиться.

Они уже подошли к стоянке такси, когда таксист–робот заметил их и направился к ним, чтобы предложить свои услуги. Дверь машины открылась и механический голос спросил:

— Могу ли я быть вам полезен?

Баррис скользнул в такси, предварительно посадив женщину на заднее сидение. Все еще держа ее за руку, он обратился к таксисту:

— Послушай, можешь ли ты найти нам отель, не слишком примечательный. — Он слышал, как приемный механизм такси заработал. — Для нас нужно найти спокойное место, где мы могли бы отдохнуть. Я и моя спутница. Ты понимаешь меня?

Вскоре робот ответил:

— Да, сэр, я понял.

И такси направилось к забытым улицам Женевы. Вскоре оно остановилось в стороне от дороги.

— Отель «Бонд», сэр, здесь вы найдете желаемое

уединение.

Рашель Питт молчала, полагаясь на судьбу.

7

В своих карманах Дилл носил две магнитофонные кассеты. Он никогда не оставлял их — ни днем, ни ночью. Они были при нем и сейчас. Еще раз, непроизвольно, он потрогал выпуклость на груди, которую они образовали. Словно какое–то магическое наваждение. А мы обвиняем народ в том, что он суеверный.

Перед ним замаячил свет. Закрылась скользящая, бронированная дверь, как только он вошел, блокировав единственный выход из комнаты. Он остался наедине с компьютером — огромной, необъятной башней из всевозможных приемников и индикаторов. Это был «Вулкан–3».

Только часть компьютера была видна, остальная часть находилась так высоко, что ее невозможно было рассмотреть. За время своего существования, компьютер так себя модифицировал, что созданное для него помещение оказалось мало. Расширяя свои возможности, компьютеру пришлось расчистить гранитные и щелевые пласты. Уже давно он проводил экскаваторные работы в окрестностях. Иногда Дилл слышал звуки, доносящиеся из недр, словно там работали

дрели дантиста на высоких частотах. Время от времени, он прислушивался, пытаясь угадать, где именно проводятся работы. Это были только догадки. Только по результатам выбросов горных пород на поверхности можно было судить о росте и развитии компьютера. Да еще по количеству сырья, инструментов и деталей, запрашиваемых машиной.

Теперь, когда Дилл стоял перед ней, он заметил новую кассету с обработанной информацией. Ему нужно было вынуть ее и доставить. Словно я какой–то мальчик на побегушках, подумал он. Я только и делаю, что приношу каждую неделю новые детали, достаю все, что угодно. Финансовые затраты на обеспечение «Вулкана–3» просто невероятны. Введенная по всему миру налоговая программа существовала и для поддержания компьютера. Согласно последней оценке, она составила 43%. Остальное, продолжал размышления Дилл, идет на школы, дороги, больницы, пожарные службы, полицию, то есть на то, что менее значительно для человечества.

Пол под его ногами вибрировал. Это был самый глубокий уровень, который сконструировали инженеры, но что–то продолжало строиться еще ниже. Он чувствовал эту вибрацию и раньше.

Что находится там, внизу? Не черная земля, не инертный грунт. Энергия, труды и диски, электропроводка, трансформаторы, изолированные машины. Он мог только представить, как неумолимо продолжается деятельность компьютера. Вагончики, ввозящие запасы, вспыхивающие и угасающие огоньки, реле подогрева и охлаждения, вновь изобретенные части, взамен устаревших конструкций ставятся новые высшего качества. И как далеко это растянулось? Мили? Где еще есть уровень под тем, на котором он стоит? Идут ли они один за одним бесконечно?

«Вулкан–3» осознавал его присутствие. На широком, светящемся табло вспыхнули огоньки и пробежала лента со словами Диллу. Их можно было читать или не читать вообще. Но компьютер не был снисходительным к ограниченным человеческим возможностям.

«ЗАКОНЧЕНО
ЛИ ОБОЗРЕНИЕ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ?»

— Почти, — ответил Дилл, — еще несколько дней. — Как всегда при общении с «Вулканом–3», он чувствовал глубокое нежелание, это замедляло его ответы и как бы нависало над его сознанием, его способности становились мертвым грузом.

В присутствии компьютера он чувствовал себя глупцом. Он всегда давал короткие ответы, это было проще. И как только первые слова загорелись в воздухе над его головой, у него возникло желание уйти, уйти прямо сейчас.

Но это была его работа, находиться, как в монастыре, тут с «Вулканом–3». Кто–то должен это делать. Кто–то из людей должен находиться на этом месте.

Сейчас появились новые слова, словно бело–голубые разряды молнии в пустом воздухе.

— Мне нужно быстро получить обзор.

— Он будет доставлен сразу же, как только информационная группа сможет его перекодировать.

«Вулкан–3» был… думал он, только одно слово его волновало. Силовая линия вспыхнула красным. Грохот и тусклые вспышки красного огня напоминали Зеленую улицу Натаниэля, кузницу древнего бога. Хромого бога, который создавал молнии для Юпитера много веков назад.

— Я заметил некоторые элементы ненадлежащего исполнения. Существенные изменения в ориентировке некоторых социальных слоев, которые нельзя объяснить на основе имеющихся у меня данных. Перестройка социальной пи-

рамиды образовалась в ответ на исторические факторы, неизвестные мне. Я должен знать больше, если имею к этому отношение. — Легкая дрожь тревоги пробежала по телу Дилла. Что «Вулкан–3» заподозрил? Вся информация будет представлена так быстро, как только это будет возможно.

— Это раздвоение общества происходит именно сейчас. Будь уверен, твой обзор по образовательным направлениям уже готов. Мне понадобятся все факты, относящиеся к делу.

После паузы «Вулкан–3» добавил:

— Я ощущаю быстро приближающийся кризис.

— Какой кризис? — нервно спросил Дилл.

— Идеологический. Появилось новое направление на грани вербализации. Знание, полученное из опыта низших классов. Оно отражает их неудовлетворение.

— Неудовлетворение? Чем?

— К тому же, народные массы отвергли концепцию стабильности. В основном те из них, кто не имеет достаточной собственности, заинтересованы больше в прибыли, чем в безопасности. Для них общество — это арена приключений. Структура, в которой они надеются подняться до

наивысшего положения.

— Понятно, — озабоченно сказал Дилл.

— Рационально управляемое, стабильное общество, такое, как наше, побеждает свои желания. В быстрых изменениях нестабильного общества низшие классы получат хороший шанс набраться сил. Низшие классы — это авантюристы, планирующие жизнь, как азартную игру. Игра — больше, чем выполнение заданий, и ставка в ней — получение социальной власти.

— Интересно, — сказал Дилл, — так для них смысл удачной игры — это более важная роль. У тех, наверху, своя удача. Те…

Но «Вулкан–3» не интересовался его рассуждениями, он продолжал:

— Неудовлетворение масс основывается не на экономических лишениях, а на чувстве бесполезности. Не возрастание уровня жизни, но большая социальная значимость — вот их основная цель. Из–за своей эмоциональной ориентации они поднимутся и начнут действовать, когда сильный лидер сумеет скоординировать их в более дееспособное объединение, чем хаотичная масса из отдельных элементов.

Диллу нечего было на это ответить. Это было доказательством того, что «Вулкан–3» тщательно

проанализировал всю имеющуюся у него информацию и пришел к очень близким к истине выводам. Это, конечно, была сильная сторона машины. Просто это был превосходный план для предоставления дедуктивного и индуктивного способов мышления. Она безжалостно переходила от одной ступени к другой и делала верный вывод каким бы он ни был.

Без основной информации «Вулкан–3» мог делать выводы из основных исторических принципов и социальных конфликтов, присущих современному миру. Он создал картину, которая показывала среднего человека, как он вставал утром и неохотно приветствовал день. Прикованный здесь «Вулкан–3» на основе непрямых и неполных фактов, представил вещи такими, какими они были в жизни.

Пот выступил на лбу у Дилла. Он имел дело с интеллектом более высоким, чем у человека или даже группы людей. Компьютер превосходит ограниченные способности человека, да и притом делает все быстрее… «Вулкан–3» потенциально делал то, что человек не мог сделать, независимо от наличия у него времени.

Тут, внизу, похороненный под землей, в темноте, в постоянной изоляции человек сошел бы

с ума. Он бы потерял все связи с миром, представление о происходящем. С течением времени он бы утрачивал понятие реальности, у него бы прогрессировали галлюцинации. В то время как «Вулкан–3» продолжал следовать в противоположном направлении. Он постепенно двигался к неизбежному здравомыслию, или, в конце концов, к зрелости, если под ней подразумевать нечто иное — точное и полное понимание вещей такими, какими они есть на самом деле. И эту картину, как понял Дилл, не представлял и никогда не представит ни один человек. Все человечество пристрастно. А этот гигант — нет.

— Я потороплю работу с обзором по образованию, — пробормотал он. — Что–нибудь нужно еще?

— Статистический доклад о независимом сельском языке.

— Зачем это?

— Это было под личным надзором вашего субкоординатора Артура Грайвсона Питта.

Дилл выругался про себя. Боже мой, «Вулкан–3» никогда не перепутал и не потерял ни одного факта среди миллиардов других, с которыми он работал.

— Питт пострадал, — сказал Дилл. Его мысли

отчаянно скакали. — Его машина перевернулась на ветреной горной дороге в Колорадо. Или, во всяком случае, я так помню. Я бы проверил для верности, но…

— Составлен ли его доклад в присутствии еще кого–нибудь? Я требую его. Он пострадал серьезно?

Дилл заколебался.

— Кажется, есть сомнения, что он выживет. Врачи говорят…

— Почему такое количество людей Т–класса были убиты в прошлом году? Я хочу побольше информации об этом. Согласно моей информации, лишь один из пяти умер своей смертью. Какие–то существенные факторы упущены. Я должен иметь больше фактов.

— Хорошо, — пробормотал Дилл. — Мы раздобудем нужную информацию.

— Я предлагаю созвать специальный Совет «Единства». Я полагаю, что мне придется опросить всех региональных директоров персонально.

Дилл был ошеломлен этим требованием. Он пытался заговорить, но не мог. Он мог только неотрывно смотреть на ленту со словами. А та продолжала безжалостно двигаться.

— Я не удовлетворен тем способом, которым для меня готовятся материалы. Я требую коренного изменения подготовки информации.

Дилл открыл и закрыл рот. Сознавая что заметно трясется, он попятился назад.

— Может, нужно что–нибудь еще, — пробормотал он. — У меня есть дела, в Женеве.

Все что он желал, так это выбраться из комнаты.

— Больше ничего. Можете идти.

Дилл вышел так спешно, как это было возможно.

Поднялся на скоростном лифте до верхнего уровня. Вокруг него, словно в мареве, стояли проверяющие его охранники. Он едва осознавал их присутствие.

Что за проделки, думал он. Что за испытание! Психологи из Атланты. Их нельзя сравнить с теми, с которыми мне приходится сталкиваться день изо дня.

Боже, как я ненавижу эту машину, думал он.

Сердце его колотилось. Он не мог дышать и некоторое время сидел на обитом кожей диване в комнате отдыха, приходя в себя.

— Мне бы стаканчик чего–нибудь бодрящего, — обратился он к одному из служащих. — Что там

у вас имеется?

Вскоре ему подали высокий, зеленый стакан. Он опрокинул его в себя и почувствовал себя немного лучше. Служащий ожидал рядом расчета. У него был поднос и счет.

— Семьдесят пять центов, сэр, — сказал служащий.

Это был последний удар для Дилла. Его должность Управляющего не освобождала его от подобных мелочей. Ему пришлось обшарить свои карманы в поисках мелочи. И между тем, он думал, что будущее общества за ним. В то время, как я откапываю семьдесят пять центов для этого идиота.

Я обязан позволить им развалиться на части. Я должен все бросить.

Уильям Баррис почувствовал себя свободнее, когда экипаж доставил его и Рашель Питт в темную, перенаселенную, старинную часть города. На тротуарах неспешно перемещались группки пожилых людей в поношенных одеждах и засаленных шляпах. Подростки слонялись возле витрин. Большинство витрин имели металлические решетки, предохраняющие выставленные товары от краж. В переулках валялся сваленный в кучи мусор.

— Вы не против посещения этих мест? — спросил он находящуюся рядом женщину. — Или тут слишком угнетающая обстановка?

Рашель сняла свое пальто и положила себе на колени. На ней была хлопчатобумажная блузка с короткими рукавами, наверное, та, в которой она была в момент ареста. Ему показалось, что она больше подходила для дома. Он также заметил, что на ее горле появились полосы пыли. Она была утомлена, сидела вялая и понурая.

— Знаете, я люблю этот город, — сказала она.

— Даже эту его часть?

— Я здесь живу с того момента, как они меня отпустили.

— Они вам дали возможность собрать свои вещи? — спросил Баррис. — Хоть какие–то вещи?

— Ничего, — ответила она.

— А деньги?

— Они были любезны. — Голос ее был ироничным. — Нет, они не позволили мне взять деньги, просто втиснули меня в полицейский корабль и отправили в Европу. Но перед тем, как отпустить меня, они разрешили мне получить достаточно денег из пенсии моего мужа, чтобы дать мне возможность добраться домой. — Обернувшись, она закончила. — Это все из–за красной тесь-

мы. Это было за несколько месяцев до выплаты регулярного пособия. Небольшое одолжение в мой адрес.

На это Баррису нечего было ответить.

— Вы думаете, — спросила Рашель, — что я возмущена таким отношением со стороны «Единства».

— Да, — был ответ.

— Вы правы, — ответила Рашель.

Такси уже приближалось ко входу в старинный кирпичный отель с потрепанным навесом. Чувствуя какую–то тревогу, Баррис спросил:

— В этом заведении все будет в порядке?

— Да, ответила Рашель. — Фактически, это то место, куда я и хотела привести вас.

Машина остановилась. Когда Баррис платил, то подумал, что, возможно, не стоило это делать самому. Может быть, мне стоит сесть обратно и уехать на нем? Повернувшись, он взглянул на отель.

Рашель Питт поднималась по лестнице. Было уже поздно. Какой–то мужчина появился у входа, держа руки в карманах. На нем был темный, неопрятный плащ, кепка надвинута на глаза. Он глянул на нее и что–то сказал.

Баррис сразу же взбежал по лестнице за ней. Он

взял ее за руку и стал между нею и мужчиной.

— Посмотри–ка, — сказал он незнакомцу, вытащив из внутреннего кармана карандаш с микропередатчиком.

Медленно, ровным тоном, мужчина сказал:

— Не волнуйтесь мистер. — Он изучал Баррриса. — Я вовсе не пристаю к миссис Питт. Я только проследил, когда вы прибыли. — Обходя Баррриса и Рашель, он добавил. — Проходите в отель, директор. У нас наверху есть комната, где вы можете поговорить. Никто вас там не потревожит. Вы выбрали хорошее место.

Или, если быть поточнее, подумал Баррис, таксист и Рашель выбрали хорошее место. Он ничего не мог сделать, он чувствовал кончик лучевого пистолета, который незнакомец приставил к его позвоночнику.

— Вам нечего относиться с подозрением к людям в такой одежде и при таких обстоятельствах, — дружелюбно произнес мужчина, когда они пересекали грязный и темный вестибюль по пути к лестнице. Баррис решил, что лифт не работает, или во всяком случае, так писалось на табличке.

— Может быть, сказал мужчина, — вы не заметили исторический знак моего занятия. — У

лестницы он остановился, огляделся вокруг и сдвинул свою кепку.

Суровое, темно–коричневое лицо, открывшееся Баррису было ему хорошо знакомо. Нос с небольшой горбинкой, словно его когда–то сломали и он таким и остался. Специально коротко остриженные волосы, придававшие его полному лицу выражение строгости.

— Это отец Филдс, — сказала Рашель.

Мужчина улыбнулся, и Баррис увидел неровные, но крепкие зубы. На фотографии это незаметно, подумал Баррис. И волевой подбородок тоже. Это внушало определенные мысли, хотя и не давало полного представления о человеке. Во всяком случае, отец Филдс выглядел более как боец, чем представитель религиозных кругов.

Стоя лицом к лицу с этим человеком, Баррис первое время чувствовал полный и абсолютный страх перед ним. И он пришел к нему вместе с уверенностью, что раньше они не были знакомы.

Впереди них поднималась Рашель.

8

— Мне бы было интересно узнать, — спросил Баррис, где вы встретились с этой женщиной?

Он указал на Рашель Питт, которая стояла у окна в номере гостиной, спокойно разглядывая крыши и дома Женевы.

— Отсюда можно увидеть здание Управления «Единства» — повернувшись, вымолвила Рашель.

— Конечно, можно, — ответил отец Филдс своим рычащим голосом. Он сидел в углу в полосатом халате и отороченным мехом тапочках, с отверткой в одной руке и осветительной арматурой в другой. Он собирался принять душ, но освещение не работало. Два других человека, очевидно, Исцелители, сидели за карточным столиком, сосредоточившись на памфлетах, сложенных в стопку между ними и связанных проволокой. Баррис предположил, что это материал для пропаганды Движения и они его распределяют.

— Это просто совпадение? — спросила Рашель.

Филдс проворчал, игнорируя ее, так как работал над освещением. Затем, подняв голову, отрывисто сказал Баррису.

— А теперь послушайте. Я не буду лгать вам, потому что это ваша организация основана на лжи. Любой, кто меня знает, может сказать, что мне никогда не нужна ложь. Почему? Правда — вот мое оружие.

— Какая правда? — спросил Баррис.

— А правда такова, что довольно скоро мы собираемся отправиться по той улице, которую вы можете видеть отсюда, к тому зданию, на которое леди смотрит, и тогда «Единство» перестанет существовать.

Он улыбнулся, показав свои уродливые зубы. Но надо отметить, это была дружеская улыбка. Как будто, подумал Баррис, он надеется что вступит в общий разговор, и по возможности ответил ему улыбкой.

— Желаю удачи, — заметил Баррис иронично.

— Удача, — повторил Филдс. — Нам она не нужна. Все, что нам нужно, это скорость. Это все равно, что проткнуть старый, гнилой фрукт палочкой. — Голос его зазвенел из–за акцента.

Баррис уловил в нем нотки, характерные для территории Таубмана — Южный штат, образующий край Южной Америки.

— Ради Бога, избавьте меня от ваших народных метафор, — сказал Баррис.

Филдс засмеялся.

— Вы заблуждаетесь, господин директор.

— Мне тоже так показалось, — безучастно согласилась Рашель.

Баррис почувствовал, что краснеет. Эти люди насмехались над ним, и он сам на это напросился. Он обратился к человеку в полосатом халате.

— Мне удивительно, как вам удается справляться с вашими последователями. Вы устроили убийство мужа женщины, но после встречи с вами она примкнула к вашему Движению. Это впечатляет.

Какое–то время Филдс молчал. Наконец, он положил вещь, с которой работал.

— Должно быть, — сказал он, — ничего подобного в Соединенных Штатах с тех пор, как я был рожден, не было. И эту область назвали бы «новой». — Он нахмурился и поджал нижнюю губу. — Я ценю ваше моральное негодование. Но кто–то все перевернул в этой бедной человеческой голове, это несомненно.

— И вы тоже приложили к этому руку, — заявил Баррис.

— О, да, — согласился Филдс. Он пристально изучал Барриса. Его жесткие, темные глаза, казалось, увеличивались и становились все более

гневными. — Я в самом деле увлекся, — сказал он. — Когда я вижу этот симпатичный серый костюм, который на вас, и белую рубашку, эти черные сияющие туфли… — Его испытывающий взгляд изучал Барриса с головы до ног. — А особенно меня выводит из себя та вещь, которую вы носите в своих карманах. Эти карандаши, лучевые карандаши.

— Отец Филдс, — пояснила Баррису Рашель, — однажды обозлился на одного сборщика налогов.

— Да, — подтвердил Филдс. — Вы же знаете, что ваши фининспектора стоят над законом. Ни один гражданин не может легально предпринять что–либо против них. Мило, не правда ли? — Подняв руку, он отдернул свой правый рукав. Баррис увидел на теле шрам, почти до кости, от самого запястья до локтя. — Давайте найдем причину морального негодования в этом.

— Я его разделяю, — ответил Баррис. — Я никогда не одобрял процедуру сбора налогов. На моем участке этого нет.

— Это так, — сказал Филдс. Голос его утратил свою свирепость. Казалось, он понемногу остывал. — Это отличает вас от других директоров, вы не такой плохой. У нас есть несколько человек в вашем офисе. Мы кое–что знаем о вас. Вы

тут в Женеве, потому что хотите знать, почему «Вулкан–3» не принимает никакого решения относительно нас, Исцелителей. Это никоим образом вам не поможет. Старый прохвост Язон Дилл может бросить ваш запрос вам в лицо и это сойдет ему с рук. Должен сказать, что ваша машина о нас ничего не говорит.

На это Баррис не ответил.

— Это дало нам кое–какую выгоду, — сказал Филдс. — У вас, парни, нет оперативной полиции. Вам нужно дожидаться распоряжения машины, потому что вам не придет в голову основать совместную полицию, управляемую людьми.

— У меня на участке есть своя полиция, — сказал Баррис. — И засадила в тюрьму столько Исцелителей, сколько было возможно поймать.

— Почему? — спросила Рашель Питт.

— Спросите у вашего дорогого мужа, — со злобой отрезал Баррис. — Я не могу вас понять. Ваш муж погиб на работе, а эти люди…

— Директор, — прервал его Филдс, — над вами никогда не работали психологи из Атланты. — Его голос был спокоен. — Этой женщине, как и мне, немного досталось. Досталось совсем немного, с ней они торопились.

Какое–то время все молчали.

Не много я могу сказать, осознал Баррис. Он прошелся до карточного столика и подобрал один из памфлетов. Без цели он прочел большой черный листок.

«Есть ли у вас возможность распоряжаться вашими жизнями»?

«Когда вы голосовали в последний раз»?

— Уже двадцать лет не было всеобщих выборов, — пояснил Филдс. — Говорят ли об этом ученикам в ваших школах?

— Должны, — ответил Баррис.

— Господин Баррис, — сказал Филдс. Его голос был напряженным и хриплым. — Как бы вам понравилось наше предложение стать первым директором, перешедшим на нашу сторону?

На мгновение Баррис обнаружил способность выступать в суде защитником, затем она прошла. Лицо и голос мужчины стали строгими.

— Это представит вас в будущих книгах по истории таким же хорошим, как сатану. — Он резко засмеялся. Затем еще раз подняв электроприбор, закончил с ним работу. Он не обращал на Барриса внимания, казалось, он даже не ждет от него ответа.

Подойдя к Баррису, Рашель сказала в своей бескомпромисной, краткой манере:

— Директор, он не шутит. Он действительно хочет, чтобы вы примкнули к Движению.

— Полагаю, что так, — согласился Баррис.

— У вас есть логическое мышление, — сказал Филдс. — Вы чувствуете, что что–то неправильно. Все эти амбиции и подозрительность… Для чего это? Может быть, я делаю вас несправедливым, но честным перед Богом, господин Баррис. Я считаю, что наши начальники безумны. Я знаю, что Язон Дилл не в себе. Большинство директоров и их сотрудники тоже. И школы переполнены сумасшедшими. Вы знаете, что они взяли мою дочь и поместили ее в одну из этих школ. Насколько я знаю, сейчас она там. Мы ни разу не смогли туда попасть. Вы человек по–настоящему сильный. Для вас это много значит.

— Вы пойдете в школу «Единства», — сказала Баррису Рашель. — Вы и так знаете, чему они учат детей, не отказывайтесь. Их учат послушанию. Артур был выпускником одной из них. Приятный, хорошо выглядевший, хорошо одетый, продвигающийся по службе…

Она умолкла.

И мертвый, подумал Баррис.

— Если вы не присоединитесь к нам, — сказал ему Филдс, — то можете уйти отсюда и пойти на

встречу с Язоном Диллом.

— У меня нет встречи, — ответил Баррис.

— Это так, — признал Филдс.

Рашель вскрикнула, указывая в окно.

Пройдя по подоконнику, в окно ввалилось что–то, сделанное из блестящего металла. Оно поднялось и полетело по воздуху. При падении оно производило резкие звуки. Оно изменило направление и приблизилось к Филдсу.

Двое мужчин за карточным столиком вскочили на ноги и застыли с открытыми ртами. Один из них начал нащупывать пистолет на поясе.

Металлический предмет спикировал на Филдса. Закрыв лицо руками, Филдс бросился на пол и покатился. Его полосатый халат хлопал, а один тапочек слетел с ноги и заскользил по ковру. Катаясь, он выхватил лазерный излучатель и выстрелил вверх. Огненная вспышка опалила Барриса, он отскочил назад и закрыл глаза.

Продолжая кричать, перед ним появилась Рашель с искаженным истерикой лицом. В воздухе трещали разряды энергии, облако густого серо–голубого вещества заволокло большую часть комнаты. Диван, кресла, ковер, и стены горели. Дым поднимался вверх и Баррис заметил языки пламени, вспыхивающие оранжевыми бликами

в темноте. Рашель перестала кричать. Он и сам частично ослеп. Он направился к выходу. В ушах у него звенело.

— Все в порядке, — сказал Филдс. Его голос слабо пробивался через треск разрядов. — Потушите огонь. Я вышвырнул эту чертову штуковину.

Силуэт его появился перед Баррисом. Филдс криво усмехнулся. Казалось, его голова, вся в пузырях и красного цвета, пылает.

— Если можете, помогите потушить пожар, — сказал он Баррису тоном царедворца. — Может быть, я сумею найти достаточно частей этой штуковины, чтобы разобраться, что это было.

Один из мужчин нашел огнетушитель за дверью в коридоре и ожесточенно пытался погасить огонь. Его товарищ пришел с другим огнетушителем и установил его. Баррис оставил их бороться с огнем и пошел искать Рашель.

Она согнулась в дальнем углу в комочек и уставилась прямо перед собой, крепко сцепив руки. Когда он поднимал ее, то почувствовал, что она дрожит. Она ничего не говорила, пока он держал ее на руках. Казалось, она не осознает его присутствия.

Появившись перед ним, Филдс сказал весело:

— Жареная собака <ироническое сравнение

с «хот–догом», запеченной в тесте сосиской> , Баррис, я нашел большую ее часть.

Он торжествующе показал обожженный, но целый металлический цилиндр с отлаженной системой приемников, антенн и реактивным двигателем. Затем, глянув на Рашель, он перестал улыбаться.

— Я удивлюсь, если она справится с собой на этот раз, — заявил он. — Она была в подобном состоянии, когда пришла к нам впервые. После того, как пани из Атланты выпустили ее. Это кататония.

— И вы помогли ей справиться с ней? — спросил Баррис.

— Она сама справилась, — сказал Филдс, — потому что сама хотела этого. Она хотела что–то делать. Быть активной. Помочь нам. Она перенесла слишком много. Возможно, этот случай будет слишком тяжелым для нее.

Он беспомощно пожал плечами, на лице у него было сострадание.

— Возможно, я снова вас увижу, — сказал ему Баррис.

— Вы уезжаете, — прокомментировал Филдс. — Куда же вы направляетесь?

— Повидать Язона Дилла.

— А как насчет нее, — спросил Филдс, указывая на женщину на руках у Барриса. — Ее вы тоже возьмете с собой?

— Если позволите, — ответил Баррис.

— Делайте что хотите, — задумчиво произнес Филдс, подмигивая. — Я не совсем хорошо вас понимаю, директор.

Казалось, в этом момент у него пропал акцент.

— Вы за нас или против? Знаете ли вы это сами? Может быть, вы еще не определились, возможно, вам нужно время.

— Я никогда не останусь с этими убийцами, — ответил Баррис.

— Бывают убийцы быстрые и медленные, — ответил Филдс. — И бывают убийцы тела и убийцы души. Некоторые из этих убийств вы совершаете в своих школах.

Баррис вышел из наполненной дымом комнаты в холл, затем по лестнице спустился в вестибюль.

На улице он остановился робокэб.

На женевской взлетной полосе он посадил миссис Питт на самолет, который должен был отвезти ее на его участок в Северной Америке. Он связался со своими людьми и дал им инструкции встретить корабль, когда он прилетит

в Нью–Йорк, с распоряжением обеспечить ей медицинский уход, пока он не вернется. И еще у него был один последний приказ для них.

— Не дайте ей покинуть мою территорию. Не отвечайте ни на какие запросы о передаче ее в другой район, особенно в Южную Америку.

Его сотрудник предусмотрительно заметил.

— Вы не хотите, чтобы мы позволили ей появиться в районе Атланты?

— Именно так, — сказал Баррис, зная, что и без его пояснений там поймут ситуацию. В системе «Единства», наверное, не было никого, кто бы мог разгадать его истинные намерения. Атланта был основным объектом, которого все они страшились, большие и маленькие одинаково.

Интересно, чувствует ли Язон Дилл то же самое? — думал Баррис, покидая видеорубку. Возможно, он свободен от этого. Конечно, если размышлять логично, ему нечего бояться. Но в любом случае иррациональный страх должен оставаться.

Он направился через переполненное и шумное здание вокзала к одной из закусочных. Там он заказал бутерброд и кофе. Он посидел немного, собираясь с духом и размышляя.

Получал ли Дилл письмо, обвиняющее меня в

измене? — спрашивал он себя. Сказала ли Рашель правду? Возможно, нет. Возможно, это был план повернуть его назад, удержать от посещения офиса Управления «Единства».

Я должен воспользоваться случаем, решил он. Несомненно, я могу прозондировать почву, найти информацию через какое–то время. Я могу узнать все в течение недели, но я не могу ждать так долго. Я должен повидать Дилла сейчас. Для этого я сюда и прибыл.

И я был с ним, думал он, — с врагом. Если такое письмо существует, несомненно, потребуются «Доказательства». Системе больше ничего не надо. Я буду разоблачен как изменник и признан виновным. И это будет мой конец, как официального лица системы и моей жизни также. Правда, что–то может, от меня и останется, но по–настоящему я жить не буду.

И еще, понял он, я даже не могу вернуться сейчас назад, в собственный регион. Нравится мне это или нет, но я встречался с отцом Филдсом лицом к лицу. Я с ним связался, и любые враги, которые у меня могут быть внутри и снаружи «Единства», получат то, чего хотят, чтобы сократить мою жизнь. Уже слишком поздно для того, чтобы все бросить, чтобы оставить идею спора

с Диллом. Отец Филдс, подумал он иронично, вынуждал меня довести все до конца.

Он заплатил за еду и оставил закусочную. Выйдя на улицу, он нанял другой робокэб и поехал к зданию управления «Единства».

Баррис растолкал армию секретарей и чиновников в святая святых Язона Дилла — офисе Управления «Единства». При виде директорской нашивки — темно–красного разреза на сером рукаве его пиджака, служащие Управления «Единства» послушно уступали ему дорогу, оставляя свободным проход из помещения в помещение. Последняя дверь открылась и он внезапно оказался перед Диллом.

Дилл медленно поднял голову, положил кипу докладов.

— Как ты думаешь, что ты тут делаешь? — Казалось, он поначалу не узнал Барриса. Взгляд его упал на директорскую нашивку и перешел обратно на его лицо. — Это неслыханно, — сказал Дилл, — вторгаться подобным образом, без разрешения!

— Я приехал, чтобы поговорить с вами, — ответил Баррис. Он закрыл за собой дверь. Она сильно хлопнула, напугав хозяина офиса. Язон Дилл полупривстал, а затем сполз обратно в кресло.

— Директор Баррис, — пробормотал он. Глаза его сузились. — Вы нарушаете обычный порядок приема. Сейчас вы знаете эту процедуру довольно хорошо.

— Почему вы вернули бланк с моими вопросами? — прервал его Баррис. — Вы утаиваете информацию от «Вулкана–3»?

Молчание.

Лицо Дилла стало бесцветным.

— Ваши формуляры не были заполнены надлежащим образом. Согласно части шесть статьи десятой «Единства»…

— Вы перехватываете материалы у «Вулкана–3». Вот почему он не нацелил полицию против Исцелителей. — Он подошел поближе к сидящему, наклонился к нему так, что Дилл уставился на свои бумаги на столе, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Что? Это не имеет смысла.

— Вы знаете, что это означает? Измена! Скрывать информацию сознательно, искажать правду. Я могу выдвинуть обвинение против вас, даже арестовать вас. — Опершись руками о поверхность стола, Баррис громко сказал. — Неужели смысл всего этого — изолировать и ослабить одиннадцать директоров?

Он прервался. Он смотрел на ствол лучевого карандаша. Дилл держал его с тех пор, как Баррис ворвался в его офис. Мышцы на лице Дилла, мужчины средних лет, мрачно подергивались. Его глаза блестели, когда он сжимал маленькую трубку.

— Теперь ведите себя спокойно, директор, — холодно сказал Дилл. — Я удивлен вашей тактикой. Это оскорбительно. Обвинять меня и не давать возможности сказать даже слово. Наработанная процедура. — Он дышал медленно, делая серии глубоких вдохов. — К черту вас, — огрызнулся он, — садитесь.

Баррис сел, внимательно наблюдая за ним.

Я сделал свой ход, понял он. Он прав, он пронзителен и повидал больше, чем я. Может быть я не первый, кто врывается сюда, крича от негодования и пытаясь скинуть его с пьедестала силой.

Так размышлял Баррис, чувствуя, что его уверенность улетучивается, но он не отвернулся и продолжал смотреть на Дилла.

Лицо Дилла стало серым, капли пота выступили на его морщинистом лбу. Он вынул носовой платок и вытер пот, в то время как другой рукой продолжал держать лучевой карандаш.

— Мы с вами немного успокоились, — сказал

он, — что, на мой взгляд, лучше. Вы были очень мелодраматичны. Почему? — На его губах появилась кривая ухмылка. — Отработали свое появление?

Его рука переместилась к нагрудному карману. Он потер что–то выступающее. Баррис видел, что во внутреннем кармане у Дилла что–то лежит и непроизвольно потянулся, чтобы посмотреть, что это. Но управляющий неожиданно резко отдернул руку.

— Лекарство? — удивился Баррис.

— Первый шаг измены, — сказал Дилл, я мог испробовать это тоже. Попытка схватить удачу за хвост принадлежит вам.

Он указал на пульт управления на краю своего стола.

— Все это ваше величественное появление, разумеется, было записано. Доказательство здесь.

Он нажал на кнопку и на видеомониторе у него на столе появился дежурный «Единства» в Женеве.

— Дайте мне полицию, — сказал Дилл, сидя с лучевым карандашом, направленным на Баррис. Затем обратился к нему. — У меня слишком много других дел, чтобы тратить время на безумных директоров.

— Я отвергну все ваши измышления в суде «Единства», — заявил Баррис. — Моя совесть чиста, я действую в интересах «Единства» против Управляющего, который шаг за шагом, систематически уничтожает систему. Вы можете исследовать всю мою жизнь и ничего не найдете. Я знаю, в суде вы потерпите поражение, даже если для этого мне понадобятся годы.

— У нас есть письмо, — сказал Дилл. На экране появился полицейский с массивной челюстью. — Приезжайте сюда, — приказал Дилл. Глаза полицейского забегали, когда он увидел сцену, где Управляющий направил пистолет на директора Барриса.

— Это письмо, — сказал Баррис как можно спокойнее, — не имеет под собой оснований, чтобы его принимать всерьез.

— О, — ответил Дилл, — вы недооцениваете его значение.

— Рашель Питт все мне рассказала, — ответил Баррис. — Значит, она говорила правду. Хорошо, это письмо такое же подложное, как и первое, плюс этот эпизод будет достаточно характерен, чтобы изобличить его. Эти вещи надо связать вместе, и они дадут приемлемую улику для «Единства».

Офицер полиции уставился на Барриса.

Сидя за своим столом, Дилл продолжал держать лучевой карандаш.

— Сегодня я беседовал с отцом Филдсом, — сказал Баррис.

Протянув руку к экрану, Дилл подумал, а затем сказал:

— Я перезвоню вам попозже.

Движением пальца он оборвал связь, изображением полицейского, уставившегося на Барриса, исчезло.

Дилл встал из–за стола, выдернул из розетки провод, питающий записывающее устройство, которое было включено с момента появления Барриса. После чего, он дал волю своему гневу.

— В письме написана правда, — недоверчиво сказал он. — О Боже, мне никогда не приходило в голову… — Затем, потерев лоб, он сказал — Да, это так. Коротко. Итак, им удалось проникнуть в «Единство» до уровня директоров. — В его словах были ужас и усталость.

— Они наставили на меня пистолет и задержали, — сказал Баррис, — когда я прибыл сюда, в Женеву.

Сомнение, смешанное с безумной хитростью появилось и исчезло с лица Дилла. Очевидно, он

не хотел верить в то, что Исцелители пробрались так далеко в структуры «Единства», понял Баррис. Он ухватится за любую соломинку, за любое объяснение, которое сможет объяснить факты… даже правдивые, подумал Баррис. Диллу, нужна была помощь психиатра, чтобы он смог одержать верх над обычной подозрительностью.

— Можете верить мне, — сказал Баррис.

— Почему?

Лучевой карандаш по–прежнему был направлен на Барриса, но враждебность уменьшилась.

— Вам надо кому–то верить, — сказал Баррис, — хотя бы иногда. Что у вас там на груди, что вы потираете?

Скривившись, Дилл глянул вниз на руку, она опять была на груди. Он отдернул ее.

— Не играйте на моих страхах, — сказал он.

— На страхе одиночества? — спросил Баррис. — На том, что все объединились против вас? А не след ли от психологической травмы вы потираете?

— Нет, сказал Дилл. — Вы очень далеки от истины.

— Но казалось, он немного успокоился. — Ладно, директор, кое–что я вам расскажу. Возможно, мне недолго осталось жить. Мое здоровье по-

шатнулось с тех пор, как я получил эту работу. Возможно, в чем–то вы правы… Это психологическая травма. Если вы даже доберетесь до занимаемого мной положения, вы приобретете какую–нибудь глубоко сидящую травму и болезни к тому же. Потому что вокруг вас будут люди, которые вам их обеспечат.

— Может быть, вам стоит взять пару подразделений полиции и захватить отель «Бонд», предложил Баррис. — Он был там час назад. Это в старой части города, не более двух миль отсюда.

— Он уже удрал, — сказал Дилл. — Он постоянно меняет свое местоположение. Мы никогда его не поймаем. У него миллион нор, в которые он может ускользнуть.

— Вы почти поймали его, сказал Баррис.

— Когда?

— В отеле, когда появился робот–ищейка. Он почти застал врасплох Филдса, но в последний момент тому удалось откатиться и сжечь нападавшего.

— Что еще за робот–ищейка? — спросил Дилл. И пока Баррис его описывал, Дилл тупо смотрел на него. Он шумно глотал, но не прерывал Барриса до тех пор, пока тот не закончил.

— Что–то не так? — спросил Баррис. — Посколь-

ку я все это видел, мне кажется что это наиболее эффективное оружие против проникновения в нашу структуру, врагов, которое у вас есть. Вы, наверняка, сможете разбить Движением подобными машинами. Я полагаю, что ваши тревоги излишни.

— Агнесса Паркер, — почти неслышно вымолвил Дилл.

— Кто это? — переспросил Баррис.

По–видимому не осознавая его присутствия, Дилл продолжал бормотать.

— «Вулкан–2», а сейчас попытка с отцом Филдсом. Но он спасся.

Оставив лучевой пистолет, он запустил руку в пиджак. Поискав, он вынул две магнитофонные катушки и бросил на стол.

— Так вот, что вы носили, — с любопытством заметил Баррис. Он поднял катушки и осмотрел их.

— Директор, — сказал Дилл, — существует и третья сила.

— Какая? — холодно спросил Баррис.

— Третья сила работает рядом с нами, — сказал Дилл и усмехнулся. — Она сможет смести всех нас. Она появилась, и она огромна.

Затем он убрал лучевой карандаш и они оста-

лись один на один.

9

Полиция совершила облаву в отеле «Бонд». Хотя она была выполнена профессионально и совершенно, никого поймать не удалось.

Язон Дилл не был удивлен.

Один в своем офисе, он сидел напротив диктофонного аппарата. Прочистив горло, он поспешно сказал в него.

— Я делаю это заявление на случай своей неожиданной смерти, чтобы объяснить причины, почему я решил оставить управление «Единством», и почему хотел наладить тайные отношения с директором Северной Америки Уильямом Баррисом. Я вошел в эти отношения, хорошо сознавая, что директор Баррис находится под подозрением в причастности в Движению Исцелителей, замешанном в убийствах, бандитизме и… — Он не мог сосредоточиться.

Он глянул на свои часы. Пять минут назад у него была встреча с Баррисом. У него не было времени сформировать себе оправдание по этому поводу, так как он стер запись. Нужно начать с письма, решил он. Если ему удастся выжить…

Я встречусь с ним, решил Дилл, и приму ре-

шение, если он будет почтителен со мной. Мы объединимся с ним. Я ничего не утаю.

На всякий случай он открыл ящичек своего стола и вынул шкатулку. Из нее он достал какой–то завернутый и опечатанный предмет и открыл его. Там был маленький, не больше, чем фасоль, тепловой излучатель. Такими была вооружена полиция.

Используя клейкую ленту, он аккуратно закрепил оружие с внутренней стороны правого уха. Цвет ленты не отличается от цвета кожи. Осмотрев себя в стенном зеркале, он почувствовал удовлетворение — тепловой излучатель был незаметен.

Теперь он был готов к встрече. Захватив свое пальто, энергичной походкой он вышел из офиса.

Он стоял рядом, пока Баррис клал катушки на стол и равномерно раскладывал их.

— И ничего больше за этим не последует, — сказал Баррис.

— Ничего больше, — кивнул Дилл. — «Вулкан–2» прекратил свое существование из–за этого. Он Указал на первую из катушек. — Начинайте с нее.

«Это Движение может быть более значимо,

чем казалось сперва. Очевидно, что Движением направлено против «Вулкана–3“, также как и против остальных компьютеров в целом. Пока же мне нужно время для рассмотрения всех аспектов. Я предлагаю не информировать «Вулкан–3“ об этом.

— Вы спросите почему? — спросил Дилл. — Обратитесь к следующей катушке.

«Проанализируем основные различия между «Вулканом–3“ и предшествующими компьютерами. Это нечто большее, чем факты объективной эволюции информационных систем. Особенно это поднимает на значительный уровень политику. «Вулкан–3“, столкнулся с теологическими проблемами… Его значимость не может быть определена немедленно. Я должен обдумать это весьма обстоятельно».

— Это конец, — сказал Дилл. — Вероятно, «Вулкан–2» действительно продумал все основательно. В любом случае это метафизическая проблема. Мы никогда не найдем выхода.

— Эти ленты кажутся старыми, — сказал Баррис. Он осмотрел первую и добавил. — Эта старше, чем та на несколько месяцев.

— Первой, кажется, пятнадцать месяцев. Вторую я получил… — Дилл задумался, — четыре или

пять месяцев назад. Не помню.

— Первая запись выдана «Вулканом–2» более года назад, — сказал Баррис. — И с тех пор «Вулкан–3» не выдал никаких указаний относительно Исцелителей.

Дилл кивнул.

— Вы последовали совету «Вулкана–2», — продолжал Баррис, — и с момента ознакомления с этой записью не давали «Вулкану–3» никакой информации относительно Движения. — Изучая собеседника, он добавил: — Вы удерживали эту информацию, не зная почему.

Недоверие возрастало на его лице, губы его оскорбительно скривились.

— И все это время, все эти месяцы вы продолжали делать то, что говорит «Вулкан–2». Боже мой, кто же из вас машина, а кто человек? И вы пришпилили себе к груди две эти записи. — Будучи не в состоянии продолжать, Баррис сомкнул челюсти, его глаза бешено горели.

— Вы должны понять, — сказал Билл, чувствуя, что лицо его краснеет, что между мной и «Вулканом–2» существует связь. В прошлом мы всегда работали вместе. Конечно, «Вулкан–2» исчерпал себя в сравнении с «Вулканом–3», это безусловно. Он не мог удерживать позиции безупречного

авторитета, как сейчас «Вулкан–3», устанавливая ультимативную политику. Он мог только помогать. — Управляющий слышал, что его голос становится тягучим от жалости. А затем в нем закипела обида. Он был здесь и защищал свою невиновность перед своим подчиненным. Это был абсурд.

— Однажды став бюрократом, человек остается им навсегда, — заявил Баррис. Голос его бы холодным и смертельно спокойным, в нем не чувствовалось жалости к своему начальнику. Дилл ощутил, как тело его содрогнулось, словно от удара. Он повернулся и пошел прочь от Барриса. Не оборачиваясь, он сказал:

— Я допускаю, что был неравнодушен к «Вулкану–2». Возможно, я действительно хотел доверять ему больше, чем нужно.

— Так вы нашли нечто, чему вы можете доверять. Может быть, Исцелители правы относительно всех нас.

— Вы ненавидите меня за то, что я чересчур доверял машине? Боже, мой, когда вы измеряете что–то, смотрите на циферблат, едете в машине или летите в самолете, разве вы не доверяете машине?

Баррис расслабленно кивнул.

— Но это не одно и то же.

— Вы не знаете, — сказал Дилл. — Вы никогда не выполняли мою работу. Нет никакой разницы между тем, что кто–то измеряет уровень воды по счетчику и записывает полученные данные. «Вулкан–3» был опасен, и «Вулкан–2» знал это. Мог ли представить, что буду со стыдом пресмыкаться, потому что доверял интуиции «Вулкана–2». Я испытываю это впервые. Я ведь всего лишь следил за этими чертовыми буковками, бегущими по его поверхности.

— Простите ли вы мне желание позволить взглянуть на останки «Вулкана–2»? — спросил Баррис.

— Это можно устроить, — ответил Билл. — Все, что нам нужно, так это удостоверение, что вы ремонтник с незапятнанной репутацией. В связи с этим я бы посоветовал вам не надевать вашу директорскую нашивку.

— Отлично, — сказал Баррис. — Тогда давайте приступим.

У входа в покинутую и мрачную комнату он стоял, уставившись на хлам, который когда–то был компьютером. Перекрученные металлические части валялись вместе, образуя бесполезные и бесформенные кучи. Слишком грустно видеть

это в таком состоянии, подумал он. Никогда не видел ничего подобного. Или нет. Позади него стоял Дилл, он выглядел подавленным. Его тело обмякло и он осунулся. Он инстинктивно ухватился за правое ухо, едва осознавая присутствие приведенного им человека.

— Не много осталось, — констатировал Баррис.

— Они знали, что делают, — едва слышно сказал Дилл. Затем с огромным усилием он взял себя в руки. — Я слышал одного из них в коридоре. Я даже видел нечто…

Глаза его блеснули.

— Оно было подвешено вверху. Я подумал, что это летучая мышь или сова, и вышел.

Нагнувшись, Баррис поднял моток из проволоки и деталей.

— Пытались ли они напасть, чтобы реконструировать что–то из этого?

— «Вулкан–2»? — пробормотал Дилл. — Как я уже говорил, разрушение было настолько сильным и таких масштабов…

— Составная часть, — произнес Баррис. Он осторожно поднял комплект пластиковых трубок. — Вот это, например, колесиковый клапан. Оболочки, конечно, нет. Но механизм выглядит неповрежденным.

Дилл с сомнением уставился на него.

— Вы действительно предполагаете, что какая–то его часть может еще действовать?

— Механически не поврежденная, — сказал Баррис. — Деталь, которую можно совместить с другим механизмом. Мне кажется, что мы на самом деле не можем продолжать до тех пор, пока не установим, что «Вулкан–2» решил относительно «Вулкана–3». Мы сами сможем догадаться, но наше решение может быть ошибочным.

— Я пришлю бригаду ремонтников, и они все сделают, чтобы проверить ваше предположение, — сказал Дилл. — Мы взглянем, что можно будет сделать, хотя это, конечно, займет время. А что вы пока предлагаете? По вашему мнению, мне стоит продолжать начатую политику?

— Дайте «Вулкану–3» немного той информации, которую вы от него скрывали. Я бы хотел посмотреть на реакцию, связанную с сообщением.

— Каким?

— Сообщением об уничтожении «Вулкана–2».

— Это будет очень рискованно, — с трудом произнес Дилл. — Мы не уверены до конца в нашем обосновании. Предположим, мы были не правы.

Сомневаюсь в этом, подумал Баррис. Хотя со временем сомнений остается меньше. Но, может

быть, мы должны подождать до тех пор, пока не восстановим разрушенный компьютер.

— Да, слишком рискованно, — произнес он вслух. — Для нас, для «Единства». — Даже для всех, понял он.

Кивнув, Дилл снова пощупал свое ухо.

— Что у вас там? — спросил Баррис. Перестав носиться с записями, он, очевидно, нашел еще что–то для поддержки — некий символ безопасности.

— Н–ничего, — заикаясь и краснея, сказал Дилл. — Я думаю, нервы, от перенапряжения. — Он убрал руку. — Дайте мне ту деталь, которую вы подобрали. Она нам понадобится для реконструкции. Я прослежу, чтобы вас известили сразу же, как только будет на что посмотреть.

— Нет, — сказал Баррис. Он тут же решил, что делать дальше. Рванулся вперед, как можно более энергично. — Я бы предпочел не делать работу здесь. Я буду заниматься ею в Северной Америке.

Дилл изумленно уставился на него. Затем его лицо помрачнело.

— В вашем регионе и при помощи ваших работников.

— Верно, — согласился Баррис. — Все, что вы мне говорили, может быть обманом. Эти ка-

тушки с записями могут быть поддельными. Все, в чем я могу быть уверен — это то, что мои первоначальные представления о вас верны, представления, которые меня сюда привели. — Его голос был твердым, без тени колебаний. — То, что вы удерживали информацию от «Вулкана–3» — преступление против «Единства». Я бы хотел «разбить» вас в суде «Единства». Когда–нибудь. Это мой долг. Возможно, предложенные вами доказательства правдивы, но до тех пор, пока я не смогу проверить эти части и детали… — Он сгреб проводки, переключатели и реле.

Довольно долго Дилл молчал. Он стоял так же, как и раньше, и снова держался за свое правое ухо. В конце концов, он сказал:

— Ладно, директор. Я слишком устал, чтобы сражаться с вами. Берите образцы. Приводите своих специалистов и грузите их, если хотите. Везите в Нью–Йорк. Разберитесь с ними до тех пор, пока вы не удовлетворите свое любопытство.

Развернувшись, он вышел из комнаты.

Держа остатки деталей «Вулкана–2», Баррис смотрел ему вслед. Когда тот исчез из виду, Баррис вздохнул. Все кончено, понял он. Я победил. Против меня не будет больше никаких обвинений. Я приехал в Женеву и столкнулся с ним, и

мне удалось избежать поражения.

Его руки дрожали от облегчения. Он начал копаться в руинах, что отняло у него время. Началась точная, методичная работа.

Около восьми часов утра остатки «Вулкан–2» были собраны и погружены инженерами Барриса в грузовой транспорт. А в девять, когда транспортный самолет снялся с места и направился в Нью–Йорк, Баррис облегченно вздохнул. Раз транспорт уже не находится здесь, значит Язон Дилл не может распоряжаться им.

Сам Баррис сел на десятичасовый небольшой, но скоростной, лайнер, предназначенный для туристов и бизнесменов, путешествующих между Женевой и Нью–Йорком. Это дало ему возможность принять ванну, побриться и переодеться. Всю ночь перед этим он много работал.

В салоне первого класса он расслабился в одном из глубоких кресел, впервые за неделю доставив себе это удовольствие. Гул голосов вокруг него убаюкал его до полудремы. Он откинулся назад, спокойно разглядывая нарядных женщин, снующих по проходам, прислушиваясь к обрывкам разговоров, большей частью бытовым, происходящим вокруг него.

— Не желаете ли выпить, сэр? — спросил робот,

проезжая мимо.

Он заказал хорошего, темного, немецкого пива и к нему сыр, которыми был знаменит этот рейс.

Пока он ел вырезку «порт де салют», он увидел заголовок лондонской «Таймс», которую читал мужчина напротив него. Он тут же был на ногах в поисках робота, разносящего газеты. Он нашел его, купил себе такой же номер и поспешил обратно на свое место.

«Директора Таубман и Хендерсон обвиняют высокопоставленное лицо в Иллинойской победе Исцелителей и требуют расследования».

Ошеломленный, он читал дальше, узнавая, что тщательно спланированная в Иллинойских провинциальных городках волна восстаний была скоординирована с выступлением рабочих в Чикаго. Эти две группы положили конец, по крайней мере временно, управлению «Единства» на большей территории штата.

Следующий очень маленький абзац вообще привел его в озноб.

«Директор Северной Америки Баррис отсутствует в Нью–Йорке».

Они действовали пока его не было. И не только они, мрачно понял он. И Таубман, и директор Азиатского региона Хендерсон не раз в прошлом

объединялись.

Расследование, конечно, будет возложено на Дилла. Мне едва удалось управиться с ним. Теперь же ему нужна лишь небольшая поддержка со стороны Таубмана и они выбьют у меня из–под ног опору. Даже сейчас, когда я здесь, на середине полета… Возможно, Дилл сам устроил это, возможно, они уже объединили свои силы. Дилл и Таубман. Против меня.

Сознание его помутилось, но он взял себя в руки. Я в неплохом положении, решил он. У меня в распоряжении остатки «Вулкана–2», и, что самое главное, я вынудил Дилла признаться мне в том, что он делает. Никто больше этого не знает. Он больше не осмелится выступать против меня в открытую. А если я сделаю публичное…

Преимущество пока еще на моей стороне. Вопреки этому своевременному запросу на проведение расследования того, как я допустил распространение Движения на своей территории. Это чертов Филдс, думал он, сидя в номере, делал мне комплименты, что я единственный порядочный человек из директоров, а затем сделал все возможное, чтобы дискредитировать меня во время моего отсутствия.

Подозвал робослугу, он заказал:

— Принесите мне видеофон с закрытой системой связи для соединения с нью–йоркским «Единством».

Он опустил звукопоглощающую завесу вокруг своего кресла и несколькими минутами позже увидел изображение своего заместителя Питера Алисона на экране.

— Я вовсе не испугался, — заявил ему Алисон после того, как Баррис выяснил все, что хотел. — Этот Иллинойский мятеж был подавлен нашими полицейскими бригадами. И к тому же, это образец положения во всем мире. Они активизировались повсюду. Когда вы вернетесь, я покажу вам отобранные доклады. Согласно сведениям из газет, большинство директоров было сковано их активностью. Если бы не Таубман с Хендерсоном, то дело в Иллинойсе можно было бы замять. Насколько я знаю, подобные выступления проходили в Лиссабоне, Берлине и других городах. Если бы мы смогли получить какое–то решение от «Вулкана–3»...

— Возможно, в ближайшее время мы его получим, — заявил Баррис.

— Там, в Женеве, вы разобрались? Есть какие–то распоряжения от него?

— Мы обсудим это потом, — сказал Баррис и

прервал связь.

Позже, когда лайнер низко пролетал над Нью–Йорком, он увидел явные признаки повышенной активности. Процессии одетых в серое Исцелителей двигались вдоль параллельной улицы в Бовери. Торжественные и величественные. Толпы глазели на них с почтением и восхищением. Это разрушало «Единство», — сборище, устроенное не более чем в миле от его офиса. Когда корабль заходил на посадку, ему удалось разглядеть написанный на стене дома лозунг. Плакат. И все в открытую! Шум. Они смелеют все больше и больше.

Почти час он был занят разгрузкой транспортного самолета, доставившего обломки «Вулкана–2». После того, как он проверил все в своем офисе и подписал все бумаги, принимая полномочия от Алисона, он спросил о Рашель.

— Вы говорите о вдове того человека, который был убит в Южной Америке? — спросил Алисон. Перебрав ворох документов, докладов и формуляров, он, в конце концов, подошел к нему с одной бумагой. — Кажется, словно все сломалось сразу. — Он перевернул страницу. — Вот. Миссис Питт прибыла сюда вчера из Европы в половине третьего дня по нью–йоркскому времени и была

передана нам ее охраной. Мы тут же поместили ее в институт психической профилактики в Денвере.

Человеческие жизни, подумал Баррис, это только отметка на бланке.

— Я поеду в Денвер, — сказал он, — на несколько часов. Сюда из Управления «Единства» может в любой момент прибыть большой транспорт. Обеспечьте полную охрану, на все время и не позволяйте никому совать туда нос или распаковывать груз. Я хочу присутствовать при этом процессе.

— Должен ли я разбираться в обстоятельствах Иллинойского дела? — спросил Алисон, ступая за ним по пятам. — Кажется, кое–что мне удалось узнать, если у вас будет время проверить…

— Занимайтесь этим самостоятельно, — сказал Баррис. — Но держите меня в курсе.

Десять минут спустя он был на борту маленького самолета, принадлежащего его офису, мчащегося через Соединенные Штаты по направлению к Колорадо. Я удивлюсь, если она будет там, говорил он себе. Он испытывал смертельный страх. Они отошлют ее. Может быть, в Нью–Мексико на какую–нибудь лечебную станцию, а когда я доберусь туда, они перешлют ее в Нью–Орлеан

— город на краю владений Таубмана. А оттуда легкий, не требующий усилий, шаг в Атланту.

Но в Денверском госпитале встретивший его врач сказал:

— Да, директор, миссис Питт у нас. В настоящий момент она в соляриуме. — Он указал дорогу. — Не принимайте близко к сердцу, — успокаивал доктор, сопровождая его. — На наши технические приемы она реагировала вполне нормально. Я думаю, она вскоре будет на ногах и через несколько дней — на пути к выздоровлению.

Баррис нашел ее в застекленном бассейне. Она лежала, скрутившись на низкой скамейке из красного дерева. Ее колени были прижаты к груди, руки охватывали голени, голова покоилась на бок. На ней была короткая спецодежда синего цвета в чем он усмотрел результат выздоровления. Ноги обнажены.

— Похоже вы выздоравливаете, — сказал он доброжелательно.

Какое–то время она молчала, потом засуетилась и спросила:

— Вы? Когда вы сюда приехали?

— Только что, — ответил он, относясь к ней с пониманием. Он чувствовал, что что–то было все еще не так.

— Взгляните туда, — Рашель указала направление и он увидел пластиковый грузовой контейнер. Он был открыт. — Он был адресован нам обоим, — сказала она, — но они дали его только мне. Кто–то положил это на судно на одной из остановок. Возможно, кто–то из уборщиков. Многие из них Исцелители.

Схватив контейнер, он увидел внутри обожженный металлический цилиндр, наполовину разрушенные поблескивающие глаза. Глянув вниз, он увидел, что глаза реагируют, они записывали его присутствие.

— Он починил это, сказала Рашель пустым, лишенным интонаций, голосом. — Я тут сидела и слушала это…

— Слушала?

— Оно говорит, — сказала Рашель. — Это все, что оно делает. Это все, что он сумел исправить. Этот аппарат никогда не прекращает разговаривать. Но я не могу понять, о чем он говорит. Говорит он не нам. — И добавила — Отец Филдс сделал так, что теперь он безвреден. Он ничего не сделает.

Теперь Баррис услышал. Постоянный сигнал — приглушенный и меняющийся каждую секунду — издавался этой штукой. Рашель была права,

им он не предназначался.

— Отец Филдс думал, что вы знаете, что это такое, — сказала она. — Тут была записка. Он писал, что не может понять, что это такое. И не может понять, к кому этот аппарата обращается. — Она подобрала клочок бумаги и протянула его. А вы знаете к кому он обращается? — спросила она с любопытством.

— Да, — подтвердил Баррис, уставившись на искалеченный, испорченный металлический прибор, обдуманно помещенный в этот контейнер. Отец Филдс постарался тщательно «стреножить» его. — Думаю, да.

10

Начальник нью–йоркской ремонтной команды связался с Баррисом в начале следующего месяца.

— Первый доклад по результатам работ, директор, — отрапортовал Смит.

— Есть результаты?

Ни Баррис, ни его подчиненный не произносили названия «Вулкан–2» вслух. Они пользовались закрытым каналом видеозаписи, но с активизацией Движения Исцелителей во всех регионах установили режим полной секретности. Ряд информаторов были уже выявлены и некоторые из них работали в системе связи. Видеослужбы были обычным явлением, и все дела «Единства» рано или поздно передавались по ним.

— Не много, — сказал Смит. — Большинство деталей не подлежат восстановлению. Только часть системы памяти осталась неповрежденной.

— Нашли что–нибудь стоящее? — насторожившись, спросил Баррис.

Грязное, слащаво–упрямое лицо Смита на экране не выражало никаких эмоций.

— Я полагаю лишь кое–что. Если хотите, мы

покажем вам все, что сделали.

Быстро управившись с текучкой, Баррис помчался через Нью–Йорк в лаборатории «Единства». Его проверила охрана и он прошел во внутреннюю закрытую территорию этих лабораторий. Там он нашел Вейда Смита и его подчиненных, собравшихся вокруг группы переплетенных работающих машин.

— Вот, сэр, — сказал Смит.

— Выглядит загадочно, — ответил Баррис. Он не увидел почти ничего, напоминающего «Вулкан–2». То, что он увидел, было новым, а не от старого компьютера.

— Мы сделали все, что могли, чтобы неповрежденные элементы заработали. — Смит с гордостью указал на обычные лабораторные установки, проводку, циферблаты, индикаторы и зажимные кабели. — Овальный электроприбор не может работать напрямую, без подключения других систем. А его импульсы сортируются и вводятся на аудиосистему. Все считываются фактически наугад при таких неблагоприятных условиях. Мы сделали все, что смогли для сортировки информации и особенно для подавления шумов. Помните, что компьютер сохранил основные принципы своего устройства, которое,

конечно, было повреждено. Нам приходится извлекать информацию из уцелевшей памяти такой, какой она поступает.

Смит включил один из самых больших стенных громкоговорителей. Раздался ужасный рев. Это был неразборчивый набор звуков. При помощи специальных устройств, Смит подрегулировал звучание.

— Да, трудно что–то понять, — сказал Баррис после старательных попыток уловить хоть что–то.

— Это для первого раза, нужно время. После того, как вы послушаете это столько же, что и мы…

Баррис разочарованно кивнул.

— Я думал, что, может быть, вам удастся добиться большего. Но я понимаю, что вы сделали все возможное.

— Мы работали с новейшими машинами. Дайте нам три–четыре недели и мы улучшим результаты.

— Слишком долго, — ответил Баррис. — Слишком долго. Восстание в Чикаго полиция подавить не смогла, оно охватило прилегающие штаты и уже почти соединилось с подобным Движением в районе около Сант–Лиона. Через четыре недели, — сказал он собравшимся вокруг сотрудникам лаборатории, — мы, вероятно, будем

носить грубые коричневые робы. И вместо попыток отремонтировать эти штуки, — он указал на огромные емкости, в которых хранились останки «Вулкана–2», — мы, возможно, с большей охотой захотим их разбить.

Это была мрачная шутка и никто из сотрудников не улыбнулся.

— Мне бы хотелось, — сказал Баррис, — послушать эти шумы. — Он указал на грохочущий динамик. — Если вы постепенно разобрались, значит и я могу попытаться сделать то же самое.

После этого Смит и его сотрудники разошлись, а Баррис устроился напротив динамика и приготовился к долгому бдению.

Где–то в тумане случайных и бессмысленных звуков были слабые намеки на слова. Воссоздание происходило при помощи дополнительного элемента, который продвигался в дебрях памяти и выдавал неясные звуки. Баррис сомкнул руки, приготовившись внимательно слушать.

«…прогрессирующее раздвоение…» — разобрал он одну фразу. Хоть капелька смысла в этом хаосе. — «…согласно развившемуся до этого примеру, социальные элементы…»

На этот раз он разобрал более длинную цепь слов, но они ничего не выражали, так как были

бессвязны.

«…истощение минеральных ресурсов более не ставит вопрос, который был поднят раньше в течение…» — возникли из шума новые слова, но он утерял нить.

«Вулкан–2» был не в состоянии работать. Ничего нового он выдать не мог. Все это были мертвые, собранные в прошлом данные, полученные еще в те времена, когда компьютер изолировался.

«…определенные проблемы идентификации прежних конъюнктурных проблем и ничего больше… насущная потребность понимания интегральных факторов вовлечена в трансформацию от явного познания до полной…»

Слушая, Баррис закурил сигарету. Время шло. Он различал все больше и больше бессмысленных фраз. Они возникали в его сознании почти как океан звуков, звуков, похожих на сон, перекрывающих бессмысленные шумы, появляющихся и исчезающих. Как будто частицы живой материи выделялись из вещества и затем поглощались.

Звуки лились бесконечным потоком.

Четыре дня прошло с тех пор, как он услышал первые осмысленные фразы. Утомительное слушание поглотило все его время, четыре дня удерживая от важных дел, требовавших его воз-

вращения в офис. Но когда он получил то, чего ожидал, он понял, что поступил правильно. Его усилия были оправданы.

Он полудремал сидя перед динамиком. Глаза его были закрыты, а мысли витали где–то вдали. И вдруг, в один момент он оказался на ногах, полностью придя в себя.

«…этот процесс значительно развился за три… если тенденции замечены в… продолжаются и могут свободно развиваться, будет необходимо не давать определенную информацию для возможного…»

Прозвучавшие слова полностью его захватили, его сердце бешено колотилось, он стоял в напряжении. Через несколько минут слова возникли вновь, буквально оглушив его.

«…Движение приведет в действие очень многие подсознательные склонности… сомнительно, если 3 еще осознает это процессы… исходя из этого, несомненно, что информация о Движении создает критическую ситуацию, в которой 3 может начать…»

Баррис выругался. Слова опять растворились в шуме. В бешенстве он выбросил сигарету и стал нетерпеливо ждать. Будучи не в состоянии сидеть, он начал ходить по комнате. Значит,

Дилл говорил правду, это было несомненно. Он снова остановился напротив динамика, силясь ухватить осмысленные фразы.

«…появление способности познавательных операций на значительном уровне указывает на расширение превосходства строгой логики… 3 дополнительно отличается способностью работать с иррациональными понятиями в последней стадии… конструкция включает усиленные и совокупные динамические факторы, позволяющие 3 решать задачи, первично ассоциированные с немеханическими или… для 3 будет невозможно работать в этом качестве без творческих, а также аналитических способностей… такие суждения не могут быть проведены на строго логическом уровне… расширение 3 на динамическом уровне создаст новую дополнительную сущность, не объяснимую прежними условиями…»

Какое–то время были слышны неопределенные слова, которые Баррис напрасно пытался разобрать, потом вновь появился смысл, словно затронули какой–то более сохранившийся элемент памяти. Мощный звук заставил его отступить, бессознательно он прикрыл глаза руками.

«Уровень оперирования не может быть создан

по иному принципу… на самом деле, если такая конструкция как у З… тогда З в сущности живой…»

— Живой!

Баррис вскочил на ноги. Большинство слов теперь терялось в шуме.

«…с позиции волеизъявления живого существа… следовательно З, как и другие живые существа, просто заботится о выживании… информация о Движении, став известной ему, может создать ситуацию, в которой необходимость выживания заставит З… результат может быть катастрофическим… чтобы избежать… если не сможет более… критический… З… если…»

Тишина.

Значит, это было так. Проверка закончена.

Баррис поспешил к Смиту и его сотрудникам.

— Не позволяйте никому входить, выставьте везде вооруженную охрану. Установите оборонительные барьеры, которые уничтожат здесь все, но не пропустят никого, кому это не позволено. — Он постоял в задумчивости.

— Вы поняли?

— Да, сэр, — кивнул Смит.

Баррис оставил их. Сперва они стояли и глядели ему вслед, а затем начали выполнять его

распоряжения.

Он взял первый попавшийся ему на глаза бронеавтомобиль и помчался назад, в свой офис. «Должен ли я связаться с Диллом по видеофону? — спрашивал он себя. — Или подождать до тех пор, пока они не встретятся лицом к лицу?» Был определенный риск в использовании видеоканалов, даже секретных. Но медлить было нельзя, он должен действовать.

По автомобильному видеофону он вызвал дежурного по Нью–Йорку.

— Свяжите меня с Управляющим, — приказал он. — Это крайне необходимо.

Они удерживали информацию от «Вулкана–3» зря, сказал он себе, потому что «Вулкан–3» — превосходная машина, умеющая точно анализировать информацию, благодаря чему она получает все необходимые ей сведения. Итак, понял он, для выполнения своей работы компьютер должен сам разыскивать информацию. Если факты не поставляют, а «Вулкан–3» пришел в выводу, что они ему нужны, то у него не остается выбора, кроме как создать иную систему для более успешного сбора сведения. Логика заставит его так поступить.

Другие варианты исключены. Этот мощный

компьютер не мог не прийти к выводу, что ему необходимо самому искать информацию.

Дилл провалился. Да, он преуспел в задержке фактов, он никогда не позволял людям, готовящим информацию для «Вулкана–3» пропускать хоть какое–то упоминание о Движении Исцелителей. Но он не мог предвидеть, что компьютер вычислит его Движение логически.

Компьютер не знал, что от него утаивают, но он работал, чтобы определить это.

«Что он может сделать для этого?» — думал Баррис. — «На какое расстояние ему нужно перемещаться, чтобы собрать необходимые факты? А ведь есть еще люди, удерживающие эти сведения. Какой будет его реакция, когда он раскроет это? Не только то, что группа сбора информации работала неэффективно, но и то, что вся ее деятельность была направлена на то, чтобы его обманывать… Как его логическая структура отреагирует на это?»

Предвидел ли это его конструктор?

Не удивительно, что он уничтожил «Вулкан–2».

Ему пришлось так поступить, поскольку это соответствовало его цели.

А что он будет делать, когда узнает, что суще-

ствует Движение, единственная цель которого — уничтожить его?

Но «Вулкан–3» уже знает. Его мобильная система сбора информации уже существует. Как долго, и как много компьютер уже успел узнать, было пока неизвестно. Но Баррис понимал, что должен действовать, исходя их самых пессимистичных предположений. Вполне возможно, что «Вулкан–3» сумел составить полную картину происходящего и знает столько же, сколько и мы, и мы ничего уже не сможем сделать, чтобы вернуть все на прежние рубежи.

Он знает, что отец Филдс его враг, так же, как знал, что «Вулкан–2» стал его врагом несколько раньше. Но отец Филдс не был привязан к одному месту, не был таким беспомощным, как «Вулкан–2». Ему удалось избежать гибели. Однако кто–то другой был не столь удачлив и ловок, как он. Дилл упоминал о некой убитой учительнице, а ведь могли быть и другие случаи, которые остались незамеченными, поскольку их связывали с действиями людей. Исцелителей, например.

Возможно, Артур Питт, подумал он, также был жертвой машины.

Эта мобильная вещь может разговаривать, вспомнил он. Интересно, может ли она писать

письма?

Сумасшествие! Окончательный приговор для нашей параноидальной культуры. Среди нас находятся злобные, незаметные механические существа, которые летают и могут добраться куда угодно. И их может быть сколько угодно. Каждый из нас сопровождается одним из них, неким ужасным агентом зла. Преследующим нас, выслеживающим нас, убивающим нас по одному в том случае, когда мы оказываемся у него на пути. Как оса. Ты должен ходить между ними и их ульями, думал он. Но они могут убить тебя одного, им все равно. Эти штуки охотятся за нами, не потому что они хотят или даже не потому, что им сказали охотиться, а потому, что мы тут.

В представлении «Вулкана–3» мы не люди, а предметы.

Машина ничего не знает о людях.

И еще «Вулкан–2», используя свои возможности, пришел к выводу, что «Вулкан–3» на самом деле живой. От него можно ожидать действий, как от живого существа. Правда, действовать он будет только по аналогии, но и этого будет достаточно.

С несдерживаемым нетерпением Баррис манипулировал выключателем видеофона.

— В чем задержка? — спросил он. — Почему меня не соединили с Женевой?

Через секунду лицо дежурного с тонкими чертами появилось на экране.

— Мы пытаемся обнаружить Управляющего Дилла, сэр. Потерпите.

Специальная задержка. Даже сейчас, подумал Баррис. Именно сейчас. «Единство» уничтожает само себя, потому что в этот грандиозный кризис от верхов и низов требуется полная самоотдача. А общество парализовано своей собственной структурой. Своего рода самоубийство.

— Мой вызов должен быть реализован в обязательном порядке, — сказал он. — Я директор этого континента, вы должны мне подчиняться. Свяжите меня с Диллом.

— Можете проваливаться к черту, — сказал дежурный, взглянув на него.

Он не мог поверить тому, что слышал, он был ошеломлен, потому что сразу же понял, что это означало.

— Удачи вам и всем вам подобным, — сказал дежурный и прервал связь. Экран потух.

Почему нет? Они могут все бросить, подумал Баррис, потому что им есть куда идти. Им нужно только выйти на улицу и там они найдут Дви-

жение.

Как только он добрался до своего офиса, тут же включил видеофон. После некоторой задержки ему удалось вызвать дежурного где–то в здании.

— Это очень важно, — сказал он. — Мне нужно связаться с Управляющим Диллом. Сделайте для меня все, что возможно.

— Да, сэр, — ответил дежурный.

Несколькими минутами позже, когда Баррис в напряжении сидел за своим столом, экран засветился.

— Дилл, — воскликнул он, кинувшись вперед.

Но это был не Дилл. Он увидел лицо Смита.

— Сэр, — отрывисто сказал Смит. — Вам лучше вернуться. — Лицо его скривилось, в глазах было что–то дикое. — Мы не знаем, что это и как оно туда попало, но это сейчас там. Летает повсюду. Мы распечатали контейнер, мы не знали, что оно было там…

— Это там, где «Вулкан–2»? — спросил Баррис.

— Да, это пришло вместе с ним. Это сделано из металла, но мы ничего подобного раньше…

— Уничтожьте его, — сказал Баррис.

— Уничтожить?

— Да, — подтвердил он. — Будьте уверены, вы сможете. Мне незачем возвращаться. Доложите

мне, как только вы это сделаете. Не пытайтесь что–нибудь сохранить.

— Но что это за штука? — спросил Смит.

— Это штуковина, — сказал Баррис, — собирается добраться до всех нас, если мы не доберемся до нее раньше.

Он прервал связь и наклонился к монитору.

— Вы уже связались с Диллом? — спросил он. У него были мрачные предчувствия, его охватила безнадежность. Все было бесполезно.

— Да, сэр, — ответил дежурный. — Мистер Дилл на связи.

После короткой паузы лицо дежурного исчезло и на его месте появилось лицо Дилла.

— Ваши дела идут удачно, не так ли? — спросил Дилл.

Его серое лицо выражало растерянность.

— Вы оживили «Вулкан–2»? Получили нужную информацию?

— Одна из этих штуковин перебралась туда, — сказал Баррис. — От «Вулкана–3».

— Знаю, — сказал Язон Дилл. — Во всяком случае, я это предполагал. Полчаса назад «Вулкан–3» созвал внеочередную встречу директоров. Они, наверное, известят вас сейчас. Причина… — Его рот искривился и вдруг он потерял контроль над

собой. — Сместить меня и обвинить в измене. Было бы хорошо, если бы я мог рассчитывать на вас, Баррис. Мне нужна ваша поддержка, ваши показания.

— Я буду там, — сказал Баррис. — Мы встретимся у вас в офисе Управления «Единства» через час.

Он прервал связь с Диллом и связался со стартовой площадкой.

— Приготовьте мне самый быстрый корабль, — приказал он, — и двух хорошо вооруженных телохранителей. У меня проблемы.

На другом конце служащий спросил:

— Куда вы собираетесь ехать, директор?

Он говорил медленно, протяжным голосом. Баррис никогда не видел его раньше.

— В Женеву, — ответил Баррис.

Его собеседник усмехнулся и сказал:

— У меня есть предложение, директор.

Холодок страха пробежал по спине.

— Что за предложение? — спросил Баррис.

— Вы можете прыгнуть в Атлантический океан, — ответил человек, — и плыть в Женеву.

Он не отключил связь, а насмешливо уставился на Барриса, не выказывая страха, не боясь наказания.

— Я сейчас приеду, — сказал Баррис.

— В самом деле? — последовало в ответ. — Мы будем вас ждать. — Он посмотрел на кого–то рядом, кого Баррис не мог видеть. — Мы ждем вас.

— Прекрасно, — сказал Баррис.

Ему удалось сдержать дрожь в руках, когда он потянулся, чтобы выключить видеофон. Насмехающееся лицо исчезло. Поднявшись с кресла, Баррис подошел к двери офиса и открыл ее.

— Соберите всю полицию в здании немедленно, — сказал он одному из секретарей. — Пусть захватят свое штатное оружие и любое другое, которое смогут достать.

Спустя десять минут дюжина или около того полицейских собрались в его офисе.

— И это все? — удивился он. — Двенадцать из двух сотен?

— Мне нужно добраться в Женеву, — сказал он им. — Поэтому мы поедем на стартовую площадку и найдем корабль, вопреки всему тому, что происходит.

— Они там сильно укрепились, сэр, — сказал один из полицейских. — Они начали оттуда. Они, очевидно, захватили башню управления полетами, а затем приземлили пару самолетов со своими сторонниками. Мы не можем пойти

с вами, так как нам нужно держать контроль здесь над…

— Хорошо, — перебил его Баррис. — Вы и так сделали все, что могли.

«В конце концов, я надеюсь, — подумал он, — надеюсь, что могу рассчитывать на вас».

— Пошли, — вслух сказал он. — И попробуем прорваться. Я возьму вас в Женеву. Думаю, вы там тоже понадобитесь.

Все тринадцать направились вдоль по коридору к спуску, ведущему на взлетную площадку.

— Несчастливое число, — сказал один из полицейских, когда они подошли к выходу. Теперь они находились вне здания «Единства», высоко возвышавшегося над Нью–Йорком. Эскалатор перемещал их к терминалу взлетной полосы.

В это время Баррис различил какое–то низкое бормотание, гул, доносившийся откуда–то снизу.

Глянув на улицы, он увидел огромную толпу. Она бурлила, поток мужчин и женщин рос с каждой секундой. Среди них были одетые в коричневые одежды Исцелители.

А затем он увидел толпу, движущуюся к зданию «Единства». Булыжники и кирпичи разбивали вдребезги окна офиса. Дубины и стальные трубы в руках. Взволнованные, кричащие, разъяренные

люди.

Исцелители начали свое последнее наступление.

— Мы почти прибыли, сэр, — сказал один из полицейских позади него.

— Вам нужно какое–нибудь оружие, сэр? — спросил другой.

Баррис взял мощный тепловой пистолет у одного из полицейских и оказался напротив центрального входа в башню управления. Они спустились, держа оружие наготове.

«Я должен добраться до Женевы, — подумал Баррис. — Любой ценой. Даже если этой ценой будут жизни людей».

Впереди них в беспорядочном кордоне стояла группа работников взлетной полосы. Насмехаясь и сжимая кулаки, они пошли вперед. Бутылка перелетела через Барриса и разбилась о пол. Некоторые из людей по–овечьи оскалили зубы. Казалось, что они смущены этой ситуацией. Другие же не скрывали накопленных за долгие годы обид.

— Ха, директор, — позвал один из них.

— Вам нужен лайнер? — пошутил другой.

— Вы можете его взять.

— Теперь он принадлежит отцу.

— Этот корабль принадлежит мне, — ответил Баррис. — Он предназначен для моего пользования.

Он прошел несколько шагов вперед.

Булыжник ударил его в плечо. Внезапно воздух задымился, стало жарко. Лучевой карандаш был пущен в дело, краем глаза он увидел, как упал один из полицейских.

Ничего больше не остается. Нужно сражаться.

— Разворачиваемся, — сказал он оставшимся полицейским.

— Но большинство из этих людей не вооружены, — запротестовал один из них.

Подняв свое оружие, Баррис выстрелил в группу сторонников Движения.

Крики боли, облака дыма, горячий воздух. Баррис продолжал наступать в сопровождении полиции.

Те из сторонников, кто остался жив, пригнулись. Их группа разделилась на две. Опять Баррис увидел вспышку лучевого пистолета и еще один полицейский упал. Официальное оружие «Единства» обернулось против него.

Он продолжал идти. Свернув за угол, он вышел к лестнице, ведущей на стартовую площадку.

Пятеро полицейских смогли пробиться с ним до

края площадки. Он вошел в первый же корабль, который казался пригодным для полета. Впустив полицейских внутрь, он запер дверь корабля и сел за пульт управления.

Никто не препятствовал их взлету. Они оторвались от площадки и взяли курс по направлению к Европе, в Женеву.

11

Директор Уильям Баррис вошел в массивное здание Управления «Единства» в Женеве. Его вооруженные полицейские плелись за ним. Он встретился с Язоном Диллом перед входом в главный зал.

— У нас мало времени, — сказал Дилл. При нем тоже были его полицейские, не прятавшие оружия. Он выглядел мрачным и усталым. С Баррисом он говорил едва слышным голосом. — Они проталкивают это дело так быстро, как только могут. Все директора, которые против меня, давно уже прибыли, а другие прибывают сейчас. Очевидно, «Вулкан–3» позаботился… — Он заметил пять полицейских Барриса. — Это все, кем вы можете распоряжаться? Пять человек?

Оглянувшись, чтобы убедиться, что их не подслушивают, он пробормотал:

— Я дал секретное распоряжение всем, кому могу доверять. Пока идет суд, им следует вооружиться и быть наготове вне этого помещения. Вы понимаете, что это не встреча, а суд.

— Кто из директоров перешел на сторону Исцелителей? — спросил Баррис.

— Я не знаю, — озадаченно произнес Дилл. — «Вулкан–3» послал каждому директору повестку о прибытии и сообщение о том, что случилось. Описание моего предательства — как я фальсифицировал информацию, опускал занавес между ним и «Единством». Вы не получали подобной информации? Конечно, нет, ведь он знает, что вы меня поддерживаете.

— Кто будет вести заседание? — спросил Баррис. — Кто будет говорить с «Вулканом–3»?

— Рейнольдс из Восточной Европы. Очень молодой, весьма агрессивный и амбициозный. Если ему повезет, он может стать Управляющим. «Вулкан–3», не сомневаюсь, снабдил его всей нужной информацией. — Дилл сжимал и разжимал кулаки. — Я смотрю весьма пессимистично на результаты этого дела, Баррис. Вы сами меня подозревали до сих пор. Уж очень неопределенная получается картина. — Дилл пошел через двери в зал. — Факты можно использовать в любом направлении. В конце концов, я действительно удерживал информацию, это правда.

Зал был почти заполнен. Каждый присутствующий директор имел в своем распоряжении отряд вооруженной полиции. Все с нетерпением ожидали начала заседания. Эдвард Рейнольдс

стоял у трибуны на возвышении и внимательно наблюдал за присутствующими.

Рейнольдс был высоким мужчиной. Он уверенно носил свой серый костюм, выделялся среди людей своего круга. Ему было тридцать два, по службе он продвигался быстро. На какой–то момент его голубые, холодные глаза остановились на Язоне Дилле и Баррисе.

— Заседание начинается, — сказал он. — Директор Баррис займет свое место.

Затем он обратился к Диллу:

— Поднимитесь сюда, чтобы мы могли допросить вас.

Дилл неуверенно направился к платформе, окруженный своей охраной. Он поднялся по мраморным ступеням и после некоторого колебания занял место напротив Рейнольдса. Это было единственное свободное место. Баррис подумал, что все это сделано для того, чтобы подальше удалить их с Диллом друг от друга.

— Займите ваше место, — строго приказал ему Рейнольдс.

Вместо этого Баррис двинулся по проходу прямо к нему.

— Какая повестка этого заседания? По чьему указанию вы находитесь на этом месте? Или вы

просто захватили его?

По аудитории прокатился нервный шепот. Все уставились на Барриса. Во всяком случае, директора были обеспокоены. Никогда еще за всю историю «Единства» против Управляющего не выдвигалось обвинение в измене. К тому же все директора ощущали давление Исцелителей, внешней силы, напирающей на них. Если Дилл может быть признан нелояльным, если из него можно сделать козла отпущения, то это может убедить директоров… Возможно, их неспособность справиться с Исцелителями может быть объяснена, горько думал Баррис, или названа рациональной.

Взяв директивное распоряжение, лежащее перед ним, Рейнольдс сказал:

— Вам не удалось ознакомиться с высланным нами докладом. Это подчеркнуто…

— Я спрашиваю о законности этого собрания, — прервал его Баррис, остановившись напротив платформы. — Я спрашиваю, есть ли у вас право приказывать Управляющему Диллу?

Поднявшись на платформу, Баррис сказал:

— Это незрелая попытка захватить власть и разделаться с Язоном Диллом. Попробуйте доказать обратное. Доказывать должны вы, а не

Язон Дилл.

Шепот перешел в возбужденный гул. Рейнольдс спокойно подождал, пока он не утихнет.

— Сложилась критическая ситуация, — сказал он наконец. Он ничем не выказал своего смятения. — Революционное Движение Исцелителей атаковало нас по всему миру. Их лозунг — завладеть «Вулканом–3» и уничтожить структуру «Единства». Смысл нашего собрания — изобличить Язона Дилла, как агента Исцелителей, как предателя, работающего против «Единства». Дилл самовольно удерживал информацию от «Вулкана–3». Он сделал «Вулкан–3» бессильным против Исцелителей. Он сделал его беспомощным и тем ослабил все «Единство».

Теперь аудитория слушала не Барриса, а Рейнольдса.

— Что вы скажете на это, директор Баррис? — поднявшись, спросил Джон Чай из Южной Азии. — Это правда?

К Чаю присоединился Эдгар Стоун из Западной Африки.

— Наши руки были связаны, нам приходилось праздно сидеть, пока Исцелители набирались сил. Вы знаете это так же, как и мы. Фактически, вы поставили прямой вопрос Язону Диллу. Вы

тоже не доверяли ему.

Повернувшись к аудитории, Баррис сказал:

— Я не доверял ему до тех пор, пока не убедился, что он действовал в интересах «Единства».

— Каким образом убедились? — спросил Алекс Файн из Гренландии.

Вместо Барриса ответил Язон Дилл.

— Покажите восстановленные вами элементы из памяти «Вулкана–2».

— Я не могу, — сказал Баррис.

— Почему? — в панике воскликнул Дилл. — Вы не привезли их?

— Мне пришлось их уничтожить, — ответил Баррис.

Храня молчание, Дилл долго смотрел на него. Его лицо сменило все возможные цвета.

— Когда один из представителей этой метафизической мобильной системы слежки проник в мою лабораторию, — объяснил Баррис, — мне пришлось действовать без промедления.

Наконец лицо Дилла приняло обычную окраску.

— Понятно, — сказал он. — Вам следовало бы сказать мне об этом.

— Я не знал, — заявил Баррис, — что элементы могут понадобиться мне в подобной ситуации. —

Он хорошо понимал всю сложность теперешнего положения. Элементы памяти были бы эффективными доказательствами… Но они были утрачены. — А те катушки, — спросил он, — что вы мне показывали при первой встрече? Две последние записи «Вулкана–2»?

Дилл кивнул и открыл свой чемоданчик. Он предъявил две катушки с записями, выставив их на обозрение всех директоров.

— Что это у вас? — спросил Джон Чай, вставая.

— Это записи, — сказал Дилл, — «Вулкана–2». Я работал под его руководством. Он советовал удерживать информацию от «Вулкана–3», и я это делал. Я действовал в интересах «Единства».

— Почему именно информацию, сразу же вмешался Рейнольдс, — определенную информацию вы удерживали от «Вулкана–3»? Как это можно объяснить?

Дилл начал было говорить, но вдруг умолк, не найдя нужных слов.

Повернувшись к Баррису, он попросил:

— Может, вы…

— «Вулкан–3» — это угроза для системы «Единства», — объяснил Баррис. — Он создал мобильные средства слежки, которые перемещаются и убивают. «Вулкан–2» определил эту опасность

на теоретическом уровне. Он вывел это исходя из того, что «Вулкан–3» проявляет наклонности, вполне схожие с инстинктом самосохранения живого организма…

Его прервал Рейнольдс.

— Расскажите нам о том, что «Вулкан–3» живой. — Он улыбался и в его голосе звучали презрительные нотки.

— Каждый директор в этой комнате может посмотреть записи, — сказал Баррис. — Смысл сказанного заключается не в том, живой «Вулкан–3» или нет, а в том, поверил ли Язон Дилл в то, что он живой. В конце концов, его работа заключается не в поисках оригинальных решений, а в выполнении решений компьютеров системы «Вулкан». Он был предупрежден о возможности возникновения ситуации, которая согласно фактам…

— Но «Вулкан–2» устарел, — заявил Рейнольдс. — В обязанности Дилла не входило консультироваться с ним. «Вулкан–3» определяет политику.

Баррис понял, что это было сильное заявление. Ему пришлось кивнуть в знак согласия.

— «Вулкан–2», — громко выкрикнул Дилл, — был убежден, что, если «Вулкан–3» узнает об

Исцелителях, то будет делать ужасные вещи, чтобы сохранить себя. В течение пятнадцати месяцев я изматывал себя, я опустошал себя день за днем, видя, что сведения о Движении не включают в информацию для «Вулкана–3».

— Ну, еще бы, — усмехнулся Рейнольдс. — Потому что вам это приказали делать Исцелители. Вы делали это, чтобы помочь им.

— Это ложь, — отрезал Дилл.

— Какие доказательства могут быть предъявлены по этому поводу? — спросил Баррис. Затем, подняв руку, он указал на Рейнольдса. — Вы можете привести хоть какие–нибудь доказательства, подтверждающие, что Дилл имел связи с Исцелителями?

— На третьем подземном уровне этого здания, — сказал Рейнольдс, — вы найдете улики, свидетельствующие о связях Дилла с Движением.

— О чем вы говорите?

Удивление и тревога овладели Баррисом. Голубые глаза Рейнольдса были холодны, но полны враждебного триумфа.

— Дочь отца Филдса и есть связь Дилла с Движением. Марион Филдс здесь, в этом здании.

После этого заявления воцарилась мертвая

тишина. Даже Баррис не нашел, что ответить.

— Я говорил вам о ней, — прошептал Дилл, наклонившись к его уху, — я забрал ее из школы. Это ее учительница, Агнесса Паркер была убита.

— Нет, ответил Баррис, — вы не говорили мне. — Но, подумал он, и я не говорил ему о том, что уничтожил остатки «Вулкана–2». Но времени у нас нет, мы попали под сильное давление.

— Должно быть, у Рейнольдса шпионы повсюду, — сказал Дилл.

— Да, — ответил Баррис. — Шпионы. Но они не Рейнольдса, а «Вулкана–3». И они действительно повсюду.

— Я привел девочку сюда, чтобы допросить, — громко сказал Дилл, обращаясь к молчащей аудитории. — Это четко вписывалось в мои официальные обязанности.

Но это было глупо, отметил про себя Баррис. Слишком глупо для человека, занимающего столь высокое положение в такой безумной организации, как эта.

Возможно, придется драться, подумал Баррис. Он осторожно перемещал свою руку, пока она не коснулась лучевого карандаша. Вероятно, это единственный выход для нас. Это не настоящий суд. Это не что иное, как затея «Вулкана–3». Он

стремится к самосохранению, расширению своих потребностей.

— Вы не имеете никакого представления, — сказал он остальным директорам, — насколько опасно существование «Вулкана–3» для всех нас. Дилл рисковал своей жизнью многие месяцы. Эти смертельно опасные мобильные связные…

— Давайте посмотрим на них, — прервал его Рейнольдс. — У вас есть хоть один из них?

— Да, — сказал Баррис.

Рейнольдс потерял самообладание:

— О, так где же он? — пробормотал он. — Предъявите его.

— Дайте мне три часа, — сказал Баррис. — Его здесь нет. Он находится у кое–кого на другом конце Земли.

— Не собираетесь ли вы привезти его? — С лукавой улыбкой заметил Рейнольдс.

— Собираюсь, — признал Баррис.

— Как он попал к вам? — спросил Джон Чай.

— Он совершил нападение и был частично уничтожен, — сказал Баррис. — Но он достаточно сохранился для исследования. Он похож на другого связного, который совершил убийство школьной учительницы Агнессы Паркер, и, несомненно, на того, который уничтожил «Вул-

кан–2».

— Но у вас нет прямых доказательств, — сказал Рейнольдс, — ничего, что бы можно было показать нам, только устное свидетельство.

— Дайте им время для предоставления этих штук, — вставил директор Стоун. — Если они существуют, мы должны знать об этом.

— Я согласен, — сказал директор Файн.

— Вы говорили, что присутствовали при совершении этой штукой покушения? — спросил Рейнольдс.

— Да, — ответил Баррис. — Я был в номере отеля. А эта штука прилетела через окно. Она находится у третьего лица, присутствовавшего там. Я оставил это у него. И это лицо может не только представить доказательства, но подтвердить мой отчет.

— На кого была направлена атака? — спросил Рейнольдс.

На этом месте Баррис внезапно остановился. Я допустил ошибку. Я на грани риска, они меня почти взяли.

— Не произошло ли это в отеле «Бонд»? — спросил Рейнольдс, заглянув в бумагу перед собой. И не было ли с вами женщины, миссис Питт, жены недавно скончавшегося служащего «Единства»

Артура Питта? Вы были с ней в этом отеле? Отель «Бонд» находится в части города, пользующейся плохой репутацией, не так ли? Не правда ли, это отличное место для мужчины, где он может взять девочку с целью скрыться от общества?

Его голубые глаза сверлили Барриса.

— Я понимаю, что вы встречались с миссис Питт по линии официальных дел. Ее муж был убит за день до этого и вы прибыли в ее дом выразить официальное соболезнование. Ваше следующее свидание состоялось в обширном доме четвертого класса здесь, в Женеве. А где она сейчас? Правда ли то, что вы взяли ее в свой регион в Северную Америку, и что она теперь ваша миссис, эта вдова убитого сотрудника «Единства»? Конечно, она повторит любую вашу историю. У вас были интимные отношения, очень выгодные для нее. — Он поднял листики и помахал ими. — Миссис Питт в кругах «Единства» имеет репутацию амбициозной интриганки, как одна из профессиональных жен, которые цепляют свои вагоны к некоей восходящей звезде, для…

— Заткнись, — крикнул Баррис.

Рейнольдс улыбнулся.

Он действительно достал меня, понял Баррис. Нужно уйти от этой темы или нам конец.

— А третьим лицом, — продолжал Рейнольдс, — на кого было совершено нападение, очевидно, был отец Филдс? Не является ли фактом то, что Рашель Питт была и остается агентом Движения, и что она устроила встречу между вами и отцом Филдсом?

Повернувшись и указав на Дилла, он крикнул:

— Один из них встретился с отцом, а у другого находится его дочка, не измена ли это? Не то ли это доказательство, которое нужно этому человеку?

Нарастающий гул одобрения заполнил зал. Директора кивали в знак своей поддержки атакующего Рейнольдса.

— Это все построено на ассоциациях, — сказал Баррис. — В этом нет никакой правды. Настоящая опасность, которая существует, это опасность, исходящая от «Вулкана 3» — живого организма с присущим ему инстинктом самосохранения. Забудьте свои мелкие, пустячные подозрения и интриги.

— Я удивляюсь, — сказал Рейнольдс, — ведь сами вы выбрали безумные идеи Язона Дилла.

— Что? — переспросил, захваченный врасплох, Баррис.

— Язон Дилл безумен, — спокойно продолжил

Рейнольдс. — Его выводы относительно «Вулкана–3» — это его собственные предположения, способ управления его собственными амбициями. — Задумчиво глядя на Барриса, он вел мысль дальше. — Дилл, как ребенок, наделил механическую конструкцию, с которой имел дело на протяжении долгих месяцев, человеческими чертами. Только в состоянии страха и истерии такие заблуждения могут быть приняты другими. Угроза Исцелителей создала атмосферу, в которой трезво мыслящий взрослый человек может вдруг поверить в явно бредовую идею. «Вулкан–3» не достиг уровня человека. У него нет воли, нет аппетита. Напомню, я профессиональный психолог, связанный с Атлантой многие годы. Я обучен и имел большую практику в определении симптомов психических расстройств, даже у Управляющего.

После минутной паузы Баррис медленно сел рядом с Диллом. Логику Рейнольдса трудно было опровергнуть, никто не мог ничего возразить. И, конечно, никто его не опровергал. Все исходило не от него, а от «Вулкана–3» — более сильного и способного мыслителя, чем человек.

— Нам придется драться, — мягко сказал Диллу Баррис. — На карту поставлены не только наши

с вами жизни, но и весь мир. «Вулкан–3» взял верх. — И он указал на Рейнольдса.

— Ладно, — согласился Дилл. Он подал еле заметный знак своей вооруженной охране. — Давайте выбираться отсюда. Вы правы, другого выхода нет.

Они оба встали.

— Стойте, — крикнул Рейнольдс. — Оставайтесь на месте, ваши действия незаконны!

Теперь все директора были на ногах. Рейнольдс быстро подал сигнал и охранники «Единства» стали на пути Барриса и Дилла.

— Вы оба арестованы, — заявил Рейнольдс. — Бросьте оружие и сдавайтесь. Вы не можете игнорировать «Единство»!

Джон Чай накинулся на Барриса.

— Я не могу поверить, что вы с Язоном Диллом оказались предателями в такое время, как сейчас, когда мы неожиданно атакованы Исцелителями!

— Послушайте меня, — задыхался директор Хендерсон, следуя за Чаем. — Мы должны быть достойными «Единства». Мы должны сделать то, что требует «Вулкан–3». Иначе мы будем сокрушены.

— Он прав, — поддержал Чай. — Без «Вулкана–

3» Исцелители уничтожат нас. Вы знаете, Баррис, что «Единство» никогда не выдержит их атак без руководства «Вулкана–3».

Возможно и так, подумал Баррис. Но неужели вы хотите, чтобы вами управлял убийца?

То же он сказал когда–то отцу Филдсу: «Я никогда не последую за кем бы то ни было, если это будет убийца». Кем и является компьютер, живой или условно живой, это все равно.

Проталкиваясь сквозь толпу директоров, собравшихся вокруг них, Баррис обратился к Диллу:

— Давайте выбираться отсюда. — Они продолжали двигаться к выходу в окружении своих людей. — Я не думаю, что Рейнольдс станет драться.

Глубоко вздохнув, он направился прямо на линию охранников «Единства», сгруппировавшихся перед выходом. Они топтались, не решаясь отойти в сторону.

— С дороги, — приказал им Дилл. — Отойдите в сторону!

Он размахивал своим лучевым карандашом. Его личная охрана мрачно пошла вперед, разрывая цепь. Охранники боролись вполсилы и смущенно отступали. Бешеный крик Рейнольдса

потонул во всеобщем гаме. Баррис проталкивал Дилла вперед.

— Давайте, поторапливайтесь. — Они вдвоем уже почти прорвались сквозь цепь охраны неприятеля. — Они должны вам подчиниться, — сказал Баррис. — Вы все еще Управляющий, они не могут стрелять в вас, они не привыкли к этому.

Выход был перед ними.

И вдруг — это случилось.

Что–то вспыхнуло в воздухе, что–то металлическое и блестящее.

Предмет ударил в него. Дилл пошатнулся и упал, раскинув руки. Предмет ударил еще раз, затем внезапно поднялся и взвился над головами присутствующих. Он поднялся на возвышающуюся платформу и опустился (отдохнуть?!) на мраморный пол. Рейнольдс в ужасе отступил. Директора, их сотрудники и охранники метались в смятении, слепо пытаясь выбраться из зала.

Дилл был мертв.

Быстро нагнувшись, Баррис осмотрел его. Со всех сторон мужчины и женщины истошно кричали, пытаясь выбраться из зала. Череп Дилла был раздроблен, часть его лица была вбита во внутрь, его безжизненные глаза выкатились из орбит. Барриса охватила нарастающая волна

сожаления.

— Внимание! — заскрежетал металлический звук, который, как нож, разрезал гул ужаса. Баррис медленно повернулся и недоверчиво огляделся. Все это казалось невозможным.

На возвышении к первому предмету присоединился еще один, а затем и третий приземлился между двумя первыми. Три остальных сверкающих куба крепко держались на мраморе при помощи схожих с клешней манипуляторов.

— Внимание! — повторил голос, который принадлежал от первой из «ракет». Искусственный голос — звуки стали, электроники и пластиковых деталей.

Один предмет, подобный этим, пытался убить отца Филдса. Другой убил учительницу. Третий, а может, больше, уничтожили «Вулкан–2». Эти штуки действовали, но вне пределов видимости. Они были вне пределов видимости до сих пор.

Это было орудие смерти, и сейчас оно открылось для людей.

Четвертый аппарат приземлился рядом с другими. Металлические кубы сидели вместе в один ряд, словно злобные механические вороны — кровожадные птицы–истребители с головами, словно молотки. Весь зал — и директора, и

охрана, — постепенно стихли и замерли, полные ужаса. Все лица были обращены в сторону платформы. Даже Рейнольдс уставился широко открытыми глазами и отвисшей от изумления челюстью.

— Внимание, — повторил резкий голос. — Язон Дилл мертв. Он был предателем. Здесь могут быть другие предатели. — Четыре «ракеты» всматривались в аудиторию и внимательно прислушивались.

Затем другой голос продолжал:

— Язон Дилл повержен, но борьба только началась. Он был одним из многих. Миллионы других выступают против нас, против «Единства». Эти враги должны быть уничтожены. Исцелители должны быть остановлены. «Единство» должно сражаться за свое существование. Мы должны быть готовы вести великую войну.

Металлические глаза осматривали помещение. Третья «ракета» заговорила после остановки предыдущей.

— Язон Дилл пытался оставить меня в неведении. Он старался опустить занавес вокруг меня, но я не мог быть отрезанным от всего. Я уничтожил его завесу и его самого. С Исцелителями будет то же самое, это вопрос лишь времени.

«Единство» имеет структуру, которая не может погибнуть. Это исключительно организованная система, лучшая в мире на сегодня. Исцелители никогда бы не смогли править. Они только вредители, занятые разрушением. У них нет никаких конструктивных предложений.

Баррис трепетал от ужаса перед металлическим голосом, исходящим от молотоголовых «ракет». Он никогда не слышал его прежде, но он узнал его.

Огромный компьютер был далеко, схороненный на нижнем уровне секретной подземной крепости, но именно его голос они слышали сейчас.

Голос «Вулкана–3».

Он тщательно прицелился. Вокруг него стояла его замершая охрана, глупо уставившаяся на молотоголовых. Баррис выстрелил, четвертый «молот» исчез, снесенный жарким порывом.

— Предатель! — закричал третий «молот». Все они тут же взлетели в воздух. — Арестуйте его! Арестуйте предателя!

Другие директора выхватили лучевые карандаши. Хендерсон выстрелил и второй «молот» также исчез. Рейнольдс выстрелил с платформы в ответ, Хендерсон застонал и осел. Некоторые из

директоров дико палили по молотоголовым, другие были в растерянности и оцепенении. Один из выстрелов задел руку Рейнольдса, и он выронил свой карандаш.

— Предатель, — кричали оба уцелевших «молота». Они пикировали вниз, на Барриса. Тепловые лучи отскакивали от их металлических голов. Баррис уклонился, а его охрана открыла огонь. Один из нападающих предметов накренился, стал метаться, пока, в конце концов, не разбился о стену.

Лучи прорезали воздух за Баррисом. Некоторые из директоров стреляли в него, другие схватились между собой, в том числе и охрана. Они боролись за то, чтобы добраться до Рейнольдса и до последнего «молота». Остальные, казалось, не знают, к какой из сторон примкнуть.

Баррис кинулся к выходу из зала. Охрана и директора — пришедшая в замешательство орда жалких, перепуганных мужчин и женщин, понеслась за ним.

— Баррис, — спешил к нему Лоуренс Данли из Южной Африки. — Не оставляйте нас!

Стоун подошел вместе с ним, лицо его побелело от страха.

— Что нам делать? Куда мы пойдем? Мы…

«Молот» мчался к ним, его оружие было направлено на Стоуна. Стоун вскрикнул и упал, а «молот» опять поднялся и нацелился на Барриса. Тот выстрелил и «молот» осел на один бок. Баррис стрелял снова и снова, пока «молот» не исчез в мареве взрыва.

Стоун лежал и стонал, Баррис нагнулся к нему. Он был тяжело ранен. У него не было шансов выжить. Схватив руку Барриса, Стоун прошептал:

— Вы не можете уйти, Баррис. Вы не можете выйти отсюда. Они там, на улицах. Исцелители. Куда вы пойдете? — Его голос прервался. — Куда?

— Хороший вопрос, — сказал Данли.

— Он мертв. — Баррис встал.

Охрана Дилла начала наводить порядок в аудитории. Воспользовавшись замешательством, Рейнольдс исчез.

— Мы контролируем здание, — сказал Чай. — Только это здание.

— На скольких директоров мы можем рассчитывать? — спросил Баррис.

— Большинство из них, кажется, скрылись с Рейнольдсом, — ответил Чай.

Только четыре директора остались добровольно: Данли, Чай, Ловсон из Южной Европы и Пеглер из Восточной Африки. Пять, включая Бар-

риса, и может быть, они смогут найти поддержку еще у одного–двоих.

— Баррис, — обратился Чай, — мы не собираемся примкнуть к Исцелителям, не так ли?

— Мы должны примкнуть или к одной стороне, или к другой, — сказал Пеглер, — нам нужно отступить к крепости и присоединиться к Рейнольдсу либо…

— Нет, — сказал Баррис. — Ни при каких обстоятельствах.

— Тогда к Исцелителям. — Данли указал на свой лучевой карандаш. — Одни или другие. Чей он будет?

— Ничей! — подумав, сказал Баррис. — Мы не присоединимся ни к одной из сторон.

12

В первую очередь Баррис дал задание очистить здание Управления «Единства» от вражеской охраны и служащих. Он сделал так: везде расставил людей, которыми располагал. Постепенно сторонники «Вулкана–3» или отца Филдса были выявлены и изгнаны.

К вечеру огромное здание было готово к обороне.

На улицах сновали толпы людей. Случайные камни влетали в окна. Несколько распоясавшихся хулиганов пытались выбить двери, но были отброшены — у засевших в здании было преимущество в вооружении.

Постепенно проверка показала, что из одиннадцати дивизий системы «Единства» семь были в руках Исцелителей, а четыре других — на стороне «Вулкана–3».

События в Северной Америке горько позабавили Барриса. Северной Америки больше не было, Таубман отменил административное деление между его регионом и регионом Барриса. Теперь все это было просто Америкой — от начала до конца.

Стоя у окна, он наблюдал за толпой Исцелителей, сражавшихся с роем «молотов». Вновь и вновь «молоты пикировали, атаковали и взлетали вверх, а толпа отбивалась от них камнями и трубами. В конце концов «молоты» были отозваны и исчезли в вечерней темноте.

— Не могу понять, как «Вулкан–3» заполучил их в свое распоряжение, — поинтересовался Данли. — Где он их берет?

— Он их делает, — объяснил Баррис. — Это переделанные ремонтные машины. Мы поставляем их вместе с материалами, но «Вулкан–3» провел полноценную переделку. Он, наверное, давно уже предусмотрел возможность подобного положения и начал создавать их.

— Меня удивляет, как их много у него, — сказал Данли. — Это я и имел в виду. Я поймал себя на том, что думаю о «Вулкане–3», как о живом, и теперь мне трудно думать иначе.

— Насколько я понимаю, — ответил Баррис, — никакой разницы нет. Вряд ли ситуация изменилась бы, будь он по–настоящему живым. — Оставаясь у окна, он продолжал наблюдать. Час спустя появилось большое количество «молотов», но на этот раз они были оснащены лучевым оружием. Толпа в панике разбежалась, дико крича, так как

молоты жгли их лучами.

Раз десять за эту ночь он видел вспышки от взрывов и чувствовал сотрясения. Где–то в городе бегали лучи прожекторов, в их сияющих линиях он видел пролетающие в небе предметы, намного большие, чем «молоты». Очевидно, именно сейчас разгорался настоящий огонь войны между мобильными аппаратами «Вулкана–3» и Исцелителями. «Вулкан–3» быстро выпускал свою продукцию. А может, эти бомбовозы были уже заготовлены и придерживались до времени? Предвидел ли «Вулкан–3» бои такого масштаба?

А почему бы и нет? Он знал об Исцелителях уже давно, несмотря на все усилия Язона Дилла. У него было достаточно времени на подготовку.

Отвернувшись от окна, он сказал Данли и Чаю.

— Это серьезно. Распорядитесь, чтобы стрелки были готовы. На крыше офиса Управления «Единства» были развернуты тяжелые бластеры для отражения воздушной атаки. «Молоты, покончив с толпой, сейчас приближались к зданию «Единства», развернувшись клином и набирая высоту для нападения.

— Вон они летят, — указал на них Чай.

— Нам лучше спуститься вниз, в укрытие.

Данли нервно двинулся к спуску. Орудия на-

чали пальбу. Глухой, приглушенный рокот поначалу был слышен слабо, так как стрелки, управляющие орудиями, не были подготовлены в достаточной степени.

Большинство их было из личной охраны Дилла, а остальные — обычными клерками.

Один из «молотов» нырнул к окнам. Тепловой луч быстро засверкал по комнате, прокладывая узкую тропинку. «Молот» спикировал и поднялся для новой атаки, но был пойман на мушку одной из установок на крыше. Он разлетелся на части, которые полетели вниз, раскаленные добела.

— Мы в неудачном положении, — сказал Данли. — Нас плотно окружили Исцелители. И, очевидно, крепость, проводя свои операции против них, смотрит на степень их активности у нас. Это не случайные атаки. Эти чертовы птицы координируются между собой.

— Интересно смотреть, как они используют традиционное оружие «Единства» — лучевые карандаши, — заметил Чай.

Да, подумал, Баррис. Это не люди в серых костюмах, черных блестящих туфлях, белых рубашках и с деловыми портфелями в руках, использующие символические лучевые карандаши. Механические летающие предметы, контролируемые

закрытой под землей машиной, — будь реалистичен — не они ли являются тем, что существовало всегда, но что никто не мог видеть до сих пор?

«Вулкан–3» устранил среднее звено — людей. Нас.

— Интересно, кто же станет победителем? — спросил Пеглер. — Исцелителей больше. «Вулкан–3» не сможет одолеть их всех.

— Но «Единство имеет оружие и организацию, — сказал Данли. — Исцелители никогда не возьмут крепость. Они даже не знают, где она. «Вулкан–3“ сможет создать намного более эффективное и качественное оружие теперь, когда он работает в открытую.

Размышляя, Баррис встал и пошел к двери.

— Куда вы? — с опаской спросил Чай.

— Вниз, на третий подземный уровень, — ответил Баррис.

— Зачем?

— Там есть кое–кто, с кем бы я хотел поговорить.

Марион Филдс слушала внимательно, сжавшись в комочек и положив подбородок на колени. Лежавшая вокруг нее груда комиксов напомнила Баррису, что он разговаривает с маленькой девочкой. Но по выражению ее лица нельзя было

этого сказать. Она слушала его с серьезным вниманием, присущим лишь зрелости, не перебивая и не утомляясь. Она была уравновешенной во всем, и он поймал себя на мысли, что наконец избавился от тревоги, довлевшей над ним последние недели.

Под конец, немного смутившись, он остановился.

— Я не собирался с тобой так долго беседовать, — сказал он, — я вообще мало общался с детьми.

Он почувствовал какую–то интуитивную связь, сильную, необъяснимую симпатию к ней, несмотря на то, что они были едва знакомы. Он догадался, что она обладает чрезвычайно высоким интеллектом, но то, что он чувствовал, было намного больше. Она была полностью сформировавшейся личностью, со своими идеалами, своей точкой зрения. Она совсем не боялась говорить о том, во что не верит и, казалось, не испытывала никакого благоговения перед авторитетами.

— Исцелители победят, — спокойно сказала она, когда он закончил.

— Возможно, — ответил Баррис. — Но помни, «Вулкан–3» располагает значительным числом опытных экспертов, работающих на него. Рей-

нольдс и его группа, очевидно, смогли добраться до крепости, о чем мы можем лишь догадываться.

— Как они могли подчиниться этой злой, механической вещи? — спросила Марион Филдс. — Они, должно быть, ненормальные.

— В течение всей своей жизни вся их деятельность была ориентирована на «Единство», это единственный принцип существования, который они знают. Почему они должны менять свою жизнь теперь? — Неужели так много людей перешло из «Единства» к отцу этой девочки? Действительно, впечатляет, подумал он.

— Но «Вулкан–3» убивает людей, — сказала Марион. — Вы говорили также, что у него есть эти «молоты», которые он рассылает повсюду.

— Исцелители тоже убивают людей, — заметил Баррис.

— Но в этом есть отличие. — Ее юное гладкое личико выражало полную уверенность. — Им приходится убивать, а ему хочется убивать. Разве вы не видите разницы?

Я был неправ, подумал Баррис. Все же есть нечто, что она принимает безоговорочно. Ее отец. В течение многих лет она делала то, что сейчас учится делать множество других людей,

а именно следовать за отцом Филдсом, куда бы тот не вел их.

— Где твой отец? — спросил он девочку. — Я как–то разговаривал с ним, я бы хотел поговорить с ним еще раз. Ты ведь имеешь с ним связь, не так ли?

— Нет, — ответила она.

— Но ты знаешь, где его можно найти. Ты можешь связаться с ним? Например, если бы я тебя отпустил, нашла бы ты к нему дорогу?

По ее уклончивому беспокойству он мог убедиться, что прав. Он причинял ей большое неудобство.

— А зачем вы хотите с ним повидаться? — спросила Марион.

— Я хочу сделать ему одно предложение.

Глаза ее округлились, а затем лукаво заблестели.

— Вы собираетесь присоединиться к Движению, не так ли? И вы хотите, чтобы он пообещал, что вы будете кем–то важным в нем, как он… — Она быстро прикрыла рот рукой и озабоченно уставилась на него. — Как он поступил с другим директором.

— Таубманом, — констатировал Баррис. Он зажег сигарету и сидел, покуривая и рассматри-

вая девочку. Эта мирная сцена происходила под землей, вдали от яростных разрушений. А еще, думал он, мне надо возвращаться туда, наверх, и как можно скорее. Но пока я здесь, я могу это сделать… Парадокс! В этой мирной детской я надеюсь найти решение самой сложной из мыслимых задач.

— Вы позволите мне уйти, если я приведу вас к нему, — повторила Марион. — Я могу свободно уходить? Мне даже не придется возвращаться в школу?

— Конечно, смысла держать тебя здесь нет.

— Но мистер Дилл меня держал.

— Мистер Дилл мертв, — сказал Баррис.

— О, — она медленно кивнула. — Понимаю, это очень плохо.

— Мне тоже так кажется, — сказал Баррис. — Сперва я не поверил в то, что он говорил. Казалось, он придумал эту историю, чтобы обмануть нас всех, но к тому же… — Он запнулся.

Оказалось, Дилл ничего не выдумывал. Правдивость не вязалась с такой натурой, как Язон. Казалось он говорил, как выразилась Марион, длинную, публичную ложь и при этом постоянно улыбался. Он проводил сложные, изощренные расчеты, чтобы скрыть реальную ситуацию. Но,

когда все открылось, Язон Дилл не выглядел столь уж плохим. Он не был бюрократом без чести и совести. Хотя, конечно, пытался прилежно выполнять свою работу, был привержен основным идеям «Единства»… может быть даже больше, чем кто–либо другой.

— Эти ужасные металлические птицы, — сказала Марион, — были сделаны и посланы компьютером, чтобы убивать людей. Он может их много делать? — Она обеспокоенно посмотрела на него.

— Очевидно, для их производства ограничений у «Вулкана–3» нет. У него есть необходимые запасы сырья и технологии. Он располагает огромной информацией, большей, чем имеется в наличии у любого агентства в мире. К тому же, он не ограничен никакими этическими соображениями.

Фактически, подумал он, «Вулкан–3» находится в идеальном положении. Его цель определяется логикой и несокрушимыми доводами. У него нет излишней эмоциональности, способной влиять на мотивировку его поступков. Он никогда не будет страдать из–за угрызений совести и никогда не превратится из завоевателя в благосклонного правителя.

— Техника, которой располагает «Вулкан–3», —

сказала девочка, уставившись на него, — будет использоваться по мере надобности. Она будет изменяться в заданных пропорциях, в зависимости от задач, которые надо будет решать. Если против него выступят десять человек, он, возможно, использует менее значительное оружие, такое, как первые «молоты», оснащенные лучевыми устройствами. Мы видели, как он использовал «молоты» большей величины, оснащенные химическими бомбами. А делал он это потому, что мощь его противников оказалась намного больше, чем в начале. Он готов принять любой вызов. Значит, чем сильнее разрастается Движение, тем сильнее становится он, — заключила Марион.

— Да, — ответил Баррис. — И нет никакой силы, способной его остановить. Нам неизвестны даже пределы его возможностей.

— Если бы весь мир поднялся против него…

— Тогда ему пришлось бы расти, создавать новое оружие и сражаться против всего мира.

— Почему? — спросила она.

— Потому что это его работа.

— Он этого хочет?

— Нет, — ответил Баррис. — Ему приходится.

Сразу же без колебаний девочка сказала:

— Я проведу вас к нему, мистер Баррис. Я имею

в виду моего папу.

Баррис облегченно вздохнул.

— Но вы должны пойти один, — настойчиво добавила она. — Он в Северной Америке.

— На полицейском крейсере. У нас их три на крыше здания. Обычно ими пользовался Язон Дилл. Мы отправимся во время затишья между атаками.

— А мы сможем избежать этих молоткоклювых птиц? — спросила она со смешанным чувством сомнения и воодушевления.

— Надеюсь, что да, — ответил Баррис.

Когда полицейский крейсер «Единства» низко пролетел над Нью–Йорком, Баррис получил возможность своими глазами увидеть те опустошения, которые произвели Исцелители.

Большая часть отдаленной деловой территории лежала в руинах. Его собственное здание было уничтожено, вместо него лежала лишь дымящаяся груда камней. Вокруг все еще горели пожары, которые никто не собирался тушить. На месте фешенебельной части города были развалины. Большинство улиц были полностью разрушены. Магазины разнесены и, как успел заметить Баррис, разграблены.

Но бои уже закончились и в городе было спокой-

но. Люди бродили среди этих дебрей и подбирали ценности. То в одном месте, то в другом, одетые в коричневые одежды Исцелители организовывали ремонтно–восстановительные работы. Заслышав звуки полицейской сирены, люди внизу разбежались по укрытиям. С крыши одной из неразрушенных факторий по ним неожиданно выстрелил бластер.

— Куда дальше? — спросил Баррис у сидящей позади него девочки.

— Держитесь этого направления. Мы скоро сможем приземлиться. Нас проводят к нему пешком. — И, тревожно нахмурившись, она добавила: — Я надеюсь, они не изменили его слишком сильно. Я была в этой школе так долго, а он был в этом ужасном месте, в этой Атланте.

Они летели в прежнем направлении. На открытых, загородных территориях уже не было видно таких сильных повреждений, какие были заметны в городе. Проносящиеся под ними фермы и маленькие провинциальные городишки выглядели так же, как всегда. На этих землях было даже больше порядка, чем раньше. Упразднение провинциальных отделений «Единства» принесло в эти места больше стабильности, чем беспорядка. Местные жители поддерживали Движение и

охотно приняли на себя бразды правления.

— Это большая река, — сказала Марион, напряженно всматриваясь. — Здесь есть мост. Я вижу его. — Она запрыгала от восторга. — Следуйте вдоль моста и вы увидите дорогу. Когда она пересечется с другой дорогой, посадите корабль. — Она широко улыбнулась.

Несколькими минутами позже он заметил пересечение и повел полицейский крейсер на посадку. Приземлились они в поле, на окраине маленького городка в Пенсильвании. Не успел Баррис выключить реактивные двигатели, как к ним подъехал, увязая в грязи и сорняках, урчащий грузовик.

— Да, — сказал себе Баррис, — уже слишком поздно возвращаться назад.

Грузовик остановился. Из него выпрыгнули четыре человека в спецодежде и осторожно подошли к крейсеру. Один из них угрожающе поднял дробовик.

— Кто вы?

— Разрешите мне выйти, — попросила Барриса Марион. — Я хочу поговорить с ними.

Он нажал кнопку на панели управления и проход открылся. Марион тут же выбралась наружу. Оставаясь в крейсере, Баррис ждал результата

переговоров с четырьмя подъехавшими людьми. Высоко в небе, на севере, был виден приближающийся рой «молотков».

Несколькими минутами позже яркие вспышки осветили горизонт. Очевидно, «Вулкан–3» начал оснащать своих роботов тактическими атомными бомбами.

Один из четырех мужчин подошел к крейсеру и, приложив руку ко рту, крикнул:

— Я Джо Поттер. Это вы, Баррис?

— Да. — Сидя в корабле, Баррис держал руку на лучевом карандаше, хотя понимал, что это только ритуальный жест, в котором не было необходимости.

— Послушайте, — продолжал Джо Поттер, — я проведу вас к Филдсу, если вы этого хотите, а он говорит, что это так. Пойдемте.

Баррис и Марион с четырьмя мужчинами взошли на старый, помятый грузовик. Он тут же тронулся. Его кидало из стороны в сторону, когда он мчался обратно по дороге, которой приехал.

— Боже мой, — сказал один из мужчин, изучая Барриса, — вы были директором Северной Америки, не так ли?

— Да, — ответил Баррис.

Мужчины вполголоса переговорили и один из

них, подкатившись к Баррису, попросил:

— Мистер Баррис, — он достал конверт и карандаш, — могу я получить ваш автограф?

В течение часа грузовик мчался по провинциальной дороге в направлении Нью–Йорка. Не доезжая нескольких километров до разрушенной деловой части города, Поттер остановил грузовик у автозаправочной станции. Справа от станции находилось придорожное кафе, дряхлое, обветшалое местечко. Несколько машин были припаркованы возле него. Дети играли в грязи, а в глубине дворика была привязана собака.

— Выходите, — сказал Поттер.

После длинной дороги все четверо казались угрюмыми и молчаливыми. Баррис неторопливо слез и вяло спросил:

— Где?

— Там, внутри. — Поттер направился обратно.

Марион спрыгнула к Баррису. Грузовик сдал назад, развернулся и исчез в том направлении, откуда только что приехал.

Глаза девочки сияли.

— Пошли, — позвала она и взлетела на порог кафе, рывком открыв дверь. Баррис осторожно прошел за ней.

В грязном кафе за столом, заваленном карта-

ми и бумагами, сидел человек, одетый в грубую голубую рубашку и засаленные брюки. Древний телефон стоял сбоку от него рядом с тарелкой, на которой лежали остатки гамбургера и жареной картошки. Этот человек раздраженно поднял глаза и Баррис увидел тяжелые, остроконечные брови, кривые губы, пристальный взгляд, который многих заставлял поеживаться и под которым поеживался сейчас он.

— Будь я проклят, — отбросив свои бумаги, воскликнул отец Филдс. — Ты глянь–ка, кто пришел!

— Папочка, — закричала Марион, рванувшись вперед и обхватила его руками. — Я так рада видеть тебя…

Ее слова оборвались, так как она уткнулась лицом в его рубашку. Филдс похлопывал ее по спине, не замечая Барриса.

Баррис подошел к пустому прилавку и окунулся в свои размышления. Он очнулся только тогда, когда понял, что отец Филдс обращается к нему. Подняв глаза, он увидел, что тот протягивает руку. Улыбаясь, Филдс пожал его руку.

— Я думал, вы в Женеве, — сказал Филдс. — Мне очень приятно увидеть вас снова. — Его глаза осматривали Барриса с ног до головы. — Один

порядочный директор из одиннадцати. Мы не тронем вас. Мы добрались до самых плохих, исключая оппортуниста Рейнольдса. Мы достали этого умельца «ловить момент» Таубмана. — Он иронично усмехнулся.

— Все революционные движения, — сказал Баррис, — всегда изгоняли оппортунистов.

— Вы судите очень снисходительно, — ответил Филдс.

Отойдя назад, он передвинул стул и уселся на него. Он устраивался на нем до тех пор, пока не почувствовал себя комфортно.

— Мистер Баррис воюет с «Вулканом–3», — доложила Марион, плотно прижимаясь к отцовской руке. — Он на нашей стороне.

— О, это правда? — спросил отец Филдс, похлопывая ее, — ты уверена в этом?

Она покраснела и смущенно ответила:

— Ну, по крайней мере он против «Вулкана–3».

— Поздравляю, — сказал Филдс Баррису. — Вы сделали мудрый выбор. Это правильно.

Усевшись спиной к стойке бара и облокотившись на одну руку, так, чтобы ему тоже было удобно, Баррис сказал:

— Я приехал сюда для того, чтобы поговорить о делах.

— Как вы можете видеть, — протяжно сказал Филдс, — я достаточно занятый человек и у меня нет времени говорить с вами о делах.

— Найдите немного времени, — не отступал Баррис.

— Я не очень интересуюсь делами, — сказал Филдс. — Я больше интересуюсь работой. Вы могли присоединиться к нам в свое время, но вы махнули хвостом и ушли. Теперь… — Он пожал плечами. — Чего это стоит? То, что вы будете с нами, ничего не меняет. Мы уже добились кое–чего. Все ясно: вы под конец решили тоже поступить соответствующим образом, убедившись, на чьей стороне победа. — Он опять — на сей раз понимающе, — усмехнулся. — Вы бы хотели быть на победившей стороне, не так ли? — Он помахал перед носом Барриса пальцем.

— Если бы это было так, — ответил Баррис, — вас бы не было здесь.

Какое–то время Филдс не выказывал своих чувств, но постепенно веселость сошла с его лица и фамильярное добродушие исчезло. Его взгляд стал жестким.

— Вы несете вздор, — произнес он. — «Единства» больше нет. Через пару дней мы окончательно сметем старую систему. Что тут остается?

Эти хитрые «игрушки», порхающие в небе. — Он быстро поднял руку и указал пальцем вверх. — Такие же, как и та, которую я уничтожил в отеле, когда она влетела в окно, чтобы уничтожить меня. Получали ли вы нечто подобное? Я починил это и выслал вам и вашей девочке, как… — он ухмыльнулся — свадебный подарок.

— Вы ничего не достигли, — продолжал Баррис, — и ничего еще не уничтожили.

— Мы добились всего, — сказал скрипучим шепотом Филдс, — чего хотели достичь, мистер.

— Вы не добрались до «Вулкана–3», — уточнил Баррис. — Вы захватили много земель, вы отобрали множество офисов и навербовали множество клерков и стенографистов — и все.

— Мы доберемся до него, — спокойно сказал Филдс.

— Но без вашего учредителя, — заметил Баррис. — Он ведь мертв.

Уставившись на Барриса, Филдс произнес:

— Мой… — Он встряхнул головой, очевидно, его эта фраза вывела из равновесия. — Что вы имеете ввиду? Я основал Движение, я возглавлял его с самого начала.

— Я знаю, что это ложь, — сказал Баррис.

На какое–то время воцарилось молчание.

— Что он хочет этим сказать? — допытывалась Марион, беспокойно дергая руку отца.

— Он не в себе, — ответил Филдс, продолжая смотреть на Барриса. Его лицо по–прежнему оставалось бесцветным.

— Вы электрик, — продолжал Баррис. — Это ваша профессия. Я видел, как вы починили «молот». Вы отличный специалист, возможно даже, на земле нет электрика лучше вас. Вы поддерживали «Вулкан–2» в рабочем состоянии все это время, не так ли?

Филдс открыл и закрыл рот, но не проронил ни слова.

— «Вулкан–2» основал Движение Исцелителей, — отчеканил Баррис.

— Нет, — ответил Филдс.

— Вы были только подставным лидером, марионеткой, «Вулкан–2» создал Движение, как орудие для уничтожения «Вулкана–3». Вот почему он дал Язону Диллу инструкции не открывать существование Движения «Вулкану–3». Он хотел, чтобы у него было время окрепнуть.

13

После длительной паузы отец Филдс сказал:

— «Вулкан–2» был только вычислительной машиной, у него не было никаких мотивов. С чего бы ему вредить «Вулкану–3»?

— Потому что «Вулкан–3» угрожал ему, — ответил Баррис. — «Вулкан–2» был таким же «живым», как и «Вулкан–3» — не больше, не меньше. Он был сделан для выполнения конкретной работы, а «Вулкан–3» препятствовал ему в этом. Так же, как и Язон Дилл придерживал информацию, мешая работе «Вулкана–3».

— Как «Вулкан–3» мешал работе «Вулкана–2»? — спросил отец Филдс.

— Он выживал «Вулкан–2».

— Но теперь я возглавляю Движение, — сказал Филдс. — «Вулкан–2» больше не существует.

Потерев свой подбородок, он добавил:

— От «Вулкана–2» не осталось никаких работающих деталей.

— Да, вы сделали свое дело профессионально, — заметил Баррис.

Филдс вздрогнул.

— Вы уничтожили «Вулкан–2», — продолжал

Баррис, — чтобы Язон Дилл ничего не узнал, не так ли?

— Нет, — ответил Филдс, — это не так, это только серия ваших диких догадок. У вас нет никаких доказательств. Это типичная безумная клевета, порожденная «Единством». У вас обвинения всегда надуманы, приукрашены и не обоснованы.

Еще раз Баррис заметил, что его собеседник потерял свой акцент. Его словарный запас и манера говорить в момент стресса значительно ухудшалась.

— Это неправда, — на высоких тонах заговорила Марион Филдс. — Мой папа основал Движение. — Ее глаза блестели, яростно испепеляя Барриса. — Я жалею, что привела вас сюда.

— Какие у вас доказательства? — спросил Филдс.

— Я видел, как профессионально вы восстановили того «молота», — сказал Баррис, — что свидетельствует о ваших талантах. С такими возможностями вы не могли назвать свою работу в «Единстве». Среди моих ремонтников в Нью–Йорке не было людей с такими способностями. Учитывая это, «Единство» могло направить вас только на обслуживание серии «Вулканов». Очевидно, вы ничего не знали о «Вулкане–3», так как

«Вулкан–3» сам обслуживает себя. Что же еще оставалось, как не более ранние компьютеры? «Вулкан–1» уже давно не функционирует. Вы, как и Язон Дилл, ровесник «Вулкана–2», также…

— Предположение, — сказал Филдс.

— Да, — признался Баррис.

— Логика, дедукция, основанные на похожих предпосылках… Имею в виду ваши предположения на счет того, что я имел дело с каким–нибудь компьютером из серии «Вулканов». А не приходило ли вам в голову, что могут быть другие компьютеры, спроектированные не Нат Гринстритом, а кем–то еще, что группа специалистов могла приступить к работе с…

За спиной Барриса раздался голос. Резкий, женский голос.

— Расскажи ему правду, не лги, отец.

Рашель Питт подошла и стала рядом. Удивленный Баррис вскочил на ноги.

— Две мои дочери, — сказал Филдс.

Он положил руку на плечи Марион, а затем, после паузы, положил другую руку на плечи Рашель.

— Марион и Рашель. — Произнес он. — Младшая, преданная мне, оставалась со мной, старшая захотела выйти замуж за человека из «Единства»

и жить обеспеченной жизнью со всеми удобствами, которые можно купить за деньги. Она начала возвращаться ко мне недавно. Но вернулась ли ты ко мне на самом деле? — Он спокойно посмотрел на Рашель Питт. — Это не похоже на правду, и я хочу знать, так ли это.

— Я за тебя отец. Я просто больше не могу переносить лжи.

— Я говорю правду, — грубо сказал отец Филдс. — Баррису взбрело в голову, что я уничтожил «Вулкан–2», чтобы Язон Дилл не узнал о связи между этим старым компьютером и Движением. Вы думаете, меня беспокоил Язон Дилл? Да значило ли когда–нибудь то, что он знает? Я уничтожил «Вулкан–2» потому, что он не эффективно развивал Движение. Он придерживал Движение, оно было ни чем иным, как его придатком, безжизненным инструментом, таким же, как эти «молоты» — для «Вулкана–3».

Его голос набирал силу, челюсти выступали. Он вызывающе противостоял Баррису и Рашель. А они оба инстинктивно отодвинулись от него и стали ближе друг к другу. Только Марион Филдс оставалась рядом с отцом.

— Я освободил Движение, — говорил Филдс, — я освободил человечество и сделал Движение

инструментом человеческих нужд, человеческих стремлений. Разве это плохо? — Он указал пальцем на Барриса и закричал. — Прежде, чем со мной будет покончено, я собираюсь уничтожить «Вулкан–3» и освободить от него человечество. Сперва я освободил от первого, затем освобожу от второго. Разве это не правильно? Разве вы против этого? Если да, тогда Рейнольдсу.

— Это благородная цель, — сказал Баррис, — то, о чем вы говорите. Но вы не в силах сделать это. Это невозможно, если я вам не помогу.

— Хорошо, — кивнул отец Филдс, подавшись вперед на своем стуле. — Вы пришли сюда для дела. Что вам нужно? — Подняв голову, он хрипло спросил: — Что вы можете мне предложить?

— Я знаю, где крепость, — ответил Баррис. — Я был рядом. Туда меня водил Дилл. Я могу найти ее. Без меня вы ее не найдете никогда. В крайнем случае, доберетесь туда через промежуток времени, когда уже ничего живого не останется на поверхности. Ведь «Вулкан–3» создает мощное, изощренное наступательное оружие.

— Вы думаете, что мы не найдем крепость? — спросил Филдс.

— В течение пятнадцати месяцев, — сказал Баррис, — вы пытались и не смогли этого сделать. Вы

полагаете, что сможете найти крепость в течение двух ближайших недель?

— Мы начали искать более, чем два года тому назад, — уточнил отец Филдс, — то есть, с самого начала. — Он пожал плечами. — Хорошо, директор, что вы хотите в обмен?

— Многое, — сказал Баррис мрачно, — я постараюсь передать это по возможности сжато, как смогу.

После того, как Баррис закончил, отец Филдс молча думал.

— Вы хотите очень многого, — сказал он наконец.

— Именно так.

— Невероятно, вы диктуете мне условия. Сколько у вас человек?

— Пять или шесть.

Филдс опустил голову.

— А нас миллионы по всему миру. — Он достал из своего кармана сложенную карту, разложил ее на стойке бара и сказал: — Мы контролируем Америку, Восточную Европу, всю Азию и Африку. Захват остальных территорий — это вопрос времени. Мы выигрываем весьма успешно. — Всей ладонью он сжал кружку кофе, стоявшую на стойке, и вдруг швырнул ее. Коричневый кофе

растекся по полу.

— Даже, если у вас действительно есть достаточно времени, — сказал Баррис, — я сомневаюсь, что вам удастся в конечном итоге победить «Единство». Безнадежно надеяться, что рядовые революционные движения могут свергнуть бюрократическую систему, которая оснащена современными технологиями и детально разработанной индустрией. Ваше Движение могло рассчитывать на успех сотню лет назад, но времена изменились. Правление производится на научной основе опытными специалистами.

Враждебно глядя на него, Филдс сказал:

— Для того, чтобы победить, нам надо быть внутри.

— Вы правы, — подтвердил Баррис, — вы знаете меня. Я могу ввести вас туда, где вы сможете срубить ствол, а не просто ветви.

— А ствол, — сказал Филдс, — это «Вулкан–3». По меньшей мере признайте, что мы знаем это. Эта штука всегда была нашей целью. — Он устало выдохнул. — Хорошо, Баррис, я согласен на ваши условия.

Баррис почувствовал облегчение, но сохранил контроль над собой.

— Прекрасно, — сказал он.

— Вы удивлены, не так ли? — спросил Филдс.

— Нет, — покачал головой Баррис. — Я чувствую облегчение. Я думал, что вы, возможно, не сможете понять, насколько ненадежно ваше положение.

Достав карманные часы, Филдс посмотрел на них.

— Что вы хотите для атаки на крепость? Мы плохо снабжены оружием. Наша сила — в людях.

— В Женеве есть оружие.

— А как с транспортировкой?

— У нас есть три скоростных военных крейсера. Они и перевезут. — Баррис что–то быстро написал на клочке бумаги. — Небольшая нацеленная атака опытными людьми — умелый удар в жизненно важный центр. Хватит сотни хорошо отобранных людей. Все зависит от первых десяти минут. Если мы добьемся удачи, с крепостью будет покончено. Случись что, у нас не будет лишней секунды.

Филдс пристально уставился на него.

— Баррис, вы действительно считаете, что у нас есть шанс? Мы действительно можем добраться до «Вулкана–3»? — Его руки, покрытые масляными пятнами, не находили себе места. — Годами я не думал ни о чем больше, кроме как уничтожить

эту чертову кучу деталей и трубок.

— Мы доберемся до него, — заверил Баррис.

Филдс собрал нужных Баррису людей. Они сели в крейсер и Баррис сразу же взял курс обратно на Женеву. Филдс сопровождал их.

На полпути через Атланту они встретились с огромной стаей «молотов», мчащихся на незащищенную Северную Америку. Они были почти такие же большие, как и крейсер.

Они неслись на огромной скорости, почти сразу же исчезая. Несколькими минутами позже, появилась новая орда. Эти были похожи на тонкие иглы. Они проигнорировали корабль и последовали за первой группой за горизонт.

— Новый тип, — сказал Баррис. — Он не теряет времени.

Здание Контроля «Единства» по–прежнему оставалось в руках друзей. Они приземлились на крышу и поспешили внутрь здания. Исцелители прекратили пока атаки. Но теперь «молоты» роились над зданием, ныряя вниз и проворно уворачиваясь от орудий, установленных на крыше. Половина главной системы была в руинах, но орудия продолжали стрелять, сбивая «молоты», если они подлетали слишком близко.

— Мы проигрываем сражение, — пробормотал

Филдс. — У нас не хватает сил, а этим чертовым штукам, кажется, нет конца.

Баррис работал быстро. Он снабдил всех атакующих оружием, сделал его запас под аркой внизу здания Контроля. Из пяти директоров он отобрал Пеглера и Чая и сотню наиболее подготовленных групп.

— Я иду с вами, — сказал Филдс, — если атака провалится, я не хочу оставаться в живых. Если же атака будет удачной, я хочу участвовать в ней.

Баррис осторожно распаковал ручную бомбу.

— Это для него.

Он взвесил ее в руке. Она была не тяжелее головки лука.

— Мое предположение таково. Они примут меня и, возможно, Чая и Пеглера. Мы постараемся их убедить, что пришли присоединиться к «Единству». В конце концов, мы сможем преодолеть часть дистанции.

— Во всяком случае, вы на это надеетесь, — резко сказал Филдс.

Во время заката Баррис погрузил людей и снаряжение на три крейсера. Орудия на крыше образовали мощное заграждение для прикрытия их отлета. Действовавшие по близости «молоты»

начали преследовать корабли с самого их взлета.

— Нам нужно сбить их, — сказал Баррис.

Он быстро отдал команды. Три крейсера понеслись в разных направлениях, стремительно удаляясь друг от друга. Несколько «молотов» преследовали их какое–то время, а затем отстали.

— Я оторвался, — доложил Чай из второго крейсера.

— Я тоже, — сообщил Пеглер из третьего.

Баррис оглянулся. Крейсер был переполнен напряженными, молчаливыми солдатами и оружием. Солдаты сидели на корточках. Корабль мчался сквозь мрак, навстречу неизвестности.

— Мы тут, — сообщил Баррис по внутренней связи, когда корабль описывал широкую дугу. — Мы перестраиваемся для атаки. Я впереди. Вы двое идите следом.

— Мы уже близко? — спросил Филдс подозрительно.

— Очень. — Баррис изучал показания приборов. — Мы будем на месте через секунду.

Баррис нырнул вниз. Корабль Пеглера несся через мрак за ним, направляясь к земле. Корабль Чая взял вправо и направился прямо на крепость.

Поднялась огромная масса «молотов» и двину-

лась к судну Чая, окружив и поглотив его.

— Зависни! — крикнул Баррис.

— Земля приближается! — Внезапное приземление прервало крик. Судно ударилось, проваливаясь и грохоча среди валунов и деревьев.

— Вперед! — приказал Баррис, вскакивая на ноги и отодвигая входную перегородку. Люк открылся и люди стали прыгать в холодный мрак ночи, унося свое снаряжение.

В небе над ними крейсер Чая сражался с «молотами». Он быстро уворачивался и отчаянно отстреливался. Еще больше стремительно набирало высоту. Корабль Пеглера приземлялся. Он промчался невдалеке и грохнулся о склон крепости.

Тяжелые орудия крепости открыли огонь. Брызнул огромный фонтан вспышек, высвечивая скалы и лесные заросли. Баррис и Филдс выбрались из своего корабля.

— Торопитесь, — сказал Баррис. — Приготовьте буры.

Люди собирали два сверлильных бура. Первый уже завывал, работая. Все больше атомных тактических зарядов, выпущенных из крепости, били по ним. Ночная мгла разрывалась вспышками.

— Как у вас дела? — крикнул Баррис, прижав

губы к шлемофону.

— Все в порядке, — услышал он в наушниках слабый голос Пеглера.

— Мы уже сели и вывели большую часть людей.

— Это придержит «молоты» — сказал Филдсу Баррис. Он поглядел на небо. — Я надеюсь, Чай…

Корабль Чая вертелся в воздухе, пытаясь вырваться из кольца «молотов», окружившего его. Реактивные орудия работали на пределе. Прямое попадание — и судно сотряслось и накренилось.

— Сбрасывай людей, — приказывал по связи Баррис. — Вы как раз над крепостью.

Из корабля Чая высыпало облако белых точек. Люди в костюмах для прыжков медленно опускались на землю и отстреливались из лучевых карандашей от снующих вокруг них «молотов», которые медленно отступали.

— Люди Чая позаботятся о прямой атаке, — объяснил Баррис. — Между тем, буры продвигаются.

— Зонтик почти готов, — доложил техник.

— Хорошо. Они начали пикировать на нас, их защитные зонды, должно быть, остановят нас.

Армия «молотов» мчалась к земле. Лучи, которые они пускали, врезались в деревья и зажигали их. Грохнуло одно из орудий Пеглера. Часть «мо-

лотов» исчезла, но вместо них появились другие. Их было еще больше. Нескончаемый поток «молотов» поднимался из крепости, словно черные летучие мыши.

Зонт слегка хлопнул, неохотно пошел и занял свое место. Перед этим Баррис заметил, как «молоты» беспорядочно кружатся, несколько из них были отброшены зонтом.

Баррис расслабился, — теперь не придется о них беспокоиться.

— Буры прошли полрасстояния, — доложил начальник буровой команды.

Две огромные скважины отзывались эхом и вибрировали, когда буры вгрызались в землю. Там же исчезли и техники. Первые отделения вооруженных групп осторожно следовали за ними, скрываясь под землей.

— Мы на верном пути, — сказал Баррису Филдс.

Стоя один в стороне, отец Филдс разглядывал деревья и линию холмов вдали.

— Ни одного видимого признака крепости, — пробормотал он. — Ничего, что могло бы выдать ее.

Он выглядел глубоко задумавшимся, словно не осознавал, что битва разрастается.

— Эта крепость… отличное место. Я бы никогда не узнал. — Повернувшись, он подошел к Барри-су. — Я был здесь раньше.

— Да?

— Сотни раз. Я работал здесь большую часть моей жизни. — Его лицо словно окаменело. — Здесь был «Вулкан–2». — Его руки бесцельно двигались. — Сюда я пришел, чтобы уничтожить «Вулкан–2». — Кивком головы он указал на боль-шой, поросший мхом валун. — Я проходил здесь к служебному спуску. Они даже не могли знать, что он еще существует, он был объявлен устаревшим много лет назад. Он был заброшенный и закры-тый, но я знал о нем. — Его голос стал жестче. — Я могу прийти и уйти, когда захочу. У меня есть постоянный доступ, и я знаю сотни путей, как туда пробраться.

— Но вы не знали, что «Вулкан–3» тоже был там внизу, на самом глубоком уровне. Они не ознакомили вашу бригаду с…

— Я не знал Язона Дилла, — ответил Филдс. — Я занимал не такое место, чтобы встречаться с ним, как с равным, так, как вы.

— Вы теперь знаете, — сказал Баррис.

— Вы мне ничего не дали, — покачал головой Филдс. — Вы не сказали мне ничего такого, чего

бы я не знал.

Он медленно подошел в Баррису:

— Я бы мог вычислить все это через какое–то время, после того, как мы бы обыскали другие места. — В его руках появился лучевой карандаш.

— Но вы, отец, до сих пор не пробрались в крепость, — совершенно спокойно сказал Баррис. — Они никогда не впустят вас. Они убьют вас намного раньше, чем вы пробьете весь грунт до «Вулкана–3». Вы зависите от меня. — Указав на свой рукав, он обратил внимание Филдса на директорскую нашивку. — Однажды проникнув туда, я могу ходить там и никто меня не остановит, потому что они — часть той системы, к которой принадлежу и я. А по положению я выше многих других, включая и Рейнольдса.

— Многих из них, исключая «Вулкан–3».

Где–то справа палило орудие Пеглера, «молоты» заметили его и начали бомбовую атаку. Ад белых столбов приближался к судну Пеглера.

— Ставьте ваш зонт! — закричал Баррис в шлемофон.

Зонт Пеглера защелкал, но раскрываться не спешил. Маленькая атомная бомба прорезала его центр. Судно Пеглера исчезло, облако частиц взорвалось в воздухе. Металл и зола разлетелись

над горящей землей. Тяжелое орудие внезапно прекратило стрельбу.

— Пришло наше время, — сказал Баррис.

Первые люди Чая достигали земли. Оборонительные орудия развернулись, оставив крейсер Барриса и нацелившись на опускающиеся точки.

— У них нет никакого шанса, — пробормотал Филдс.

— Да, — Баррис пошел к первой из двух шахт. — Но этот шанс есть у нас.

Не обращая внимания на оружие в руках Филдса, он повернулся к нему спиной.

Вдруг крепость содрогнулась. Огромный язык пламени охватил ее. Поверхность плавилась мгновенно, и волна расплавленного металла запечатала крепость.

— Они сами отрезали себя, — сказал Баррис. — Они замурованы внизу.

Он вздрогнул и вошел в туннель, волоча кабеля с питанием для установки.

Противное, черное облако поднималось от мерцающего шлака, который стал поверхностью крепости. Воздух был горячий и сырой. Люди лихорадочно работали, все глубже и глубже направляя бур. Потоки парящей воды лились из

глины вокруг них.

— Мы, наверное, где–то рядом, — раздался голос отца Филдса из–за спины Барриса.

— Да, мы, должно быть, у самого глубокого уровня, — сказал Баррис.

Он не обернулся посмотреть, держит ли еще отец Филдс оружие, и продолжал путь.

Бур издал пронзительный звук. Его жужжащий нос уперся в металл. Буровая команда двинулась вперед. Теперь бур врезался в стальную стену и сверхпрочный пластик, а затем медленно остановился.

— Мы на месте, — сказал Баррис.

Бур содрогался. Дюйм за дюймом он двигался вперед. Начальник бригады вплотную приблизился к Баррису:

— Другой бур попал в крепость, но они не знают, где именно.

Вдруг неожиданно стена провалилась внутрь. С шипением на людей брызнуло жидкой сталью. Солдаты двинулись вперед, протискиваясь через брешь. Баррис и Филдс поспешил с ними. Раскаленный металл опалил их, когда они пробирались по нему. Баррис споткнулся и упал, скатившись в кипящую воду и обломки пород.

Отложив свой лучевой карандаш, Филдс вы-

тянул его и помог стать на ноги. Они глянули друг на друга, никто из них не произнес ни слова. Затем они огляделись и увидели, что находятся в гигантском коридоре, протянувшемся неизвестно куда, освещенном скрытыми светильниками и хорошо известный им обоим.

Последний уровень крепости.

14

Несколько испуганных стражников «Единства» бежали к ним, неумело таща бластерное оружие для установки.

Баррис выстрелил, из–за его спины другие лучи ударили по оружию противника. Крыша коридора растворилась, облака сажи окутали всех. Баррис двигался вперед, теперь от оружия стражников остались одни обломки. Охрана «Единства» была отброшена.

— Бригады минеров, — коротко сказал Баррис.

Команда минеров продвигалась вперед, выпуская свои присасывающиеся мины, которые скачками направлялись к отступающей охране. При их виде стражники дрогнули и побежали. Мины взрывались и языки огня ударялись о стены.

— Туда, — сказал Баррис и, пригнувшись, помчался по коридору, крепко схватив работающую на расстоянии бомбу. За поворотом стражники закрывали мощную переборку.

— Взять их! — крикнул Баррис.

Филдс бежал за ним, несясь огромными шагами на своих длинных ногах, а его руки ходили, как

крылья ветряной мельницы. Он стрельнул и луч прочертил пепельную полосу на поверхности переборки. Части механизмов в хаотическом кружении взлетели на воздух. Но за перегородкой отряд «Единства» поставил более мобильное орудие. Несколько «молотов» вились над из головами, выкрикивая инструкции.

В сопровождении Филдса Баррис добрался до переборки. Их люди толпились за ними, стремясь к узкому пролому. Один «молот» поднялся и поплыл на Барриса, который, заметив металлические блестящие глаза и хватающие клешни, смел его попаданием теплового луча.

Сам Филдс сидел на полу около края переборки. Его опытные пальцы прослеживали систему подачи импульсов. Вдруг — неожиданная вспышка. Переборка задрожала и приоткрылась. Баррис надавил на нее всем своим весом. Она поддалась и постепенно скользнула назад, оставляя увеличивающуюся брешь.

— Входите, — приказал Баррис.

Его люди лавиной повалили вперед, сметая баррикаду, поспешно воздвигнутую стражей «Единства«. «Молоты» бешено кидались на них, ударяясь об их головы.

Вытесненный вперед Баррис огляделся. Не-

сколько коридоров уходили в разных направлениях. Он колебался.

— Смогу ли я это сделать? — спросил он сам себя.

Продолжая глубоко и беспокойно дышать, он помчался, удаляясь от Филдса и солдат, по боковому коридору. Звуки схватки затихали по мере его удаления вверх по коридору. Очередная дверь автоматически закрылась перед ним. Когда она закрылась, он замедлил бег и пошел, тяжело дыша.

Некоторое время спустя он все еще энергично шел по проходу, в тишине и отдалении от оживленной суеты. Он подошел к лифту, остановился и нажал кнопку. Двери тут же открылись и он зашел в него. Баррис направился наверх.

Это единственный путь, сказал он себе. Он пытался сохранять спокойствие, пока лифт уносил его все дальше и дальше от «Вулкана–3» и сцены боевых действий. Ни одно прямое нападение не увенчается успехом.

На самом верхнем уровне он остановился и вышел.

Группа переговаривающихся служащих «Единства» стояла неподалеку. Ни клерки, ни должностные лица, ни одетые в серое мужчины

и женщины не обратили на него внимания. Он увидел ряд дверей и, не останавливаясь, пошел дальше. В конце концов он вошел в фойе, из которого выходили несколько коридоров. За турникетом сидел неработающий робот. Его способности были никому не нужны. В присутствии Барриса он зажегся.

— Пропуск, сэр, — произнес он.

— Директор, — сказал Баррис, указывая на нашивку.

Проход перед ним оставался закрытым.

— Вход на эту территорию ограничен, — сказал робот. — Чем вы занимаетесь и кто позволил вам входить сюда?

— Мое положение позволило, — строго сказал Баррис. — Открой, это крайне важно.

Именно на его тон, а не на слова, робот обратил внимание. Турникет открылся, у робота пришел в действие отработанный механизм поведения, образец которого сложился у него за прошлые годы.

— Простите за задержку ваших неотложных дел, директор, — сказал робот и тут же отключился.

Опять спать, подумал Баррис. Он шел до тех пор, пока не приблизился к скоростному спуску.

Не раздумывая, он ступил на него и рванувшаяся лестница понесла его обратно вниз, к нижнему уровню «Вулкана–3».

Несколько охранников стояли в коридоре, в который спустился Баррис. Они внимательно взглянули на него и застыли. Затем один из них скривился, и его рука потянулась к поясу.

Выхватив свой лучевой карандаш, Баррис выстрелил. Обезглавленный охранник завалился на бок, а другие застыли, не веря своим глазам.

— Предатель, — сказал Баррис, — прямо здесь, среди нас.

Охранники глазели на него.

— Где директор Рейнольдс? — спросил Баррис.

— В шестом офисе, — сглотнув, сказал один из охранников. Указав направление, он склонился над останками своего товарища, другие тоже столпились рядом.

— Вы можете вынести его отсюда, предварительно обыскав.

— Да, сэр, если вы подождете здесь, — пробормотал один из охранников.

— Ждать здесь, к черту! — крикнул Баррис. — Вы что, хотите стоять здесь до тех пор, пока они не ворвутся и не вырежут всех нас? Вы знаете, что они прорвались в двух местах, применив

буровые установки?

Пока охранники, заикаясь, пытались что–то промямлить в ответ, он повернулся и зашагал в указанном направлении.

Ни один служащий «Единства» не будет спорить с директором. Это может стоить работы. Или, как в этом случае, жизни. Как только стражники исчезли из виду, он свернул на хорошо освещенную, важную артерию. Пол у него под ногами гудел и вибрировал. Продвигаясь по ней, он чувствовал увеличение активности.

Теперь он подходил все ближе и ближе к «Вулкану–3» — он был где–то рядом. Проход внезапно повернул направо. Баррис пошел по нему дальше и оказался лицом к лицу с молодым служащим Т–класса и двумя охранниками. Все трое были вооружены. Они толкали тележки с перфолентами. Он определил эти карты, как средство для введения информации в компьютер. Значит, это служащий из службы обеспечения информацией.

— Кто вы? — спросил Баррис раньше, чем служащий смог открыть рот. — На каком основании вы находитесь на этой территории? Предъявите письменное разрешение.

— Меня зовут Ларсон, директор, — ответил

молодой служащий. — Я подчинялся непосредственно Язону Диллу.

Изучая Барриса, он уважительно улыбнулся и сказал:

— Я несколько раз видел вас с мистером Диллом, сэр, когда вы участвовали в реконструкции «Вулкана–2».

— Думаю, и я запомню вас, — сказал Баррис.

Толкая тележку вперед, Ларсон произнес:

— Мне необходимо немедленно ввести эту информацию в «Вулкан–3». С вашего позволения я пойду с вами. Как идет бой на поверхности? Кое–кто говорит, что они прорвались. Я слышал сильный шум. — Четко проинструктированный, озадаченный только своими обязанностями, Ларсон продолжал: — Удивительно, насколько активен сейчас «Вулкан–3» после многомесячной пассивности. Он наделал довольно много оружия, чтобы урегулировать ситуацию.

Проницательно глянув на Барриса, он спросил:

— Не этот ли Рейнольдс метит стать генеральным Директором? То, как он загнал Дилла и каким образом разоблачили различные…

Он остановился для того, чтобы набрать код мощной двери. Дверь открылась.

Перед Баррисом предстала огромная комната.

В дальнем конце он увидел совершенно пустую металлическую стену, — часть чего–то, что входило в структуру здания. Он увидел это мельком, как фрагмент.

— Это здесь, — сказал ему Ларсон. — Тут так мирно по сравнению с тем, что творится на поверхности. Вы, наверное, не знаете, что компьютер что–то делает для организации действий против Исцелителей, все указания исходят от него.

Он и его охрана толкнули тележку с перфокартами вперед.

— Хотите подойти ближе? — спросил Ларсон у Барриса, желая блеснуть своими знаниями в столь важном деле. — Вы можете посмотреть, как вводится информация. Это довольно интересно.

Пройдя мимо Барриса, Ларсон начал расправлять карты. Охрана помогала ему. Стоя позади всех, Баррис залез в пиджак, где пальцы сжали предмет размером с луковицу.

Выхватив бомбу, он заметил блестящего металлического «клопа» на рукаве Ларсона, он прицелился туда. Какое–то время Баррис думал, что это насекомое — некая форма жизни, которая забралась на рукав еще на поверхности, в лесу.

Блестящий металлический «клоп» взлетел.

Баррис услышал визг высокой частоты, когда «жук» пролетал мимо. И тогда он понял, что это крошечный «молот», замаскированный под клопа и предназначенный для наблюдений.

Увидев, что Баррис уставился на «клопа», Ларсон сказал:

— Еще один. Уже был один, который провисел на мне весь день. Они цепляются на рабочие костюмы. «Вулкан–3» использует их для передачи информации. Я их и раньше видел в округе.

От крошечного «молота» исходил, вызывающий головную боль, писк, обращенный к двум охранникам:

— ОСТАНОВИТЕ ЕГО! ОСТАНОВИТЕ ЕГО НЕМЕДЛЕННО!

Ларсон изумленно заморгал.

Держа бомбу, Баррис широкими шагами подошел к «Вулкану–3». Он не бежал, он шел быстро и уверенно.

— ОСТАНОВИ ЕГО, ЛАРСЕН! — приказывал «молот». — ОН ХОЧЕТ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ! УБЕРИ ЕГО ОТ МЕНЯ!

Сжав бомбу сильнее, Баррис побежал.

В него выстрелили. Баррис пригнулся и продолжал бежать, петляя из стороны в сторону.

— ЕСЛИ ВЫ ДАДИТЕ ЕМУ УНИЧТОЖИТЬ МЕНЯ

— ВЫ УНИЧТОЖИТЕ ВЕСЬ МИР!

Другой крошечный «молот» появился перед Баррисом. Танцуя в воздухе, он пищал:

— ПСИХ!

Из других частей комнаты в его адрес неслись оскорбления:

— МОНСТР!

Снова тепловой луч пронесся мимо него. Он упал и, выхватив свое оружие, повернулся и выстрелил. Мельком он увидел, что Ларсон и два охранника растерянно стреляли в него и при этом старались не попасть в стену «Вулкана–3».

Своим выстрелом Баррис попал в одного из охранников, который тут же вспыхнул и, корчась, упал.

— СЛУШАЙ МЕНЯ! — пищал «молот» прямо в лицо Баррису.

В ярости «молот» набросился на него, но промахнулся и разбился вдребезги о пол, рассыпавшись на детали. В этот момент появился другой «молот».

— ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ, УБЕЙТЕ ЕГО, НАЧАЛЬНИК ИНФОРМАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ! ОН УБИВАЕТ МЕНЯ!

Как только «молот» подлетел к нему, Баррис выстрелил в него из своего лучевого карандаша.

Он не видел, как этот оказался в комнате. Только поврежденный «молот» оказался на полу, как изо всех сил стал пробираться к Баррису и кричать:

— МЫ МОЖЕМ ДОГОВОРИТЬСЯ! МЫ МОЖЕМ ПРИЙТИ К СОГЛАШЕНИЮ!

Баррис бежал и бежал.

— ЭТО МОЖНО УЛАДИТЬ ПУТЕМ ПЕРЕГОВОРОВ! НЕТ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ НЕСОГЛАСИЯ!

Подняв руку, он швырнул бомбу.

— БАРРИС! БАРРИС! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ…

Слабо хлопнул запал и Баррис кинулся на пол, прикрыв лицо руками. Его окутало светом, подхватило и унесло прочь.

Я достал его, подумал он. Мне удалось!

Ужасный горячий ветер сносил его прочь. Он скользил по полу между обломками и другим хламом, разбросанным вокруг. Перед ним была какая–то поверхность. Он сжался, как мог, и чудом проскользнул по ней. Он несся дальше, проваливаясь во мрак, уносимый потоком жары.

Его последней мыслью было: «Игра стоила свеч. «Вулкан–3» мертв».

Отец Филдс сидел, наблюдая за «молотами», кружащими в бесцельном полете, а затем по спирали рухнувшими на пол. Тихо падая один за одним, «молоты» валились на пол и замирали.

Безжизненные кучи металла и пластика — и ничего больше.

Поднявшись на ноги, он, шатаясь, подошел к четырем корпусным медикам.

— Как он? — спросил Филдс.

Не поднимая глаз, один из них сказал:

— Мы кое–что смогли сделать. Была сильно повреждена его грудная клетка. Мы подключили его к внешней сердечно–легочной системе и она оказывает своевременную помощь.

Полуавтоматический хирургический аппарат двигался вдоль тела Барриса, исследуя и оказывая помощь. Казалось, что с грудной клеткой успешно закончено. Теперь внимание переключилось на его сломанное плечо.

— Нам понадобится иммобилизующая повязка, — проговорил один из медиков. — Но у нас нет ничего с собой. Его необходимо доставить обратно в Женеву.

— Отлично, — сказал Филдс. — Приготовьте его.

Носилки скользнули под Барриса и начали поднимать его.

— Это предатель, — раздался голос за спиной Филдса.

Он повернул голову и увидел директора Рей-

нольдса. Тот стоял рядом, уставившись на Барриса. Его одежда была разорвана, а над левым глазом зияла глубокая рана.

— Вы больше не занимаете свой пост, — отчеканил Филдс.

— И вы тоже, — с горечью сказал Рейнольдс. — Чем становится ваш крестовый поход теперь, когда «Вулкан–3» уничтожен? Вы можете предложить какие–нибудь конструктивные программы?

— Время покажет, — ответил Филдс. Он пошел за носилками, несущими Барриса по подъему к ожидавшему их кораблю.

— Вы сделали все отлично, — наклонился к Баррису Филдс. Он зажег сигарету и вставил ее в раздвинутые губы раненого. — Лучше не разговаривайте. Эти хирургические роботы все еще суетятся около вас. — Он указал на тех, что работали над разбитым плечом.

— От «Вулкана–3»… какие–то работающие компоненты… — слабо пробормотал Баррис.

— Кое–что уцелело, — кивнул Филдс. — Достаточно для ваших целей. Вы можете складывать и вычитать, используя то, что осталось.

Заметив тревогу на его пострадавшем лице, он сказал:

— Я шучу, осталось очень много, не беспокойтесь. Можно собрать те части, которые вам понадобятся. Если хотите, я могу приложить к этому руку. Я еще кое–что могу.

— Структура «Единства» будет другой, — сказал Баррис.

— Да, — ответил Филдс.

— Мы расширим нашу базу. Мы должны.

Филдс уставился в окно корабля, проигнорировав своего собеседника. В конце концов Баррис прекратил попытки разговаривать. Его глаза закрылись. Филдс подобрал горящую сигарету, когда она выпала изо рта Барриса и скатилась на его рубашку.

— Мы поговорим позже, — промолвил он, докуривая сигарету.

Корабль гудя, летел в сторону Женевы.

Глядя на пустое небо, Филдс думал о том, как приятно, что нет этих штук вокруг. Когда умерла главная из них, умерли и все остальные. Странно осознавать, что мы видели один из последних «молотов» двигающимся, жужжащим, а теперь он валяется где–то там, внизу.

Мы срубили ствол, как выразился Баррис.

Он был прав во многом, сказал себе Филдс. Он был единственным человеком, который сумел

пройти этот путь. Противники действительно могли остановить всех нас. Атака была обречена на провал до тех пор, пока существовали эти штуки. А это могло продолжаться долго. Я не удивлюсь, если он будет прав и в остальном.

В Женевской больнице Баррис полусидел на подложенных под спину подушках лицом к Филдсу.

— Какую информацию вы можете мне дать по поводу останков? — спросил он. — У меня туманные воспоминания о поездке сюда. Вы говорите, что большинство элементов памяти уцелело?

— Вы так стремитесь восстановить ее, — сказал Филдс.

— Только как инструмент, — ответил Баррис, — не как хозяина. Мы так договорились. Вы обязаны разрешить продолжение рационального использования машины. Но мы должны исключить связь между машиной и вашим Движением.

Филдс кивнул.

— Если вы действительно думаете, что сможете удержать контроль в нужных руках, в наших руках, я не возражаю против подобных машин. Кстати, я очень любил «Вулкан–2».

— Кстати, — заметил Баррис, — вы уничтожили его.

Они прониклись уважением друг к другу.

— Я буду держаться в стороне от управления компьютером, — сказал Филдс. — Это будет справедливо. Вы добрались туда и взорвали эту штуку. Я допускаю подобную ситуацию.

Баррис засопел, но ничего не сказал.

— Вы положите конец технократической культуре? — спросил Филдс. — Вы оставите технократию только для специалистов. Я так чертовски устал от всего этого. Вспомните об умельцах типа каменщиков, трубопрокладчиков, словом о всех тех, кто работает руками… — Он запнулся. — Я устал от презрения к этим людям.

— Я не осуждаю вас, — возразил Баррис.

— Мы будем сотрудничать, — продолжил Филдс. — С вами — священниками в сером — как мы называли вас в своих памфлетах. Но берегитесь! Если аристократия логарифмических линеек, пастельных галстуков и полированных туфель снова начнет прибирать все к рукам… — Он указал на улицу. — Вы опять услышите о нас.

— Не угрожайте мне, — тихо сказал Баррис.

— Я не угрожаю вам, я указываю вам на факты. Если нас исключают из правящей элиты, — Филдс покраснел, — зачем нам сотрудничать?

Снова воцарилось молчание.

— Что вы хотите сделать с Атлантой? — спросил наконец Баррис.

— Мы придем к соглашению по этому вопросу, — ответил Филдс. Его сигарета выпала, наклонившись, он нашел ее и смял. — Я хочу, чтобы она была уничтожена до основания. Чтобы там стало пастбище для коров. И много деревьев.

— Согласен, — сказал Баррис.

— Может ли Рашель войти сюда? — спросил Филдс. — Она хотела бы поговорить с вами. Наверное, хочет, чтобы вы привлекли к суду Таубмана за то клеветническое письмо, направленное против вас, за которое обвинили ее. — Он поколебался. — Хотите знать мое мнение?

— О'кей, — кивнул Баррис.

— Я полагаю, что должна быть амнистия. Нужно закончить это дело раз и навсегда. Независимо от того, сохраним ли мы Таубмана или выбросим его из системы, давайте покончим с обвинениями, даже правдивыми.

— Это подозрение, — сказал Филдс.

— У нас еще много дел. Многое придется перестраивать. Есть к чему приложить руки.

— Слишком плохо то, что Язон Дилл не может предупредить нас, — сказал Баррис.

— Он бы наслаждался выпуском директоров и

публичными презентациями по реконструкции.

Внезапно он добавил:

— Вы работали на «Вулкане–2», и Дилл работал на «Вулкане–2». Вы оба проводили его политику по отношению к «Вулкану–3». Полагаете ли вы, что «Вулкан–2» относился ревниво к «Вулкану–3»? Они были техническими конструкциями, но можно предположить, что у них были тенденции двух соперничающих сущностей — желание избавиться от конкурента. И каждая из сторон собирала единомышленников, если следовать вашему анализу…

— «Вулкан–2» выиграл, — сказал Баррис.

— Да, — кивнул Филдс. — Он или оно собрало нас на своей стороне — против «Вулкана–3». — Он отрывисто рассмеялся. — Логика «Вулкана–3» была верна: это был всемирный заговор, направленный против него. И, чтобы сохранить себя, ему надо было изобретать, развивать и производить оружие. И все же он был уничтожен. Его подозрение основывалось на фактах.

Как и все остальное «Единство», подумал Баррис. «Вулкан–3», подобно мне и Диллу, Рашель Питт и Таубману — все были вовлечены во взаимные обвинения и подозрения. Это почти патологическая система…

— Пешки, — заговорил Филдс, — мы, люди, были пешками этих двух машин. Они играли нами, как неодушевленными предметами. Вещи оживали, а живые организмы низводились до положения вещей. Все было вывернуто наизнанку, подобно какому–то ужасному виду реальности.

Стоя в дверях больничной палаты, Рашель Питт сказала низким голосом:

— Я надеюсь, мы сможем избавиться от этого зловещего вида. — Смущенно улыбаясь, она направилась к Баррису и отцу. — Я не хочу возбуждать какого–либо дела против Таубмана. Я отказываюсь от этого.

Сама, подумал Баррис, или учитывая мнения других людей. Но он промолчал.

— Какое время, вы полагаете, это займет? — спросил Филдс, пристально глядя на Барриса. — Действительная реконструкция не зданий, не дорог, а умов? Недоверие и подозрительность внушались нам с детства, все это существовало в школах. «Единство» уничтожало личность. Мы не можем поменять все за одну ночь.

Он прав, подумал Баррис. Будет нелегко. И это займет много времени. Возможно, сменятся поколения. Но, по крайней мере, все живое выжило, а механизмы — нет. Это был хороший знак, шаг в

верном направлении.

Рашель Питт, улыбаясь менее застенчиво, подошла к Баррису. Она наклонилась и ободряюще коснулась пластиковой пленки, покрывающей его плечо.

— Я надеюсь, ты скоро выздоровеешь, — сказала она.

Он посчитал это добрым знаком.

Человек в Высоком Замке

Глава 1

Целую неделю мистер Чилдэн дожидался ценной бандероли из Штатов Скалистых Гор. В пятницу утром, отворив дверь магазина и так и не обнаружив извещения среди лежащих под щелью для почты писем, он подумал: «Предстоит неприятный разговор с заказчиком». Встроенный в стену автомат за пятицентовик налил ему чашку растворимого чая. Напившись, Чилдэн взял швабру и тряпку, и вскоре магазин «Художественные промыслы Америки» был готов к приему посетителей: все вокруг сияло чистотой, в цветочной вазе красовались свежие ноготки, по радио звучала спокойная музыка.

Чилдэн постоял в дверях, посмотрел на клерков, спешивших по тротуарам Монтгомери–стрит в свои учреждения, полюбовался проносившимся над крышами вагончиком канатной дороги. Поглазел и на женщин в длинных цветастых платьях…

На прилавке зазвонил телефон. Чилдэн вернулся в зал, взял трубку и, услышав знакомый голос, помрачнел.

— Алло? Это мистер Тагоми. Сэр, я беспокою

вас насчет вербовочного плаката времен Гражданской войны, обещанного вами на прошлой неделе. Скажите, он еще не прибыл? — Голос звучал нервно, отрывисто. Чувствовалось, что Тагоми сдерживается с трудом. — Разве я не уплатил задатка, как вы настаивали? Поймите, мне самому плакат не нужен, он предназначен в подарок. Я ведь это уже объяснял, сэр.

— Уважаемый мистер Тагоми, — сбивчиво заговорил Чилдэн, — я постоянно направляю на почту запросы, оплачивая их из собственного кармана, но, видите ли, поставщик живет за пределами ТША, и следовательно…

— Значит, плаката у вас нет? — перебил Тагоми.

— Увы, мистер Тагоми.

— Я больше не могу ждать, — прозвучало после долгой паузы.

— Понимаю, сэр. — Чилдэн угрюмо разглядывал залитые теплым солнцем вывески учреждений на противоположной стороне улицы.

— Ну что ж… Вы можете предложить что–нибудь взамен, мистер Чилдан? — Тагоми намеренно исказил его фамилию, это было оскорблением в вежливой форме.

Чилдэн покраснел до корней волос. Вот она,

горькая участь его соотечественников! Одно язвительное слово — и в душе Роберта Чилдэна просыпаются легионы чувств: страх, мука, сдерживаемые страсти — и обуревают его, мешая думать, не позволяя говорить.

Он переступил с ноги на ногу и судорожно сжал телефонную трубку. В магазине все было по–прежнему: пахло ноготками, тихо звучала музыка — но казалось, будто его уносит в открытое море.

— Да… — с трудом произнес Чилдэн. — Маслобойку. А также аппарат для приготовления мороженого, выпущенный в тысяча девятисотом году или около того… — Мысли путались. Если бы он мог забыть обо всем, если бы он мог стать полным идиотом! Ему было тридцать восемь, он помнил иные, довоенные времена, Франклина Рузвельта, Всемирную выставку — короче говоря, добрый старый мир. — Если не возражаете, я доставлю кое–какие вещицы к вам на работу.

Тагоми назначил встречу на два часа. Вешая трубку, Чилдэн с досадой подумал, что магазин придется закрыть. Но выбора не было — такими клиентами, как Тагоми, не разбрасываются.

Пока Чилдэн пытался совладать с нервами, в магазин вошли юноша и девушка. Красивые,

хорошо одетые — идеальные покупатели. Он улыбнулся и направился к ним профессионально–бодрой походкой. Посетители рассматривали сквозь стекло прилавка изящную пепельницу. «Молодожены, — решил Чилдэн, — наверное, живут в Городе Клубящихся Туманов, в одной из очень дорогих квартир Скайлайна с видом на Белмонт».

— Доброе утро, — поклонился он.

В улыбках этих людей не было превосходства — только приветливость. Его товары — а лучшего выбора не найдешь ни у кого на всем побережье — привели посетителей в восхищение. Чилдэн был благодарен, и это не укрылось от них.

— У вас отличные вещи, сэр, — сказал молодой человек.

Чилдэн вновь поклонился.

Во взглядах молодых людей он заметил не только нежность друг к другу, но и благоговение перед выставленными в «Художественных промыслах» произведениями искусства. Это благодаря его трудам они могли взять с прилавка то или иное изделие и повертеть в руках, даже если не собирались ничего покупать.

«Да, они понимают, где находятся, — подумал Чилдэн. — Здесь им не попытаются всучить

какой–нибудь мусор, наподобие дощечки с надписью «Вереск, округ Марин, ТША“, дурацкого значка, девичьего колечка или открытки с видом на мост Золотые Ворота. Какие необыкновенные глаза у девушки — огромные, темные… Черные волосы, уложенные в модную прическу, маникюр, в ушах — продолговатые медные сережки ручной работы… С какой легкостью я бы влюбился в такую красавицу! И какой тяжелой стала бы моя жизнь, и без того не сладкая».

— Скажите, вы не здесь покупали серьги? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Дома.

Чилдэн кивнул. Да, в его магазине никогда не выставлялись современные изделия, только предметы старины.

— Надолго к нам в Сан–Франциско?

— Пока не знаю, — ответил мужчина. — Как решит Плановая комиссия по повышению жизненного уровня пострадавших территорий.

«Гордится своей работой. Он не военный — ничего общего с жадными мужланами в форме, которые шляются по Маркет–стрит, жуют жвачку, перебираются из тира на порнофильм, из кино в дешевый ночной клуб, таращатся на фотоснимки увядших блондинок, которые мор-

щинистыми пальцами приподнимают груди за соски и кривляются… Сколько таких притонов среди трущоб окраинных кварталов Фриско, в бараках, сколоченных из гнилых досок и ржавой жести еще до того, как упала последняя бомба… Нет, этот парень из элиты, воспитанный, образованный. Рядом с ним даже Тагоми покажется простолюдином, а ведь он — высокопоставленный чиновник Торгового представительства на Тихоокеанском побережье. Но Тагоми стар, его взгляды сформировались еще в годы правления Военного Кабинета».

— Если желаете выбрать что–нибудь в подарок, могу предложить несколько раритетов, изготовленных представителями этнических меньшинств, — сказал Чилдэн. — А может быть, вы подбираете обстановку для квартиры? — От этой мысли в нем проснулся азарт.

— Вы угадали, — подтвердила девушка. — Мы хотим украсить нашу новую квартиру, но не совсем представляем как. Не могли бы вы нам помочь?

— К вашим услугам, — поклонился Чилдэн. — Я подберу вам кое–что, и мы вместе посмотрим, подойдет ли это к интерьеру квартиры. — Он опустил глаза, чтобы не выдать волнения — тут

пахло тысячами. — Со дня на день к нам должен поступить стол из Новой Англии — кленовый, на шипах, без единого гвоздя — красивейшая, скажу вам, вещь! А еще французское зеркало поры наполеоновских войн. Кроме того, образцы искусства аборигенов — коврики из козьей шерсти, выкрашенные натуральными красителями…

— Лично мне ближе городское искусство, — перебил мужчина.

— Да? — оживился Чилдэн. — В таком случае, сэр, могу предложить стенное украшение эпохи «Нового курса» — деревянное панно из четырех секций с портретом Горация Грили.[1] Это подлинник — бесценная находка для любого коллекционера…

— О! — Темные глаза молодого человека заблестели.

— Бюро викторианской эпохи, переделанное в бар в двенадцатом году.

— О!

— И еще, сэр: фотография Джин Харлоу[2] в рам-

---

[1] Примечания: 1

Гораций Грили (1811–1872) — американский писатель, публицист, политик. В 1872 году баллотировался на пост президента США от партии либеральных республиканцев. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Примечания: 2

Джин Харлоу — американская кинозвезда 30–х годов.

ке, с автографом.

Молодой человек смотрел на продавца с нескрываемым восхищением.

— Думаю, мы договоримся. — Чилдэн почувствовал, что достаточно заинтересовал посетителей. Он достал из внутреннего кармана пиджака ручку и записную книжку. — Если позволите, я запишу ваши имена и адрес.

Проводив молодоженов до дверей, Чилдэн еще некоторое время, размышляя, глядел на улицу. Вот уж повезло так повезло! Если бы все дни были похожи на этот! Магазин для него не просто бизнес, а отдушина. Где еще можно вот так запросто познакомиться с молодой японской парой, причем чувствовать себя рядом с ними не убогим янки или в лучшем случае торговцем поделками, а полноценным человеком? Да, только на них и может надеяться мир, на юное поколение, которое не помнит войны.

«Всему когда–нибудь приходит конец, — рассуждал он. — Исчезнут национальности, исчезнут завоеватели и покоренные, останутся только люди».

И все же Чилдэн не мог без волнения представить, как постучит к ним в дверь. Он заглянул в записную книжку. Семья Казоура. Его наверняка

пригласят к столу, предложат чаю. Только бы не дать маху, только бы не показаться бестактным!.. «Девушку зовут Бетти. Какое выразительное лицо! — мечтательно думал он. — А глаза — такие умные, милые!»

Мечты… У него закружилась голова. Они безумны, если не сказать пагубны! Известны случаи связи японцев и янки. Японца и женщины–янки. А здесь…

Даже подумать об этом страшно. Кроме того, она замужем. Он постарался выбросить Бетти из головы и занялся разборкой почты. Прошло полчаса, а руки все еще дрожали. Но едва Чилдэн вспомнил о предстоящей встрече с Тагоми, как дрожь унялась, волнение сменилось решимостью. «Надо подобрать что–нибудь подходящее. Но что?»

Телефон. Поставщики. Связи. Взять полностью отреставрированный черный «форд» с матерчатой крышей «большой шлем» двадцать девятого года выпуска — за это поставщик будет твой навеки. Или трехмоторный почтовый самолет, разобранный и в смазке, прекрасно сохранившийся в сарае алабамского фермера. Показать мумифицированную голову мистера Буффало Билла с волнистыми светлыми волосами —

«американскую сенсацию». «Сэр, у меня лучшая репутация на всем Тихом океане, даже на Родных островах. Не верите — спросите любого ценителя искусства».

Чтобы лучше работал мозг, он закурил сигарету с марихуаной превосходного сорта «страна улыбок».

* * *

В своей каморке на Хэйес–стрит Фрэнк Фринк заставлял себя подняться с кровати. Сквозь жалюзи на одежду, грудой валявшуюся на полу, падали солнечные лучи, сверху поблескивали стеклышки его очков. «Не наступить бы, — вяло подумал Фрэнк. — Надо вставать, идти в ванную… Может, лучше ползком? Или покатиться?»

У него болела голова, но в душе не было ни капли сожаления. «Уходя — уходи, — сказал он себе. — Сколько времени? — Часы лежали на туалетном столике. — Половина двенадцатого, ничего себе!»

Фрэнк не вставал.

«Вот и выперли», — подумал он.

Вчера на фабрике он, конечно, перегнул палку. Не стоило распускать язык перед Уиндэмом–Мэтсоном, обладателем рыхлой физиономии с сократовским носом, кольца с бриллиантом

и золотой «молнии» на брюках. Одним словом — власти. Трона. В голове у Фрэнка гудело, мысли путались.

«Да, теперь я в черном списке. Безработный. Квалификация, пятнадцатилетний стаж — все псу под хвост».

Придется идти с жалобой в Комиссию по делам рабочих. Фрэнк не замечал, чтобы Уиндэм–Мэтсон водил дружбу с «буратино» — белым марионеточным правительством Сакраменто, — а потому надеялся, что его бывший работодатель не пользуется авторитетом у подлинных хозяев, у японцев. КДР подконтрольна «буратино». Обратившись туда, он предстанет перед четырьмя–пятью белыми упитанными подонками средних лет, вроде Уиндэма–Мэтсона. Если он не добьется справедливости в Комиссии, можно пожаловаться в одно из токийских Торгпредств — они есть в Калифорнии, Орегоне, Вайоминге и той части Невады, которая принадлежит Тихоокеанским Штатам. Но ежели и оттуда он уйдет несолоно хлебавши…

Фрэнк лежал и рассматривал ветхую люстру под потолком. В голове возникали и рушились планы, один нелепее другого.

Можно, например, перебраться в Штаты Скали-

стых Гор — это проще простого. Но где гарантии, что тамошние власти не выдадут его ТША? Нет никакой гарантии. А если махнуть на Юг? Бр–р! Что угодно, только не на Юг. Белому человеку, конечно, там привольнее, чем в ТША. Но… «В гробу я видел такое приволье!» — мрачно подумал Фрэнк.

Юг имел одну неприятную особенность. Он тысячами уз — экономических, идеологических и еще бог знает каких — был связан с рейхом.

А Фрэнк Фринк был еврей. По–настоящему его звали Фрэнк Финк. Он родился на восточном побережье, в Нью–Йорке. В тысяча девятьсот сорок первом году, сразу после разгрома России, был призван в армию. Когда японцы захватили Гавайские острова, его перебросили на западное побережье Соединенных Штатов Америки. Конец войны застал его на территории, отошедшей к Японии, где он и жил последние пятнадцать лет.

В сорок седьмом, в день капитуляции, он чуть не спятил. Поклялся отомстить проклятым япошкам и закопал в подвале дома свою винтовку. Любовно смазанная и обмотанная ветошью, она по сей день ждет часа, когда Фрэнк и его однополчане поднимут восстание.

В сорок седьмом ему было невдомек, что время

— великий лекарь. Ныне, если он и вспоминал о своих давних мечтах устроить варфоломеевскую ночь и вырезать ненавистных «буратино» и их хозяев, то у него возникало чувство, словно он листает дневник школьной поры: вот Фрэнк собирается стать палеонтологом, а вот — дает себе слово жениться на Норме Праут, самой красивой девчонке в классе. Черт побери, сколько воды утекло с тех пор, как он вел дневник, слушал пластинки Фрэда Аллена и смотрел фильмы с участием Филдса![3] Со дня капитуляции он имел дело с тысячами японцев и никому из них не причинил вреда. Да и глупо думать о мести через пятнадцать лет. Впрочем, был один тип, которому Фрэнк с удовольствием перегрыз бы глотку. Омуро, его бывший квартирный хозяин. В начале пятидесятых, во время кризиса, он скупил жилье в центре Фриско и показал себя настоящей акулой: делил комнаты на крошечные клетушки, взвинчивал квартирную плату и ни разу не делал ремонта. Особенно сильно это ударяло по карману бывших военнослужащих, которым было труднее всех найти работу. Спасибо японскому Торгпредству — его чиновники судили Омуро за

[3] Примечания: 3

Филдс — псевдоним американского комика Уильяма Клода Дьюкефилда.

спекуляцию и отрубили ему голову. Зато теперь ни один делец не осмеливается нарушить суровый, но справедливый японский Гражданский кодекс. В этом заслуга нынешних оккупационных властей, пришедших на смену Военному Кабинету.

Мысль о кристальной честности служащих Торгпредства придала Фрэнку уверенности. Им наплевать, что Уиндэм–Мэтсон — глава «Корпорации У–М», для них главное — справедливость. «Кажется, я начинаю верить в эту муру насчет Сопроцветания Тихоокеанского Содружества, — подумал он. — Странно, в первые годы это казалось пустой болтовней, очередной фальшивкой. А сейчас…»

Фрэнк заставил себя подняться и поплелся в ванную. Пока он стоял под душем, по радио передавали новости.

— *Не надо осмеивать эти попытки*, — произнесла дикторша, когда он отключил горячую воду.

«Не будем», — мрачно подумал Фрэнк. Он знал, о чем идет речь, и все же улыбнулся, представив себе, как бесстрастные, неулыбчивые немцы шагают по красным пескам Марса.

— Gott, Herr Kreisleiter. Ist dies vielleicht der Ort

wo man das Konzentrationslager bilden rann? Das Wetter ist so schon Heiss, aber doch schon…[4] — бормотал он, намыливая щеки.

— *Цивилизация Содружества должна сделать окончательный выбор: либо дальнейшие шаги к установлению равных для всех стран прав и обязанностей, либо…*

«Типичный жаргон правящей верхушки», — поморщился Фрэнк.

— *Мы прекрасно понимаем, что ареной, где будут вершиться судьбы всех рас — арийской, японской, негроидной…* — и дальше в том же духе.

— У нас погодка благодать, ну просто schon.[5] Жаль только, нечем нам дышать… — весело мурлыкал он, одеваясь.

Но факт остается фактом: Тихоокеания практически не участвует в колонизации планет. Она занята, а вернее — завязла в Южной Америке. Пока немцы одну за другой запускали в космос огромные автоматические станции, японцы вы-

---

[4] Примечания: 4

Боже мой, господин Крайслейтер! Да разве здесь не идеальное место для концлагеря? И погода замечательная. Жарко, правда, но все равно хорошо… *(нем.)*

[5] Примечания: 5

Прекрасная *(нем.)*.

жигали сельву в Бразилии и возводили жилые кварталы для бывших охотников за черепами. К тому времени, когда стартует первый японский космический корабль, наци приберут к рукам всю Солнечную систему. В старых учебниках истории было написано, что Германия опоздала к разделу мира. Немцы спохватились, когда другие страны Европы дорисовывали карты своих колониальных империй. «На этот раз они не согласятся плестись в хвосте, — размышлял Фрэнк. — Немцы — хорошие ученики».

Потом ему вспомнилась Африка и проводимый там нацистами эксперимент. От этих мыслей кровь стыла в жилах.

Опустошенный, обезлюдевший материк…

— Однако мы с гордостью можем утверждать, что наше стремление удовлетворить первоочередные материальные и духовные потребности каждого человека…

Фрэнк не выдержал и выключил радио. Но, немного успокоившись, включил снова.

«Заповеди Христа — на свалку», — подумал он. Африка. Призраки умерщвленных туземцев — целые племена стерты с лица Земли… Зачем? Этого никто не знал. Возможно, даже «архитекторы» в Берлине не знали.

Нация роботов. Роботов–покорителей и преобразователей природы, роботов–строителей. Строители? Перемалыватели — вот они кто!

Великаны–людоеды, сбежавшие из палеонтологического музея, промышляющие выделкой чаш из черепов. Прежде всего мозг — он годится в пищу, затем череп, превосходный материал для кухонной утвари. И так далее. Какая бережливость: сожрать врага из его собственного черепа! Безотходное производство, лучшие в мире специалисты. Питекантропы в белых халатах, ставящие опыты в университетских лабораториях. «Герр доктор, мы нашли новое применение большому пальцу ноги. Смотрите, этот сустав подходит для зажигалки. Если герр Крупп возьмется выпускать их в достаточном количестве…»

Фрэнк содрогнулся, представив Землю под пятой недочеловека–каннибала. «Миллионы лет мы пытались убежать от него, но каннибал все равно настиг нас, и теперь он не просто враг — он владеет миром!»

— *Мы должны протестовать,* — звучал по радио нежный голос японки–дикторши, — *и мы неоднократно возражали против принесения в жертву миллионов человеческих жизней во имя безумных, бесчеловечных замыслов, когда огром-*

ные массы людей оказываются вне общества, вне закона…

«Господи! — подумал Фрэнк. — Мы называли этих кривоногих малюток желтопузыми мартышками, а ведь они строили газовые печи не чаще, чем перетапливали собственных жен на сургуч!»

— Словами всем известного западного святого [6]: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?..»

Радио замолчало. Пальцы Фрэнка застыли на узле галстука.

«Надо смириться, — сказал он себе. — Пусть даже меня занесут в черный список. Если я покину территорию протектората Японии и появлюсь на Юге или в Европе — мне конец. Придется как–нибудь договориться со стариной Уиндэмом–Мэтсоном».

С чашкой остывшего чая Фрэнк уселся на кровать и положил на колени «Книгу Перемен»1. Из кожаного футляра извлек сорок девять черенков тысячелистника и посидел минуту–другую, собираясь с мыслями.

«Как я смогу поладить с Уиндэмом–Мэтсоном?»

---

[6] Примечания: 6

«…словами всем известного западного святого…» — имеется в виду Иисус Христос. Евангелие от Матфея, 16, 26.

— написал он в блокноте, а затем перебрасывал черенки из руки в руку, пока не получил первую черту. «Шестерка». «Слабая» черта. Она исключала половину из шестидесяти четырех гексаграмм, начинающихся со сплошной — «сильной» — черты.

Умело обращаясь с черенками, Фрэнк быстро получил все шесть черт. Гексаграмма лежала перед ним. Ему не нужно было сверяться с Оракулом, чтобы узнать ее номер, и заглядывать в текст — Фрэнк помнил его наизусть. Гексаграмма пятнадцатая, «Смирение». Афоризмы к ней гласили: «Смирение. Развитие. Благородному человеку предстоит свершение». Оракул давал дельный совет.

Все же Фрэнк был чуточку разочарован.

Было что–то беззубое в пятнадцатой гексаграмме, слишком благочестивое. Конечно, надо быть скромным — у него не осталось рычагов давления на Уиндэма–Мэтсона. Все, что он может сделать, это последовать совету гексаграммы: просить, надеяться, ждать и верить. Бог даст, его возьмут на прежнюю работу, а может, подвернется что–нибудь получше…

Смотреть афоризмы к чертам не было особой необходимости — гексаграмма была статичной.

Собравшись с духом, Фрэнк задал следующий вопрос: «Увижу ли я Джулиану вновь?»

Джулиана — его жена, точнее, бывшая жена. Она ушла год назад, и Фрэнк даже не знал, где она сейчас; наверное, уехала из Фриско, возможно, даже из Тихоокеанских Штатов. Общие знакомые ничего не слышали о ней или не хотели ему говорить.

Он углубился в манипуляции с черенками.

Сколько раз он спрашивал о Джулиане, по–разному задавая один и тот же вопрос!

Гексаграмма — порождение слепого случая, расположения цветочных черенков — тысячами нитей связывала мгновение, в котором он — частица — жил со всеми остальными мгновениями и частицами Вселенной. Сквозь рисунок прерывистых и непрерывных черт всегда находила себе путь неумолимая истина. Он, Джулиана, фабрика на Гоуф–стрит, хозяйничающие на побережье Торгпредства, исследование планет, миллионы кучек химических элементов в Африке, переставших быть даже трупами, помыслы тысяч людей в курятниках Сан–Франциско, свихнувшиеся твари с мертвыми глазами и маниакальными планами в Берлине — все соединялось, когда он бросал черенки тысячелистника, чтобы узнать мудрое

высказывание, соответствующее этому мгновению и этому вопросу. Все соединялось в книге, корни которой уходят в тридцатое столетие до нашей эры. В книге, созданной мудрецами Китая и отразившей многовековой опыт развития космологии, еще до того, как Европа научилась элементарной арифметике.

…Гексаграмма сорок четыре. Сердце его упало.

«Перечение. Сильная женщина. Не следует брать ее в жены», — гласил суровый приговор.

Все тот же ответ. «Да, она не для меня, я знаю. Но не об этом я спрашивал Оракула. Зачем ему понадобилось напоминать? Скверный выпал мне жребий: повстречать ее, влюбиться и любить до сих пор…»

Джулиана — самая красивая женщина в его жизни. Черные как смоль брови и волосы, яркие губы — испанская кровь во всем. Упругая, неслышная походка. Джулиана носила старенькие, оставшиеся со школы туфли с цветными ремешками. Вся ее одежда была застиранной, изношенной. Они долго жили в нищете, и Джулиане приходилось носить хлопчатобумажную кофточку, шерстяной жакет на молнии, коричневую твидовую юбку и коротенькие носочки. Она злилась на Фрэнка за то, что, по ее словам, всегда

выглядела так, будто собралась на теннисный корт или, того хуже, в лес по грибы.

Фрэнка, когда он впервые увидел свою будущую жену, поразило ее лицо с загадочной улыбкой Моны Лизы, сбивавшей с толку незнакомых мужчин. Обаяние Джулианы было так велико, что прохожие нередко кивали ей в ответ, принимая ее улыбку на свой счет. Сначала Фрэнк думал, что у нее слабое зрение, но в конце концов стал считать Джулиану дурой, тщательно скрывающей свою глупость. Ее походка, привычка невесть зачем приваживать мужиков, манера исчезать и появляться, храня загадочный вид, раздражали Фрэнка, но даже перед самым разрывом он видел в ней дар, ниспосланный свыше. Именно интуитивная вера в божественную сущность Джулианы не позволяла Фрэнку смириться с ее уходом. Казалось, она где–то рядом, и расстались они несколько минут назад. Казалось, тень ее бродит по комнате в поисках то одной, то другой вещи, как обычно делала Джулиана. Особенно сильным это ощущение бывало, когда он брал в руки Оракул.

«Интересно, — размышлял Фрэнк Фринк, сидя в захламленной холостяцкой квартире, — кто еще в эту самую минуту испрашивает совета у Ораку-

ла? И какой получает ответ? Неужели такой же безрадостный? Неужели и для него обстоятельства столь же неблагоприятны?..»

Глава 2

Как раз в эту минуту Нобусуке Тагоми сидел в просторном кабинете, раскрыв священную Пятую книгу конфуцианской мудрости, много веков известную под названием «Ицзин», или «Книга Перемен». Дело в том, что в полдень у него возникли опасения по поводу Чилдэна, которому он назначил встречу на два часа.

Офис Тагоми находился на двенадцатом этаже «Ниппон Таймс Билдинг» на Тэйлор–стрит. Сквозь стеклянные стены виднелись залив и мост Золотые Ворота, под которым то и дело проходили суда. Как раз сейчас за Алькатрасом шел сухогруз, но Тагоми не обращал на него внимания. Подойдя к стене, он опустил бамбуковые жалюзи. Солнце перестало слепить глаза, а главное — такой свет не мешал размышлять.

«Какую бы диковину ни принес Чилдэн, вряд ли мне удастся угодить клиенту, — подумал он. — Но, как бы там ни было, у него не возникнет причин для недовольства. Мы выберем самый лучший подарок».

До посадки в аэропорту Сан–Франциско новейшего немецкого ракетоплана «Мессершмит–

9Е», которым летел клиент, оставалось совсем немного времени. Тагоми ни разу не доводилось путешествовать на подобном лайнере, но он дал себе слово встретить Бэйнса с самим невозмутимым видом. «Надо потренироваться, — сказал он себе и, подойдя к большому зеркалу, принял холодный, скучающий вид. — «В них такой шум, мистер Бэйнс! Не почитаешь в дороге. Правда, быстро: от Стокгольма до Сан–Франциско всего сорок пять минут…» — А может, упомянуть о частых авариях немецких машин?.. «Вы слышали, по радио сообщили подробности мадагаскарской катастрофы? Все–таки самолеты с поршневыми двигателями куда надежнее…»

«И ни слова о политике, — напомнил себе Тагоми. — Когда ничего не знаешь о взглядах и убеждениях собеседника, давать волю языку опасно. А вдруг Бэйнс сам заговорит о политике? Хотя он швед, нейтрал… но сюда прибывает на ракетоплане «Люфтганзы“, а не САС.[7] Это любопытно…»

«Мистер Бэйнс, говорят, герр Борман серьезно болен, и нынешней осенью партия изберет нового рейхсканцлера. Думаете, слухи? Увы, Ти-

[7] Примечания: 7
САС — Скандинавская авиакомпания.

хоокеания и Рейх помешались на секретах».

В одной из папок, хранившихся в столе, лежала вырезка из «Нью–Йорк таймс» с недавней речью Бэйнса. Тагоми достал ее, уселся в кресло. Из–за слабых контактных линз ему приходилось читать сильно сутулясь.

В своей речи Бэйнс призывал попытаться — наверное, в девяносто восьмой раз — отыскать на Луне источник воды. «Мы в состоянии решить эту набившую оскомину проблему! — утверждал он. — А пока наша ближайшая соседка пригодна только для военных целей». «Sic![8] — мелькнуло в голове Тагоми латинское словечко, которым любят блеснуть аристократы. — Вот он, ключик к клиенту. На военных этот швед смотрит косо».

Тагоми нажал кнопку селектора:

— Мисс Эфрикян, будьте любезны, зайдите ко мне с диктофоном.

Дверь кабинета отъехала в сторону. Вошла Эфрикян, высокая армянка с каштановыми волосами. Ее прическу украшали голубые цветы.

«Сирень», — отметил Тагоми. Когда–то на родном Хоккайдо он был профессиональным садовником.

---

[8] Примечания: 8
Sic — так *(лат.)*.

Эфрикян поклонилась.

— Вы готовы?

— Да, мистер Тагоми. — Она уселась в кресло и включила диктофон.

— Я спросил у Оракула: будет ли толк от моей встречи с мистером Чилдэном? — начал Тагоми. — И получил, к моему смятению, зловещую гексаграмму «Переразвитие великого»: «Стропила прогибаются. Все неустойчиво, слишком велик вес в середине. Несомненно, удаление от Дао2».

Еле слышно шелестел диктофон. Тагоми задумался. Секретарша выжидающе посмотрела на него и нажала «паузу».

— Пожалуйста, пригласите мистера Рамсея.

— Да, мистер Тагоми. — Она положила диктофон на стол и, мягко постукивая каблучками, вышла из кабинета.

Появился улыбающийся Рамсей в ковбойке и синих джинсах в обтяжку, за которые любой стиляга, не задумываясь, отдал бы душу. На шее безукоризненно повязанный галстук–шнурок, под мышкой — папка.

— Здравствуйте, мистер Тагоми, — сказал Рамсей. — Прекрасный денек сегодня, сэр.

Тагоми отвесил поклон. Юноша вздрогнул и поклонился в ответ.

— Я решил кое о чем посоветоваться с Оракулом, — сообщил ему Тагоми, когда Эфрикян вернулась в кресло и взяла диктофон. — Как вам известно, вскоре нас посетит гость, мистер Бэйнс. В отношении традиционной культуры Востока он, по всей видимости, придерживается нордической идеологии. Можно попытаться изменить его взгляды с помощью китайской каллиграфии или керамики эпохи Токугава3, но наша задача не в этом.

— Понимаю, — кивнул Рамсей. На его красивом, по–кавказски смуглом лице застыло сосредоточенное выражение.

— Поэтому мы преподнесем ему какой–нибудь дорогостоящий предмет американской культуры.

— Ясно.

— Вы по происхождению американец, сэр, но почему–то постарались сделать свою кожу более темной. — Тагоми внимательно разглядывал юношу.

— Это загар от кварцевой лампы, сэр, — смущенно пробормотал Рамсей. — Говорят, от него повышается содержание витамина D.

Японец молча наблюдал за ним.

— Уверяю вас, сэр, я… вовсе не порвал с куль-

турой моего народа, я поддерживаю связи с родней…

— Продолжим, пожалуй, — сказал Тагоми секретарше, и та включила запись. — Обратившись к Оракулу, я получил гексаграмму двадцать восемь, Да–го. Хочу обратить особое внимание на неблагоприятную пятую черту. Комментарий гласит:

«На иссохшем тополе вырастают цветы.

Старая женщина получает служилого мужа.

Хулы не будет.

Хвалы не будет».

Оракул вполне определенно указывает на то, что мистер Чилдэн не предложит нам ничего подходящего. — Тагоми помолчал. — Посмотрим правде в глаза. Я не отношусь к знатокам американского искусства и не могу полагаться на свой вкус. Вот почему… — Он замялся, подбирая слова. — Вот почему — надеюсь, вы не в обиде на меня, мистер Рамсей — нам нужна помощь туземца . Вы согласны помочь?

Как Рамсей ни пытался, он не смог скрыть боль, обиду и гнев.

— Я задал Оракулу еще несколько вопросов, — продолжал Тагоми, не дожидаясь ответа, — но для этого ваше присутствие было не обязатель-

но. — Рамсею это следовало понимать так: «Вам, бледнолицым «буратино», ни к чему быть в курсе всех наших дел». — Должен сказать, что на один из вопросов я получил весьма загадочный ответ, заставивший меня призадуматься. — Рамсей и Эфрикян ловили каждое его слово. — Вопрос относился к мистеру Бэйнсу.

Они кивнули.

— Ответом мне была гексаграмма Шен. Сорок пять. Ситуация, благодаря скрытому действию Дао, благоприятная. Начальная черта — «шестерка», вторая — «девятка». Вопрос был таков: «Будут ли успешны переговоры с мистером Бэйнсом?» И сильная черта на втором месте уверяла, что будут. Комментарий таков:

«Будь правдив, и тогда это будет благоприятствовать принесению незначительной жертвы.

Хулы не будет».

Вероятно, мистера Бэйнса удовлетворит любой подарок Торгового представительства.

Но Оракул учел и тот скрытый смысл, который, как это нередко случалось, Тагоми почти безотчетно вложил в свой вопрос, поэтому ответ выглядел слегка туманным.

— Насколько нам известно, — продолжал Тагоми, — Бэйнс везет подробное описание новых

способов литья под давлением, разработанных в Швеции. Если нам удастся заключить договор с его фирмой, мы сможем заменить пластмассами многие металлы, которых нам так не хватает.

Тихоокеания много лет убеждала Рейх оказать ей помощь в развитии химической промышленности. Но ведущие химические концерны Германии, такие, как «ИГ Фарбениндастри», не спешили торговать лицензиями на производство полимеров. Рейх вполне устраивало, что Тихоокеания плетется у него в хвосте, отставая по части технологий лет на десять. Взлетавшие с космодромов Festung Europa[9] ракеты почти полностью состояли из жаростойких пластмасс — легких, но настолько прочных, что выдерживали удар метеорита. Ничем подобным Тихоокеания не располагала — японцам по–прежнему приходилось использовать природные материалы, такие, как древесина и металлы.

От этих мыслей у Тагоми испортилось настроение. Он бывал на промышленных выставках и видел некоторые достижения германской науки, в том числе «DSS» — «Der schnelle Spuk»[10]

---

[9] Примечания: 9
Европейская твердыня *(нем.)*.

[10] Примечания: 10
«Быстрый Призрак» *(нем.)*.

— автомобиль, целиком изготовленный из синтетических материалов. Машина была продана за шестьсот долларов ТША.

Тагоми задал Оракулу еще один вопрос, о котором не полагалось знать «буратино» (а их немало работало в здании Торгпредства). Вопрос родился после того, как Тагоми получил шифрованную каблограмму из Токио. Секретные депеши поступали к нему нечасто и в основном касались интересов безопасности, а не торговли, тем более шифровки, состоящие из поэтических метафор. Тагоми не сомневался, что токийские власти опасались именно немцев, а не мнимых оппозиционных сил на Родных островах, ибо спецслужбы Рейха могли разгадать шифр любой сложности, но толкование поэтических образов представляло для них серьезную проблему.

Ключевая фраза «сними пенку с его молока» подразумевала «Передник» — мрачноватую песню, где были строчки: «Не все то золото, что блестит. Снятую с молока пенку легко перепутать со сливками». «Ицзин» только подтвердил этот совет. В толковании говорилось о человеке, который не соответствует своему окружению, поскольку он излишне резок и слишком мало внимания уделяет формальностям; но так как он

честен, то найдет отклик.

Из этого следовал простой вывод: Бэйнс не тот, за кого себя выдает, и прибывает в Сан–Франциско не за тем, чтобы подписывать договоры о совместном производстве пластмасс. Но как Тагоми ни ломал голову, он не мог понять, кто такой Бэйнс, на кого он работает и зачем летит в ТША.

В час сорок Роберт Чилдэн с огромной неохотой запер двери «Художественных промыслов Америки», остановил велотакси и велел отвезти его к «Ниппон Таймс Билдинг».

— «Ниппон Таймс», — повторил, как полагалось, тощий китаеза–рикша и с трудом водрузил на багажник тяжелые сумки. Потом помог усесться Чилдэну, включил счетчик и закрутил педали.

Глядя на проплывающие мимо здания, Чилдэн испытывал раздражение и досаду. Весь день ушел на поиски вещи для клиента Тагоми. Чилдэну повезло — удалось найти отличный подарок, японец должен сменить гнев на милость. «Пока никто из моих заказчиков не остался недовольным!» — с гордостью подумал Чилдэн.

Он раздобыл идеально сохранившийся экземпляр первого номера комиксов «Тип–топ», выходивших в тридцатых годах. Забавный жур-

нальчик, яркий образчик культуры «Американа», «Тип–топ» достался Чилдэну, можно сказать, даром. Но он прихватил и другие вещицы — не начинать же, в самом деле, с комиксов. Нет, сначала он раздразнит аппетит японца, а уж потом достанет из самой большой сумки обернутый бумагой кожаный футляр.

Радио китайца извергало популярные мелодии, соревнуясь в громкости с приемниками других веломобилей, легковых машин и автобусов. Чилдэн будто не слышал — привык. Не замечал он и огромных неоновых реклам на фасадах зданий. Такая же вывеска мигала по вечерам и над его магазином. А как иначе заявить о себе, как привлечь покупателей? Чилдэн трезво смотрел на вещи. Его даже убаюкивали уличный шум, мелькание реклам и снующие прохожие, отвлекая от текущих проблем. Да и разве не удовольствие — прокатиться по оживленной улице на веломобиле, чувствуя легкую дрожь, — это усилия мускулов рикши передаются механизму. «Как вибромассажер», — подумал Чилдэн. Приятно все–таки, когда не ты везешь, а тебя везут. Приятно хоть недолго побыть господином.

Он встрепенулся: нельзя дремать перед столь важной встречей. Надо о многом подумать. Под-

ходяще ли он одет для визита в «Ниппон Таймс Билдинг»? А вдруг в скоростном лифте закружится голова? Впрочем, это не страшно — в кармане лежат немецкие таблетки от головокружения… Ко всем обращаться соответственно, напомнил он себе. Со швейцаром, лифтером, портье и прочей мелкой сошкой не церемониться. Каждому японцу кланяться, даже если придется сгибаться сто раз кряду. Но как вести себя со служащими — «буратино»? Это он представлял себе смутно. «Ладно, — решил Чилдэн, — буду кивать, но с рассеянным видом, будто едва их замечаю».

Ничего не упущено? А если попадется иностранец? Говорят, в Торгпредстве можно встретить немца или нейтрала. А еще там можно увидеть невольника.

В порту Сан–Франциско часто бросают якорь суда немцев и южан, и случается, черномазых ненадолго отпускают группками не более трех человек на берег, и конечно, днем, ведь даже в Тихоокеании для негров действует комендантский час. Бывает, их селят на какое–то время в бараках у пристани. Им не полагается заходить в Торгпредство, но нередко их берут туда в качестве носильщиков. Кстати, разве можно явиться к Тагоми, собственноручно неся свои сумки? Ни в

коем случае! Надо во что бы то ни стало отыскать раба, пусть даже придется на час опоздать. Если Чилдэна увидят в Торгпредстве с сумками в руках, это будет непростительной ошибкой. Потеря авторитета — опасная вещь.

«Войти в «Ниппон Таймс Билдинг» с сумками было бы просто смешно, — размышлял Чилдэн. — В тюрьму за такое, конечно, не посадят — в этом нет ничего противозаконного, — но как бы я выглядел в глазах окружающих? Да еще проклятые черномазые… Можно стерпеть косые взгляды знати — в конце концов с их спесью я сталкиваюсь каждый день, однако видеть презрение на рожах всяких голодранцев, вроде этого рикши, крутящего педали, выше моих сил. Не останови я вовремя велотакси, он бы увидел, как я тащусь с сумками по улице…»

В том, что жизнь такова, виновата, конечно, проклятая немчура — вечно норовит откусить больше, чем способна проглотить. С огромными потерями немцы выиграли войну и не успели очухаться, как ринулись покорять Солнечную систему. А на родной планете ввели законы, которые… Впрочем, замысел был неплох, и, надо признать, немцы лихо разделались с евреями, цыганами и прочими бродячими народами. Сла-

вян они отбросили на два тысячелетия назад, на их прародину Азию. Ну и правильно, без славян в Европе как–то спокойнее. Пусть себе ездят на яках и охотятся с луками и стрелами. Зато теперь в любом книжном магазине, в любой библиотеке можно полистать изданный в Мюнхене толстый глянцевый журнал и полюбоваться, как синеглазые белокурые фермеры пашут, сеют и собирают урожай на полях всемирной житницы Украины. Вооруженные до зубов новейшей техникой, эти ребята выглядят счастливчиками, их угодья — чисты и ухожены. В таких журналах не увидишь поляка с опухшей от пьянства рожей, понуро сидящего на гнилом крыльце своей лачуги или ворующего репу на деревенском рынке. Он ушел в прошлое, как и ухабистые грунтовые дороги, на которых, стоило зарядить дождям, намертво вязли колеса телег.

И еще — Африка. Вот где они развернулись с энтузиазмом, достойным восхищения. Хотя, будь немцы чуть предусмотрительнее, они бы сначала завершили план «Фармлянд». Воистину этот проект — зримое воплощение немецкого гения. Запрудить и осушить Средиземное море, а затем с помощью атомной энергии превратить его в сельскохозяйственные угодья — какая смелость,

какой размах! Все насмешники, в том числе некоторые болтливые лавочники на Монтгомери–стрит, были посрамлены.

В Африке немцы снова показали себя молодцами, но, к сожалению, подобные грандиозные мероприятия всегда сопровождаются зловещими слухами. А началось все в пятьдесят восьмом, со знаменитого признания Розенберга: «Что касается окончательного решения африканской проблемы, мы почти достигли своих целей, однако…»

И все–таки на то, чтобы избавиться от аборигенов, американцам понадобилось два века, а наци в Африке добились почти тех же результатов за пятнадцать лет. Так что скепсис здесь неуместен. Как–то раз за завтраком Чилдэн поспорил со знакомыми бизнесменами, очевидно, считавшими, что у немцев есть волшебная палочка и они в одну минуту могут преобразовать мир. Нет у них волшебной палочки, зато есть наука, техника и знаменитое немецкое упорство. Любое дело они доводят до конца. Впрочем, полеты на Марс отвлекли внимание общественности от Африки.

На том достопамятном завтраке последнее слово осталось за Чилдэном: «Что есть у немцев и чего недостает нам, так это романтики. Можно

восхищаться их талантами и трудолюбием, но не им обязаны немцы своими успехами, а не дающей покоя мечте. Покорение планет! Сначала Луна, потом Марс. Все дальше и дальше… Разве это не древнейшая мечта человечества, не высочайший порыв души?

Теперь возьмем японцев. Я прекрасно знаю их натуру, мне ежедневно приходится иметь с ними дело. Что ни говори, а они — азиаты. Желтокожие. Нам, белым, приходится ломать перед ними шапки, поскольку они — власть. Но, глядя на Германию, мы видим, на что способна белая раса…»

— Скоро приедем, сэр, — сообщил рикша. Его грудь бурно вздымалась — веломобиль только что преодолел крутой подъем.

Чилдэн попробовал представить клиента Тагоми. Наверняка какая–нибудь шишка — он перестал в этом сомневаться, услышав по телефону возбужденный голос японца. Он вспомнил одного очень важного клиента, точнее, посетителя магазина, благодаря которому «Художественные промыслы Америки» приобрели репутацию в кругу высокопоставленных жителей района Залива.

Всего четыре года назад Чилдэн содержал не престижный антикварный магазин, а крошеч-

ную букинистическую лавку на Гири — темную, тесную. В соседних магазинчиках торговали подержанной мебелью и скобяными товарами, рядом примостилась грязная прачечная. Приятное соседство, нечего сказать. Случалось, ночью на улице раздавались крики — кого–то грабили, а то и насиловали, хотя департамент полиции Сан–Франциско и даже кэмпетай — японская тайная полиция — не жалели сил на борьбу с преступностью. После закрытия лавки окна приходилось запирать железными решетками — иначе не избежать взлома.

И вот как–то раз в этот район забрел старый отставной офицер японской армии, майор Ито Хумо — высокий, статный, седой, с чеканной поступью. Он и натолкнул Чилдэна на мысль, какой торговлей заняться.

— Я коллекционер, — пояснил Хумо.

Японец полдня провел, роясь в кипах старых журналов. Прислушиваясь к его неторопливой, рассудительной речи, Чилдэн пришел к выводу, что многих состоятельных, образованных японцев наряду с обычным антиквариатом интересуют предметы уходящего в историю быта американского народа. Сам Хумо любовно собирал журналы с рекламой американских медных

пуговиц, да и пуговицы тоже. Как всякий коллекционер, майор не смог объяснить, почему в нем родилась эта страсть, но утверждал, что богачи не жалеют денег на самые, казалось бы, бесполезные вещицы.

— Приведу пример, — говорил он. — Вам случалось видеть вкладыши «Ужасы войны»?

Чилдэн порылся в памяти. Да, когда он был маленьким, эти картинки продавались по центу за штуку вместе с жевательной резинкой. Их была целая серия.

Хумо с плохо скрываемой алчностью следил за его лицом.

— У меня есть близкий друг, — продолжал японец. — Он собирает «Ужасы войны». Ему осталось только найти «Гибель Паная». Он готов за нее хорошо заплатить.

— Перевертыши, — сказал вдруг Чилдэн.

— Простите?

— У нас была такая игра. Если по вкладышу щелкнуть, он ложится либо лицевой стороной, либо «рубашкой». Каждый мальчишка носил в кармане пачку «ужасов». Двое становились друг против друга и щелчком подбрасывали вкладыши, чей падал картинкой вверх, тот и выигрывал.

Чилдэну в ту пору было восемь лет. Как все–таки приятно вспомнить далекие, счастливые дни детства!

Немного поразмыслив, Хумо произнес:

— Странно. Мой приятель не рассказывал ничего подобного. Мне кажется, ему это и невдомек.

Вскоре друг майора Хумо, тоже отставник, наведался в книжную лавку за исторической справкой. Рассказ мистера Чилдэна привел его в восторг.

— …Крышечки бутылок! — с торжествующим видом воскликнул Чилдэн.

Японец непонимающе заморгал.

— В детстве мы собирали крышечки от молочных бутылок, — пояснил торговец. — Круглые такие, с названиями магазинов. В Соединенных Штатах были тысячи молочных магазинов, и для каждого выпускались свои крышечки.

У японца заблестели глаза.

— У вас есть такая коллекция, сэр?

Разумеется, у Чилдэна такой коллекции не было, но… возможно, у кого–нибудь сохранились забавные кругляшки, напоминающие о довоенных временах, когда молоко продавали в стеклянных бутылках, а не в картонных пакетах. Так, мало–помалу, Чилдэн втянулся в новый

бизнес. Позже в стране появилось еще несколько подобных магазинов, ибо день ото дня все больше японцев увлекалось «американой»… Но Чилдэн всегда ухитрялся опередить конкурентов.

— С вас доллар, сэр. — Голос рикши вывел его из задумчивости. Оказывается, китаеза уже выгрузил сумки. Чилдэн уплатил.

«Да, весьма вероятно, что клиент Тагоми похож на майора Хумо, во всяком случае, мне так кажется». Чилдэн знавал немало японцев, но до сих пор не научился их различать и для удобства делил на разновидности. Одни, мускулистые коротышки, напоминали ему борцов, другие — аптекарей, третьи — садовников… Встречались и непохожие на японцев, особенно среди молодежи. Наверное, клиент Тагоми — этакий внушительный бизнесмен с манильской сигарой в зубах.

Стоя перед «Ниппон Таймс Билдинг», Чилдэн содрогнулся от неожиданной мысли: а вдруг клиент — иностранец?! Вещи, заботливо уложенные в сумки, рассчитаны на вкус японца.

«Не может быть, — успокоил себя Чилдэн, — клиент наверняка японец. Иначе зачем было Тагоми заказывать вербовочный плакат? Кому еще нужен такой хлам? Японцы склонны ко всему заурядному. Только они могут благоговеть перед

прокламациями, воззваниями и объявлениями». Чилдэн знавал одного чудака, собиравшего вырезки из газет начала века, где рекламировались американские патентованные средства.

Впрочем, все это пустяки. Впереди у него безотлагательные дела.

Высокие двери «Ниппон Таймс Билдинг» постоянно впускали и выпускали хорошо одетых людей. Прежде чем направиться к подъезду, Чилдэн задрал голову. Стеклянная стена уходила в небо. «Ниппон Таймс Билдинг» — самое высокое здание Сан–Франциско, шедевр японской архитектуры — стояло в окружении садов с карликовыми вечнозелеными кустами, валунов и русла высохшего ручья (точнее, его имитации, но настолько искусной, что петлявшая между обнаженными корнями и плоскими камнями желтая змейка песка выглядела очень естественно).

Чилдэн увидел черного носильщика и замахал рукой. Негр, подобострастно улыбаясь, подбежал и поклонился.

— Двенадцатый этаж. — Чилдэн указал на сумки и добавил, стараясь, чтобы голос звучал как можно резче: — Кабинет Б. И побыстрее! — Он решительно направился к дверям. Разумеется, не оглядываясь.

Спустя секунду он оказался в битком набитой кабине скоростного лифта. Почти все пассажиры были японцы, их чисто выбритые подбородки сияли в ярком свете ламп. Тошнотворный рывок, и Чилдэна понесло вверх. Он закрыл глаза и пошире расставил ноги, моля Господа, чтобы подъем закончился быстрее.

«Носильщик, конечно, поднимается на грузовом лифте, — мелькнуло в мозгу. — Еще бы, кто пустит сюда черномазого?..» Он открыл глаза и окинул кабину взглядом. Белых в лифте было раз, два и обчелся. Выходя на площадку двенадцатого этажа, Чилдэн уже мысленно кланялся, готовясь к встрече с Тагоми.

Глава 3

Подняв глаза к закатному небу, Джулиана Фринк увидела крошечный огонек, прочерчивающий широкую дугу к западу. «Нацистская ракета, — подумала она. — Летит к побережью. В ней полным–полно всяких шишек. А я здесь, внизу». Она помахала вслед ракете, хотя та уже исчезла.

Тени Скалистых гор подступали все ближе. Голубоватые вершины окунались в ночь. Над ближней грядой плыла стая перелетных птиц. У проносившихся мимо машин загорались фары, вскоре по шоссе потянулась цепочка двойных огоньков. Вспыхнула реклама бензоколонки. Засветились окна домов.

Несколько месяцев Джулиана жила в Каньон–Сити, штат Колорадо, работая инструктором дзюдо. На сегодня тренировки закончились, и она хотела принять душ, чтобы снять усталость. Но все душевые кабинки «Спортивного зала Рэя» были заняты, и она ожидала у выхода, наслаждаясь покоем сумерек, прохладой и горным ветерком. До нее доносился приглушенный рокот громадного дизельного грузовика, остановившегося у

придорожной закусочной.

«Помнится, Дизель выбросился из иллюминатора своей каюты в Атлантику, покончил с собой. Может, последовать его примеру? Не получится — далеко до океана. Хотя можно как–нибудь иначе… Как у Шекспира. Или воткнуть спицу прямо через блузку, и — прощай, Джулиана! Девчонка, которой сам черт не страшен, которая знает тысячу способов расправы над брызжущим слюной противником. В самом деле, не лучше ли просто исчезнуть, чем всю жизнь дышать выхлопными газами в придорожном городишке? Это у меня от японцев, — решила она. — Вместе с прибыльным дзюдо я переняла у них спокойное отношение к смерти. Умение убивать, умение умирать. Ян и инь. Но все это позади. Я в протестантской стране».

Все–таки на душе спокойнее, когда ракеты нацистов проносятся над головой, а не садятся поблизости. К счастью, немцам нет дела ни до Колорадо, ни до Юты, Вайоминга и Восточной Невады — пустых, малонаселенных штатов, где одни горы да пастбища. «С нас нечего взять, — сказала она себе, — поэтому каждому здесь позволено прожить свою жалкую жизнь. Если он пожелает. Если жизнь для него что–то значит».

Открылась дверь одной из кабинок. Вышла мисс Дэвис — молодая полная женщина.

— О, вы ждали, мисс Фринк? Простите, я не знала. — Она тряхнула мокрыми волосами, поправила пакет под мышкой.

— Ничего, не беспокойтесь.

— Знаете, мисс Фринк, я просто без ума от дзюдо. Оно дает мне даже больше, чем дзен.

— «Дзен сделает ваши бедра стройнее, — процитировала Джулиана. — Безболезненные сатори[11] помогут сбросить лишний вес». Простите, мисс Дэвис. Я отвлеклась.

— Они часто делали вам больно?

— Кто?

— Японцы. Когда вы у них учились.

— О, это было ужасно. Желаю вам никогда не попадать к ним в лапы. Держитесь подальше от побережья.

— Я еще ни разу не уезжала из Колорадо, — дрогнувшим голосом призналась женщина.

— От этого никто не застрахован, — предупредила Джулиана. — Вдруг им взбредет в голову захватить нас?

— Но с войны прошло столько времени! — вос-

---

[11] Примечания: 11

Сатори — одно из основных понятий чань(дзен) — буддизма, внезапное просветление.

кликнула Дэвис.

— Откуда нам знать, что у них на уме, — задумчиво произнесла Джулиана. — Японцы — загадочный народ.

— А… что они с вами делали? — с интересом спросила женщина и подступила ближе.

— Все, — ответила Джулиана.

— О Господи! Я бы сопротивлялась. — Дэвис обеими руками прижала пакет к груди.

Джулиана попросила извинения и проскользнула в кабину, опередив незнакомую женщину с полотенцем на плече.

Потом она сидела за столиком в закусочной «Горячие гамбургеры Чарли» и неторопливо просматривала меню. Из музыкального автомата в углу доносилось что–то фольклорное — тренькание гитары и надрывные стоны. В воздухе стоял запах горелого жира.

Все же у Чарли было тепло и уютно, и у Джулианы полегчало на душе. Водители у стойки и хозяин–ирландец в белой поварской куртке, позвякивающий мелочью за кассой, казались старыми знакомыми. Заметив ее, Чарли сам подошел принять заказ.

— Мисс жела–ает ча–аю? — протянул он, добродушно ухмыляясь.

— Кофе, — ответила Джулиана, не реагируя на шутливый тон.

— Вона как? — Чарли подбоченился.

— И сандвич с горячим бифштексом.

— А как насчет супчика из крысиных гнезд? Или козлиных мозгов на оливковом масле?

Водители повернулись и с откровенным любопытством разглядывали Джулиану.

«Все дело в плечевых мышцах, — подумала она, встретившись взглядом с водителями. — У танцовщиц они тоже развиты. На бюсте это не отражается, а вот осанка… Заставьте своих жен ходить в спортзал, и тогда увидите…»

— Держитесь от нее подальше, — подмигнул хозяин водителям. — Она запросто может зашвырнуть вас в вашу фуру.

— Откуда вы? — обратилась она к шоферу помоложе.

— Из Миссури, — ответили оба.

— Из Соединенных Штатов? — спросила она.

— Я — да, — ответил старший. — Из Филадельфии. У меня там трое пацанов, старшему одиннадцать.

— Послушай… у вас можно найти приличную работу?

— Запросто, — ответил молодой водитель. — Ес-

ли у тебя подходящая кожа. — У него было смуглое угрюмое лицо и вьющиеся черные волосы.

— Он — макаронник, — пояснил старший.

— Да? — удивилась Джулиана. — А разве Италия не страна–победитель? — Она улыбнулась молодому шоферу, но его лицо помрачнело еще больше, он отвернулся.

«Извини, — подумала она, но вслух ничего не сказала. — Если бы я умела отбеливать кожу… — Ей вспомнился Фрэнк. — Интересно, жив ли он? Может, ляпнул что–нибудь невпопад, кому–то наступил на мозоль? Нет, к япошкам он относится терпимо. Даже с приязнью. Наверное, потому, что они такие же уроды. — Джулиана все время внушала Фрэнку, что он некрасив: крупные поры, большой нос… Ее кожа была идеальной. — Неужто он умер один, без меня? Фринк — зяблик, птичка–невеличка. Говорят, певчие птахи долго не живут».

— Вы останетесь до утра? — спросила Джулиана у молодого водителя.

— Да, переночуем здесь.

— Если вам не нравится в Соединенных Штатах, почему вы оттуда не уедете? Я довольно долго живу в Скалистых горах, здесь неплохо. А раньше жила во Фриско. Там цвет кожи тоже

много значит.

Сгорбившись у стойки, итальянец метнул в нее хмурый взгляд.

— Леди, в вашем городе не то что жить — на одну ночь остаться противно. Господи, чего бы я ни отдал за нормальную работу, лишь бы не мотаться месяцами по дорогам и не жрать в таких… — Он умолк, заметив, как побагровели щеки хозяина, и отхлебнул кофе.

— Эге, Джо, да ты сноб? — ухмыльнулся его спутник.

— Не перебраться ли вам в Денвер? — предложила Джулиана. — Там гораздо лучше.

«Знаю я вас, восточных американцев, — подумала она. — Любите жить с размахом, вынашиваете великие замыслы. Скалистые горы для вас дыра, да и только. Здесь же ничего не изменилось с довоенной поры. Безработные старики, тупые фермеры, ленивые бродяги. Молодежь посмышленее подалась за восточную границу, в Нью–Йорк. Там деньги. Большие деньги, большой бизнес. Германские капиталисты творят чудеса, с их помощью в считанные годы удалось возродить Соединенные Штаты».

— Вот что, приятель, — хрипло и зло проговорил хозяин. — Я тебе так скажу: если у вас сейчас

полно шальных денег, так это все награблено у евреев, которых вышвырнули из Нью–Йорка, когда наци приняли этот чертов Нюрнбергский закон. Мальчишкой я жил в Бостоне и с евреями особо не якшался. Но если бы мне кто сказал, что в США будут действовать нацистские законы — пусть мы и проиграем войну, — я бы тому придурку плюнул в морду. Удивляюсь, почему ты здесь, а не завербовался в армию своих Соединенных Штатов? А? Завоевывать какую–нибудь банановую республику, чтобы потеснить япошек и порадовать немчуру?

Шоферы вскочили с перекошенными от злости лицами. Старший схватил со стойки бутылку кетчупа. Повар попятился. Нашарив огромную двузубую вилку, он остановился и приготовился к защите.

— Скоро в Денвере достроят огнестойкую посадочную площадку, и там будут садиться ракеты «Люфтганзы», — спокойно заметила Джулиана.

Никто из троих мужчин не пошевелился и не подал голоса. Посетители тоже помалкивали. Наконец повар произнес:

— Одну я видел на закате.

— Эта ракета летела не в Денвер, — сказала Джулиана. — Она села на западном побережье.

Водители понемногу успокоились. Старший проворчал:

— Вечно забываю, что народ здесь малость желтоват.

— Япошки не губили евреев, ни в войну, ни после. И не строили печей.

— То–то и беда, что не строили, — буркнул старший водитель и принялся за еду.

«Мы желтоваты, — подумала Джулиана. — Он прав. Мы хорошо относимся к японцам. Наверное, потому, что их здесь нет».

— Где вы остановитесь на ночь? — спросила она у молодого водителя.

— Понятия не имею, — ответил тот. — Только что вылез из кабины. Мне у вас не нравится. Может, завалюсь спать в кузове.

— В мотеле «Медовая пчелка» вполне сносно, — проворчал хозяин.

— Ну что ж, — сказал молодой водитель, — может, там и заночую. Если мне не будут глаза колоть, что я итальянец. — Он говорил с явным акцентом, хотя и старался его скрывать.

«Тут виноват его максимализм, — думала Джулиана. — Поэтому он такой озлобленный. Слишком многого хочет от жизни. Вечно ему чего–то не хватает, вечно что–то не так. И я ему под

стать. Не могла усидеть на западном побережье, наверное, и здесь не усижу. А разве прежде, во времена покорения Дикого Запада, люди были иными?

Но сейчас граница проходит не здесь, — мелькнула мысль, — а через другие планеты. И он, и я могли бы попроситься на корабль, который отвозит колонистов. Нет — нам бы отказали. Ему — из–за смуглой кожи, мне — из–за черных волос. Уж эти мне белокожие нордические феи из эсэсовских училищ в замках Баварии! Бедолага Джо, или как его там, так и глядит букой. Нет бы принять холодный и многозначительный вид, будто он нас всех и в грош не ставит и абсолютно уверен в себе. Да, у наци именно такие лица. Они не идеалисты, как я или Джо, они циники и фанатики. Это дефект мозга, как будто немецкие психиатры не только душевнобольным, а всему своему народу сделали лоботомию.

Их беды — из–за секса, — решила Джулиана. — Еще в тридцатые у них началось… Гитлер забавляется со своей… сестрой, кажется? Или теткой? Или племянницей? Да и его собственные родители были двоюродными братом и сестрой. Они не считают кровосмешение грехом, многие живут со своими матерями. Вот почему у

отборных эсэсовских шлюх такие ангельские, жеманные улыбки. Они берегут себя для папочки. Или друг для дружки.

А кого они считают папочкой? Бормана, который, говорят, на ладан дышит? Или Доходягу? Ходят слухи, старина Адольф, разбитый параличом, доживает последние деньки в одном из санаториев Рейха. Сифилис мозга — память о нищей жизни венского люмпена… Черное долгополое пальто, грязное исподнее, ночлежки… Наверное, это месть злорадного Боженьки. Совсем как в немом кино. Злодея искупали в дерьме. Историческая кара за грехи.

И что самое жуткое — вся нынешняя Германия порождена этим сухоточным. Сначала он создал партию, потом — нацию, потом — государство на полпланеты. И не кто–нибудь, а сами нацисты выявили болезнь, поставили диагноз. Шарлатан–травник Морель, пользующий Гитлера патентованными «пилюлями доктора Кестера», раньше лечил венериков. Об этом знает весь мир, и тем не менее любой бред рехнувшегося вождя считается откровением мудреца, страницей Священного Писания. Мало того, что идеи этого придурка заразили весь мир, их, как споры зла, разносят по планетам белокурые арийские

пчеломатки. Вот плоды кровосмешения: безумие, слепота, смерть. Брр!» — Джулиана вздрогнула.

— Чарли! — окликнула она хозяина. — Как там мой заказ?

Джулиане было очень одиноко. Она встала, подошла к стойке и уселась около кассы. Никто, кроме молодого итальянца, не обращал на нее внимания. А он прямо–таки глаз не сводил. «Его зовут Джо, — вспомнила она. — А фамилия?»

Вблизи Джулиана увидела, что он не так молод, как показалось вначале. Трудно было угадать возраст — мешала настороженность, с которой он держался, то и дело зачесывая волосы назад жесткими скрюченными пальцами. «В нем есть нечто зловещее, — решила она. — Дыхание смерти». Джулиану это одновременно тревожило и привлекало.

Старший водитель шепнул что–то на ухо итальянцу, и оба уставились на нее.

— Мисс, — произнес старший водитель, и оба напряглись. — Вам известно, что это такое? — Он показал небольшую плоскую коробочку.

— Да, — ответила Джулиана. — Нейлоновые чулки. Их выпускает только картель «ИГ Фарбен», в Нью–Йорке есть филиал. Очень дорогая вещь.

— Монополия — дело хорошее. Надо отдать

немцам должное. — Старший водитель положил коробочку перед своим спутником, и тот локтем придвинул ее к Джулиане.

— У вас есть машина? — спросил Джо, прихлебывая кофе. Из кухни послышался голос Чарли — он нес заказ.

— Вы меня не подвезете, а? — Джулиану сверлили темные глаза, и ей стало не по себе. — В мотель или еще куда. Лишь бы переночевать. Подбросите?

— Да, — ответила она. — У меня есть машина. Старый «студебеккер».

Окинув взглядом Джулиану и молодого водителя, повар молча поставил перед ней тарелку.

— Achtung, meine Damen und Herren,[12] — произнес динамик в конце прохода.

Мистер Бэйнс вздрогнул и открыл глаза. Справа в иллюминаторе плыли зелено–коричневая земля и морская синь. Тихий океан. Он понял, что ракетоплан заходит на посадку. Сначала по–немецки, потом по–японски и, наконец, по–английски громкоговоритель попросил пассажиров не курить и не покидать кресел. «Мы приземлимся через восемь минут», — пообещал

---

[12] Примечания: 12
Внимание, дамы и господа *(нем.).*

металлический голос.

Корабль накренился и задрожал — включились тормозные дюзы. Многие пассажиры испуганно вцепились в подлокотники кресел. Бэйнс улыбнулся, вызвав ответную улыбку молодого человека с прилизанными светлыми волосами, сидевшего напротив через проход.

— Sie furchten dass…[13] — заговорил молодой человек, но Бэйнс перебил его по–английски:

— Простите, я не говорю по–немецки. — Поймав вопросительный взгляд попутчика, он повторил то же самое по–немецки.

— Вы не немец? — изумился блондин. Его английский звучал с резким акцентом.

— Я швед, — пояснил Бэйнс.

— Но ведь вы садились в Темпельхофе.

— Да, я был в Германии по делам. Мне приходится бывать в разных странах. Работа такая.

В глазах немца мелькнуло недоверие: как человек, занимающийся международным бизнесом, летающий ракетами «Люфтганзы», может не знать немецкого?

— А чем вы занимаетесь, мистер Бэйнс? — поинтересовался он.

---

[13] Примечания: 13
Они боятся, что… *(нем.)*

— Пластмассы. Резина. Я имею в виду промышленное сырье, а не готовые изделия. Понимаете?

— В Швеции делают пластмассы? — Вновь недоверие.

— Да, и превосходные. Если дадите адрес, я с удовольствием вышлю вам проспект нашей фирмы. — Бэйнс извлек авторучку и блокнот.

— Ну что вы! Не стоит раздаривать проспекты кому ни попадя. Я не коммерсант, а художник, Алекс Лотце. Не доводилось видеть мои картины? Они выставлялись на Континенте.

— К сожалению, я равнодушен к современной живописи, — сказал Бэйнс. — Мне нравятся довоенные кубисты и абстракционисты. Люблю, когда картина несет глубокий смысл, а не просто изображает натуру.

— Но ведь это — цель искусства, — возразил Лотце. — Примат духа над чувственным восприятием. Абстракционизм — искусство упадка, хаоса, он отражает процессы разложения общества, старой плутократии. Декадентов поддерживали еврейские капиталистические воротилы, опутавшие своими сетями весь мир. Те времена ушли, и живопись стала иной. Искусство не может стоять на месте.

Бэйнс кивнул, глядя в иллюминатор.

— Вам приходилось бывать в Тихоокеании? — спросил Лотце.

— Несколько раз.

— А я лечу впервые. В Сан–Франциско при содействии ведомства доктора Геббельса и японских властей открывается выставка моих работ, так сказать, культурный обмен в целях укрепления дружбы и взаимопонимания. Надо снижать напряженность между Востоком и Западом. А для этого нужно больше общаться, и искусство — один из важнейших факторов…

Бэйнс кивнул. Внизу, за огненным кольцом дюз, показались Сан–Франциско и Залив.

— А где в Сан–Франциско можно поесть? — спросил Лотце. — Для меня заказан номер в «Палас–Отеле», но, мне кажется, в национальных районах лучше кормят. В Чайнатауне, например.

— Да, — подтвердил Бэйнс.

— А цены там не кусаются? А то я почти на мели. У нас очень прижимистое министерство. — Лотце засмеялся.

— Смотря как обменять деньги. У вас, надо полагать, чеки Рейхсбанка? Рекомендую Токийский банк на Самсон–стрит.

— Danke sehr,[14] — поблагодарил Лотце. — А я собирался поменять их в гостинице.

Ракета неслась над самой землей. Бэйнс увидел взлетное поле, ангары, стоянки машин, здание аэровокзала, дома… «Красиво, — подумал он. — Горы и вода, и клочки тумана, уплывающие к Золотым Воротам».

— Что это? — спросил Лотце. — Что за огромное сооружение? Вон там, внизу. Космопорт? Я думал, у японцев нет космических ракет.

Улыбаясь, Бэйнс пояснил:

— Стадион «Золотой Мак». Бейсбольное поле.

— Ну да, они без ума от бейсбола, — усмехнулся Лотце. — А по мне, нет спорта скучнее и бессмысленнее. Взбрело кому–то в голову начать такой…

— Он уже достроен, — раздраженно перебил Бэйнс. — Его таким задумали, открытым с одной стороны. Новый архитектурный стиль. Горожане очень им гордятся.

— Такое впечатление, будто его проектировал еврей, — пробормотал Лотце, глядя вниз.

Бэйнс пристально посмотрел на него. На мгновение он отчетливо ощутил перекос в немецком мозгу. Психический сдвиг. Неужели Лотце дей-

---

[14] Примечания: 14
Большое спасибо *(нем.)*.

ствительно так считает? Или просто брякнул первое, что пришло на ум?

— Надеюсь, мы с вами еще встретимся в Сан–Франциско, — сказал Лотце, когда ракета коснулась земли. — Плохо, если рядом нет соотечественника, не с кем поболтать.

— Мы с вами вовсе не соотечественники, — возразил Бэйнс.

— Вы правы. Но в расовом отношении мы очень близки. Да и цели наши и намерения совпадают. — Лотце заерзал в кресле, расстегивая привязные ремни.

«И это с ним я близок в расовом отношении?! — с ужасом подумал Бэйнс. — Это с его целями совпадают мои цели? Тогда и у меня психический сдвиг. Мы живем в душевнобольном мире, где у власти — безумцы. Сколько лет это продолжается? Сколько лет мы сопротивляемся? И главное — сколько нас, понимающих? Не таких, как Лотце? Может быть, если ты знаешь о своем безумии, ты не сумасшедший? Или начинаешь выздоравливать? Пробуждаться? Наверное, нас очень мало. Мы — одиночки, разбросанные по свету. Но массы… что думают они? Сотни тысяч жителей этого города? Может быть, они считают, что живут в правильном мире? Или все–таки

сомневаются, хотя бы самую малость?.. Но что значит — безумие? Какой смысл я вкладываю в это слово? Где граница?.. Безумие в их природе. В умственной ограниченности. В незнании тех, кто их окружает, в равнодушии, с которым они несут гибель другим. Нет, не то. Я чувствую. Интуитивно. Целенаправленная жестокость… Нет. Боже, помоги, в одиночку мне не докопаться до сути! Пренебрежение истиной? Да. Но не только это. Безумие в замыслах. Да, в замыслах! Покорение планет. Такое же бессмысленное и жестокое, как покорение Африки, а еще раньше — Европы и Азии.

Они мыслят космическими категориями и никак иначе. Слова человек, ребенок — пустой звук. Только абстракции; раса, страна, Volk, Land, Blut, Ehre.[15] Нет честных личностей, есть только сама Ehre — честь. Абстракция для них реальное, действительность — невидима. Die Gute, доброта, а не добрые люди, добрый человек. Для них не существует «здесь» и «сейчас» — их глаза устремлены сквозь пространство и время, в лежащую впереди бездну. И это — конец мира. Потому что мало–помалу они изведут все живое. Были ведь

---

[15] Примечания: 15
Народ, страна, кровь, честь *(нем.)*.

когда–то частицы космической пыли, раскаленные ядра водорода — и ничего больше. Теперь все вернется на круги своя. «Сейчас» — это миг между началом и концом, ein Augenblick.[16]

Процесс распада ускоряется, жизнь возвращается к граниту и метану. Жернова не остановить. А они, эти безумцы, спешат обратить нас в камень и пыль. Хотят помочь Natur.[17] Я знаю почему, — подумал Бэйнс. — Им хочется быть не жертвами, а движущей силой природы. Они приравнивают свое могущество к божьему, считают себя подобными Богу. Вот она, суть безумия. Все они одержимы одной идеей. У каждого настолько возросло самомнение, что ему и в голову не придет считать себя иначе как божеством. Это не гордыня и не высокомерие — это раздувание собственного «я» до такой степени, когда исчезает разница между поклоняющимся и предметом поклонения. Не человек съеден Богом, а Бог съеден человеком. Чего они не могут уразуметь, так это своей ничтожности. Но что в этом плохого? Разве так — не лучше? Кого боги отмечают, того призывают к себе. Будь незаметен — и минует

---

[16] Примечания: 16
Мгновение *(нем.).*

[17] Примечания: 17
Природа *(нем.).*

тебя злоба сильных мира сего».

Расстегивая ремень, Бэйнс произнес:

— Мистер Лотце, я никому еще этого не говорил, но вам скажу. Я еврей. Вы поняли?

Лотце ошалело взглянул на него.

— Самому бы вам не догадаться, ведь я ничуть не похож на еврея. Я изменил форму носа и черепа, уменьшил поры, осветлил кожу. Иными словами, избавился от внешних признаков. Даже стал вхож в круги Рейха. Никто не подозревает, что я еврей. И… — сделав паузу, он придвинулся к Лотце вплотную и зашептал: — И я не один. Есть другие. Слышите? Мы не погибли. Мы существуем. Живем невидимками.

— Служба безопасности… — выдавил Лотце, но Бэйнс его перебил:

— Пожалуйста, сообщите — СД проверит мое досье. Но учтите: у меня есть могущественные покровители. Некоторые из них арийцы, другие — евреи, занимающие высокие посты в Берлине. Ваш донос оставят без внимания. А вскоре я сам донесу на вас. И вы окажетесь в камере предварительного заключения. — Он улыбнулся, кивнул и двинулся по проходу вместе с другими пассажирами.

Они спустились по трапу на продуваемое вет-

ром поле. Внизу Бэйнс случайно оказался рядом с Лотце.

— Знаете, мистер Лотце, — произнес он, взяв художника под локоть, — вы мне не понравились. Думаю, что я в любом случае донесу на вас. — Он отпустил руку блондина и ускорил шаг.

На краю поля, у дверей вокзала, толпились встречающие. Ищущие глаза, радостные улыбки, машущие руки. Впереди стоял коренастый японец средних лет в добротном пальто английского покроя, остроносых полуботинках и котелке, рядом — японец помоложе. На пальто коренастого блестел значок Тихоокеанского Торгпредства Имперского правительства. «Мистер Тагоми собственной персоной, — подумал Бэйнс. — Приехал меня встречать».

Шагнув вперед, японец громко произнес:

— Герр Бэйнс? Добрый вечер! — и выжидающе вскинул голову.

— Добрый вечер, мистер Тагоми. — Бэйнс протянул руку. Рукопожатия, поклоны. Молодой японец тоже поклонился, приветливо улыбаясь.

— Прохладно на открытом поле, сэр, — сказал Тагоми. — Мы предлагаем воспользоваться вертолетом. Не возражаете, сэр? Или вам необходимо уладить какие–нибудь дела? — Он вопроситель-

но заглянул в глаза Бэйнсу.

— Готов лететь сию секунду, — сказал Бэйнс. — Хотя надо бы зарегистрироваться в гостинице. И багаж…

— Мистер Котомичи обо всем позаботится, — заверил Тагоми. — Багаж выдадут через час, не раньше. Ждать дольше, чем вы летели.

Котомичи улыбнулся и кивнул.

— Прекрасно, — сказал Бэйнс.

— Сэр, у меня для вас подарок, — заявил Тагоми.

— Простите?

— Чтобы у вас сложилось благоприятное впечатление о нашем представительстве… — Он сунул руку в карман пальто и достал маленькую коробку. — Из лучших objects d'art[18] Америки. — И протянул коробочку Бэйнсу. — Наши сотрудники весь день ломали голову, что бы вам подарить. Решили остановиться на этом подлиннике угасающей североамериканской культуры, сохранившем аромат далеких, счастливых дней.

Бэйнс открыл коробочку. В ней на черном бархате лежали наручные часы «Микки–Маус».

Неужто Тагоми захотелось пошутить? Бэйнс

---

[18] Примечания: 18
произведений искусства *(фр.).*

поднял глаза и увидел серьезное, озабоченное лицо японца. Нет, это не шутка.

— Большое спасибо, — поблагодарил Бэйнс. — Действительно, прекрасная вещь.

— Во всем мире не наберется и десятка настоящих часов «Микки–Маус» выпуска тридцать восьмого года, — произнес Тагоми, внимательно наблюдая за лицом Бэйнса. — Их нет в коллекции ни у одного из моих знакомых.

Они вошли в здание вокзала и стали подниматься по лестнице. Следовавший позади Котомичи произнес:

— Харусаме ни нурецуцу яне но темари кана…

— Что это? — спросил Бэйнс у Тагоми.

— Старинное стихотворение, — пояснил Тагоми. — Хайку[19] середины эпохи Токугава. «Идет весенний дождь, и на крыше мокнет детский мячик».

---

[19] Примечания: 19

Хайку — трехстишие, одна из форм японского стихосложения.

Глава 4

Уиндэм–Мэтсон проковылял по коридору и скрылся в цехе «Корпорации У–М». Провожая его взглядом, Фрэнк подумал, что его бывший хозяин вовсе не похож на капиталиста. Легче принять его за бродягу, горького пьяницу, которого вымыли, побрили, причесали, одели с иголочки, накачали витаминами, дали пять долларов и велели начать жизнь сызнова. Хозяин всегда прибеднялся, ловчил, суетился, заикался перед каждым встречным и даже старался ублажить, будто видел в нем возможного врага. Манерой держаться он как бы говорил: «Все норовят меня, бедолагу, обидеть».

На самом деле старина У–М был куда солиднее, чем казался с виду. Он контролировал несколько предприятий, играл на бирже, приторговывал недвижимостью.

Фрэнк двинулся за ним следом, отворил большую металлическую дверь и шагнул навстречу грохоту машин, ставшему привычным за многие годы; его окружали люди и механизмы, сверкала электросварка, в воздухе висела пыль. Фрэнк ускорил шаг, догоняя бывшего хозяина.

— Эй, мистер У–Эм! — позвал он.

Уиндэм–Мэтсон остановился возле человека с волосатыми руками; его звали Эд Маккарти, он был мастером цеха. Оба повернулись к Фрэнку.

— Прости, Фрэнк, — произнес Уиндэм–Мэтсон, нервно облизывая губы. — Мне и в голову не приходило, что ты можешь вернуться после всего, что наговорил. Но теперь ничего не поделаешь — твое место занято.

Его черные глаза так и бегали. «Это наследственное, — подумал Фрэнк. — Изворотливость у него в крови».

— Я пришел за инструментами, — произнес Фрэнк, с удовольствием слушая свой уверенный голос. — Больше мне ничего не нужно.

— Ну что ж, забирай, — промямлил Уиндэм–Мэтсон с сожалением. Видимо, он еще не думал о возможности прибрать к рукам инструменты Фрэнка. И — к Маккарти: — Кажется, это по твоей части, Эд? Разберись с Фрэнком, ладно? У меня дел по горло. — Он глянул на карманные часы. — Слушай, Эд, мы с тобой обсудим наши дела после. Мне надо бежать. — Он похлопал Маккарти по плечу и, не оглядываясь, затрусил прочь.

Эд Маккарти и Фрэнк остались вдвоем.

— Захотел вернуться? — помолчав, спросил

Маккарти.

— Да, — ответил Фрэнк.

— Ты молодец. Здорово вчера выдал.

— Молодец–то молодец, — пробормотал Фрэнк, — но где еще найдешь такую работу? — Он чувствовал себя разбитым и беспомощным. — Ты–то меня понимаешь.

Они часто делились друг с другом заботами.

— Чепуха, ты отличный мастер. За станком тебе нет равных. Я видел, как ты за пять минут сработал деталь да еще успел очистить от заусенцев. Правда, что касается сварки…

— Я и не говорил, что хорошо варю, — перебил Фрэнк.

— Тебе не приходило в голову начать собственное дело?

— Ты о чем? — удивился Фрэнк.

— О ювелирных изделиях.

— О Господи!

— Оригинальные украшения. Не на продажу. На заказ. — Маккарти отвел его за угол — там было не так шумно. — Тысчонки за две можно снять под мастерскую небольшой подвал или гараж. Я тут как–то рисовал эскизы женских сережек и подвесок. Помнишь? Настоящий модерн. — Он взял клочок бумаги и стал рисовать — медленно,

сосредоточенно.

Заглянув Эду через плечо, Фрэнк увидел эскиз браслета. Он давно не встречал ничего подобного. Только довоенные вещи. Но все они — даже старинные — были стандартными. Никаких абстрактных узоров, как на этом браслете.

— Кому нужно современное искусство?

— Создадим рынок, — нахмурился Маккарти.

— Сами, что ли, будем продавать?

— Нет, через магазины. Вроде той роскошной лавки на Монтгомери–стрит.

— «Художественные промыслы Америки», — припомнил Фрэнк. Он никогда не посещал такие шикарные магазины, да и мало кто из американцев заходил туда: выставленные там вещи были по карману только японцам.

— А тебе известно, чем торгуют в таких магазинах? — осведомился Маккарти. — И на чем наживаются? На дурацких серебряных нашлепках от индейских поясов из Нью–Мексико. На всякой дряни вроде осколков тарелок — якобы туземном искусстве.

Фрэнк долго не сводил глаз с Маккарти. Наконец произнес:

— Мне известно, что еще они продают. И тебе тоже.

— Да, — подтвердил Маккарти.

К тому, чем торговали в магазинах редкостей, они имели самое непосредственное отношение. И не первый год. Официально «Корпорация У–М» специализировалась на выпуске кованых перил для лестниц и балконов, решеток для очагов и оград для новых фешенебельных домов. Изделия выпускались крупными партиями по типовым чертежам, например сорок каминных решеток для сорокаквартирного дома. Но «Корпорация У–М» производила не только перила — основные прибыли приносила деятельность иного рода.

Используя большой арсенал инструментов, станков и материалов, корпорация подделывала предметы довоенной Америки в широком ассортименте. Эти подделки, разбавленные подлинными вещами, очень осторожно и расчетливо поставлялись на оптовый рынок предметов искусства, и невозможно было подсчитать, сколько фальшивок ходит по свету. Да никто и не пытался.

Вчера, уходя с работы, Фрэнк оставил на верстаке наполовину сработанный револьвер эпохи покорения Дикого Запада. Он сам готовил форму и отливки, оставалось отшлифовать детали. Для стрелкового оружия времен Гражданской войны

и Фронтира[20] рынок был неограничен; все, что мастерил Фрэнк, «Корпорация У–М» сбывала без всяких хлопот.

Фрэнк неторопливо приблизился к верстаку, взял шкурку и доделал шомпол. Еще три дня, и револьвер был бы готов. «Да, — подумал он, — я потерял хорошую работу. Только эксперт сможет отличить… Но японские коллекционеры — профаны, они даже не задумываются над необходимостью устанавливать подлинность так называемых исторических произведений искусства, которыми торгуют на западном побережье. Когда–нибудь, возможно, задумаются… и тогда рынок лопнет как мыльный пузырь, даже подлинники никто не рискнет покупать. Таков закон Грэшэма: подделки снижают ценность оригиналов. Может быть, поэтому никто и не пытается установить их подлинность. Боятся правды. А так вроде все довольны.

Разбросанные по стране предприятия выпускают продукцию, оптовики продают изделия хозяевам магазинов, а те рекламируют и выкладывают на прилавки. Коллекционеры платят денежки и, довольные, увозят покупки домой

[20] Примечания: 20

Фронтир — в прошлом веке, во время покорения Дикого Запада — граница отвоеванных у индейцев территорий.

— восхищать коллег, друзей, любовниц.

До поры до времени подделки будут в цене. Потом придет час расплаты. Тогда и фабриканты, и оптовики, и владельцы магазинов вылетят в трубу. Пока об этом все помалкивают, особенно те, кто зарабатывает на жизнь подделками. Они просто стараются не думать об этом, сосредоточившись на технических проблемах».

— Ты давно не пробовал сделать что–нибудь свое? — спросил Маккарти.

— Несколько лет. Зато я здорово научился копировать…

— Знаешь, о чем я думаю? Наверное, ты заразился нацистской идеей, будто евреи не способны творить, а могут только копировать и продавать.

— Может, так оно и есть, — буркнул Фрэнк.

— А ты попробуй. Придумай что–нибудь. Или сразу, без эскизов, поработай по металлу. Поиграй — как дети играют.

— Зачем? — спросил Фрэнк.

— Веры в тебе нет, — вздохнул Маккарти. — Ты полностью утратил веру в себя, точно? Ну и зря. Я–то знаю, на что ты способен.

«Зря, — подумал про себя Фрэнк. — Правда, во мне нет ни веры, ни энтузиазма. И взяться им неоткуда. Этот Маккарти — отменный мастер.

Ему не откажешь в умении завести работягу, заставить его выложиться. Прирожденный руководитель — чуть не вдохновил меня. И все испортил, отойдя раньше времени. Жаль, нет со мной Оракула. Я бы спросил у него совета, зачерпнул из источника пятитысячелетней мудрости». — Фрэнк вспомнил, что видел «Ицзин» в вестибюле управления «Корпорации У–М». Туда он и направился.

Он уселся в кресло из металла и пластика, написал на оборотной стороне конверта: «Стоит ли заняться творческим ремеслом, как мне предложили?» — и стал подбрасывать три монетки.

Вначале выпала девятка, затем еще две. Он получил нижнюю триграмму. Цинь. «Творчество». Хороший знак. Четвертая черта — «шестерка», инь. Пятая — тоже инь.

«О Господи! — мысленно воскликнул Фрэнк. — Еще одна теневая черта, и я получу гексаграмму одиннадцать. Тай — «Расцвет»! Очень благоприятное пророчество. Или… — его руки дрожали, когда он тряс монеты, — если выпадет ян, получится гексаграмма двадцать шесть, Да–чу — «Воспитание великим». Обе гексаграммы благоприятны».

Он кинул монетки.

Инь. Все–таки «Расцвет».

Открыв книгу, он прочел:

«Расцвет.

Малое уходит, великое приходит.

Счастье. Развитие».

Итак, надо принять предложение Эда Маккарти, открыть свое маленькое дело. Беспокоила только верхняя «шестерка». Фрэнк перевернул страницу. Какой там текст? Он не мог вспомнить. Вероятно, ничего неблагоприятного, ведь комментарий ко всей гексаграмме был таким обнадеживающим: «Союз неба и земли» — но последняя черта символизирует переразвитие ситуации, выход из нее, поэтому «шестерка» наверху…

Глаза нашли строки, поразившие его подобно вспышке молнии:

«Городская стена падает в ров.

Не применяй войско.

В своем городе изъявляй свою волю.

Стойкость — к сожалению».

…И — толкование:

«Силы тьмы, упомянутые в середине гексаграммы, начинают действовать. Городская стена падает в ров, из которого была подкопана. Роковой час близок…»

Без сомнения, это было одно из самых мрачных толкований из более чем трех тысяч, содержавшихся в книге. И тем не менее пророчество ко всей гексаграмме было благоприятным.

Как быть? Прежде не бывало, чтобы Оракул пророчил ему беду и счастье одновременно. «Ни дать ни взять ложка дегтя в бочке меда, — подумал Фрэнк. — Видать, советует и дело делать, и не забывать о злом роке. Черт! — мысленно выругался он. — Не могут беда и удача ходить рука об руку. Либо одно, либо другое. Или… могут?

Ювелирное дело принесет богатство — никак иначе это пророчество не истолковать. Но вот чертова шестая строка — в ней кроется глубокий смысл, она предупреждает о катастрофе, возможно, даже не связанной с ювелирным делом. В любом случае беды не избежать…

Война! — решил Фрэнк. — Третья мировая! Два миллиарда трупов, цивилизация стерта с лица Земли. Водородные бомбы сыплются градом.

Силы небесные! — подумал он. — Почему? Из–за меня она начнется, что ли? Или кто–нибудь другой заварит кашу? Или — все мы? Всему виной физики с их теорией синхронности, по которой каждая частица связана со всеми остальными, — нельзя даже пукнуть, не изменив равновесия

Вселенной. Жизнь превращается в анекдот, над которым некому будет посмеяться. Я открываю книгу и получаю прогноз событий, о которых даже Господь Бог хотел бы забыть. А кто я? Далеко не тот человек, которому стоит адресовать такое пророчество. Это точно.

Надо забрать инструменты, оборудовать мастерскую и начать свое дельце, как будто Оракул и не сулил никаких бед. И — работать. Творить, ничего не бояться. До самого конца. Жить на всю катушку, пока мир не сгорит синим пламенем. Пока все мы не погибнем, все человечество. Вот что советовал Оракул. Все мы рано или поздно окажемся в юдоли печали, но до тех пор мои руки и моя голова не должны пребывать в праздности.

Комментарий касается только меня, моей работы. А последняя черта — нас всех.

Я слишком ничтожен, — подумал он. — Могу лишь почесать в затылке и заняться своими делами. Не бежать же на улицу, крича во всю глотку, чтобы привлечь внимание прохожих.

А есть ли на Земле кто–нибудь, способный изменить ход событий? Некто великий?.. Если мы, все вместе… Или в решающий момент среди тех, от кого все зависит, окажется наш человек,

заранее внедренный… В общем, остается уповать на случай. Лишь от него зависит жизнь — моя и всей планеты».

Фрэнк закрыл книгу и вернулся в цех. Заметив Маккарти, кивком указал ему на укромный уголок.

— Я поразмыслил над твоей идеей, и она мне понравилась.

— Вот и отлично, — улыбнулся Маккарти. — А теперь слушай. Надо заставить Уиндэма–Мэтсона рассчитаться сполна. — Он медленно опустил веко — подмигнул. Это выглядело довольно жутко. — Я тут прикинул… В общем, решил уволиться и составить тебе компанию. Вот, погляди на эскизы. Чем плохи?

— Хороши, — подтвердил Фрэнк, несколько сбитый с толку.

— Заходи вечерком ко мне, часам к семи, — предложил Маккарти. — Джин приготовит ужин.

— Договорились, — сказал Фрэнк.

Маккарти хлопнул его по плечу и отошел.

«За какие–то десять минут я проделал большой путь. Как быстро это случилось, — размышлял Фрэнк, собирая с верстака свои инструменты. — Видимо, так и происходят крутые повороты в

жизни.

Стечение обстоятельств, и… А ведь я ждал этой минуты всю жизнь… Оракул сказал: «Поход к счастью», и это для меня основное. Время больших свершений. Пришло ли оно? Пришел ли нужный момент? Верхняя «шестерка» — единственное отличие одиннадцатой гексаграммы от двадцать шестой, «Воспитание великим». Инь становится яном, и возникает другая ситуация. А я даже не почувствовал перемены!»

Но, несмотря на волнение и душевный подъем, Фрэнк не мог выбросить из головы роковую черту.

«Хотя пытаюсь изо всех сил, — с горькой иронией отметил он. — Глядишь, к ужину начисто о ней позабуду. Что ж, будем надеяться. Потому что работать с Эдом на паях — это здорово. А идея заняться ювелирным делом — просто «золотая». Овчинка стоит выделки. Нет, я не откажусь от собственного счастья. Сейчас я — ноль, но если встану на ноги, может быть, сумею вернуть Джулиану. Ведь я знаю, что ей нужно — быть женой не какого–нибудь мешуги,[21] а влиятельной персоны. Мужчина должен быть мужчиной. Во

---

[21] Примечания: 21
Псих, чудак, придурок *(идиш).*

всяком случае, в старину было так. До войны. Сейчас она, наверное, мечется с места на место, от мужика к мужику. Ищет незнамо чего. Но я–то знаю, и, когда мы с Эдом раскочегарим наше предприятие, она получит то, что ей нужно».

Собираясь позавтракать, Роберт Чилдэн запер дверь «Художественных промыслов Америки». Как всегда, он зашел в кафетерий напротив. Обычно на завтрак уходило около получаса, но на этот раз Чилдэн уложился в двадцать минут. По возвращении из Торгпредства он сказал себе: пора менять политику. Никаких доставок клиенту. Все сделки — в магазине.

Подумать только, битых два часа он провел в кабинете Тагоми! А на все про все ушло целых четыре часа! Когда он вернулся, открывать магазин было уже поздно. За весь день удалось продать только часы «Микки–Маус». Конечно, он не остался внакладе, но…

Чилдэн отворил дверь и прошел в подсобку — повесить пальто. Возвратясь в зал, обнаружил, что его ждет посетитель. Белый.

«Ого, — подумал Чилдэн. — Вот это сюрприз!»

— Добрый день, сэр, — с легким поклоном поздоровался Чилдэн. «Буратино», наверное», — мелькнула мысль. Он окинул посетителя вни-

мательным взглядом: худощавый, смуглый, довольно элегантно одет. Но держится натянуто, даже слегка вспотел от волнения.

— Добрый день, — пробормотал посетитель, разглядывая витрины. Он подошел к прилавку, достал небольшой бумажник из лакированной кожи и вытащил из него красивую, в цветных разводах карточку–удостоверение. На карточке были герб Империи и эмблема ВМФ. «Адмирал Харуша». Роберт Чилдэн с уважением вернул карточку.

— Корабль адмирала стоит в гавани Сан–Франциско, — пояснил посетитель. — Авианосец «Сёкаку».

— Вот как? — промямлил Чилдэн.

— Адмирал Харуша впервые на западном побережье, — продолжал смуглый человек. — Одна из целей его визита — посетить ваш знаменитый магазин. На Родных островах наслышаны о «Художественных промыслах Америки».

Чилдэн вновь поклонился.

— К сожалению, — продолжал гость, — обстоятельства сложились так, что адмирал не нашел времени для личного визита и направил в ваш магазин меня, своего поверенного.

— Адмирал — коллекционер? — спросил Чил-

дэн, лихорадочно обдумывая слова посетителя.

— Скорее — поклонник искусства, знаток и ценитель, но не коллекционер. Вещи, которые он хотел бы у вас приобрести, будут подарены офицерам флагмана. Адмирал решил вручить каждому офицеру ценный раритет времен Гражданской войны — оружие для ношения на поясе. — Сделав паузу, посетитель добавил: — Двенадцати офицерам, сэр.

«Двенадцать револьверов времен Гражданской войны, — подумал Чилдэн. — Дорогое удовольствие. Почти десять тысяч долларов!»

— Всем известно, что вы торгуете бесценными предметами американской старины, — продолжал смуглый человек, — исчезающими, как это ни прискорбно, слишком быстро.

Тщательно подбирая слова (ни в коем случае не допустить оплошности, не отпугнуть покупателя!), Чилдэн произнес:

— Да, вы правы. Во всех ТША не найти такого выбора оружия времен Гражданской войны, как в нашем магазине. Счастлив услужить адмиралу Харуше. Если угодно, я мог бы доставить отменную коллекцию прямо на борт «Сёкаку».

— Я бы хотел посмотреть здесь, — сказал посетитель.

Чилдэн быстро прикинул в уме. У него не было двенадцати револьверов. От силы три. Но, если повезет, он соберет дюжину за неделю. В крайнем случае закажет на Востоке, оплатив пересылку авиапочтой. Обзвонит местных оптовиков.

— Вы разбираетесь в подобном оружии, сэр? — спросил Чилдэн.

— Более или менее, — ответил посетитель. — Я собрал небольшую коллекцию пистолетов и револьверов. Есть даже крошечный револьвер в форме костяшки домино, выпущенный этак году в сороковом прошлого века.

— Прелестная вещица, — кивнул Чилдэн и направился к сейфу.

Вернувшись с револьвером, он увидел, что посетитель заполняет чек.

— Адмирал хотел бы оставить задаток, — сказал «буратино». — Пятнадцать тысяч тихоокеанских долларов.

Перед глазами Чилдэна закружилась комната, но он сумел ответить спокойно, даже с оттенком скуки:

— Как угодно. В этом нет особой необходимости. Так, простая формальность. — Положив на прилавок футляр из фетра и кожи, Чилдэн добавил: — Вот, рекомендую. Превосходный кольт сорок

четвертого калибра. Тысяча восемьсот шестидесятый год. — Он открыл футляр. — Черный порох и пули. Эти револьверы были на вооружении в армии США. С ними парни в синем ходили во второй поход на Ситтинг Булла.[22]

Посетитель долго рассматривал кольт. Затем, подняв глаза, холодно произнес:

— Сэр, это подделка.

— Что? — не понял Чилдэн.

— Сэр, вы предлагаете подделку. Этой вещи нет и шести месяцев. Весьма прискорбно. Вот, поглядите — дерево подвергалось искусственному старению, обрабатывалось едким химическим веществом.

Он положил револьвер на прилавок. Чилдэн схватил кольт и принялся вертеть в руках. Наконец хрипло произнес:

— Этого не может быть!

— Имитация редкого старинного револьвера. Уверен. Боюсь, вас обманули, сэр. Какой–нибудь мошенник. Советую заявить в полицию Сан–Франциско. — Посетитель поклонился. — Весьма сожалею, возможно, среди ваших товаров есть

---

[22] Примечания: 22

Ситтинг Булл — Сидящий Бизон, Татанка Йотанка — легендарный вождь племени сиу. Долгое время оказывал успешное сопротивление американским колонизаторам.

и другие копии. Неужели вы, сэр, владелец магазина, в своем роде специалист , не способны отличить подделку от подлинника?

Наступила тишина.

Гость взял с прилавка чек, убрал в карман вместе с авторучкой и поклонился.

— Мне жаль, сэр, однако я не могу иметь дела с «Художественными промыслами Америки». Адмирал Харуша будет огорчен. Но войдите в мое положение.

Чилдэн стоял, опустив голову, не сводя глаз с револьвера.

— Всего хорошего, сэр, — сказал посетитель. — Последуйте моему совету, отдайте ваш товар экспертам. Ваша репутация… Надеюсь, вы понимаете.

— Сэр, пожалуйста… — забормотал Чилдэн. — Не могли бы вы…

— Не волнуйтесь, сэр. Никто не узнает. Адмиралу я скажу, что ваш магазин был закрыт. В конце концов… — Он помолчал, остановившись в дверях. — В конце концов мы с вами — белые. — Еще раз поклонившись, посетитель ушел.

Чилдэн остался у прилавка с револьвером в руке.

«Этого не может быть, — подумал он. — Но это

случилось. Господи Боже! Я погиб. Упустил пятнадцать тысяч долларов. И потерял репутацию, а это куда хуже. Если этот человек, доверенное лицо адмирала Харуши, проболтается… Я разорен! — решил он. — Покончу с собой.

Но, может быть, посетитель ошибся? Или солгал? Возможно, он подослан хозяином «Предметов истории Соединенных Штатов», чтобы погубить меня. Кем–нибудь из конкурентов.

Револьвер настоящий. Наверняка. А как узнать? — Чилдэн лихорадочно соображал. — Ага! Отправлю его на анализ в лабораторию пенологического факультета Калифорнийского университета. У меня там знакомые. Во всяком случае, были. Один раз приходилось к ним обращаться, когда я усомнился в подлинности старинного ружья».

Он торопливо набрал номер городского транспортного агентства и попросил немедленно прислать курьера. Затем упаковал револьвер и написал записку, в которой просил сотрудников лаборатории срочно установить возраст револьвера и сообщить результат по телефону. Потом отдал пакет и записку подошедшему посыльному. Курьер ушел, а Чилдэн принялся расхаживать по магазину.

В три часа позвонили из лаборатории.

— Мистер Чилдэн, вы хотели узнать, является ли подлинным кольт сорок четвертого калибра армейского образца тысяча восемьсот шестидесятого года. — Пауза, во время которой Чилдэн едва не раздавил трубку. — Сообщаю лабораторное заключение. Все детали, кроме ореховых щечек, изготовлены с помощью пластмассовых форм. Номера подделаны. Сталь не сцементирована цианидом. Бурый и синий цвета получены в результате скоростной обработки по современной технологии, револьвер подвергался искусственному старению с применением химических и механических средств.

— Человек, который мне его предложил… — хрипло произнес Чилдэн.

— Его обвели вокруг пальца, так ему и скажите, — посоветовал эксперт. — Причем ловко обвели. Отличная работа. Профессиональная. Вы знаете, настоящие кольты со временем приобретали синеватый оттенок. А детали этого револьвера завернули в полоски кожи и нагрели с газом CN в запаянной коробке. Это очень сложный процесс, нужна хорошо оборудованная мастерская. Мы изучили частицы веществ, применявшихся для шлифовки, — прежде мы

не слышали, чтобы кто–то ими пользовался для таких целей. Не можем ничего утверждать, но все говорит о том, что выпуск подделок поставлен на промышленную основу.

— Нет! — воскликнул Чилдэн. — Это всего лишь слухи. Можете мне поверить, сэр. Кому знать об этом, как не мне? — Он окончательно потерял самообладание. — Почему я отправил к вам револьвер, как вы думаете? Я много лет торгую подобными вещами и сразу же заподозрил неладное. Такие подделки очень редки. Похоже, что кто–то шалит. Какой–нибудь шутник. — Тяжело дыша, он попрощался: — Благодарю вас. Вы подтвердили мою догадку. Пришлите счет. До свидания!

Чилдэн бросил трубку и уселся просматривать товарные ведомости. Надо выяснить, откуда у него этот фальшивый револьвер.

У кого куплен.

Вскоре он установил, что револьвер продал крупнейший в Сан–Франциско оптовик, владелец «Ассоциации Рэя Калвина» на Ван–Несс. Чилдэн немедленно набрал номер.

— Мне мистера Калвина, — попросил он. Теперь его голос звучал твердо.

Он услышал хриплый, недовольный баритон.

— Да.

— Это Боб Чилдэн — «ХПА инк.», на Монтгомери. Рэй, у меня к вам деликатная просьба. Надо поговорить с глазу на глаз, лучше всего сегодня, у вас в конторе. Уверяю, это очень важно. — Чилдэн вдруг понял, что кричит в трубку.

— Ладно, — буркнул Рэй Калвин.

— И никому не говорите. Это должно остаться между нами.

— В четыре устроит?

— Хорошо, в четыре, — согласился Чилдэн. — У вас в конторе. Всего доброго. — Он яростно хлопнул по столу книгой учета, уронив телефон на пол. Затем опустился на колени и поставил аппарат на место.

Выходить нужно было через полчаса. В ожидании он нервно расхаживал по магазину и грыз ногти. Что делать? Идея! Чилдэн позвонил на Маркет–стрит в филиал «Токио Геральд».

— Будьте добры, — произнес он, — скажите, находится ли в порту авианосец «Сёкаку», а если да, сколько времени? Буду очень благодарен вашей уважаемой газете за эту информацию.

Тоскливое ожидание. Девичий голос:

— Как утверждает наша справочная служба, авианосец «Сёкаку» находится на дне Филип-

пинского моря. — Девушка хихикнула. — Он потоплен американской подлодкой в сорок пятом. Чем еще мы могли бы вам помочь, сэр? — Похоже, в редакции его приняли за шутника.

Он положил трубку. «Стало быть, «Сёкаку» семнадцать лет лежит на дне морском, как и адмирал Харуша,[23] надо полагать. А его «доверенное лицо» — просто жулик. И все же… этот тип оказался прав. Кольт сорок четвертого калибра — подделка. Ничего не понимаю! Может, он торговец? Решил расчистить рынок стрелкового оружия времен Гражданской войны? Но если так, то он не просто торговец. Эксперт. Как быстро он распознал подделку! Таких умников немного найдется. А может, и вообще не найдется. Бояться нечего. Тайна не раскроется. Так что, плюнуть на это дело?»

Чилдэн задумался.

«Нет. Нужно выяснить все до конца. Но прежде всего надо заставить Рэя Калвина возместить убытки. И еще раз обратиться в университетскую лабораторию. Пусть проверят весь товар.

Но… вдруг они установят, что я торгую одними

---

[23] Примечания: 23

В нашем мире «Сёкаку» потоплен 16 июня 1944 года американской подлодкой «Кэвэлла». Авианосцем в то время командовал контр–адмирал Хара.

подделками?

М–да… Проблема.

Остается одно, — мрачно подумал он, — идти к Рэю Калвину. Взять за грудки. Вытрясти всю правду. Может, он тут ни при чем. А может, наоборот. Не важно. Сказать ему: «Еще одна подделка, и я у вас больше ничего не куплю!»

Пусть он несет убытки, — сказал себе Чилдэн. — Он, а не я. Если станет ерепениться, я обойду все магазины и погублю его репутацию. Почему я должен быть козлом отпущения? Пускай те, кто заварил кашу, сами ее и расхлебывают. Но действовать нужно очень осторожно. И ни слова посторонним».

Глава 5

Телефонный звонок Рэя Калвина озадачил Уиндэма–Мэтсона. Он ничего толком не понял — отчасти из–за сбивчивой речи Калвина, отчасти потому, что тот позвонил в полдвенадцатого ночи, когда Уиндэм–Мэтсон развлекался с дамой в своем номере отеля «Муромачи».

— Вот что, дружище, — сказал Калвин, — мы возвращаем вам последнюю партию товара. Вернули бы и остальную дрянь, если бы уже за нее не заплатили.

Естественно, Уиндэму–Мэтсону захотелось узнать, в чем дело.

— В том, что весь ваш товар — дерьмо. Сплошная туфта.

Уиндэм–Мэтсон оторопел.

— Но ведь вы знали, Рэй, вы всегда были в курсе! — Он оглянулся. Женщины поблизости не было, наверное, ушла в спальню.

— Да, я знал, что вы штампуете подделки, — сказал Калвин. — Но речь о другом. О паршивом качестве вашего товара. Мне наплевать, стреляли из револьвера, который вы мне продаете, в Гражданскую войну или нет. Для меня важно,

чтобы ни у кого не возникало сомнений, что это кольт сорок четвертого калибра, такой–то номер по каталогу. Чтобы комар носу не подточил. Вы знаете Роберта Чилдэна?

— Да. — Фамилия была знакомой, хотя в эту минуту Уиндэм–Мэтсон не мог вспомнить, кому она принадлежит. Какому–то дельцу.

— Сегодня Чилдэн приперся ко мне в контору. Он только что ушел, я звоню из конторы, не из дому. В общем, долго бушевал. Он вне себя от злости. Будто бы некий важный япошка — адмирал, ни больше ни меньше — не то приходил к нему, не то присылал своего человека. Чилдэн кричал о сделке на двадцать тысяч. Тут он, конечно, хватил через край, но в остальном я верю: к нему приходил япошка, хотел что–то купить, одним глазком взглянул на ваш кольт сорок четыре, убрал деньги и ушел. Что вы на это скажете?

Сказать Уиндэму–Мэтсону было нечего, но он сразу подумал о Фрэнке и Маккарти. Не их ли рук дело? Но зачем им понадобилось пугать Чилдэна? Его охватил суеверный страх. Как они пронюхали, куда ушел револьвер, сработанный еще в феврале? Как они поступят теперь? Пойдут в полицию? Или в газеты? Или даже в муниципалитет Сакраменто к «буратино»? Кошмар! Всего

этого можно было бы не опасаться, не выгони он Фрэнка… Он не знал, как ответить Калвину — долго бормотал какие–то оправдания, пока наконец не сумел закруглить беседу. Положив трубку, Уиндэм–Мэтсон осознал, что Рита давно вышла из спальни и слышала почти весь разговор. Женщина нетерпеливо расхаживала по комнате в комбинации из черного шелка. По ее плечам в редких крапинках веснушек рассыпались светлые волосы.

— Позвони в полицию, — предложила она.

«А что, — подумал он, — может, я еще дешево отделаюсь, заплатив им тысчонку–другую. Они не откажутся. Наверное, это как раз то, чего они добиваются. У таких парней аппетит невелик, две тысячи кажутся им большими деньгами. Ну да — вложат их в свое дело, прогорят и через месяц окажутся без гроша в кармане. И снова…»

— Нет, — ответил он.

— Почему? Вымогательство — это преступление.

«Ей трудно понять, — подумал Уиндэм–Мэтсон. Он привык платить тем, кто много знает, так же как привык нести производственные расходы. Да и сумма на сей раз невелика. — Но в чем–то она права».

«Я заплачу им две тысячи, — решил Уиндэм–Мэтсон. — А еще свяжусь со знакомым инспектором Департамента гражданских дел. Пусть посмотрят, нет ли у них чего–нибудь на Фрэнка и Маккарти. На тот случай, если они снова придут попрошайничать.

Кто–то мне говорил, что Фрэнк — жид, изменивший форму носа и фамилию, — вспомнил он. — Тем лучше, надо только известить германское консульство. Чего проще. Консул потребует у япошек выдачи Фрэнка, и как только этот содомит окажется за демаркационной линией, его затолкают в газовую камеру. Кажется, в Нью–Йорке остались лагеря. Лагеря с печами».

— Удивляюсь, — сказала Рита, пристально глядя на него, — как можно безнаказанно шантажировать такого крутого парня.

— Ничего удивительного, — рассеянно ответил Уиндэм–Мэтсон. — Если хочешь знать, весь этот чертов бизнес, связанный с историей, — сущая чепуха. Просто япошки — ослы. Сейчас докажу. — Он встал, подошел к кофейному столику и вернулся с двумя зажигалками. — Вот, взгляни. Они похожи как две капли воды, правда? Но историческую ценность имеет только одна. — Он ухмыльнулся. — Держи. Пойдем дальше. На рын-

ке одна из них стоит тысяч сорок — пятьдесят.

Женщина схватила зажигалки и стала вертеть в руках.

— Ну? — подзадорил ее Уиндэм–Мэтсон. — Видишь отпечаток времени?

— Какой еще отпечаток?

— Так говорят о вещах, имеющих историческую ценность. Слушай дальше. Одна из этих зажигалок лежала в кармане Франклина Рузвельта в момент его убийства. А другая — нет. Одна имеет историческую ценность, причем невероятную. Другая и выеденного яйца не стоит. Ну, ты чуешь разницу? — допытывался он. — Нет, ничего ты не чуешь. Нет тут ни «ореола загадочности», ни «дыхания эпохи».

— Вот это да! — восхитилась Рита. — Неужели и вправду одна из них была у Рузвельта в кармане?

— Да. И я знаю которая. Понимаешь теперь? Все это жульничество, люди обманывают сами себя. Скажем, твой пистолет побывал в какой–нибудь знаменитой битве, например при Маас–Аргоне, но если ты об этом не знаешь, то и пистолет кажется тебе самым обыкновенным. Историческая ценность — здесь! — Он постучал себя по лбу. — В голове, а не в пистолете. Я тоже был коллекцио-

нером. В сущности, поэтому и занялся нынешним бизнесом. Собирал ранние марки британских колоний.

Сложив руки на груди, женщина стояла у окна и смотрела на огни Сан–Франциско.

— Не погибни он, мы бы выиграли войну, — задумчиво произнесла она. — Так говорили мои родители.

— Так вот, — продолжал Уиндэм–Мэтсон, — представь, что в прошлом году кто–нибудь… не важно кто, хотя бы правительство Канады, — обнаружил клише старинных марок. И не только клише, но и краску. И запас…

— Я не верю, что одна из этих зажигалок принадлежала Рузвельту, — перебила его Рита.

Уиндэм–Мэтсон хихикнул.

— В том–то и дело! Мне придется доказать это с помощью документа. Понимаешь? Вещь не говорит сама за себя, ее ценность должна подтверждаться бумагой. А следовательно, вся возня с историческими редкостями не имеет смысла. Это массовый самообман.

— Покажи бумагу!

— Пожалуйста. — Он прошел в кабинет и снял со стены листок в рамке — сертификат Смитсоновского института. Зажигалки и сертификат

влетели Уиндэму–Мэтсону в копеечку, но он не жалел — они позволяли ему доказать свою правоту, доказать, что слово «подделка» — пустой звук, поскольку слово «оригинал» тоже ничего не значит.

— Кольт сорок четвертого калибра — это кольт сорок четвертого калибра, — вещал он, возвратясь из кабинета. — Покупая револьвер, следует интересоваться диаметром ствола и особенностями конструкции, а не датой выпуска…

Рита протянула руку. Он отдал сертификат.

— Значит, одна из них все–таки подлинная, — сказала она наконец.

— Да. Вот эта. — Уиндэм–Мэтсон протянул зажигалку с длинной царапиной на одной из сторон.

— Пожалуй, мне пора, — сказала Рита. — Как–нибудь вечерком еще увидимся. — Она вернула сертификат и зажигалку и направилась в спальню, где осталось ее платье.

— Почему?! — раздраженно крикнул он. — Ты же знаешь, нам никто не помешает. Жена приедет через несколько недель… Я же тебе объяснял: у нее отошла сетчатка.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Будь любезен, вызови велотакси, пока я оде-

ваюсь, — попросила Рита.

— Я сам тебя отвезу, — буркнул Уиндэм–Мэтсон.

Она оделась. Вернувшись из прихожей с ее пальто, Уиндэм–Мэтсон застал Риту в кабинете возле книжного шкафа, погруженную в раздумья. Казалось, ее что–то гнетет.

«Прошлое, — понял он. — Оно многим не дает покоя. Черт меня дернул завести этот разговор! — упрекнул он себя. — Но ведь она такая молоденькая — я думал, она и слыхом не слыхивала о Рузвельте».

Рита опустилась на колени и взяла с нижней полки книгу.

— Ты читал? — спросила она.

Он поднес книгу к близоруким глазам. Серая обложка. Роман.

— Нет. Жена купила. Она любит беллетристику.

— Тебе бы следовало прочесть.

Уиндэм–Мэтсон неохотно взял книгу.

— «Из дыма вышла саранча», — произнес он вслух. — Это не из тех ли книг, что запрещены в Бостоне?

— Не только в Бостоне, но и во всех Соединенных Штатах. Ну и в Европе, разумеется. — Рита

вышла в прихожую и остановилась у двери.

— Слыхал я об этом Абендсене.

На самом деле Уиндэм–Мэтсон ничего о нем не слышал. И о романе знал только то, что он очень популярен. Еще одна причуда. Повальное увлечение. Он нагнулся и поставил книгу на полку. «Некогда мне читать модные книжки. Дел невпроворот. Конечно, у секретарш есть время читать всякую дрянь, — угрюмо подумал он. — И на работе, и дома — в постели. Их это возбуждает, хотя они прекрасно знают: в жизни все по–другому».

— Любовная история? — проворчал он, отворяя входную дверь.

— Нет. Роман о войне. — На пути к лифту она добавила: — Он пишет то же самое, что говорили мои родители.

— Кто? Абендсен?

— Да. Мол, если бы Джо Зангара[24] промазал, Рузвельт вытащил бы Америку из депрессии и вооружил ее так, что... — Рита умолкла — они подошли к лифту, где в ожидании стояли люди.

Позже, мчась по ночной улице в «мерседес–

---

[24] Примечания: 24

Джузеппе Зангара — безработный каменщик, покушавшийся на Франклина Рузвельта 15 февраля 1933 года, за две недели до вступления Рузвельта на пост президента.

бенце» Уиндэма–Мэтсона, она снова заговорила о книге.

— Идея Абендсена в том, что Рузвельт был очень сильным президентом, вроде Линкольна. Сюжет книги вымышленный, Абендсен облек свою теорию в форму романа. Рузвельт не гибнет в Майами, а живет себе дальше. В тридцать шестом его переизбирают на второй срок, и вплоть до сорокового — до начала войны — он все еще президент. Догадываешься, что потом происходит? Когда Германия нападает на Англию, Францию и Польшу, он у власти. При нем Америка становится сильной державой. Гарнер вообще–то был никудышным президентом. Наделал уйму ошибок. А так в сороковом вместо демократа Брикера избрали бы…

— Это по мнению Абендсена. — Уиндэм–Мэтсон холодно взглянул на нее. «Боже, — подумал он, — прочтут какую–то книжонку и разглагольствуют, словно…»

— Так вот, вместо изоляциониста Брикера[25] в сороковом президентом становится Рэксфорд

[25] Примечания: 25

Джон Уильям Брикер — американский политик, прославившийся ультраконсервативными взглядами; в 1944 году выставлял свою кандидатуру на пост вице–президента от партии республиканцев и потерпел поражение.

Тагуэлл.[26] — Ее гладкая кожа блестела в свете уличных фонарей, глаза сияли. Рита возбужденно жестикулировала. — Он оказался активным приверженцем антифашистской политики Рузвельта. Поэтому в сорок первом Германия побоялась прийти на помощь Японии. Не выполнила условий договора. Соображаешь? — Она повернулась к Уиндэму–Мэтсону и вцепилась в его плечо. — И в результате Германия и Япония проиграли войну!

Он засмеялся.

Женщина не сводила с него глаз, словно пыталась отыскать что–то в его лице. Он только не мог понять что, к тому же надо было следить за дорогой.

— Это не смешно, — холодно произнесла Рита. — Такое вполне могло случиться. Штаты вздули бы япошек, а…

— Как? — заинтересовался Уиндэм–Мэтсон.

— Как раз об этом он и пишет. — Она помолчала секунду и добавила: — В форме романа. В книге много художественных отступлений, для занимательности. Его герои — двое влюбленных,

---

[26] Примечания: 26

Рэксфорд Тагуэлл — ближайший сподвижник Рузвельта, автор многих книг о нем. Позже примкнул к лагерю активных критиков президента.

как раз то, что нужно читателю. Парень служит в американской армии, а девушка… Впрочем, не важно. Так вот, президент Тагуэлл далеко не дурак и прекрасно понимает, что затеяли японцы. — Она заметила выражение его лица и пояснила: — Ничего, об этом можно говорить, в Тихоокеании «Саранча» не запрещена. Я слышала, она очень популярна среди япошек, даже на Родных островах. О ней много говорят.

— Слушай, а как насчет Пёрл–Харбора? — спросил Уиндэм–Мэтсон.

— Президент Тагуэлл заранее увел все корабли в море, и флот США не погиб.

— Ясно.

— Так что Пёрл–Харбора, можно сказать, не было. Японцы напали, но смогли потопить лишь несколько небольших кораблей.

— Как, ты говоришь, он назвал книгу? «Саранча»?..

— «Из дыма вышла саранча». Это из Библии.

— Значит, япошки проиграли, потому что не было Пёрл–Харбора? Нет, дорогая, Япония победила бы в любом случае.

— В романе флот США не дает им захватить Филиппины и Австралию.

— Так то в книге. А на деле их флот был не чета

нашему. Я хорошо знаю япошек, они бы из кожи вон вылезли, но завладели бы Тихим океаном. А Штаты после Первой мировой переживали кризис. В той войне пострадали все страны, морально и материально.

Женщина упрямо возразила:

— Если бы немцы не захватили Мальту, Черчилль остался бы у власти и привел Англию к победе.

— Да неужели?

— В конце концов он разгромил бы Роммеля в Северной Африке.

Уиндэм–Мэтсон захохотал.

— А победив Роммеля, англичане могли двинуться через Турцию на соединение с остатками русских армий. В книге они останавливают рвущихся в глубь России немцев у одного города на Волге. Этот город никому не известен, но он существует, я нашла его в старом атласе.

— Как он называется?

— Сталинград. Там британцы добились перелома в войне. А Роммелю так и не удалось пробиться к отступающим армиям Восточного фронта, которыми командовал фон Паулюс. Помнишь его? И немцы не сумели прорваться на Ближний Восток — к нефти, ни в Индию — на соединение с

японцами. И…

— Чепуха! Ни один военачальник не смог бы победить Эрвина Роммеля, — возразил Уиндэм–Мэтсон. — И не могло быть событий, пригрезившихся этому Абендсену. Как бы ни защищали англичане русский город с геройским названием Сталинград, большего, чем недолгой отсрочки своей гибели, они бы не добились. Да будет тебе известно, я встречался с генералом Роммелем. В сорок восьмом, будучи по делам в Нью–Йорке. (На самом деле он лишь издали видел военного коменданта США на приеме в Белом доме.) Какой человек! Какое достоинство, какая стать! В общем, я знаю, о чем говорю.

— Да, ужасно было, когда на место Роммеля назначили это чудовище Ламмерса. До него не было ни казней, ни лагерей.

— При Роммеле тоже были лагеря.

— Но… — Женщина запнулась. — Неофициально. Возможно, головорезы из СС и творили мерзости, но… Роммель был не такой, как другие. Он походил на старых пруссаков — суровый…

— Хочешь знать, кому США обязаны своим возрождением? — спросил Уиндэм–Мэтсон. — Кто не пожалел труда для воссоздания американской экономики? Альберт Шпеер. Не Роммель и

не Организация Тодта. Шпеер оказался самым полезным из тех, кого Партай[27] послала в Северную Америку. При нем снова заработали заводы, корпорации — вся промышленность, и неплохо заработали. Хотел бы я, чтобы и у нас было то же самое. А то какую отрасль ни возьми, везде конкурируют не меньше пяти компаний, неся ужасающие убытки. Ничего глупее, чем соперничество в экономике, не придумаешь.

— Моя подруга жила в трудовых лагерях и рабочих поселках, что построили на Востоке, — сказала Рита. — Я бы не выдержала. Представляешь, там проверяют почту. Она ни о чем не могла рассказать мне, пока не вернулась сюда. Их будили в шесть тридцать оркестром.

— Ничего, привыкла бы. Тебе бы обеспечили чистое жилье, сносное питание, медицинское обслуживание и условия для отдыха. Что еще нужно? Птичье молоко?..

Большой немецкий лимузин медленно вез их по окутанному ночным туманом Сан–Франциско.

Тагоми сидел на полу в позе Будды и дул в пи-

---

[27] Примечания: 27

Партия *(нем.)*. Здесь — германская национал–социалистическая рабочая партия, НСДРП.

алу с китайским чаем, с улыбкой поглядывая на Бэйнса.

— А вы здесь неплохо устроились, — нарушил молчание Бэйнс. — И вообще, на Тихоокеанском побережье довольно спокойно. Совсем не так, как… там. — Он не стал уточнять.

— Божественное говорит с благородным человеком под знаком пробуждения.[28]

— Простите?

— Это Оракул. Один из его афоризмов.

«Витают в облаках — вот чем они тут занимаются», — мысленно улыбнулся Бэйнс.

— Мы непостижимы для европейца, поскольку живем по книге, которой пять тысяч лет. Задаем ей вопросы так, будто она живая. А она действительно живая, как Библия христиан. На свете много живых книг. Это не метафора: книга обладает душой. Вы понимаете? — Тагоми внимательно следил за лицом Бэйнса.

Тщательно подбирая слова, Бэйнс ответил:

— Знаете, я не очень хорошо разбираюсь в религиях. Это не моя стезя. Мне хотелось бы поговорить о том, в чем я более сведущ.

Действительно, он почти не понимал Тагоми.

---

[28] Примечания: 28

Перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

«Должно быть, я устал, — решил Бэйнс. — С той минуты, как я здесь оказался, все как будто приобрело карликовые размеры. Все кажется мелким, незначительным… нелепым, что ли. При чем тут книга, которой пять тысяч лет, при чем тут часы «Микки–Маус», при чем тут Тагоми с хрупкой пиалкой в руке… и огромная, уродливая голова бизона, злобно глядящая на меня со стены?»

— Чья это голова? — спросил он вдруг.

— Одного из зверей, за счет которых в былые времена жили аборигены, — ответил Тагоми.

— Ясно.

— Показать вам, как надо охотиться на бизонов? — Тагоми поставил пиалку на столик и встал. Дома по вечерам он носил шелковое кимоно, шлепанцы и белый шарф. — Вот я на железном коне.[29] — Широко расставив ноги, он принял низкую стойку. — На коленях — верный винчестер образца тысяча восемьсот шестьдесят шестого года из моей коллекции. — Он вопросительно посмотрел на Бэйнса. — Вы, наверное, устали с дороги, сэр?

— Боюсь, что да, — ответил Бэйнс. — Слишком много впечатлений. Да и дела висят тяжким гру-

---

[29] Примечания: 29

Сцена связана с особенностями национального характера и психологии японцев и совершенно непонятна для европейца Бэйнса.

зом… «И кое–что еще, — добавил он мысленно. У него раскалывалась голова. — Интересно, можно ли здесь раздобыть обезболивающие таблетки фирмы «ИГ Фарбениндастри“?» — Он привык к ним с тех пор, как стал страдать хроническим фронтитом.

— Все мы должны во что–то верить, — сказал Тагоми. — Нам не дано заглянуть в будущее. Мы не знаем ответов.

Бэйнс кивнул.

— Моя жена найдет какое–нибудь лекарство от головной боли, — пообещал Тагоми, видя, что гость снял очки и трет затылок. — Это у вас от напряжения глазных мускулов. Извините. — Он поклонился и вышел из комнаты.

«Что действительно нужно, так это выспаться, — подумал Бэйнс. — Всего–навсего провести ночь в постели. А может, мне просто не по плечу дело, за которое я взялся? Инстинктивно хочется спрятать голову в песок».

Когда Тагоми вернулся с таблеткой и стаканом воды, Бэйнс произнес:

— Видимо, мне действительно придется пожелать вам спокойной ночи и отправиться в гостиницу. Если не возражаете, мы могли бы встретиться завтра. Кстати, я хотел кое–что уточ-

нить. Вам не говорили о третьем лице, которое примет участие в наших беседах?

Мелькнувшее в глазах Тагоми удивление тут же сменилось напускной беззаботностью.

— Мне об этом ничего не известно. Было бы интересно узнать.

— Это человек с Родных островов.

— Вот как? — На сей раз Тагоми не выдал удивления. Он вполне владел собой.

— Пожилой бизнесмен, отошедший от дел, — пояснил Бэйнс. — Путешествует морем и уже две недели в пути. У него предубеждение к полетам.

— Видимо, чудаковат, — заметил Тагоми.

— Он по–прежнему в курсе всего, что касается экономики Родных островов, и может предоставить нам необходимую информацию. Наверное, мы могли бы обойтись и без его услуг, но при его участии наша беседа окажется более плодотворной.

— Да, — кивнул Тагоми, — скорее всего его помощь будет не лишней. Я два года не был на Родных островах и плохо представляю, как обстоят дела с рынком сбыта.

— Вы хотели дать мне таблетку?

Опешив, Тагоми опустил глаза и увидел, что таблетка и стакан все еще у него в руках.

— Простите. Это очень сильнодействующее средство, заракаин. Его выпускает фармацевтическая фирма в Китайском регионе. — Протягивая Бэйнсу таблетку, он добавил: — Не вызывает привыкания.

— Возможно, этот пожилой господин напрямую свяжется с вашим Торгпредством. Чтобы ему не отказали в приеме, я на всякий случай напишу его имя. Мне не приходилось с ним встречаться, но, по моим сведениям, он глуховат и эксцентричен. Я бы хотел быть уверен, что с ним обойдутся вежливо. — Казалось, Тагоми понял, что Бэйнс имеет в виду. — Он любит рододендроны и будет просто счастлив, если кто–нибудь из ваших людей в течение получаса, пока мы готовимся к беседе, поговорит с ним о рододендронах.

Бэйнс проглотил таблетку, запил водой и вытащил авторучку и блокнот.

— Мистер Синьиро Ятабе, — прочитал Тагоми и бережно положил записку в бумажник.

— И еще одно.

Мистер Тагоми замер с пиалой у рта.

— Деликатный нюанс. Видите ли, этот джентльмен… несколько стеснен в средствах. Ему под восемьдесят. В конце карьеры некоторые из затеянных им предприятий оказались не слишком

удачными. Вы понимаете?

— То есть теперь он не богат, — сказал Тагоми, — вероятно, даже живет на пенсию.

— Именно. И пенсия плачевно мала. Поэтому ему приходится немного… подрабатывать.

— Нарушая некоторые мелочные постановления, — подхватил Тагоми. — Ох уж это мне Родное правительство и его чиновники–бюрократы! Я понял вас. Пожилой джентльмен получает за консультации гонорар и не отчитывается перед Департаментом пенсий. А для этого нужно, чтобы мы никого не ставили в известность о цели его визита. Пусть считают, что он приехал сюда отдыхать.

— Вы искушены в житейских делах, — улыбнулся Бэйнс.

— Я сталкивался с подобной ситуацией. К сожалению, наше общество не решило проблему стариков. А их число растет по мере совершенствования медицины. У китайцев мы научились чтить и ценить старость. В этом отношении немцы вызывают у нас… Я слышал, они уничтожают стариков.

— Немцы… — промямлил Бэйнс и снова потер лоб.

— Вы родом из Скандинавии и, несомненно,

часто бываете в Festung Europa. Даже сюда прилетели из Темпельхофа. Там к ним такое же отношение? Что вы, нейтрал, об этом думаете?

— Простите, я не понял, — пробормотал Бэйнс. — Какое отношение? К кому?

— К старым, больным, слабым, умственно неполноценным и так далее. «Какой прок от новорожденного?» — спросил когда–то известный англосаксонский философ.[30] Я запомнил этот вопрос и многократно задумывался над ним. В общем–то никакого прока, сэр.

Бэйнс что–то невнятно пробормотал. Очевидно, это было проявлением уклончивой вежливости.

— Человек не должен служить орудием для удовлетворения нужд ближнего, — сказал японец. — Разве не так? — Он наклонился к мистеру Бэйнсу. — А какова точка зрения нейтрала?

— Не знаю, — сказал мистер Бэйнс.

— Во время войны я занимал незначительный пост в Китайском регионе, — сообщил мистер Тагоми. — Там, в Ханькоу, находилось поселение евреев, интернированных Имперским правительством. Они жили на средства организации «Джойнт». Нацистский консул в Шанхае потре-

---

[30] Примечания: 30

Высказывание принадлежит Джону Локку, крупнейшему представителю английского материализма XVII века.

бовал, чтобы мы их уничтожили. Помню ответ моего начальника: «Это противоречит нашим представлениям о человечности». Требование посла было отвергнуто как варварское. На меня это произвело впечатление.

— Понимаю, — пробормотал Бэйнс. «Прощупывает», — подумал он и насторожился. Ему стало легче, голова уже не болела, мысли перестали путаться.

— Нацисты всегда считали евреев небелыми, азиатами. Однако никто из высокопоставленных японцев, даже членов Военного Кабинета, не разделял этого мнения. Я никогда не беседовал на эту тему с гражданами Рейха, с которыми мне доводилось…

— Простите, но я не немец, — перебил его мистер Бэйнс, — и вряд ли могу говорить за них. — Он встал и направился к выходу. Задержавшись в дверях, произнес: — Завтра мы продолжим нашу беседу. А сейчас прошу меня простить. Что–то голова плохо соображает. — На самом деле голова соображала прекрасно. «Надо убираться отсюда, — решил он. — Этот человек слишком круто за меня взялся. Наверное, мои донкихотские разглагольствования в ракете «Люфтганзы» каким–то путем дошли до японцев.

Зря я разболтался с этим, как его… Лотце. Зря. Но сейчас поздно жалеть.

Напрасно я ввязался в это дело. Не подхожу я для него. Совсем не подхожу».

Затем его мысли приняли иное направление.

«Швед вполне мог разговаривать с Лотце в таком духе. Все в порядке. Я не допустил промашки. Пожалуй, я излишне осторожничаю. Не в силах избавиться от привычек, выработанных на прошлом задании. Здесь о многом можно говорить открыто. К этому еще надо привыкнуть».

Но этому противилось все его естество. Кровь в венах, кости, мышцы. «Открой рот, — твердил он себе. — Скажи что–нибудь. Любой пустяк. Выскажи свое мнение. Не молчи, если не хочешь уйти ни с чем…»

— Возможно, ими движет некий подсознательный архетип4, если вспомнить Юнга.

Тагоми кивнул:

— Понимаю, я читал Юнга.

Они пожали друг другу руки.

— Простите мою назойливость, — произнес Тагоми, спеша распахнуть перед Бэйнсом двери. — За философскими рассуждениями я забыл правила гостеприимства. Прошу. — Он крикнул что–то по–японски, и отворилась парадная дверь.

Появился молодой японец, отвесил легкий поклон и взглянул на Бэйнса.

«Мой водитель», — догадался тот.

— Завтра утром я вам позвоню, — сказал Бэйнс. — Спокойной ночи, сэр.

Молодой японец улыбнулся, шагнул вперед и что–то проговорил.

— Что? — переспросил Бэйнс, снимая с вешалки пальто.

— Он обратился к вам по–шведски, сэр, — пояснил Тагоми. — Он изучал историю Тридцатилетней войны в Токийском университете и восхищен вашим героем Густавом Адольфом.[31] — Тагоми улыбнулся. — Увы, судя по всему, его попытки одолеть столь сложный язык оказались безуспешными. Очевидно, он пользовался грампластинками. Он ведь студент, а среди студентов, благодаря дешевизне, грампластинки весьма популярны.

Похоже, молодой японец не понимал по–английски. Он с улыбкой поклонился.

— Понятно, — пробормотал Бэйнс. — Ну что ж, желаю ему удачи.

«Боже мой! — подумал он. — Никаких сомне-

---

[31] Примечания: 31

Густав II Адольф (1594–1632) — король Швеции, участвовал в Тридцатилетней войне (1618–1648) на стороне антигабсбургской коалиции.

ний — этот япошка всю дорогу будет приставать ко мне с вопросами на шведском». Бэйнс с трудом понимал этот язык, и то лишь когда слова произносились правильно и внятно. А тут — японец, кое–как изучивший шведский по грампластинкам!

«Ничего у нас с ним не получится, — подумал Бэйнс. — Но он от меня не отстанет, пока не довезет до гостиницы — ведь ему, быть может, никогда в жизни не доведется встретить другого шведа. — Бэйнс мысленно застонал. — Какие муки нас ждут!»

Глава 6

Ранним утром, радуясь нежарким солнечным лучам, Джулиана Фринк ходила по бакалейным лавкам. Она не спеша брела по тротуару с двумя коричневыми бумажными сумками в руках, останавливалась возле каждого магазина поглазеть на витрину. Спешить было некуда.

«Может, купить что–нибудь в аптеке?» — подумала она и, помедлив, шагнула через порог. До полудня, когда начнутся занятия дзюдо, оставалось уйма времени. Усевшись на стул возле прилавка и поставив на пол сумки, она придвинула к себе пачку журналов.

Листая свежий «Лайф», она наткнулась на статью «Телевидение в Европе: взгляд в будущее». На той же странице — фотография. Немецкая семья в гостиной у телевизора. «Берлинские передачи идут уже по четыре часа в день, — говорилось в статье. — Когда–нибудь телестанции появятся во всех крупных городах Европы, а нью–йоркская начнет действовать в семидесятом году».

Другая фотография посвящалась инженерам–электронщикам Рейха, которые помогали американским строителям нью–йоркской теле-

станции. Отличить немцев было проще простого: ухоженные, уверенные в себе, энергичные. Американцы были ничем не примечательны — люди как люди.

Один из немцев стоял с вытянутой рукой, а американцы, напряженно всматриваясь, пытались понять, на что он указывает. «Да и зрение у них лучше, чем у нас, — подумала Джулиана. — Еще бы, двадцать лет отменного питания! Говорят, они видят то, чего никто из нас не разглядит. Это из–за витамина А, наверное.

Интересно, каково это — сидеть у себя в гостиной и видеть на маленьком голубом экране целый мир? Если немцы так богаты, что летают на Марс, почему они не возьмутся всерьез за телевидение? Я бы предпочла прогулкам по Марсу комические постановки.

Ужасно хочется увидеть Боба Хоупа и Дюрана.

А впрочем, зачем немцам телевидение, если у них нет чувства юмора? К тому же они погубили почти всех выдающихся комиков. Потому что почти все комики были евреями. В сущности, они ликвидировали индустрию развлечений. Странно, как это Хоупу сходят с рук его шутки? Впрочем, он выступает по канадскому радио, а в Канаде немного посвободнее. Но все–таки он

смельчак. Взять хотя бы его шутку о Геринге — ту, где Геринг покупает Рим, перевозит его к своему логову в горах, отстраивает заново и возрождает раннее христианство, чтобы его любимым львам было чем заняться».

— Хотите купить журнал, мисс? — подозрительно спросил маленький сморщенный старикашка, хозяин аптеки.

Она с виноватым видом отложила «Ридерз дайджест», который начала было просматривать.

И снова, погруженная в раздумья, Джулиана брела по улице.

«Вероятно, после смерти Бормана новым фюрером будет Геринг. Он бы давно возглавил Рейх, если бы не сидел у себя в горах, когда Гитлеру взбрело в голову удалиться на покой. В тот день под рукой у Гитлера оказался проныра Борман. Геринг должен стать фюрером хотя бы потому, что его «Люфтваффе» разбомбили радарные станции англичан, а потом разделались с королевскими ВВС. Не сумей он настоять на своем, Гитлер скорее всего приказал бы бомбить Лондон, как Роттердам.

Но не исключено, что фюрером станет Геббельс, — так все говорят. Лишь бы не страшилище Гейдрих. Он всех нас угробит. Настоящий мясник.

Кто мне нравится, так это Бальдур фон Ширах. Из них он один не выглядит психом. Но у него нет никаких шансов».

Она поднялась на крыльцо своего старого деревянного дома. Джо Чиннаделла по–прежнему лежал на животе, свесив руки с кровати. Он спал.

«Почему он еще здесь? Его грузовик ушел. Неужели он опоздал? Похоже».

Джулиана прошла на кухню и поставила сумки на стол, где с вечера оставалась грязная посуда.

«А случайно ли он опоздал? Хотелось бы мне знать… Какой необыкновенный мужчина!»

Он был неутомим, почти всю ночь не давал ей покоя. Но при этом будто не сознавал, что лежит в постели с женщиной. Сжимал ее в объятиях, а мыслями был где–то далеко.

«А может, он просто часто этим занимается? — предположила Джулиана. — Сила привычки: тело работает само, как мои руки, складывающие тарелки в мойку. Извлеки из его черепа три четверти мозга — все равно будет двигаться, как лягушачья лапка на уроке биологии…»

— Эй! — крикнула она. — Пора вставать!

Джо пошевелился и захрапел.

— Слушал вчера Боба Хоупа? — громко спроси-

ла Джулиана. — Я чуть со смеху не померла, когда он рассказывал о немецком майоре, устроившем марсианам допрос. Дело в том, что у марсиан не оказалось документов об арийском происхождении. Поэтому майор рапортует в Берлин, что Марс населен евреями… — она вошла в спальню, — …двухголовыми, ростом один фут… ну, знаешь, как это умеет подать Боб Хоуп.

Джо открыл глаза и уставился на нее, не мигая. Черный от щетины подбородок, темные, полные муки глаза… Джулиана умолкла.

— Что с тобой? — спросила она, помолчав. — Чего ты боишься? — И тут же подумала: «Нет, я знаю, что значит бояться, видела, как боится Фрэнк. Здесь что–то другое».

— Уехал старый плут, — буркнул Джо, усаживаясь.

— И что ты собираешься делать? — Вытирая руки кухонным полотенцем, она опустилась на край кровати.

— Перехвачу на обратном пути. Он никому не расскажет. Я тоже кое–что знаю о его проделках.

— Думаешь, обратно он поедет этой же дорогой?

— Он всегда возвращается по Пятидесятой и никогда — по Сороковой. На Сороковой он однажды

угодил в аварию — врезался в табун лошадей, переходивших шоссе. Это было в Скалистых горах. — Джо сгреб в охапку одежду со стула и начал одеваться.

— Сколько тебе лет, Джо? — спросила Джулиана, разглядывая его смуглое тело.

— Тридцать четыре.

«Значит, ты был на войне». Но Джулиана не замечала у него физических дефектов — мускулистое стройное туловище, длинные ноги.

Под ее внимательным взглядом Джо нахмурился и отвернулся.

— Что, нельзя посмотреть? — обиженно спросила она. «Странно, вместе провели ночь, и вдруг — такая стеснительность». — Мы что, клопы? Не можем быть на свету и должны прятаться по щелям?

Он что–то пробурчал и, как был в трусах, двинулся к ванной, потирая небритые щеки.

«Это мой дом, — подумала Джулиана. — Я позволила тебе остаться, а ты не разрешаешь даже смотреть на тебя. В таком случае зачем тебе понадобилось оставаться?»

Она прошла вслед за ним в ванную. Джо наполнял раковину горячей водой.

На его плече Джулиана увидела татуировку

— синюю букву К.

— Что это? — спросила она. — Имя твоей жены? Конни? Карина?

Джо буркнул:

— Каир.

«Какое экзотическое имя, — подумала она и вдруг почувствовала, что краснеет. — Я просто дура!»

Итальянец, тридцати четырех лет, из нацистской части континента… Ну, конечно, он был на войне, сражался на стороне Оси. Воевал в Каире, а татуировка — символ кампании, знак совместной победы над британо–австралийской армией генерала Готта.

Выходит, Джо служил в африканском корпусе Роммеля.

Выйдя из ванной, Джулиана прошла в спальню — заправить кровать. Руки не слушались.

На стуле аккуратной стопкой лежали пожитки Джо: одежда, маленький саквояж, кое–какие мелочи. Ей бросилась в глаза коробочка наподобие футляра для очков.

«Ты и в самом деле сражался под Каиром, — подумала Джулиана, открыв коробочку и увидев Железный крест второй степени с выгравированной надписью «Каир» и датой: 10 июня

1945. — Такую награду получили не все, а только самые доблестные. Интересно, что ты там натворил… Тебе ведь было тогда лет семнадцать…»

Когда Джулиана извлекла орден из бархатного футляра, в дверях показался Джо. Она даже подскочила, заметив его. Но он не рассердился.

— Я только посмотрела, — виновато произнесла Джулиана. — Никогда не видела такой награды. Тебе ее сам Роммель вручил?

— Генерал Байерляйн. Роммеля к тому времени послали в Англию добивать британцев. — Он говорил спокойно, но машинально водил скрюченными пальцами от лба к затылку, будто расчесывал волосы. Это было похоже на хронический нервный тик.

— А ты мне расскажешь про Каир? — спросила Джулиана, когда Джо вернулся в ванную.

За бритьем и после, моясь под душем, Джо скупо рассказал ей о войне. Но его история была не из тех, которые любила слушать Джулиана.

Когда двое его старших братьев отправились в Эфиопию, он, тринадцатилетний мальчишка, вступил в Милане в молодежную фашистскую организацию. Позже братьев зачислили в знаменитую артиллерийскую батарею майора Рикардо Парди, а вскоре после начала Второй мировой к

ним присоединился и Джо. Они дрались под командованием фельдмаршала Грациани. Техника, особенно танки, у них была хуже не придумаешь. Британцы расстреливали их как кроликов, даже старших офицеров. В бой танки ходили с мешками песка на башне — иначе люки распахивались от тряски. Солдатам майора Парди приходилось собирать неразорвавшиеся снаряды, чистить их и снова пускать в дело.

Однако в сорок третьем батарея остановила отчаянное танковое наступление генерала Уовелла.

— А твои братья живы? — спросила Джулиана.

Его братьев в сорок четвертом задушили проволокой британские коммандос из «Лонг рэндж дезерт груп»,[32] которые устраивали диверсии в тылах Оси. В конце войны, когда стало ясно, что союзники проиграют, они дошли до последней степени фанатизма.

— А как ты сейчас относишься к британцам? — перебила его Джулиана.

— Хотел бы я увидеть, как англичанам воздают сполна за Африку, — хладнокровно ответил Джо.

— Но ведь… прошло восемнадцать лет, — сказа-

---

[32] Примечания: 32

Диверсионно–десантное подразделение британских ВС, предназначавшееся для действий в пустынях.

ла Джулиана. — Я знаю, британцы много всяких ужасов натворили, но…

— Все говорят о зверствах нацистов над евреями, — проворчал Джо. — Но англичане были хуже зверей. Взять хотя бы битву за Лондон. — Помолчав, добавил: — Видела бы ты их огнеметы… видела бы, как горят фосфор и нефть, как вспыхивают лодка за лодкой… Мне попадались обугленные трупы немцев–десантников… А трубы под водой, зажигающие, казалось, само море! А массированные налеты бомбардировщиков на беззащитные города, благодаря которым Черчилль надеялся добиться перелома в конце войны… А то, что осталось от Гамбурга, Эссена…

— Давай не будем об этом, — перебила его Джулиана из кухни, где жарила ветчину. Она включила маленький пластмассовый приемник фирмы «Эмерсон», подаренный ей на день рождения Фрэнком. — Сейчас приготовлю что–нибудь поесть. — Она покрутила ручку, пытаясь найти легкую музыку.

— Взгляни–ка, — сказал Джо из спальни. Он сидел на кровати, рядом стоял раскрытый саквояж. Ухмыляясь, он достал старую, потрепанную книгу, видимо, побывавшую во многих руках. — Иди сюда. Знаешь, что пишет один человек? Вот

тут. — Он ткнул пальцем в книгу. — Это довольно забавно. — Он схватил ее за руку и заставил сесть рядом. — Хочу тебе почитать. Предположим, они бы победили. Как бы это выглядело? Незачем ломать голову, этот парень обо всем за нас подумал.

Джо раскрыл книгу и стал медленно переворачивать страницы.

— Вся Европа под контролем Британской империи. И все Средиземноморье. Италии нет и в помине, Германии тоже. До самой Волги — только бобби, смешные солдатики в высоких меховых шапках, и власть короля.

— По–твоему, это было бы плохо? — тихо спросила Джулиана.

— А ты читала эту книгу?

— Нет. — Джулиана наклонилась, чтобы рассмотреть обложку. — Но слышала. Ее читали очень многие. Мы с Фрэнком… с моим бывшим мужем, часто размышляли о том, что было бы, если бы союзники победили в войне.

Джо как будто не слышал ее. Он смотрел в книгу.

— А знаешь, почему побеждает Англия? Как ей удается одолеть Ось?

Джулиана отрицательно покачала головой,

чувствуя, как в душе сидящего рядом человека закипает злость. У него задрожал подбородок. Джо часто облизывал губы, запускал пятерню в волосы… и вдруг хрипло произнес:

— У него Италия предает Ось.

— Ого! — воскликнула Джулиана.

— Италия переходит на сторону союзников. В результате перед англосаксами открыто, как он пишет, «мягкое подбрюшье Европы». Впрочем, неудивительно, что он так считает. Всем известна трусость итальянских солдат — едва завидев британцев, они давали деру. Горькие пьяницы, разгильдяи. Драться не любят и не умеют. Этого парня… — Джо закрыл книгу, взглянул на обложку, — …Абендсена, я не виню. Он писал то, что подсказывало воображение, выдумывал мир, в котором Ось — проигравшая сторона. А как бы еще она могла проиграть, не предай ее Италия? — Голос дрогнул. — Всем известно, каким паяцем был дуче.

— Пойду переверну бекон. — Джулиана поспешила на кухню.

Джо встал и с книгой в руках проследовал за ней.

— После того как наголову разбили япошек, в войну вступают США. Победившие Штаты и

Британия делят мир между собой. Точь–в–точь как поделили его Германия и Япония.

— Германия, Япония и Италия, — поправила Джулиана.

Джо непонимающе уставился на нее.

— Ты пропустил Италию, — сказала Джулиана, спокойно встретив его взгляд. «Выходит, ты тоже забыл? — мысленно произнесла она. — Как и все остальные? Забыл маленькую империю на Ближнем Востоке… Опереточный Новый Рим».

Она поставила перед ним поднос с беконом, яйцами, гренками, мармеладом и кофе. Он жевал, не отрываясь от чтения. Джулиана села рядом.

— Чем тебя кормили в Северной Африке? — спросила она.

— Тухлой ослятиной, — кратко ответил Джо.

— Ужас!

Его губы растянулись в улыбке.

— «Азино Морте». Говяжья тушенка с этикеткой «АМ» на банке. Немцы называли ее «Alter Mann» — «старикашка». — Он вернулся к еде.

«Надо бы почитать. — Джулиана протянула руку к книге. — Долго ли он у меня проживет?» Книга была в сальных пятнах, со следами грязных пальцев, в ней недоставало страниц. «Ее брали в дальние рейсы шоферы грузовиков, — подумала

она. — Держу пари, Джо читает очень медленно. А этот роман мусолит уже несколько недель, если не месяцев».

Она раскрыла книгу наугад и прочла:

«…И теперь, в старости, он взирал на царство покоя, о котором издавна мечтали люди, но которое так долго не могли создать. На корабли, ходящие от Крыма к Мадриду, на Империю, во всех уголках которой — одна и та же монета, одна и та же речь, один и тот же флаг — знаменитый Юнион Джек. Сбылись наконец слова гимна: «Правь, Британия, морями…»

— Я тоже таскаю с собой одну книгу, — сказала Джулиана. — Собственно, это даже не книга, а Оракул, «Ицзин». Меня к нему Фрэнк пристрастил. У Оракула можно испросить совета на все случаи жизни. Я с ним никогда не расстаюсь. Никогда. — Она захлопнула «Саранчу». — Хочешь попробовать?

— Нет, — сказал Джо.

Она оперлась подбородком на ладони и произнесла, исподлобья взглянув на Джо:

— Ты решил насовсем у меня поселиться? А если нет, то на сколько?

«Теперь вся округа будет перемывать мне косточки, — подумала Джулиана. — Поразитель-

но, сколько в тебе ненависти к жизни. Но есть что–то еще. Ты похож на маленькую зверушку, невзрачную, но смышленую. — Изучая его умное, с резкими чертами лицо, она подумала: — С чего это я взяла, будто ты моложе меня? Впрочем, есть с чего. Из тебя еще не выветрилось детство. Ты — малыш, боготворящий своих старших братьев, майора Парди и генерала Роммеля. Спишь и видишь, как бы удрать из дому на войну с томми. Интересно, правда ли, что твоих братьев задушили проволочными удавками? После войны об этих зверствах много писали и снимки печатали… — Она вздрогнула. — Но британские коммандос давным–давно осуждены и наказаны…»

Звучавшая по радио музыка умолкла. Судя по обилию помех, на коротких волнах передавали новости из Европы. Голос диктора то и дело пропадал или становился неразборчивым. Затем вдруг очень четко зазвучал голос денверского комментатора. Джулиана потянулась к ручке настройки, но Джо остановил ее.

— Сообщение о смерти канцлера Бормана потрясло германский народ, которого не далее как вчера уверяли в том…

Джулиана и Джо вскочили.

— Все радиостанции Рейха прекратили трансляцию радиопрограмм, и в зале торжественно зазвучал Horst Wessel Lied, партийный гимн, в исполнении подразделения СС «Das Reich». Позже, в Дрездене, на совещании исполняющего обязанности секретаря Партай с руководителями национальной службы безопасности «Sicherheistdienst» [33], пришедшей на смену гестапо…

Джо увеличил громкость.

— …о реорганизации правительства по инициативе бывшего рейхсканцлера Гиммлера, Альберта Шпеера и других, а также о двух неделях всеобщего траура. Как сообщают корреспонденты, большинство магазинов и учреждений уже закрыто. Однако до сих пор не поступило сведений об ожидаемом заседании рейхстага, а без одобрения парламентом Третьего Рейха…

— Выберут Гейдриха, — сказал Джо.

— По мне, лучше бы этого белобрысого, долговязого Шираха, — задумчиво произнесла Джулиана. — Господи, наконец–то помер. Как ты думаешь, у Шираха есть шансы?

— Нет, — коротко ответил Джо.

— Теперь может вспыхнуть гражданская вой-

---

[33] Примечания: 33
СД *(нем.).*

на, — предположила Джулиана. — Впрочем, они ведь совсем старые… Геринг, Геббельс и прочие партийные бонзы.

— …добралась до его альпийского поместья близ Бреннера…

— Это о Жирном Германе, — пояснил Джо.

— …не только солдата, патриота и доблестного вождя Партай, но и своего друга, которого он никогда не чурался, а, напротив, всячески поддерживал в наступивший вскоре после победы период безвластия, когда элементы, враждебные герру Борману, пытались помешать ему стать во главе…

Джулиана выключила радио.

— Пустая болтовня, — раздраженно сказала она. — Почему эти грязные убийцы говорят теми же словами, что и все мы?

— Они похожи на нас. — Джо снова уселся и принялся за еду. — На их месте мы поступили бы так же. А они, между прочим, спасли мир от коммунизма. Не победи Германия, мы бы сейчас жили под красными. А это куда хуже.

— Ты тоже болтун, — бросила Джулиана. — Как радио. Трепло.

— Я жил под нацистами, — сказал Джо, — и знаю, что это такое. В сорок седьмом я получил

в Организации Тодта трудовую книжку и вкалывал на стройках двенадцать… нет, тринадцать… почти пятнадцать лет. В Северной Африке и США. Можешь не верить, — он ткнул в сторону Джулианы вилкой, — но у меня в крови итальянский талант к земляным работам, и в ОТ меня ценили. Не заставляли кидать асфальт и месить бетон для автострад, а допустили к проектным разработкам. Сделали из меня инженера. Однажды проверять работу моей группы явился сам доктор Тодт. Он мне сказал: «У тебя хорошие руки». Это было высшей похвалой в его устах, Джулиана. Знала бы ты, что это такое — гордость труженика. Нет, немцы — не болтуны. До них все, и я в том числе, чурались черной работы. Аристократы! Трудовой Фронт положил этому конец. Я как будто впервые увидел свои руки. — Он так частил, что Джулиана с трудом его понимала. — В развалинах Нью–Йорка мы жили как братья. Строем ходили на работу, распевали песни. Дух войны, только созидательный, а не разрушительный. Каждый день как грибы вырастали новенькие, красивые жилые здания, одно за другим, улица за улицей. Как мы отстроили Нью–Йорк и Балтимор — это ж просто загляденье! Сейчас там, конечно, тодтовцев нет. Бал правят картели вро-

де «Нью–Джерси Крупп и Sohnen[34]». Их хозяева не нацисты, а родовитые европейские богачи. Но при них стало куда хуже. Роммель и Тодт просто ангелочки по сравнению с промышленниками вроде Круппа и пруссаками–банкирами. Все эти господа в костюмах–тройках… вот бы кого в газовку!

«Господа в тройках были и будут, — мысленно ответила Джулиана, — а вот твои идолы, Роммель и Тодт, явились к нам после побоища разгребать обломки, прокладывать автострады, восстанавливать промышленность. Даже евреев не трогали, вот уж чего от них никто не ожидал… Объявили евреям амнистию, чтобы не прятались по щелям… А потом наступил сорок девятый… и прощай, Роммель, прощай, Тодт, ступайте пастись на лужок. Разве я не знаю, как живется под нацистами? Разве Фрэнк не рассказывал? Мой муж был евреем. То есть он и есть еврей. Я знаю, доктор Тодт был скромнейшим и честнейшим человеком на свете. Я знаю, единственное, о чем он мечтал, — дать надежную, достойную работу несчастным, отчаявшимся американцам, миллионы которых ютились среди руин. Обеспечить

---

[34] Примечания: 34
Сыновья *(нем.)*.

медицинским обслуживанием, сносным жильем, условиями для отдыха каждого, к какой бы расе он ни принадлежал.

Тодт был инженером, а не идеологом… и сумел добиться многого. Но…»

Смутная мысль, блуждавшая в глубинах сознания, обрела форму.

— Слушай, Джо, а разве на восточном побережье эта «Саранча» не под запретом?

Он кивнул.

— А почему ты ее читаешь? Разве у вас за нее не расстреливают?

— Все зависит от национальной принадлежности и от старой армейской нарукавной повязки.

Так и было. Меньше всех читать, говорить и слушать разрешалось славянам, мексиканцам, пуэрториканцам. У англосаксов дела обстояли получше: их допускали в библиотеки, музеи и на концерты, их дети учились в общественных школах. Однако… «Саранча» была не просто внесена под гриф, она была запрещена для всех без исключения.

— Я читал ее в сортире, — признался Джо. — Прятал под подушкой. Честно говоря, потому и читал, что нельзя.

— Да ты смельчак, — улыбнулась Джулиана.

— Издеваешься? — с подозрением спросил он.

— Нет.

— Вам здесь легко живется. Никаких проблем, целей, трудов и хлопот. Плывешь себе по течению, словно с довоенных лет ничего не изменилось… — В его глазах застыла насмешка.

— Решил убить себя цинизмом, — перебила его Джулиана. — Ах, бедняжка! Идолов у него отобрали, некому теперь подарить свою любовь! — Она держала вилку острием вперед, и это от него не укрылось. «Ешь, — мысленно приказала она, — или откажись от удовлетворения и физиологических потребностей».

Джо набил рот и, прожевав, сказал:

— Этот Абендсен живет неподалеку отсюда, в Шайенне. Спокойное местечко нашел для раздумий над судьбами мира, верно? Прочти вот здесь. Вслух прочти.

Она взяла книгу и прочитала на обороте обложки:

— «Он — бывший сержант морской пехоты США, участвовал во Второй мировой войне. В Англии был ранен в поединке с фашистским танком «Тигр». Ходят слухи, что его дом набит оружием и превращен в неприступную крепость». — Она закрыла книгу. — Тут не написано, но мне гово-

рили, что он немного свихнулся. Живет высоко в горах, окружил свой дом колючей проволокой под током. До него непросто добраться.

— А может, он прав, что опасается? — предположил Джо. — Шишки из Партай небось до потолка прыгали от злости, когда прочли эту книгу.

— Он и раньше так жил, еще до того, как написал «Саранчу». Его дом называется… — она взглянула на обложку, — Высокий Замок. Название он сам придумал.

— Да, немцам его не сцапать, — пробормотал Джо, торопливо жуя, — он всегда начеку. Хитрый, черт.

— А все–таки надо быть не робкого десятка, чтобы написать такое. Не победи Ось, мы бы могли говорить и писать все что угодно, как до войны. И страна была бы цела, и законы куда справедливее. И одни для всех.

К ее удивлению, Джо согласно кивнул.

— Не пойму я тебя, — сказала Джулиана. — Во что ты веришь? Чего хочешь? Защищаешь этих уродов, которые задались целью перерезать всех несогласных, и тут же… — Она яростно схватила его за уши и потянула вверх. От изумления и боли у него глаза вылезли из орбит.

Тяжело дыша, они молча смотрели друг на

друга.

— Дай доесть твою стряпню, — наконец вымолвил Джо.

— Что ты сказал? Не хочешь со мной разговаривать? Понимаешь, о чем я спрашиваю, и жрешь, как ни в чем не бывало?! — Джулиана изо всех сил выкрутила ему уши и отпустила. Они мгновенно побагровели.

— Пустой разговор, — буркнул Джо. — Не о чем спорить. Знаешь, как коричневые рубашки прозвали когда–то болтунов–интеллигентов? Eierkopf, яйцеголовые. Потому что их огромные выпуклые черепа легко раскалывать в уличных заварушках.

— Если ты и обо мне такого мнения, почему бы тебе не убраться отсюда? — разозлилась Джулиана.

У нее мороз пошел по коже от его зловещей гримасы. «Какая я дура, что пустила его к себе, — горько подумала она. — Теперь поздно. Мне от него не отделаться».

Джулиане казалось, произойдет что–то страшное и это будет связано с ним.

— Ну, в чем дело? — Он приподнял ее подбородок, погладил шею, сунул руку под рубашку и стал с вожделением ласкать плечи. — Это нервы.

Груз проблем. Сеанс психоанализа — и мы снимем тяжесть с вашей души.

— И тебя назовут евреем–психоаналитиком. — Она вяло улыбнулась. — Хочешь вылететь в трубу крематория?

— Ты боишься мужчин. Верно?

— Не знаю.

— Это я еще ночью понял. Если бы я не… — Он осекся. — Не старался угадывать все твои желания…

— Если бы ты не переспал до меня с кучей баб, — перебила его Джулиана. — Вот что ты хотел сказать.

— Я сказал правду. Знай, Джулиана, я никогда тебя не обижу. Даю слово, больше того: клянусь прахом матери. Я буду очень внимателен, позабочусь о тебе, всегда приду на помощь, если что… Забудь свои тревоги. Пусть не каждый раз, но я смогу утешить и приободрить. Тебе пока просто–напросто не везло.

Слегка успокоенная, она кивнула. Но в душе оставались холод и тоска, и Джулиана не понимала, откуда они взялись.

В начале рабочего дня Тагоми улучил минутку, чтобы поразмыслить в одиночестве.

Утром перед уходом на работу он ознакомился

с докладом Ито. Молодой студент был уверен, что Бэйнс — не швед. Скорее всего он немец.

Впрочем, ни в Торгпредстве, ни в токкоке — японской службе безопасности — не питали иллюзий относительно способностей Ито к германским языкам. «Похоже, это все–таки его нелепые домыслы, — подумал Тагоми. — Олух–энтузиаст с романтическими наклонностями. Игра в сыщиков плюс чрезмерная подозрительность».

Но кто бы ни был Бэйнс по национальности, совещание с ним и пожилым господином с Родных островов произойдет в условленное время. И, надо сказать, этот человек пришелся Тагоми по душе.

«Возможно, главный талант опытного руководителя в том и заключается, чтобы распознавать хороших людей при первой встрече, — подумал Тагоми. — Чувствовать характер собеседника. Уметь заглядывать в душу. Даже сквозь скрытый чертами лица инь мне виден мерцающий во тьме свет сердца, свет ян.

Он мне нравится, — сказал себе Тагоми. — Кем бы он ни был, немцем или шведом. Надеюсь, таблетка помогла. Вот о чем его надо спросить первым делом».

Загудел селектор.

— Меня нет, — буркнул он в микрофон. — У меня минуты медитации. Время постижения внутренней правды.

Из крошечного динамика зазвучал голос Рамсея:

— Сэр, только что поступили новости из пресс–агентства. — Голос Рамсея дрожал. — Умер рейхсканцлер Мартин Борман.

«Наверное, в канцелярии сейчас переполох, — подумал Тагоми. Он вышел из–за стола и принялся расхаживать по кабинету, до хруста сжимая сцепленные пальцы. — Ну что ж, надо немедленно отправить рейхсконсулу соболезнования. Впрочем, это пустяки. Подчиненные и без меня справятся. Глубоко скорбим, вся Япония с немецким народом в этот тяжелый час и т. п. Потом? Ждать. Сосредоточиться и ждать. Чтобы отреагировать сразу, как только придут директивы из Токио».

Нажав кнопку селектора, он сказал:

— Мистер Рамсей, проверьте надежность связи с Токио. Скажите телефонисткам, пусть будут повнимательнее. Сейчас самое важное — связь.

— Да, сэр, — ответил Рамсей.

— С этой минуты я не покину кабинета. Все

текущие дела отложить. На обычные звонки не отвечать. Мне не нужны лишние заботы.

— Что еще, сэр?

— Возможно, придется действовать, и действовать быстро.

— Да, сэр.

Через четверть часа, в девять, от высшего представителя Имперского правительства на западном побережье Америки, японского посла в Тихоокеанских Штатах, высокочтимого барона Л. Б. Кэлемакуле пришла телефонограмма. Министерство иностранных дел извещало о срочном заседании в здании посольства. От каждого отдела Торгпредства должен присутствовать кто–нибудь из руководства.

У него не оставалось времени надеть другой костюм. Тагоми поспешил к лифту и вскоре мчался по улице в лимузине Торгпредства — черном «кадиллаке» сорокового года. За рулем сидел опытный водитель–китаец.

Возле здания посольства стояла дюжина автомобилей высокопоставленных особ. Их владельцы — с некоторыми он был знаком — поднимались по широким ступенькам парадной лестницы. Шофер распахнул дверцу, Тагоми быстро вышел из машины, схватил портфель

(пустой, поскольку на этот раз от него не требовалось отчетов, но ему не хотелось выглядеть сторонним зрителем) и пошел наверх по ступенькам с таким видом, будто играл в происходящем не последнюю роль. Хотя на самом деле он даже не знал, о чем пойдет речь на совещании.

В вестибюле толпились, вполголоса переговариваясь друг с другом, приглашенные. Мистер Тагоми подошел к группе, в которой приметил знакомых, раскланялся и обменялся с ними многозначительными взглядами.

Появился служащий посольства и пригласил всех в огромный зал заседаний. Там стояли кресла с откидными сиденьями. Чиновники вошли и в молчании расселись, слышались лишь покашливание и скрип кресел.

К столу президиума с пачкой бумаг подошел человек в полосатых брюках — представитель министерства иностранных дел.

Гул в зале. Сдвинутые друг к другу головы. Перешептывание.

— Господа! — звонким, начальственным голосом начал чиновник МИДа, мгновенно приковав к себе внимание зала. — Как вам известно, мы получили сообщение из Берлина, официально подтверждающее смерть рейхсканцлера. На

нашем совещании — оно не затянется, смею вас заверить — мы проинформируем вас о социально–политическом положении в Рейхе и дадим оценку соперничающим группировкам немецкой верхушки, которые могут вступить в открытую борьбу за власть.

Коротко о вождях. Самый вероятный претендент — Герман Геринг. Если не возражаете, начну с общеизвестных фактов. Жирный Боров, как его прозвали за тучность, отважный летчик–ас Первой мировой войны, в дальнейшем — создатель гестапо. Занимал видный пост в правительстве Восточной Пруссии. Во время становления Партай — один из самых безжалостных лидеров, хотя позднее сибаритские наклонности создали ему ложную репутацию добродушного пьянчуги.

Господа, наше правительство настоятельно советует вам не питать подобных иллюзий. По слухам, он нездоров, возможно, даже психически, и этим напоминает римских цезарей, чьи характеры с возрастом окончательно портились. Зловещий портрет Геринга, где он, облаченный в тогу, прогуливается в сопровождении львов по огромному замку, набитому охотничьими трофеями и произведениями искусства, несомненно, соответствует истине. В войну он приказывал

вне очереди пропускать в Германию поезда с награбленными сокровищами, оседавшими затем в его поместьях. Наша оценка: этот человек стремится к неограниченной власти, и путь перед ним открыт. Он, как никто другой из нацистской верхушки, потворствует своим слабостям и в этом отношении совсем не похож на Гиммлера, которому в конце жизни вполне хватало скромного жалованья.

Герман Геринг — человек с извращенным умом, для него власть — средство удовлетворения своего ненасытного тщеславия. Это свидетельствует о примитивном, даже вульгарном мировоззрении; тем не менее он далеко не глуп, возможно, даже умнее остальных фашистских лидеров. Его главная цель — сравняться в величии с древними императорами.

Следующий претендент: Йозеф Геббельс. В детстве перенес полиомиелит. Родители католического вероисповедания. Блестящий оратор, писатель, обладает глубоким и проницательным умом. Вежлив, остроумен, с широким кругозором. Весьма активен в отношениях с дамами. Элегантен, высокообразован. Недюжинные организаторские способности. Трудолюбив, отдает предпочтение административной ра-

боте. По слухам, никогда не отдыхает. Снискал всеобщее уважение, невероятно вспыльчив. Предположительная идеологическая ориентация — иезуитские взгляды средневековья с примесью германского неоромантического нигилизма. Считается единственным интеллектуалом Партай. Не пользуется любовью подчиненных. В молодости мечтал о лаврах драматурга. В отличие от Геринга стремится не к величию и богатству, а к власти в ее чистом виде — классический образец прусской мании величия.

— Рейнхард Гейдрих. — Чиновник МИДа сделал паузу, окинул взглядом зал. — Значительно моложе большинства ветеранов революции тридцать третьего года. Выдвиженец из элиты СС. Подчинялся непосредственно Гиммлеру, возможно, загадочная смерть постигла Гиммлера в сорок восьмом не без его содействия. Устранил из аппарата полиции своих главных соперников, таких, как Эйхман и Шелленберг. По нашим сведениям, в Партай его многие боятся. По окончании войны, после знаменитого столкновения полиции с армией, приведшего к реорганизации аппарата правительства, Гейдриху поручен политический надзор за Вермахтом. Получил превосходное образование еще до того, как СС

перешла на так называемую замковую систему обучения. В традиционном смысле его психика лишена эмоциональной восприимчивости. Его устремления неясны. Вероятно, развитие общества видится ему некой игрой, точнее, серией игр. Подобная специфическая, псевдонаучная отрешенность встречается в технократических кругах. В идеологических диспутах не участвует. Вывод: его склад ума наилучшим образом соответствует нашей «эпохе прагматизма». Он избавлен от так называемых неизбежных иллюзий — таких, как вера в Бога, гуманизм и т. п. Определение «реалистический склад ума» все еще остается загадкой для токийских социологов, так что рядом с именем этого человека можно поставить знак вопроса. Тем не менее не следует снимать со счетов низкую эмоциональность, возможно, свидетельствующую о патологической шизофрении.

Тагоми начало подташнивать.

— Бальдур фон Ширах. Бывший вожак гитлеровской молодежи. Считается идеалистом. Внешне привлекателен, но о его опыте и компетентности сложилось невысокое мнение. Искренне верит в идеалы НСДРП. В число его заслуг входят осушение средиземноморского бассейна и создание

там огромных сельскохозяйственных площадей. В начале пятидесятых добивался смягчения человеконенавистнической политики и отмены расовых экспериментов на славянских землях. Обратился непосредственно к народу Германии с тем, чтобы уцелевшим славянам позволили жить в резервациях Центральной Азии. Призывал к прекращению некоторых форм «убийств милосердия» и медицинских экспериментов над людьми, но безуспешно.

Доктор Зейсс–Инкварт. Из австрийских нацистов, ныне управляет колониями Рейха, отвечает за колониальную политику. Пожалуй, на территории Рейха ни к кому другому не относятся с такой ненавистью. Говорят, он был инициатором большинства, если не всех, репрессивных мер против завоеванных народов. Вместе с Розенбергом добивался утверждения самых чудовищных кампаний, таких, как попытка стерилизовать все уцелевшее население России. Считается, хотя тому нет документальных подтверждений, что решение очистить Африку от негритянского населения было принято с его подачи. Темпераментом очень напоминает бывшего фюрера — Адольфа Гитлера.

Докладчик замолчал.

«Кажется, я схожу с ума, — подумал Тагоми. — Надо уйти отсюда. У меня приступ. Тошнит, рвет… я умираю!» Он с трудом поднялся, выбрался в проход и побрел, почти ничего и никого не видя. «В уборную!» Он побежал по проходу.

К нему повернулось несколько голов. «Какой позор! Не мог найти другого времени и места для обморока? Уволят…» Он выскочил в дверь, распахнутую перед ним служащим.

Сразу прошла дурнота. Вернулось зрение. Перестали вращаться стены и пол.

«Всего лишь приступ головокружения. Функциональное расстройство вестибулярного аппарата. Диэнцифалон, промежуточный мозг, доставшийся в наследство от пращуров, дает о себе знать.

Подумать о чем–нибудь успокаивающем. За что ухватиться?

За религию? Или за прошлое? «А сейчас потихоньку начинаем гавот. Отлично, отлично, у вас прекрасно получается. Вы схватываете на лету…» — Частица узнаваемого мира. «Г. и С. Гондольерс. Школа европейских бальных танцев». — Он закрыл глаза. — Уходящий мир…»

— Сэр, вам помочь? — спросил служащий посольства.

— Благодарю, — с поклоном ответил Тагоми. —

Я пришел в себя.

«Может, все они смеются надо мной? — подумал он. — В глубине души?»

Внимательное, участливое лицо слуги. Ни тени насмешки.

«…Зло — везде. Оно, как цемент, скрепляет наше общество… Не могу в это поверить. Не могу этого вынести. — Он расхаживал по вестибюлю и слушал гул автомобилей, доносящийся с Саттер–стрит. — Нет, религия не поможет. Что мне делать? — спросил он себя, направляясь к выходу из посольства. Привратник отворил двери, и мистер Тагоми сошел по ступенькам к стоянке лимузинов.

Зло незримо. Оно — неотъемлемая часть нашего мира. Оно везде. Изливается на нас, разъедает мозги, тела, сердца и впитывается в асфальт.

Почему?

Мы — слепые кроты. Копошимся в земле, тычемся рыльцами в потемках. Ничего не ведая. Я понимаю это… но не знаю, куда ползти. Остается верещать от страха. И удирать.

Жаль.

Смеются надо мной, — подумал он, идя к машине. — Где мой портфель? Ах да, остался в кресле».

Все смотрели, как он кивает шоферу и неуклюже садится в автомобиль.

«Отвезите меня в больницу, — хотел сказать он. И — вслух:

— «Ниппон Таймс Билдинг». Помедленнее, пожалуйста.

Он смотрел в окно на машины, магазины, ультрасовременные высотные здания. На безликий поток пешеходов.

Добравшись до кабинета, он поручил Рамсею позвонить в один из отделов Торгпредства — «Добычу полиметаллических руд» — и попросить, чтобы по возвращении из посольства заведующий отделом связался с ним.

Ответный звонок раздался около полудня.

— Наверное, вы заметили, что на собрании мне стало дурно, — сказал в трубку Тагоми. — Очевидно, это всем бросилось в глаза. Особенно мое поспешное бегство.

— Я ничего не заметил, — ответил чиновник из «Полиметаллических руд». — Но, не увидев вас после заседания, встревожился, не случилось ли чего.

— Вы очень любезны, — уныло поблагодарил мистер Тагоми.

— Вовсе нет. Я уверен, все были поглощены

докладом мидовца и ничего кругом не замечали. Вас, наверное, интересует, о чем говорилось после вашего ухода? Вы успели выслушать первую часть доклада?

— Да, вплоть до Зейсс–Инкварта.

— Затем докладчик подробно осветил экономическую ситуацию в Рейхе. На Родных островах сложилось мнение, что намерение Германии обратить население Европы и Средней Азии в рабов, уничтожив всю интеллигенцию, буржуазию, патриотически настроенную молодежь, грозит экономической катастрофой. До сих пор немцев спасали только достижения в науке и технике. Образно говоря, чудо–оружие.

— Да, — подтвердил Тагоми. В одной руке он держал трубку, а другой наполнял чашку горячим чаем. — Как спасли их в войну снаряды ФАУ и реактивные истребители.

— Немцы — мастера на подобные штучки, — продолжал чиновник из «Полиметаллических руд». — Но сейчас они опережают нас только в областях атомной энергетики и развлечений — согласитесь, запуск ракет на Венеру и Марс очень напоминает цирк. При всех объемах германского импорта, как подчеркнул докладчик, снаряжение подобных экспедиций не дает никакой экономи-

ческой выгоды.

— Но со стороны выглядит эффектно, — заметил Тагоми.

— У докладчика мрачные прогнозы. По его убеждению, большинство высокопоставленных нацистов боятся смотреть правде в глаза. Тем самым они усугубляют тенденцию к мероприятиям, для которых требуется tour de force,[35] — мероприятиям авантюрным, с непредсказуемыми последствиями. Сначала — приступ маниакального энтузиазма, затем страх и отчаянные призывы Партай. Вывод докладчика: подобная ситуация способствует приходу к власти самых безответственных и безрассудных претендентов. Нам следует готовиться к худшему. Судя по всему, ответственные и здравомыслящие элементы потерпят поражение в начавшейся борьбе.

— А кого он считает худшими? — Тагоми глотнул чая.

— Гейдриха. Доктора Зейсс–Инкварта. Геринга. Такова точка зрения Имперского правительства.

— А приемлемыми?

— Бальдура фон Шираха и доктора Геббельса. Но на этот счет он был очень краток.

---

[35] Примечания: 35
Большое усилие, напряжение *(фр.)*.

— Что он еще говорил?

— Сказал, что сейчас мы больше, чем когда–либо, должны сплотиться вокруг императора и Кабинета.

— А потом, видимо, была минута молчания в знак соболезнования?

— Да.

Тагоми поблагодарил собеседника и повесил трубку. Но звук селектора не дал ему спокойно допить чай.

— Сэр, вы хотели выразить соболезнования германскому консулу, — напомнила Эфрикян. И добавила после паузы: — Мне зайти с диктофоном?

«А ведь верно, — подумал Тагоми. — Совсем из головы вылетело».

— Да, зайдите.

Она вошла и спросила с улыбкой:

— Вам лучше, сэр?

— Да. Благодаря витаминам. — Безуспешно порывшись в памяти, он попросил: — Напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Пожалуйста, сэр. Барон Гуго Рейс.

— Mein Herr, — начал диктовать мистер Тагоми, — известие о безвременной кончине вашего вождя герра Мартина Бормана повергло нас в

пучину скорби. Эти слова я пишу со слезами на глазах. Вспоминая доблестные подвиги гера Бормана, не жалевшего усилий для защиты германского народа от внешних и внутренних врагов, вспоминая его жесткую, бескомпромиссную борьбу с малодушными, которые предали тысячелетнюю мечту человечества о космосе, куда устремилась светловолосая, голубоглазая нордическая раса в своей… — Он замолчал. Надо было как–то закончить фразу. Эфрикян ждала с выключенным диктофоном.

— Мы живем в великое время, — задумчиво произнес он.

— Записывать, сэр? — встрепенулась секретарь. — Это текст?

— Нет. Я обращался к вам, — ответил Тагоми.

Она улыбнулась.

— Перемотайте назад, — попросил он.

Зашуршала пленка. Из двухдюймового динамика зазвучал металлический голос: «…не жалевшего усилий для защиты…» — казалось, в динамике бьется и пищит насекомое.

— Закончим так, — произнес он, дослушав запись, — …решимости возвеличить и принести себя в жертву, и тем самым занять нишу в истории, из которой никто во всей Вселенной не

сможет ее вытеснить, я испытываю невыразимую горечь утраты… — Тагоми умолк и задумался. — Мы все — насекомые, — сказал он вдруг. — Слепо бредем к чему–то ужасному или, наоборот, высокому, чистому. Вы согласны? — Он поклонился. Эфрикян, сидевшая с диктофоном в руках, слегка поклонилась в ответ. — Напечатайте и отправьте, — велел он. — С подписью и всем прочим. Если сочтете нужным, внесите поправки.

В дверях секретарь остановилась и с интересом посмотрела на него.

Эфрикян ушла, и Тагоми стал разбирать накопившиеся бумаги. Но почти тотчас из селектора донесся голос Рамсея:

— Сэр, вас просит мистер Бэйнс.

«Это хорошо, — подумал Тагоми. — Теперь можно начинать важный разговор».

— Соедините. — Он взял трубку.

— Мистер Тагоми? — послышался голос Бэйнса.

— Добрый день. Простите, в связи с известием о смерти канцлера Бормана утром я был вынужден…

— Мистер Ятабе еще не дал о себе знать?

— Еще нет, — ответил Тагоми.

— А вы предупредили своих подчиненных? —

похоже, Бэйнс волновался.

— Да. Его немедленно проводят в мой кабинет. — На самом деле Тагоми напрочь забыл об этом и теперь мысленно сделал заметку: проинструктировать Рамсея. «Выходит, без пожилого господина мы не можем начать переговоры?» Тагоми встревожился. — Сэр, мне не терпится начать. Не могли бы вы продемонстрировать изделия вашей фирмы? Хотя у нас такой сумасшедший день…

— Произошли изменения, — сказал мистер Бэйнс. — Необходимо дождаться мистера Ятабе. Вы уверены, что его еще нет? Обещайте, что, как только он появится, меня поставят в известность. Пожалуйста, мистер Тагоми. — У него был напряженный, срывающийся голос.

— Даю слово. — Тагоми тоже разволновался. «Смерть Бормана. Вот в чем причина отсрочки». — А пока, — быстро добавил он, — буду рад, если вы согласитесь позавтракать со мной. Время позднее, но мне еще не удалось поесть. — Он продолжал, импровизируя: — Не касаясь конкретных вопросов, мы могли бы обсудить общую картину…

— Нет, — перебил его Бэйнс.

«Нет?» — мысленно переспросил Тагоми.

— Сэр, я перезвоню позже, — сказал он вслух. И быстро положил трубку. «Обиделся, — подумал он. — Видимо, догадался, что я забыл предупредить подчиненных о Ятабе. Пустяки, все уладится». — И нажал на клавишу селектора. — Мистер Рамсей, зайдите ко мне, пожалуйста.

«Я сейчас все исправлю. Дело не только во мне, — решил он. — Бэйнс потрясен смертью Бормана. Пустяки… но не совсем. Я таки показал себя безответственным. — Тагоми устыдился. — Неудачный день. Я удаляюсь от Дао, это очевидно. Надо посоветоваться с Оракулом, пусть обрисует нынешнюю ситуацию. Которая из шестидесяти четырех гексаграмм, хотел бы я знать, повергнет меня в уныние? Слишком много накопилось вопросов, чтобы задавать их по отдельности».

Выдвинув ящик стола, он выложил оба тома «Ицзина». Когда вошел Рамсей, перед Тагоми уже лежал ответ.

— Взгляните, мистер Рамсей. — Он показал молодому человеку книгу, раскрытую на гексаграмме сорок семь: Кунь — «Истощение»..

— Обычно это плохое предзнаменование, сэр. — Рамсей склонился над книгой. — Какой был вопрос, сэр? Если, конечно, не секрет.

— Я выяснил нынешнюю ситуацию, — ответил

Тагоми. — Ситуацию для всех нас. Нет черт развития. Статичная гексаграмма. — Он закрыл книгу.

* * *

В три часа того же дня Фрэнк Фринк, ожидавший со своим компаньоном ответа Уиндэма–Мэтсона, решил посоветоваться с Оракулом. «Какие события грядут?» — спросил он и подбросил монетки.

Выпала гексаграмма сорок семь. Он получил одну черту развития, «девятку», на пятой позиции.

«Отрежут нос и ноги.

Будет трудность от человека в красных наколенниках.

Но понемногу наступит радость.

Это благоприятствует вознесению жертв и молений».

Очень долго — почти полчаса — он изучал текст и комментарии, пытаясь понять смысл пророчества. Гексаграмма, особенно черта развития, встревожила его. Наконец он с сожалением пришел к выводу, что денег они с Маккарти не получат.

— Слишком уж ты полагаешься на эту книгу, — заметил Эд.

В четыре часа курьер из «Корпорации У–М» вручил Фрэнку и Маккарти большой конверт,

из которого они извлекли чек на две тысячи долларов.

— Выходит, ты был неправ, — решил Маккарти.

Фрэнк задумался. Значит, Оракул указывает на некие будущие последствия их поступка. Это обеспокоило. Когда они скажутся, эти последствия, станет ясно, что Оракул имел в виду. А пока…

— Можно браться за мастерскую, — сказал Маккарти.

— Сегодня? Сейчас? — У Фрэнка сильнее забилось сердце.

— Ну да. Заявки на материалы готовы, остается бросить их в почтовый ящик. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Что сможем, раздобудем здесь. — Эд надел пиджак и направился к выходу.

Владелец дома, в котором жил Фрэнк, согласился сдать под мастерскую подвал. Пока подвал служит им кладовой, но скоро они выбросят картонные коробки, соорудят верстак, протянут проводку, ввернут лампочки и установят моторы с приводными ремнями. У них готовы эскизы, разработана технология и составлены списки всего необходимого.

«По сути, мы уже начали», — подумал Фрэнк.

Они с Маккарти даже название сочинили: «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ».

— Ну, досок на верстак и кое–чего из оборудования мы, может, сегодня купим, — сказал Фрэнк. — А вот ювелирные инструменты вряд ли.

Они отправились на рынок пиломатериалов на южной окраине Сан–Франциско и через час приобрели доски.

— Что тебя гложет? — спросил Эд Маккарти, когда они входили в магазин скобяных товаров.

— Деньги. Мне не по душе то, как мы их раздобыли.

— Зато старине У–Эму утерли нос, — сказал Маккарти.

«Знаю, — подумал Фрэнк. — Именно это мне и не нравится. Мы действуем его методами».

— Сделав выбор, не оглядывайся, — назидательно произнес Маккарти. — Смотри вперед. Думай о деле.

«А я и гляжу вперед, — подумал Фрэнк. Он размышлял о пророчестве. — Интересно, какие от меня требуются жертвы и моления? И кому?»

Глава 7

В конце недели Роберту Чилдэну позвонил Казоура и пригласил его на обед. Чилдэн пришел в восторг — все эти дни он с нетерпением ждал, когда молодая супружеская чета даст о себе знать.

Он раньше обычного запер дверь «Художественных промыслов Америки», взял велотакси и направился в фешенебельный район, где жили Казоура. В этом районе обитали только японцы, однако Чилдэн ориентировался здесь неплохо. Проезжая по петляющим улицам с ухоженными газонами и склонившимися над ними ивами, он восхищался шикарными ультрасовременными многоэтажками, балконами с перилами из кованого железа, высокими оригинальными колоннами, пастельными тонами, новыми строительными материалами… Короче говоря, что ни дом, то произведение искусства. А ведь совсем недавно здесь были развалины.

Игравшие на улицах в футбол или бейсбол японские дети провожали Чилдэна равнодушными взглядами и тут же забывали о нем. Зато взрослые, хорошо одетые бизнесмены, которые в

этот час возвращались с работы, смотрели на него с интересом. Наверное, удивлялись: неужели он здесь живет?

Чем ближе Чилдэн подъезжал к дому Казоура, тем сильнее нервничал.

«Вот я и приехал. И приглашен, между прочим, не по делам, а на обед», — отметил он, поднимаясь по лестнице. Прежде чем отправиться в гости, Чилдэн изрядно намучился, выбирая костюм, зато теперь он был уверен, что выглядит безукоризненно.

«Безукоризненно, — с горечью подумал он. — Что с того? Кого обманет моя внешность? Я здесь посторонний. Когда–то белые люди расчистили эти земли и построили на них прекрасные города. А теперь я изгой в собственной стране».

По устланному ковром коридору он подошел к двери квартиры Казоура и нажал кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась. На пороге стояла юная миссис Казоура в шелковом кимоно и оби.[36] Роскошные черные волосы были стянуты в узел на затылке.

Она приветливо улыбнулась. В гостиной, за ее спиной, с бокалом в руке сидел мистер Казоура.

---

[36] Примечания: 36

Оби — широкий шелковый пояс, деталь традиционной японской одежды.

Он помахал рукой.

— А, мистер Чилдэн. Входите.

Чилдэн поклонился и вошел.

«Отличный вкус, — отметил он, окинув комнату взглядом. — И какая аскетичность! Совсем немного вещей: лампа, стол, книжный шкаф, эстамп на стене. Непередаваемое японское чувство «ваби«5. В домах англосаксов подобный интерьер найти невозможно. Только японцы способны видеть красоту в самых простых вещах, а главное, умеют их расположить.

— Что–нибудь выпьете? — спросил Казоура. — Шотландское с содовой?

— Мистер Казоура… — начал Роберт Чилдэн.

— Пол, — поправил молодой японец и указал на жену: — Бетти. А вас…

— Роберт, — прошептал Чилдэн.

Они уселись на мягкий ковер с бокалами в руках. По комнате плыли звуки кото — японской тринадцатиструнной арфы. Эта пластинка, выпущенная фирмой HMV, была очень популярна.

Проигрыватель был укрыт от глаз, и Чилдэн не мог понять, откуда звучит музыка.

— Мы не знаем ваших вкусов и поэтому решили перестраховаться, — сказала Бетти. — Сейчас на кухне в электропечи готовятся отбивные на

косточке. На гарнир будет томленый картофель с луком и сметанным соусом. Говорят, если хочешь наверняка угодить новому гостю, подай ему к столу отбивную.

— Это замечательно, — сказал Чилдэн. — Обожаю отбивные. — Он говорил правду. От огромных скотоводческих хозяйств Среднего Запада Тихоокеании перепадали жалкие крохи, и Чилдэн даже не мог припомнить, когда ел хорошее мясо последний раз.

Настало время вручить хозяевам подарок.

Он достал из кармана пальто и осторожно положил на низкий столик маленький сверток. В глазах супругов появилось удивление, и Чилдэн поспешил объяснить:

— Мой скромный подарок. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить вас за покой и радость, которые мне дарит ваш дом. — Он развернул бумагу и протянул японцам кусочек кости, столетие назад побывавшей в умелых руках китобоя из Новой Англии. — Это искусство называлось «резьбой по моржовой кости».

По лицам молодых супругов он понял, что они знакомы с подобными изделиями. Видимо, не так уж мало осталось от культуры Соединенных Штатов.

— Спасибо, — поблагодарил Пол.

Роберт Чилдэн поклонился.

В его душе воцарился покой. Говоря языком «Ицзина», этот подарок — малая жертва. Он все делает правильно. Неловкость и волнение окончательно покинули его.

От Рэя Калвина он получил возмещение за поддельный кольт, а также письменное заверение в том, что подобное не повторится. И все же в сердце оставалась тревога. Только здесь, в этой умиротворяющей атмосфере, он избавился от ощущения, что жизнь идет наперекосяк.

Ваби окружало его, пронизывало гармонией и покоем. «Покой — вот в чем дело, — решил он. — Стабильность и равновесие. Они близки к Дао, эти молодые японцы. Вот почему они понравились мне с первого взгляда. Я почувствовал в них Дао — уловил его отблеск. Интересно, — подумал Чилдэн, — каково это, знать, что такое Дао? Дао есть то, что рождает свет и тьму . Две непрерывно борющиеся и возрождающиеся силы. Вот что удерживает мир от старения и распада. Вселенная никогда не исчезнет, ибо в то мгновение, когда тьма, кажется, готова овладеть всем, в самых мрачных ее глубинах появляются ростки света. Таков Путь. Семена падают в землю и там,

скрытые от глаз, обретают жизнь».

— Холодные закуски, — прервала его раздумья Бетти.

Опустившись на колени, она протянула ему поднос с маленькими бутербродами и другими яствами. Чилдэн с благодарностью взглянул на хозяев.

— Вы в курсе международных событий? — спросил Пол, потягивая виски. — Возвращаясь сегодня домой, я слушал прямую трансляцию из Мюнхена, с национальных похорон. Чем–то они напоминают карнавал. Пятидесятитысячная толпа, флаги и прочее. Снова и снова звучит «Ich hatte einen Kamerad».[37] Верноподданным разрешено проститься с прахом вождя.

— Да, все это очень печально, — тяжело вздохнул Роберт Чилдэн. — Сколько неожиданного случилось за неделю…

— В сегодняшнем выпуске «Ниппон таймс» со ссылкой на достоверные источники сообщили, что Бальдур фон Ширах взят под домашний арест, — сказала Бетти. — По распоряжению СД.

— Плохо, — покачал головой Пол.

— Очевидно, власти хотят сохранить поря-

---

[37] Примечания: 37

«У меня был товарищ» *(нем.).*

док, — пояснил Роберт. — А фон Ширах склонен к скороспелым, непродуманным решениям. Он очень похож на Гесса. Вспомните нелепый побег Гесса в Англию.

— А о чем еще пишут в «Ниппон таймс»? — спросил Пол у жены.

— Сплошная сумятица и интриги. Приведены в боевую готовность армейские части. Отменены увольнения, закрыты границы. В рейхстаге — срочная сессия, все рвутся к трибуне.

— Я припоминаю великолепную речь доктора Геббельса, — сказал Роберт Чилдэн. — Ее передавали по радио год или два тому назад. Сколько остроумных инвектив! Как всегда, он держал аудиторию в напряжении. Так сказать, дирижировал ее чувствами. Бесспорно, с тех пор как Адольф Гитлер отошел от дел, у нацистов нет оратора, равного доктору Геббельсу.

— Вы правы, — кивнули супруги.

— У доктора Геббельса очень милые дети и жена, — продолжал Чилдэн. — И очень талантливые.

— Верно, — снова согласились Пол и Бетти.

— В отличие от большинства этих великих моголов с подозрительными сексуальными наклонностями он примерный семьянин, — сказал

Пол.

— Я бы не очень доверял слухам, — возразил Чилдэн. — Вы имеете в виду Рема? Это старая, давно позабытая история.

— Мои слова, скорее, относятся к Герингу, — сказал Пол, рассматривая виски на свет. — О его римских оргиях ходят невероятные истории. Просто ужас, что он вытворяет.

— Это ложь, — произнес Чилдэн.

— Ну вот, нашли тему для разговора, — поспешила вмешаться Бетти.

Они допили виски, и молодая женщина вновь наполнила бокалы.

— Споры о политике чересчур горячат кровь, — заметил Пол. — Очень важно не терять голову.

— Да, — кивнул Чилдэн. — Выдержка и спокойствие. Только так можно расставить все на свои места.

— Период после смерти вождя — всегда кризисный для тоталитарной системы, — сказал Пол. — Это связано с отсутствием традиций и влияния среднего класса на… — Он запнулся. — Пожалуй, не стоит о политике. А то уж очень похоже на старые добрые студенческие времена.

Глядя на улыбающееся лицо Пола, Роберт Чилдэн почувствовал, что краснеет. Он стыдливо

опустил глаза и склонился над бокалом. «Боже, какое ужасное начало! По–дурацки, во весь голос затеял спор о политике, да еще имел наглость не согласиться с хозяином! Только врожденная вежливость хозяйки спасла вечер. Сколько же мне еще надо учиться! — подумал он. — Они такие гостеприимные, тактичные, а я… вот уж действительно белый варвар». Он еще долго бранил себя, с деланным удовольствием потягивая виски. «Пускай они сами ведут беседу, — решил Чилдэн, — а я буду со всем соглашаться. — И тут же ворвалась паническая мысль: — Мои мозги затуманены спиртным! Я устал и нервничаю! Я наделаю глупостей, и они больше никогда меня не пригласят. Да что там — слишком поздно, уже наделал!»

Из кухни вернулась Бетти. Она снова уселась на ковер. «Какая грация! — подумал Роберт. — Фигурка просто прелесть. Все японки стройны, ни унции лишнего жира. Им не нужны пояса и бюстгальтеры. — Он спохватился. — Надо скрывать влечение. Чего бы это ни стоило. — И все же не смог удержаться от вороватого взгляда. — Какие у нее чудесные темные волосы, какие огромные глаза! В сравнении с этими людьми мы выглядим недоделанными. Словно некий ваятель вытащил

нас из печи, поленившись как следует обжечь. Как в древней индейской легенде. Надо думать о чем–нибудь другом. — Он шарил глазами по комнате, ища, за что бы ухватиться. Тишина давила на психику, невыносимо действовала на нервы. — Черт возьми, о чем говорить? О чем–нибудь нейтральном».

Чилдэн заметил книгу на невысоком тиковом бюро.

— Вижу, вы читаете роман «Из дыма вышла саранча»? — спросил он. — Мне о нем многие говорили, но все как–то не хватало времени прочесть. — Убедившись, что хозяева не имеют ничего против, он встал и направился к бюро. Похоже, они сочли это жестом вежливости. — Детектив? Простите мое дремучее невежество.

— Нет, не детектив, — ответил Пол. — Напротив, весьма любопытная литературная форма. Пожалуй, ее можно отнести к научной фантастике.

— Ну нет, — возразила Бетти. — Наука тут ни при чем. Научные фантасты в основном описывают такое будущее, в котором высоко развита техника. Ничего подобного в этом романе нет.

— Зато в нем есть альтернативное настоящее, — возразил ей Пол. — Я давно увлекаюсь

фантастикой, с двенадцати лет. С самого начала войны, — пояснил он Чилдэну.

— Ясно, — произнес Роберт Чилдэн.

— Хотите прочесть «Саранчу»? — спросил Пол. — Через день–другой мы ее осилим. Мое учреждение находится в деловой части города, неподалеку от вашего магазина, и я с удовольствием загляну к вам в перерыве. — Он сделал паузу, затем (возможно, по сигналу Бетти) добавил: — Роберт, мы бы с вами могли вместе позавтракать.

— Спасибо, — пробормотал Чилдэн. Других слов он не нашел.

«Подумать только: позавтракать в одном из модных ресторанов для бизнесменов! Вместе с элегантным высокопоставленным японцем!»

От одной этой мысли голова шла кругом. Однако он сумел сохранить бесстрастный вид и кивнул, глядя на книгу.

— Да, наверное, она интересная. С удовольствием прочту. Я стараюсь быть в курсе того, о чем много говорят. («Что я несу?! Признался, что интересуюсь книгой, потому что она в моде! А вдруг для них это дурной тон? Скорее всего так оно и есть».) Как известно, популярность книги — не самый верный признак ее достоинства.

Многие бестселлеры редкостная дрянь. Но эта вещь… — Он замялся.

— Вы совершенно правы, — пришла ему на помощь Бетти. — У обывателя всегда испорченный вкус.

— Так же и в музыке, — заметил Пол. — Взять, например, народный американский джаз — кто им сейчас интересуется? А вам, Роберт, нравятся Бэн Джонсон и Кид Оури? А ранний диксиленд? Я собираю джаз, у меня даже есть настоящие диски фирмы «Дженет».

— Боюсь, я недостаточно знаком с негритянской музыкой, — ответил Чилдэн. Похоже, его слова покоробили хозяев. — Предпочитаю классику: Баха, Бетховена… («Вот вам! — Он был обижен. — Попробуйте только сказать, что музыка великих европейских композиторов хуже какого–то джаза, родившегося в бистро и балаганчиках негритянских кварталов Нью–Орлеана».)

— Может, вам поставить для пробы что–нибудь из «Нью–орлеанских королей ритма»? — неуверенно предложил Пол. Он привстал, но Бетти бросила на него предостерегающий взгляд. Пол пожал плечами и сел на место.

— Скоро будем обедать, — сказала Бетти.

Пол натянуто, как показалось Чилдэну, про-

изнес:

— Нью–орлеанский джаз — самая что ни на есть народная музыка Америки. Она родилась на этом континенте. Все остальное — например, слащавые баллады в английском стиле, которые исполнялись под лютню — пришло из Европы.

— Мы с ним вечно спорим на эту тему, — с улыбкой сказала Бетти Роберту. — Я не разделяю его любви к джазу.

Все еще держа в руках книгу, Роберт Чилдэн спросил:

— А о каком альтернативном настоящем идет здесь речь?

Чуть помедлив, Бетти ответила:

— В котором Германия и Япония проиграли войну.

Наступила тишина.

— Пора есть. — Бетти плавно поднялась. — Вставайте, господа голодные бизнесмены. Прошу к столу.

На большом столе, накрытом белоснежной скатертью, стояла серебряная и фарфоровая посуда. Из костяных колец («Ранняя американская культура», — машинально отметил Чилдэн) торчали грубые салфетки. Столовое серебро — тоже американской работы. Темно–синие с желтым

ободом чашки и блюдца — фирмы «Ройял Альберт». Такая посуда была большой редкостью, и Роберт смотрел на нее с профессиональным восхищением. А подобных тарелок он прежде не видел и не мог с уверенностью сказать, откуда они. Наверное, из Японии.

— Фарфор Имари, — заметив его любопытный взгляд, пояснил Пол. — Из Ариты. Считается одним из лучших.

Они уселись за стол.

— Кофе? — спросила Бетти у Роберта.

— Да, — ответил он. — Спасибо. Чуть позже.

Она вышла на кухню и прикатила сервировочный столик.

Обед был очень вкусным. Бетти оказалась великолепной хозяйкой. Особенно ему понравился салат: авокадо, артишоки, тертый зеленый сыр… Хорошо, что его не потчевали японскими кушаньями — с тех пор как окончилась война, овощи успели ему осточертеть.

И эти вездесущие морепродукты! Казалось, даже под пыткой он не сможет проглотить креветку или моллюска.

— А все–таки интересно, — нарушил молчание Чилдэн, — как бы выглядел мир, в котором Япония и Германия проиграли войну?

Его вопрос повис в воздухе. Спустя некоторое время Пол ответил:

— Совершенно иначе. Хотя все далеко не так просто. Лучше самому прочесть «Саранчу». Если я перескажу сюжет, вам будет неинтересно.

— Я часто размышлял на эту тему, — сказал Чилдэн, — и у меня сложилось вполне определенное мнение. Мир был бы хуже. — Его голос звучал уверенно, даже жестко. Он сам это чувствовал. — Намного хуже.

Его слова удивили молодых супругов. А может быть, не слова, а тон.

— Повсюду правили бы коммунисты, — продолжал Чилдэн.

Пол пожал плечами.

— Автор книги, мистер Абендсен, самым тщательным образом рассмотрел вопрос о беспрепятственной экспансии Советской России и пришел к выводу: даже будучи на стороне победителей, отсталая и в основном аграрная Россия неизбежно осталась бы с носом, как в Первую мировую. Россия была не страна, а пугало огородное, взять хотя бы ее войну с Японией, когда…

— А в действительности страдать и расплачиваться приходится нам, — перебил его Чилдэн. — Но иначе не удалось бы остановить славянское

нашествие.

— Не верю я ни в какие нашествия, — тихо произнесла Бетти. — Ни в славянские, ни в китайские, ни в японские. Все это болтовня. — Ее лицо оставалось безмятежным. Она превосходно владела собой — только румянец появился на щеках. И ничуть не волновалась, просто хотела выразить свое мнение.

Некоторое время они молчали.

«Опять ты свалял дурака! — выругал себя Роберт Чилдэн. — Никак не удается избежать скользких тем. Потому что они везде, о чем ни заведешь речь — о книге, случайно попавшейся на глаза, о коллекции грампластинок, о костяных колечках для салфеток… обо всей этой добыче победителей, награбленной у моих соотечественников. Да–да, надо смотреть правде в глаза. Я пытаюсь убедить себя, что я такой же, как эти японцы. Но даже если рассыпаться перед ними мелким бесом — какое счастье, благодетели мои, что вы победили, а мой народ проиграл! — между нами не возникнет духовного родства. Одни и те же слова мы воспринимаем совершенно по–разному. У них другие мозги. И души. Вот они, сидят передо мной, пьют из английских фарфоровых чашек, едят с американского серебра, слушают

негритянскую музыку. Они могут себе это позволить — у них есть деньги и власть. Но ведь все это — эрзац! Даже «Ицзин», которую они запихали нам в глотку, — китайская книга. Позаимствованная без отдачи. Крадут у кого ни попадя обычаи, одежду, речь… С каким смаком эта парочка уплетает томленую картошку со сметанным соусом и луком — исконно американское блюдо, которое они запросто присовокупили к своему меню! Кого они хотят обмануть? Себя? Но меня вам не одурачить, уж поверьте! Только белым дано творить. И тем не менее я, плоть от плоти белой расы, должен поддакивать этим… Как тут не задуматься: а что, если бы мы победили? Стерли их с лица Земли? Только представить: Япония канула в небытие, а США — единые, могучие — в одиночку правят планетой.

Мой долг патриота — прочитать «Саранчу», — подумал он, — как бы глупо это ни выглядело».

— Роберт, вы совсем не едите. Невкусно? — участливо спросила Бетти.

Он торопливо ткнул вилкой в тарелку.

— Нет, что вы. Я уже лет сто ничего вкуснее не пробовал.

— Спасибо. — Она явно была польщена. — Я очень старалась, чтобы все было по–настояще-

му… продукты покупала на Мишн–стрит, на крошечных американских рынках.

«Ты превосходно готовишь национальные блюда, — мысленно обратился к ней Роберт Чилдэн. — Вот уж правду говорят, подражать вы мастера. Яблочный пирог, кока–кола, прогулка после кино, Глен Миллер… При желании вы могли бы соорудить искусственную Америку из жести и рисовой бумаги… На кухне — мамуля из рисовой бумаги, на диване с газетой — папуля из рисовой бумаги. В ногах у него — бэби из рисовой бумаги. И все остальное — из рисовой бумаги».

Пол не сводил с него глаз. Спохватившись, Роберт Чилдэн решил думать о чем–нибудь другом. Он положил себе на тарелку еды. «А вдруг Пол умеет читать мысли? — мелькнуло в голове. — Да ну, чепуха. А по лицу ему ни о чем не догадаться. Я все время храню бесстрастный вид». Но в этом он вовсе не был уверен.

— Роберт, — обратился к нему Пол, — поскольку вы родились и выросли в США и с детства говорите на английском, не могли бы вы разъяснить мне отдельные места из одной американской повести? Она написана в тридцатые годы.

Чилдэн ответил легким поклоном.

— Это очень редкая книга, но мне посчастли-

вилось ее приобрести. Она называется «Подруга скорбящих». Автор — Натанаэл Уэст. Я с удовольствием ее прочитал, но понял не все.

Неожиданно для себя Роберт Чилдэн признался:

— Боюсь... я не читал этой книги. («И слыхом о ней не слыхивал», — мысленно добавил он.)

На лице Пола мелькнуло разочарование.

— Какая жалость! Это небольшая повесть о человеке, читающем письма, которые приходит в газету. Он мучительно переживает все, что ни прочтет, и в конце концов сходит с ума, возомнив себя Христом. Не припоминаете? Может быть, все–таки читали?

— Увы.

— У автора очень оригинальный взгляд на мученичество, — сказал Пол. — На проблему, которую легко решает любая религия. Христианская, например, утверждает, что с мученика снимается бремя грехов. А Уэст, видимо, имеет на этот счет другое мнение. Его герою природой предопределено мученичество, поскольку он — еврей.

— Проиграй Германия с Японией войну, евреи из Москвы и с Уолл–стрит правили бы миром.

Казалось, молодые японцы съежились. Точь–

в–точь цветы, тронутые морозом, — увяли, поникли, поблекли. В комнате как будто потянуло сквозняком. Чилдэн остро почувствовал одиночество. «Что они недопоняли? Ох уж эта неспособность понять чужую культуру, образ мыслей западного человека! Чуть что им наперекор — сразу дуться. Подумаешь, трагедия! И все–таки надо что–то делать. Во что бы то ни стало вернуть ясность между нами. — Роберту Чилдэну в жизни не бывало так плохо, как сейчас, когда он расставался со своей нелепой мечтой. — С каким нетерпением я ждал этой встречи, — вспомнил он. — Как мальчишка! Словно в тумане поднимался по лестнице. Но нельзя закрывать глаза на действительность. Человек должен взрослеть. А сегодняшний вечер — хорошее отрезвляющее средство. Эти люди — на самом деле не люди. Во что бы они ни рядились, они напоминают цирковых мартышек. Они способные и все схватывают на лету — но и только.

Зачем я стелюсь перед ними? Только потому, что они — победители?

Сегодня я обнаружил один изъян в своем характере. Но ничего не поделаешь. Оказывается, у меня трогательная способность… ну, скажем, выбирать меньшее из двух зол и все равно оста-

ваться в дураках.

За чем мне необходимо следить, так это за языком. Не ровен час, наговорю лишнего, а они, как ни крути, победители. Чего это я так разнервничался? Они всего–навсего попросили, чтобы я разъяснил им смысл старой американской книги. Надеялись от меня, белого человека, получить ответ. А я? Разве пытался им помочь? Нет, это бесполезно, я не читал этой книги. Иначе, конечно, я бы все им объяснил».

— Может, когда–нибудь я прочитаю эту «Подругу скорбящих», — обратился он к Полу, — и мы ее обсудим.

Пол кивнул.

— К сожалению, сейчас у меня много работы, — продолжал Роберт Чилдэн. — Возможно, позднее… Уверен, это не займет много времени.

— Нет, — пробормотал Пол. — Повесть совсем короткая. — И он, и Бетти выглядели опечаленными. «Неужели они тоже почувствовали непреодолимую пропасть между нами? — подумал Чилдэн. — Хотелось бы. Они этого заслуживают. Стыд — именно то, что поможет им понять смысл книги».

И в эту минуту к нему пришел аппетит.

В тот вечер между ними больше не возникало

трений. В десять вечера, выходя из квартиры Казоура, Чилдэн пребывал в приподнятом настроении и чувствовал себя уверенно. Он бодро спустился по лестнице, ничуть не боясь попасть на глаза какому–нибудь японцу, возвращавшемуся домой из общественной бани. Выйдя на темную улицу, он остановил велотакси.

«Меня всегда интересовало, как ведут себя в быту клиенты. И ничего предосудительного в этом нет, наоборот, полезно для дела. Тесное общение с людьми, стоящими выше тебя по социальной лестнице, благотворно влияет на психику. И робость перед ними проходит».

Погруженный в такие мысли, он подъехал к своему дому и выбрался из такси. Расплатившись с китайцем, Роберт Чилдэн поднялся по знакомым ступенькам.

В его гостиной сидел белый. Он удобно устроился на диване и читал газету. Увидев Чилдэна, он неохотно поднялся, сунул руку во внутренний карман пальто и достал удостоверение.

— Кэмпетай.

Перед Чилдэном стоял «буратино» — сотрудник государственной тайной полиции, организованной в Сакраменто японскими властями.

Чилдэн не на шутку испугался.

— Вы Р. Чилдэн?

— Да, сэр. — У него екнуло сердце.

— Недавно вас посетил один человек. — Полицейский сверился со своими записями. — Белый, назвавшийся доверенным лицом офицера Императорского ВМФ. Нами установлено, что он не тот, за кого себя выдавал. Ни названного им офицера, ни корабля не существует.

— Это верно, — подтвердил Чилдэн.

— К нам поступило заявление о попытке шантажа, имевшей место в районе Залива, — продолжал полицейский. — Очевидно, в нем участвовал ваш знакомый. Вы можете сообщить его приметы?

— Невысокий, довольно смуглый… — начал Чилдэн.

— Еврей?

— Да! Теперь я понял! Как я сразу не догадался…

— Взгляните. — Сотрудник кэмпетай протянул фотографию.

— Он самый, — подтвердил Чилдэн. Сходство было полное. При мысли о могуществе кэмпетай, в считанные дни вышедшей на след изображенного на фотографии человека, у него мороз прошел по коже. — А как вы его разыскали? Я на

него не заявлял, только позвонил Рэю Калвину, своему поставщику, и сказал…

Полицейский жестом велел ему замолчать.

— Мне от вас нужна только подпись. Вот тут. Простая формальность, зато вам не придется являться в суд. — Он вручил Роберту Чилдэну бумагу и авторучку. — Здесь говорится, что этот человек приходил к вам, выдавал себя за другого и так далее. Да вы сами прочтите. — Полицейский отогнул рукав и, пока Чилдэн пробегал глазами документ, смотрел на часы. — По существу верно?

— По существу — да. — Чилдэн не успел как следует вчитаться в казенные строки, к тому же он порядком устал за день. Но он точно знал: к нему под чужим именем приходил жулик, тот самый, что на фотографии. Вдобавок этот жулик, по словам сотрудника кэмпетай, еврей. Внизу на снимке стояли имя и фамилия: «Фрэнк Фринк. Урожденный Фрэнк Финк». В общем, чистокровный жид, пробу негде ставить. Да еще и фамилию изменил!

Чилдэн поставил подпись.

— Спасибо. — Полицейский взял портфель, нахлобучил шляпу, пожелал спокойной ночи и удалился. На все дело ушли считанные минуты.

«Похоже, они его сцапают, — подумал Чилдэн. — Кем бы он ни прикидывался… Ну и славно. Хорошо ребята работают, быстро. Мы живем в обществе, где царят закон и порядок, нам не страшны паучьи сети еврейских заговоров. У нас есть надежная защита. Удивительно, как я сразу не определил его национальность? Неужели меня так легко обвести вокруг пальца? Наверное, это потому, что я не умею хитрить. Не будь закона, евреи сожрали бы меня с потрохами. Тот жид мог убедить меня в чем угодно. Они же гипнотизеры, все без исключения. Могут целый народ заставить плясать под свою дудку.

Утром поеду покупать «Саранчу», — решил он. — Интересно, как автор представляет себе мир под пятой иудеев и коммунистов? Рейх у него, понятное дело, в развалинах, Япония — провинция России, а сама Россия раскинулась от Атлантики до Тихого океана. Не удивлюсь, если этот… сочинил войну между США и Россией. Должно быть, занятная книжка, — подумал он. — Странно, почему ее раньше никто не написал?

И все–таки эта книга дает возможность понять, как нам повезло. Несмотря на крайне невыгодное положение… Да, все могло кончиться гораздо хуже. Из «Саранчи» можно извлечь хо-

роший нравственный урок. Что с того, что мы под япошками и вынуждены восстанавливать разрушенное? Зато теперь началась эпоха великих свершений — взять хотя бы колонизацию планет».

Он вспомнил: сейчас по радио должны передавать новости. Усевшись, включил репродуктор.

«Возможно, уже выбрали нового рейхсканцлера. По мне, так лучше бы Зейсс–Инкварта — он самый энергичный и с огоньком возьмется за дело. Вот бы там побывать, — мечтательно подумал он. — А что, глядишь, разбогатею, да и отправлюсь путешествовать по Европе. Сижу тут на западном побережье, кругом такое болото… А история проходит мимо».

Глава 8

В восемь утра фрейгерр Гуго Рейс, рейхсконсул в Сан–Франциско, вышел из «мерседес–бенца 220–Е» и взбежал по ступенькам консульства.

Вслед за ним поднялись двое молодых служащих МИДа. Шагнув через порог, Рейс вскинул руку, приветствуя двух телефонисток, вице–консула герра Франка и, уже в кабинете, своего секретаря Пфердхофа.

— Фрейгерр, — обратился к Рейсу Пфердхоф, — только что поступила шифрованная радиограмма из Берлина. Срочная.

Это означало: надо снять пальто и отдать его Пфердхофу.

— Десять минут назад звонил Кройц фон Меере. Просил, чтобы вы с ним связались.

— Благодарю. — Рейс уселся за столик у окна, снял салфетку с завтрака — рулет, омлет, колбаса, — налил из серебряного кофейника горячего кофе и развернул доставленную ракетой «Люфтганзы» утреннюю «Frankfurter Zeitung».[38]

Звонивший перед его приходом Кройц фон Ме-

---

[38] Примечания: 38
«Франкфуртская газета» *(нем.).*

ере был шефом Sicherheitsdienst на территории США. Его штаб–квартира (разумеется, под «липовой» вывеской) находилась в здании аэровокзала. Отношения между Рейсом и Кройцем фон Меере оставляли желать лучшего, а все потому, что их полномочия пересекались в великом множестве случаев. Вне всяких сомнений, этим они были обязаны расчетливой политике берлинских верхов. Несколько лет назад, получив почетное звание штандартенфюрера СС, Рейс формально оказался в подчинении у фон Меере. Рейс уже давно понял смысл этого хода, но так и не привык к тому, что с Кройцем фон Меере необходимо считаться.

Рейс внимательно просмотрел первую страницу газеты. Фон Ширах под домашним арестом, а может, уже убит. Паршиво. Геринг засел на учебной базе «Люфтваффе», окружив себя преданными ветеранами. Туда теперь даже мышь не проскользнет, не то что мясники из СД. А как дела у доктора Геббельса? Он, наверное, в самом центре Берлина. Как всегда, полагается только на свои мозги и неистощимое красноречие. Если Гейдрих пошлет к нему взвод солдат, Геббельс не только уговорит их нарушить приказ, но еще, того гляди, переманит к себе на службу. Сделает

из них сотрудников министерства пропаганды и общественного просвещения.

Рейс представил Геббельса в квартире какой–нибудь шикарной кинозвезды, с пренебрежением глядящего в окно, на грохочущую сапожищами солдатню. Нет, этот Kerl[39] не испугается. Будет стоять со своей знаменитой ухмылочкой… левой рукой лаская дамскую грудь, а правой строча статейку для ближайшего выпуска «Angriff».[40]

В дверь постучал секретарь, прервав раздумья Рейса.

— Прошу прощения. Опять звонит Кройц фон Меере.

Рейс поднялся, подошел к рабочему столу и взял трубку.

— Рейс слушает.

В ответ — голос шефа СД с густым баварским акцентом:

— Что–нибудь слышно об этом типе из абвера?

Вопрос фон Меере застал Рейса врасплох.

— М–м–м… — промычал он. — По моим сведениям, сейчас на Тихоокеанском побережье трое или четверо «типов из абвера».

---

[39] Примечания: 39
Парень (*нем.*).

[40] Примечания: 40
«Атака» *(нем.).*

— Я о том, который на прошлой неделе прилетел ракетой «Люфтганзы».

— А! — Прижав телефонную трубку плечом к уху, Рейс достал портсигар. — Он к нам не заходил.

— Что он сейчас делает?

— Черт, ну откуда мне знать? Спросите у Канариса.

— Давай–ка лучше звякни в МИД, попроси их связаться с Канцелярией, а те пускай прижмут Адмиралтейство и потребуют от абвера либо отозвать своих людей, либо сообщить нам, какого черта им здесь нужно.

— А вы не можете сами это сделать?

— По–твоему, у меня других забот нет?

«Ну ясно, прозевали абверовца, — решил Рейс. — Кто–то из ведомства Гейдриха велел им глаз не спускать с парня, а тот отделался от «хвоста». И теперь я должен вытаскивать их из дерьма».

— Если придет, я кого–нибудь к нему приставлю, — пообещал Рейс. И подумал: «Интересно, с какой стати он должен сюда явиться?»

— Он прибыл под чужой фамилией, это как пить дать, — угрюмо произнес Кройц фон Меере. — Под какой — мы не знаем. Ему лет сорок.

Капитан. Аристократическая внешность. Настоящее имя — Рудольф Вегенер. Он из Восточной Пруссии, из старинного дворянского рода. Возможно, протеже фон Папена.

Рейс поудобнее устроился за столом.

Фон Меере зудел:

— Будь моя воля, я бы давно урезал флоту бюджет, чтобы эти дармоеды–монархисты не лезли…

Повесив наконец трубку, Рейс с облегчением вздохнул и уселся завтракать. Рулет успел остыть, но кофе в кофейнике остался горячим. Выпив чашку, Рейс снова взял газету.

«И так без конца, — вздохнул он, мысленно возвращаясь к разговору с Кройцем фон Меере. — Этим типам ничего не стоит позвонить и в три часа ночи — ведь в СД дежурят круглосуточно».

Приоткрылась дверь, появилась голова Пфердхофа. Увидев, что Рейс повесил трубку, секретарь сообщил:

— Только что звонили из Сакраменто. У них там паника. Оказывается, по Фриско разгуливает живой еврей.

Они посмеялись.

— Ладно, — сказал Рейс. — Позвони им, пусть успокоятся и пришлют на него бумаги. Что еще?

— Соболезнования.

— Много?

— Не очень. Если хотите прочитать, они у вас на столе. Я уже разослал ответы.

— Сегодня в час дня у нас встреча с бизнесменами, — сказал Рейс. — Мне нужно подготовиться.

— Я вам напомню, — пообещал Пфердхоф.

Рейс устроился в кресле поудобнее.

— Хотите пари?

— Только не по поводу решения Партай. Вы об этом, надо полагать?

— Изберут Вешателя.

Помявшись, Пфердхоф сказал:

— Гейдрих достиг своего потолка. Таких, как он, ни за что не допустят к руководству партией — их слишком боятся. При одной мысли об этом у партийных тузов волосы встают дыбом. Не пройдет и получаса после отъезда первого эсэсовского автомобиля от дома на Принц–Альберт–штрассе, как возникнет мощная коалиция. Финансовые воротилы вроде Круппа, Тиссена… — Он умолк.

В кабинет вошел шифровальщик с конвертом. Это была срочная радиограмма, расшифрованная и отпечатанная на машинке.

Прочитав ее, Рейс увидел вопросительно–нетерпеливое выражение на лице Пфердхофа.

Рейс скомкал листок, опустил в глиняную пепельницу и щелкнул зажигалкой.

— По их сведениям, к нам инкогнито направляется японский генерал Тедеки. Вот что, поезжай–ка в публичную библиотеку и полистай японские военные журналы, может, наткнешься на его фото. Особенно не светись. У нас здесь вряд ли найдутся сведения о нем. — Рейс встал, направился было к набитому папками шкафу, но передумал. — В общем, собирай любую информацию, не брезгуй и слухами. Может, ты хоть что–нибудь о нем помнишь?

— Кое–что помню. Он был большим забиякой. Сейчас ему, наверное, лет восемьдесят. Кажется, он отстаивал японскую космическую программу, которая потом с треском провалилась.

— Да, тут он дал маху, — кивнул Рейс.

— Не удивлюсь, если он едет сюда лечиться, — продолжал Пфердхоф. — В клинике Калифорнийского университета полно старых вояк из Японии. К их услугам немецкая хирургическая техника, которой на Родных островах днем с огнем не сыщешь. Конечно, сами они об этом не распространяются — патриотические чувства и все такое. Пожалуй, мы могли бы внедрить в университетскую больницу нашего человека,

если Берлину так интересен этот японец.

Рейс кивнул. Возможно, старый генерал участвует в коммерческих спекуляциях. Сан–Франциско ими славится. Налаженные во время службы связи могут очень пригодиться в отставке. Но в шифровке не сказано, что генерал в запасе.

— Как только раздобудешь снимок, разошли копии нашим людям в гавани и аэропорту, — велел Рейс секретарю. — Возможно, он уже здесь. Сам знаешь, как в Берлине умеют канителиться. Если генерал уже в Сан–Франциско, все шишки посыплются на наше консульство.

— Я дал квитанцию о приеме радиограммы, — сказал Пфердхоф. — Если возникнут вопросы, мы сможем указать точное время ее получения.

— Спасибо, — буркнул Рейс. Берлинские начальники — мастера перекладывать с больной головы на здоровую, а ему надоело быть мальчиком для битья. Сколько ж можно? — Да, подстраховаться не мешает. Пожалуй, стоит дать им ответ. Примерно такой: «Ваши указания запоздали. Объект уже прибыл. На данной стадии возможность перехвата исключительно мала». Как–нибудь приукрась этот текст, разбавь водичкой и отправь. Понял?

Пфердхоф кивнул.

— Отправлю немедленно. И потребую квитанцию. — Он вышел.

«Надо держать ухо востро, — подумал Рейс. — Не то не ровен час окажешься консулом у черномазой сволочи где–нибудь в Южной Африке. Заведешь себе черную кухарку, и десять негритят будут называть тебя папулей».

Он закурил египетскую сигарету «Саймон Арц 70» и аккуратно закрыл портсигар. Надеясь, что в ближайшее время его никто не потревожит, вытащил из портфеля книгу и раскрыл на отмеченном закладкой месте.

«Неужели когда–то он бродил по тихим улочкам, где неторопливо катили машины? Неужели то далекое воскресное утро в безмятежном зоопарке не было вымыслом?.. Мирная жизнь. Вкус мороженого — его уже никогда не ощутить. Теперь он радовался, когда удавалось поесть вареной крапивы.

— Боже! — вскрикнул он. — Неужели они никогда не остановятся?

По городу шли огромные английские танки.

Еще одно здание — жилой дом, а может, магазин или школа, отсюда было не разобрать, — вздрогнуло и превратилось в груду обломков. Под ними нашла могилу горстка бедолаг — и ни кри-

ков о помощи, ни предсмертных стонов. Гибель раскинула свои крылья над здоровыми, ранеными и над мертвыми, от которых уже исходило зловоние. Смердящий, разлагающийся на глазах труп Берлина, беззвучно рассыпающиеся старинные башни, гордость города…

Мальчик взглянул на свои руки, серые от пепла. Все — живое и мертвое — превратилось в пепел.

Так думал мальчик. Больше он ни о чем не мог думать, вернее, в этой сумятице, среди воплей и канонады, все мысли сводились к одному — к еде.

Шесть дней он не ел ничего, кроме крапивы. А теперь и ее не осталось — пустырь превратился в огромную воронку, на краю которой призрачно маячили человеческие силуэты: мальчишка, женщина со старушечьим платком на голове и пустой корзиной под мышкой, однорукий инвалид с такими же пустыми, как и корзина, глазами. И девушка. Вскоре все они растаяли среди пней и нагромождения стволов погибшей рощи, где прятался маленький Эрик.

А вереница танков все ползла и ползла.

— Неужели это не кончится? — спросил мальчик, ни к кому не обращаясь. — А если кончится, что тогда? Удастся ли нам набить животы…»

— Фрейгерр, — раздался над ухом голос Пферд-

хофа, — ужасно не хочется вас отвлекать, но…

Рейс подпрыгнул как ужаленный и захлопнул книгу.

— Ничего, я слушаю!

«Ну и здорово мужик пишет! — восхитился он. — Совсем меня заморочил. Я ведь будто своими глазами увидал, как британцы разрушают Берлин. Брр! — Он поежился. — Удивительно все–таки, как сильно литература может действовать на психику. Даже бульварщина вроде этой «Саранчи». Дураку ясно, почему ее запретили. Я бы и сам запретил. Зря, конечно, я за нее взялся, но теперь делать нечего, нужно дочитать».

— В приемной моряки с немецкого корабля, — сообщил секретарь. — Пришли отметиться.

— Хорошо. — Рейс торопливо вышел.

В приемной сидели трое моряков в толстых серых свитерах, с пышными светлыми шевелюрами и волевыми, слегка взволнованными лицами.

Рейс поднял правую руку и со сдержанной улыбкой приветствовал их:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответили они вразнобой и протянули Рейсу документы.

Отметив им явку в консульство, он вернулся в

кабинет и снова раскрыл «Саранчу».

Раскрыл на случайной странице и не смог оторваться, вернуться туда, где остановился. Глаза сами забегали по строчкам, он почувствовал жар в затылке.

«Суд над Гитлером, — догадался он. — После капитуляции Гитлер попадает в лапы союзников. Господи Боже! И Геббельс, и Геринг, и все остальные! Процесс в Мюнхене. Гитлер отвечает обвинителю–американцу».

«…черном воспаленном мозгу, казалось, на миг ожил прежний боевой дух. Трясущееся дряблое тело выпрямилось, голова поднялась. Со слюнявых уст сорвался сиплый полулай–полушепот: «Deutchland, ich bin mit dir“.[41] *И сразу тех, кто смотрел и слушал, охватило оцепенение, плотнее прижались к ушам головные телефоны, напряглись лица русских и американцев, британцев и немцев. «Да, — подумал Карл, — снова мы слышим его… Нас не только разбили — перед нами раздели догола этого сверхчеловека, показав, кто он на самом деле. Всего–навсего…»*

— Фрейгерр.

Пока Рейс читал, в кабинет вновь вошел сек-

---

[41] Примечания: 41
Германия, я с тобой *(нем.)*.

ретарь.

— Я занят, — бросил Рейс, — пытаюсь прочесть эту книгу, черт бы ее побрал!

Но злиться было бессмысленно, он это знал.

— Снова шифровка, — сообщил Пфердхоф. — Только что приняли. Она касается политической ситуации.

— А подробнее? — Рейс потер лоб.

— По радио неожиданно выступил доктор Геббельс. С очень важной речью. — Секретарь был порядком взволнован. — Нам предлагается опубликовать ее текст в здешней прессе.

— Да–да, — сказал Рейс.

Как только секретарь затворил за собой дверь, Рейс снова раскрыл книгу. «Опять, наплевав на мои инструкции, сует нос куда не следует», — подумал он о Пфердхофе и перевернул несколько страниц.

«…тишине взирал на покрытый знаменем гроб. «Вот он лежит передо мной, но на самом деле он ушел, ушел навсегда. И никакая в мире сила не вернет его нам. Человека — или все–таки übermensch[42]», в которого Карл слепо верил и которого боготворил даже на краю могилы.

---

[42] Примечания: 42
Сверхчеловек *(нем.).*

Адольф Гитлер почил навеки, но Карл цеплялся за жизнь.

«Ты не пойдешь за ним следом, — шептал Карлу внутренний голос. — Ты будешь жить. И восстанавливать разрушенное. Мы все будем строить. Мы должны».

К чему же привело его коварство вождя?! И теперь, когда дописана наконец невероятная летопись Рейха, остается спросить: как этому человеку удалось пройти путь из провинциального австрийского городка через тлетворную нищету в Вене, через борьбу в Партай — к посту канцлера, к тому краткому мигу, когда он считал себя чуть ли не властелином мира?

Карл знал: благодаря лжи. Адольф Гитлер лгал. Лгал всегда. Вел народ за собой, загипнотизировав пустыми речами.

«Мы раскрыли твой обман, Адольф Гитлер. И наконец узнали, кто ты на самом деле, что такое нацистская партия и для чего тебе потребовалась жуткая эпоха убийств и маниакальных фантазий. Мы поняли». Карл повернулся и пошел прочь от безмолвствующего гроба...»

Закрыв книгу, Рейс некоторое время сидел неподвижно. «Надо бы хорошенько нажать на япошек, чтобы запретили чертову книжонку. С

их стороны это просто свинство, они без труда могут арестовать писаку, как там его… Абендсена, что ли? Власти у них на Среднем Западе хоть отбавляй».

Неожиданно Рейс расстроился. Его огорчила смерть Адольфа Гитлера, гибель Партай и самой Германии в книге Абендсена. Но не только это. В романе звучал истинный пафос, утраченный в мире, которым правила Германия. «Как ему это удалось? Неужели дело только в таланте?»

В арсенале этих беллетристов миллион всяких приемчиков. Взять того же доктора Геббельса — начал свою карьеру с художественной литературы, обращался к самым потаенным страстишкам, гнездящимся в любом человеке, какой бы пост он ни занимал. Да, писатель должен разбираться в людях. Знать всю их никчемность, трусость, похотливость и продажность. Стоит только писателю ударить в барабан, а уж отклик будет. Ему останется лишь похихикать над произведенным эффектом.

«Нет, вы только поглядите, как он играет на моих чувствах! — возмутился Рейс. — Именно на чувствах, а не на рассудке. И уж, конечно, не за так. Свои денежки он наверняка огреб,

Hundsfott.[43] Эти подонки о чем угодно напишут, лишь бы платили. Наворотят гору дерьма — публика сожрет, не поморщится. Ну–ка, где ее тиснули? — Рейс перевернул книгу. — Омаха, Небраска. Последний оплот издательской плутократии США, некогда процветавшей в Нью–Йорке на золото жидов и коммунистов…

Может, и этот Абендсен — жид?

Они еще не все передохли, еще пытаются нас отравить. Judisches buch![44]

Он яростно захлопнул книгу.

Наверняка его фамилия — Абендштейн. Как пить дать, за ним охотится СД.

Надо обязательно послать кого–нибудь в ШСГ с визитом к герру Абендштейну. Не исключено, Кройц фон Меере уже получил на этот счет инструкции. А может, и нет — в Берлине сейчас кавардак… Кому есть дело до какого–то еврея? А зря.

Эта книга очень опасна. И если одним прекрасным утром мистера Абендштейна найдут подвешенным к потолку, то на тех, кто проникся его идеями, это подействует отрезвляюще. За

---

[43] Примечания: 43
Вонючий пес *(нем.)*.

[44] Примечания: 44
Еврейская книга *(нем.)*.

нами останется последнее слово. Постскриптум, так сказать.

Само собой, для такой акции нужен белый человек. Интересно, что сейчас поделывает Скорцени? — Рейс перечитал текст на обороте обложки. — Боится жидюга — забаррикадировался в своем Высоком Замке. Черта с два, мы тоже не вчера родились. Когда–нибудь выковырнем тебя оттуда.

Может, конечно, это глупо. В конце концов книга издана и разошлась. Да и территория подконтрольна японцам, случись что, желтопузые такой хай поднимут…

Но дельце можно обтяпать так, что комар носа не подточит. Нужен толковый парень…

Фрайгерр Гуго Рейс сделал пометку в записной книжке: «Обсудить этот вопрос с группенфюрером СС Отто Скорцени, а еще лучше — с Отто Олендорфом из Reichssicher heits hauptamt.[45] Кажется, это он возглавляет Einsatzgruppe D[46] в третьем Amt[47]».

---

[45] Примечания: 45
Управление службы безопасности Рейха *(нем.).*

[46] Примечания: 46
Оперативная группа Д *(нем.).*

[47] Примечания: 47
Отдел *(нем.).*

И тут его вдруг замутило от бешенства. «Неужели это будет продолжаться вечно? — подумал он. — Сколько лет прошло с войны; казалось, самое главное сделано. И вот теперь — фиаско в Африке и полоумный Зейсс–Инкварт, осуществляющий идиотские замыслы Розенберга. Герр Хоуп прав, издеваясь над нашей марсианской эпопеей. Надо же было придумать — Марс заселен евреями! А ведь мы их наверняка там встретим. Именно двухголовых и в фут ростом. Впрочем, мне на это наплевать, — решил Рейс. — Своих дел по горло. На авантюры вроде посылки айнзатцкоманды за Абендсеном просто нет времени. Хватит с меня возни с немецкими моряками и шифрованными радиограммами, пускай Абендсена ловят ищейки из СД. Им за это деньги платят. А если бы я и провернул это дельце, то еще неизвестно, где бы очутился, — может, в следственном изоляторе генерал–губернатора США или сразу в камере с «Циклоном Б».

Он тщательно стер карандашную запись, а потом и вовсе вырвал листок и сжег его в глиняной пепельнице.

В дверь постучали, вошел секретарь с пачкой бумаг.

— Речь доктора Геббельса. Полная. — Пфердхоф

положил бумаги на стол. — Очень рекомендую ознакомиться. Отличная речь, одна из лучших.

Закурив «Саймон Арц», Рейс углубился в речь доктора Геббельса.

Глава 9

Спустя две недели почти непрерывной работы компания «Эдфрэнк» уже располагала первой партией товара. Украшения были разложены на двух лотках из фанеры, обтянутой черным бархатом. Эд Маккарти и Фрэнк Фринк обзавелись даже визитными карточками, вырезав клише своих фамилий на стирательных резинках, а рамки оттиснув с помощью детского ротапринта. Получилось очень красиво — красные фамилии в узорных рамках на плотной разноцветной бумаге для рождественских открыток.

За что бы ни брались Эд и Фрэнк, все удавалось на славу. Никакой кустарщины — украшения, визитка и лотки говорили о высоком мастерстве изготовителей. «Да и как иначе? — думал Фрэнк. — Ювелирное дело — сложная штука, но мы же профессионалы, всю жизнь не вылезали из цеха».

Он еще раз глянул на украшения: браслеты из меди, бронзы и латуни, даже из вороненой стали; кулоны, по большей части медные с серебряным узором; серьги из серебра; серебряные и медные броши. Серебро влетело им в копеечку, даже

серебряный припой увеличивал себестоимость изделий. Да и несколько полудрагоценных камней, вправленных в броши, стоили недешево. Зато как красиво смотрелись жемчуг, шпинель, яшма и осколки дымчатого опала! А если дела пойдут неплохо, Эд и Фрэнк раскошелятся на золото и пяти–шестиграновые бриллианты.

Да, на золоте можно делать большие деньги. Эд и Фрэнк уже прикидывали, где бы подешевле купить золотой лом и штампованные довоенные безделушки, не имеющие художественной ценности, — это куда дешевле, чем новое золото. Все–таки без солидного капитала к благородным металлам не подступишься. С другой стороны, продать красивую, умело сработанную золотую брошь выгоднее, чем сорок медных. За нее можно заломить большую цену… «Если вообще кто–то захочет покупать наши украшения», — скептически подумал Фрэнк.

Они еще не пытались торговать, зато разделались с основными техническими проблемами: установили на верстаке моторы, вал с дисками для черновой шлифовки и полировки. Они располагали полным комплектом инструментов и материалов, от напильников и грубых наждачных кругов до основ из хлопка, льна, кожи и

замши, которые можно было покрыть разными абразивами, от корунда и пемзы до самых мягких. И главное, у них были ацетиленовый сварочный аппарат, с баллонами, манометром, шлангами и масками, и превосходные ювелирные инструменты из Германии и Франции: микрометры, алмазные сверла, пилки, клещи, пинцеты, тиски, ножницы, молоточки.

Был запас сырья и фурнитуры: разнокалиберные стержни припоя, фольга, заколки для брошей, застежки для сережек. На банковском счету компании «Эдфрэнк» осталось всего двести пятьдесят долларов, зато производство было полностью организовано. Требовалось наладить сбыт.

«Ни один покупатель не станет проверять наш товар тщательнее нас самих», — подумал Фрэнк.

Вещицы, отобранные для демонстрации, и в самом деле выглядели неплохо. Сколько труда ушло на удаление заусенцев, изъянов сварки, пятен, оставленных огнем… Ведь чтобы забраковать вещь, достаточно обнаружить небольшое пятнышко или царапину от напильника. «Мы не можем схалтурить даже в мелочах, — подумал Фрэнк. — Одно черное пятнышко на серебряном колье, замеченное продавцом, — и все труды

прахом».

Магазин Роберта Чилдэна стоял первым в их списке. Но туда мог идти только Эд; Фрэнка Чилдэн наверняка запомнил.

— В основном сбыт ляжет на тебя, — сказал Фрэнку Маккарти, но идти к Чилдэну согласился. Чтобы выглядеть солиднее, он купил добротный костюм, новый галстук и белую сорочку. Но от робости избавиться не мог.

— Наш товар — загляденье, — в сотый раз повторил он, — но — чем черт не шутит…

Большинство изделий имело абстрактную форму: свитая в спирали и петли проволока, произвольно застывший металл. Некоторые были тонкими и воздушными, как паутина, другие — по–варварски массивными. На бархатных лотках лежало не так много вещей, но создавалось впечатление большого разнообразия форм. «Вот бы нашелся магазин, где все это возьмут! — мечтал Фрэнк. — С Чилдэном ничего не получится — обойдем все лавки одну за другой. Если удача нам улыбнется и вещи придутся покупателю по вкусу, нас завалят заказами на всю оставшуюся жизнь».

Эд и Фрэнк уложили обтянутые бархатом фанерки на дно изящной японской корзины.

«Если ничего не выйдет — продадим металлы, — решил Фрэнк. — Да и оборудование. Всех денег не вернем, но хотя бы часть.

Самое время обратиться к Оракулу. Спросить, чем закончится первая попытка Эда. Зря Фрэнк так нервничает. Возможно, это дурной знак. Но что бы ни сказала «Книга Перемен», выбор уже сделан: мастерская открыта, украшения готовы.

— В общем, первым делом я наведаюсь к Чилдэну, — прервал его раздумья Маккарти. — Хотя с ним мы могли бы и повременить. Ну ладно, если он мне откажет, ты сходишь к двум другим. Ты ведь поедешь со мной, а? Подождешь в машине за углом?

Когда они садились в пикап, Фрэнк подумал: «Одному Богу известно, какие из нас с Эдом торговцы. Чилдэну, конечно, можно что–нибудь продать, но для этого нужно произвести на него впечатление. Пустить пыль в глаза.

Будь здесь Джулиана, она окрутила бы Чилдэна в полминуты. Она такая соблазнительная, бойкая на язык, а главное — она женщина». Закрыв глаза, Фрэнк попытался представить, как смотрелся бы на ее руке один из браслетов. Или большое колье. Да, было бы здорово, если бы Джулиана отправилась к Чилдэну с нашими вещичками.

Ведь это женская бижутерия. Чилдэн просто упал бы в обморок при виде ее черных волос, бледной кожи, меланхоличного, скучающего взгляда, безупречной груди, чуть туже, чем следует, обтянутой джемпером, в вырезе которого поблескивает серебро…

Он представил ее так живо, будто они расстались вчера. Представил, как длинными сильными пальцами она берет безделушку и, запрокинув голову, любуется. У Джулианы хороший вкус.

«Больше всего ей подошли бы сережки, — размечтался он. — Яркие, броские, из красной меди. Волосы лучше подстричь покороче или стянуть на затылке заколкой, чтобы видны были серьги и колье. А еще неплохо бы сделать для рекламы несколько ее фотоснимков. — У них с Эдом заходила речь о проспекте для рассылки в другие города и страны. — Она бы выглядела сногсшибательно… Интересно, если я ее разыщу и предложу с нами работать, она не откажется? Не важно, что она обо мне думает, мы же не будем лезть в личную жизнь друг друга. Только общие деловые интересы. Я даже не стану ее сам фотографировать — найдем профессионального фотографа. А что, наверное, ей бы моя затея пришлась по душе. Она всегда любила, чтоб на нее глазели и

восхищались. Как дитя малое, которому всегда надо быть в центре внимания, — иначе как–то не по себе. Наверное, сейчас кто–то за ней приударяет. Говорит ей, какая она милашка. Какие у нее чудесные ноги и гладкий плоский живот».

— Что с тобой? — искоса взглянув на него, спросил Маккарти. — Нервничаешь?

— Нет, — ответил Фрэнк.

— Я не собираюсь стоять там дурак дураком, — сказал Маккарти. — У меня есть кое–какие мыслишки. Не думай, я вовсе не боюсь. Да, а не люблю рядиться под джентльмена, и мне немного не по себе. Но это пустяки. Я все равно пойду и продам наш товар этому хлыщу.

«Дай–то Бог», — подумал Фрэнк.

— Черт возьми, если б ты мог пойти к Чилдэну, как в тот раз, и снова прикинуться поверенным японского адмирала, которому нужна бижутерия… Ведь у нас отменные вещицы, верно? Оригинальной формы, самодельные…

— Не самодельные, а ручной работы, — поправил Фрэнк.

— Ну да, ручной работы. Так вот, я не отстану от Чилдэна, пока он не получит полное удовольствие за свои денежки. Дурак он будет, если откажется, вот что я тебе скажу. Где еще делают

такую бижутерию, как у нас? Да я как представлю, что он посмотрит и не купит, — у меня кулаки чешутся…

— Не забудь ему сказать, что это не покрытие. Латунные украшения целиком из латуни, медные — из меди.

— Ты уж дай мне самому решать, что говорить, — обиделся Маккарти. — Не волнуйся, молчать не буду.

«А я сделаю вот что, — подумал Фрэнк. — Выберу тайком от Эда одну–две побрякушки и пошлю Джулиане. Пусть знает, чем мы занимаемся. Пошлю по прежнему адресу, а на почте разберутся. Интересно, что она скажет, распечатав бандероль? Надо приложить записку — моя, мол, работа, а сам я — партнер в небольшом предприятии по производству бижутерии. Распалю ее воображение и намекну: если хочешь участвовать… Расскажу что–нибудь интересное о драгоценных камнях и металлах…»

— Кажется, здесь? — Маккарти притормозил. Они находились в деловом центре; по улице плотным потоком шли машины. — Пожалуй, пора искать стоянку.

— Еще пять кварталов, — сказал Фрэнк.

— У тебя найдется сигарета с марихуаной? —

спросил Эд. — Надо бы малость успокоиться.

Фрэнк протянул ему пачку сигарет «Небесная музыка», к которым пристрастился в «Корпорации У–М».

«Да, наверняка она с кем–нибудь живет, — со вздохом сказал себе Фрэнк. — Спит с ним, как жена. Я ее знаю. Джулиана никак не может по–другому. С наступлением сумерек, когда на улице темно и холодно и все порядочные люди сидят в кругу семьи у камина, она просто чокнутая становится… Она не рождена для одиночества. Да и я тоже. Может, ее парень и неплохой, — думал он. — Джулиане ничего не стоит подцепить какого–нибудь студентика. Этакого маменькиного сынка, которому и невдомек, как к бабе подойти. Она не жестокая и не циничная, она может дать парнишке много хорошего. Чертовски хочется верить, что она не нашла себе кого постарше, какого–нибудь «супермена с вечно торчащей изо рта зубочисткой…»

Фрэнк заметил, что стал тяжело дышать, вообразив мясистого, волосатого мужика, который обращается с Джулианой как с вещью, всячески унижает и оскорбляет ее…

«Я знаю — рано или поздно она покончит с собой, — подумал он. — Это у нее на роду написано.

Если только не найдет себе настоящего друга, то есть нежного, внимательного, доброго, способного понять и оценить ее. Я был слишком груб с ней. — Фрэнк печально вздохнул. — Хотя я не такой уж плохой, бывают хуже. Я всегда понимал, о чем она мечтает, чего хочет, когда ей одиноко, тоскливо… И нянчился, и успокаивал… Но этого мало. Она заслуживала большего».

— Я тут остановлюсь. — Маккарти высмотрел свободное место, развернул грузовик и, оглядываясь, дал задний ход.

— Послушай, — сказал Фрэнк, — можно, я пошлю одну–две вещицы своей жене?

— Я и не знал, что ты женат, — рассеянно произнес Маккарти. — Пожалуйста, только не серебряные. Приехали. — Затянувшись напоследок, он раздавил сигарету в пепельнице. — Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказал Фрэнк Фринк.

— Гляди, тут на пачке вака — японское стихотворение. — Маккарти прочитал вслух:

Услышав голос кукушки,
Я взглянул туда,
Откуда доносился звук.
И что я там увидел?
Только бледную луну в рассветном небе.

Он хлопнул Фрэнка по спине, ухмыльнулся, открыл дверцу и, подхватив корзину, вышел.

— Не забудь бросить в счетчик десятицентовик. — Через секунду он затерялся среди пешеходов.

«Джулиана! — мысленно воззвал Фрэнк. — Может быть, тебе сейчас так же одиноко, как и мне?»

Он вылез из пикапа и бросил монетку — плату за стоянку — в счетчик.

«Боюсь, — подумал Фрэнк. — Боюсь за наше дело. А вдруг — неудача? Вдруг Эд ничего не сумеет продать? А если над нами посмеются… Что тогда?»

Джулиана лежала на простыне, на полу гостиной, в объятиях Джо Чиннаделлы. В комнате, залитой лучами послеполуденного солнца, было душно. Тела Джулианы и лежащего на ней мужчины были скользкими от пота. Со лба Джо скатилась капля, задержалась на скуле и упала Джулиане на шею.

— С тебя капает, — прошептала она.

Джо промолчал. Он ровно, глубоко дышал. «Как океан», — подумала Джулиана.

— У нас внутри нет ничего, кроме воды. И теперь придется отлипать друг от друга.

Джо пошевелился.

— Уже встаешь? — Она прижала его к себе. — Погоди.

— Тебе не пора в спортзал?

«Не пойду в спортзал, — решила Джулиана. — Неужели ты еще не понял? Мы не останемся здесь, мы куда–нибудь уедем. Куда–нибудь, где не были прежде».

Она чувствовала, как Джо поднимается на колени. Ладони Джулианы скользнули по его влажным бокам. Джо отошел, шлепая по полу босыми ногами. В ванную, конечно.

«Все кончилось, — вздохнула Джулиана. — Ну и ладно».

— Слышу, слышу, — сказал Джо из ванной. — Опять стонешь. Постоянная депрессия, верно? Тревога, страх и подозрительность. По отношению ко мне и ко всему миру… — Он появился в дверях весь в мыле, улыбающийся. — Как насчет путешествия?

У нее быстрее забилось сердце.

— Куда?

— В какой–нибудь большой город. Можно махнуть на север, в Денвер. Гульнем на всю катушку. Будет тебе и концерт, и ресторан, и такси, и вечернее платье — все, что захочешь. О’кей?

В это было трудно поверить. Но поверить очень хотелось.

— Твой «студик» не развалится по дороге?

— Еще чего! — возмутилась она.

— Купим приличную одежду и кутнем, может, впервые за всю жизнь. Тебе надо хорошенько отдохнуть, не то сломаешься.

— А где мы денег возьмем?

— У меня есть, — улыбнулся Джо. — Погляди в саквояже.

Джо затворил дверь в ванную. Он что–то еще говорил, но Джулиана за шумом воды не слышала.

Отворив дверцу платяного шкафа, она достала обшарпанный, засаленный саквояж. Запустив в него руку, почти сразу наткнулась на конверт с крупными банкнотами Рейхсбанка, имеющими хождение практически везде.

«Да, на это можно кутнуть, — подумала она, считая деньги. — А мне казалось, он просто лапшу на уши вешает. Вот бы забраться к нему в башку, поглядеть, что там творится».

Под конвертом лежала огромная поршневая авторучка цилиндрической формы. Во всяком случае, внешне предмет походил на авторучку. Но был непривычно тяжелым. Джулиана поспешно отвинтила колпачок. Да, с золотым

пером. Но…

— Что это? — спросила она, когда Джо вышел из ванной.

Он забрал авторучку и положил в саквояж. «Как бережно он с ней обращается!» — мелькнула мысль.

— Опять болезненная мнительность? — спросил Джо.

Таким беззаботным она его еще не видела. С громким возгласом он схватил ее за талию, поднял и закружил по комнате. Потом поставил на ноги и прижимал к себе, пристально глядя в глаза и обдавая теплым дыханием, пока она не ответила:

— Нет. Просто я тяжелая на подъем.

«Все–таки я тебя побаиваюсь, — подумала Джулиана. — Так побаиваюсь, что даже признаться тебе в этом не могу».

— В окно! — воскликнул Джо, неся ее на руках через всю гостиную. — Вот куда мы выйдем!

— Ну пожалуйста! — взмолилась она.

— Шучу, — хмыкнул он. — Слушай, а давай отправимся в поход, вроде марша на Рим! Помнишь? Их вел сам дуче, моего дядю Карло в том числе… А теперь у нас будет маленький марш, но не такой знаменитый, не для учебников исто-

рии. — Наклонившись, он так крепко поцеловал Джулиану, что они стукнулись зубами. — Как шикарно мы будем смотреться в обновках! И ты мне объяснишь, как надо себя вести в обществе, ладно? Научишь хорошим манерам.

— Ты нормально держишься, — сказала Джулиана. — Даже лучше, чем я.

— Нет! — Он сразу помрачнел. — Я паршиво говорю. За версту слыхать макаронника. Разве не заметила акцента еще в кафе?

— Вроде есть немножко. — Для нее это не имело значения.

— Только женщины разбираются в светских условностях. — Джо отнес Джулиану назад и с шумом уронил на диван. — Не будь женщин, мы бы только и говорили о лошадях и гоночных машинах да несли похабщину.

«Что это на тебя нашло? — размышляла Джулиана. — Пока не придумал этот «марш» ходил как неприкаянный. А теперь прыгаешь по комнате, ошалев от радости. Что в самом деле тебе нужно? Ты бы мог спокойно смыться, бросив меня здесь. Да я и не стала бы тебя удерживать, мне не впервой».

— Это твой заработок? — Она кивнула на конверт. — Сбережения? — Денег в конверте было

слишком много. Впрочем, говорят, на востоке их куры не клюют. — Мне случалось разговаривать с водителями грузовиков. Им…

— С чего ты взяла, что я водитель? — перебил ее Джо, одеваясь. — У меня в этом рейсе другая работа. Я охраняю груз от бандитов, а прикидываюсь вторым водителем, дрыхнущем в кабине. — Он рухнул в кресло, откинул голову, приоткрыл рот и захрапел. — Понятно?

Вдруг она увидела в его руке нож — тонкий, вроде кухонного для чистки картофеля.

«О Господи! — испугалась Джулиана. — Откуда он взялся? Из рукава? Из воздуха?»

— Вот почему меня приняли в «Фольксваген». Служебная анкета помогла. Во время войны мы столкнулись с Хазельденом и его коммандос. — Черные глаза Джо заблестели. — Угадай, кто в конце концов прикончил полковника? Как–то ночью, спустя несколько месяцев после каирской битвы, мы встретились с англичанами на Ниле. У них кончился бензин, и Хазельден с четырьмя людьми из «дезерт груп» напал на нас. Я стоял часовым. Хазельден подполз, как змея, весь в черной краске, даже руки. В этот раз у них не было проволоки, только гранаты и автоматы. Слишком шумное оружие. Он попытался сломать

мне шею, да не вышло. — Джо вскочил и, хохоча, бросился к Джулиане. — Давай собирайся. Позвони в спортзал, скажи, что берешь отпуск на несколько дней.

Рассказ показался Джулиане неубедительным. «Какие бандиты? — недоумевала она. Ей никогда не приходилось слышать, чтобы проходящие через Каньон–Сити грузовики с восточного побережья сопровождала профессиональная охрана из бывших солдат. Может, он и в США никогда не жил? И в Северной Африке не был, не сражался на стороне Оси и вообще не воевал? Просто сочинил романтическую историю, чтобы запудрить мне мозги? Не исключено, он сумасшедший… Смешно, — подумала Джулиана, — спрашивается, зачем мне дзюдо, если я не пытаюсь защититься? Защититься — от чего? От посягательства на невинность? Нет, — сказала она себе, — на жизнь. Впрочем, скорее всего он просто полунищий макаронник, всю жизнь месивший грязь в мечтах о шикарной жизни. Теперь ударится в загул, промотает денежки и вернется в свое болото. А помочь ему в этом должна шикарная баба».

— Хорошо, — сказала она, — я позвоню в спортзал.

По пути в коридор, где стоял телефон, Джулиа-

на думала: «Ну ладно, он оденет меня с иголочки и поселит в роскошном отеле. Каждый мужик мечтает хотя бы раз в жизни пройтись с хорошо одетой женщиной, пусть даже самому придется раскошелиться и нарядить ее. Наверное, такой кутеж — давнишняя мечта Джо Чиннаделлы. А ведь он умный — умеет заглянуть в душу. Стоит мне увидеть мужественного парня, как начинается мандраж. Это еще Фрэнк замечал. Потому–то мы и расстались. Потому–то я и маюсь последние годы и не доверяю никому».

Вернувшись, Джулиана увидела, что Джо снова углубился в «Саранчу». Читая, он морщил лоб и не замечал ничего вокруг.

— Кажется, ты хотел, чтобы я ее прочла? — сказала она.

— Давай по дороге, — не отрываясь от страницы, буркнул он.

— Ты собираешься вести? Но ведь это моя машина.

Он не ответил. Похоже, просто не услышал.

Стоя возле кассы, Роберт Чилдэн поглядел на высокого, худощавого, темноволосого человека, переступившего порог магазина.

Гость был в костюме, недавно вышедшем из моды, в руке держал плетеную корзину. Мелкий

торговец. Однако вместо заискивающей улыбки на его лице было решительное, даже мрачное выражение. Он скорее напоминал водопроводчика или электрика.

Проводив до дверей покупателя, Чилдэн обратился к вошедшему:

— Вы от кого?

— «Эдфрэнк. Ювелирные изделия», — пробормотал худощавый и поставил корзину на прилавок.

— Никогда не слыхал.

Делая множество лишних движений, торговец отстегнул и поднял крышку корзины.

— Ручная работа. Каждое изделие — уникально. Медь, латунь, серебро. Даже кованое и вороненое железо.

Чилдэн заглянул в корзину, увидел блеск металла на черном бархате.

— Спасибо. Это не по моей части.

— Но ведь это американское искусство. Современное.

Отрицательно покачав головой, Чилдэн отошел к кассе.

Некоторое время посетитель возился со своими поделками и корзиной. Похоже, он не знал, что делать дальше. Сложив руки на груди, Чилдэн

наблюдал за ним, думая о предстоящих делах. В два часа — встреча с покупателем, просившим показать несколько чашек раннего периода. В три из университетской лаборатории вернется очередная партия товара, отправленная на экспертизу. За две недели, после того грязного инцидента с кольтом сорок четвертого калибра, он проверил уйму вещей.

— Это не покрытие, — сказал торговец, протягивая Чилдэну браслет. — Цельная медь.

Чилдэн кивнул. Торговец еще немного поторчит в магазине, позвякивая безделушками, и уйдет.

Зазвонил телефон. Чилдэн взял трубку. Клиент справлялся об очень дорогом старинном кресле–качалке, которое Чилдэн взялся реставрировать, но не управился в срок. Пришлось оправдываться.

Глядя сквозь витрину на проносящиеся машины, он успокаивал заказчика и уговаривал повременить. Наконец умиротворенный клиент повесил трубку.

«Нет, — сказал себе Чилдэн, мысленно возвращаясь к злосчастному кольту, — впредь никаких сомнительных сделок».

Теперь он без прежнего трепета смотрел на

свой товар. Происшествия вроде этого глубоко западают в душу, подобно впечатлениям раннего детства. Открывают глаза. «Такое чувство, будто под сомнением оказалась подлинность не товаров, а моего свидетельства о рождении или моих воспоминаний об отце. Или, к примеру, о ФДР.[48] Я лично могу не помнить Рузвельта, но во мне живет его собирательный образ, созданный со слов многих людей, легенда, незаметно проникшая в сознание. Словно легенда о Чиппендейле.[49] Или Хэпплуайте.[50] Или о том, что таким–то серебряным ножом (вилкой, ложкой) пользовался Авраам Линкольн».

А за соседним прилавком все еще возился незадачливый торговец.

— Мы можем делать бижутерию на заказ, — сипло произнес он. — На любой вкус. Если вашим клиентам захочется чего–нибудь этакого. — Худощавый откашлялся, глядя то на Чилдэна, то на вещицу, которую держал в руках.

---

[48] Примечания: 48

ФДР — Франклин Делано Рузвельт, принятое в США сокращение имен президентов.

[49] Примечания: 49

Чиппендейл (1718–1779).

[50] Примечания: 50

Хэпплуайт (ум. 1786) — английские мастера мебельного искусства.

Чилдэн улыбался и молчал.

«Это не мое дело, — подумал он. — Пусть сам ломает голову, как убраться отсюда, не потеряв лица. Кой черт тебя дернул пойти в торговцы? Ах, как нам неудобно. Ну ничего, всем живется несладко. Взгляни хотя бы на меня. Весь день уходит на япошек вроде Тагоми. А им ничего не стоит щелкнуть тебя по носу — достаточно изменить гласную в твоей фамилии».

И тут у него мелькнула мысль: «Парень–то, по всему видать, простак. Может, взять у него чего–нибудь на комиссию? Чем черт не шутит?»

— Эй, постойте! — сказал он.

Торговец быстро обернулся. Приблизившись к нему со сложенными на груди руками, Чилдэн произнес:

— Вы здесь добрых полчаса. Ладно, ничего обещать не буду, но взглянуть на ваши вещицы, пожалуй, могу. — Он указал место на прилавке.

Кивнув, посетитель торопливо открыл корзинку и стал неловко доставать лотки.

«Сейчас начнет раскладывать безделушки, — с тоской подумал Чилдэн. — Провозится целый час. Надеясь. Молясь. Бросая косые взгляды, чтобы узнать, удалось ли хоть чуть–чуть меня заинтересовать. Все они одинаковы».

— Когда закончите, я взгляну, если останется время.

Торговец засуетился, будто его подстегнули.

В магазин один за другим вошли несколько посетителей, и пока Чилдэн здоровался и обменивался с ними любезностями, он напрочь забыл о торговце. Тот заметил это, и его движения стали спокойнее. Он старался не привлекать к себе внимания. Чилдэн продал стакан для бритья, договорился о продаже коврика ручной работы и взял задаток за вязаный платок. Время шло. Наконец ушел последний посетитель, в магазине остались только Чилдэн и торговец.

Тот закончил раскладывать товар. На прилавке лежали два черных бархатных лотка с украшениями.

Неторопливо подойдя к прилавку, Роберт Чилдэн закурил сигарету «Страна улыбок». Постоял, покачиваясь на каблуках и мурлыча себе под нос. Торговец молчал.

Наконец Чилдэн протянул руку и коснулся броши.

— Мне нравится, — сказал он.

— Хорошая штучка, — зачастил торговец. — Ни пятнышка, ни царапинки. Она отполирована и не тускнеет. Мы покрыли ее синтетическим ла-

ком, он долго держится. Это самый лучший лак.

Чилдэн кивнул.

— Мы использовали промышленную технологию, — продолжал торговец. — Насколько мне известно, до этого еще никто не додумался. Никакого литья в изложницы, только сварка, пайка и работа металлом по металлу. — Он помолчал и добавил: — Заколка припаяна вручную.

Чилдэн взял два браслета и брошь. Затем еще одну брошь. Подержал в руках и отложил в сторону.

В глазах торговца вспыхнула надежда.

Внимательно рассмотрев ярлычок на ожерелье, Чилдэн произнес:

— Это, надо полагать…

— Цена. Но вы нам выплатите всего пятьдесят процентов. Если возьмете товара на сотню долларов, мы сделаем скидку — скажем, еще процента на два.

Чилдэн отложил еще несколько украшений. Волнуясь, торговец говорил все быстрее, часто повторяясь и неся порой явную чушь. «Видимо, решил, что дело в шляпе», — подумал Чилдэн. Сам он оставался бесстрастным и делал вид, будто и впрямь решил кое–что приобрести.

— Отличная штуковина, — пробубнил худоща-

вый, когда Чилдэн двумя пальцами взял большой кулон. — У вас превосходный вкус, сэр. Вы отобрали самое лучшее. — Он засмеялся. У него бегали глаза. Он прикидывал в уме, сколько ему сейчас заплатят.

— Имея дело с незнакомыми поставщиками, мы соглашаемся только на комиссионную торговлю, — сказал Чилдэн.

Худощавый умолк и непонимающе уставился на него. Чилдэн улыбнулся.

— Комиссионную… — растерянно пробубнил торговец.

— Не хотите оставлять? — поднял брови Чилдэн.

Запинаясь, торговец пробормотал:

— То есть я оставлю, а вы заплатите потом, когда…

— Вы получите две трети от вырученной суммы. Подумайте, это выгодно. Придется, конечно, подождать, но… — Чилдэн пожал плечами. — Смотрите сами. Я мог бы, пожалуй, отвести для ваших изделий застекленный прилавок. Если товар разойдется, через месяц–другой мы сможем договориться о новой партии, а то и о непосредственной покупке.

«Он здесь больше часа со своими побрякушка-

ми, — прикинул Чилдэн. — И выложил все. На лотках полная неразбериха; чтобы снова разложить вещи для показа, нужен еще час».

В магазине царила тишина.

— Вот эти, отложенные… — промямлил торговец. — Вы их выбрали?

— Да, можете оставить. — Чилдэн прошел в свой кабинет и произнес оттуда: — Я выпишу квитанцию. Вы будете знать, что у меня оставили. — Выйдя из кабинета с квитанционной книжкой, Чилдэн добавил: — Надеюсь, вы понимаете: принимая вещи на комиссию, наш магазин не несет ответственности за их сохранность.

«Вообще–то квитанция не более чем бумажка. Если, получив непроданный товар обратно, торговец чего–нибудь недосчитается, значит, это украдено, — решил про себя Чилдэн. — В магазине частенько случаются кражи, особенно всякой мелочи вроде бижутерии».

Роберт Чилдэн никогда не останется внакладе. Ему не придется платить торговцу вперед: для таких сомнительных сделок у него нет свободного капитала. Если что–нибудь удастся продать, он получит прибыль, если нет — вернет товар хозяину.

Чилдэн заполнил бланк, поставил порядковые номера, подписался и вручил торговцу копию квитанции.

— Примерно через месяц можете позвонить и справиться, как уходит товар.

Он унес отобранную бижутерию в свой кабинет, а торговец стал укладывать в корзину оставшееся.

«Никогда не знаешь заранее, как оно обернется, — подумал Чилдэн, — а потому стоит попробовать».

Выглянув из кабинета, он увидел, что прилавок опустел. Но торговец направился не к выходу, а к Чилдэну, держа что–то в вытянутой руке.

— Да? — раздраженно спросил Чилдэн. Ему надо было разобрать почту.

— Хочу оставить свою визитку. — Худощавый положил перед Чилдэном карточку с красным и серым тиснением. — «Эдфрэнк. Ювелирные изделия на заказ». Здесь наш адрес и телефон. На тот случай, если мы вам понадобимся.

Чилдэн с улыбкой кивнул и склонился над столом. Через некоторое время он оторвался от почты и выглянул в зал.

Торговец ушел.

Опустив монетку в щель автомата, Чилдэн

дождался, когда наполнится чашка. Затем сел и, прихлебывая горячий чай, задумался.

«Вряд ли удастся что–нибудь продать. Но все–таки неплохая работа. В жизни не встречал ничего подобного. — Он внимательно рассмотрел брошь. — Здорово придумано. Сразу видно профессионала. Надо поменять ярлыки. — Поставить цены повыше. Вписать: "Миниатюрная скульптура. Уникальное произведение искусства. Ручная работа"»

И другая мысль созрела в мозгу Роберта Чилдэна: «С этим товаром не возникнет проблемы подлинности, из–за которой не сегодня так завтра торговцы американским антиквариатом вылетят в трубу. Никогда не следует ставить все деньги на одну лошадь. Визит еврейского жулика — дурная примета. Если сейчас потихоньку запастись предметами современного искусства, без каких–либо претензий на историческую ценность, мне, быть может, вновь удастся обскакать конкурентов. К тому же, заведомо ничего не теряя…»

Он удобно откинулся на спинку стула и размышлял с чашкой в руках.

«Времена меняются, надо уметь меняться вместе с ними. Всегда выходить сухим из воды. Приспосабливаться. Закон естественного отбо-

ра: держи ухо востро, смотри в оба. Не упускай момент. Будь холодным и спокойным, иньским, как говорят на Востоке. Ах эти черные иньские глаза… — Внезапно — даже дух захватило — его озарила потрясающая мысль. — Ух ты! Двух зайцев — одним выстрелом! — Он вскочил. — Упаковать лучшие украшении. Сняв, разумеется, ярлычки. Браслет, подвеску или брошь — что-нибудь поинтереснее. Раз придется уходить из магазина к двум часам, почему бы не заехать к Казоура? Мистер Казоура, Пол, будет на службе. Зато вполне возможно, что дома окажется миссис Казоура.

Скромный подарок — новое оригинальное произведение американского искусства. Мои щедрые похвалы, надеюсь, дойдут до ушей знати. Вот так и рождается новая мода. «Это вам, Бетти. Правда, прелесть? А у меня в магазине целая подборка таких вещей». Ну, и так далее. Великолепный предлог. — Он затрепетал. — В квартире только я и она. Среди бела дня. Муж на работе. Аж дух захватывает!»

Приготовив коробочку, оберточную бумагу и ленту, Чилдэн стал выбирать подарок для Бетти. Чтобы не ошибиться, он мысленно представил ее: смуглая, привлекательная, в элегантном пла-

тье восточного покроя, на высоких каблуках… А может, сегодня на ней легкая синяя блузка в стиле кули. Японки любят их носить в домашней обстановке…

И все–таки не слишком ли это смело? Полу может не понравиться. Пронюхает и устроит какую–нибудь пакость. Не стоит перегибать. Может, отнести подарок к нему в учреждение? И расхвалить, если не перед женой, так перед ним самим? А Пол без всяких подозрений передаст подарок Бетти. «Ага, — лукаво подумал Роберт Чилдэн. — А завтра–послезавтра я сам ей позвоню — спрошу, понравилось или нет…»

Увидев своего компаньона, понуро бредущего по тротуару, Фрэнк сразу понял, что радоваться нечему.

— Тебя только за смертью посылать. Что стряслось? — спросил он, принимая из рук Маккарти корзину. — Неужели ему понадобилось полтора часа, чтобы сказать «нет»?

— Он не сказал «нет», — буркнул Маккарти, усаживаясь в кабину. Он выглядел очень усталым.

— А что сказал? — Фрэнк открыл корзину. — Ого, много взял. Так в чем дело, Эд?

— Предложил оставить кое–что на комиссию, — ответил Маккарти.

— И ты согласился? Мы же договаривались…

— Сам не пойму, как это вышло.

— Господи Боже! — выдохнул Фрэнк.

— Прости, дружище. Он сделал вид, будто собирается покупать. Отложил целую кучу. Я думал, купит…

Они долго сидели в грузовике, не говоря ни слова.

Глава 10

Две последующие недели Бэйнс провел как на иголках. Ежедневно в полдень он звонил из гостиницы в Торгпредство и справлялся, не прибыл ли пожилой господин. И получал один и тот же ответ: «Нет». С каждым днем тон Тагоми становился все холоднее. Взяв трубку, чтобы позвонить в шестнадцатый раз, Бэйнс подумал: «Придет день, когда мне скажут, что мистер Тагоми вышел и просил его не беспокоить».

Что случилось? Где Ятабе?

Он находил только одно объяснение: на Токио ошеломляюще подействовала смерть Мартина Бормана. Вероятно, Ятабе отправился в плавание, но спустя день–другой получил новые инструкции и возвратился на Родные острова.

«Невезение, — подумал Бэйнс, — и возможно, роковое». Но в любом случае он должен остаться в Сан–Франциско. Попытаться наладить контакт, ради которого он сюда прилетел. Сорок пять минут на борту ракеты — и он здесь. Какие непостижимые времена! Можно улететь куда захочешь, даже на другую планету. Но зачем? Чтобы целыми днями сидеть на месте, постепен-

но теряя надежду? Впадая в бесконечную тоску?

«А те, другие, не сидят на месте, — горько подумал он. — Они действуют».

Мистер Бэйнс развернул дневной выпуск «Ниппон таймс» и прочитал:

ДОКТОР ГЕББЕЛЬС ИЗБРАН РЕЙХСКАНЦЛЕРОМ

Неожиданное решение Партийной Комиссии. Энергичное выступление по радио. Ликующие толпы в Берлине. Ожидается официальное заявление. Геринг может стать шефом полиции вместо Гейдриха.

Он перечитал статью. Затем отложил газету, взял трубку и набрал номер Торгпредства.

— Это Бэйнс. Можно поговорить с мистером Тагоми?

— Одну секунду, сэр.

Секунда затянулась надолго.

— Тагоми слушает.

Набрав полную грудь воздуха, Бэйнс произнес:

— Простите, что снова вас беспокою…

— А, это вы, мистер Бэйнс.

— Мне очень жаль, что приходится злоупотреблять вашим гостеприимством, но когда–нибудь, надеюсь, вы поймете, почему я с таким нетерпением ожидаю господина Ятабе, с которым у меня назначена встреча…

— К сожалению, он еще не прибыл.

Бэйнс закрыл глаза.

— Я думал, со вчерашнего дня…

— Боюсь, что нет, сэр. — Тон — сама вежливость. — Прошу простить меня, мистер Бэйнс. Неотложные дела.

— Всего хорошего, сэр.

В трубке послышались гудки. Сегодня Тагоми даже не попрощался. Бэйнс медленно опустил трубку.

«Хватит ждать. Надо действовать».

Ему было категорически запрещено вступать в прямой контакт с абвером. Ни при каких обстоятельствах! Он должен только дождаться военного представителя Японии, провести с ним совещание и вернуться в Берлин. Но никто из начальства не предвидел столь несвоевременной смерти Бормана. Следовательно…

Учитывая ситуацию, придется изменить план по своему усмотрению, поскольку советоваться не с кем. В ТША действуют по меньшей мере десять резидентов абвера, но часть из них, если не все, на крючке у Бруно Кройца фон Меере, руководителя регионального отделения СД.

Несколько лет назад Бэйнс видел Бруно на партийном собрании. В полиции о нем ходила

дурная слава: в сорок третьем Бруно спас Рейхарда Гейдриха, сорвав британо–чешское покушение на Вешателя. В те дни Кройц фон Меере быстро поднимался по ступенькам аппаратной лестницы СД. Он был не просто партийным бюрократом — он был очень опасным человеком.

Даже если абвер в Берлине и токкока в Токио примут все меры предосторожности, остается опасность, что СД пронюхает о готовящейся встрече. Правда, здесь у власти японцы, и СД не посмеет вмешаться официально. Она сможет арестовать германского подданного — то есть Бэйнса, — едва он снова ступит на землю Рейха, но вряд ли СД отважится устранить его здесь или сорвать встречу. Во всяком случае, хочется в это верить.

Неужели СД все–таки рискнула и сумела перехватить старика?

«Если его схватили, — подумал Бэйнс, — значит, скоро доберутся и до меня!»

И все же ситуация небезнадежная. Пока Бэйнс днями и ночами сидел в номере гостиницы «Абхирати», в его голове созрел план.

«Лучше передать информацию Тагоми, чем возвращаться в Берлин с пустыми руками. Все–таки это шанс — хоть и весьма призрачный

— сообщить мои сведения нужным людям. Но, к сожалению, Тагоми может только выслушать, намотать на ус и, вернувшись на Родные острова, передать кому следует. Тому же Ятабе, если он там.

Но все же это лучше, чем сидеть сложа руки. Времени осталось в обрез. Надо начинать все сначала, запастись терпением на несколько месяцев и упорно, кропотливо готовить встречу заинтересованных лиц в Германии с заинтересованными лицами в Японии…

То–то удивится Тагоми, — ехидно подумал Бэйнс, — узнав, какое бремя ни с того ни с сего легло ему на плечи. Ничего общего с технологией литья под давлением…

Не исключено, что с ним случится нервный шок. Он может проболтаться кому–нибудь из своих служащих или сделает вид, что его это не касается. Просто откажется мне верить. Едва я начну, встанет, поклонится и уйдет.

«Простите, вы обращаетесь не по адресу, — так он ответит. — Это не в моей компетенции».

Только и всего, — подумал Бэйнс. — Уклонится, не рассуждая. Хотел бы я быть на его месте!

Но все–таки это не выход даже для Тагоми. Все мы одной веревочкой связаны. Он может за-

ткнуть уши. Может не придавать значения моим словам. До поры до времени. Пока слова не перестанут быть просто словами. А это неизбежно произойдет. Вот что необходимо ему внушить.

Или тому, с кем мне в конце концов придется иметь дело…»

Выйдя из гостиничного номера, Бэйнс спустился в вестибюль. Швейцар подозвал для него велотакси, и скоро китаец, энергично крутя педали, вез его по Маркет–стрит.

— Остановитесь здесь, — велел Бэйнс, увидев нужную вывеску.

Велотакси остановилось. Бэйнс расплатился с рикшей и огляделся. Похоже, «хвоста» нет. Он пересек улицу и вместе с несколькими прохожими вошел в огромный универмаг «Фуга».

Там было полно народу. Стояли бесконечные ряды прилавков, за ними — продавцы, преимущественно белые, но встречались и японцы, заведующие отделами. Шум стоял ужасающий.

Бэйнс в замешательстве потоптался на месте, но, заметив секцию мужской одежды, подошел к ряду вешалок и стал рассматривать брюки. Вскоре к нему вышел белый юноша–продавец и поздоровался.

— Вчера я присмотрел у вас широкие брюки из

темно–коричневого сукна, — обратился к нему Бэйнс. Встретившись с продавцом взглядом, он добавил: — Здесь был другой продавец. Ростом повыше вас, худощавый, с рыжими усами. На пиджаке — карточка с именем Ларри.

— Он только что ушел перекусить. Скоро вернется.

— Ну, так я зайду в примерочную, посмотрю, как они на мне сидят. — Бэйнс снял брюки с вешалки.

— Пожалуйста, сэр. — Продавец указал на свободную кабинку и направился к следующему покупателю.

Бэйнс закрылся в кабинке, сел на один из двух стульев и стал ждать.

Через несколько минут постучали. Дверь кабинки отворилась, вошел маленький, средних лет японец.

— Вы иностранец, сэр? — обратился он к Бэйнсу. — Мне бы хотелось убедиться в вашей платежеспособности. И удостоверение личности, если не возражаете.

Бэйнс протянул бумажник. Усевшись на свободный стул, японец стал изучать его содержимое. Дойдя до фотографии девушки, он кивнул:

— Очень хорошенькая.

— Моя дочь. Марта.

— Мою дочь тоже зовут Мартой, — сказал японец. — Она сейчас в Чикаго, учится играть на фортепьяно.

— А моя уже невеста.

Японец вернул бумажник и выжидающе посмотрел Бэйнсу в глаза.

— Я здесь две недели, а мистера Ятабе все еще нет, — сказал Бэйнс. — Я должен знать, прибудет ли он. Если нет, что мне делать?

— Приходите завтра после обеда, — сказал японец. Он встал, Бэйнс тоже поднялся. — До свидания.

— До свидания.

Бэйнс вышел из примерочной, повесил брюки на вешалку и покинул универмаг «Фуга».

«А быстро я управился, — думал он, шагая по тротуару людной центральной улицы. — Неужели он действительно все устроит? Свяжется с Берлином, передаст мои вопросы, зашифрует, расшифрует, все как положено? Наверное. Жаль, что я раньше не вышел на этого агента. Не пришлось бы столько волноваться. Да и риск, по–видимому, невелик — все прошло без сучка, без задоринки».

Бэйнс неторопливо шел по улице, заглядывал в витрины магазинов. У него словно гора с плеч

свалилась. У одной из витрин он задержался и, усмехаясь, долго рассматривал загаженные мухами фотографии танцовщиц ночного кабаре — голых баб с грудями, как спущенные волейбольные мячи.

Мимо по своим делам шли пешеходы.

Наконец–то хоть что–то сдвинулось!

Джулиана читала, привалившись боком к дверце «студебеккера». За рулем, выставив локоть в окошко, сидел Джо. Баранку он держал одной рукой, к нижней губе прилипла сигарета. Джо неплохо водил. У Джулианы было время в этом убедиться — они отъехали от Каньон–Сити на порядочное расстояние.

По радио передавали слащавую музыку. Какой–то заурядный оркестр наяривал на аккордеонах польки да шотландские танцы.

— Мексика, — буркнул Джо, дослушав очередную мелодию. — Знаешь, я неплохо разбираюсь в музыке. Сказать тебе, кто действительно был великим дирижером? Артуро Тосканини. Ты, наверное, о нем и не слыхала.

— Нет, — сказала Джулиана, не отрываясь от книги.

— Он итальянец. Но после войны фашисты не дали ему дирижировать. Из–за политических

взглядов. Он уже помер. А фон Кароян, этот бессменный дирижер Нью–Йоркской филармонии, мне не нравится. Нас всем поселком сгоняли на его концерты. А знаешь, кого я люблю, как всякий макаронник? — Он покосился на нее и спросил: — Ну, как книга?

— Занятная.

— Мне нравятся Верди и Пуччини. А в Нью–Йорке нас изводили тяжелым, напыщенным Вагнером. И Орфом. А еще раз в неделю заставляли ходить в Мэдисон–сквер–гарден, там Националистическая партия США устраивала дурацкие шоу с флагами, трубами, барабанами и факелами. Еще там нараспев, как «Отче наш», читали историю готских племен и прочую ерунду — это называлось «просвещением». Ты бывала в Нью–Йорке до войны?

— Да, — ответила она, пытаясь сосредоточиться.

— Правда, что там был шикарный театр? Да–а, теперь все. Сценическое искусство там же, где кинопромышленность, — в лапах берлинского картеля. За тринадцать лет, что я был в Нью–Йорке, ни новой музыки, ни пьес не…

— Слушай, не мешай, а? — перебила Джулиана.

— И с книгами то же самое, — как ни в чем не бывало продолжал Джо. — Все издательства в Мюнхене. В Нью–Йорке только типографии. А говорят, до войны Нью–Йорк был центром мировой книгопромышленности.

Джулиана заткнула уши пальцами. Она уже дошла до того места, где рассказывалось о пресловутом телевидении. Эта тема ее живо интересовала. Особенно понравилась идея насчет недорогих маленьких аппаратов для жителей удаленных уголков Африки и Азии.

«…только благодаря американской технологии и конвейерному производству, налаженному в Детройте, Чикаго и Кливленде, произошло это чудо благотворительности — непрерывный поток дешевых (не дороже китайского доллара) телевизоров во все города и веси Востока. И что же смотрел тощий паренек с беспокойной душой, получая от щедрых американцев крохотный приемник на батарейках? Что смотрели остальные жители деревни, сбившиеся в кучу у экрана? Прежде всего — уроки чтения. А затем и другие полезные передачи: как вырыть колодец поглубже, вспахать глубокую борозду, очистить питьевую воду, вылечить больного. А в небе, рассылая телесигнал истосковавшимся по знаниям

народам Востока, проносился американский искусственный спутник».

— Ты все подряд читаешь? — спросил Джо. — Или перескакиваешь?

— Как здорово! В этой книге мы дарим пищу и знания миллионам азиатов, всем без исключения!

— Благотворительность в мировом масштабе? — усмехнулся Джо.

— Да. Новый курс президента Тагуэлла: повышение жизнеспособного уровня масс. Вот, послушай:

«Чем был доселе Китай? Нищей, раздираемой противоречиями страной, с тоской глядящей на Запад. Его великий президент, демократ Чан Кайши, за которым народ шел в войну, объявил Десятилетие Реконструкции. Но реконструировать в этой огромной равнинной стране было нечего. Надо было пробуждать ее от векового сна, раскрывать ей глаза на современный мир с его реактивными самолетами, атомной энергией, автомагистралями, фабриками и медициной. Но откуда должен грянуть гром, который разбудит гиганта? На этот вопрос Чан мог ответить еще в ту пору, когда громил японцев. Из Соединенных Штатов. К началу пятидесятых во всех провинци-

ях Китая можно было встретить американских инженеров, учителей, врачей, агрономов».

— Знаешь, что он сделал? — перебил Джо. — Взял все лучшее у нацизма, у национал–социалистической партии, у Организации Тодта, добавил экономические успехи Шпеера — вот тебе и новый курс. А всю дрянь — эсесовцев, расовый геноцид и сегрегацию — выкинул. Утопия? Утопия. Думаешь, если бы союзнички победили, вам и впрямь удалось бы с этим Новым курсом оживить экономику и осуществить социальные реформы во всем мире? Черта с два! Вдуматься, так этот Абендсен проповедует государственный синдикализм, корпоративное государство вроде того, что мы создали при дуче. Дескать, победи мы, во всем мире осталось бы только хорошее, никакого…

— Может, хватит? — вспылила Джулиана. — Не даешь читать.

Он пожал плечами и умолк. Она стала читать дальше — теперь уже про себя.

«…Чтобы насытить товарами бескрайний китайский рынок, детройтским и чикагским заводам приходилось работать денно и нощно. Но огромное чрево было ненасытно. Столетиями миллионы китайцев не имели ни грузовиков,

ни кирпича, ни стального проката, ни одежды, ни пишущих машинок, ни консервированного горошка, ни часов, ни капель от насморка. В шестидесятом году уровень жизни американского рабочего стал самым высоким в мире, а все благодаря репутации, которую Америка заслужила в торговле с Востоком. Войска Соединенных Штатов покинули Японию, и все же факт оставался фактом: в Кантоне, Токио и Шанхае покупали американские, а не британские товары. И каждая новая сделка увеличивала доход балтиморского, лос–анджелесского или атлантского рабочего. Тем, кто вынашивал и воплощал в жизнь благородные замыслы — политикам из Белого дома, — казалось, что они почти добились своей цели. Делаются первые робкие шаги в космонавтике, скоро в космическую высь взлетят ракеты, оставляя планету, почти исцеленную от вековых язв: голода, болезней, войн, дискриминации. Не желая отставать от Америки, Британская империя осуществляет социальные и экономические преобразования в Индии, Бирме, Африке и на Ближнем Востоке. Рурские, манчестерские и саарские фабрики, бакинские нефтедобывающие предприятия срастутся в единую эффективную сеть; народам Европы предстоит...»

— Думаю, не мы, а они задавали бы тон, — сказала Джулиана. — У них это всегда лучше получалось. Я о британцах.

Вопреки ее ожиданиям Джо не ответил. Джулиана снова уткнулась в книгу.

«…реализация глобальных замыслов: выравнивание культурных уровней и примирение соперничающих этносов, которые со времен падения Рима раздирали на части Европу. Сбывается мечта Чемберлена о едином союзе христианских стран, живущих в согласии не только друг с другом, но и со всем миром. И все же… Остается только одна незаживающая язва. Сингапур.

Среди жителей государств Юго–Восточной Азии немало китайцев. В основном это бизнесмены. И вот эти преуспевающие буржуа видят, что американская администрация Китая обращается с так называемыми туземцами справедливее, чем англичане. Под властью англичан для цветных недоступны ни государственные клубы, ни гостиницы, ни хорошие рестораны; как и в былые времена, для них отводятся специальные места в поездах, автобусах и — что всего хуже — ограничивается выбор места жительства. Из разговоров и газет «туземцы» знают, что в Соединенных Штатах проблема цветных решена

еще в конце сороковых. Везде, даже на Юге, белые и негры живут и трудятся в равных условиях. Вторая мировая война покончила с дискриминацией...»

— А потом началась заваруха? — спросила Джулиана.

Джо что–то проворчал, не отрывая глаз от дороги.

— Расскажи, что там дальше, — попросила она. — Похоже, я не дочитаю — скоро Денвер. Наверное, Америка сцепилась с Британией, а победившая страна получила весь мир?

— Кое в чем это неплохая книга, — ни с того ни с сего сказал Джо. — Абендсен продумал все до мелочей: Соединенным Штатам достается Тихий океан, ни дать ни взять — наша Восточно–Азиатская сфера процветания. Россию они делят между собой. Все это длится лет десять, а потом, естественно, заваривается каша...

— Почему — естественно?

— Такова человеческая натура, — пояснил Джо. — Натура государств. Подозрительность, алчность, страх. Черчиллю кажется, будто янки, взывая к проамерикански настроенному большинству китайского народа, подрывают британскую власть в Южной Азии. Появляются

так называемые профилактические изоляторы — другими словами, концлагеря для тысяч неблагонадежных китайцев. Их обвиняют в саботаже и враждебной пропаганде. Черчилль…

— А Черчилль все еще у власти? Ведь ему уже под девяносто!

— Вот тут–то американцы и дали маху, — ухмыльнулся Джо. — Британцы поступили умнее. Через каждые восемь лет лидеру Соединенных Штатов, будь он хоть семи пядей во лбу, дают пинка. А вот Черчилль остается в своем кресле. Прогнав Тагуэлла, американцы второго такого умника не находят. У руля становятся всякие бездари. А Черчилль чем старее, тем жестче и круче правит. К началу шестидесятых он точь–в–точь древний восточный владыка — слова ему поперек не скажи! Двадцать лет премьер–министр — привык к власти.

— О Боже! — воскликнула Джулиана и заглянула в конец книги — убедиться, что Джо не соврал.

— Тут я согласен, — продолжал Джо. — В войну Черчилль здорово правил Англией. Британцы много бы потеряли, вынудив его уйти в отставку. Запомни мои слова: государство не может быть лучше, чем его правитель. Führerprinzip

— принцип лидерства, как говорят фашисты. И они правы. С этим даже Абендсен согласен. Ясное дело, после войны Америка легко расширяет сферу экономического влияния — еще бы, она отхватила у япошек такой громадный рынок в Азии! — но этого недостаточно. У Штатов нет духовной основы, нет ее и у британцев. И то и другое общество — плутократические, наверху стоят богачи. Побеждая, плутократы думают только о том, как делать деньги. Абендсен ошибается: не нужны им никакие социальные реформы, никакие благотворительные программы. Напротив, англосаксонская олигархия в жизни бы ничего такого не допустила.

«Говорит, как убежденный фашист», — неприязненно подумала Джулиана.

Видимо, Джо прочел эту мысль на ее лице — он вдруг притормозил, полуобернулся и, поглядывая одним глазом на Джулиану, а другим на дорогу, сказал:

— Послушай, я не интеллигент — фашистам интеллигенты ни к чему. Для них важно дело. Теория вытекает из практики. В плане мозгов наше корпоративное государство требует от нас только одного — понимания движущих сил истории. Ясно? Так вот: я их понимаю. — Он говорил

серьезным, чуть ли не умоляющим тоном. — У всех этих прогнивших денежных империй — Британии, Франции, США, хотя последняя не совсем империя, а так, недоношенное дитя с непомерным аппетитом — не было души, а значит, и будущего. Им не суждено было выжить. Я знаю: нацисты — это банда головорезов. Правильно? Ты согласна? — Он так быстро говорил, с таким количеством итальянских жестов, что Джулиана не удержалась от улыбки. — Это Абендсену не все равно, кто выиграет последнюю битву — США или Англия. Да и какая разница?! Слава, заслуги, история — это только слова! Пусть они победят вшестером, вдесятером — что меняется? Ты читала когда–нибудь статьи дуче? Красиво написано. Вдохновенно. Красивый мужчина. Раскрывает подоплеку практически любого события. Старое против нового — вот настоящая причина войны. Деньги — вот почему фашисты некстати втянули в это дело еврейский вопрос — против массового сознания, которое немцы называют Gemeinschaft. К этому пришли и Советы. Коммуния. Согласна? Большевики украли у Петра Великого идеи панславянской империи и строили ее, прикрываясь социальными реформами.

«Точь–в–точь Муссолини», — подумала Джу-

лиана.

— Нацистская резня — это, конечно, трагедия, — задумчиво продолжал Джо, обгоняя грузовик. — Но ведь проигравший платит, так всегда было. Возьмем любую из прежних революций, французскую, например, или кромвельскую с войнами против ирландцев. В немецком характере слишком много философии, да и театра, пожалуй. Взять хотя бы эти бесконечные митинги. А настоящего фашиста никогда не поймаешь на болтовне. Он говорит только по делу. Как я, верно?

— Боже, да ты как помелом метешь! — со смехом ответила Джулиана.

— Я тебе объясняю фашистскую теорию действия! — закричал Джо.

Она промолчала, давясь от смеха. Но сидевшему рядом человеку ее слова не казались смешными. Джо побагровел, глаза горели, на лбу вздулись вены; его даже трясло. Он снова вспахал пальцами шевелюру и молча, зло посмотрел не Джулиану.

— Не дуйся, — сказала она.

Ей показалось, что Джо ударит ее. Он поднял руку, но спохватился и, выругавшись, включил радио. Они ехали дальше. Из репродуктора сквозь помехи прорывалась эстрадная музыка. Джулиа-

на снова уткнулась в книгу.

— Ты права, — буркнул Джо, когда прошло довольно много времени.

— Насчет чего?

— Насчет завалящей империи. С вождем–шутом. Неудивительно, что от войны нам не было проку.

Джулиана похлопала его по руке.

— Мура все это, правда, Джулиана? Нет на свете ни истины, ни справедливости. Верно?

— Может быть, — рассеянно ответила она, опустив глаза.

— Побеждает Британия, — сказал Джо, ткнув пальцем в книгу. — Я тебе расскажу, не беспокойся. США теряют часть колоний, Англия вовсю хапает, тащит, расширяется — удерживает инициативу. Можешь дальше не читать.

— Надеюсь, в Денвере нам удастся развлечься, — закрыв книгу, произнесла Джулиана. — Тебе нужно отдохнуть. «Если ты не отдохнешь, лопнешь и разлетишься на куски, как изношенная пружина, — подумала Джулиана. — А что тогда будет со мной? Как я вернусь назад? А может… взять и бросить тебя? Мне очень хочется развлечься, как ты обещал. Но я не желаю, чтобы меня надули. Со мной это часто случалось, слиш-

ком часто».

— Отдохнем, не волнуйся. — Джо долго испытующе смотрел ей в глаза. — Слушай, я вижу, тебе запала в душу эта «Саранча». Как думаешь, авторам бестселлеров, таким как Абендсен… читатели шлют письма? Бьюсь об заклад — его завалили письмами, а может, к нему даже приезжают потолковать.

Она поняла.

— Джо, это всего–навсего лишняя сотня километров!

У него заблестели глаза. Он лучезарно улыбался. Раздражения как не бывало.

— За чем же дело стало! — воскликнула Джулиана. — Ты — отличный водитель, мигом туда домчим.

— Вообще–то не думаю, чтобы знаменитости пускали к себе кого ни попадя, — задумчиво произнес Джо. — Особенно когда поклонников слишком много.

— А почему бы не попытаться? — Она схватила его за плечо и настойчиво добавила: — В худшем случае он нас выгонит. Ну, пожалуйста, Джо!

— Хорошо. Но сначала купим все что нужно и оденемся с иголочки, — рассудительно ответил Джо. — Внешний вид — это очень важно, по

одежке встречают… А еще, может быть, возьмем в Шайенне напрокат новую машину?

— Да, — кивнула Джулиана. — А еще ты подстрижешься. И я выберу тебе одежду, ладно? Я привыкла одевать Фрэнка — мужчины в этом деле ничего не понимают.

— Да, у тебя хороший вкус, — произнес Джо, бросая взгляды на дорогу. — Да и в остальном… Пожалуй, будет лучше, если ты сначала ему позвонишь. Познакомишься.

— Себе я тоже сделаю прическу, — мечтательно протянула Джулиана. — Конечно. Я даже не побоюсь подняться к нему и нажать на звонок, — похвасталась она. — Только раз живем, верно? Наш брат не из пугливых. Абендсен — такой же человек, как и все мы. Может, он даже обрадуется, узнав, что кому–то не лень было ехать к нему в такую даль, чтобы поделиться восторгом по поводу книги. Скажем: «Мы приехали за автографом, будьте любезны, распишитесь на форзаце…» Правда, эта книга для автографа не годится, очень уж затрепана, надо купить новую.

— Купим все, что пожелаешь, — пообещал Джо. — Мелочи сама продумай — какие слова говорить и что делать. Ты сможешь, я знаю. Красивая девчонка кого хочешь окрутит. Да он

настежь распахнет дверь, как только увидит, какая ты красотуля! Только вот что: давай без дураков.

— Ты о чем?

— Скажешь, что мы женаты. Не хочу, чтобы ты с ним то да се… ну, сама понимаешь. Слишком большая плата за гостеприимство. Гляди у меня, Джулиана.

— Ты сможешь поспорить с ним насчет предательства Италии, — продолжала она. — Как со мной спорил, помнишь?

— Обязательно. Мы это еще обсудим. — Джо кивнул и надавил на акселератор.

На следующее утро Тагоми встал с постели в семь часов и направился было в ванную, но передумал и раскрыл Оракула. Скрестив ноги на полу, Тагоми стал перебрасывать из ладони в ладонь черенки тысячелистника. Он торопился — ему казалось, будто от ответа Оракула зависит очень многое. Наконец перед ним выстроились все шесть черт. О Боже! Гексаграмма пятьдесят один!

«Божественное приходит под знаком действия. Свершение. Гром и молния — невольно зажмешь уши ладонями. Ха–ха! Хо–хо! Великое потрясение заставит человека вздрогнуть и зажмуриться.

Ящерица кинется прочь, а тигр заревет — и проявится Божественная Сущность!»[51]

Что это значит? Он нервно оглядел гостиную. Что–то произойдет? Что? Он вскочил и, тяжело дыша, застыл, выжидая.

Ничего. Стук сердца. Автоматическая реакция на шок дыхательного и всех соматических процессов, в том числе контролируемых подкоркой: поступление в кровь адреналина, увеличение сокращений, выброс гормонов из надпочечника, расширение зрачков, сухость в горле. Медвежья болезнь…

Что делать? Бежать? Куда и зачем? Как это характерно для современного человека: тело сжалось в комок в предчувствии опасности, а разум не сознает ее.

Он прошел в ванную и намылил щеки.

Зазвонил телефон.

— Вот оно! — произнес Тагоми и положил бритву на умывальник. Быстро вернувшись в гостиную и сказав себе «Я готов», он взял трубку. — Тагоми. — Получилось хрипло. Он откашлялся.

Пауза. Затем тихий, сухой голос — словно шуршание опавшей осенней листвы.

---

[51] Примечания: 51
Перевод текста «Ицзина» сделан по Рихарду Вильгельму.

— Сэр, с вами говорит Синьиро Ятабе. Я в Сан–Франциско.

— Приветствую вас от имени Торгпредства, — сказал Тагоми. — Чрезвычайно рад. Надеюсь, вы в добром здравии? Не устали?

— Все хорошо, мистер Тагоми. Когда я смогу вас увидеть?

— Я буду готов через полчаса. — Тагоми напряженно всмотрелся в стрелки часов, висящих в спальне. — Я должен связаться с третьим участником, мистером Бэйнсом. Возможно, он задержится, но…

— Вы не против, если мы встретимся через два часа, сэр? — спросил Ятабе.

— К вашим услугам. — Тагоми машинально поклонился.

— В «Ниппон Таймс Билдинг», у вас в кабинете.

Тагоми снова отбил поклон.

Щелчок. Ятабе повесил трубку.

«Как обрадуется Бэйнс, — подумал Тагоми. — Просто запрыгает от восторга. Как кот, получивший жирный осетровый хвост».

Он набрал номер отеля.

— Конец вашим мучениям, — произнес Тагоми, услышав в трубке сонный голос Бэйнса.

Сон с того как рукой сняло:

— Он здесь?!

— У меня в кабинете, — сказал Тагоми. — В десять двадцать. До свидания. — Он положил трубку и бросился в ванную — добриваться. Завтракать некогда, надо распорядиться, чтобы Рамсей раздобыл чего–нибудь поесть к тому времени, как закончится совещание. Бреясь, он мысленно составлял меню завтрака на троих.

Бэйнс стоял в пижаме у телефона, тер лоб и думал: «Зря я поддался панике и вышел на связь с тем агентом. Еще бы денек подождать. Если я не приду, это может вызвать цепную реакцию. Решат, что я убит или похищен. Попытаются меня найти. Впрочем, это не столь важно. Главное — Ятабе здесь. Наконец–то. Больше не придется ждать».

Бэйнс быстро прошел в ванную и достал бритвенный прибор.

«В том, что Тагоми его сразу узнает, можно не сомневаться. Пожалуй, псевдоним «мистер Ятабе»будет ни к чему. В сущности, нам обоим не нужны сейчас ни вымышленные имена, ни легенды».

Побрившись, Бэйнс встал под душ и под шум воды запел во все горло:

Wer reitet so spät
Durch Nacht und den Wind?
Es ist der Vater
Mit seinem Kind.[52]

СД уже ничего не сумеет предпринять. Даже если что–нибудь пронюхает. Не надо больше шарахаться от каждой тени, трястись за свою шкуру.

Что касается остального… Все только начинается.

---

[52] Примечания: 52
Кто скачет, кто мчится
под хладною мглой?
Ездок запоздалый,
с ним сын молодой.
(Гете,
«Лесной царь», пер. Жуковского).

Глава 11

Для рейхсконсула в Сан–Франциско фрейгерра Гуго Рейса этот день начался с треволнений. Войдя в приемную консульства, он увидел посетителя — рябого здоровяка с тяжелой челюстью и черными кустистыми бровями, сдвинутыми к переносице. При появлении Рейса он встал и, задрав руку, буркнул: «Хайль!»

— Хайль! — Рейс внутренне застонал, но сумел растянуть губы в официально–вежливую улыбку. — Герр Кройц фон Меере. Я удивлен. Зайдете? — Он отпер дверь кабинета, раздраженно подумав, где же шляется вице–консул и какой мерзавец впустил в приемную шефа СД. Впрочем, раз он здесь, ничего не поделаешь.

Не вынимая рук из карманов пальто, Кройц фон Меере прошел вслед за ним в кабинет.

— Вот что, фрейгерр, мы засекли того парня из абвера, Рудольфа Вегенера, на старой абверовской явке. — Кройц фон Меере хохотнул, блеснув огромными золотыми зубами. — Ну и, понятное дело, проводили до гостиницы.

— Прекрасно, — сказал Рейс, заметив, что почта лежит на столе. Значит, Пфердхоф где–то побли-

зости. Видимо, он запер кабинет, чтобы удержать шефа СД от искушения провести маленький неофициальный шмон.

— Все это очень серьезно, — сказал Кройц фон Меере. — Я уже доложил Кальтенбруннеру. Дело государственной важности. В любую минуту может поступить приказ из Берлина. Если только наши доморощенные Unratfressers[53] не спутают все карты. — Он уселся за стол консула, вытащил из кармана пальто пачку бумаг и, сосредоточенно шевеля губами, развернул одну из них. — Липовая фамилия — Бэйнс. По легенде — швед, не то промышленник, не то коммерсант. В общем, что-то связанное с пластмассами. Сегодня утром, в восемь десять, ему позвонили из японского учреждения и назначили встречу на десять двадцать в конторе у одного япошки. Мы пытаемся выяснить, откуда был звонок. Надеюсь, через полчаса выясним. Я велел позвонить сюда, если что.

— Понятно, — сказал Рейс.

— Короче говоря, парня нужно брать, — продолжал Кройц фон Меере. — Если мы его возьмет, то первым же ракетопланом «Люфтганзы» отправим обратно. Но япошки или «буратино» из

---

[53] Примечания: 53
Дармоеды *(нем.).*

Сакраменто могут рыпнуться, даже попытаться нам помешать. Если будут протестовать, обратятся к тебе. Вообще–то они могут доставить нам уйму хлопот. И уж наверняка пришлют в аэропорт целый грузовик громил из токкоки.

— А нельзя все сделать по–тихому?

— Поздно. Он уже в пути. Не исключено, придется брать его на месте. Ворваться, схватить и уносить ноги.

— Мне это не нравится, — сказал Рейс. — А вдруг у него встреча с очень важными японскими чиновниками? Ходят слухи, в Сан–Франциско прибыл личный представитель Императора…

— Плевать, — перебил его Кройц фон Меере. — На Вегенера распространяются законы Рейха.

«Знаем мы эти законы Рейха», — подумал Рейс.

— У меня наготове отряд коммандос, — сказал Кройц фон Меере. — Пятеро хороших парней. — Он снова хохотнул. — Все как один — красавчики вроде тебя.

«Вот уж спасибо!» — подумал Рейс.

— Строгие, аскетичные лица. Такие, знаешь, одухотворенные. Как у студентов–богословов. Япошки примут их за струнный квартет.

— Квинтет, — поправил его Рейс.

— Ну да. Эти ребята войдут, поднимутся на

нужный этаж…

Сейчас они переодеваются. Поднимутся у всех на виду — прямо к Вегенеру. Окружат его, будто хотят что–то сообщить. Что–то важное, — бубнил Кройц фон Меере, пока консул разбирал почту. — Никакого насилия, вежливо: «Герр Вегенер, пройдите с нами, пожалуйста. Вы понимаете?» И — чик тонюсенькой иголочкой между позвонками. Обратимый паралич нервных узлов.

— Ты слушаешь?

Рейс кивнул:

— Ganzbestimmt.[54]

— И сразу выйдут. Засунут его в машину. Вернутся ко мне в контору. Япошки, конечно, встанут на уши, но будут вежливы до конца. — Кройц фон Меере неуклюже изобразил японский поклон. — Обманывать нас очень некрасиво, герр Кройц фон Меере. Как бы там ни было, до свидания, герр Вегенер.

— Бэйнс, — поправил Рейс. — Он живет под этой фамилией.

— …Бэйнс. Очень жаль, что вы улетаете. Надеюсь, нам удастся поговорить в следующий раз… — На столе у Рейса зазвонил телефон, и

---

[54] Примечания: 54
Так точно *(нем.)*.

Кройц фон Меере перестал кривляться. — Должно быть, меня. — Он протянул руку к трубке, но Рейс успел схватить ее первым.

— Рейс слушает.

— Консул, это Ausland Fernsprechamt[55] в новой Шотландии. Вас срочно вызывает Берлин по трансатлантическому кабелю.

— Хорошо, — сказал Рейс.

— Одну секунду, консул. — Шуршание и потрескивание в трубке, затем — другой голос, женский:

— Kanzlei.[56]

— Ausland Fernsprechamt, Новая Шотландия. Вы просили рейхсконсула Гуго Рейса, Сан–Франциско. Консул на линии. Подождите. — Пока длилась пауза, Рейс продолжал свободной рукой перебирать почту. Кройц фон Меере ждал с безмятежным видом.

— Простите, что отрываю вас от работы, герр консул, — прозвучало вдруг в трубке. «Мужской голос, — отметил Рейс. — Баритон. Знакомая отточенная речь. — У Рейса кровь застыла в жилах. — Доктор Геббельс!»

---

[55] Примечания: 55
Зарубежная телефонная станция *(нем.).*

[56] Примечания: 56
Канцелярия *(нем.).*

— Да, канцлер.

Сидевший напротив Кройц фон Меере расплылся в улыбке. Отвисшая челюсть поджалась.

— Только что ко мне обратился рейхсфюрер Гейдрих и попросил позвонить вам. В Сан–Франциско находится агент абвера. Его зовут Рудольф Вегенер. Во всем, что касается его, вы должны помогать полиции. Посвящать вас в подробности нет времени. Предоставьте здание консульства в распоряжение СД. Ich danke Ihnen sehr dabei.[57]

— Я понял вас, герр канцлер, — сказал Рейс.

— Желаю удачи, консул. — Рейхсканцлер повесил трубку.

Кройц фон Меере пристально посмотрел на Рейса.

— Я был прав?

Рейс пожал плечами.

— Что от меня требуется?

— Нужно, чтобы ты санкционировал принудительное возвращение Вегенера в Германию.

Рейс взял ручку, заполнил бланк и, подписав, вручил шефу СД.

— Спасибо, — буркнул Кройц фон Меере. — И еще: когда япошки позвонят и станут ныть…

---

[57] Примечания: 57
Премного благодарен *(нем.)*.

— Если позвонят.

Кройц фон Меере бросил на него хмурый взгляд.

— Позвонят. Больше того, сами к тебе наведаются, не пройдет и четверти часа после того, как мы сцапаем Вегенера. — Он больше не острил, в голосе не было и тени юмора.

— Ни о каком струнном квинтете я и слыхом не слыхивал, — заверил Рейс.

Казалось, Кройц фон Меере пропустил его слова мимо ушей.

— Мы его обязательно возьмем, так что будь наготове. Скажешь япошкам, что он гомик или фальшивомонетчик. Что–нибудь в этом роде. Скрывается от наказания за тяжкое преступление. Не вздумай ляпнуть, что он политический. Ты же знаешь, они не признают девяноста процентов национал–социалистических законов.

— Знаю. И что делать, знаю. — В Рейсе поднялось раздражение. «Опять через мою голову! — со злостью подумал он. — Опять напрямую связался с Канцелярией, ублюдок! — У него затряслись руки. Не от звонка ли Геббельса? — Что это? Боязнь начальства или негодование? Черт бы побрал эту полицию! С каждым днем у нее все больше власти. Вот уже сам доктор Геббельс на

нее работает. СД — вот настоящее правительство Рейха! Но что я могу поделать? Да и кто я такой? Лучше не ерепениться. Может, по возвращении в Берлин удастся скомпрометировать эту скотину, благо врагов у него хватает, а сейчас не время собачиться с СД».

— Вас нельзя обвинить в недооценке важности дела, герр полицайфюрер. По–видимому, от того, насколько быстро удастся обезвредить этого шпиона или предателя, зависит безопасность Германии. — Ему стало не по себе от собственных слов. Зато Кройцу фон Меере они явно пришлись по вкусу.

— Ну, спасибо, консул.

— Возможно, вы спасете нас всех.

— Погоди, мы еще его не сцапали, — проворчал шеф СД. — Я жду звонка.

— Японцев я беру на себя, — пообещал Рейс. — Вы знаете, по этой части у меня большой опыт. Их жалобы…

— Ну–ка, помолчи, — перебил его Кройц фон Меере. — Мне надо подумать.

«Видимо, и тебя взволновал звонок из Берлина. И на тебя лег груз ответственности. А что, если парню удастся уйти? Тебя выгонят? — размышлял Гуго Рейс. — Что поделаешь, такая у нас работа. В

любую минуту можем оказаться на улице. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Вообще–то было бы нелишне разок–другой подставить вам ногу, герр полицайфюрер, но так, чтоб никто не докопался. Например, когда япошки придут жаловаться, можно намекнуть, что парня силком увозят на ракете «Люфтганзы». Или все отрицать, но с такой презрительной ухмылочкой — мол, чего вы ко мне привязались, желтопузые, кто в Рейхе всерьез станет рассматривать ваши жалобы? Ведь япошки такие обидчивые. Стоит их разозлить, могут обратиться к самому Геббельсу. Все в моих руках. Без моей помощи полиции не вывезти парня из ТША. Надо только поточнее нанести удар… Терпеть не могу, когда лезут через мою голову. Так нервничаю, что ночью не заснуть, а не выспавшись — какая работа? Значит, надо позаботиться, чтобы начальство избавило меня от этой неприятности. Если баварского чурбана отзовут домой и усадят писать объяснительные, я буду чувствовать себя куда лучше. Но сейчас — не время. Пока я придумываю, как…»

Зазвонил телефон. Трубку взял Кройц фон Меере. Рейс не осмелился его остановить.

— Алло? — спросил шеф СД.

«Как? Уже?» — подумал Рейс.

Но Кройц фон Меере протянул ему трубку.

— Тебя.

У Рейса отлегло от сердца. Он поднес трубку к уху.

— Какой–то школьный учитель, — пояснил Кройц фон Меере. — Спрашивает, не найдется ли у тебя австрийских театральных афиш для его класса.

Около одиннадцати утра Роберт Чилдэн закрыл магазин и отправился в офис Пола Казоура.

Ему повезло — Пол не был занят. Он вежливо поздоровался с Чилдэном и предложил чаю.

— Не хочу вас задерживать, — сказал Чилдэн, когда они уселись за столик.

Кабинет Пола, хотя и небольшой, был обставлен просто, современно и со вкусом. На стене висела превосходная репродукция картины Моккея «Тигр» — шедевра конца тринадцатого века.

— Роберт, я всегда рад вас видеть.

В голосе Пола, как показалось Чилдэну, сквозило равнодушие. «А может, я слишком мнителен? — Чилдэн повертел в руках чашку. — Он выглядит вполне дружелюбно».

И все же… что–то в его отношении к Чилдэну изменилось.

— Очевидно, ваша супруга разочарована моим безвкусным подарком. Наверное, мне следовало бы расстроиться, но, даря кому–нибудь необычную, ранее не встречавшуюся вещь, нельзя, как я уже говорил, не понимать, что идешь на риск. Вам с Бетти куда легче судить, чем мне.

— Бетти не разочарована. Роберт, я не показывал ей ваш подарок. — Пол вытащил из ящика белую коробочку. — Он не покидал стен моего кабинета.

«Все понял, — решил Чилдэн. — Ни слова ей не сказал. Сообразительный. Остается надеяться, что он не задушит меня. И не обвинит в попытке соблазнить его жену».

Чилдэну удалось скрыть испуг. Не меняясь в лице, он прихлебывал чай.

— Вот как? — спросил он. — Интересно.

Достав из коробочки брошь, Пол долго рассматривал ее, вертя и поднимая к свету.

— Я показал вашу вещь кое–кому из знакомых. Эти люди разделяют мои вкусы во всем, что касается американской старины и вообще предметов, имеющих художественную ценность. — Он поглядел Чилдэну в глаза. — Разумеется, прежде никто из них не встречал ничего подобного. Впрочем, вы уже объяснили, что такие вещи до

недавнего времени не изготавливались. Помнится, вы сказали, будто никто, кроме вас, не располагает такими украшениями.

— Совершенно верно, — подтвердил Чилдэн.

— Хотите узнать реакцию моих знакомых?

Чилдэн кивнул.

— Они посмеялись.

Чилдэн промолчал.

— Я и сам в душе смеялся, когда вы принесли эту вещь, — сказал Пол. — Но не подал виду, чтобы вас не обидеть. Наверное, вы помните, я старался выглядеть равнодушным?

Чилдэн кивнул. Рассматривая брошь, Пол продолжал:

— Наша реакция вполне объяснима. Какие еще чувства может вызвать бесформенный кусочек расплавленного и застывшего металла? Ведь он ничего не символизирует, не олицетворяет никакой идеи, не воплощает замысла художника. Короче говоря, не имеет смысла. Аморфный предмет. Или, точнее, содержание, не имеющее формы.

Чилдэн снова кивнул.

— И все–таки сам не знаю почему, но при виде этой вещи я испытываю эмоциональную теплоту. В чем дело? Ведь я даже не пытаюсь, как в немец-

ких психологических тестах, спроецировать на нее свою психику, не вижу в ней ни символов, ни форм. Все дело в том, что она сопричастна с Дао. Понимаете? В ней есть внутреннее равновесие. Гармония. Образно выражаясь, эта вещь пребывает в мире со Вселенной.

Чилдэн кивнул и взглянул на брошь. Пол говорил, не глядя на него:

— Она не имеет ваби и не может иметь. Но, — он коснулся броши ногтем, — Роберт, этот предмет обладает ву6.

— Да, вы правы. — Чилдэн попытался вспомнить, что такое ву. «Кажется, это не японское, а китайское слово. Наверное, мудрость, — решил он. — Или чувство истины. Как бы то ни было, это весьма неплохо».

— Руки художника, — продолжал Пол, — обладали ву и влили ву в эту вещь. Быть может, только он сам и знает, что символизирует эта брошь. Она совершенна, Роберт. Созерцая ее, мы получаем ву, испытываем благоговение, но не такое, как от произведения искусства, а, скорее, такое, как при взгляде на святыню. Я вспоминаю усыпальницу в Хиросиме, где выставлена берцовая кость средневекового святого. Там — реликвия, а это — произведение искусства. То осталось со мной

навсегда, тогда как это живет, пока я смотрю на брошь. Благодаря долгой медитации я сумел понять ценность, которой она обладает, несмотря на неисторичность. Как видите, я нахожусь под большим впечатлением.

— Да–а… — растерянно протянул Чилдэн.

— Не иметь историчности, а значит, художественной, эстетической ценности, и тем не менее задевать некие высокие струны души — это чудо. Именно то, что с виду эта безделушка — жалкая, дешевая подделка, и говорит о том, что она обладает ву. Ибо известно, ву спрятано в наименее заметных вещах, или, как гласит христианский афоризм, в камнях, от которых отказался строитель.[58] Кто–то ощущает присутствие ву в старой трости или ржавой жестянке из–под пива, найденной в придорожной канаве. Правда, в таких случаях ву заключено в самом видящем, это суть религиозного ощущения. А здесь художник вложил ву в предмет, который изначально не обладал им. — Пол поднял взгляд. — Я понятно изъясняюсь?

— Да, — твердо сказал Чилдэн.

— Другими словами, эта вещь открывает дверь

---

[58] Примечания: 58

«Камень, который отвергли строители, сделался главою угла. Это — от Господа, и есть дивно в очах наших». (Псалтирь, 115, 22–23).

в новый мир. Имя ему не искусство — ибо она не обладает формой — и не религия. Что же это? Я долго размышлял и не мог найти ответ. Очевидно, у нас отсутствует определение для такого рода предметов. А значит, вы правы, Роберт, это подлинно новая вещь на лике мира.

«Подлинно новая, — подумал Чилдэн. — Да, именно так я это понимаю. Что касается остального…»

— Поразмыслив над тем, какую из этого можно извлечь пользу, я обратился к тем же знакомым ценителям. Я изложил им свою точку зрения, не заботясь о производимом эффекте. Этот предмет побуждает пренебречь формальными приличиями, столь велико желание добиться понимания окружающих. И я заставил выслушать меня.

Чилдэн понимал, что для японца почти немыслимо навязывать кому–либо свое мнение.

— Результат оправдал мои ожидания, — продолжал Пол. — Мою точку зрения в основном поняли и приняли. На этом, Роберт, моя миссия закончена. — Он положил брошь в коробочку. — Все, что зависело от меня, сделано. Я выдохся. — Он придвинул коробочку к Чилдэну.

— Сэр, она ваша, — озадаченно пробормотал Чилдэн. Он не ожидал такого поворота событий.

Вначале высокопоставленный японец расхваливает до небес поднесенный ему подарок, а затем возвращает.

Чилдэн не знал, что делать, и сидел, теребя рукав пиджака.

— Роберт, вы не должны прятать голову в песок, — тихо произнес Пол.

Бледнея, Чилдэн пробормотал:

— Боюсь, я несколько сбит с толку, сэр.

Пол встал, глядя на него.

— Держитесь. Отныне эта задача — ваша. Судьба броши и других подобных вещей в ваших руках. Не торопитесь. Побудьте некоторое время наедине с собой, помедитируйте, посоветуйтесь с Оракулом. Взгляните как бы со стороны на свой товар, на рекламу, на методы торговли.

Чилдэн ошарашенно посмотрел на него.

— Вы увидите свой путь, — убеждал Пол. — Вы должны постараться, чтобы эти вещи дошли до людей.

Роберт Чилдэн окаменел.

«По его словам, я должен взять на себя моральную ответственность за судьбу бижутерии «Эдфрэнк» Вот оно, извращенное, невротическое мировоззрение японцев: для Пола Казоура все отступает на задний план перед духовным смыс-

лом украшений!

И, что хуже всего, Пол беседовал на эту тему с влиятельными знатоками древней японской культуры и традиций.

Ответственность, — горько подумал Чилдэн. — Раз возложенная, она останется со мной на всю жизнь. До гробовой доски. Пол утверждает, что он выполнил свою задачу. Но моя работа будет бесконечной.

Все они чокнутые, — сказал себе Чилдэн. — Они, к примеру, никогда не помогут поверженному наземь подняться — это, видите ли, унизит достоинство побитого. Да и чего еще ожидать от нации, которая, взявшись копировать английский эсминец, копирует даже заплаты на паровом котле».

Пол пристально смотрел на него. К счастью, Чилдэн давно научился скрывать свои чувства. На его лице застыло вежливо–внимательное выражение.

«Это ужасно, — подумал Чилдэн. — Катастрофа. Лучше бы Пол решил, что я хочу соблазнить его жену… Бетти. Теперь ей не увидеть эту брошь. Мой план сорвался. Ву несовместимо с похотью, оно, по словам Пола, свято и чисто, как реликвия».

— Я раздал своим собеседникам ваши визит-

ки, — предупредил Пол.

— Простите?.. — рассеянно спросил Чилдэн.

— Визитки. Чтобы они могли прийти и поглядеть на ваш товар.

— Спасибо.

— И еще, — сказал Пол. — У одного из моих знакомых есть к вам деловое предложение. Вот его имя и адрес. — Пол вручил Чилдэну визитную карточку. — Он бизнесмен. Массовый экспорт и импорт, в основном в Южной Америке. Радиоаппаратура, фотоаппараты, бинокли и тому подобное.

Чилдэн взглянул на визитку.

— Разумеется, он торгует крупными партиями, — продолжал Пол. — Его компания владеет предприятиями, производящими продукцию с низкой себестоимостью для массового потребления. Почти все они расположены на Востоке, где рабочая сила дешевле.

— А почему он… — начал Чилдэн.

— Подобные вещи, — Пол еще раз взял коробочку, закрыл крышку и вернул коробочку Чилдэну, — могут быть скопированы из металла или пластика. В любом количестве. Горячая штамповка.

После затяжной паузы Чилдэн спросил:

— А как насчет ву? Оно останется в копиях?

Пол промолчал.

— Вы советуете увидеться с ним?

— Да, — сказал Пол.

— Зачем?

— Амулеты, приносящие удачу, — пояснил Пол. — Вы же знаете, многие люди в Латинской Америке и Южной Азии верят в волшебство, заклинания, колдовские зелья и прочее. Мне сказали, это принесет большой доход. — Лицо японца застыло, голос поблек.

— Похоже, на этом можно хорошо заработать, — медленно произнес Чилдэн.

Пол кивнул.

— Это ваша идея?

— Нет, — кратко ответил Пол.

«Значит, твоего шефа, — подумал Чилдэн. — Ты показал брошь начальнику или еще кому–то, богатому и влиятельному, а он связался с этим бизнесменом. Вот почему ты вернул мне брошь — не хочешь участвовать в этом. Но ведь ты знаешь, что я сделаю. Мне придется. Выбора нет. Я продам или уступлю за процент от прибыли эскизы, мы с ним обязательно поладим. А ты умываешь руки. Ты ни при чем. Тебе кажется дурным тоном отговаривать меня или останавливать».

— У вас есть серьезный шанс разбогатеть, — произнес Пол, глядя в сторону.

— Мне эта идея не очень понятна, — сказал Чилдэн. — Зачем делать амулеты из произведений искусства? Не понимаю.

— Бизнес не интересуется данным аспектом проблемы. В секрет этой вещи посвящены только мы с вами и те люди, которые скоро посетят ваш магазин, — я уже говорил о них.

— Как бы вы поступили на моем месте? — поинтересовался Чилдэн.

— Не стоит пренебрегать возможностью, которую предоставляет судьба. Почтенный бизнесмен — практичный человек. Мы с вами даже представить не можем, сколько на свете необразованных людей. Штампованные безделушки подарят им радость, недоступную нашему пониманию. Тогда как нам нужны уникальные или, на худой конец, очень редкие вещи. И, безусловно, подлинные. — Он помолчал, все еще глядя сквозь Чилдэна. — А не копии, которые продаются десятками тысяч.

«Что он имеет в виду? — насторожился Чилдэн. — Может быть, подделки, что продаются в магазинах вроде моего? Похоже, это намек. Говорит в ироническом тоне как бы об одном, а получается совсем другое. Двусмысленность,

какую любит Оракул, — качество, свойственное восточному уму. Пол словно задает вопрос: кто ты, Роберт? Тот, кого Оракул называет «ничтожным человеком» или тот, кому предназначены его добрые советы? Надо решать. Ты можешь избрать тот или иной путь, но только один. Выбирай.

А каким путем, по мнению Пола Казоура, пойдет «благородный человек»? — спросил себя Чилдэн. Правда, его мнение далеко не то же самое, что совет освященного тысячелетиями свода мудрости, это всего лишь точка зрения одного смертного — молодого японского бизнесмена. Вот она — суть. Ву, как говорит Пол. Ву в этой ситуации таково: какими бы ни были твои личные пристрастия, истина заключается в предложении почтенного импортера. Конечно, это не совсем то, чего бы мне хотелось, но, как советует Оракул, нам следует подчиняться ситуации. В конце концов оригиналы можно продавать знатокам — скажем, друзьям Пола».

— Вы боретесь с собой, — заметил Пол. — Несомненно, это та ситуация, когда хочется побыть одному. — Он направился к выходу.

— Я уже решил.

У Пола блеснули глаза.

Помедлив, Чилдэн сказал:

— Я последую вашему совету и обращусь к этому бизнесмену. — Он взял коробочку.

Странно, но, казалось, Пола это не обрадовало. Он что–то пробормотал и вернулся к столу. «Скрывает эмоции, — решил Чилдэн. — Воистину, сдержанность у них в крови».

— Большое вам спасибо за помощь. Я не забуду и постараюсь отблагодарить, — сказал Чилдэн.

Но Казоура оставался бесстрастным. «Да, они непроницаемы», — подумал Чилдэн.

У двери Пол внезапно спросил:

— Американские художники сделали эту вещь сами, верно?

— Да, от эскиза до окончательной шлифовки.

— Сэр, а согласятся ли они с вашим решением? Мне кажется, они мечтают о другой участи для своих изделий.

— Уверен, их можно убедить. — Эта проблема казалась Чилдэну пустяковой.

— Да, — вздохнул Пол. — Видимо, вы правы.

Что–то в его тоне заставило Чилдэна насторожиться. И вдруг до него дошло. «Это уже не двусмысленность, — понял он. — Ну конечно! Это предложение направлено на искоренение американской культуры. Проклятие! Я с такой легкостью проглотил крючок вместе с леской и

грузилом… Шаг за шагом он подвел меня к согласию, провел по мощеной дорожке к решению: предметы американского искусства не годны ни на что иное, кроме как на образцы для дешевых амулетов. Вот как правят нами японцы — не жестокостью, а тонким, расчетливым коварством. Господи, мы действительно варвары по сравнению с ними! Мы теряемся перед их витийством. Пол не сказал — он никогда не скажет, — что наше искусство ничего не стоит. Он сделал так, что я сказал это сам. А под конец он еще и пожурил меня за недомыслие. Едва заметный жест сожаления цивилизованного человека. Он сломал меня! — Чилдэн едва не произнес это вслух. — Унизил меня и мою расу. И я ничего не могу поделать. Я беспомощен. Нас унижают так тонко, что мы едва понимаем это. По сути, нам необходим еще один виток эволюции, чтобы осознать, насколько мы унижены. Какие еще нужны доказательства превосходства японцев? — Теперь его подмывало рассмеяться. — Да, — язвительно думал он, усмехаясь про себя, словно услышал остроумный анекдот. — Это надо запомнить, намотать на ус, чтобы потом рассказать кому–нибудь. Но кому? Вот вопрос. Это слишком личное».

В углу кабинета стояла корзина для мусора.

«Туда, — подумал Чилдэн. — Вот самое подходящее место для изделий «Эдфрэнк» Смогу ли я это сделать? Выбросить у Пола на глазах? Раз и навсегда покончить с проблемой?

Нет, я даже выбросить не смогу, — понял он, сжимая коробочку. — Иначе — конец приятельским отношениям с высокопоставленным японцем. — Его порыв угас. — …Будьте вы прокляты! Даже поддавшись порыву, я не в силах избавиться от навязанных вами привычек».

Пол молча смотрел на него, не дожидаясь ответа. Да и зачем ответ? Человек и без слов достаточно выразителен.

«Он поймал меня в западню, — с горечью подумал Чилдэн. — Невидимой цепью приковал безделушку к моей душе. Наверно, я слишком долго живу среди них. Поздно рваться на свободу, поздно пытаться жить, как подобает белому человеку».

Вслух он сказал:

— Пол… — Голос его был глух и невыразителен.

— Да, Роберт.

— Пол, я… Я глубоко оскорблен.

Комната поплыла у него перед глазами.

— Почему, Роберт? — Участливый, но отчуж-

денный тон. По ту сторону добра и зла.

— Сейчас, Пол… — Чилдэн вытащил брошь, мгновенно ставшую скользкой от пота. — Я… я горжусь этим произведением искусства. Мне и в голову не пришло бы отдать его для штамповки дешевых амулетов. Я отказываюсь.

И снова он не смог определить, как воспринял его слова Казоура — на лице японца все то же бесстрастие.

— Благодарю за предложение, — говорил Чилдэн, — но я вынужден отказаться. — Он поклонился. — Эти вещи сделали гордые американские художники. И я с ними заодно. Вашу идею — использовать эти творения для массового производства амулетов — я считаю оскорбительной. И прошу вас принести извинения. — Чилдэн внутренне похолодел.

Последовала невыносимо долгая пауза.

Пол не сводил с него глаз. Одна бровь приподнялась, тонкие губы скривились. В улыбке?

— Я требую, — произнес Чилдэн. Больше говорить ему было нечего. Оставалось ждать.

«Ну пожалуйста! — мысленно взмолился он. — Попроси прощения!»

— Простите мне высокомерный тон, — сказал Пол, протягивая руку.

— Хорошо, — кивнул Роберт Чилдэн. Он пожал руку японца, и в сердце его пришел покой. «Я все переживу, — сказал он себе. — Все–все. Благодарение Богу — Он наставил меня в миг выбора. Он приходит к каждому в трудную минуту. Будет ли мне дарован еще один шанс разбогатеть? Вряд ли».

Сейчас, приняв столь трудное решение, он испытывал полное безразличие ко всему окружающему. «Я словно поднялся на поверхность и созерцаю рябь на воде, — пришла вялая мысль. — Жизнь коротка. А искусство и все то, что над жизнью, — бессмертно, почти вечно. Я стою перед бетонной стеной, и ни прохода, ни лестницы, чтобы перебраться на ту сторону. Хватит. Больше не буду стоять».

Взяв коробочку с ювелирным изделием «Компании Эдфрэнк», он опустил ее в карман пальто.

Глава 12

— Мистер Тагоми, это мистер Ятабе. — Рамсей отошел к двери кабинета, а к столу Тагоми направился подтянутый пожилой человек.

Хозяин кабинета поднялся из–за стола и подал руку:

— Рад нашей встрече, сэр.

Легкие, хрупкие пальцы скользнули в его ладонь. Тагоми осторожно пожал руку гостя и сразу отпустил, подумав при этом: «Надеюсь, я ничего не сломал?» Старик вызывал симпатию. Какая твердость, уверенность во взгляде! Чувствуется ясный, цепкий ум. Не человек, а само воплощение суровых традиций. И тут до Тагоми дошло, что перед ним генерал Тедеки, бывший начальник Императорского генштаба собственной персоной.

— Генерал. — Тагоми низко поклонился.

— А где третий участник переговоров? — спросил Тедеки.

— Вот–вот должен появиться, — заверил Тагоми. — Я лично звонил ему в гостиницу.

Мысли путались. Как был, в поклоне, он отступил на несколько шагов и застыл. Да и вряд ли он

смог бы выпрямиться в эту минуту.

Рамсей, очевидно, не понял, кто их гость, и, не выказывая робости, помог генералу сесть в кресло. Помедлив, Тагоми опустился в кресло напротив.

— Теряем время, — заметил Тедеки. — Жаль, конечно, но ничего не поделаешь.

— Вы правы, — согласился Тагоми.

Прошло минут десять. Все молчали.

— Простите, сэр, — забеспокоился Рамсей. — Если я не нужен, нельзя ли мне уйти?

Тагоми кивнул, и Рамсей удалился.

— Чаю, генерал? — спросил Тагоми.

— Нет, сэр.

— Сэр, — сказал Тагоми, — признаюсь, мне не по себе. Я чувствую, что узнаю сейчас нечто особенное.

Генерал кивнул.

— Прибывший сюда по делам мистер Бэйнс выдает себя за шведа. Но, приглядевшись внимательнее, я решил, что он скорее всего высокопоставленный немец. Я говорю вам об этом потому, что… — Тагоми замялся.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Благодарю. Генерал, его беспокойство говорит о том, что наша встреча связана с полити-

ческими изменениями в Рейхе. — Тагоми утаил от генерала, что догадывается о причине его задержки.

— Все это предположения, сэр, — сказал генерал, — а не информация. — В глазах Тедеки не было ничего, кроме отеческой доброты.

Тагоми проглотил упрек.

— Скажите, сэр, мое присутствие на этой встрече — простая формальность? Конспиративный прием?

— Естественно, мы заинтересованы в соблюдении конспирации. Мистер Бэйнс — обыкновенный бизнесмен, представитель стокгольмской фирмы «Тор–Ам». А я — Синьиро Ятабе.

«А я — Тагоми, — подумал Тагоми. — Играю самого себя».

— Несомненно, нацисты следят за перемещениями мистера Бэйнса, — продолжал генерал. Он сидел, расправив плечи, положив руки на колени. «Словно принюхивается к невесть откуда доносящемуся запаху бульона», — мелькнула мысль у Тагоми. — Но разоблачить его могут только законными путями. В этом–то и состоит его задача: не играть с ними в кошки–мышки, а соблюдать формальности на тот случай, если его засекут. Если это случится, у него надежная

«крыша».

— Понимаю, — сказал Тагоми.

«Все–таки это плохая игра, — подумал он. — Хотя, наверное, она не лишена смысла. Наши штабисты хорошо разбираются в психологии наци».

На столе загудел селектор. Раздался голос Рамсея:

— Сэр, пришел мистер Бэйнс. Пригласить?

— Да! — воскликнул Тагоми.

Вошел Бэйнс в безукоризненно модном костюме. Он был совершенно спокоен.

Навстречу ему поднялся генерал Тедеки. Тагоми тоже встал. Они раскланялись.

— Сэр, — обратился к генералу Бэйнс, — я — капитан Рудольф Вегенер из военно–морской разведки. Хочу заявить, что я не представляю здесь никого, кроме себя и нескольких частных лиц, пожелавших остаться неизвестными. Никакие службы или учреждения Рейха к моему визиту не причастны.

— Я понял, что вы не являетесь официальным представителем Рейха, герр Вегенер, — сказал генерал. — Я тоже прибыл сюда неофициально. Но, благодаря своему прежнему посту в Императорской армии, я имею некоторое влияние в

Токио и сумею довести ваши слова до сведения тех, кто в этом заинтересован.

«Странная беседа, — подумал Тагоми, — есть в ней какая–то музыка. Расслабляющая и успокаивающая».

— Мне бы хотелось сразу перейти к делу, — произнес Бэйнс. — Прошу передать тем, к кому вы имеете доступ, что в Рейхе готовится реализация плана под названием операция «Одуванчик»».

Генерал кивнул с таким видом, словно слышал об этом. Но Тагоми заметил, что он с нетерпением ждет продолжения.

— «Одуванчик» начнется с конфликта на границе Штатов Скалистых Гор и Соединенных Штатов Америки.

Генерал вновь кивнул и улыбнулся уголком рта.

— Нападению подвергнутся войска США. Они перейдут в наступление, оттеснят войска ШСГ за линию границы и вступят в бой с частями противника, заранее стянутыми в зону конфликта. У офицеров армии США есть подробные карты с указанием оборонительных объектов Среднего Запада. На помощь войскам США придет парашютный десант добровольцев вермахта. Но это тоже камуфляж.

— Ясно, — кивнул генерал.

— Основная цель операции «Одуванчик» — массированный атомный удар по Родным островам. Без каких–либо предупреждений. — Бэйнс замолчал.

— С целью уничтожения августейшей семьи, армии самообороны, Императорского флота, гражданского населения, промышленности и ресурсов, — задумчиво продолжил за него генерал Тедеки. — И последующего захвата всех наших колоний.

Бэйнс промолчал.

— Что еще? — спросил генерал.

Бэйнс не понял.

— Дата, сэр, — пояснил генерал.

— Все даты изменены, — вздохнул Бэйнс. — В связи со смертью Мартина Бормана. Сейчас у меня нет контактов с абвером.

— Продолжайте, герр Вегенер, — попросил генерал.

— Мы рекомендуем внимательно изучить ситуацию, сложившуюся в Рейхе, — сказал тот и сразу поправился: — То есть я рекомендую. В высших эшелонах власти есть сторонники операции «Одуванчик», но есть и противники. Была надежда, что со смертью рейхсканцлера Бормана

последние придут к власти.

— Но пока вы здесь находились, герр Борман умер и проблема решилась сама собой, — заметил генерал. — Выбор сделан. Рейхсканцлером стал доктор Геббельс.

— Доктор Геббельс — ярый сторонник «Одуванчика», — предупредил Бэйнс.

Ни он, ни генерал не заметили, что Тагоми закрыл глаза.

— А кто ему противостоит? — спросил Тедеки.

Тагоми смутно расслышал ответ:

— Рейхсфюрер СС Гейдрих.

— Весьма удивлен, — признался Тедеки. — Это точная информация или мнение ваших коллег?

— Административное управление территориями, ныне находящимися под контролем Японии, будет передано министерству иностранных дел. Точнее — людям Розенберга, связанным с Канцелярией напрямую. В течение минувшего года об этом постоянно спорили на совещаниях руководства. В подтверждение своих слов я могу представить фотокопии стенограмм. Вторым претендентом на власть была полиция, но она не добилась успеха. Ей отдан на откуп космос — Марс, Луна, Венера. Полиция ведает колонизацией планет. Как только утрясли вопрос о власти,

полиция стала противодействовать плану «Одуванчик» и добиваться передачи всех средств для осуществления космических программ.

— Соперничество, — произнес генерал Тедеки. — Одна команда играет против другой. Но обе — за сильного лидера. Значит, он ничем не рискует.

— Вы правы, — кивнул Бэйнс. — И поэтому я здесь и прошу вас о вмешательстве. Возможность пока есть — ситуация еще зыбкая. Пройдет не один месяц, пока доктор Геббельс окончательно утвердится в должности. Ему придется сломать хребет полиции, к тому же, возможно, устранить Гейдриха и высших офицеров СС и СД. Как только это случится…

— Следовательно, мы должны поддерживать Sicherheitsdienst? — перебил его Тедеки. — Самую зловещую касту в Германии?

— Совершенно верно.

— Император не одобрит такую политику, — заявил Тедеки. — «Мертвые головы», черные мундиры, «система замков» — все это он считает воплощением зла.

«Зло, — подумал Тагоми. — Да, именно так. Имеем ли мы право, даже ради спасения собственной жизни, поддерживать зло? Не в этом

ли главный парадокс нашего суетного мира? Мне этой проблемы не решить. Человек не может существовать в вечной неопределенности. А в этом мире все пути ведут в тупик. Все смешалось: свет и тьма, иллюзия и реальность.

— Вермахт — единственный в Рейхе обладатель водородной бомбы, — продолжал Бэйнс. — Случается, ее используют чернорубашечники, но только под надзором армии. Когда у власти стоял Борман, полицейских к ядерным заводам и складам и близко не подпускали. Операцию «Одуванчик» будет осуществлять главное командование вермахта.

— Это мне ясно, — кивнул Тедеки.

— Чернорубашечники всегда превосходили вермахт жестокостью. Но власти у них меньше. Наши решения должны основываться на реальности, а не на исповедуемых нами этических нормах.

— Да, надо быть реалистами, — вслух согласился Тагоми. Бэйнс и генерал оглянулись.

— Конкретно, что вы предлагаете? — спросил генерал у Бэйнса. — Установить контакт с местной резидентурой СД? Напрямую связаться с… ее шефом? Не знаю его имени, но уверен, это отталкивающий тип.

— В здешнем отделении СД ничего не знают, — сказал Бэйнс. — Шеф местной полиции Бруно Кройц фон Меере — партиец старой закваски. Ein Altparteigenosse.[59] Имбецил. В Берлине никому и в голову не пришло бы раскрыть перед ним карты.

— Тогда с кем нам связываться? — В голосе генерала зазвучало раздражение. — Со здешним консулом или с рейхсконсулом в Токио?

«Разговор ни к чему не приведет, — уныло подумал Тагоми. — Какой бы огромной ни была ставка, мы не должны лезть в чудовищную, шизофреническую трясину нацистской междоусобицы. Наш разум просто не выдержит».

— Надо действовать очень осторожно, — ответил Бэйнс. — Через ряд промежуточных лиц вам следует выйти на кого–нибудь из приближенных Гейдриха, находящихся за пределами Рейха, в нейтральной стране. Или на человека, которому часто приходится летать из Берлина в Токио.

— У вас есть кто–нибудь на примете?

— Итальянский министр иностранных дел граф Чиано. Интеллигентный, надежный и очень смелый человек. К тому же он прекрасно разби-

---

[59] Примечания: 59
Старый партиец *(нем.)*.

рается в международной обстановке. Правда, у него нет прямых контактов с аппаратом СД, но в случае необходимости он может действовать по другим каналам. Через заинтересованных промышленников вроде Круппа или через генерала Шпейделя, даже через руководство Ваффен–СС. В Ваффен–СС не такие фанатики, им близки интересы немецкого народа.

— А разве нельзя обратиться к Гейдриху через вашу организацию, я имею в виду абвер?

— Чернорубашечники нас на дух не переносят. Вот уже двадцать лет, как они добиваются у Партай нашего роспуска.

— А лично вам не грозит опасность с их стороны? — спросил генерал Тедеки. — Насколько мне известно, здесь, на Тихоокеанском побережье, они очень деятельны.

— Деятельны, но неумелы, — возразил Бэйнс. — Правда, Рейс, представитель МИДа, способный малый, но не в ладах с СД.

— Мне бы хотелось получить от вас фотокопии стенограмм, — сказал генерал Тедеки, — чтобы передать их моему правительству. И вообще, для нас будут не лишними любые материалы, касающиеся этого вопроса. И… — он помедлил, — доказательства. Объективные.

— Ну конечно. — Бэйнс извлек из кармана плоский серебряный портсигар и протянул Тедеки. — В каждой сигарете контейнер с микропленкой.

— А сам портсигар? — спросил генерал, повертев его в руках. — Похоже, он весьма недешев.

— Портсигар — тоже. — Бэйнс улыбнулся.

— Благодарю вас. — Улыбнувшись в ответ, генерал убрал портсигар в карман пальто.

Загудел селектор. Тагоми нажал кнопку.

— Сэр, в нижнем вестибюле люди из СД, — послышался взволнованный голос Рамсея. — Они пытаются захватить здание. Сейчас дерутся с охраной «Таймс». — Под окнами кабинета заревела сирена. — К нам едет подмога из МП[60] и кэмпетай.

— Спасибо, мистер Рамсей, — поблагодарил Тагоми. — Вы поступаете благородно, не поддаваясь панике. — Бэйнс и Тедеки напряженно прислушивались к разговору. — Не беспокойтесь, господа, — сказал им Тагоми. Уверен, головорезам из СД не добраться до нашего этажа. Их просто перебьют по пути. — И — в селектор: — Мистер Рамсей, отключите, пожалуйста, лифты.

---

[60] Примечания: 60
Military Police, военная полиция.

— Хорошо, мистер Тагоми.

— Будем ждать, — сказал Тагоми. Он выдвинул ящик стола и достал шкатулку тикового дерева. Поднял крышку, извлек прекрасно сохранившийся револьвер времен Гражданской войны — кольт сорок четвертого калибра выпуска тысяча восемьсот шестидесятого года, предмет гордости коллекционера. Затем достал жестянку с порохом, пули, капсюли и стал заряжать револьвер на глазах у опешивших Бэйнса и генерала. — Это из моей коллекции, — пояснил он. — У меня мальчишеская страсть — стрельба по–ковбойски. Я долго учился палить с бедра — на досуге, конечно — и, если судить по результатам состязаний с другими энтузиастами, добился некоторого успеха. Но всерьез этим пользоваться мне еще не приходилось.

Сидя за верстаком, Фрэнк Фринк шлифовал серебряную сережку в виде раковины улитки. Мельчайшие крошки окалины летели ему в очки, оставляли черные пятнышки на ногтях. От трения серьга жгла пальцы, но Фрэнк все сильнее прижимал ее к поверхности круга.

— Смотри не перестарайся, — предупредил Маккарти. — Выступы сними, а впадины пусть остаются как есть.

Фрэнк пробормотал что–то неразборчивое.

— Серебро с чернью легче сбыть, — пояснил Маккарти. — Оно выглядит старше.

«Сбыть», — с горечью подумал Фрэнк.

Они еще ничего не продали. Кроме Чилдэна, взявшего кое–что на комиссию, никто ничего не купил. А ведь они побывали в пяти магазинах.

«Мы еще ничего не заработали, — думал Фрэнк. — Все делаем и делаем новые вещи, а они остаются в мастерской». Сережка зацепилась ушком за ткань, выскользнула из пальцев и полетела на пол. Он выключил мотор.

— Ты ими не разбрасывайся, — укорил Маккарти, возившийся с паяльной лампой.

— Господи, да она с горошину! Как ее удержишь?

— Все равно отыщи.

«Черт бы ее побрал», — мысленно выругался Фрэнк.

— В чем дело? — спросил Маккарти, видя, что Фрэнк не трогается с места.

— Ничего нам с тобой не продать, — угрюмо сказал Фрэнк. — Что бы мы ни сделали.

— Это верно, чего не сделали — не продать.

— Вообще ничего не продадим!

— Пять магазинов — это капля в море, — возра-

зил Маккарти.

— Хватит, чтобы понять спрос.

— Не падай духом.

— А я и не падаю, — буркнул Фрэнк.

— Ты к чему ведешь? — спросил Маккарти.

— К тому, что пора сбывать лом.

— Ну ладно, остынь.

— Уже остыл.

— Раз так, буду продолжать в одиночку, — проворчал Маккарти, зажигая паяльную лампу.

— А как поделим барахло?

— Не знаю. Придумаем.

— Выплати мне мою долю, — потребовал Фрэнк.

— Черта с два.

— Отдай шестьсот долларов, — настаивал Фрэнк.

— Нет. Можешь взять половину оборудования.

— Полмотора?

Наступила тишина.

— Еще три магазина, — сказал наконец Маккарти. — А потом вернемся к этому разговору.

Он опустил на глаза щиток и стал припаивать медное звено к браслету.

Фрэнк встал из–за верстака, нашарил на полу сережку и положил ее в коробку с заготовками.

— Пойду покурю, — буркнул он и направился к лестнице.

«Все кончено», — сказал он себе. Он стоял под козырьком двери, часто затягиваясь дымом марихуаны и провожая рассеянным взглядом снующие машины. К нему приблизился белый средних лет, заурядной наружности.

— Мистер Фринк? Фрэнк Фринк?

— Верно, — ответил Фрэнк.

Человек достал из кармана сложенный листок и удостоверение.

— Департамент полиции Сан–Франциско. У меня ордер на ваш арест.

Фрэнк и глазом моргнуть не успел, как незнакомец сжал его локоть.

— За что? — пролепетал Фрэнк.

— За мошенничество. Вы обманули мистера Чилдэна, владельца «Художественных промыслов Америки».

Появились еще двое легавых в штатском и встали по бокам. Полицейский потащил Фрэнка за собой по тротуару.

Его затолкали в неброский «тойопет», приткнувшийся у обочины.

«Вот какие испытания готовит нам судьба, — подумал Фрэнк, сдавленный с двух сторон телами

полицейских. Хлопнула дверца, и машина вклинилась в автомобильный поток. — И таким сукиным сынам приходится подчиняться!»

— У вас есть адвокат? — спросил один из фараонов.

— Нет, — ответил он.

— В отделении вам предложат из списка на выбор.

— Спасибо.

— Как вы поступили с деньгами? — спросил другой полицейский, когда они въезжали в гараж отделения на Керни–стрит.

— Истратил, — ответил Фрэнк.

— Все?

Он промолчал.

Полицейский пожал ему руку и одобрительно засмеялся. Когда они вышли из машины, другой фараон спросил:

— Твоя настоящая фамилия — Финк?

У Фрэнка душа ушла в пятки.

— Финк, — повторил фараон. — Ты ведь жид? — Он раскрыл большую серую папку. — Сбежал из Европы.

— Я родился в Нью–Йорке, — возразил Фрэнк.

— Нет, ты удрал от наци, — ухмыльнулся фараон. — Знаешь, чем это пахнет?

Фрэнк вырвался и бросился бежать. Фараоны заорали, и у выхода из гаража полицейская машина преградила ему дорогу. Сидевшие в ней люди улыбались. Один из них вышел, держа в руке пистолет, и защелкнул наручник на запястье Фрэнка.

— Домой, в Германию, — ласково сказал фараон в штатском.

— Я американец, — пробормотал Фрэнк Фринк.

— Ты еврей, — настойчиво сказал фараон.

— Его здесь кокнут? — спросил кто–то, когда Фрэнка вели наверх.

— Нет, сдадим консулу. Немцы судят евреев по законам Германии.

Списка адвокатов Фрэнк так и не увидел.

Минут двадцать Тагоми неподвижно просидел за столом, держа дверь под прицелом. Бэйнс ходил по кабинету. После некоторых раздумий старый генерал взял трубку телефона и позвонил в японское посольство. Но барона Кэлемакуле он не застал; по словам сотрудников посольства, его не было в городе.

Генерал решил дозвониться до Токио по тихоокеанской линии.

— Я позвоню в военную академию, — объяснил он Бэйнсу. — Они свяжутся с частями Импера-

торских вооруженных сил, расквартированных поблизости.

«Короче говоря, нас выручат через несколько часов, — подумал Тагоми. — Наверное, пришлют морскую пехоту с авианосца, вооруженную пулеметами и минометами. Действуя по официальным каналам, можно добиться эффективных результатов… Но для этого, к сожалению, требуется время. А помощь нужна сейчас, когда бандиты–чернорубашечники избивают внизу клерков и секретарей».

— А может, стоит связаться с германским консулом? — предложил Бэйнс.

Перед глазами Тагоми мигом возникла сцена, как он диктует мисс Эфрикян решительный протест, адресованный Рейсу.

— Я могу позвонить рейхсконсулу Рейсу по другому телефону, — сказал он.

— Попробуйте, — сказал Бэйнс.

Не опуская кольта, Тагоми нажал кнопку на поверхности стола. Тотчас появился аппарат, предназначенный для секретных разговоров. Тагоми набрал номер германского консульства.

— Добрый день. Кто говорит? — решительный, отрывистый голос с легким акцентом. Очевидно, кто–то из служащих.

— Его превосходительство герра Рейса, пожалуйста, — потребовал Тагоми. — Это срочно. Тагоми. — Он говорил жестким, не терпящим отказа тоном.

— Да, сэр. Одну секунду, сэр. — Долгая пауза. В трубке ни звука, ни шороха. «Стоит рядом и ждет, — догадался Тагоми. — Типичная нордическая изворотливость».

— Меня дурачат, это ясно, — сообщил он генералу Тедеки и Бэйнсу.

— Простите, мистер Тагоми, что заставил вас ждать, — служащий наконец подал голос.

— Ничего, пустяки.

— Консул на совещании. Если…

Тагоми бросил трубку.

— Напрасная трата времени, — удрученно заключил он. — Куда бы еще обратиться? Токкока в курсе, в береговую военную полицию тоже нет смысла звонить. Прямо в Берлин? Рейхсканцлеру Геббельсу? В Напа, на аэродром Императорских Военно–Воздушных Сил? Я позвоню шефу СД Кройцу фон Меере, — решил он. — Начну с жалобы, если не поможет — перейду на брань и крик.

Тагоми набрал номер, принадлежавший, если верить телефонному справочнику, отделу охраны ценных грузов аэропорта «Люфтганзы». Пока

в трубке звучали гудки, Тагоми добавил:

— Сейчас вы услышите ругань на грани истерики.

— Да, устройте ему спектакль, — улыбнулся генерал.

В трубке раздался резкий голос:

— Кто это?

«Звучит решительнее моего», — подумал Тагоми.

— Ну, поживее! — поторопил голос.

— Я требую арестовать и отдать под суд шайку головорезов и дегенератов, ваших белокурых бестий–берсерков! — заорал в трубку Тагоми. — Знаешь, кто тебе звонит, Kerl?[61] Тагоми, торговый атташе Имперского правительства! Даю пять секунд, чтобы ты их отозвал! Иначе спецкоманда морской пехоты забросает их фосфорными гранатами!

На другом конце линии что–то бессвязно пролепетали. Тагоми подмигнул Бэйнсу.

— …нам ничего не известно, — услышал он наконец.

— Лжец! — закричал мистер Тагоми. — Ну что ж, нам ничего другого не остается. — Он бросил

---

[61] Примечания: 61
Болван *(нем.).*

трубку. — Конечно, это всего лишь блеф, но он не повредит. Приятно понервировать СД.

Едва генерал Тедеки открыл рот, чтобы заговорить, как снаружи оглушительно забарабанили в дверь. Через секунду она распахнулась. В кабинет ввалились двое коренастых белых с пистолетами. Они сразу направились к Бэйнсу.

— Das ist er![62] — сказал один из них.

Сидевший за столом Тагоми поднял коллекционный кольт сорок четвертого калибра и нажал спуск. Один фашист рухнул на пол, другой мгновенно вскинул пистолет с глушителем. Тагоми не услышал хлопка, только свист пули. Сам он с бешеной скоростью взводил курок кольта и стрелял снова и снова. У немца разлетелась челюсть. Как в замедленном кино, в воздухе поплыли осколки кости и зубов, куски плоти и брызги крови. «В рот попал! — понял Тагоми. — Ужасный результат, особенно если стреляешь в упор».

В глазах изувеченного фашиста еще теплилась жизнь.

«Он меня видит», — подумал Тагоми.

В следующее мгновение глаза потухли, немец выронил пистолет и, страшно клокоча горлом,

---

[62] Примечания: 62
Это он! *(нем.)*

рухнул.

— Какое отвратительное зрелище, — пробормотал Тагоми.

В дверном проеме больше никто не появлялся.

— Наверно, все кончено, — сказал генерал.

Отведя три минуты утомительной процедуре перезарядки оружия, Тагоми нажал кнопку селектора.

— У меня здесь тяжелораненый бандит, — сказал он. — Пожалуйста, вызовите «скорую помощь».

Никакого ответа. Только тихое гудение.

Бэйнс подобрал оба пистолета. Один отдал генералу, другой взял на изготовку.

— Теперь они нам и вовсе не страшны. — Тагоми уселся, как прежде, с кольтом в руке.

— Сдавайтесь, немецкие бандиты! — закричали в коридоре.

— Мы с ними уже справились! — крикнул в ответ Тагоми. — Входите, не бойтесь.

В дверях появилась группа служащих «Ниппон таймс». Некоторые успели вооружиться топорами, ружьями и гранатами со слезоточивым газом.

— Cause celebre,[63] — сказал Тагоми. — Правительство ТША в Сакраменто может тотчас объявлять войну Рейху. — Он переломил револьвер.

— Немцы будут все отрицать, — покачал головой Бэйнс. — Стандартный прием. Сколько раз так было. — Он положил на стол Тагоми пистолет с глушителем. — Сделано в Японии.

Тагоми внимательно рассмотрел оружие. Бэйнс не ошибся — пистолет изготовлен в Японии. Спортивный, последняя модель.

— Кроме того, они не подданные Рейха, — продолжал Бэйнс. Он успел заглянуть в бумажник убитого. — Гражданин ТША. Проживает в Сан–Хосе. Ничего общего с СД. Имя — Джек Сандерс.

— Я понял, — кивнул Тагоми. — Заурядный налет. Цель — очистить мой сейф. Политические мотивы отсутствуют. — Он с трудом поднялся. «Как бы там ни было, попытка вашего убийства или похищения не удалась. Во всяком случае, первая. Но в СД, несомненно, знают, кто такой мистер Бэйнс и для чего он прилетел».

— Перспективы малоутешительные, — произнес он вслух. «Может, нам посодействует

---

[63] Примечания: 63
Громкое дело, сенсационный судебный процесс *(фр.)*.

Оракул? — подумал он. — Предостережет, защитит, даст добрый совет?»

Едва держась на ногах, он взял черенки тысячелистника.

«В целом ситуация весьма запутана и необычна, — решил он. — Человеческий разум не в состоянии в ней разобраться; это под силу только мудрости пяти тысячелетий. Немецкое тоталитарное общество напоминает некую жизненную форму, которая по ошибке явилась на свет. Оно отвратительно во всех своих проявлениях. Квинтэссенция бессмысленности. Местное отделение СД — инструмент политики, не имеющий ничего общего с политикой берлинского руководства. Где истина? Что такое Германия на самом деле? Чем была прежде? Мерзкая гниющая пародия на государство, к которой чем пристальнее присматриваешься, тем большее отвращение испытываешь. Но Оракул и здесь сумеет помочь, подсказать. Даже в этом дьявольском клубке взбесившихся котов для него нет тайн».

Наблюдая за Тагоми, рассеянно перебирающим пригоршню черенков, Бэйнс понял, насколько велико смятение этого человека. Для него убить или изувечить кого–нибудь не просто ужасно — немыслимо.

«Какими словами его подбодрить? Он стрелял, защищая меня, а значит, ответственность за погубленные жизни ложится на мои плечи. И я должен ее принять».

К Бэйнсу подошел генерал Тедеки и шепнул на ухо:

— Вы видите: мистер Тагоми в отчаянии. Очевидно, он вырос в религиозной семье. Все живое для буддиста священно, никого нельзя убивать. Подобная среда глубоко влияет на мировоззрение.

Бэйнс кивнул.

— К нему вернется душевное равновесие, — продолжал генерал. — Но не сразу. Сейчас у него нет твердой опоры, чтобы осознать, обдумать свой поступок. А книга поможет ему, укажет путь.

— Понимаю, — кивнул Бэйнс. «Другой критерий оценки, который мог бы ему помочь, — учение о первородном грехе. Но вряд ли Тагоми о нем слышал. Все мы обречены творить зло и насилие. Таково наше предназначение. Наша карма.

Чтобы спасти одну жизнь, Тагоми пришлось погубить две. Труднейшее испытание для уравновешенного, трезвомыслящего разума. Такому человеку, как Тагоми, оно грозит безумием. И

все–таки решающий момент не в настоящем. Не в моей смерти и не в смерти двух негодяев из СД. Он в будущем. Случившееся здесь оправдано или будет оправдано в дальнейшем. Кто знает, может, мы спасем жизнь миллионам — фактически всем японцам. Но человеку, глядящему на стебельки, подобные мысли не приходят в голову. Действительность слишком осязаема. На полу его кабинета лежат мертвый и умирающий.

Генерал прав — только время вернет мистеру Тагоми душевное равновесие. Иначе он погрузится во мрак безумия, навсегда утратит связь с реальностью.

А ведь мы ничем от него не отличаемся. В наших мозгах точно такая же путаница. Поэтому, к сожалению, мы не в силах помочь Тагоми. Мы можем только ждать, надеясь, что в конце концов он придет в себя».

Глава 13

В Денвере они посетили шикарные современные магазины. Одежда стоила безумно дорого, но оказалось, что для Джо это не имело значения. Что бы Джулиана ни выбрала, он расплачивался, не моргнув глазом. Во второй половине дня, перемерив уйму нарядов, Джулиана выбрала голубое итальянское платье с рукавами–буфами и умопомрачительно глубоким декольте. Совсем недавно она видела такое платье — лучший фасон года — в европейском журнале мод. За него пришлось выложить почти две сотни долларов.

В придачу к платью Джулиане понадобились три пары туфель, новые нейлоновые чулки, несколько шляпок и черная кожаная сумочка ручной работы. Кроме того, она обнаружила, что декольте итальянского платья требует нового лифчика, прикрывающего только нижнюю часть груди. Поглядев на себя в большое, в полный рост, зеркало, Джулиана подумала, что нагибаться будет небезопасно. Но продавщица клятвенно заверила ее, что, несмотря на отсутствие бретелек, новый бюстгальтер подходит как нельзя лучше. «Только соски и прикрывает, — подумала

Джулиана, рассматривая себя в тиши примерочной. — Ни миллиметра выше».

Бюстгальтер тоже влетел Джо в копеечку — импортная вещь, объяснила продавщица, к тому же ручной работы. По просьбе Джулианы продавщица показала спортивные костюмы, шорты, купальники и махровый халат. Но тут Джо занервничал, и они пошли дальше.

— Ты не находишь, что я буду выглядеть сногсшибательно? — спросила она.

— Да, — рассеянно ответил он, загружая в машину пакеты и свертки. — Особенно платье. Наденешь, когда поедем к Абендсену, понятно?

Последнюю фразу он произнес резким тоном, как приказ. Это ее неприятно удивило.

— У меня двенадцатый — четырнадцатый размер, — сказала она продавщице в следующем магазине.

С предупредительной улыбкой девушка проводила их к рядам вешалок.

«Что бы еще выбрать? — гадала Джулиана. — Надо купить побольше...»

У нее разбегались глаза. Чего только не было в этом магазине: блузки, юбки, свитера, свободные брюки, пальто.

— Джо, мне нужно пальто, — сказала она. —

Только не суконное.

Они выбрали немецкую шубу из синтетического меха, ноского и не такого дорогого, как настоящий.

Покупка не привела Джулиану в восторг, и, чтобы утешиться, она решила приобрести что–нибудь из бижутерии. Но разложенные на прилавке товары поражали невзрачностью и заурядностью.

— Мне нужны украшения к голубому платью, — сказала она Джо. — Хотя бы сережки или брошь. — Джулиана взяла его под руку и повела к ювелирной лавке. — Да! — вспомнила она виновато. — Про тебя я и забыла. Ничего, еще разок пройдем по магазинам.

Пока она рассматривала украшения, Джо отлучился в парикмахерскую. Увидев его через полчаса, Джулиана была потрясена: он не только постригся, но и покрасил волосы. Джулиана с трудом узнала его в стройном, широкоплечем блондине. «Боже! — подумала она, с изумлением глядя на него. — Зачем?»

— Надоело быть макаронником, — пояснил Джо, пожав плечами.

Они вошли в магазин мужской одежды и купили превосходный костюм фирмы «Дюпон» из

новой синтетической ткани — дакрона. К нему — носки, нижнее белье и остроносые туфли. «Что еще? — подумала Джулиана. — Рубашки. И галстуки». Вместе с продавцом они выбрали две сорочки с французскими манжетами, несколько французских галстуков и серебряные запонки. На все ушло минут сорок. — «До чего это, оказывается, просто», — удивилась Джулиана.

«Пожалуй, надо поменять ему костюм», — подумала она, но Джо снова занервничал и торопливо расплатился с продавцом банкнотами Рейхсбанка.

«Тогда — новый бумажник», — решила она, видя, как он сует оставшиеся деньги в карман. Они выбрали черный бумажник из крокодиловой кожи и вернулись к машине. К половине пятого у них было все, что нужно.

— Не приталить ли немного твой пиджак? — предложила она, когда они тронулись в путь.

— Нет. — Его голос звучал отрывисто и глухо.

Джулиана удивилась. «Что–нибудь не так? Может, я слишком много всего набрала? Наверное, так и есть, — решила она. — Наша прогулка по магазинам ударила его по карману».

— Я могу вернуть несколько юбок.

— Поедем лучше обедать, — буркнул он.

— О Боже! — воскликнула она. — Я забыла ночные рубашки!

Джо метнул в нее яростный взгляд.

— Разве ты не хочешь подарить мне несколько красивых пеньюаров? — удивилась она. — Чтобы я всегда была свежей и…

Он отрицательно покачал головой.

— Брось. Лучше поищем, где бы нам перекусить.

— Сначала надо зарегистрироваться в гостинице, — уверенно сказала Джулиана. — Там переоденемся, а уж потом можно и пообедать.

«Отель должен быть самый шикарный, — подумала она. — Иначе кутеж будет испорчен. В гостинице надо спросить, где находится лучший в Денвере ресторан. А потом махнуть в ночной клуб, на какое–нибудь потрясающее шоу с участием не местных «самородков» а европейских знаменитостей вроде Элеонор Перес или Вилли Бека. На меньшее не согласна».

Пока они разыскивали подходящую гостиницу, Джулиана то и дело бросала взгляд на своего спутника. Светлые, коротко подстриженные волосы и новый костюм делали его непохожим на себя.

«Не пойму, лучше он стал выглядеть или нет? Скоро тоже сделаю новую прическу, и тогда мы

оба станем сотворенными из ничего, а точнее, из денег. Да, прическа необходима», — решила она.

В деловом центре Денвера они нашли роскошную гостиницу со швейцаром у дверей, взявшим на себя заботу о парковке их машины. Это было как раз то, чего хотелось Джулиане. Коридорный — здоровенный парень, почему–то одетый в матросский костюм, сгреб в охапку их покупки. Джулиане и Джо осталось лишь подняться по широченной лестнице, устланной ковром, и через двери из стекла и красного дерева пройти в вестибюль.

Джулиане сразу бросились в глаза выстроившиеся вдоль стен киоски с цветами и сувенирами, стойка приема почты, огромные растения в кадках и толстый, мягкий ковер под ногами. Куда ни глянь, горели неоновые надписи: «Ресторан», «Коктейль–холл», «Буфет», прогуливались хорошо одетые люди.

Пока Джо договаривался с администратором и расписывался в регистрационном журнале, Джулиана отошла к прилавку с книгами — посмотреть, нет ли здесь «Саранчи». Ее ожидания оправдались — на прилавке лежала целая кипа экземпляров в ярких обложках, рядом стояла афишка, объясняющая, насколько это интерес-

ная и популярная книга. Упоминалось, что она запрещена в подвластных Германии странах.

Джулиану обслужила улыбчивая продавщица, похожая на ласковую бабушку. Книга стоила баз малого четыре доллара. «Дорого!» — подумала Джулиана, но вытащила из новенькой сумочки банкноту Рейхсбанка, заплатила и поспешила вернуться к Джо.

За нагруженным покупками коридорным они проследовали к лифту, поднялись на второй этаж и прошли по ковру в шикарный, хорошо натопленный номер. Коридорный отпер дверь, проверил, хорошо ли раздвигаются занавески на окнах, включил и выключил свет. Затем, получив от Джо чаевые, удалился.

— Сколько мы здесь проживем? — спросила Джулиана.

Джо не ответил. Он сосредоточенно перебирал содержимое саквояжа.

— День? Два? — спросила она, снимая шубку. — А может, три?

— Уедем сегодня. Вечером, — бросил Джо.

Сначала она не поняла, а когда поняла, не поверила. На ее изумленный взгляд Джо ответил мрачной улыбкой. Он застыл над охапкой своего белья. Казалось, его разбил паралич.

— После ресторана, — добавил он.

Она не нашлась, что ответить.

— Одевайся, — велел Джо. — Надень то дорогое платье, которое тебе так понравилось. Голубое. Поняла? — Он стал расстегивать рубашку. — А я пока побреюсь и залезу под душ. — В голосе появился металлический тембр, словно Джо говорил издалека по радио или телефону. Повернувшись, он на негнущихся ногах двинулся в ванную.

— Но сегодня поздно! — растерянно пробормотала Джулиана.

— Нет. Успеем пообедать до половины шестого, самое позднее, до шести. До Шайенна два часа езды, ну, два с половиной. Будем там к восьми тридцати. Для ровного счета — к девяти. Сейчас ты позвонишь Абендсену и предупредишь о нашем приезде. Скажи так: мы едем на западное побережье и остановились переночевать в Денвере, но тебе так нравится его книга, что мы не удержались и решили заехать к нему. Только для того, чтобы…

— Для чего? — перебила Джулиана. У нее непроизвольно сжались кулаки — как в детстве, большими пальцами внутрь, — задрожал подбородок, из глаз брызнули слезы.

— Не хочу я сегодня к нему ехать и не поеду. — Она едва слышала собственный голос. — И завтра не поеду, и вообще. Я хочу здесь отдохнуть. Как ты обещал. — И тут грудь Джулианы снова сжал необъяснимый, слепой страх, который с тех пор, как она встретила Джо, никогда полностью не покидал ее, даже в самые радостные минуты.

— Да не волнуйся ты. — Джо говорил успокаивающим и вместе с тем равнодушным тоном, словно повторял заученный текст.

— Нет, — произнесла она.

— Надень голубое платье. — Джо разворошил покупки, взял самый большой сверток, развязал бечевку и аккуратно разложил платье на кровати. Он не торопился. — Ладно? От тебя будет глаз не оторвать. Купим еще бутылку хорошего шотландского виски и в путь.

«Фрэнк! — мысленно воззвала она. — Помоги! Я ничего не понимаю!»

— Шайенн гораздо дальше, чем тебе кажется, — возразила она вслух. — Я смотрела на карте. Мы туда доберемся не раньше одиннадцати, а то и за полночь.

— Надень платье, — приказал он. — Не то убью!

Джулиана нервно хихикнула, закрыв глаза.

«Дзюдо, — подумала она. — Наконец–то оно сослужит мне службу. Ну что ж, поглядим, убьет он меня или я успею нащупать нерв у него на шее и изувечу на всю жизнь. Правда, он тоже когда–то все это изучал, он ведь дрался с английскими десантниками».

— Я знаю, что ты можешь меня швырнуть, — сказал Джо. — Если получится.

— Не буду я тебя швырять, — огрызнулась Джулиана. — Просто сделаю калекой. Не сомневайся, сумею. Я жила на Западном побережье и училась у японцев. В Сиэтле. Езжай, если хочешь, я останусь здесь. И не вздумай ко мне лезть! Я тебя боюсь, поэтому способна на все! — У нее задрожал голос. — Попробуй только тронь меня! Не знаю, что с тобой сделаю!

— Слушай, хватит, а? Надень это проклятое платье, и дело с концом. Заладила: убью! искалечу! Что я такого сказал? Всего–навсего предложил после обеда сесть в машину и съездить к тому парню, Абендсену, автору книги, которая тебе так...

Раздался стук в дверь. Джо отворил. На пороге стоял молодой человек в ливрее.

— Утюжка одежды, сэр. Вы обращались к администратору, сэр.

— Да, верно. — Джо вернулся к кровати, сгреб новые сорочки и отдал слуге. — Уложитесь в полчаса?

— Если не стирать, а только гладить — успею, сэр.

— Откуда ты знаешь, что новые сорочки надо выгладить, прежде чем надевать? — спросила Джулиана, когда Джо закрыл дверь.

Он молча пожал плечами.

— А вот я об этом забыла, — сказала Джулиана, — хотя женщине полагается помнить… Когда достаешь сорочку из целлофана, она обязательно в складках…

— В молодости мне случалось бывать в приличном обществе.

— А откуда ты узнал, что в гостинице можно отдать одежду в утюжку? Я–то не знала. А ты в самом деле стригся и красил волосы? Сдается мне, они всегда были светлыми, только ты носил парик. Угадала?

Он снова пожал плечами.

— Должно быть, ты из СД, — продолжала Джулиана. — А прикидываешься макаронником, водителем грузовика. И в Северной Африке ты никогда не был, верно? А здесь для того, чтобы убить Абендсена, так? Видишь, я все поняла, хотя

и круглая дура.

Помолчав, Джо возразил:

— Я воевал в Северной Африке. Правда, не на батарее майора Парди, а в Бранденбургском полку. Диверсионно–десантное подразделение вермахта, — пояснил он. — Мы проникали в расположение британских штабов. Не вижу разницы — нам тоже хватило дел. Я и под Каиром был — заслужил там медаль, упоминание в списках отличившихся и звание ефрейтора.

— Твоя авторучка — оружие?

Он не ответил.

— Бомба! — догадалась Джулиана. — Бомба–ловушка, ее можно установить на взрыв от соприкосновения.

— Нет. Это двухваттная рация, — нехотя пояснил Джо. — Для связи со своими. На тот случай, если политическая ситуация в Берлине потребует изменения плана.

— И перед тем как сделать дело, ты получишь у своих «добро». На всякий случай.

Он кивнул.

— Ты не итальянец. Ты немец. А мой муж — еврей, — сказала она.

— Меня не интересует, кто твой муж. От тебя мне нужно одно: чтобы ты надела платье и приве-

ла себя в порядок. Нам пора в парикмахерскую… Может, в гостинице она еще открыта? Спустись туда, а я приму душ и дождусь рубашек.

— Как ты намерен его убить?

— Джулиана, пожалуйста, надень платье. А я позвоню в парикмахерскую. — Он подошел к телефону.

— Ну зачем я тебе понадобилась?

— У нас на Абендсена досье, — ответил Джо, набирая номер. — Похоже, ему нравятся смуглые, страстные девушки. Особенно ближневосточного или средиземноморского типа.

Пока он разговаривал по телефону, Джулиана вытянулась на кровати, закрыла глаза и прижала к лицу ладони.

— Здесь есть парикмахер, — сообщил Джо, положив трубку. — Она тебя ждет. Спустись в салон. — Джо вложил ей что–то в ладонь. Джулиана открыла глаза и увидела в своей руке банкноты.

— Оставь меня в покое. Ну, пожалуйста!

Он озабоченно посмотрел ей в глаза.

— Не случись в Сиэтле большого пожара, он был бы похож на Фриско, — бормотала Джулиана. — Такие же старые дома из бревен и кирпича на холмах. Японцы поселились в Сиэтле задолго до войны. Там целый район очень старых зданий

с конторами, магазинами и всем остальным... И порт. Я жила там с одним парнем из торгового флота и от нечего делать брала уроки у маленького старого японца. Его звали Минору Ихоясу. Он носил жилет и галстук. Кругленький такой старичок, как йо–йо[64]. Его школа находилась на последнем этаже какого–то японского учреждения; на двери висела старомодная табличка с золотыми буквами, а приемная напоминала зубоврачебный кабинет. А на журнальном столике лежали последние номера «Нэшнл джиогрэфик».

Джо взял ее под мышки и усадил.

— Ну, в чем дело? Заболела, что ли? — Он вгляделся в ее лицо.

— Я умираю.

— Это приступ хандры. С тобой такое часто случается, ведь верно? Тут должна быть аптечка, я дам успокоительное. Как насчет фенобарбитала? Кстати, мы сегодня с десяти утра не ели — может, от этого? Ничего, все будет в порядке. У Абендсена тебе ничего не надо будет делать, только постоишь рядом со мной. Говорить я буду сам. А ты только улыбайся и будь с ним поласковее. Если понадобится, поддержи беседу, чтобы он не

---

[64] Примечания: 64
йо-йо - Игрушка, чертик на веревочке

затворил дверь. Он нас обязательно впустит, как только увидит тебя, особенно в этом платье. На его месте я бы тебя обязательно впустил.

— Дай пройти в ванную, — попросила Джулиана. — Ну, пожалуйста. Меня тошнит. — Она попыталась высвободиться из его рук. — Сейчас вырвет… Пусти!

Джо выпустил ее, и Джулиана побрела в ванную. «У меня получится», — подумала она, затворяя за собой дверь. Нашарила кнопку выключателя. Вспыхнул яркий свет, она болезненно сощурилась. В туалетном шкафчике — спасибо предусмотрительному персоналу гостиницы — лежала пачка бритвенных лезвий, мыло и зубная паста.

«Односторонние», — подумала Джулиана, вскрывая конвертик с синеватой полосочкой стали. Из душа шла вода. Джулиана шагнула под нее — и спохватилась: «Господи Боже, я в одежде! Все пропало!»

Платье прилипло к телу. Волосы намокли.

Насмерть перепуганная, она отшатнулась и едва не упала. По чулкам бежали струйки воды. Она заплакала.

Когда вошел Джо, она стояла совершенно голая, опираясь одной рукой на раковину умывальни-

ка. Лицо у нее было измученное.

— Господи Иисусе! — захныкала она. — Что теперь делать? Пропал костюм. Он из шерсти. — Она показала себе под ноги. Там мокрой грудой лежала одежда.

Очень спокойно, но с перекошенным лицом, Джо произнес:

— Не расстраивайся, костюм тебе все равно не понадобится.

Он вытер ее белым мохнатым полотенцем и отвел в теплую, устланную ковром гостиную.

— Надень белье и что–нибудь сверху. Я позвоню парикмахерше, попрошу подняться. Она не откажет, здесь есть все необходимое.

— Ты предлагал какие–то таблетки, — сказала Джулиана, когда он договорился с парикмахером.

— Забыл. Сейчас позвоню в аптечный киоск. Впрочем, погоди, у меня у самого кое–что найдется. Нембутал или еще какая–то чертовщина. — Джо схватил саквояж и стал в нем рыться.

Когда он протянул Джулиане две желтые капсулы, та спросила:

— Я от них не сдохну?

— Что?! — У него дернулась щека.

«Пусть сгниет мое чрево, — подумала она, —

усохнет лоно».

— Не бойся. Это порошки фирмы «А.Г. Хемикален», их глотает весь Рейх. Я сам иногда их пью от бессонницы. Сейчас принесу стакан воды. — Джо бегом бросился в ванную.

«Лезвие, — подумала она. — Я проглотила его, и оно навеки останется разрезать мои чресла… Кара. Замужем за евреем и снюхалась с гестаповцем–террористом. — Она чувствовала, как по щекам ручьями бегут слезы. — За все мои грехи — погибель».

— Пошли, — сказала она, поднимаясь на ноги. — В парикмахерскую.

— Ты не одета!

Джо усадил ее и попытался натянуть на нее трусики, но безуспешно.

— Нужно сделать что–нибудь с твоими волосами, — простонал он. — Где эта Hure,[65] эта женщина?!

Медленно, с трудом выговаривая слова, Джулиана произнесла:

— Как веревочке ни виться, а кончик все равно… Прячься не прячься, а от Бога не уйдешь. Все под ним ходим, все мы у него на крючке…

---

[65] Примечания: 65
Сука *(нем.)*.

«Больно… Это все капсулы. Разъедают меня. Наверное, в них была серная кислота. Встретились в животе и образовали дьявольскую смесь, чтобы мучить меня веки вечные».

Джо не сводил с нее глаз. Он был белее мела.

«Читает мои мысли, — решила Джулиана. — У него есть машинка для чтения мыслей. Только не знаю, где она спрятана».

— Ну и порошки, — сказала она. — Голова от них кругом.

— Но ты их не проглотила!

Он ткнул пальцем ей в кулак. Разжав ладонь, Джулиана увидела капсулы.

— У тебя нервный припадок. — Джо вдруг стал тяжелым, медлительным. — Ты больна! Мы не сможем ехать! Нужен врач.

— Не надо врача, — пролепетала Джулиана. — Все пройдет.

Она попыталась улыбнуться. Чтобы узнать, удалось это или нет, вгляделась в его лицо. «Как он смотрит… Это, наверно, излучение его мозга превращает мои мысли в кашу…»

— Я не могу взять тебя к Абендсену, — произнес он. — Сегодня ничего не выйдет. Отложим на завтра. Может, тебе полегчает. Завтра попробуем. Надо.

— Можно, я еще разок схожу в ванную?

Он рассеянно кивнул, думая о своем. Оказавшись в ванной, Джулиана достала из тумбочки еще одно лезвие, спрятала в ладони и вышла.

— До свидания, — сказала она.

Когда она отворяла дверь в коридор, Джо с криком подскочил и схватил ее за плечо.

Вжик.

— Какой ужас! — изумилась Джулиана. — Вы способны на насилие! Мне следовало это знать.

«Держитесь теперь, ночные грабители и бродяги! Я любому дам отпор! Кстати, а куда девался этот? Схватился за шею и пустился в пляс!»

— Не стой у меня на пути, если не хочешь получить взбучку, — сказала она. — Не смотри, что я женщина. — Подняв руку с лезвием, она другой рукой отворила дверь. Джо сидел на полу, обеими руками держась за горло.

— Прощай. — Джулиана хлопнула дверью и оказалась в коридоре.

Навстречу, опустив голову и что–то напевая, катила тележку женщина в белом халате. Поравнявшись с Джулианой, она подняла голову, чтобы взглянуть на номер двери. Глаза ее выпучились, а челюсть отвисла.

— Ох ты, миленькая моя! — затараторила

она. — Ну и набралась же ты! Не парикмахер тебе нужен, а… Ступай–ка в номер и натяни на себя что–нибудь, пока тебя не выставили из гостиницы. Господи Боже! Пусть дружок приведет тебя в чувство, а я пока спущусь вниз и скажу, чтобы тебе принесли горячего кофе. Ну–ка, не стой здесь, заходи! — Она затолкала Джулиану обратно в номер. Послышалось удаляющееся шуршание колес тележки.

«Парикмахерша», — догадалась Джулиана. Опустив глаза, она поняла, почему женщина приняла ее за пьяную — Джулиана стояла в чем мать родила.

— Джо, меня не выпускают, — пожаловалась она. Затем нашла свой чемодан и вытряхнула одежду. Нижнее белье, блузка, юбка… туфли на низком каблуке.

— Приведем себя в порядок, — пробормотала она. Отыскала расческу, расчесала волосы, встала и пошла искать зеркало. — Так лучше? — Она нашла зеркало на дверце стенного шкафа, оглядела себя со всех сторон, даже встала на цыпочки. — У меня в голове такая неразбериха! — сообщила она, оглянувшись. — Почти не соображаю, что делаю. Ты, наверное, меня чем–то опоил. Не лекарством, а отравой.

— Слушай, — прохрипел Джо. Он все еще сидел на полу, держась за горло. — Ну и дрянь же ты! Перерезала мне аорту на шее.

Джулиана захихикала, прижав ладонь к губам.

— Господи, какой же ты чудак. Все перепутал. Аорта на груди. Ты имеешь в виду сонную артерию.

— Если я встану, то за две минуты истеку кровью. Ты это знаешь. Мне нужен врач или «скорая помощь». Понимаешь? Позвони или приведи кого–нибудь.

Поразмыслив, она кивнула:

— Попробую.

— Вот и хорошо. Скажи им… приведи кого–нибудь… спаси меня… — бормотал он.

— Иди сам.

— У меня кровь хлещет.

Кровь и в самом деле просачивалась между пальцами и стекала по запястьям. На полу образовалась лужа.

— Я не могу идти! Я подожду здесь.

Джулиана надела шубку, застегнула кожаную сумочку, взяла чемодан и большую коробку с итальянским платьем и направилась к выходу. Отворяя дверь, она обернулась и сказала:

— Может, я скажу администратору. Внизу.

— Угу, — промычал он.

— Так и быть, скажу. Не ищи меня в Каньон–Сити, я туда не вернусь. Да и незачем мне туда возвращаться. Я ведь взяла твои деньги. Все не так уж и плохо. Прощай. Извини. — Она хлопнула дверью и со всех ног бросилась по коридору.

В лифте ей помогли пожилой бизнесмен и его жена. Они взяли у Джулианы свертки, а внизу, в вестибюле, позвали коридорного.

Носильщик вынес ее вещи на улицу и объяснил, как получить машину из гаража. Через несколько минут она стояла возле своего «студебеккера».

Служащий развернул машину, Джулиана вытащила из кошелька мелочь, расплатилась, уселась за руль и по залитому желтым светом пандусу выехала на улицу, в царство фонарей, автомобилей и неоновых вывесок.

Швейцар в ливрее собственноручно уложил ее вещи в багажник и улыбнулся столь лучезарно, что Джулиана не удержалась и дала ему огромные чаевые.

К немалому ее удивлению, никто не попытался преградить ей путь. «Должно быть, верят, что Джо уплатит, — решила она. — А может, уплатил вперед».

Затормозив у светофора, она вспомнила, что не сказала администратору о Джо. «Так и прождет до конца света, — подумала она. — А может, дотянет до завтра, когда придет горничная с уборкой. Вернуться, что ли? Или позвонить? Пожалуй, надо остановиться у ближайшей телефонной кабины. Как все глупо, — размышляла она, отыскивая взглядом место для стоянки. — Кто бы мог подумать? Еще час назад мы бродили по магазинам, входили в гостиницу. Мы уже почти оделись, собрались в ресторан, а то и в ночной клуб. — Джулиана вдруг почувствовала, как по щекам текут слезы и капают на блузку. — Как жаль, что я не посоветовалась с Оракулом, он бы меня предостерег, объяснил, как быть. И почему я о нем забыла? Сколько раз могла к нему обратиться — и в пути, и даже перед отъездом».

Она невольно застонала: звук этот, тихое поскуливание, впервые в жизни вырвавшийся из груди, испугал Джулиану. Но, даже стиснув зубы, она не смогла его подавить.

Она притормозила у обочины, но осталась сидеть в машине, дрожа и сжимая кулаки в карманах шубки. Двигатель тихонько урчал. «Боже, — всхлипнула она. — Какая я дура! Но все–таки надо понять, что происходит».

Джулиана выбралась из машины, достала из багажника чемодан и затащила его на заднее сиденье. Порывшись в тряпках, извлекла два черных тома Оракула. В тусклом свете витрины универмага она стала подбрасывать три скалистогорских десятицентовика. «Что мне делать? — спросила. — Пожалуйста, скажи, что мне делать?»

Выпала гексаграмма сорок два, «Приумножение», с чертами развития на второй, третьей, четвертой и верхней позиции. Значит, сорок вторая гексаграмма переходит в сорок третью. Она пробежала текст взглядом, задерживаясь на благоприятных местах, чтобы обдумать и понять их. И вновь чудо — перед ее глазами предстали события последнего дня, краткий, схематичный конспект случившегося:

«Благоприятно иметь, куда выступить.

Благоприятен брод через великую реку».

«Не следует здесь оставаться, надо отправиться в путешествие и совершить что–то важное. Теперь черты...» — Губы Джулианы беззвучно шевелились, глаза искали нужные строки.

«Можно умножить то, в чем недостаток.

Черепаха–оракул, ценой в десять тысяч связок монет.

От ее указаний невозможно уклониться.

Вечная стойкость к счастью.

Царю надо проникнуть с жертвами к богам.

Счастье».

Теперь «шестерка» на третьем месте. У Джулианы закружилась голова.

«Приумножай и в случае несчастливых событий.

Хулы не будет, если, обладая правдой, пойдешь верным путем,

если заявишь об этом князю и поступишь по его мановению».

«Князь… это, конечно, Абендсен. Черепаха — новый, дорогой экземпляр «Саранчи“. Несчастливые события — Оракул знает, что с ней случилось, этот ужас с Джо или кто он там…» — Она прочла комментарий к «шестерке» на четвертой позиции:

«Если, идя верным путем, заявишь об этом князю,

то все пойдут за тобой».

«Я должна ехать к Абендсену, — поняла Джулиана. — Даже если Джо поедет следом». Она торопливо проглядела текст последней черты развития — верхней «девятки».

«Ничего не приумножит этого, а, пожалуй,

разобьет его.

При воспитании сердец не будь косным.

Несчастье!»

«О Господи, — подумала она, — это означает убийц из гестапо. Оракул говорит, что рано или поздно Джо или кто–нибудь еще доберется до Абендсена и убьет его». Она поспешно заглянула в сорок третью гексаграмму. «Выход».

«Поднимешься до царского двора.

Правдиво возглашай.

А если будет опасность, то говори и от своего города.

Неблагоприятно браться за оружие.

Благоприятно иметь, куда выступить».

«Значит, нет смысла возвращаться в гостиницу и доводить дело до конца. Это бесполезно — вместо Джо пришлют других. Оракул настойчиво советует иное: добраться до Шайенна и предупредить Абендсена. Я должна сказать ему всю правду».

Она закрыла книгу и пересела за руль. Вскоре Денвер остался позади, а перед Джулианой уходило к горизонту широкое шоссе. Она до отказа выжимала газ, двигатель то и дело взревывал, отчего вздрагивало сиденье и погромыхивало в бардачке. «Благодарение Богу за доктора Тодта

и его автострады», — подумала Джулиана. Она неслась сквозь тьму и в свете фар видела только белую полосу на дороге. К десяти вечера ей еще не удалось добраться до Шайенна — сказались усталость и нервное перенапряжение. Ничего не оставалось, как сбросить скорость и поискать ночлег.

Вскоре ей попался на глаза дорожный указатель: «Грили — 5 миль».

«Завтра утром доеду», — решила Джулиана, сворачивая к Грили.

Ей сразу встретилось несколько мотелей с яркими неоновыми вывесками, так что с ночлегом не возникло проблем. «Сегодня же позвоню Абендсену и предупрежу о приезде», — решила она.

На стоянке она выбралась из машины и устало потянулась. Все–таки как приятно после долгих часов езды снова встать на ноги. Заметив круглосуточно работающую аптеку, Джулиана сунула руки в карманы и направилась к ней. Вскоре она стояла в телефонной кабине и просила телефонистку соединить ее с Шайенном.

Слава Богу! Телефон Абендсенов нашелся в списках абонентов.

— Будьте любезны, соедините, — попросила Джулиана и опустила в щель несколько четвер-

таков.

— Алло? — прозвучал неожиданно в трубке приятный женский голос. Видимо, его обладательница была одного возраста с Джулианой.

— Миссис Абендсен? — спросила Джулиана. — Могу я поговорить с мистером Абендсеном?

— А кто вы?

— Я прочла его книгу и весь день ехала из Каньон–Сити, штат Колорадо. Сейчас я в Грили. Думала, доберусь к вам еще сегодня, но не получилось. Я хочу узнать, можно ли мне завтра увидеться с мистером Абендсеном.

После паузы миссис Абендсен произнесла все тем же приятным голосом:

— Да, конечно, но... Скажите, а... у вас есть какая–нибудь особая причина для встречи с моим мужем? Видите ли, он очень занят.

— Я хочу с ним поговорить, — сказала Джулиана. Собственный голос показался ей каким–то тусклым, деревянным. Разглядывая стену кабины, она не знала, что бы еще сказать. У нее ныло все тело, во рту пересохло. За стеклом кабины она видела аптекаря, взбивающего молочный коктейль для четырех подростков. Джулиане здесь нравилось: она едва реагировала на вопросы миссис Абендсен. Ей захотелось остаться в

аптеке, заказать прохладительный напиток и к нему сандвич с салатом и курицей.

— Готорн работает совершенно бессистемно, — звучал в трубке живой, звонкий голос миссис Абендсен. — Насчет встречи я ничего не могу обещать — возможно, ему захочется проработать весь день. Но если вы отдавали себе в этом отчет, когда отправлялись в путь…

— Да, — подтвердила Джулиана.

— Я уверена, он с радостью потолкует с вами, если выкроит несколько минут, — продолжала миссис Абендсен.

— Я прочла его книгу, и она мне очень понравилась, — сказала Джулиана. — Она у меня с собой.

— Понимаю, — произнесла миссис Абендсен благожелательным тоном.

— Я много времени потеряла в Денвере на магазины.

«Нет, — подумала Джулиана. — Надо не так».

— Видите ли, тут все дело в Оракуле, — призналась она. — Это он велел мне ехать в Шайенн.

— О Господи! — воскликнула миссис Абендсен.

— Я вам прочту. — Джулиана захватила Оракул в кабину. Положив том на полочку под аппаратом, она торопливо стала искать нужную страницу. — Секундочку. — Отыскав нужное место,

она зачитала текст сорок второй гексаграммы. Дойдя до «девятки» наверху, там, где говорилось о несчастье, услышала на другом конце провода сдавленный возглас. — Простите? — спросила Джулиана.

— Продолжайте, — произнесла миссис Абендсен. Голос ее, как заметила Джулиана, зазвучал напряженнее, в нем появилась тревога. Казалось, собеседница поняла серьезность ситуации.

Джулиана прочитала текст гексаграммы сорок три, где говорилось об опасности, и умолкла. В трубке тоже молчали.

— Ну что ж, — наконец сказала миссис Абендсен, — в таком случае завтра увидимся. Не могли бы вы представиться?

— Джулиана Фринк, — сказала Джулиана. — Большое спасибо, миссис Абендсен.

Тут вмешалась телефонистка, возмущаясь, что время разговора давно истекло. Джулиана повесила трубку и, забрав кошелек и два тома Оракула, направилась к буфетной стойке.

Заказав сандвич с кока–колой и закурив сигарету, она с ужасом осознала, что ничего не сказала миссис Абендсен об этом гестаповце, или эсэсовце, или кто он там — словом, о Джо Чиннаделла, которого она бросила в гостиничном номере.

«Забыла! — упрекнула она себя. — Напрочь вылетело из головы. Как это могло случиться? Должно быть, я спятила. Чокнутая дурища. Она бы мне просто не поверила», — попыталась успокоить себя Джулиана, но безуспешно. Она порылась в сумочке, ища мелочь для повторного звонка.

«Нет, — решила она, вставая из–за стола. — Сегодня больше не буду звонить. Сейчас чертовски поздно. Я устала, да и они, наверное, уже спят. Будь что будет». Она съела сандвич, выпила кока–колу и отправилась в ближайший мотель, где взяла номер и заснула, едва добравшись до постели.

Глава 14

«Ответа нет, — размышлял Тагоми. — Даже в Оракуле все непонятно. И все же мне предстоит жить дальше. День за днем. Надо снова обрести цель в жизни, хотя бы крошечную…»

Как обычно, он попрощался с женой и вышел из дому. Но на сей раз Тагоми направился не в «Ниппон Таймс Билдинг».

«Может, отдохнуть, развлечься? Съездить в парк Золотые Ворота, поглазеть на зверей и рыб? Побывать среди живых тварей, не умеющих думать, но способных радоваться? Да будет так.

Путь туда не близок и мне хватит времени для постижения внутренней правды. Если можно так выразиться. Но деревья и твари земные — безлики, а мне нужно ухватиться за человеческую жизнь. Или стать ребенком? Возможно, это и неплохой выход. Мне бы не повредило вернуться в детство».

Рикша бодро крутил педали, веломобиль ехал по Керни–стрит к деловому центру Сан–Франциско. «Прокатиться по канатной дороге? — подумал вдруг Тагоми. — Детское удовольствие в чистом виде — восхитительное путешествие на

транспортном средстве, которому полагалось бы исчезнуть еще в начале века, но которое, как ни странно, дотянуло до наших дней».

Он отпустил велотакси и направился к ближайшей вышке.

«Быть может, — думал он, — я никогда не вернусь в «Ниппон Таймс Билдинг» где пахнет смертью. Карьера окончена, но это пустяки. Мне найдут замену. Но человек по имени Тагоми все еще ходит, дышит, помнит каждую мелочь. Значит, еще не все закончено.

Впрочем, война — операция «Одуванчик» — всех нас сотрет с лица Земли. Что бы мы ни предпринимали. Те, на чьей стороне мы сражались в минувшую войну, стали нашими врагами. И какой нам от той бойни прок? Наверное, надо было драться не за, а против них. Или хотя бы помогать их врагам, Соединенным Штатам, Британии, России. Но что бы это изменило? Безнадежность, как ни крути. Мудрецы уходят из мира, и, возможно, это единственный выход. Увы, мы одиноки, нам неоткуда ждать помощи. Возможно, это и к лучшему, — решил Тагоми. — Человек должен найти свой путь».

Он сел в вагончик канатной дороги на Калифорния–стрит, проехал до конца и помог развернуть

вагончик на деревянном поворотном круге.

Вагончик, поскрипывая, повез его назад, Тагоми в задумчивости смотрел вниз. Из всех впечатлений от города это было для него самым ярким, но теперь опустошенность ощущалась еще резче.

Возле Стоктона он встал и двинулся к выходу. Его остановил возглас кондуктора:

— Ваш портфель, сэр!

— Спасибо. — Тагоми взял портфель и вышел. Вагончик лязгнул и двинулся дальше.

В портфеле лежал бесценный коллекционный кольт сорок четвертого калибра. Теперь Тагоми не расставался с оружием, на случай, если мстительные бандиты из СД захотят расквитаться с ним за смерть своих приятелей… всякое в жизни бывает. И все–таки Тагоми чувствовал, что это нарушение привычного течения жизни — какой бы ни была его подоплека — признак неврастении. «Не надо ей поддаваться, — убеждал он себя, шагая по тротуару с портфелем в руке. — Это не более чем навязчивая идея, мания преследования». Но избавиться от смутной тревоги не удавалось.

«Не я владею оружием — оружие владеет мной, — думал он. — Значит, я уже не испытываю перед ним восторга? Все мое существо восстает

против того, что я сделал. Исчезло не только преклонение перед этим культом — исчезла сама страсть к коллекционированию. Увы! Опора моей жизни, тихая гавань…»

Он остановил велотакси и велел рикше везти его на Монтгомери–стрит, к магазину Роберта Чилдэна.

«Утеряна ниточка, связывавшая меня с любимым занятием. Надо разобраться. Понять, что со мной случилось.

Возможно, удастся преодолеть страхи с помощью хитрости: обменять пистолет на другую старинную вещь. Для меня история этого револьвера слишком конкретна. В самом худшем смысле. Это воспоминание останется со мной, в моей психике, но для кого–нибудь другого револьвер будет самым обыкновенным предметом старины. Как только я избавлюсь от культа, все мои проблемы уйдут в прошлое, — решил Тагоми, чувствуя прилив сил. — Ибо дело не только в моей психике, но и — что полностью соответствует теории историчности — в самом револьвере. Мы с ним связаны».

Веломобиль подъехал к магазину.

«Я здесь столько всего приобрел, — подумал Тагоми, расплачиваясь с рикшей. — И для себя, и

для деловых подарков».

Он быстро вошел в магазин. У кассы стоял Чилдэн и протирал тряпкой какую–то вещицу.

— Мистер Тагоми, — поклонился Чилдэн.

— Мистер Чилдэн, — поклонился в ответ Тагоми.

— Какой сюрприз! Я весьма польщен. — Чилдэн вышел из–за прилавка.

Тагоми заметил перемену в хозяине магазина. «Какой–то он не такой, как всегда. Менее разговорчивый, что ли. Вот и хорошо, а то вечно болтает, суетится. А вдруг это дурной знак? Все может быть».

— Мистер Чилдэн, — заговорил Тагоми, ставя портфель на прилавок и расстегивая замок. — Мне бы хотелось обменять на что–нибудь другое вещь, купленную у вас несколько лет назад. Помнится, вы совершали подобные сделки.

— Да, — кивнул Чилдэн. — Но все зависит от ряда факторов. Например, от состояния вещи. — Он встревоженно посмотрел на посетителя.

Тагоми молча выложил тиковый футляр.

Некоторое время они разглядывали револьвер и жестяную коробочку, в которой недоставало боеприпасов. По лицу Чилдэна пробежала тень. «Не хочет, — догадался Тагоми. — Ну что ж, де-

лать нечего».

— Вы не заинтересовались? — спросил он.

— Нет, сэр, — твердо ответил Чилдэн.

— Не буду настаивать. — Тагоми почувствовал, как его покидают силы. «Сдаюсь, — с грустью решил он. — Увы, во мне силен уступчивый, слабовольный инь».

— Простите, мистер Чилдэн.

Тагоми поклонился и уложил револьвер в портфель. «Судьба. Придется жить с этой вещью».

— Вы огорчены, сэр? — спросил Чилдэн.

— Вы заметили? — досадуя на себя, произнес Тагоми.

— У вас есть какая–то особая причина продать эту вещь?

— Нет, — ответил Тагоми, пряча от чужих глаз частицу своего внутреннего мира, что надо было делать с самого начала.

Помедлив, Чилдэн произнес:

— Я… сомневаюсь, что этот револьвер куплен в моем магазине. Не могу его припомнить.

— Я в этом уверен, — сказал Тагоми. — Впрочем, не имеет значения. Пусть будет так, как вы решили. Я не в претензии.

— Позвольте показать вам новые поступления, — предложил Чилдэн. — Надеюсь, вы не

торопитесь?

В душе Тагоми всколыхнулось знакомое чувство.

— Что–нибудь интересное?

— Прошу вас, сэр. — Чилдэн подвел его к прилавку у противоположной стены. Под стеклом на черном бархате сверкали маленькие металлические завитушки самых замысловатых форм.

— Я показываю их каждому посетителю, — признался Чилдэн. — Вы знаете, что это такое, сэр?

— Похоже, бижутерия, — предположил Тагоми, угадав в одной из вещей брошь.

— Разумеется, это американские изделия, но они не старинные, сэр.

Тагоми поднял глаза.

— Сэр, это современное искусство. — Бледное, невыразительное лицо Роберта Чилдэна горело восторгом. — Перед вами — новая жизнь моей страны. Она начинается с крошечных всходов, ростков красоты.

Тагоми с деланным интересом перебрал безделушки.

«Да, — подумал он, — в них есть нечто новое, оживляющее. Закон Дао: повсюду еще господствует инь, а в темнейших глубинах уже вспыхивают первые искорки света. Так было, так будет. И

все же, к несчастью для нас обоих, я не могу, как Чилдэн, прийти в восторг от этих железок».

— Очень мило, — пробормотал он и положил украшения на прилавок.

С натугой в голосе Чилдэн заявил:

— Сэр, это не приходит сразу.

— Простите?

— Это надо увидеть сердцем.

— Вы обратились в новую веру, — заключил Тагоми. — Хотел бы и я тоже… Но увы — не могу. — Он поклонился.

— Кто знает, — задумчиво произнес Чилдэн, провожая его к выходу.

«Попытается продать мне что–нибудь», — решил Тагоми.

— Ваша убежденность сомнительна, — сказал он в дверях. — Мне кажется, вы избрали не самый верный путь.

На лице Чилдэна не было и тени прежнего раболепия.

— Простите, но я уверен в своей правоте. В этих вещах я отчетливо вижу крошечный зародыш будущего.

— Да будет так, — согласился Тагоми. — Но меня не вдохновляет ваш англосаксонский фанатизм. — Он чувствовал, как в душе торговца

пробуждается надежда. Его надежда, его вера в себя. — Всего доброго, — поклонился Тагоми. — На днях я к вам загляну — проверю, сбываются ли ваши пророчества.

Он взял портфель и двинулся прочь. «С чем пришел, с тем и ухожу. Ничего не обретя. Не представляя, с чем вернуться в мир. А что, если купить одну из тех странных безделушек причудливой формы? Подержать ее, рассмотреть повнимательнее, подумать… Может быть, со временем она подскажет мне путь? Сомнительно, правда… Такие вещи хороши для Чилдэна, а не для меня. И все же, если хоть один человек находит Путь… это говорит о том, что Путь существует. Пусть даже он сокрыт от моих глаз. Как я ему завидую».

Тагоми повернулся и пошел обратно. В дверях, следя за его приближением, стоял Чилдэн. Он и не уходил.

— Сэр, — обратился к нему Тагоми, — я куплю одно из этих украшений, на ваш выбор. Веры во мне нет, но сейчас я хватаюсь за каждую соломинку. — Вслед за Чилдэном он прошел магазин и приблизился к прилавку с бижутерией. — Я буду носить ее с собой и время от времени брать в руки. Скажем, раз в день. Если через два месяца я не…

— Вы сможете вернуть ее за полную стоимость, — пообещал Чилдэн.

— Благодарю. — Тагоми полегчало. «Иногда следует менять привязанности, — решил он. — В этом нет ничего предосудительного, напротив, это признак мудрости, правильного подхода к жизни».

— Вот это вас успокоит. — Чилдэн вручил ему серебряный треугольник, украшенный полыми шариками, внизу темными, сверху — яркими, полными света.

— Спасибо, — поблагодарил Тагоми.

Доехав до Портсмут–сквер, маленького открытого парка на склоне холма, Тагоми уселся на залитую солнцем скамью. По усыпанным гравием дорожкам в поисках крошек семенили голуби. На скамейке дремали или читали газеты люди, смахивающие на бродяг. Некоторые спали прямо на траве.

Достав из кармана бумажный пакетик с этикеткой магазина Р. Чилдэна, Тагоми посидел, греясь на солнце, затем открыл пакет и поднес покупку к глазам. Здесь, среди газонов, дорожек и стариков, ему предстояло внимательно изучить ее. Серебряный треугольник на его ладони сверкал в лучах полуденного солнца, преломляя и рассеи-

вая свет, словно хрустальная призма. Крошечная частица, объявшая целое. Магический слог Ом7, как говорят брамины.

Тагоми пристально вглядывался в предмет. «Что в нем главное? Размер? Форма? Придет ли ко мне озарение, как обещал Чилдэн? Сколько ждать? Пять минут? Десять? Времени немного, но я буду сидеть столько, сколько смогу. Прости меня. — Тагоми мысленно обратился к треугольнику. — Нас всегда тянет вскочить на ноги и действовать. Я смотрю на тебя с надеждой. С наивной верой ребенка, прижимающего к уху найденную на морском берегу раковину. Ухо вместо глаза. Мир сосредоточился для меня в одном маленьком кусочке металла. Войди в меня и поведай: куда? зачем? и почему?»

Нет ответа. Когда просишь слишком много, не получаешь ничего.

«Слушай, — вполголоса обратился он к треугольнику, — тот, кто продавал тебя, был щедр на обещания. А если встряхнуть тебя, как остановившиеся старые часы? Или как кости перед решающим броском?» — Он так и сделал.

«Как разбудить таящуюся внутри душу? Издеваться над нею подобно пророку Илии? Может, она спит? Или в дороге? Или занята чем–ли-

бо?»[66] — Тагоми еще раз изо всех сил встряхнул в кулаке серебряный треугольник — позвал его громче — и снова поднес к глазам.

«Моему терпению приходит конец. Ты пуста, маленькая безделушка. Отругать тебя? Испугать? А что потом? Выбросить в канаву? Дышать на тебя, встряхивать и снова дышать, пытаясь во что бы то ни стало получить ответ?»

Тагоми засмеялся: «Напрасный труд, спектакль для прохожих». Он смущенно огляделся. Но никто не смотрел на него. Старики дремали на скамейках. Тагоми облегченно вздохнул.

«Надо испробовать все: умолять, увещевать, угрожать, анализировать, наконец. Найти способ…

Впрочем, что толку? Треугольник отвергает меня. Может, потом? Нет. Уильям Гильберт[67] прав, каждая ситуация неповторима, шанс дается один раз.

Все это глупо. Я веду себя как ребенок. Но детство давным–давно позади. Надо искать в других царствах. Попробуем подобрать ключик с помо-

---

[66] Примечания: 66

Фразы из «Третьей книги Царств», 18, 27. Сцена, где пророки Ваала целый день взывают к своему богу, а пророк Илия смеется над ними.

[67] Примечания: 67

Гильберт Уильям (1544–1603) — английский физик и врач.

щью классической Аристотелевой логики. Цепь строгих рассуждений, ведущих к истине…»

Он сунул палец в правое ухо, чтобы заглушить отдаленный шум города, и, словно раковину, крепко прижал серебряный треугольник к левому.

Ни звука.

Ни плеска волн, ни рокота океанского прибоя, а по сути, отраженного шума пульсирующей крови.

Слушать бесполезно. Какое еще чувство может открыть тайну? Тагоми смежил веки и принялся ощупывать каждый миллиметр треугольника. И осязать нет смысла — пальцы ничего не сказали ему. Запах? Он поднес вещицу к носу. Слабый запах металла, и только. Тагоми положил треугольник на язык, покатал во рту как леденец. Ничего, кроме холодка металла.

Нет, все–таки — зрение. Высшее по античной шкале чувств.

Он снова держал треугольник на ладони.

«Что я должен увидеть? — спросил он себя. — Где путеводная ниточка к истине?»

— Сдавайся, — велел он серебряному треугольнику. — Выкладывай свою волшебную тайну.

«Лежит у меня на ладони, как лягушка, подня-

тая со дна пруда. Но эта лягушка непростая: она меняет форму, становится то куском глины, то камнем, то кристаллом. Возвращается к неживой первооснове. Металл добыт из земли, — рассуждал он. — Из царства тьмы, царства духов и сырых, темных пещер. Из мира инь в его самом буквальном смысле. Мира трупов, гниения и распада. Из мира вечного постоянства, из времени–которое–было».

Серебряный треугольник сверкал в солнечных лучах. Не сырой, не тусклый, не изъеденный временем, но пульсирующий жизнью и светом, почти неземной. Как и полагалось произведению искусства. Он принадлежал царству Неба, миру ян. Да, это дело рук Художника, взявшего из темных, холодных недр минерал и превратившего его в сияющую частицу неба.

Превратить мертвое в живое. Заставить труп сверкать красками жизни. Прошлое подчинить будущему.

«Кому ты принадлежишь? — спросил Тагоми серебряный треугольник. — Мертвому темному иню или живому яркому яну?»

Треугольник слепил его радужными лучами. Тагоми прищурился; с этого момента он видел только игру света.

«Тело — инь, душа — ян. Металл и свет, внешнее и внутреннее, микрокосм на моей ладони. Может, он скрывает тайну пространства? Тайну вознесения на небеса? Или времени? Светоносного изменчивого мира? Да!

Вот оно! Эта вещь раскрыла свою душу: свет. Мое внимание поглощено — я не в силах оторвать взгляд. Этот блеск завораживает… Теперь, когда ты поймала меня, поговори со мной, — попросил он. — Я хочу услышать твой голос, исходящий из чистого яркого света, который мы ожидаем встретить только после смерти, в мире, описанном «Бардо Тходол»8 — «Книгой Мертвых». Но я не хочу ждать смерти, распада моей личности. Не хочу скитаться в поисках нового материнского лона. Грозные и мирные божества, мы будем обходить вас. И мягкий дымный свет. И совокупляющиеся пары. Все, кроме чистого, яркого света. Я готов без страха устремиться к нему9.

Я чувствую манящие меня горячие ветры кармы.[68] И все–таки остаюсь на месте. Мне было дано знание Великого Освобождения, я и не зажмурюсь, не кинусь прочь от невыносимо сле-

[68] Примечания: 68

Карма — одно из кардинальных положений философской мысли Востока. Сумма добрых и злых дел человека, определяющая форму последующего перерождения.

пящего света, ибо если это сделаю, я снова войду в круг сансары, не зная свободы, не ведая отдыха. Вуаль майи[69] падет снова, если я…»

Свет исчез. Тень заслонила солнце.

Он держал в руке обыкновенный серебряный треугольник.

Тагоми поднял глаза: возле скамейки, улыбаясь, стоял высокий полицейский — почему–то в синей форме.

— В чем дело? — недовольно спросил Тагоми.

— Ни в чем. Я просто смотрел, как вы возились с безделушкой.

— Безделушка? — глухо переспросил Тагоми. — Нет, вы ошибаетесь.

— Почему ошибаюсь? У моего сынишки полно таких игрушек.

Полицейский пожал плечами и двинулся дальше. «Отнят мой шанс на нирвану, — с внезапной яростью подумал Тагоми. — Отнят белым неандертальцем–янки. Этот недочеловек решил, будто я забавляюсь детской игрушкой!»

Поднявшись со скамейки, он сделал несколько неуверенных шагов.

---

[69] Примечания: 69

Майя — эманация Брахмана, мнимая материальная причина мира, благодаря которой окружающий нас иллюзорный мир кажется нам реально существующим. В общем смысле — иллюзия.

«Дикие, необузданные страсти бушуют в моей груди. Необходимо успокоиться. Избавиться от недостойных меня расистских, шовинистических мыслей. Двигайся, — внушал он себе. — Катарсис в движении».

Он вышел за ограду парка на Керни–стрит. Шумный поток транспорта.

Тагоми остановился у края тротуара. «Ни одного велотакси. Когда надо, их ни за что не поймаешь».

Тагоми присоединился к толпе пешеходов.

«Боже, что это?!» — Он замер, уставившись на чудовищную бесформенную громаду, нависавшую над крышами зданий.

— Что это? — повернулся он к прохожему, указывая на сооружение.

— Это? Эмбаркадеро, многопутная дорога. Жутковато, правда? Многие говорят, что она паршиво смотрится.

— Никогда ее раньше не видел.

— Вам повезло, — хмыкнул прохожий и пошел дальше.

«Безумный сон, — подумал Тагоми. — Надо проснуться. Куда подевались велотакси?»

Он пошел быстрее. Все вокруг имело блеклый, могильный оттенок. Серые дома, запах гари,

усталые, помятые лица. И ни одного велотакси. Только машины и автобусы. Автомобили, как огромные чудовища, все незнакомых моделей. Он старался не замечать их — смотрел только вперед.

«Нарушение зрительного восприятия в обостренной форме. Утрачено чувство пространства — даже линия горизонта искажена, размыта. Это похоже на астигматизм. Нужно передохнуть. Вот и закусочная».

Тагоми распахнул деревянные створки дверей. Внутри одни белые. Запах кофе. В углу надрывается музыкальный автомат. Тагоми поморщился и направился к грязной стойке. Все места заняты. Он громко попросил уступить место. Несколько посетителей оглянулись, но никто не шелохнулся!

— Я настаиваю! — громко сказал Тагоми ближайшему белому. Нет, не сказал — крикнул в ухо.

Тот поставил чашку и усмехнулся:

— Ишь ты…

Тагоми огляделся: все смотрели на него с нескрываемой враждебностью. И никто не шевелился. «Словно я уже в бардо. Меня овевают горячие ветры кармы, окружают видения, кто

знает, откуда они? Может ли человек вынести такую враждебность? «Книга Мертвых» предупреждает после смерти ты будешь видеть других людей, но никто не протянет тебе руку помощи. Ты будешь одинок среди толпы, будешь скитаться в царствах страдания и печали, готовых поглотить твой мятущийся, растерянный дух…» Он поспешно вышел из закусочной. Дверь со скрипом затворилась за его спиной.

Тагоми снова стоял посреди тротуара.

«Где я? Вне своего мира, вне своего пространства и времени? Серебряный треугольник разрушил мою реальность. Меня сорвало с якоря и несет неведомо куда… Перестарался. Хороший урок для меня. Человек пытается вступить в борьбу со своими переживаниями — зачем? Разве он не обречен потеряться в одиночестве, заблудиться без проводника в неведомых мирах?

Это все треугольник. Сознание растворилось настолько, что оказалось возможным появление этой сумеречной страны. Мы воспринимаем мир субъективно, архетипически. Реальное в нашем видении полностью сливается с чем–то подсознательным. Типичный самогипноз. Надо прервать это жуткое скольжение среди теней, заново сосредоточиться и восстановить естественное

мировосприятие. Где серебряный треугольник? — Он пошарил в карманах. — Исчез! Остался в парке вместе с портфелем! Катастрофа!»

Тагоми бросился обратно в парк. Сонные старики провожали его взглядами. Вот та скамейка, а на ней — портфель. И ни следа треугольника. Тагоми растерянно пошарил глазами вокруг.

Вот он! Лежит в траве, там, где он уронил его, разозлившись на полицейского.

Тагоми уселся на скамейку, тяжело дыша после бега.

«Надо сосредоточиться на треугольнике, — сказал он себе, отдышавшись. — Забыть обо всем и считать. До десяти. Потом будоражащий возглас, «Erwache!“,[70] например. Все это идиотский сон наяву, — думал он. — Я впал в детство, увлекся ребячьими играми, отнюдь не такими невинными, как кажется. Ни Чилдэн, ни художник, создавший эту вещь, тут ни при чем. Во всем виноват я сам, моя жадность. К пониманию нельзя принудить».

Он медленно сосчитал до десяти и вскочил.

— Бред собачий! — бросил он.

«Туман рассеялся? Наваждение исчезло? — Он огляделся. — Вероятно. Вот когда можно по досто-

---

[70] Примечания: 70
Проснись *(нем.).*

инству оценить меткое высказывание Апостола Павла. «Видеть как бы сквозь тусклое стекло«9 — это не метафора, но мудрое предостережение о возможных нарушениях восприятия действительности. В общем–то, мы и в самом деле видим астигматически. Пространство и время — суть творения нашей психики, и когда они хоть на мгновение пошатнутся — это как острое расстройство вестибулярного аппарата. Мы внезапно кренимся, чувство равновесия исчезает, все кружится…»

Тагоми уселся, спрятал серебряный треугольник в карман пальто. «Надо пойти и взглянуть на то отвратительное сооружение — как его назвал прохожий?.. многопутную дорогу Эмбаркадеро. Если оно не исчезло».

Но Тагоми боялся.

«Не могу же я здесь сидеть вечно, — убеждал он себя. — Надо двигаться, действовать! «Время — деньги» как гласит американская поговорка. Дилемма».

Два китайчонка, громко шаркая, шли мимо. С шумом вспорхнула стая голубей.

— Эй, мальчуганы! — окликнул их Тагоми и сунул руку в карман. — Подойдите сюда.

Мальчишки недоверчиво приблизились.

— Вот десять центов. — Тагоми бросил монетку. — Идите на Керни–стрит и поглядите, есть ли там велотакси.

— А дадите еще десять центов, когда вернемся? — спросил мальчуган постарше.

— Да, — сказал Тагоми. — Только вы должны сказать правду.

Мальчишки со всех ног припустили по дорожке.

«Если велотакси нет, — подумал Тагоми, — мне останется отыскать укромное местечко и застрелиться. — Он раскрыл портфель. — Револьвер на месте, значит, проблем не будет».

Мальчишки примчались обратно.

— Шесть! — крикнул один. — Я насчитал шесть!

— А я — пять! — воскликнул второй, задыхаясь после быстрого бега.

Тагоми дал каждому по монетке.

«Назад в офис. Окунуться в работу. — Он поднялся. — Долг зовет. Сегодня обычный трудовой день».

Он снова вышел на тротуар.

— Такси!

Из потока транспорта вынырнуло велотакси. Смуглое лицо рикши блестело от пота, грудь

вздымалась.

— Да, сэр?

— В «Ниппон Таймс Билдинг», — приказал Тагоми, устраиваясь поудобнее.

Изо всех сил нажимая на педали, рикша помчал его среди веломобилей и автомашин. Незадолго до полудня Тагоми вошел в «Ниппон Таймс Билдинг» и сразу позвонил Рамсею.

— Это Тагоми, — кратко сказал он.

— Доброе утро, сэр! Счастлив слышать вас! Мы уже начали беспокоиться. В десять я звонил вам домой, но ваша супруга сказала, что вы ушли…

— Беспорядок устранен?

— Полностью, сэр.

— Вы уверены?

— Даю слово, сэр.

Успокоившись, Тагоми повесил трубку и направился к лифту.

Войдя в офис, он позволил себе беглый осмотр. Рамсей не обманул — все чисто. Тагоми вздохнул с облегчением. Те, кто не присутствовал при вчерашних событиях, ни за что не догадаются, что здесь происходило еще недавно. Лишь линолеум пола хранит память…

В кабинете его встретил Рамсей.

— Ваша храбрость удостоена панегирика на

первой полосе «Таймс»! — воскликнул он. — Там сказано… — Заметив выражение лица Тагоми, он умолк.

— Вначале о деле, — сказал Тагоми. — Как генерал Тедеки? То есть бывший мистер Ятабе?

— В пути. Летит в Токио секретным авиарейсом. — Рамсей скрестил средний и указательный пальцы от сглаза.

— А что с мистером Бэйнсом?

— Не знаю. Он заходил тайком и ненадолго, пока вы отсутствовали, но ничего не сказал. — Помедлив, секретарь добавил: — Возможно, вернулся в Германию.

— Ему было бы гораздо лучше на Родных островах, — задумчиво пробормотал Тагоми, обращаясь в основном к себе. — Ну и ладно. Все это касается старого генерала и тех, кто стоит за ним. Это вне моей компетенции. Мной и моим офисом просто воспользовались. Так было удобно и целесообразно. Я был их… как это называется? Крышей, ширмой, скрывающей истину.

«Как странно, — размышлял он. — Порой видимое служит лишь декорацией, скрывающей действительность. Вроде картонного фасада. И в этом, если постичь иллюзорность всего нашего мира, можно найти частичку сатори. Понять

можно только целое. Ничего, даже иллюзию, нельзя отбрасывать. Какая грандиозная вырисовывается картина…»

Появилась бледная, взволнованная Эфрикян.

— Мистер Тагоми, я к вам…

— Успокойтесь, мисс. Не надо так нервничать. — «Поток времени несет нас», — подумал он.

— Сэр, в приемной немецкий консул. Хочет говорить с вами. Утверждает, что приходил раньше, но не застал…

Тагоми жестом приказал ей замолчать.

— Мистер Рамсей, напомните, пожалуйста, как зовут консула.

— Барон Гуго Рейс, сэр.

— Благодарю. — «Возможно, Чилдэн оказал мне услугу, не взяв револьвер обратно?» — мелькнула мысль.

Прихватив портфель, Тагоми вышел из кабинета.

В коридоре курил подтянутый, хорошо одетый белый. Коротко остриженные соломенные волосы, блестящие черные полуботинки, военная выправка. Тонкий женский мундштук слоновой кости в зубах. Он, никаких сомнений.

— Герр Рейс? — спросил Тагоми.

Немец поклонился.

— До сего дня я имел с вами деловые контакты по почте и телефону, но видимся мы впервые, — сказал Тагоми.

— Это честь для меня. — Рейс двинулся к нему. — Даже учитывая досадные обстоятельства…

— Надо думать.

Немец поднял бровь.

— Боюсь, «досадными обстоятельствами» вам тут не отделаться. Хрупкий сосуд моей души разбит — так будет точнее.

— Да, это ужасно. — Рейс покачал головой. — Когда я впервые…

— Прежде чем затянете литанию, позвольте мне сказать.

— Ну конечно.

— Я самолично пристрелил двух ваших негодяев.

— Полицейский департамент Сан–Франциско поставил меня в известность о происшествии. — Рейс выпустил облако сигаретного дыма. — Я побывал в участке на Керни–стрит и в морге. И конечно, прочитал интервью, данное вашими сотрудниками корреспондентам «Таймс». Все это весьма печально…

Тагоми молчал.

— Тем не менее, — продолжал Рейс, — не установлено никакой связи между хулиганами, учинившими здесь погром, и Рейхом. Германское правительство не имеет к случившемуся никакого отношения. Вы действовали совершенно правильно, мистер Тагори.

— Тагоми.

— Да, Тагоми. Давайте пожмем друг другу руки и забудем этот досадный инцидент. В нынешние трудные времена любая безответственная публикация может воспламенить умы, повредить интересам наших великих наций.

— Тем не менее на моей совести кровь, герр Рейс, — сокрушенно покачал головой Тагоми. — А кровь не чернила, ее не так легко смыть.

Консул был явно раздосадован.

— Я жажду забвения, — продолжал Тагоми. — Но вы не сможете мне его дать. И похоже, никто не сможет. Я собираюсь перечесть дневник знаменитого массачусетского проповедника Гудмена Мэзера.[71] То место, где говорится о геенне огненной.

---

[71] Примечания: 71

Гудмен Коттон Мэзер — бостонский религиозный деятель и писатель XVIII века. Придерживался крайних пуританских взглядов, но при этом покровительствовал наукам, например одобрял прививки от оспы.

Консул вновь закурил, пристально глядя на Тагоми.

— Позвольте заверить вас, консул, что ваша нация дошла до крайней степени подлости. Вам знакома гексаграмма «Бездна»? Как частное лицо, а не как представитель японского правительства, я говорю: сердцу больно от ужаса. Грядет вселенская кровавая баня. Но даже сейчас вы не можете забыть свои мелкие, эгоистичные интересы. Соперничество с СД, не так ли? Решили все свалить на Кройца фон Меере? — Тагоми запнулся — сдавило грудь. «Астма, — мелькнула мысль. — Как в детстве, когда я сердился на мать». — Я страдаю от болезни, которая не давала о себе знать многие годы, — пояснил он Рейсу. — Она приняла опасную форму в тот день, когда я услышал рассказ о деяниях ваших лидеров. Болезнь, увы, неизлечима. Вы тоже больны, сэр. Говоря словами Гудмена Мэзера, если я их правильно вспомнил: «Кайся, грешник!»?

— Вы их правильно вспомнили, — хрипло произнес немец и дрожащими пальцами достал новую сигарету.

Появился Рамсей с пачкой документов.

— Пока консул здесь, один незначительный вопрос, относящийся к его компетенции. — Он

протянул бумаги Тагоми, который пытался справиться с приступом удушья. Тагоми машинально взял бумаги. Форма 20–50. Запрос из Рейха через официального представителя ТША консула фрейгерра Гуго Рейса с просьбой о выдаче уголовного преступника, задержанного полицией Сан–Франциско. Фрэнк Финк, еврей по национальности, гражданин Германии. В соответствии с законом Рейха передать попечению таможенной службы и так далее. Тагоми перечел документ.

— Ручку, сэр? — Протягивая авторучку, Рамсей с омерзением глядел на консула.

— Нет! — Тагоми вернул Рамсею форму 20–50. Затем схватил снова и написал внизу: «Отказать. Торговый атташе Японии в Сан–Франциско. Основание — военный протокол 1947 года. Тагоми». Он сунул одну копию Рейсу, другую, вместе с оригиналом, — секретарю. — Всего хорошего, герр Рейс. — Тагоми поклонился.

Немецкий консул поклонился в ответ. Он едва взглянул на бумагу.

— В будущем, пожалуйста, старайтесь обходиться без личных визитов. Пользуйтесь такими быстродействующими средствами связи, как почта, телефон, телеграф, — продолжал Тагоми.

— Вы хотите взвалить на меня ответственность

за дело, которое не имеет никакого отношения к моему ведомству. — Консул нервно затянулся сигаретой.

— Дерьмо собачье — вот что я вам на это скажу.

— Цивилизованные люди так не выражаются, — огрызнулся Рейс. — Ваши слова продиктованы раздражением и желанием отомстить. Тогда как сейчас от вас требуются выдержка и осмотрительность. — Он швырнул окурок на пол, повернулся и пошел прочь.

— Забери свой вонючий окурок! — слабо выкрикнул ему вслед Тагоми. Но консул уже скрылся за дверью. — Ребячество. Вы были свидетелем моего возмутительного ребячества, — печально сказал Тагоми Рамсею и нетвердым шагом направился в кабинет. У него окончательно перехватило дыхание. Боль потекла вниз по левой руке, одновременно невидимый кулак двинул по ребрам.

— О–о–ох! — Тагоми схватился за бок, перед глазами полыхнул сноп искр. — Помогите, мистер Рамсей! — прошептал он. Но не услышал ответа. — Пожалуйста… — Он споткнулся, вытянул руку, хватая пустоту. Падая, Тагоми сжал в кармане серебряный треугольник.

«Ты не спас меня, — подумал он. — Не помог. Все напрасно». В ноздри ударил запах ковра. «Кажется, я заработал небольшой сердечный приступ, — с испугом подумал Тагоми. — Необходимо восстановить равновесие». Он почувствовал, как его подняли и понесли.

— Все в порядке, сэр, — сказал кто–то.

— Сообщите жене, пожалуйста, — прошептал Тагоми. Его уложили на кушетку. Он услышал далекую сирену «скорой помощи», шарканье ног. С него сняли галстук, расстегнули воротник сорочки, укрыли одеялом.

— Мне лучше, спасибо, — сказал Тагоми. Он лежал на кушетке, пытаясь не шевелиться. «Карьере конец, — сокрушенно решил он. — Немецкий консул наверняка поднимет шум, нажалуется на мое хамство. И не без причин. Как бы там ни было, я сделал все, что в моих силах. Остальное — дело Токио и заинтересованных кругов в Германии. Я вышел из игры. Вначале были пластмассы, — подумал он. — Всего–навсего пластмассы. Солидный бизнесмен. Оракул, правда, намекнул, но…»

— Снимите с него рубашку, — приказал кто–то. Очень властный тон. Несомненно, врач. Тагоми улыбнулся. Тон — это все.

«Мне действительно пора в отставку, — решил он, — сегодняшний приступ — серьезное предупреждение. Мое тело предупреждает меня, и я должен уступить.

Что сказал Оракул, когда два мертвеца лежали на полу, а я судорожно искал поддержки?

Шестьдесят один, «Внутренняя правда». *«Даже вепрям и рыбам — счастье! Благоприятен брод через великую реку. Благоприятна стойкость».* Вепри и рыбы — самые глупые существа, их труднее всего убедить. Таков и я. Книга подразумевает меня. Я ничего не решаю окончательно. Такова моя нелепая натура… А может, сейчас мне открывается внутренняя правда? Подождем. Поглядим…»

* * *

В тот вечер, сразу после обеда, дежурный полицейский офицер отворил дверь камеры Фрэнка и велел ему собираться.

…Вскоре Фрэнк стоял на тротуаре Керни–стрит посреди обтекающей его толпы. Было холодно. Перед зданиями лежали длинные тени. Мимо проносились сигналящие машины и автобусы; кричали рикши. Фрэнк постоял, затем вместе с толпой пешеходов машинально пересек улицу.

Он размышлял над случившимся и ничего не

понимал. «Внезапно арестовывают и так же внезапно отпускают…» Ему ничего не объяснили, просто отдали узелок с одеждой, бумажник, часы, очки, и старый пьянчуга–охранник вывел его за ворота.

«Почему меня выпустили? — думал он. — Чудо? Или счастливая случайность? По логике, мне следовало бы сейчас лететь в Германию на казнь».

Он брел мимо ярких витрин магазинов, распахнутых дверей баров, перешагивал через обрывки бумаги и прочий мусор, гонимый ветром.

«Словно заново родился, — размышлял Фрэнк. — Почему? Как? Черт побери, так оно и есть — подарили вторую жизнь! И что я должен теперь делать? Молиться? Кому? Хотел бы я знать… и понимать».

Но он чувствовал, что никогда не поймет.

«Просто радуйся, — сказал он себе. — Думай, двигайся — живи. Назад, к Эду, — мелькнуло в голове. — Вернуться в подвал, в мастерскую. Делать украшения. Трудиться не покладая рук. И не надо ничего понимать».

Он стремительно шагал по улицам ночного города. Назад в привычный, понятный мир.

Войдя в подвал, он застал своего компаньона за ужином: два сандвича, термос с чаем, бананы

и несколько домашних пирожков. Маккарти жевал и глотал с ритмичностью автомата. Возле него стоял включенный электрокамин. Фрэнк сел рядом и протянул к обогревателю озябшие руки.

— Значит, вернулся. Молодец. — Оторвавшись от еды, Маккарти хлопнул Фрэнка по спине. Больше он ничего не сказал. Тишина нарушалась лишь гудением электрокамина да чавканьем Маккарти.

Сбросив пальто на спинку кресла, Фрэнк набрал пригоршню недоделанных серебряных звеньев и высыпал рядом со шлифовальным станком. Надел на ось круг, обтянутый сукном, включил мотор, надвинул на глаза щиток и принялся шлифовать звенья. Одно за другим.

Глава 15

В эту минуту капитан Рудольф Вегенер, путешествующий под именем Конрада Гольца, оптового торговца лекарствами, глядел в иллюминатор ракетоплана. Впереди показалась Европа. «Как быстро, — подумал он. — Минут через восемь приземлимся в Темпельхофе. Интересно, достиг ли я цели? Теперь все зависит от генерала Тедеки. От того, как он поведет себя на Родных островах. Во всяком случае, мы сделали все, что могли. Но повода для оптимизма пока нет. Вдруг японцы не сумеют повлиять на германскую внешнюю политику? Правительство Геббельса скорее всего удержится у власти. Окрепнув, оно вспомнит об «Одуванчике» и тогда половина планеты превратится в безжизненную пустыню. Рано или поздно нацисты уничтожат всех нас. Они могут: у них есть водородная бомба. И они добьются своего, ибо их мышление устремлено к Gätterdämmerung.[72]

---

[72] Примечания: 72

Гибель Богов *(нем.).* Название 4–й части «Кольца Нибелунгов», монументальной оперы Р. Вагнера, воспевающей величие германского духа. Намек на роковую гибель главных героев оперы в финале.

Что оставит после себя Третье Мировое Безумие? Наступит ли конец вообще всякой жизни? Мертвая планета — чудовищный итог нашей эволюции?..»

Он не мог, не хотел в это верить.

«Невозможно, чтобы наш мир был единственным, должны существовать другие миры, в другой галактике или ином измерении, невидимые для нас, неведомые, непостижимые. Даже если на Земле жизнь прекратится, где–то останется другая жизнь, другой разум, мудрее нашего. Я не могу доказать, но верю, хотя это и нелогично».

— Meine Damen und Herren. Achtung, bitte![73] — прокаркал громкоговоритель.

«Скоро приземлимся, — подумал капитан Вегенер. — Меня наверняка поджидают. Вопрос только в том, чья группировка готовит встречу — Геббельса или Гейдриха? Допустим, Гейдрих жив. Хотя, пока я летел, его вполне могли устранить. В смутное время в тоталитарном обществе такое случается быстро...»

Несколькими минутами позже он двигался к выходу в толпе пассажиров. Но на этот раз среди них не было молодого нацистского художника.

---

[73] Примечания: 73
Дамы и господа. Прошу внимания! *(нем.)*

«Некому изводить меня идиотскими суждениями», — устало подумал Вегенер. У трапа, чуть в стороне, стояла группа людей в черной форме. «За мной?»

Вегенер медленно спустился по трапу. Далеко впереди кричали и махали руками встречающие. Один из чернорубашечников, плосколицый белобрысый парень с опознавательными знаками Ваффен–СС, шагнул к Вегенеру, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Ich bitte mich zu entschuldigen. Sind Sie nicht Kapitan Rudolf Wegener, von der Abwehr?[74]

— Извините, — ответил Вегенер. — Вы ошиблись. Я — Конрад Гольц, представитель «А.Г. Хемикален». — Он двинулся дальше.

Навстречу ему шагнули еще двое эсэсовцев. Все трое обступили Вегенера, так что, двигаясь в выбранном направлении, он оказался под охраной. У двоих эсэсовцев под плащами были автоматы.

— Вы — Вегенер, — сказал первый, когда они вошли в здание аэровокзала.

Он промолчал.

— Вас ждет машина, — продолжал эсэсовец. — Нам приказано встретить вас и немедленно

---

[74] Примечания: 74
Прошу прощения, вы не капитан Рудольф Вегенер из абвера? *(нем.)*

препроводить к рейхсфюреру СС Гейдриху в штаб–квартиру дивизии «Лейбштандарт». Кроме того, мы должны охранять вас…

«Чтобы меня не перехватили молодчики из Партай, — добавил про себя Вегенер. — Значит, Гейдрих жив и не смещен. Сейчас он пытается укрепить свое положение в правительстве Геббельса. Вполне возможно, что в конце концов нынешний кабинет падет, — размышлял он, усаживаясь в черный штабной «даймлер» — Однажды ночные улицы заполнят патрули Ваффен–СС. Из полицейских участков ринутся толпы чернорубашечников. Будут захвачены радиостанции, телеграфы, отключена электроэнергия, закрыт Темпельхоф. Громыхание сапог по берлинской брусчатке… Но, в сущности, что это изменит? Даже если доктор Геббельс будет свергнут, они все равно останутся: чернорубашечники, Партай, планы войны не с Востоком, так с чем–нибудь еще. Например, с Марсом или Венерой. Неудивительно, что Тагоми не выдержал, — подумал он. — Жестокая дилемма нашего существования. Как бы ты ни поступил, в итоге это окажется злом. Тогда зачем сопротивляться? Зачем выбирать, когда все альтернативы — ложны?.. И все–таки мы будем бороться. День

за днем. Сейчас — против операции «Одуванчик» потом — против полиции. Нельзя уничтожить все зло сразу. Это долгий процесс. Мы можем лишь делать выбор на каждом шаге. И надеяться. Возможно, в каком–нибудь другом мире все по–другому. И жизнь состоит из ясных альтернатив. Черно–белый мир без оттенков и переходов.

Увы, мы живем не в идеальном обществе, где истина ясна, поскольку ясны ее критерии. Где можно быть правым без особых усилий, поскольку ясно, что значит быть правым».

«Даймлер» взревел и рванулся с места.

«Предположим, это ловушка, — думал Вегенер, зажатый на заднем сиденье охраной; автоматы лежали у эсэсовцев на коленях. — Меня везут не к Гейдриху, а в застенок Партай, чтобы вытянуть сведения и прикончить. Но я сделал выбор: предпочел рискнуть, вернуться в Германию. Смерть — вот путь, который открыт для нас всегда, на любом шаге. И постепенно мы приближаемся к ней, сами того не желая. Или, напротив, сдаемся и выбираем смерть сознательно».

Черный автомобиль мчал его по берлинским улицам.

«Вот я и дома, — подумал Вегенер. — Мой

Volk,[75] я снова с тобой».

— Какие новости? — обратился он к охране. — Я отсутствовал несколько недель, уехал еще до смерти Бормана. Есть ли перемены в политической ситуации?

Эсэсовец справа ответил:

— Есть, и большие. Были громкие митинги в поддержку Маленького Доктора. В сущности, к власти его привела толпа. Когда народ опомнится, то вряд ли потерпит урода и демагога. Геббельс держится только на умении ложью и пустословием воспламенить энтузиазм масс.

— Ясно, — кивнул Вегенер.

«Грызня продолжается, — подумал он. — Возможно, семена зла вот–вот дадут всходы, и тогда монстры сожрут друг друга, а мы останемся. Будем надеяться, нас уцелеет достаточно, чтобы начать все сначала. Чтобы строить и думать о будущем…»

В час дня Джулиана Фринк добралась до Шайенна. В центре города, возле огромной железнодорожной станции, она купила две дневные газеты и, просматривая их, наткнулась на заметку:

---

[75] Примечания: 75
Народ *(нем.)*.

ОТПУСК ЗАВЕРШАЕТСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМ УДАРОМ

Джулиана Чиннаделла подозревается в убийстве своего мужа Джо Чиннаделла. По свидетельству служащих денверской гостиницы «Президент Гарнер», она покинула отель сразу после того, как разыгралась кровавая драма. В номере найдена распечатанная упаковка бритвенных лезвий. Очевидно, одним из них и воспользовалась миссис Чиннаделла, по описаниям привлекательная, хорошо одетая брюнетка лет тридцати. Тело ее мужа с перерезанным горлом обнаружил Теодор Террис, служащий гостиницы, который всего получасом ранее забрал у клиента рубашки на глаженье и вернулся, как было договорено. По словам полицейских, в номере остались следы борьбы, что дает основания предположить...

«Значит, он умер, — подумала Джулиана, складывая газету. — Но у полиции даже нет моей настоящей фамилии, обо мне ничего не знают».

Почти успокоенная, она ехала, пока не наткну-

лась на сносный мотель. Джулиана сняла номер и перенесла туда свертки из машины. «Теперь ни к чему торопиться, — решила она. — Можно дождаться вечера, чтобы был повод наведаться к Абендсенам в новом платье. И книгу успею дочитать».

Она не спеша разложила вещи, включила радио, заказала по телефону кофе, затем юркнула в чистую постель с новым экземпляром «Саранчи», купленным в денверской гостинице.

В седьмом часу вечера Джулиана захлопнула книгу.

«Интересно, успел ли Джо ее дочитать? — подумала она. — Похоже, он так ничего и не понял. В ней заключен гораздо более глубокий смысл, чем кажется. И суть тут не в придуманном мире. Бьюсь об заклад, никто, кроме меня, не понял «Саранчу“. Людям просто кажется, что они поняли».

Джулиана убрала книгу в чемодан, надела шубку и отправилась обедать.

Воздух был свеж и чист, рекламные надписи и фонари Шайенна казались особенно яркими. Мимо проносились сверкающие лаком машины. Напротив бара ссорились две хорошенькие черноглазые индианки–проститутки.

Замедлив шаг, Джулиана любовалась картиной

ночного города, создававшей атмосферу праздника, атмосферу, не имеющую ничего общего с нудным, надоевшим, с такой легкостью отвергнутым ею прошлым.

Джулиана остановила свой выбор на дорогом французском ресторане, возле которого скучал служащий в белой ливрее и где на каждом столике стоял огромный винный кубок с горящей внутри свечой, и масло подавалось не порционными кубиками, а в большой мраморной масленке. С аппетитом пообедав, она не спеша поехала в мотель. Банкноты Рейхсбанка почти кончились, но это ее не огорчало.

«Он поведал нам о своем видении мира, — подумала она, отворяя дверь номера. — Нашего. Того, который нас окружает. Он хотел, чтобы мы тоже увидели. И он добился своего, я с каждой минутой вижу мир все отчетливее». Расстелив на кровати голубое итальянское платье, Джулиана убедилась, что оно не пострадало, но, распаковав остальные свертки, обнаружила, что оставила в Денвере новый лифчик.

«Черт с ним. — Она села в кресло и закурила. — Попробую надеть с обычным бюстгальтером. — Она скинула блузку и юбку и примерила платье. Но бретельки и верхние половинки ча-

шечек бюстгальтера выглядывали, так что этот вариант отпадал. — Можно, наверное, обойтись и вовсе без него, — подумала она — Хотя я уже много лет не ходила…» — Это напомнило юность, когда у нее был маленький бюст. Вспомнив, она даже расстроилась. Но возраст и дзюдо сделали свое дело.

Джулиана примерила платье без бюстгальтера и встала на табурет в ванной, чтобы увидеть себя в зеркале шкафчика. Платье смотрелось просто потрясающе, но, Боже мой, было слишком вызывающим. Достаточно наклониться с сигаретой к огоньку и…

Брошь! Она позволит поднять вырез и обойтись без бюстгальтера. Вытряхнув на кровать содержимое своей шкатулки, Джулиана перебрала броши, подаренные Фрэнком и другими мужчинами еще до женитьбы. Память былых времен. Была тут и новая брошь, купленная Джо в Денвере. Да, небольшая мексиканская брошка в виде лошади подойдет.

«Хоть какая–то польза от прошлого, — сказала она себе. — Осталось так мало хороших воспоминаний».

Она долго и тщательно делала прическу, затем выбрала сережки и туфли, надела шубку, взяла

сумочку и покинула номер.

Вместо того чтобы сесть в старенький «студебеккер», она поручила владельцу мотеля заказать такси. Пока Джулиана ждала в холле, ей пришло в голову позвонить Фрэнку. «Почему бы и нет? — спросила она себя. — Возможно, даже платить не придется — Фрэнк так обрадуется звонку, что будет счастлив оплатить разговор».

Джулиана заказала номер и, затаив дыхание, прислушалась к переговорам далеких телефонисток. Вначале местных, затем во Фриско. В трубке долго шуршало и потрескивало, наконец раздались гудки. В ожидании ответа она посмотрела в окно. «В любую минуту может появиться такси, — подумала она. — Впрочем, не важно — шофер подождет».

— Ваш номер не отвечает, — сказала шайеннская телефонистка. — Я могу повторить вызов…

— Не надо. — Джулиана мотнула головой. В конце концов это был всего лишь каприз. — Спасибо. — Она повесила трубку и решила подождать такси на улице. Возле нее остановилась сияющая новенькая машина. Водитель торопливо вышел, обогнул такси и распахнул дверцу.

Мгновение спустя роскошный «кадиллак» помчал Джулиану по улицам Шайенна к Абенд-

сенам.

Дом Абендсенов — одноэтажный особняк, окруженный пышно разросшимися кустами и клумбами с розами — был ярко освещен. Джулиана услышала музыку и голоса. Идя по мощенной гравием дорожке, она думала: «Не ошиблась ли я адресом? Неужели это и есть Высокий Замок? А как насчет слухов и легенд?» Дом оказался обыкновенным, хотя и был довольно красив, а парк — идеально ухожен. Рядом с домом, под навесом, она заметила детский велосипед. Может, это не тот Абендсен? Адрес она нашла в шайеннском телефонном справочнике.

Джулиана взошла на крыльцо с чугунными перилами и нажала кнопку звонка. Дверь была приоткрыта. Она увидела гостиную, людей, венецианские занавеси на окнах, пианино, камин, книжные шкафы… «Красивая обстановка, — подумала она. — Что у них сегодня? Прием? Нет, все одеты неофициально».

Дверь распахнул взъерошенный мальчуган лет тринадцати в тенниске и джинсах.

— Да?

— Мистер Абендсен дома? Он не занят? — спросила Джулиана.

— Мама! — позвал мальчик. — Тут к папе при-

шли!

К двери подошла рыжеволосая женщина лет тридцати пяти с проницательными серыми глазами и улыбкой столь доброжелательной и располагающей, что Джулиана сразу поняла: это Кэролайн Абендсен.

— Я звонила вчера вечером, — сказала она.

— Да, да, я помню. — Улыбка миссис Абендсен стала еще шире. У нее были идеальные ровные белые зубы. «Ирландка, — подумала Джулиана. — Только ирландская кровь может придать форме рта такую женственность».

— Позвольте вашу сумочку и пальто. Вы пришли как раз вовремя. У нас собрались друзья. Какое восхитительное платье! От Керубини, я не ошиблась? — Женщина провела Джулиану мимо переполненной вешалки, через гостиную в спальню, где положила ее вещи на кровать рядом с другими.

— Муж где–то здесь. Поищите высокого человека в очках с бокалом «старомодного».[76] — Ласковый свет ее глаз пронизывал Джулиану.

«Удивительно, — подумала Джулиана. — Мы сразу поняли друг друга».

---

[76] Примечания: 76

Коктейль из виски, горького пива, имбиря и лимонной корочки.

— Я приехала издалека, — сообщила она.

— Да, вы говорили… Ага, вот он. — Кэролайн Абендсен подвела ее к группе мужчин. — Дорогой, подойди сюда, — позвала она. — Тут одна из твоих читательниц рвется сказать тебе несколько слов.

К ним направился очень высокий смуглый человек с темными вьющимися волосами и карими или даже, благодаря тонированным очкам, фиолетовыми глазами. На нем был дорогой, сшитый на заказ костюм из натуральной шерсти, который без каких–либо портновских ухищрений подчеркивал широкие плечи владельца. Джулиана впервые в жизни видела такого необыкновенного человека и потому с удивлением воззрилась на него.

— Миссис Фринк целый день ехала из Каньон–Сити, чтобы поговорить с тобой о «Саранче», — представила ее Кэролайн.

— Я думала, вы живете в крепости, — сказала Джулиана.

Готорн Абендсен поклонился.

— Да, мы жили в крепости. Чтобы добраться туда, приходилось пользоваться лифтом, а у меня боязнь высоты. В один прекрасный день, когда я хорошо набрался, со мной случился приступ. Го-

ворят, я отказался подниматься по той причине, что трос лифта держит сам Иисус Христос. С тех пор это повторялось каждый раз, и тогда я решил переехать сюда, чтобы обойтись без лифта.

Джулиана не поняла. Кэролайн пояснила:

— Гот рассказывал, что, когда он доезжал наверх, до Христа, то не мог подняться на ноги, а приветствовать Господа сидя — нехорошо.

— Выходит, вы продали Высокий Замок и вернулись в город? — спросила Джулиана.

— Хотите что–нибудь выпить? — вместо ответа предложил Абендсен.

— Давайте, — согласилась она. — Но не «старомодный». — Джулиана давно заметила бар, заставленный бутылками, бокалами, вазами с сандвичами и фруктами. Она направилась туда в сопровождении Абендсенов. — Плесните немного «харпера» со льдом. Вы знакомы с Оракулом?

— Нет, — покачал головой Абендсен, наполняя для нее бокал.

— С «Книгой Перемен», — пояснила она.

— Нет, не знаком, — повторил он, протягивая бокал.

— Не дразни ее, — попросила Кэролайн.

— Я прочла вашу книгу, — сказало Джулиана. — По правде говоря, дочитала сегодня вечером.

Откуда вы узнали о мире, который описали?

Абендсен, хмуро глядя в сторону, потер верхнюю губу костяшкой согнутого пальца.

— Вы пользовались Оракулом?

Абендсен молча взглянул на нее.

— Только прошу вас, не надо острить или ребячиться. Скажите правду.

Пожевывая губу и покачиваясь на каблуках, Абендсен смотрел в пол. Шум голосов в комнате стих, те, кто находился поблизости, прислушивались к разговору. Джулиана почувствовала всеобщее неодобрение, но ей был необходим ответ.

— Это… трудный вопрос, — вымолвил наконец Абендсен.

— Нет, не трудный.

В комнате наступила полная тишина. Все смотрели на них.

— Сожалею, но я не готов ответить, — сказал Абендсен. — Вам придется с этим смириться.

— Тогда как вы написали книгу? — настаивала Джулиана.

— Что делает эта брошь на вашем платье? Отгоняет духов или всего–навсего соединяет части в целое?

— Почему вы уходите от ответа? — спросила

она. — Почему увиливаете, делая бессмысленные замечания?

— У каждого есть… технические секреты, — медленно проговорил Готорн Абендсен. — У вас — свои, у меня — свои. Вот что я имел в виду. Вам следует воспринимать «Саранчу» как мое видение мира… — Он снова протянул ей бокал. — Ведь, когда вы садитесь на диван, вас не интересует, что у него внутри: пружины или поролон.

«Похоже, он нервничает, — заметила Джулиана. — Куда подевались его вежливость и добродушие? И Кэролайн больше не улыбается — губы плотно сжаты, в глазах беспокойство».

— В книге вы говорите, что есть какой–то выход. Так?

— Выход?.. — насмешливым эхом отозвался он.

— Вы для меня много сделали. Я поняла, что нет смысла бояться, нет смысла жалеть, ненавидеть или избегать. Убегать и преследовать.

Он внимательно разглядывал ее, покручивая бокал.

— В этом мире многие игры стоят свеч, — вымолвил он.

— Я понимаю вашу мысль, — сказала Джулиана. Ей не в новинку были подобные взгляды, но с недавних пор они перестали ее волновать. — В

гестаповском досье утверждается, что вам нравятся такие женщины, как я.

Абендсен лишь слегка изменился в лице.

— Гестапо не существует с сорок седьмого.

— Ну, значит, в СД, или где–то там еще.

— Вы не могли бы объяснить подробнее? — резко спросила Кэролайн.

— Хочу и могу, — ответила Джулиана. — Я приехала в Денвер с одним из них. Они твердо решили вас уничтожить. Вам бы спрятаться куда–нибудь, где вас не смогут найти, а не жить у всех на виду, впуская в дом кого попало. Меня, например. Когда сюда пришлют следующего убийцу, может не найтись человека, чтобы остановить его.

— Вы сказали — следующего, — произнес Абендсен после паузы. — А что с тем, который был с вами? Почему он не здесь?

— Я перерезала ему горло, — кратко ответила она.

— Это что–то, — пробормотал Абендсен. — Услышать такое от женщины, которую видишь впервые в жизни…

— Вы мне не верите?

— Ну что вы… — Он как–то по–доброму, виновато улыбнулся. Видимо, ему и в голову не пришло усомниться в ее словах. — Спасибо.

— Пожалуйста, спрячьтесь от них, — попросила Джулиана.

Он отрицательно покачал головой.

— Видите ли, мы пытались. Вы же читали на обложке: оружие, проволока под током и все такое… Я так написал, чтобы создать видимость, будто и сейчас живу в крепости. — В его голосе слышалась усталость.

— Ты хоть бы оружие носил, — укорила его жена. — Я знаю, когда–нибудь ты впустишь в дом незнакомца, и он пристрелит тебя. Какой–нибудь нацистский профессионал.

— Если захотят, они все равно до меня доберутся, — отмахнулся Абендсен. — Несмотря на Высокий Замок, колючую проволоку и прочее.

«Так ты фаталист, — подумала Джулиана. — Сам готов подписать себе смертный приговор. Впрочем, это ясно из твоей книги».

— «Саранчу» написал Оракул, верно? — спросила она.

— Хотите знать правду?

— Хочу и имею на это право. Разве не так?

— Оракул крепко спал, пока я писал книгу. Спал в углу кабинета. — Его глаза были серьезны, лицо, казалось, вытянулось еще больше.

— Скажи ей правду, — потребовала Кэро-

лайн. — Она заслужила. Я скажу вам, миссис Фринк, — обратилась она к Джулиане. — Гот задавал вопросы. Тысячи вопросов. И искал ответы в гексаграммах. Тема. Исторический период. Сюжет. Персонажи. На это ушли годы. Гот даже спросил, ждет ли его книгу успех. Оракул ответил, что успех будет огромен, впервые за всю литературную карьеру мужа. Так что вы правы. Должно быть, вы сами часто общаетесь с Оракулом, если догадались.

— Раньше мне и в голову не приходило, что Оракул может сочинить книгу. — Джулиана пожала плечами. — А вы когда–нибудь спрашивали его, почему он сочинил именно «Саранчу», а не какую–нибудь другую? И почему в ней Германия и Япония проиграли войну? Есть ли тут скрытый смысл, как обычно в его ответах?

Абендсен и Кэролайн молчали. Наконец Абендсен ответил:

— Мы с ним никогда не заводили разговора о дележе гонораров. Если я спрошу, почему он написал «Саранчу», мне, стало быть, придется взять его в долю. Вопрос предполагает, что я всего–навсего печатал на машинке, а это далеко не так.

— Я спрошу его, — сказала Кэролайн, — если ты не хочешь.

— Это не твой вопрос, — ответил Абендсен. — Пусть она спросит. — Он повернулся к Джулиане: — У вас необычный разум. Вы знаете об этом?

— Где ваш Оракул? — спросила Джулиана. — Мой остался в машине у мотеля. Если не дадите ваш, я все равно спрошу у своего.

Абендсен повернулся и пошел к закрытой двери. Остальные потянулись за ним. Писатель исчез за дверью и вскоре вернулся с двумя черными томами. Джулиана уселась в углу за кофейный столик. Гости окружили ее.

— Мне нужны бумага и карандаш.

Мигом нашлось и то и другое.

— Можете произнести вопрос вслух, — сказал Абендсен. — У нас ни от кого нет секретов.

— Оракул, зачем ты написал книгу «Из дыма вышла саранча»? Что мы должны узнать из нее?

— У вас ошеломляющая манера задавать вопросы, — отметил Абендсен, но сел рядом, чтобы следить за гаданием. — Я не пользуюсь черенками тысячелистника, вечно их теряю, — пояснил он, вручая ей три медные китайские монеты с дырочками.

Джулиана бросала монеты. Она была спокойна и уверена в себе.

Абендсен рисовал черты. Когда монеты упали

в шестой раз, он поглядел на нее и сказал:

— «Разрешение» внизу. «Проникновенность» наверху. Равновесная ситуация.

— Вы помните, что это за гексаграмма? — спросила Джулиана. — Не заглядывая в Оракул?

— Да, — кивнул Абендсен.

— Я тоже знаю. Это Чжун–фу — «Внутренняя правда». И я помню, что она означает.

Абендсен поднял голову и долго молча смотрел на нее. На его лице застыло суровое выражение.

— Она означает, что моя книга — правдива?

— Да, — ответила она.

— Германия и Япония проиграли?! — гневно воскликнул он.

— Да.

Абендсен захлопнул оба тома и поднялся.

— Даже вы боитесь в это поверить, — сказала Джулиана.

Он задумался, глаза опустели. «Ушел в себя, — поняла Джулиана. — Пытается осознать случившееся».

Взгляд Абендсена прояснился, он хмыкнул.

— Никак не могу поверить.

— Поверьте, — попросила Джулиана. — Пожалуйста…

Он отрицательно покачал головой.

— Не можете, — печально вздохнула она. — Неужели не можете?

— Хотите автограф на «Саранче»? — предложил Готорн Абендсен.

Джулиана тоже поднялась.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо вам большое. Простите, что я омрачила вам вечер. Вы были очень добры, пригласив меня.

Она прошла сквозь кольцо гостей в спальню, где лежали ее вещи. Когда надевала шубку, за ее спиной появился Абендсен.

— Знаете, кто вы? — спросил он Джулиану и обернулся к Кэролайн. — Эта женщина — демон, прекрасный змей–искуситель, который… — Он поднял руку и сильно, чуть было не смахнув очки, потер лоб. — Который неустанно скитается по Земле… — Он поправил очки. — Она поступает так, как подсказывает инстинкт, следует своей природе. Ей не приходило в голову, что своим визитом она причинит кому–то боль. Она просто пришла, как приходят беда или счастье — никого не спросясь. И я рад, что она здесь, и ни о чем не жалею. Она не знала, зачем едет сюда и что найдет. Думаю, всем нам повезло, так что давайте не будем вешать носы, хорошо?

— Да, она ужасная сумасбродка, — подтвердила

Кэролайн.

— Весь мир таков. — Абендсен протянул Джулиане руку. — Спасибо за то, что вы сделали в Денвере.

— Спокойной ночи, — сказала она, пожимая руку. — Послушайтесь вашей жены. Носите оружие.

— Нет, — сказал он. — Я давным–давно все для себя решил и не хочу к этому возвращаться. Теперь, когда мне становится тревожно, особенно по ночам, я ищу поддержки у Оракула. Неплохой способ отделаться от тревог. — Он печально улыбнулся. — Честно говоря, сейчас меня беспокоит лишь то, что эти олухи вылакают все спиртное, пока мы тут болтаем. — Повернувшись, он направился к бару.

— Куда вы теперь? — спросила Кэролайн.

— Не знаю. — Почему–то это не волновало Джулиану. «Я немного похожа на него, — подумала она. — Не позволяю некоторым вещам беспокоить меня, какими бы они ни были важными». — Возможно, вернусь к мужу, Фрэнку. Сегодня я пыталась до него дозвониться, пожалуй, еще раз попробую. Если будет настроение.

— Я очень благодарна за то, что вы для нас сделали или говорите, что сделали…

— Но вам бы хотелось никогда меня больше не видеть, — подхватила Джулиана.

— Должна признаться, меня очень расстроил ваш разговор с Готорном, — смутилась Кэролайн.

— Странно, — сказала Джулиана. — Мне не приходило в голову, что правда может вас расстроить. «Правда, — подумала она, — суровая, как смерть. Но найти ее гораздо труднее, чем смерть. Мне просто повезло».

— Думаю, ваш муж прав: не стоит огорчаться. Это всего лишь недоразумение, не так ли? — Она улыбнулась, и миссис Абендсен вымученно улыбнулась в ответ. — В любом случае, спокойной ночи.

Джулиана, не оглядываясь, прошла по залитой светом окон дорожке сада и ступила на темный асфальт тротуара. Она шла, мечтая о машине — яркой, движущейся, живой, — которая доставит ее в мотель.

Комментарии к роману

Кажется уместным упомянуть о некоторых философских аспектах, оказавших существенное влияние на содержание романа «Человек в Высоком Замке».

В статье «Махаяна и китайские учения» востоковед Т. П. Григорьева предложила условные модели логик трех великих мировых культур: «Белое или черное — европейская модель; белое станет черным — китайская модель; белое и есть черное — индийская модель». Китайская модель и является скорее всего ключом к пониманию романа Филипа Дика. Белое станет черным, ян станет инем, ситуация непременно превратится в свою противоположность. И Оракул, к которому постоянно обращаются герои романа, каждый раз подчеркивает эту истину.

И все же, хотя в основе «Человека в Высоком Замке» лежит символика «Книги Перемен», хотя он насыщен духом, философией и терминологией Востока, это очень американский роман, где учение о Дао, образы «Ицзина» и «Бардо Тходол» вплетены в жизнь Америки шестидесятых, в ее прошлое и настоящее (пусть альтернативное).

Поэтому перед нами стояла вдвойне сложная задача — сделать перевод не только максимально адекватным оригиналу, но и понятным русскоязычному читателю. Этой цели служат и настоящие комментарии.

1.«Ицзин»

1 «Ицзин», или китайская классическая «Книга Перемен», — одна из книг конфуцианского Пятикнижия. «Не без досады, но и не без удовлетворения мы должны предоставить «Книге Перемен» безусловно, первое место среди остальных классических книг и как труднейшей из них: труднейшей и для понимания, и для перевода. «Книга Перемен» всегда пользовалась славой темного и загадочного текста, окруженного огромной, подчас расходящейся во мнениях литературой комментаторов. Несмотря на грандиозность этой двухтысячелетней литературы, понимание некоторых мест «Книги Перемен» до сих пор представляет почти непреодолимые трудности — столь непривычны и чужды нам те образы, в которых выражены ее концепции. Поэтому да не посетует читатель на пишущего эти строки, если некоторые места перевода данного

памятника не окажутся понятными при первом чтении», — так писал переводчик «Ицзина» на русский язык Ю. К. Щуцкий. Так как в основе романа «Человек в Высоком Замке» лежат мантико–философские концепции «Книги Перемен», переводчики попытались изложить хотя бы на нескольких страницах основные принципы построения и космогонии «Ицзина», без которых невозможно понимание романа Филипа Дика.

По философии «Книги Перемен» все бытие представляет собой чередование ситуаций, возникающее от взаимодействия равных, пребывающих в постоянном движении и переходящих друг в друга космических сил — ян (света, мужского начала) и инь (тьмы, женского начала). Каждая ситуация символически обозначается знаком, именуемым в европейской литературе гексаграммой. Всего гексаграмм шестьдесят четыре, и вместе они охватывают весь мировой процесс. (Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1960. — С. 22.)

знак	название	свойство	образ
	цинь (творчество)	крепость	небо
	кунь (исполнение)	самоотдача	земля
	чжень (возбуждение)	подвижность	гром
	кинь (погружение)	опасность	вода
	гэнь (пребывание)	незыблемость	гора
	сунь (уточнение)	проникновен-ность	ветер (дерево)
	ли (сцепление)	ясность	огонь
	дуй (разрешение)	радость	водоем

Каждая гексаграмма состоит из шести горизонтальных черт. Черты символизируют этапы развития данной ситуации и читаются снизу вверх. Первой чертой считается нижняя, которая называется «начальной» и характеризует зарождение ситуации, второй — вторая снизу и т. д.; верхняя черта называется не шестой, а именно «верхней» и знаменует завершение ситуации, ее переразвитие, переход в свою про-

тивоположность. Существует два типа черт: непрерывные — они именуются чертами ян («световыми», «сильными», «девятками») и прерванные посередине — они называются чертами инь («теневыми», «слабыми», «шестерками»). Как нетрудно заметить, всего таких комбинаций из шести инь и ян может быть шестьдесят четыре, то есть по числу гексаграмм «Ицзина».

В древнейших комментариях к «Книге Перемен» отмечается, что вначале были придуманы восемь комбинаций трех черт, так называемые триграммы. Они получили названия и стали характеризовать определенные свойства и образы:

Каждая гексаграмма может рассматриваться как сочетание двух триграмм. Их взаимное отношение характеризует данную гексаграмму.

В зависимости от расположения черт гексаграмма, а следовательно, и ситуация, интерпретируется как стабильная или нестабильная, благоприятная или неблагоприятная. Гексаграмма может быть статичной, в этом случае рассматривается она одна, или имеет одну или несколько изменяющихся черт, «черт развития», тогда вслед за первой полученной гексаграммой рассматривается вторая, полученная из первой путем замены черт развития на противополож-

ные (ян становится инем и наоборот).

Простейшая техника гадания по «Ицзину» такова. Вначале в письменной или устной форме задается конкретный вопрос. Для получения гексаграммы шесть раз поочередно подбрасывают три монеты. В зависимости от преобладания «орлов» или «решек» рисуются сплошные или прерывистые черты. После этого в Оракуле находят афоризмы, комментарии и толкования к полученной гексаграмме. Техника гадания по черенкам тысячелистника сложнее, но результат такого гадания точнее. (Подробнее о способах гадания по «Ицзину» см. «Чжоу Цзунхуа. Дао "Ицзина“». — Киев, 1996.)

Собственно текст «Книги Перемен» представляет собой интерпретации гексаграмм в целом, отношения составляющих их триграмм и отдельных черт. Он неоднороден, принадлежит разным авторам и создавался в разное время. По глубине и подробности толкования ситуации текст можно разделить на ряд слоев:

1. Название гексаграммы.

2. Афоризмы ко всей гексаграмме.

3. Афоризмы к отдельным чертам.

4. Толкования и комментарии к гексаграмме, составляющим ее триграммам и отдельным чер-

там, так называемые «Десять крыльев».

Переводчики пытались максимально бережно отнестись к тексту самой «Книги Перемен», стараясь пользоваться переводом Щуцкого. Там, где это по каким–либо причинам оказывалось невозможным, приходилось обращаться к англоязычному переводу Р. Вильгельма, использованному автором. (Это единственная книга на английском языке, оставленная в библиографии.) Все подобные случаи отмечены особо.

В заключение хотелось бы привести слова выдающегося китайского философа Чэн Ичуаня (1033–1107), сказанные о «Книге Перемен»: «Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений».

Конфуцианская традиция относит создание «Книги Перемен» к глубочайшей древности. Хроники свидетельствуют, что первый слой ее текста был хорошо известен уже в VIII в. до Р. Х., а создание его началось еще раньше. Однако основной текст книги, как справедливо отмечают совре-

менные исследователи «Ицзина», сформировался не ранее середины первого тысячелетия до Р. Х.

2.Дао

2 Дао — ключевое понятие китайской философии. Всеобщий Закон и Абсолют, основа всего сущего, единственная и вечно существующая реальность. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств и логике, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, Дао дает начало, имя и форму всему сущему. «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три — все существа. Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци (жизненной энергией) и образуют гармонию», — говорил мудрец Лаоцзы. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним — в этом смысл, цель и счастье жизни.

Все попытки исследователей объяснить, что есть Дао с позиции европейской логики, оказались безрезультатными, ибо (и здесь мы следуем философии даосизма, в некотором смысле опровергая все сказанное выше), как говорил Лаоцзы: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао».

3. Эпоха Токугава

Почти семь веков император являлся номинальным правителем Японии. Страной управляли крупные феодалы — сёгуны, стоявшие во главе кланов — домов. Сёгунат дома Токугава продолжался с 1603 по 1868 год.

4.Архетип

Термин «аналитической психологии» К. Юнга. Архетипы по Юнгу — наиболее общие схемы человеческого поведения и мышления, которые находят свое выражение в мифах, религиях, тайных учениях, фольклоре, художественном творчестве, галлюцинациях, сновидениях и т. п.

5.Ваби

Эстетическая категория японской культуры, основана на поэтико–метафорическом мышлении, позволяющем раскрыть внутренний смысл произведения искусства через образ–символ, образ–знак. Основные черты ваби — минимум

художественных средств, суровая простота и одновременно изысканность.

6. Ву

Термин дзен, трудно поддающийся формальному толкованию. Приведем один известный буддийский коан — парадокс, с помощью которого ученик постигал суть дзена, обретал сатори. Коан таков:

Однажды монах спросил у учителя Дзесю:

— А собака тоже имеет природу Будды?

На что учитель ответил:

— Ву.

Как замечает в своей книге «Основы дзен–буддизма» известный популяризатор дзена профессор Д. Т. Судзуки, это «ву» означает просто «ву». В нашем случае «ву» есть иррациональный метод восприятия прекрасного.

7. Ом

Ом (Аум) — слово, которое формально ничего не значит и ничего самостоятельно не выражает, и в то же время значит все, имеет волшебную

силу. «Ом — это Брахман (Великий Абсолют), Ом — это все… Произнося «Ом», брахман (жрец в брахманизме) говорит: «Да достигну я Брахмана и достигает его». (Тайттирия упанишада, 8, 11.)

8. «Бардо Тходол»

«Бардо Тходол» (тиб.) — «Великое Освобождение в результате услышанного в бардо», трактат, именуемый в Европе тибетской «Книгой Мертвых». Сложный комплекс наставлений и молитв, которыми лама напутствовал умирающего и умершего. В ней содержатся описания посмертной трансформации души и процесса возвращения к новой жизни или выхода из круга сансарного бытия (сансара — цепь перерождений души). Бардо в переводе с тибетского — промежуточное состояние, форма сознания между прошлой и будущей жизнью, а также загробная сфера, в которой душа умершего пребывает сорок девять дней до нового перерождения в одном из шести миров сансары. Оно может иметь место не только после смерти, но и в некоторых жизненных ситуациях, например во время медитации. Здесь и далее — образы «Книги Мертвых».

9

«Когда я был младенцем, то по–младенчески говорил, по–младенчески мыслил, по–младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое».

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познал». (1–е Ап. Павла коринфянам 13: 11, 12.) Апостол Павел сравнивает чистое, незамутненное восприятие ребенка как носителя Святого Духа с восприятием взрослого, видящего сквозь тусклое стекло привычек, обычаев, условностей, и предрекает, что, когда наступит Царство Божие, дух наш очистится и взор прояснится. В некотором смысле апостол формулирует здесь христианскую концепцию Майи.

Литература

Филип Дик предваряет американское издание «Человека в Высоком Замке» довольно обширным списком книг, которые помогли ему в работе

над романом. В свою очередь, переводчики решили предложить библиографию аналогичных изданий на русском языке, к которым при желании может обратиться читатель.

1. Бондаровский П. А. Гадание по «Книге Перемен». — В мире книг. 1988. № 3.

2. Буддизм и культурно–психологические традиции народов Востока. Под ред. Н. В. Абаева. — Новосибирск, 1990.

3. Васильев Л. С. История религий Востока. — М., 1988.

4. Дао и даосизм в Китае. Под ред. Л. С. Васильева, Е. Б. Поршневой. — М., 1982.

5. История войны на Тихом океане. — М., 1958.

6. Кобзев А. Канон перемен. — Наука и религия. 1991, № 2–4.

7. Лазарев Е. Тибетская «Книга Великого Освобождения». — Наука и религия. 1990. № 10–12.

8. Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской философии. — М. 1994.

9. Лаоцзы. Дао–дэ цзин. Древнекитайская философия, т. 1. — М., 1972.

10. Лиддел–Гарт. История Второй мировой войны. — М., 1977.

11. Николаева Н. С. Японская культура XVI века и «чайная церемония». — Советское искусство-

знание. 1977. № 2.

12. Спеваковский А. Б. Религия синто и войны. — Л., 1937.

13. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен». — М., 1960.

14. Чжоу Цзунхуа. Дао «Ицзина». — Киев, 1996.

15. «I–Ching or Book of Changes» The R. Wilhelm Translations Rendered into English by C.F. Baynes. New Jersey, 1974.